

Год Ворона

РАГИМОВ

МИХАИЛ

В 1987 году в результате перестроечного бардака на одном из стратегических аэродромов на территории Украины закопана неучтенная атомная бомба, которую считают потерянной.

Наше время. Бывший штурман стратегической авиации по пьянке проговаривается про "неучтенку" не тому собеседнику. Информация немедленно распространяется в мире плаща и кинжала, бомбу для своих целей хотят использовать спецслужбы, политики и террористы... На пути у врагов становятся отставной украинский офицер и молодой агент ЦРУ, считающий себя героем романов Тома Клэнси.

Рагимов Михаил Олегович

Год Ворона

Авторское предисловие

Он был отъявленным антисоветчиком, но так и не смог понять нашу страну.

Он пел оды справедливости и американской демократии, но его герои всегда достигали своих целей откровенным

насилием. Он не стеснялся рекламировать в своих книгах самолеты “Гольфстрим”, “Тайленол” и минеральную воду “Перрье”. Но при всем этом, он умел рассказывать о военных действиях и геополитике, как никто другой, и сделал множество удивительных предсказаний. Его главный герой Джек Райан — один из самых ярких образов современной приключенческой литературы. На его книгах, фильмах и играх выросло не одно поколение.

*Да упокоится с миром тот, кто был нашим противником, но противником достойным.
Памяти Томаса Лео Клэнси-младшего (1947–2013)*

Хотя в основу романа положены отдельные реально происходившие события, все описанные персоналии, организации и события являются авторским вымыслом. Любые совпадения имен и названий случайны, и не могут служить основанием для привлечения автора к какому бы то ни было виду ответственности. Негативные оценки деятельности отдельных представителей силовых структур и войсковых формирований России, Украины и США являются плодом авторской фантазии.

Главного управления частей особого назначения, а равно самих частей и отдельного батальона “Ворон” в составе Вооруженных сил России не существует.

Мы постарались рассказать фантастическую историю “а что, если...”

Что и как получилось, вам судить, уважаемые читатели.

Огромная благодарность А.Т, Ольге Хоромецкой и Александру Вайнеру.

Пролог. Братство бомбы

*Прошлое никогда не уходит. Оно возвращается снова и снова.
Когда мимолетным видением, а когда "грибом" ядерного взрыва
на горизонте.*

Одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмой год стал последним "советским".

Горбачевская перестройка успешно преодолела стадию популистской болтовни о "новом мышлении" и начинала практически демонстрировать истинность мудрых слов: "Можно бороться за правое дело грязными руками. Но нельзя бороться за правое дело кривыми руками, растущими из задницы". Партия уже разрешила кооперативы и частные совместные предприятия, но еще не ввела талоны на сахар, водку и сигареты. Слово "приватизация" пока ни о чем не говорило советским людям. Матиас Руст посадил свою "Сесну" на Красной площади, сломав не одну многозвездную карьеру, включая министра обороны СССР и командующего ПВО. Но еще стояла Берлинская стена, а советские войска дислоцировались в Восточной Европе и Афганистане.

Из тюрем было выпущено сто сорок диссидентов, Союз писателей возвратил в свои ряды исключенного Пастернака. КГБ перестал глушить западные "радиоволны". Партийные органы сняли ограниченную подписку на газеты и журналы. Общество "Память" провело в Москве первые митинги. Во всех слоях общества царил эйфория свободы, которую не омрачило даже грозное облачко кровавых событий Нагорного Карабаха, предвещающее бурю "парада суверенитетов".

Этим летом никто из живущих — включая аналитиков из самых мощных разведок, и политологов с мировым именем — даже в страшном сне не мог бы себе представить, что не пройдет и пяти лет, как государство, раскинувшееся на пятую часть суши, потрясет череда экономических и политических кризисов. Что каждый желающий сможет открыть свое дело, а иностранную валюту станут продавать в обменных пунктах. Что сам Советский Союз перестанет существовать.

Пока же репертуар музыки, разрешенной для дискотек, утверждался через ЦК ВЛКСМ Действовала шестая статья Конституции о "руководящей роли партии". Приводились в исполнение смертные приговоры, в том числе и за измену Родине. За просмотр фильма "Греческая смоковница" или продажу ста долларов можно было попасть в тюрьму. Утеря партбилета порождала сюжет, достойный фильма ужасов, а по военным гарнизонам раскидывали агентурные сети офицеры особых отделов всемогущего КГБ. В небс поднималась самая мощная в истории цивилизации ракета-носитель "Энергия". Несли боевое дежурство стратегические бомбардировщики с ядерными зарядами на борту.

Именно в этом году, когда отлаженный механизм советской империи еще крутился вполне исправно, но уже начал давать незаметные стороннему глазу сбои, случилось то, что не могло бы произойти ни при каких обстоятельствах ни до, ни, пожалуй, и после...

* * *

Огромный серебристый самолет шел на снижение, завывая четырьмя турбовинтовыми

двигателями. С дальнего конца взлетно-посадочной полосы казалось, что он завис над серой бетонной лентой.

Непонятно из каких соображений стратегический бомбардировщик Ту-95 получил по классификации НАТО имя "Bear" — "Медведь". Больше всего эта элегантная боевая машина, самый быстрый в мире турбовинтовой самолет, ставший символом Холодной войны, напоминал механическую птицу. Или же, если смотреть снизу, из-под крыла, то гигантскую рыбу, всплывшую из неведомых глубин океана.

Тонкий фюзеляж, выдающийся вперед "бивень" топливоприемника и скошенные к хвосту широкие крылья создавали впечатление одновременно солидности и неторопливой надежности, скорости и стремительного порыва в небо.

Единственным, что, пожалуй, могло навести неведомого классификатора на мысли о "русском медведе", являлась боевая мощь этого самолета. Последняя модификация, Ту-95МС, несла шестнадцать крылатых ракет Х-55. Среди летчиков Дальней авиации гуляла шутка: "Один самолет уничтожит Британию, как географическое понятие", но это было не совсем так. Шестнадцать двухсоткилотонных зарядов не могли разрушить целиком огромные острова, однако превратить большую часть их поверхности в радиоактивную пустыню, пожалуй, что запросто...

Самолет приземлился немного неуклюже, в два касания, подняв небольшое облачко пыли. Но соприкоснувшись с землей, пробежал совсем немного и остановился на удивление быстро.

Начальник дежурной смены командно-диспетчерского пункта аэродрома "Русь" раскрыл соответствующий журнал и записал: "В 17.50 вне плана совершил посадку борт 262, следующий по маршруту "Оленья" — "Русь-2". По устной заявке командира направлен на площадку дезактивации". Шариковая ручка чуть подтекала, поэтому офицер писал осторожно, стараясь не наделать помарок.

Аэродром "Оленья" с которого прибыл "двести шестьдесят второй", находился на севере Кольского полуострова. Именно с него в район Новой Земли стартовали бомбардировщики, которые проводили испытания "специзделий". Данная информация проходила под грифом "совершенно секретно", но каждый, кто нес службу на командно-диспетчерском пункте, знал, что только что приземлившийся самолет возвратился после сброса атомной бомбы...

Рванувший в прошлом году Чернобыль, расположенный менее чем в трехстах километрах от Русы, заставил в корне переосмыслить отношение к правилам радиационной безопасности, на легкие нарушения которой раньше смотрели сквозь пальцы. Поэтому-то решение командира провести дезактивацию до того, как самолет займет свое обычное место, никого не удивило. В свете недавних событий и тенденций, так сказать.

Начальник смены отдал приказ, и через несколько минут к "Медведю" по рулежной дорожке уже мчался тягач. Задача у него была несложной — отбуксировать бомбардировщик в дальний конец летного поля, где с утра с ним начнет работать взвод химической защиты.

В принципе, дезактивацию, а проще говоря, мытье самолета с мылом и порошком, надлежало сделать сегодня. Но в строгом соответствии с политикой перестройки, гласности и нового мышления, единственная исправная передвижная авторазливочная станция АРС-15М по приказу начальника политотдела с раннего утра трудилась на полях соседствующего колхоза.

Тягач, фыркая солярным выхлопом, оттащил "Борт 262" на специально оборудованную площадку, огороженную с трех сторон высокими земляными насыпями. Техники, похожие в

комбинезонах ОЗК на пришельцев из космоса, быстро подставили трап, подключили к самолету все полагающиеся по регламенту кабели и шланги. И, не дожидаясь, пока летчики покинут кабину, поспешно ретировались, поскольку до окончания дезактивации какое-либо другое техническое обслуживание строго воспрещалось. Впрочем, никому бы и в голову не пришло возиться с бомбардировщиком, который несколько часов назад побывал в полусотне километров от эпицентра ядерного взрыва. ОЗК, если верить начхиму, штука надежная, но к чему это проверять на себе?

После того как рев тягача утих за земляным валом, в боку фюзеляжа с легким шипением открылся люк. Из самолета выглянул невысокий крепко сбитый мужчина лет тридцати пяти — сорока, в летном комбинезоне, с торчащим на голове упрямым ежиком коротко стриженных, с легкой рыжинкой волос. Летчик быстро сбежал по трапу. Ступив на бетон площадки, он что-то крикнул, повернувшись в сторону кабины, и нырнул под брюхо самолета.

Будто повинуюсь неразборчивой команде, серебристый корпус задрожал. Нарушив идеальную целостность титанического подбрюшья, по нему чиркнула тонкая щель, словно шнур приложили. Бомболук начал медленно открываться. К тому времени, когда створки разошлись наполовину, внизу у самолета стояли уже три летчика. Задрав головы вверх, они, затаив дыхание ждали, когда взорам откроется содержимое боевого отсека^[1].

— Ебаный в рот! — выругался тот, что спустился первым, как только сумел разглядеть то, что находится внутри. Не став дожидаться полного раскрытия, он подбежал к трапу и заорал:

— Костя! Закрывай, нахер, обратно! Серега! Связь с КДП! Пусть машину высылают! Чем скорее, тем лучше!

Створки, дернувшись на месте, медленно поехали вверх, закрылись.

Из самолета выскочил четвертый летчик. Заполошно оглянувшись, он буквально скатился по трапу, и воскликнул:

— Ну, что будем делать, командир? Ведь ЧП!

— Догадайся, — резко ответил мужчина, нахлобучивая на голову фуражку с синим авиационным околышем, которую до этого мял в руках. — Сухари, блядь, сушить, товарищ оператор вооружения!

Командир приложил ладонь ребром, привычным движением уточнив соосность кокарды, и тоскливо произнес, глядя в сторону выезда со спецплощадки:

— Сейчас УАЗка придет, я до командира базы смотаюсь. А ты, пока особый отдел не набежал, открой створки, и еще раз все осмотри. Внимательно осмотри, Коля!

— Открывать, закрывать... — тоскливо протянул оператор вооружения. — А со спецгрузом что делать будем? — Уточнил он, косясь в сторону хвоста, где поблескивал колпак кабины стрелка.

Скрипнув зубами, командир ответил:

— Выкинь, нахуй. Прямо на полосу, — и, заметив безмерное удивление в глазах подчиненного, добавил: — Не трогай, пусть дрыхнет. Сам не буди. Проснется — грамм двести "массандры"^[2] залей, и пусть дальше валяется, пока со всей хуйней не разберемся. Я скоро.

Не прошло и пары минут, как к "стратегу" подкатил автомобиль. Командир забрался внутрь, громко хлопнув дверью. УАЗ лихо развернулся вокруг высоченной стойки шасси и рванул в сторону выездных ворот, оставив остальной экипаж у самолета. Выражения лиц у

Пятикилометровая дорога вдоль которой располагались технические службы, стараниями замполитов больше походила на увешанную рекламой улицу в каком-нибудь буржуазном Нью-Йорке. Только здешние плакаты и стенды не соблазняли развратной роскошью, а несли нерушимому блоку коммунистов и беспартийных мудрые изречения как классиков марксизма-ленинизма, так и ныне здравствующих вождей.

Правда, вожди в последнее время менялись в темпе перчаток у забывчивой барышни, и замполитам не хватало ни сил, ни времени на окучивание огромной территории. Так что, помимо свежего портрета Горбачева и аршинного транспаранта "Решения январского 1987 года пленума ЦК КПСС — в жизнь!" в глубине подальше от начальственных глаз можно было встретить выцветшие портреты Леонида Ильича Брежнева. И даже цитаты за авторством министра обороны Соколова, смещенного этой весной стараниями того же самого Руста.

Однако командир борта 262, Емельянов, не замечал бесчисленные плакаты. А если и озадачивался судьбой опального министра, то исключительно в разрезе собственных возможных неприятностей, среди которых снятие с должности представлялось чуть ли не выигранным лотерейным билетом.

В левом командирском кресле "тушки" майор летал третий год. За это время, да и на протяжении всей предыдущей службы бедовый "стратег" побывал в неслыханном количестве переделок, до сих пор неизменно выходя сухим из воды. Но на сей раз он иллюзиями себя не тешил. В нынешней ситуации его и экипаж могло спасти только чудо. А в чудеса Емельянов верил, и верил свято. Особенно в хорошо организованные и тщательно подготовленные. И если бы сейчас у него на пути вдруг встретился снятый еще в 1953 году плакат: "Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса", то майор повторял бы его, как мантру...

Командира тыловой базы, человека, отвечающего на аэродроме за все, что не поднимается в воздух, он разыскал на дальнем складе горюче-смазочных материалов, расположенном в нескольких километрах от летного поля. Высокий широкоплечий полковник в изрядно запыленном кителе ходил вдоль железнодорожных цистерн и виртуозно костерил двух прапорщиков и десяток солдат, которые, по его мнению, недостаточно быстро орудовали вентилями и заглушками.

— День добрый, Петрович, — обменявшись рукопожатием, дипломатично поинтересовался Емельянов, смиряя запал и желание сразу вывалить на голову собеседника всю историю, — как дела в общем и в частности?

— Какие тут нахер, дела! — рявкнул в ответ полковник. — Горбачев со своим ускорением затрахал на корню! Чтоб вы так летали, как нам горючку подвозят! Середина месяца, а на балансе висят тридцать тысяч тонн! Все емкости под завязку! А они гонят, блядь, и гонят, по три эшелона в месяц! Куда мне его девать?! А девать надо! Заикнешься, что хватит, мол, ерундой страдать, и слать не больше, чем для полетов необходимо! Моргнуть не успеешь, в "тормоза перестройки" загудишь. И поскачет пизда по кочкам, замполиты проработками задолбают. В общем, сам видишь — проявляем "новое мышление"

в полный рост. Земля впитывать не успевает! Летали бы вы не на керосине, а на бензине, как "кукурузники", — с нынешним хозрасчетом вся округа на меня бы работала!

Только теперь майор разглядел, что керосин из открытых кранов, словно в школьной задачке про бассейн, весело стекает в траншею, исчезающую за колючкой в глубоком овраге.

— Ну да и хрен с ним, из земли вышло, в землю и уйдет, — с неожиданным спокойствием подытожил командир базы.

— В Красноталовке уже приспособились из колодцев керосин добывать, — поддержал "светскую" беседу Емельянов, — они в низинке, так что за сутки тридцать сэмэ набирается...

— Ты, Саня, мозги мне не еби, — оборвал майора резкий, как обрыв, полковник, — Пришел — говори, с чем. Кота за яйца тянуть не надо. Вы сесть не успели, а ты ко мне уже примчался. С чего вдруг? Есть подозрение у меня, что тебе что-то очень нужно...

— Прав, как всегда, Петрович! Опыт водкой не зальешь, — не стал увиливать Емельянов и продолжил, очень тихо, чтобы не дай бог не услышали ничьи сторонние уши. — Короче, у меня на борту неучтенка.

Полковник скосился на суетящихся прапоров и показал взглядом на поросший травой закуток, расположенный в двух десятках метров от ближайших ушей.

— И какая же у тебя после "Оленьей" на борту может быть неучтенка? — Так же тихо спросил Петрович, как только они удалились от подчиненных на безопасное расстояние. — Не поселок оленеводов, в самом деле, а полигон. Темнишь, сосед...

— Та самая, про какую ты подумал, — отлично зная, что командира базы можно одолеть лишь в лобовой атаке, без обиняков врезал майор.

— Охренел? Первое апреля давно прошло.

— Какой тут, к ебням, апрель! Сам бы не поверил, если бы не со мной. В общем, полный пиздец. Тушите свет, сливайте, нахуй, воду...

— Ты не причитай, бля, рассказывай...

Пилот вздохнул, собираясь с мыслями, да и с силами, откровенно говоря. Больно уж вопрос был темный и неприятный.

— В общем, история такая. Три дня назад мы из Вьетнама пришли, с боевого дежурства. Как обычно, сели в Моздоке, там и заночевали. Спозаранку — от винта и домой на Русу. Высоту набрали, легли на курс. Только-только автопилот включили и немного расслабились, как вдруг приказ: без посадки и дозаправки чесать на Кольский по литерному режиму. "Литерный" — это когда нам трассу ПВО-шники с диспетчерами вне графика расчищают. Так правительство летает. Или когда задача особой важности...

— Да знаю я! Не первый год с вами, оболтусами, вожусь. Дальше что? — полковник, с раннего утра проторчавший на складах, новостей не знал, и был заинтригован не на шутку.

— Дальше, как в кино. Разворачиваемся на север, чешем на "Оленью", садимся. Там, кроме местных, на спецстоянке наш "Двести тридцатый". Говорю с Яриком, выясняю. Левый крайний у них зачихал, моздокский начальник КДП запрос на замену получил, и нас, вместо "Двести тридцатого", на сброс зарядил. Обиделся, гад, что я его бабу выебал. Вот и подкузьмил... Да та прошмандовка разве что под салабонами не лежала, её трахнуть Уставом положено!

— Так, хорош резину тянуть, — невежливо попросил командир базы. — Отвлекаешься! "На сброс" ... это... то самое?

— Да я не отвлекаюсь, — буркнул майор. — То самое, да. Я и раньше в сбросах

участвовал, которые три шгуки в год по квоте^[3]. Дело нехитрое, ракеты вынимают, в барабан контейнер той же формы засовывают. Считай, что учебный пуск, только тикать нужно быстрее, чтобы под излучение не попасть... Если бы не этот моздокский мудака, то были бы дома в плановое время и горя не знали. Ну, в общем, в "Оленьей" еще о прибытии доложить не успели, как видим — метётся гражданский. На "Волге" с московскими номерами. Весь из себя такой деловой, и говорит, двадцать килотонн, надводный подрыв, экспериментальный. Нас от самолета, как положено, отгоняют. Местные извлекают боезапас, потом под брюхо шайка ихних технарей бежит. Брезент натянули и вперед. Полчаса прошло — прям по взлетке еще одна "Волга", черная, с армейскими номерами из одних нулей. Из нее генерал вылетает, да шустро так, как в жопу клюнутый. Просветы золотые сверкают, шинель развеивается, лампы мелькают — глазам больно. Налетел генерал на главного у этих ядерных технарей. И тут такой мат пошел, что наш прапорука складской — чистый поэт Есенин в сравнении. Мы, конечно, ушки на макушке. Впитываем. Оказалось, эти гражданские, что первыми подскочили — из Минсредмаша^[4], а генерал из РВСН. А оно ж ведь, кому мир во всем мире и разоружение, а кому тьма египетская. Горбач мораторий на испытания объявил, ракетчики с учеными в глубокой заднице оказались. Одни не могут контрольные подрывы производить, у других вообще вся наука остановилась. Ну и кроме науки, не забудем, каждый взрыв — разные разности, премии и прочие поощрения. Язова свои же обложили как барсука, вот он через Политбюро и продавил временную отмену моратория. Тут все, у кого испытания зависли, в "Оленью" и рванули. Минсредмашевцы первыми подсуетились со своей бомбой.

— Ох и нихера себе замес! Немирным атомом швыряться наперегонки, кто первым успеет... Новое мышление, мать их... — крикнул Петрович. — И что дальше?

— Дальше вообще пурга в Сахаре. Пока у нас суть да дело, генерал помчался в штаб, вернулся со взводом охраны и телефонограммой. Гражданских чуть ли не прикладами от самолета отгоняли. Вояки начали свою бомбу вешать. Ветер в нашу сторону дул, краем уха услышал, что какое-то "устройство с зарядом сверхдлительного хранения". Минсредмашевцы кинулись своего министра теребить через вертушку. Пока туда-сюда, к нам командир авиаполка. С личным распоряжением начальника Дальней Авиации — взлетать только с военной бомбой. Свой генерал страшнее чужого генсека, так что мы резину не тянули. Вояки дуру прицепили, мы сразу взлет запросили и в воздух. На высоте чуть отдышались и в зону выброса пошли. Вошли, доложились, получили добро. Бомболюк открыли, кнопку вдавили. Как только лампочка показала сброс, как положено, — на вираж со снижением и бегом из опасной зоны. Как выровнялись, чую по реакции самолета — лишний груз на борту остался. Через десять минут от наземного поста доклад — "нераскрытие парашюта". Не знаю, как получилось, но они решили, что изделие "пшикнуло" и ушло в океан.

— А там сколько? — спросил Петрович. Чего именно он не уточнил, но летчик понял и так.

— Две с половиной тысячи метров глубина.

— Ясно, давай дальше.

— Я запросил разрешение сразу домой идти, без подскока с дозаправкой.

— И у вас что, так спокойно все пошло после того, как сброс был, но без подрыва? — полковник, за много лет познавший всю неисчерпаемость военного бардака, вполне верил в рассказ, но в этом месте засомневался. Перестройка-перестройкой, мораторий-мораторием, но меры безопасности еще никто не отменял.

— А с нас какой спрос? — искренне удивился Емельянов. — Мы бомбу скинули, а там хоть не рассветай. Это у технарей погоны полетят. Комиссии без разницы, где и когда показания приборов снимать. В Русе или в "Оленьей". У нас теплее даже. Да к тому же я из генеральской ругани понял, что ракетчикам как раз и выгоден был неудачный подрыв. Тогда они госзаказ на смену боеприпасов попробуют у министра пробить... Я при посадке дезактивацию запросил, чтобы всякий сторонний народ от нас как черт от ладана... Пробежались по ВПП, глянули в бомбовый отсек. А там этот прожектор перестройки торчит.

— Прожектор? — не понял командир.

— Ну да... изделие. Не утопло оно. Сброса не получилось.

— А приборы как же?!

— Ну вот так вышло... По показаниям сброс, а она вот, как и подвесили...

— Ты что, — перейдя на громкий и выразительный шепот оборвал его полковник, до которого наконец-то дошел смысл сказанного майором. — Со снаряженным специзделием на борту пришел и со мной тут лясы точишь?! Совсем без мозгов, мать твою еб?! В особый отдел беги, пока не поздно! Ты почему еще в воздухе не доложил?!

— Я же не дурней тебя, Петрович, — так же, трагическим шепотом, возопил Емельянов, — Так бы и сделал. Только у меня неучтенка на борту оказалась не одна, а две штуки. И вторая пострашнее первой.

— Так гражданские и свою хреновину куда-то подвесили? — не понял полковник.

— Да нет, — отмахнулся майор, — Нинка-буфетчица в Моздоке на борт напросилась. Ее к нам как раз переводят в летную столовую. Вот "на оленях" и решила добираться. Ты же баб знаешь, Петрович. Им что бомбер, что транспортник. А нам и веселее. Тут в воздухе приказ, и понеслась эта самая по кочкам. Ссадить по пути, сам понимаешь, не получилось.

— Так что, когда бомбу вешали, девка на борту была? — у полковника отвисла челюсть. — А особисты что же, еблом прощелкали и самолет не проверили?..

— Не поверишь, но да. Мы Нинку в хвостовой кабине под кошму уложили, приказали мышкой сидеть и не дрожать. В общем, такая вот история, — закончил майор.

— Твою ж судьбу... — потрясенно пробормотал командир. — Берии на них нет.

Служить при создателе ядерного оружия и Дальней авиации Петровичу не довелось по возрасту, но ничего более подчеркивающего степень нынешнего раздрая и бардака ему не придумалось.

— Да в той неразберихе слона можно было в самолет запихнуть, они ж там чуть не дрались, средмашевцы с ракетчиками, кому свой груз вешать, — пилот развел руками, дескать, точно — нет товарища Берии, да и товарища Сталина.

— Ну так от меня ты чего хочешь? — набычился полковник, хмуро и подозрительно глядя на Емельянова. Теперь в глазах Петровича ясно читалось ожидание больших неприятностей.

— Теперь, как ни признавайся, все едино — посторонний на режимном объекте при выполнении боевой задачи. Отоспятся на всем экипаже по полной. Это же срок, однозначно.

— И что? Я-то здесь при чем?

— Помнишь, как мы в позапрошлом году неучтенные фугасы, что после учений остались, в лесное озеро ссыпали? По твоей просьбе? — требовательно спросил летчик. — Вижу, помнишь. Так вот, я сейчас, как медведь рогатиной к сосне припертый. А за мной — еще пятеро экипажа моего. Выхода, товарищ полковник, у меня нет. Если возьмут, то

разматывают по всем "подвигам". Молчать не буду. Так что сядем, как говорится, усе.

— Ну? — мрачно поинтересовался полковник после долгой и сумрачной паузы.

— ...баранки гну, — ответил Емельянов чуть посмелее, чувствуя, что нужная мысль уже проникла в разум собеседника. — Выручай.

— А ты знаешь, Саня, что ты последняя сука? — осведомился Петрович с тоскливой, безнадежной ненавистью.

— Не я сука. Жизнь в Дальней авиации собачья.

— Объективный контроль сняли?

— Конечно. По ленточке все в порядке, бомбы на борту нет.

— Устройство подрыва демонтировать сможете? Чтобы мне тут Хиросима с Нагасакой не херакнули нахуй?

— Без вопросов! Мой оператор спецподготовку проходил! — обрадовано зачастил Емельянов. Положа руку на сердце, он сомневался, что полковника удастся уговорить даже угрозой шантажа. И, предваряя следующий вопрос, майор добавил, — стукачей в экипаже нет. Не первый раз бабу на борт берем. Восемнадцать часов на дежурстве — от скуки сдохнуть можно. Проколов не было.

— Значит так, — уже практически призадумался Петрович. — Вы на дезактивации? Там в капонире прыжкан гидроподъемник. Как стемнеет, опускайте свой прожектор, разоружайте, и везите свою... хрень... в конец поля. К кленовой роще. Там, ближе к опушке, вырыта яма. В нее клад свой аккуратненько спустите.

— На тросах?

— На полотенцах, бля! — злобно огрызнулся полковник. — Опустите — присыпьте землей на полметра. Сверху досок и разного мусора каких-нибудь набросайте. Остальное — не ваше дело. Эх... не сдюжите, спалитесь...

— Сдюжим! — как можно убедительнее заверил пилот. — Ты же наш "объект" знаешь, вокруг поля, сплошные перелески и отсыпные капониры. Вечером ни летунов, ни технарей, только бойцы — караульные, так они же тебе и подчинены... Как стемнеет, на дальней стоянке можно хоть танк гонять.

— Ну... давай... пробуй, — через силу, выдавливая каждое слово, ответил полковник.

— Так я машину твою заберу? — чуть дыша, из опаски спугнуть удачу, спросил Емельянов. — Чтобы скорее обернуться.

— Забирай, — вздохнул Петрович. — Водилу отошли сюда, ко мне. Как закончите, выезжайте через дальние ворота. Там мои дембеля. Молчать будут, хоть десяток баб вывози.

— А особисты?

— Везучий ты, товарищ майор! — осклабился полковник, потирая вспотевший висок. — Ихний Лукашин сегодня звездочку обмывает. Справляют всем отделом. С обеда у себя на подворье засели, зуб даю, как свиньи уже. Отдельная территория, хоть баб гребь, хоть спиртягу жри — никто не заметит. Это нам с тобой "усиление борьбы с пьянством и алкоголизмом", а им до задницы.

— Так я пойду?

— Погодь. Еще одно. Когда после... развезешь своих по домам, сам возвратись той же дорогой сюда. На все, про все у тебя времени пока мы последнюю цистерну не сольем. Не в обрез, но и не волокить. И смотри, майор, насчет болтовни... У таких дел срока давности не бывает.

Емельянов шуганул бойца-водителя от баранки и сам погнал по ухабистому асфальту

Дождавшись сумерек, опустившихся на летное поле, экипаж приступил к делу.

Тихо матеря сквозь зубы техников, ядерный щит Родины, Раису Максимовну с Михал Сергичем и прочие достигнутые консенсусы, летчики опустили треклятое специзделие на тележку для перевозки авиадвигателей, и откатили на пару сотен метров к роще, где еще с обеда была вырыта глубокая, метра три, яма. Рывшие ее бойцы то ли проштрафились, то ли + "дембельский аккорд" отбывали, да, в общем, и неважно. Главное, что яма оказалась где следовало. Не прошло и получаса, как бомба легла на дно. Ее закидали хворостом, присыпали землей и от души потоптались сверху. Благо, три саперные лопаты на спецплощадке нашлись.

Ритуально постоять, скорбя об уделе "хрени" и вытирая вспотевшие лбы, не довелось. Емельянов, порывивая сквозь зубы, затолкал в УАЗик всех пятерых — второго пилота, бортинженера, оператора вооружений, радиста и стрелка-наблюдателя. В корму, на откидное сиденье самолично упаковал Нинку, толком в себя, так и не пришедшую. Глядя на сонную худенькую замарашку, вряд ли кто мог бы поверить, что бесшабашная буфетчица двадцати лет от роду провела в воздухе больше времени, чем иной пилот. Про ее тягу к приключениям, тотальную безотказность и совершенно невероятную любвеобильность ходили легенды. Та еще кошка ебливая.

Пока майор Емельянов развозил экипаж по местам внеслужебной дислокации — кого на квартиру, кого в общежитие, к яме на краю летного поля с выключенными фарами подъехал самосвал. И вывалил в разверстую земляную пасть полторы сотни пришедших в полную негодность аккумуляторов. Бойцы-арестанты, выдернутые с гарнизонной гауптвахты, под неусыпным наблюдением мордатого сержанта окончательно засыпали яму и привели территорию в первоначальное состояние. Перекопанную, рыхлую землю утрамбовали ногами, сверху уложили ленты дерна, натащили со всей рощи сухих веток и прочего лесного мусора.

За устройство свалки в неполюженном месте полковник рисковал получить серьезный нагоняй. Но избавляться от опасных свинцовых отходов, минуя чудовищный ворох официальной отчетности, приходилось не раз и не два, поэтому конспирация была отработана до совершенства. Кроме того, именно категорическая предосудительность действия, как ни странно, работала на пользу плана, поскольку никому и в голову не пришло, что просто большим нарушением можно замаскировать Очень Большое.

Поздним вечером, уже после того, как на голубом экране отшутили на грани фола "Одесские джентльмены", домой к Петровичу заявился майор Емельянов. Не один. С канистрой спирта. Офицеры долго пили в молчании, алкоголь не развеял хмурые мысли, но, по крайней мере, ослабил похоронный настрой. Ну а после, для закрепления результата, майор с полковником оккупировали дежурную машину и укатили в ночь, к девчонкам на узел связи.

Прочие же члены экипажа собрались в общежитии военного городка в комнате самых молодых — радиста и стрелка-наблюдателя. До самого рассвета под скудную закуску они пили "массандру". События дня и вечера старались не вспоминать. Трепались на

отвлеченные темы, а с середины пьянки — сообща ржали над мгновенно нажравшимся штурманом Витей Сербиным, что как обычно после первых же ста грамм понес какую-то чепуху...

Утро было промозглым и удивительно хмурым, прям как у классика советской литературы. Словно не август на дворе, а поздняя осень. Кое-как выстояв на общем построении, экипаж "Борта 262", героически борясь со сном и тяжелым похмельем, сумел еще и высидеть на обязательных занятиях, конспектируя материалы последней партконференции. Затем, дождавшись окончания дезактивации, командир и второй пилот проследили, как тягач перегоняет самолет на стоянку, после чего расползлись по домам.

Жизнь гарнизона продолжала идти по давным-давно заведенному порядку. Прошло несколько дней, и над засыпанной ямой начала пробиваться свежая трава. Ни Емельянов, ни командир базы, ни остальные члены экипажа не вспоминали о произошедшем ни единым словом. Слабым звеном в этом "заговоре молчания" была, пожалуй, что, буфетчица Нинка. Однако, просидев чуть ли не весь полет в хвостовой кабине стрелка и щедро дегустируя "массандру", она толком и не помнила, что происходило от взлета в Моздоке и до посадки в Русе. Поэтому, даже если бы и захотела, ничего рассказать не сумела...

Прошли месяцы, затем годы. В иное время ситуация, скорее всего, повлекла бы обширное расследование, но СССР уже вступил в пору великих катаклизмов. Хаос и безответственность и коммерция начинали захлестывать все государственные структуры. Ответственные лица списали ядерный заряд как затонувший на глубине в два с половиной километра и предпочли не ворошить проблему дальше, чтобы не умножать суету и заботы. Со временем исчез сам Союз, пришел в запустение аэродром, персонажи истории разъехались кто куда, надежно храня тайну.

Казалось, что специзделие РВСН СССР забыто и похоронено навсегда...

1. Псовая охота

Спутник наблюдения NASA скользил в ночном небе Земли на высоте почти шестисот километров. Или трехсот шестидесяти миль, как было удобнее считать многим из тех, кто кропотливо собирал и обрабатывал информацию, поставляемую аппаратом.

Как засмотрится мне нынче, как задышится?
Воздух крут перед грозой, крут да вязок
Что споется мне сегодня, что услышится?
Птицы вещи поют, да все из сказок...

Владимир Высоцкий любил и умел выпевать согласные. На фоне мириад мерцающих звезд и едва угадывающихся очертаний черно-синих материков хрипло-надрывные раскаты его невероятных "р-р-р-р" и "л-л-л-л" обращались в бередящий душу сюрреалистический message. Казалось, что, пронзая эфир и материализуясь в сверхсовременных каналах связи, пульсирует сама неуспокоенная душа великого русского барда.

— Отфильтруй канал, — перекрывая песню, зазвучал в наушниках оператора усталый голос начальника смены. — Что это там у тебя за варварские звуки, Дик? Куришь травку под шаманскую музыку?

— Хм. А я думал, что это вы так... шутите, ведь поют не по-английски, — в голосе оператора Ричарда сквозило неподдельное удивление. — Впрочем, сейчас проверим...

После того, как оператор поколдовал над клавиатурой, голос в наушниках стал ощутимо тише, но до конца не исчез. Оператор тихо выругался и полез в глубокие настройки.

Начальник смены — сотрудник ЦРУ и выпускник Гарварда, демонстративно презиравший сквернословие, хотел сделать замечание, но не стал — чернокожий лейтенант — оператор служил в Министерстве обороны и не подчинялся ему по службе.

— Опустить пониже, — так и не дождавшись полной очистки канала, отдал начальник новое распоряжение. — По плану сегодня мы должны сделать контрольный осмотр бывшего военного аэродрома в России. Вот погляди: его название и координаты я вывел на экран.

Оператор поморщился и удержал уже повисший на языке ехидный вопрос — какое ему дело до того, чем когда-то была некая точка на карте. А так же не менее ехидный комментарий относительно того, что называть довольно непростую последовательность операций по управлению спутником простым "опустить" есть профанация процесса. Но сдержался. Опустить так опустить...

— Руса? — прочитав надпись, высветившуюся в окне чата, ворчливо переспросил оператор. — Нет проблем. Только это не Россия, а Украина.

— Да по мне хоть Верхняя Вольта, лишь бы без ракет.

— Согласен, сэр, — оператор чуть нахмурился, вспоминая. — Я знаю это место. Но там давно все заброшено и лет пять как в руинах, смотреть не на что.

"Перестраховщики... Впрочем, мое дело маленькое" — добавил он про себя. Отношения между двумя специалистами было несколько... натянутым. Один стремился демонстративно показать высокий профессионализм и бдительность, словно русские, как в старые добрые

времена, вот-вот уже готовились тайно везти ракеты на Кубу. Другой всячески избегал лишних телодвижений и каждый раз, заступая на смену, больше всего желал, чтобы до самого ее конца ничего не случилось.

Оператор, управляя установленным на спутнике оборудованием, повозил курсором по экрану и щелкнул кнопкой мыши. Изображение земной поверхности начало стремительно приближаться. В хитросплетениях графики угадывались характерные очертания полуострова Крым, а также черные кляксы водохранилищ, соединенные ломаной линией Днепра.

Несмотря на то, что оператор был плотью от плоти мира Google Maps и автомобильных навигаторов, он находил завораживающей, почти сверхъестественной возможность взирать на мир с божественной высоты.

Большое светлое пятно на мониторах разбилось на скопище огней, поверх которого информационная система высветила надпись "Kiev". Оператор вновь поморщился, это услужливое разъяснение показалось каким-то мелким, пришедшим из компьютерной игры. Как будто специалисты не знали очертания и отличительные особенности всех крупных городов мира...

Камера ушла вниз и влево от "Kiev`a", еще увеличила фокус, и перед глазами наблюдателей возникли очертания летного поля, похожего скорее на много полей, объединенных в большой прямоугольник с неровными сторонами.

Аэродром был военный. На это указывали даже не многочисленные П-образные земляные капониры и отсутствие хоть какого-то следа здания аэровокзала. Дело было в ином — гражданских аэродромов с единственной трехкилометровой взлетно-посадочной полосой не бывает. Все мощные хабы подобного масштаба имеют не меньше двух полос.

Оператор оказался прав, объект не функционировал. Действующие аэродромы освещаются круглые сутки, а здесь на территории летного поля не было даже захудалого фонаря. Просканировав поле в инфракрасном диапазоне и не найдя ничего, заслуживающего упоминания в рапорте, начальник смены решил осмотреть прилепившийся к аэродрому военный городок.

Здесь жизни оказалось побольше, вскоре на мониторах начали появляться желтые прямоугольники и небольшие движущиеся точки тепловых объектов. Это указывало на отапливаемые здания и присутствие живых существ.

По оперативному залу прокатилась волна оживления — один из тепловых объектов программа распознавания идентифицировала как "стаю волков". Оператор сразу представил, как выложит в своем твиттере спутниковое фото с подписью "волки разгуливают по городам России". И, прикидывая, сколько соберет лайков на "Фейсбуке", стал настраивать максимальное приближение.

Но тревога оказалась ложной. После небольшой перепалки между начальником смены и дежурным программистом выяснилось, что в систему по ошибке загружен модуль, предназначенный для северных лесов. Экран мигнул и надпись изменилась на "группа бродячих собак, размер "си"".

— Проще говоря, стая, — грустно прокомментировал оператор.

— Интересно, какой размер по их шкале больше: "би" или "ди"? — риторически буркнул начальник смены.

Дежурный программист, блюдя корпоративную честь, хотел было вступить за неизвестных разработчиков и предложить коллегам воспользоваться специально приложенной для подобных умников справочной системой, но в этот самый момент

назревающую перепалку оборвали возбужденные голоса.

Подобное случалось на дежурствах не то, чтобы часто, но и не сказать, чтобы редко. Небесное око регулярно фиксировало сцены, невидимые другим, живущим внизу и ограниченных обычным человеческим зрением. Иногда эти зарисовки из жизни были забавными, а иногда совсем наоборот...

Там, внизу, в семи часовых поясах от штата Вирджиния, "группа бродячих собак размера "си"", сбившись плотной кучей, преследовала медленно идущего человека. Оператор повозился с четкостью и стабилизацией картинки. Стая распалась на отдельные силуэты, похожие сверху на карликовых тупомордых акул.

Преследуемый собаками двигался по улице непредсказуемыми рывками, спотыкаясь и теряя равновесие чуть не на каждом шагу. То ли находился под воздействием наркотиков, то ли пьян, а может быть просто очень стар. Хотя последнее, конечно, сомнительно. У собак определенно был шанс, и парни из главного зала оперативного центра начали азартно делать ставки. Со стороны их действия могли бы показаться кощунственными, но привычка к постоянному и обезличенному наблюдению за чужой жизнью неизбежно сглаживала многие нормы и правила. Вскоре все, кто наблюдал за происходящим, были полностью поглощены жестокой драмой. Которая, похоже, подходила к развязке — собаки уже охватили жертву полукругом и приближались к идущему.

"Держись, Джонни Доу^[5], не вздумай упасть!"... "Кто у них вожак? Почему не бросается?" — раздавались со всех сторон азартные восклицания. И неожиданно они сменились возмущенно-разочарованными воплями. Улица, едва освещенная тусклыми подмигивающими фонарями, вдруг покрылась мозаикой артефактов — цветных квадратиков, которые в двадцать первом веке пришли на смену привычным телевизионным помехам. Через несколько мгновений весь экран целиком укрыло моргающее лоскутное одеяло.

Оператор чертыхнулся, попробовал восстановить канал, не смог, и подал команду на спутник о перезагрузке операционной системы. Экран на пару секунд погас, после чего на нем появился логотип "Майкрософт", встреченный дружными проклятиями. С тех пор, как Министерство обороны США отказалось от систем управления на базе разработок Хьюлет-Паккард, подписало контракт с Биллом Гейтсом и стало закупать оборудование, которое работало под управлением специальных версий "Windows", сбои и частые перезагрузки стали обычным делом...

Когда восстановилось изображение, спутник уже покинул зону наблюдения, а график наблюдения требовал оценить следующий объект. Офицеры, в глазах которых происходящее было не более чем разновидностью телешоу для взрослых, быстро позабыли о событиях, невольными свидетелями которых стали, и возвратились к своим делам.

Но это было не телешоу. И на полутемных улицах городка, существующего не виртуальном мире, а в реальности, не прозвучал возглас режиссера "Стоп, снято!".

* * *

Обреченный человек не замечал преследующих собак. Он держался за бок и глухо постанывал. Через каждые два-три шага бедняга останавливался передохнуть и продолжал медленно брести в темноте по разбитому асфальту вдоль угрюмых панельных пятиэтажек с

редкими желтыми прямоугольниками окон. Переходы с каждым разом становились все короче, а остановки на отдых все продолжительнее. В конце концов, не дойдя двух шагов до единственного на всю длинную улицу работающего фонаря, он осел на землю, завалился и остался лежать, не делая попыток подняться на ноги.

Осмелевшая свора стала смыкать кольцо, неспешно и неотвратно. Вожак приготовился тихо рыкнуть, подавая команду к общей атаке и первым броситься вперед, как вдруг из боковой улицы донеслось ворчание автомобильного двигателя.

Звук был негромким, но его оказалось вполне достаточно, чтобы одичавшая стая вновь обратилась в уличную свору. Собаки, воровато оглядываясь и поджимая хвосты, отбежали в темноту. Совсем они не ушли, надеясь, что неожиданная помеха куда-нибудь пропадет, но отступили как можно дальше.

Из боковой улицы под фонарь осторожно выкатилась "Тойота-Королла" с погашенными фарами и габаритными огнями. Машина проехала вперед и, все так же не включая освещения, остановилась метрах в двадцати от лежащего. Передние двери раскрылись, в прохладу летней ночи почти одновременно выскочили двое.

— Где он? — оглядываясь по сторонам, спросил пассажир, плотный мужчина лет сорока пяти с хитроватым, очень подвижным лицом.

— Вот там, под столбом, — чуть плаксиво и с хорошо различимым акцентом ответил водитель, ушастый молодой человек, почти мальчишка, в светлой рубашке с короткими рукавами и тонком битловском галстуке на резинке, какие носят проповедники — евангелисты.

Плотный оглянулся по сторонам, увидел тело и ринулся вперед. К тому времени, пока Ушастый его догнал, хитрован уже опустился на колени и сосредоточенно пытался нащупать шейный пульс лежавшего.

— Не дышит, — после долгой паузы заключил Плотный. — Груз двести. Проще говоря, труп, — пояснил он своему спутнику.

— Oh, my gosh! — немного помолчав, видимо, осмысливая услышанное, откликнулся ушастый. В его голосе звучал неподдельный ужас.

Плотный поднялся на ноги, достал из кармана носовой платок и брезгливо обтер пальцы.

— Ну, что теперь будем делать, господин начальник? — ядовито спросил он.

— Его нужно срочно доставить в больницу, мистер Котельников! — потерянно отозвался "евангелист". Его голос дрожал и срывался на каждом слове.

Плотный набычился.

— Чтобы там сделали анализ крови и нашли в ней твою химию? А потом в милиции поинтересовались, где и с кем он пил весь вечер? — все так же ехидно уточнил он. — Вот уж хрен! Лучше уж сразу идти и делать явку с повинной, тогда хоть отягчающих не навесят. Мне такое счастье и в хуй не тарахтело.

Ушастый, кажется, даже всхлипнул.

В общем так, мистер Алан, — подытожил Плотный. — Пока нас никто не увидел, нужно отсюда тикать. Видишь вон тот кирпичный домик? — он показал на чернеющие в стороне развалины небольшой газораспределительной подстанции. — Давай-ка тело туда оттащим. Найдут его вряд ли раньше утра. Пока разберутся, не меньше суток пройдет. Здесь бомжей по пьянке лапти сплетает больше, чем детей за год рождается...

Не дожидаясь ответа, Плотный взялся за одну ногу покойника и кивнул спутнику на

другую. Ушастый, позабыв уточнить, какое отношение ко всему происходящему имеет плетение лаптей, со страхом и нескрываемой брезгливостью вцепился в штанину. Они поволокли тело к чернеющему прямоугольнику, как муравьи зерно, мешая друг другу, но вполне целеустремленно. Управились быстро. Когда же, завершив дело, вернулись под фонарь, оказалось, что у машины объявилось новое действующее лицо.

Со стороны центральной площади городка от столба к столбу противолодочным зигзагом, громко ругаясь и спотыкаясь на колдобинах, двигался высокий широкоплечий парень. Траектория его движений была столь же криволинейной, как у предыдущего обитателя этих недобрых мест, но вот причина оказалась совсем иной. Прохожий был не то пьян в дым, не то, по новой моде, укурен или обколот. Правда, в отличие от своего предшественника, он отнюдь не производил впечатления умирающего.

Плотный дернул Ушастого за рукав, оба замерли на границе светлого пятна, которое тусклый фонарь отбрасывал на бугристый асфальт.

— Это Витек, контролер с базара, — прошептал Плотный. — Пусть пройдет, он, как нажрется — буйный. Не видит ни хрена, но пизды вломить может посильнее, чем пятеро трезвых.

Пьяный, продолжая упорно продвигаться к неведомой цели, наткнулся на стоящую поперек улицы машину. Остановленный неожиданным препятствием, он долго и недоумевающе смотрел на странный предмет, неведомо как оказавшийся у него на пути. Затем вдруг быстро принял грамотную стойку и почти без размаха нанес один за другим два поразительно точных и быстрых для его нынешнего состояния удара: левой в боковое окно, правой в крыло.

Противоударное стекло "Тойоты" выдержало неожиданное испытание, но корпусу пришлось тяжелее. Экономные японцы давно перестали штамповать "избыточно" крепкие детали, и на крыле появилась глубокая вмятина. "Витек с базара" громко, энергично и очень выразительно выругался, потряс кулаками. Каким чудом он не переломал пальцы, осталось загадкой.

— Моя машина! — трагически застонал Ушастый и попытался шагнуть вперед. Плотный остановил его порыв одним движением руки, как шлагбаум опустил.

— Тихо, господин начальник! — прорычал он. — Видишь, какой лось? Если сейчас с ним завяжемся, то будет драка, шуму не оберешься, народ сбежится.

— Что такое "лос"?

— Ну, этот, как его... Moose, по-вашему.

Сравнение буйного парня с лесным гигантом произвело на ушастого должное впечатление. Он засопел, окинул критическим взглядом фигуру вандала, стиснул зубы от обиды и бессилия и остался стоять на месте.

Парень еще постоял, тупо уставившись на изувеченную машину, затем, что-то неразборчиво ворча, продолжил движение, время от времени вновь встряхивая разбитой рукой.

После того, как шатающаяся тень растворилась в ночных тенях, Ушастый наконец подбежал к машине и начал охать, ощупывая крыло. Плотный прервал пароксизм страданий и чуть не пинками затолкал его в салон.

Изнутри, с мягких кресел, под чуть слышное урчание мотора и мигание лампочек приборной панели, улица за окном казалась декорацией телеспектакля, где роль экрана выполняло лобовое стекло. Ушастый опасливо скопился на своего напарника, решительным

движением включил габариты и фары, нажал на газ. Плотный, уже не требуя светомаскировки, включил радио. Салон заполнили гитарные аккорды и хрипло-надрывный голос.

Душу сбитую да стертую утратами
Душу сбитую перекатами
Если до крови лоскут истончал...

Ушастый, скривившись, протянул руку, чтобы переключить программу, но Плотный его остановил.

— Подожди. Хорошая песня. Закончится, тогда и ставь что хочешь.
Машина покрутилась по коротким улицам и покинула городок.

Залатаю золотыми я заплатами
Чтобы чаще Господь замечал...

Минула пара часов, ночь подходила к концу. В далекой Вирджинии американские офицеры, напрочь позабыв о прерванном развлечении, готовились к сдаче дежурства. В Русе, на втором этаже добротного частного дома спал Плотный, не видя снов. Пострадавшая "Тойота", соблюдая дозволенный скоростной режим, мчалась по трассе в сторону Киева. Из салона звучал уже не страстный бардовский манифест, а нахрапистый белый рэп.

Собаки, все это время терпеливо ждавшие у забора, начали осторожно приближаться к неподвижному телу, небрежно брошенному в кустах рядом с подстанцией.

2. Его звали Алан

Киевский "Биг Бен" — цифровые часы на башенке отремонтированного Дома Профсоюзов — показывали семь ноль пять утра. Ярко-красная "Тойота" со свежей вмятиной на правом крыле съехала вниз по брусчатке Владимирского спуска, пересекла Почтовую площадь, прошла по улице гетмана Сагайдачного, вечно забитой припаркованными машинами и, не доехав до Киево-Могилянской академии, завернула направо.

Боковой проезд выводил в лабиринт тихих улиц с односторонним движением. Подол, низинная часть старого Киева, район сам по себе несуетливый. Кварталы, расположенные в треугольнике меж Контрактовой площадью, Набережно-Крещатицкой и Верхним Валом, застроены невысокими домами и по столичным меркам практически безлюдны. Постороннему сложно обнаружить здесь нужный дом. Вывесок почти нет, так что трудно понять, где обосновался нужный офис, чьи хозяева предпочитают здешнюю респектабельную неброскость базарной престижности шумных и показушных центральных улиц. Или жилой особняк, стоимость которого ненамного уступает московским ценам.

"Тойота" затормозила в трех метрах от крыльца двухэтажного дома. На фоне скверно оштукатуренной грязно-серой стены светлым прямоугольником выделялась аккуратная дверь с табличкой на английском и украинском языках: "Неправительственная организация. Американская лига социальных исследований".

Чем занимаются тихие американцы за дверью из белого пластика, скрывавшего двухдюймовый бронированный лист, на Подоле знали даже бомжи. Резидентура Центрального разведывательного управления США имела полулегальный статус и особо не конспирировалась. Однако попасть дальше тесной прихожей мог далеко не каждый, даже если он являлся счастливым обладателем синей паспортины с вытесненным на обложке белоголовым орланом...

Улица была неширокой, места для нормальной парковки здесь не хватало, поэтому Алан втиснулся между двумя огромными каштанами и закатил правые колеса на тротуар, что в Вирджинии обошлось бы ему в сорок долларов штрафа. Он поставил машину на стояночный тормоз, заблокировал ключом "Малтилока" коробку передач и, прихватив сумку, выбрался из машины.

Парковаться во внутреннем дворе ему как сотруднику регионального представительства пока что не полагалось. "Ключевое слово пока!" — подумал Алан, стискивая в кармане диктофон-флешку с бесценной фонограммой. Именно эта запись в самом скором времени должна была обеспечить ему лучшие парковочные места не только в этой захолустной стране, но и дома, в самом Ленгли!

Пока же... Алан покосился на изуродованное крыло, в который уже раз скривился, как от зубной боли, и, обреченно вздохнув, активировал автосигнализацию. Убедившись, что машина попадает в зону камеры наружного наблюдения, он поднялся на крыльцо и надавил хромированную кнопку звонка. Внутри загудело, стукнуло. Дверь медленно отворилась.

Вдохнув полной грудью прохладный отфильтрованный воздух (Америка, Америка!), Алан вставил в щель карту пропуска и, дождавшись подтверждающего кивка охранника за пуленепробиваемым стеклом, свернул к лестнице. По ней спустился в подвал, где за тяжелой металлической дверью размещались технические службы, архивы и складские помещения. Поприветствовав отставного сержанта "морских котиков", что заведовал здешним

хозяйством, гость выложил на стойку прихваченный из машины черный полиэтиленовый пакет.

Сержант протянул в ответ чистый бланк. Пока Алан вписывал печатными буквами в разграфленные квадратики данные, обозначенные как "место", "время" и "особые условия", охранник натянул резиновые перчатки, раскрыл пакет и вытащил из него тяжелые кожаные ботинки на толстой рифленой подошве. Сверив номера, нанесенные сбоку на рант, он осторожно отправил ботинки обратно в пакет, а затем снял и бросил туда же свои перчатки. В завершение процедуры хозяйственник взял заполненный формуляр, сунул его в сканер, распечатал наклейку, наклеил на пакет и отнес в глубину хранилища. Обратно он возвратился с коробкой, в которой лежали совершенно новые ботинки точно такого же цвета и размера.

Странная на первый взгляд церемония обмена обуви проводилась для всех, кто посещал военные городки и служила одновременно двум целям. Разовое использование снижало риск от возможных радиационных и химических загрязнений, а наклеенная на них пыль и грязь подвергалась анализу в лабораториях ЦРУ, что позволяло без особых затрат получать море ценной информации о состоянии контролируемых объектов. Щепотка обычной пыли зачастую может рассказать больше иного лазутчика.

Алан покинул склад и перешел к следующему этапу обязательной программы посещения центрального офиса, на этот раз сугубо личному — посетил уборную. Жители Украины, по его мнению, не придавали ни малейшего значения вопросам элементарной гигиены. Алан работал в двухстах километрах от Киева, и ему казалось, что каждый километр от столицы относит по шкале времени на год назад. В районных центрах примитивными выгребными ямами пользовались не только рабочие и менеджеры, но даже многие региональные чиновники, что уж говорить о поселках, в которых приходилось проводить большую часть времени. Поэтому сияющие белизной кафельные стены, мягкие бумажные полотенца, выдраенные до блеска хромированные краны, безупречные зеркала и благоухающие ароматизаторы, как ничто другое, напоминали об Америке. "- Я смотрела все ваши фильмы. — Я ходила во все ваши туалеты!"...^[6]

Рабочий кабинет для приезжающих регионалов был тесной комнатой, всю обстановку которой составлял письменный стол и три кресла. Алан включил систему электронной защиты, выложил на стол ноутбук и подключился ко внутренней сети офиса.

С рабочего стола на работника смотрела фотография в простой рамке. Алану улыбался Том Клэнси, снятый на фоне книжных стеллажей, где можно было различить разноцветные корешки его романов, коробки с фильмами и играми. Человек, придумавший Джека Райана, был для Алана путеводной звездой, а улыбка писателя даже в самые тяжелые времена помогала прийти в хорошее расположение духа. Алан вздохнул, представил себе, каким станет лицо шефа после того, как скромный агент принесет сногшибательные сведения, добытые с огромным риском в результате сложной оперативной комбинации, достойной стать сюжетом очередной книги Т.К. И углубился в работу.

Шеф прибывал в десять, а по распорядку резидентуры воскресенье было рабочим днем.

3. Как отвратительно в России по утрам!

...Как упоительны в России вечера!..

Как же мне паскудно... И на душе, и в душе, и вообще везде, где только можно.

Где-то играет музыка, то ли у соседей с широко открытым окном, то ли на улице. Дурацкая песенная строчка с занудным постоянством повторяется вновь и вновь, сверлит мозг разболтанной дрелью. Один в один как молитвы, что недавно показывали в передаче про буддистов. Только те бормотания пусть и нудные, зато в тяжкий похмельный сон не лезут. Без мыла, зато с ржавым сверлом. Вот ведь глупость же! Что по утрам отвратительно — каждый знает, кого не спроси. И вытъя этого не надо совсем!

Ах, лето красное, забавы и прогулки...
Как упоительны в России вечера!..

Надрывается голосишко, умножает мои страдания.

И вообще, с какого, нахуй, перепуга "в России"? Я же на Украине живу, самой обыкновенной. Или мы втихаря ночью пограничные столбы перенесли? Смешно, ага. С бодуна и не такая хрень приглючиться может.

Так, надо прекращать мозг напрягать. А то извилины ворочаются, черепную коробку расшатывают. Голова, соответственно, не болит даже, а раскалывается. К горлу подползает тошнота. С трудом сглатываю пересохшей глоткой. Фу, блин, во рту ощущение, будто целый караван верблюдов прошагал. Обираясь на ходу. Они же ведь, суки плюшевые, не только плевать мастаки, но и гадить...

И глаза не открываются. Опухли и закисли, слизь склеила веки. Пакость какая... Кое-как протираю. Пока боролся со слепотой, слух обострился. Или организм просыпаться начал? На самом деле, неизвестный гундосит совсем не то, что моя тушка расслышала:

Любовь, шампанское, закаты, переулки...

И снова про упоительные вечера. То ли песня на второй круг пошла, то ли припев такой... циклический.

Вечера, ага, и ночи тоже. Упоительны, лучше никак не скажешь... Кое-как, стараясь не дергать больной головой, поворачиваюсь на звук. Ага, вот и источник. Не соседи, не окно, это все мой транзистор со встроенными часами, что временно исполняет обязанности будильника, расхреначенного кем-то из корешей-собутельников. Из хрипатога динамика голосит "Белый Орел". Битый молью, погрызенный крысами и воняющий нафталином.

Ох... Сам дурак, зачем последнее слово подумал? От слова "нафталин" в нос бьет знакомым с детства запахом. Тошнота, заблудившись в пустом желудке, вырывается на свободу мерзкой икотой, пробегает по глотке противной кислой волной.

Желудок трясет. Блевать нечем, даже желчь не идет. Ладно, прорвемся, хоть и не трубы. Если нельзя превозмочь хворобу, надо хотя бы устранить источник зловредного шума. Героически тянусь к возмутителю спокойствия. Он стоит на казарменной тумбочке с полуоторванной дверцей. На одной петле дверца висит, все никак не оторвется полностью... Починить бы, но снова точно забуду.

Пока дотянулся — столкнул по дороге переполненную бычками кофейную банку. "Нескафе" — ведущий производитель пепельниц!". Фу ты нахер, какая чушь в голову лезет, нет бы что полезное...

Полезное! Точно, ведь под радейкой, что надрывается про "упойительные вечера", двадцатка последняя лежит. Вчера, еще до отключки, заначил двадцать гривен на опохмел. Рука ощупывает всю поверхность тумбочки, но находит лишь пивную пробку. Забыв об осточертевшем "Белом Курице", проверяю еще раз. Пусто.

Что сказать — уроды. Кто-то из вчерашних гостей спиздил, падло такое...

Так, теперь не вздыхать, себя не жалеть, давешних гостей суками и пидорасами не называть. Сам дурак, сам шоблу в дом пустил. Пытаюсь напрячь мозг. Болт. Моя "думалка" и в такой день на сухую, без привычной дозы, не работает, а уж после вчерашнего и вовсе ушла в глухой отказ. Вероятность вспомнить все — ноль целых хрен десятых. И от мертвого хуя уши.

Вот только есть такое слово "Надо!". Денег не будет — ста грамм не будет. Так что, хоть яловая, а телись, вспоминай. А точнее, отвечай на три простых, но очень важных вопроса. Кто виноват, что делать и куды бечь? Не иначе как с бодуна великие русские умы эти вопросы придумали. Под напором столь убедительных аргументов серое вещество начинает оживать. Со скрипом, конечно, но то херня — смажем.

Начнем с самого легкого. Кто-кто вчера в теремочке сидел, с хозяином нажрался и в нетях растворился? Если память ни с кем не изменила, то одним из фигурантов был Петро, который с сахарного завода. А кроме него еще и тот плешивый хмырь из колбасного цеха. Вот же гадство! Имя, хоть ты стреляй, не помню. А вот что хмырь приперся в дебильной кепке — это пожалуйста. Не, тот вряд ли бы по хате шнырял и деньги пиздил, меня бы побоялся. А вот Петро да, тот мог и прибрать наличку. Чтобы не валялась без дела. Вот же хохол хозяйственный. Не отдаст и не признается. В бою — прикроет грудью и не моргнет. А так, ты его хоть ножом тычь, хоть ногами бей — будет честными глазами смотреть, и визжать, как резаный. Прикидывая, что бы еще спереть. Плавали, знаем.

Хотя, вроде же я вчера один домой возвращался? Или не вчера? Какая, в жопу, разница... Заначки нет, а под запись ни одна сволочь в округе не нальет. А это значит, что короткий диверсионный бросок "квартира — магазин — квартира" провалился, еще не начавшись. И как бы хуево не было, надо вставать и тащиться по друзьям-знакомым, пытаюсь найти того, кто побудет немного добрым доктором-похметологом, и, мать его за ногу, меня похмелит... Или, на худой конец, одолжит хоть чирик на литрушку "черного" "Славутича"^[7]

Стоп, машина, полный назад! Сегодня же, снова мать его за ногу, воскресенье! А это в корне меняет дело! Рабочий же день!

Казалось бы, куда уж хуже? А вот, оказывается, есть куда, да еще солидно так, с запасом. Стоять мне сегодня на, прости господи, "рабочем месте", как... не знаю даже, как

кому. Бдить, не пущать, пресекать, не давать беспорядки нарушать, и все это с благостным видом, как бы плохо не было. А ведь будет, еще хуже будет!

Но если на рабочем месте возникнут проблемы с утренним аперитивом, то можно смело меня увольнять за полнейшую профнепригодность. Хуже гопника с разбитым ебальником буду в глазах мировой общественности! Проблем не может быть, потому что не может быть никогда!

Одним махом отбрасываю одеяло. И под жалобный стон кряхтящих под потертой обивкой пружин пытаюсь встать. Налитая свинцом голова норовит перевесить обратно в сторону подушки. Но, как говорится, нет таких крепостей, что не взяли бы большевики! Сажусь, хоть и не особо уверенно. Снова пытаюсь протереть глаза. Эх, оптику надо спиртом протирать, а не кулаками! Но, за неимением горничной...

Четкость изображения наладилась. Зато засвербило в боку, который всю ночь давила какая-то хреновина. Чешусь, оглядываясь по сторонам. Так. В комнате я один, зря на Петруху гнал. Не было его тут вчера — иначе бы у окна под подоконником дрых на своем излюбленном месте. Чудак человек — как нажрется, тянет его спать залечь на куске ковра с разлохмаченными краями. С другой стороны — все не на голом полу.

Подавив очередной приступ тошноты, обвожу хозяйским взором царские хоромы. Табуретка цела. Надо же, и Петрухи не было, и без драки обошлись. Бутылочная батарея в углу — без изменений. Плохо это! Значит, хлебали мы не магазинное пойло, а то, которое Петро из "Ласточки" приволок. Его нынешняя туда посудомойкой устроилась. Вот и сливает все недопитое в пластиковую канистрочку...

Одно хорошо — теперь хоть понятно, почему я не помню ничего и почему сижу дурак-дураком. От Валькиного "коктейля Молотова" некоторые сутками не встают. Убойнейшая штука получается.

Снова все перед глазами расплывается, и опять я навожу резкость, фокусируюсь на бутылках. Давно пора собраться с силами и сдать все стекло. По двадцать копеек за штуку если считать... Блин, да я буду богат и финансово независим! Да и места уже нету — скоро дверь в комнату закрываться перестанет. Забавно, рубли отменили, а копейки остались...

Мысли о хозяйственных делах тут же перекидываются на окно, которое я сам же и высадил по "синему делу" с месяц уж как. Картонку надо нормальным стеклом менять. Что света нет, ну и бог с ним, а вот ближе к зиме, хоть и не мамонт, точно вымерзну.

Со стекольщиком на базаре уговор давно уже есть, на халяву вырежет. Но точный размер нужен. Ему два раза работать неохота, да и мне таскать туда-сюда как-то грустно. А померить нечем. Не член же прикладывать... У Вити-штурмана, что сосед по площадке, дочка вроде еще в школе учится. Линейка, думаю, найдется. Который раз спросить забываю.

Цепляя по дороге бутылки, пробираюсь в санузел. Время водных процедур, мать их. Воду дадут хорошо если через пару часов. Бачок и сливное ведро, как обычно, пусты. Херня! Врагу не сдастся наш гордый "Варяг"! Санузел у меня совмещенный, поэтому ходить далеко не надо — до ванны рукой подать. Заглядываю. Есть все же в мире справедливость и доброта! Почти полная. Видно, автопилот не подвел, успел набрать. Мастерство и опыт не пропьешь!

Упираюсь руками в край и решительно опускаю гудящую голову в воду. Бля, что же она такая холодная-то?! То есть поначалу-то она кажется обжигающе горячей, как в кипятке нырнул. Главное — первые пару мгновений перетерпеть. А дальше легче, вроде как компрессик приложил. Эх, стать бы рыбой и вот так всю жизнь в живой воде плавать. В

детстве котом мечтал стать, чтобы видеть в темноте и везде лазить, а сейчас вот — рыбой...

Частично прихожу в себя. И двадцати секунд хватило. Вот что значит радикальный подход! Отфыркиваюсь, вытираю подолом футболки лицо. Просветленная оптика — великое дело!

Но не везде. Тихо матерюсь сквозь зубы.

Местные домоправители собрали в переходящую, как вымпел ударника соцтруда, "отселенческую" квартиру все самое негодное, хлам с окрестных домов. Да и с прошлыми жильцами не особо везло. Так что живу как в Сталинграде, разбито все, что может быть разбито. А что не может — тоже. Унитаз, бачок, раковина... Решетка на вентиляции — и та. Хотя там гипс, ему много не надо. В ванне выщерблена половина эмали. Даже у зеркала, что перекошилось над умывальником, отбито два угла. И само оно какое-то... Как те воздушные шарики из анекдота — не радуется!

Гляжу на себя в исцарапанную и мутную поверхность. После нырка не только мозги на место встали. Прическа и та пришла в относительный порядок. Правда, волосы отросли и лезут на уши. Блин, и стригся-то не так давно. Месяца не прошло. А рожа заросла как у моджахеда. Еще пару дней, и можно смело записываться в дервиши. Если они белобрысыми бывают.

Пытаться сбрить это намордное безобразие древним, как дерьмо мамонта, "Харьковом" не вариант. С другой стороны, чтобы скоблиться безопаской, нужно минимум одно новое лезвие и горячей воды побольше, а то морда начнет облезать, как у шелудивого. Но ничего из списка у меня нет. И руки дрожат. Мелко, но противно.

Кстати о птичках, то есть о руках. Правая начинает ощутимо саднить. То есть болела-то она, похоже, и раньше, но сейчас я ее разработал, и боль из тупой и постоянной стала дерганой, колющей. Да уж — под костяшками чернеет сплошной синяк. А это уже серьезно и плохо. Если я кого-то так приложил, и до сих пор менты дверь не ломают, значит, что где-то в городке имеется не обнаруженный или еще не опознанный труп. Убитый тяжелым тупым предметом. То есть мной.

Хотя, конечно, перед кем я понты кидаю, как персидскую княжну в набежавшую волну?.. Чтобы убить человека голыми руками, нужна совсем другая форма.

Снова смотрю на свое отражение в мутном надколотом зеркале и понимаю — нет, убить точно не мог. Вот отпиздить — это да. А наглухо положить — крайне сомнительно. Правильный бой с бухлом не дружит. А вот я как раз дружу, самозабвенно, так сказать. С бухлом, в смысле. С синькой, как ту говорят...

В общем, не стоит дергаться раньше времени. Будем переживать проблемы по мере их поступления, а не загодя. Вечером в "Ласточку" наведаюсь, все и узнаю. Товарищи полюбому расскажут. Такая информация по городку разнесется мгновенно. Он у нас маленький...

Бросаю прощальный взгляд на свою хмуро-помятую физиономию, и под несмолкающие фальшивые стенания общипанного "Орла" иду одеваться.

И ведь к этому птицу народ, оказывается, ходит. Запись-то концертная, с длинными проигрышами, заунывным подпеванием зала, с бесконечными "бис!" и прочими аплодисментами. Минут десять точно тянется, и заканчиваться все никак не собирается. Я уже штаны нашел, а она все нудит и нудит. И мерзко же как. Гестаповцы оценили бы. Как это... вербальное средство дознавания, во!

Закрываю дверь в квартиру, благо открывать ее не требуется, это я обычно вечером

забываю. За спиной хлопает скрипучая дверь подъезда. Зябко ежусь. Интересно, вот отчего так сложилось, что в здешних краях по утрам так сыро даже летом? И холодно, как осенью. Хотя, нет, понятия "холодно" нет. Бывает свежо, очень свежо, и так свежо, что ну его нахер. Нынче вторая стадия. Или это меня с бодуна трясет?

Впрочем, и от уличного "очень свежо" есть польза. Прохлада, будто огуречный рассол, глушит набат в голове и морскую болезнь в желудке. Жрать, правда, начинает хотеться, но и это с моей работой дело поправимое.

Выруливаю со двора на улицу и громко матерюсь. Долбаная песня, походу, будет преследовать до конца дня — теперь она исторгается из форточки на первом этаже.

Балы, красавицы, лакеи, юнкера
И вальсы Шуберта, и хруст французской булки
Любовь, шампанское, закаты, переулки
Как упоительны в России вечера!

Скрипя зубами от бессильного отвращения и борясь с желанием запиздячить в окно кирпичом, бреду дальше, чуть пошатываясь в такт музыке. "Как упоительны..." Хер там, "Как отвратительны!"

Ненавижу всех. И все. А особенно, то, что вокруг. И ровные ряды пятиэтажек по правой стороне улицы, и разнокалиберные хатки частного сектора по левой. Ненавижу оставшиеся за спиной ворота КПП бывшего военного аэродрома... Даже сереющий вдали бюст знаменитого космонавта, которого угораздило родиться в этой дыре, и то ненавижу. Хотя, он точно последний, кто виноват в моем паршивом настроении и самочувствии...

Через месяц дети получают первые двойки. И будет ровно год, как я здесь обретаюсь. Яду мне, яду! Грамм сто, а лучше двести! Иначе до рабочего места не дойду, сдохну по дороге. И буду валяться под бюстом. Изображая памятник космонавтам, не выдержавшим испытание центрифугой. Не дождетесь! От дома до работы пять минут. Даже моим нынешним нетвердым шагом раненого во все четыре ноги африканского буйвола.

Народу на улице мало, считай, и нет никого. Но из встречных и обгоняющих здороваются почти все. В городке, даже если считать окрестные деревеньки, от силы семь-восемь тысяч человеко-единиц. Естественно, что все друг друга знают.

На полпути, рядом с заброшенной газораспределительной станцией, что местами разобрана хозяйственным населением до фундамента, чуть не спотыкаюсь. Там совершенно по-куриному квохчут соседские тетки, сбившись в плотное кольцо. И больно уж скверные вещи говорят:

— Вот тут я его и нашла! — дает интервью толстая бабища, жена сторожа из котельной. — Шла утром вчера, смотрю, из дыры ботинки торчат! А вокруг собаки грызню устроили. Ну я ближе подходить поопасалась — еще покусают, они же дурные! Стою, думаю, куда бежать. А тут Володькин племяш на "Ладе" своей на работу ехал. Я к нему. Он из машины лопатку достал, чтобы собак разогнать, а они и сами разбежались. Потом скорую по сотовому набрал. Я дожидаться не стала, надо оно мне? В свидетели запишут, по ментовке затаскают. Суды, прокуроры!..

Я и так иду не быстро, а теперь и вовсе едва перебираю ногами. Благо в нынешнем состоянии и стараться особо не надо, все как в настоящем театре — сугубо естественно.

— Явдоха на базаре говорила, что он еще ночью помер... — добавляет подробностей самая осведомленная из теток: мамаша мэрского шофера Гришки. Тетеньке бы в фильмах ужасов ведьм играть — на гриме жуткая экономия...

— Ох ты ж, господя! — делано хватается за сердце одна из клуш, судя по говору — не городская. Здесь-то местные почти все по-русски говорят. Даже суржик особо не в ходу. — А кто то був, наш чи заброда?

Я, если честно, тоже не прочь узнать — кого это по утру собаки доедали. Кошусь на разбитую руку. Не мой ли клиент? Да не может такого быть! Хотя, конечно, может... человек животная странная, от царапины ржавым гвоздем, случается, помирает. Все может быть, подробностей бы! Не, нафиг, останавливаться — все равно, что плакат вешать "Он помогал партизанам!", фу ты блин, "Главный подозреваемый!"

Поэтому гордо возвращаюсь на маршрут и ковыляю дальше. Я не торопливый, а на работе и так все расскажут. Впрочем, в трупке среди развалин нет ничего особенного. В городке полно таких, как я, отселенцев, да и просто бомжей и наркоманов. Так что здесь чуть не каждый день кто-нибудь мрет. Специфика ареала обитания, во как!

Город, а скорее, разросшийся поселок городского типа, куда меня приземлил стремительный домкрат резко оборвавшейся карьеры — на самом деле бывший военный городок. Раньше тут дислоцировались "стратеги"- авиаторы. Если старожилам верить — аж пятнадцать войсковых частей. Но военных после обретения независимости сократили по самое небалуйся и разогнали. Так что теперь из производства в городке остался только потихоньку загибающийся сахарный завод, колбасный цех, да склады на бывшем аэродроме.

Именно там, за тремя рядами "колючки", увешанной грозными табличками "Стоять, проход запрещен, запретная зона" и прочими "Стоять, стрелять буду! Стою! Стреляю!", под охраной часовых, якобы стерегущих остатки недокраденного армейского барахла, представители "малого и среднего бизнеса" заняты этим самым бизнесом по-русински. То бишь фасуют китайский "контарабас" и разливают паленую водку. Я там проработал почти три месяца. Менеджером по лизингу и маркетингу. Наклеивал на пачки контрабандных сигарет и бутылки тут же разлитой водки, левые акцизные марки.

Работа была не пыльная, но тоскливая. Во-первых, ходить на склады приходилось пешком, а это как здрасьте — четыре кэмэ в одну сторону пиздовать. Ну и вечером обратно. Спортивно, конечно, но все же... Во-вторых, платили, мягко говоря, паршиво. Хватало или выпить, или закусить, но не на оба удовольствия сразу. Так что к концу первого месяца я отошал как медведь-шатун.

Поэтому, когда местный "бизнес-авторитет", по совместительству лидер организованной партийной группировки и главный руль на городском базаре Гена-Примус, заметил мою рожу в очередной драке под "Ласточкой" и предложил работу "по специальности", я ни секунды не ломался. Потому что должность базарного контролера, товарищи, это не только ценный мех в виде неплохой и стабильной зарплаты, но еще и ежедневные триста грамм диетического, легкоусвояемого самогона...

4. Недолгий триумф

Секретарша Люси не поддержала разговор о погоде. Да и вообще отреагировала на Алана, как на пустое место. Бумаги, правда, взяла. Пока она прошивала листы с докладом автоматическим степлером и набивала все положенные печати, Алан, расположившись у бесплатного автомата, выпил подряд целых две чашки ароматного "Нескафе" без кофеина.

Выбросив в урну пустой стаканчик, он обвел рецепши взглядом Джека Райана, приносящего президентскую присягу. Все записи расшифрованы, нужные рисунки и фотографии вставлены в итоговый документ, который выведен на печать. Теперь эти несколько десятков листов лягут на стол резидента не обезличенной оперативной информацией, но полновесным официальным докладом. За его, агента А. Дж. Берковича, личной подписью!

И уж на этот раз шеф никак не сможет приписать себе чужую работу. Потому что этот доклад был настоящей бомбой. Алан ни на секунду не сомневался, что, даже с учетом разницы во времени директор, да что там директор, сам Президент ознакомятся с содержимым тонкой зеленой папки не позднее чем послезавтра!

Время! Повинуясь небрежному кивку секретарши, он открыл дверь и шагнул на мягкий пушистый ковролин.

Резидент был похож на добродушного мультипликационного медвежонка Пуха, который достиг пенсионного возраста. Однако Алан на его счет не обольщался. Аскинс, бывший заместитель директора, отправленный в почетную ссылку, железной рукой управлял своим заштатным украинским хозяйством и был опаснее гремучей змеи.

Алан всегда робел, переступая порог этого кабинета. Поэтому, следуя совету своего вирджинского психотерапевта, прежде чем подойти к столу и сесть на гостевое полукресло, он представил себе, что с шефом будет сейчас разговаривать не он, Алан Беркович, а сам Джек Райан...

— Ну что там у тебя? — уныло поинтересовался шеф, водя по столу допотопной проводной мышью.

— Есть интересные новости, — Алан изо всех сил старался выдержать роль "хладнокровного агента", выложил на стол папку.

Но под немигающим взглядом всесильного резидента голос предательски дрогнул. Шеф, проницательный как доктор Хаус, это сразу почувствовал..

— Не тяни осла за хвост, парень. Выкладывай все, что знаешь, и побыстрее. У меня через полчаса важная встреча.

— Согласно утвержденному вами плану, я проводил расширение агентурной базы на подконтрольном объекте, — из последних сил стараясь придерживаться сухого официального языка, с готовностью зачастил Алан. — В результате, мной была получена информация высшей категории важности, представляющая приоритетный стратегический интерес...

— Ну, это уж не тебе решать насчет категорий, сынок, — проворчал шеф, и требовательно пошевелил короткими пальцами. Алан вложил в руку Аскинса доклад. Начальство пробежало глазами титульный лист, хмыкнуло, внимательно ознакомилось с аннотацией. На этом месте Аскинс немного нахмурился и быстро перелистал вводную часть, Алан затаил дыхание. Шеф поджал губы и продолжил чтение. Теперь он походил не столько

на пенсионного Винни Пуха, сколько на дядюшку Скруджа.

— Где фонограмма? — неожиданно и резко спросил шеф, не добравшись и до середины доклада.

Алан передал флешку.

Из колонок донеслось приглушенное "бреньк" дверного звонка. Диктофон не записывал "пустоту", так что стук замка и скрип петель раздались сразу же, без паузы.

— Привет, Витя! — громыхнул в компьютерных динамиках нагло-жизнерадостный голос. — Знакомься, это Алан. Он из Штатов. Решил тут у нас бизнес замутить, типа колбасный завод открыть. Инвесторов, сам знаешь, после кризиса, как мух на варенье набежало. А я у него вроде как региональный представитель...

Шеф поморщился и нажал "паузу".

— Кто это такой?

— Мой агент, Сергей Котельников, — Алан перегнулся через стол и пальцем указал на фото в докладе. — Бывший офицер кей-джи-би, передан мне предшественником. Главный источник по объекту "Руса".

Шеф кивнул и снова запустил запись.

— Привет, Серега! — голос хозяина выражал одно лишь радушие. Он был определенно рад неожиданным гостям. — Ладно, мужики, чего на пороге стоять, давайте, проходите.

Последующие четверть часа были заполнены шелестом пакетов, звоном бутылок и хлопотливыми репликами: "А где рюмки стоят?", "В серванте возьми, только сполосни, они пыльные"

— Кто хозяин квартиры? — спросил шеф, глядя вверх и в сторону от Алана. Алану это весьма не понравилось. В словах и жестах шефа было что-то... неправильное. Человек, у которого на столе оказался просто термоядерный материал, должен вести себя как-то по-другому. Аскинс же говорил и действовал так, будто ему принесли чашу, полную яда.

— Виктор Сербин. Он заведует складом у субподрядчиков концерна "Калибертон". Тех, что занимаются уничтожением стратегических бомбардировщиков в Русе. Их режут на металл...

От разъясняющего комментария шеф поморщился, словно проглотил испорченный гамбургер.

— Зачем он тебе понадобился?

— По словам Котельникова, нам нужен человек, который бы мог давать информацию изнутри "Калибертона".

Шеф скривился еще больше, и Алан с ужасом понял, насколько слабо и беспомощно прозвучало объяснение. Аскинс шевельнул пухлыми губами, но ничего не сказал, вернувшись к докладу. Сверяясь с расшифровкой, он пропустил часть фонограммы, где застолье набирало обороты. Остановился лишь там, где подвыпивший Сербин начал отчаянно ностальгировать и вещать с пылом греческого оратора. Судя по тону и беглой речи, это было ему не в новинку.

— Мы как украинцами стали, и полгода не прошло, как весь ядерный боеприпас вывезли в Россию. А ведь те самолеты, кроме как ядерное оружие носить, ни для чего не пригодны! И стал наш стратегический аэродром новой свободной Украине бесполезной обузой. Стратеги летать перестали, а транспорты с заправщиками сдали в аренду каким-то частникам. После этого и вовсе пошел беспредел. Ни власти, ни порядка... Комдив с кавказцами снюхался, продавал, сука, все, что мог, направо и налево, про своих офицеров

забывать начал, вообще голову потерял. Аэродром совсем в упадок пришел. А что сегодня? Россия самолеты восстановила и летает вовсю. Офицеры, что на уговоры не поддались и присягу Украине не приняли, служат, летают... Многие уже полковники. А мы что? А мы проебали все! Аэродром разобрали по кирпичику, самолеты порезали...

Шеф слушал, подперев голову рукой. По всему было видно, что он получал от пьяных рассуждений Сербина огромное наслаждение. За время работы в бывших военных городках Алан успел наслушаться подобных историй, потому настроение начальства не разделял. И нетерпеливо ерзал на стуле в ожидании, когда дело дойдет до главного, ради чего он, сломя голову, примчался в Киев.

После очередной байки в застолье возникла пауза.

— Вот что, мужики, сидим-то мы, конечно, хорошо, но тут такое дело, — Сербин заметно нервничал. — Может, в "Полете" продолжим? Угощаю! Время к девяти, скоро дочка домой вернется. Ты же, Серега, знаешь, она у меня не переносит, когда дома с друзьями сижу.

— Как знаешь, Витя, — судя по голосу, Котельников был чем-то сильно разочарован. — Нам, татарам, все равно, что отступать — бежать, что наступать-бежать. В "Полет", так в "Полет".

Лакуна в фонограмме составила около тридцати минут. За это время компания переместилась в сохранившийся еще со старых времен военоторговский ресторан и продолжила прерванное застолье. Выпили они, судя по всему, немало. Даже у Котельникова речь потеряла связность, а осоловевший Сербин, и подавно, еле ворочал языком. Теперь в пустом толковище можно было разобрать лишь отдельные фразы, так или иначе повторяющие все то, что Сербин рассказывал еще дома: "Не государство, а смех один... от армии ничего уже не осталось... грабят аэродром, почему зря, и дела нет никому... бомбардировщики все порезали"...

— И этого тихого алкоголика вы собрались завербовать? — съехидничал шеф. — Безусловно, источник ценный.

— Я сначала тоже так подумал, — пожал плечами Алан. — Но вербовка имела второстепенное значение. В сущности, это моя работа, просеивать мусор в поисках редких ценностей. Главное — дальше. После того, как мой агент Котельников надолго ушел в туалет, объект кардинально изменил поведение и начал делиться со мной совершенно другой информацией. Это в конце доклада...

— Слу...шай, Алан? Или как там тебя? — Сербин уже едва ворочал языком. — Такая история — не поверишь. Тебе одному, как брату! Еще при Горбаче было, гореть ему в аду, суке ебанной! Мы тогда летали над Тихим океаном, возвращались из Вьетнама в Моздок. Ну, это рядом с Орджоникидзе, который сейчас Владик, Владикавказ, чтоб тебе понятнее было. После заправки должны были на Русу идти. К месту постоянного базирования. А тут уже в воздухе получаем приказ...

Сербин продолжал бубнить на одной ноте, то и дело, запинаясь и повторяя слова, словно он сам был магнитофоном, озвучивающим старую пленку. Шеф превратился в слух.

— Как только я понял, о чем идет речь, — дождавшись очередной лакуны в записи, сказал Алан, — немедленно отослал агента, а в рюмку объекту вылил специальный препарат. "Коктейль правды" КС-127.

Шеф отмахнулся от комментария, как от мухи.

Связности в речи Сербина не прибавилось — ускорился темп, и участились фразы,

которые он, уже не обращая внимания на собеседника, выпаливал одну за другой почти без пауз, пока не завершил весь рассказ.

— Вот и выкатили мы на гидроподъемнике, отвезли в кленовую рощу, и спрятали в яму, под аккумуляторы... И клятву дали молчать до смерти... Весь экипаж... Емельяныч, крутой командир... С тех пор никому ни полслова... Но тебе, Алик, блин, как своему... Первый раз за двадцать пять лет... А Серега-радист в Детройт махнул, во дела, мы ж вас тогда всерьез забомбить могли. Ты не из Детройта? Нет? Ну, и хрен с ним. Все, наливай, мир, дружба...

Дослушав запись, шеф углубился в доклад. Алан не догадался распечатать для себя второй экземпляр и чувствовал себя неуютно. Теперь ему постоянно приходилось напрягать память, чтобы вспомнить свои комментарии к расшифровке фонограммы. Он все же попытался вставить пару фраз, но шеф снова махнул рукой, приказывая замолчать.

Четверть часа прошли в полной тишине, которая изредка нарушалась обиженным сопением Алана и шелестом страниц.

Покончив с докладом, шеф поднял глаза и внимательно посмотрел на Алана. Тот просиял.

Но первый вопрос оказался совершенно не тем, какого ожидал Алан:

— Значит, он умер в ту же ночь?

— Да, — ответил Алан. — Выпил слишком много.

— Беркович, — профессорским тоном произнес шеф. При этом Алану показалось, что Аскинс с трудом сдерживается, чтобы не наброситься на него с кулаками. — Ты же обучался на специальных курсах в Лэнгли. Целых шесть месяцев. Посмотри на фотографию этого человека: у него характерные мешки под глазами. Это свидетельство больной печени. В таком случае применение КС-127 разрешается только после предварительной оценки медицинских карт объекта, иначе его можно легко угробить. Что собственно, ты с блеском осуществил...

Алан почувствовал, что краснеет.

— Но ведь срочность, — попытался он неуклюже оправдаться. — А если утечка информации?

— Какая, к черту, срочность! Даже если поверить в весь этот бред, то с тех событий прошло уже четверть века! Повторю специально для тебя — четверть! Четверть гребанного века! И этот человек, точнее, эти люди все это время молчали, как устрицы. Ты ведь до сих пор не понял, что он выдал тебе информацию только потому, что ты американец. Для подсознания и разваленной психики этот факт сработал как ключ. Прогляди свои конспекты по медикаментозному допросу. Если ты их, конечно, вел. И не спустил на косячки. Нужно было просто привезти этого русского в Киев, на явочную квартиру, где с ним бы поработали профессионалы.

"Ищи дурака, — подумал Алан. — Информация в любом случае получена и пошла в работу. Только сейчас, когда она подана официальным рапортом, ее авторство принадлежит не резиденту в Украине, а агенту А. Дж. Берковичу. Именно это тебя и злит, старый павиан".

— Я склонен считать, что мой доклад заслуживает самого серьезного внимания, — с обидой произнес он вслух.

— Агент Беркович, — нахмурился шеф, — если вы не сочтете за труд ознакомиться с архивами нашей резидентуры, то поймете, что у русских и украинцев рассказы о государственных тайнах, которые, якобы, им известны, давно уже превратились в разновидность фольклора. Это очень изобретательные люди с отлично развитой фантазией,

которые знают, что иногда за такую вот историю им могут заплатить деньги. Одних лишь материалов, которые мы собрали в этом году, твоему любимому Тому Клэнси хватило бы на сотню романов.

"При чем тут Клэнси? — совсем разобидевшись, думал Алан, — и откуда вообще Аскинсу известно, что он у меня любимый писатель"?

— И вообще, что вы сделали за это время, как региональный оперативник, прежде чем прибыть ко мне на доклад? Как вы собираетесь проверить то, что наболтал этот спившийся майор? Вы уточнили, где росли деревья двадцать лет назад? Вы определили состав экипажа? Вы обозначили круг лиц, которые могли быть посвящены в эту тайну?

Под градом неудобных вопросов Алан едва не растерялся, но вспомнил, как в аналогичной ситуации держался Джек Райан, и взял себя в руки.

— Именно этим я и занимался, сэр. Но информация представляет такую важность, что действовать пришлось предельно осторожно, а по инструкции я должен немедленно докладывать обо всем, что касается атомной, химической и бактериологической угрозы, — сухо ответил Алан — поэтому в первую очередь счел необходимым подготовить первичный отчет...

— Мог бы сбросить зашифрованную электронную почту, а сам бы в это время занялся делом, — не обращая ни малейшего внимания на его мимику, проворчал шеф. — Ладно, как бы то ни было, а проверить эти сказки дядюшки Римуса все равно придется. Возвращайся к себе и ожидай звонка...

5. Могила для контролера

Есть в мире справедливость, есть! Если бы не было, то я бы по дороге концы отдал. А так, нет, дошел! Вот он, наконец! Самое для меня сегодня желанное место! Не сказать, что любимое, конечно... Родной Зареченский колхозный... Точнее, если верить вывеске над воротами, то "Торговый центр "Руса".

За воротами уже кипит привычная утренняя суэта с раскладыванием товара и неперменной руганью "бизнесменов", не поделивших места. Морду никому вроде не бьют, и хорошо. Значит, наведаемся в одно место...

Для всех, у кого каждый прожитый день венчается усугублением литра, а то и двух, крылатое выражение "трубы горят" — это не фигура речи, а точнейшая характеристика состояния. Только так и можно описать мучения души и тела, что наступают через час-полтора после подъема. То есть, если сейчас, без промедления, не принять соответствующие меры, еще хуже будет. Но сегодня, похоже, черная полоса кончается полосой белой! Есть! Слава всем, кто сидит на облаке, есть!

Явдоха, "Радио Сарафан FM" и недипломированный врач-похметолог уже на своем законном месте, с заветными снадобьями наготове. Место не только законное, но и крайне козырное: у самого входа, справа от ворот. Сколько у нее получается выручки за смену, мне и представить трудно. Мимо ни один страждущий не проходит, все оскоромливаются. Я не исключение.

В грязный граненный стакан, без слов сунутый бабкой в страждущую ладонь, начинает литься густая ароматная жидкость. Вот же пердунья старая! В колумбарии прогулы ставят, а она со своими тараканами расставаться не спешит. Не устраивают, видите ли, новомодные веяния в лице одноразового пластика! Только проверенная временем классика. Так что, потчует она всех из личных старорежимных стаканов. Емкость в руке тяжелеет. С трудом удерживаю "гранчак" трясущейся рукой.

Нос с утра еще не включился и запахи не отслеживает, со вкусовыми рецепторами та же беда. Поэтому два первых глотка проскальзывают легко, как безобидная минералка, а не вонючий первач... Животворная жидкость, обжигая глотку и пищевод, скатывается в желудок. Обруч, что давил на голову, тут же исчезает. По рукам и ногам волной прокатывается тепло. Эх, зря сегодня не Пасха, так и хочется заорать, что, мол воскрес! Да и я не еврей...

...Ще не вмерла Украина, если мы гуляем так!...

Везет мне на музыку сегодня, мать её! Из базарных динамиков на всю округу вопит евролицо державы — неугомонный трансвестит Верка Сердючка. Ох, не договариваете вы, товарищ эстрадный исполнитель! С одной стороны, конечно, не вмерла. Но с другой, были мы все, как говорится, на волоске...

Долго грустить не получается. Алкоголь оказал целительное воздействие. Взглядом человека, достигшего врат нирваны, окидываю торговые ряды. Они теперь напоминают не провинциальный филиал ада, а вполне себе пасторальную картину. За прилавками токуют

улыбчивые и радушные продавцы, а меж ними, будто пчелы от цветка к цветку, снуют деловитые покупатели...

Чувствую, как кто-то мягко, но настойчиво пытается отобрать опустевшую емкость. Недоуменно опускаю глаза. Фу, блин, вот это приход поймал! Надо же Явдохе стакан вернуть.

На самом-то деле, эту народную алкоцелительницу, внешним обликом напоминающую Сову из мультика про Медведя со Свином, зовут, конечно же, не Явдоху. Но вот прицепилось как-то, и все. Ее настоящего имени толком никто и не знает. Большею частью поселковых и практически всем нам, должникам-отселенцам, недавно прибывшим в Русу на постоянное, а для очень многих и последнее место жительства, она известна именно как Явдоху. И, как говорил один мой хорошо знакомый полковник: "Не ебет!". Бабка всегда является на базар одной из первых. Занимает свое место и до полудня восседает на раскладном брезентовом стульчике. По бокам у нее две огромные мечты оккупанта. С этими неподъемными сумками справляется сама, притаскивая без чьей-то помощи. К обеду Явдоху обычно успешно расторговывается и пропадает.

Бабулька очень и очень непростая. Только на моей памяти, а работаю я тут всего полгода, она успешно отбила пару десятков рейдерских атак и прочих недружественных поглощений. Выжить пытались не только конкурирующие сверстницы и семейство местной цыганвы, но и высшие чины, по местным меркам, заоблачного милицейского райотдела. И все бесполезно.

Помимо собственно самогона, у Явдоху в сумках еще и товары, составляющие основу большинства местных благосостояний — паленая водка и левые сигареты. Так что, вместо арендной платы, по устаканившейся давным-давно традиции, получаю от народной целительницы две пачки красного "ЛМа".

Смяв фольгу, швыряю ее в грязь. Мусорных бачков тут не предусмотрено в принципе. Вытягиваю сигарету, чиркаю зажигалкой... Нашлась в кармане, и, как ни странно, даже почти полная. Несколько глубоких затяжек окончательно приводят организм в чувство и в норму. Вот теперь можно и приступать к выполнению прямых служебных обязанностей!

Льются песни, льются вина,
И стучат, стучат, стучат бокалы в такт.
Будэ жити Украина, если мы гуляем так!

Этот подзабытый шлягер снова набрал популярности пару лет назад или около того. Россия достроила газопроводы в обход Украины, миллиардный долг заморозила, и новые поставки начала делать исключительно по предоплате и по новой цене. Зима была веселая! Половина киевлян коммунистам свечки готова была ставить за то, что в новых районах печки не на газу, а на электричестве. Только тем и спасались. Хорошо хоть Донбасс под шумок не отделился, а то без угля, вообще все вымерзли бы к хуям собачьим. А шустрый Андрей Данилко оперативно добавил к древней песне пару строчек про газ. Говорят, на римейке чуть ли не мильён заработал. Еще бы, песня едва новым гимном Украины не стала...

Пока Неля, крашенная под блондинку каланча: "Чай-кофе-капучино-минет!", разбалтывает для меня растворимый "Якобс" в пластиковом стаканчике, я смотрю по сторонам. Как раз началось самое рабочее время. Запоздавшие продавцы занимают места за свежевыкрашенными прилавками. Слева — деревенские с картошкой, зеленью и овощами. Напротив — местные поселковые. У последних ассортимент разнообразнее, от магазинных продуктов и шмоток до сантехники.

Здоровенный амбал из Яблоневки, тот, что по вечерам меняет у рабочих с колбасного за водку ворованную свинину, предпринимает наглую попытку занять позицию на земле, рядом с прилавками. Натолкнувшись на мой внимательный взгляд, молча подхватывает баулы и топает в сторону стекляшки под вывеской "Мясо. Птица". Знает, сучонок, что с кем-кем, а с ним я церемониться не буду. Напинаю под зад, еще и все печенки отобью. Вот и молодец, что свалил. В павильончике пусть о цене за место с Арсланом договаривается. Арслан там царь, бог и воинский начальник, а не я. Моя сфера влияния — уличные прилавки.

Допиваю подостывший кофе, бросаю смятый стаканчик в услужливо протянутый мусорный пакет. В особое отделение кошелька ложится десятка от Нели, и я выдвигаюсь в сторону недлинных, крытых древним шифером рядов, где уже начал понемногу раскручиваться маховик утренней торговли.

Чтобы собрать арендную плату со всех торгашей, кто занял место за прилавком и рядом, на земле, и сдать директору кассу, у меня обычно уходит не более получаса. А потом присматривай себе за порядком, поплеывая в потолок. В общем, работа — не бей лежачего.

Пока без спешки обхожу подведомственную территорию, как меня только не называют! И Виктором, и Витьком, и Витюнчиком, прости господи! Некоторые даже Виктор Сергеичем кличут. И откуда отчество знают, сволочи, если я сам его не ко всякому вечеру вспомнить могу?

Мне протягивает пятерку старушка, пытающаяся торговать книгами. Библиотеку распродает. Жена бывшего комполка, что взлетал с местного аэродрома, грозя далеким Штатам. Прохожу мимо. Знаю, что торговля у нее никакая, а пятерка — буханка хлеба... Вот все-таки человек старой закалки, каждый раз денежку пытается дать. А я каждый раз "не замечаю". Традиция уже, однако! Начальство поначалу косилось, да и сейчас временами неодобрительные рожи корчит. Но мирится, поскольку на карман себе лишнего не кладу.

К завершению обхода кошелек набивается разнокалиберными бумажками, а в желудке поверх кофе болтается поднесенный от чистого сердца беляш. Отхожу в сторонку и, прислонившись к стене, пересчитываю выручку, параллельно сортируя купюры. Наши власти — те еще затейники! Выпустили каждой бумажки по два вида, а десяток, если мне не впарили фальшак, и вовсе, оказывается, три! Туши свет, товарищи! Как прикажете ориентироваться в этом нумизматическом беспределе, буйстве цветов и красок тем, у кого плохое зрение? Хотя нет, нумизматика — это, кажется, монеты... Но все равно тяжело. А если выпил человек? Хотя, пальцы свежей краской не мажутся, да и отшлепанных на плохом цветном принтере тоже не оказалось. А хороших в этих ебнях и не водится.

Все, теперь по-быстрому сдаем наличку и расслабляемся. Можно будет присесть на лавочку в глубине базара, рядом с Серегой, что банчит травкой, и до самого обеда балдеть. После первых же драк меня в городке стали почему-то считать бывшим десантником и связываться не рискуют. Поэтому, чтобы пресечь в зародыше большинство конфликтов, достаточно поднять голову. Даже шуриться грозно, и то не надо.

Снова начинает ныть разбитая рука. Точно! Я же про задачу "номер раз" позабыл со всеми этими опохмелками. Сегодня надо выведать у Явдохи подробности, кто и как ночью лапти отбросил. Только осторожно, старушенция хитрая и умная. Она точно все знает, вплоть до того, какие труселя были на покойном. Но это уже потом. Ибо, как говорится, бизнес превыше всего! На ходу зацепив жменю семечек из мешка у ближайшей тетки, иду к обитой цинком двери, рядом с которой синееет прикрученная к стене солидная табличка с серебристой надписью "Администрация".

За дверью сидит Люся. Она приходит как бы не раньше Явдохи. "Бывшая правая рука комэска", как любит она себя называть — бессменный директор рынка и депутат поселкового совета. Принимает выручку, тщательно пересчитывая несколько раз стопку мятых купюр.

Стопка переключивается в огромный сейф с гравированной надписью "1895". Сейф этот базарные хозяева украли с сахарного завода еще до моего прихода. Представляю, как матерились мужики, когда тащили гробину! Скрипит, закрываясь, дореволюционная дверь. Хрустит замок. Люся отворачивается от сейфа и начинает стучать по клавиатуре. "Социализм есть учет!" У нас, конечно, дикий капитализм, но деньги все равно считать надо.

Дурацких вопросов в стиле дешевой пародии на "папашу Мюллера", как любит Гена-Примус, типа: "Точно все? Может, пара гривен по карманам завалялась?" — Люся не задает. Она умнее хозяина. За полгода меня проверила много раз, и знает, что не копейничаю.

Покончив с бухгалтерией, гражданка начальница откидывается на спинку удобного кожаного кресла.

— Виктор! — командный голос, что поставлен в те легендарные времена, когда Люся возглавляла местный "Военторг", не предполагает малейшей возможности возразить. — Сегодня из райцентра, из морга, привезут трех покойников. Они за нашим поселком числятся. Мэр лично просил, чтобы мы оказали помощь в захоронении. Сам знаешь, не маленький, что у городской администрации лимитов и на живых в обрез. Так что, находишь напарника и к четырем часам на кладбище, чтобы как штык!

Вот только насчет лимитов, Любовь Ивановна, это вы очень зря! Оно, конечно, не мое собачье дело, но особняк нашего мэра растет как на дрожжах. Бывший страховой агент, всенародно избранный в позапрошлом году на столь ответственный пост, решил выстроить себе "фазенду" в четыре этажа. Так что с лимитами у него все отлично. Совести нет, это да. Вот же сука такая, решил на покойниках сэкономить.

Хотя, чего это я? Доискался уже правды... Надо, что ли, больше всех? Нет, не надо!

— И чё мне будет за сверхурочные? — интересуюсь как бывалый шабашник. Хотя шабашник-ловчила из меня, честно сказать, что из дерьма пуля...

Люба вздыхает:

— Две по ноль семь тебе будет. За сверхурочные. И не паленки с аэродрома, а настоящей. Справишься до конца рабочего дня, зайдешь ко мне, получишь. Сегодня не вернешься — жду утром. Пока тебя не будет, за порядком Арслан присмотрит. Вопросы?

Вопрос у меня есть. Точнее даже не вопрос, а предложение. Рационализаторское.

— Водку вперед! — говорю, стараясь, чтобы голос налился суровым металлом.

С металлом выходит плохо. Люба ухмыляется.

— Ну да. Тебе сейчас дать два пузыря, а потом собирай по частям. Нет уж! Как говорится: утром могилы — вечером водка. Можно и наоборот, но могилы все равно вперед.

— А с напарниками мне, чем рассчитываться прикажешь, натурой?

При упоминании о натуре Любовь Иванна вскидывает глаза, в которых проглядывает червовый интерес. Баба в самом соку, почему бы и нет? Буду здесь жить как Потемкин при императрице Екатерине... Однако начальница тут же берет себя в руки.

— Одну авансом, вторую после работы, — отрезает она. Вот уж, у кого металл так металл...

Спорить и торговаться далее бесполезно. Принимаю аванс. Ты смотри, "Хортица"! Взбалтываю емкость и с удовольствием наблюдаю змейку из маленьких пузырьков — точно не палево! Засовываю бутылку в карман спортивных штанов. Смотрится похабно, но больше некуда — не в кульке же нести.

С гордо поднятой головой покидаю кабинет суровой директорши. Потусуюсь до обеда здесь на базаре, шаурмой у Додика закушу, а часикам трем двину к "Ласточке". Там алкашня постоянно трется. Кто на шабашку надеется, кто на халявное бухло. Вот там одного или двух и мобилизую на саперные работы. Не контролерское это дело, бомжам могилы копать!

6. Практика заговора

Новое здание штаб-квартиры ЦРУ было единственным небоскребом в окрестностях, так что с пятьдесят шестого этажа, который целиком занимал директор со своим бюрократическим аппаратом, небольшой, но густой лес за окном казался мягким покрывалом, небрежно сброшенным на пологие холмы. Чуть дальше, по ту сторону реки Потомак, до самого горизонта виднелись бесчисленные коттеджи с поблескивающими в утреннем солнце овалами и прямоугольниками непрременных бассейнов. Солнце поднималось над землей, тихонько подкрадывалась полуденная жара, и автоматика в зале совещаний включила климат-контроль.

За круглым конференц-столом сидели двое. Ближе к окну, откинувшись на спинку массивного кресла, утвердился человек лет пятидесяти с грузноватым корпусом и добрым открытым взглядом. Мягкие кошачьи движения в сочетании с обширной комплекцией делали его неуловимо похожим на Джона Траволту. Собеседником "Джона" был невысокий, добродушный, чуть суетливый итало-американец с редкими зачесанными назад волосами. Он также походил на кинозвезду, только не на Траволту, а скорее на Денни де Вито. На самом деле, разумеется, ни тот, ни другой, не были актерами. "Траволта", хозяин кабинета, являлся директором ЦРУ, а его гость "де Вито" — советником Президента США по национальной безопасности.

Человеку, несведущему в американской паутине государственной власти, сложно оценить в полной мере суть должности советника президента. Это очень яркое проявление гибкости звездно-полосатой системы правления, где демократическая ширма выборных (или утвержденных выборными органами) должностей в случае необходимости способна за считанные часы трансформироваться в жесточайшую властную вертикаль, вплоть до прямой диктатуры. Советник назначается непосредственно президентом. Его кабинет находится в западном крыле Белого дома, неподалеку от овального офиса шефа, а полномочия определяются исключительно волей главы государства.

Официально его задача — "подавать советы по вопросам, касающимся национальной безопасности", на деле же, он руководит отдельным секретариатом, на который замкнуты все силовые структуры. Главы всех министерств и ведомств могут попасть на прием к президенту лишь после того, как на это дал согласие его советник. Также большинство текущих документов готовит аппарат советника, президент их только подписывает...

А вот директор ЦРУ — давно уже не та всемогущая и политически значимая фигура, какой он был во времена Холодной войны. Подчиненный директору Национальной разведки США, которая, в свою очередь, замыкает на себя шестнадцать разных разведывательных организаций, он не имеет права на прямой доклад в Белый дом. Потому утренний визит в штаб-квартиру ЦРУ советника президента, к тому же обставленный с максимальной секретностью, был в сложившейся системе далеко не ординарным событием.

— Насколько можно верить этой пьяной болтовне? — с мягкой, добродушной улыбкой осведомился советник.

— Мой аналитик утверждает, что все сказанное является правдой с высокой степенью вероятности, — хорошо поставленным голосом отозвался директор. — Действительно в августе восьмидесят седьмого русские производили соответствующие испытания и, по неуточненным данным, потеряли какой-то специальный заряд. Этот Сербин был штурманом

самолета, который осуществлял сброс. Также некоторые технические подробности, которые штурман упомянул, свидетельствуют о том, что он действительно видел бомбу вблизи. В обычной ситуации этого не могло произойти. Советы были помешаны на секретности, и экипаж не мог увидеть объект.

— Возможен ли повторный допрос этого... Сербина? — деловито уточнил советник, тщательно выговаривая русскую фамилию.

— К сожалению, нет. Он скоропостижно скончался. Агент, молодой идиот, передозировал соответствующие медикаменты, — директор чуть развел ладонями, выражая этим скупым жестом одновременно и печаль относительно гибели ценного информатора, и сожаление оттого, что в его ведомстве нашелся столь непрофессиональный сотрудник.

— Кто еще владеет информацией? — тон советника был резковат, но собеседник предпочел этого не заметить.

— Фактически — еще шесть летчиков, которые принимали непосредственное участие, и те офицеры, которые их покрывали. Теоретически — случайные свидетели, а также родственники и друзья, с которыми они могли поделиться. Мы работаем над уточнением.

— При достаточно широком круге посвященных эта история до сих пор не всплыла, иначе тот пьяница не умер бы... э-э-э... своей смертью, — предположил советник и поинтересовался с осязательной ноткой недоверия. — Как такое могло произойти?

— Не знаю, — честно сказал директор и сразу поправился. — Пока не знаю. Сербин обмолвился, что их радист эмигрировал в Канаду или Америку. Мы проверили — действительно, одному из тех, кто был в составе этого экипажа, в свое время оформлялась виза. Уже ищут. Если он до сих пор жив, то в течение суток будет найден.

— Кому еще известно об этом... в вашем ведомстве?

Директор ждал этого вопроса и даже немного удивился, что он прозвучал так поздно, поэтому ответ последовал незамедлительно.

— Агенту, который сделал запись. Резиденту в Украине. Мне. Эксперту-аналитику. Полевому агенту, которому поручена проверка данных.

— Кто этот Алан Беркович? — так же быстро спросил советник. — Судя по докладу, он полный кретин. Вы можете объяснить, как этот клоун вообще попал на оперативную работу?

— Это было еще до вашего прихода в Белый дом, сэр, — пожал плечами директор. — У парня феноменальное происхождение. Его полное имя Алан Дж. Беркович, где "Дж." обозначает не Джон или Джеймс, а Джефферсон. Он кварталон^[8]. Его дед по отцу — чернокожий, известный баптистский проповедник. Отец, стало быть, мулат. Мать — дочь раввина из Новой Англии и нелегальной мигрантки из Коста-Рики. Если бы среди предков этого юноши отыскался еще и какой-нибудь индеец, то он бы стал идеальной фигурой для политической рекламы.

Советник промолчал, но чуть качнул головой в знак понимания.

— Парень немного... не в себе, — продолжил директор. — С пеленок одержим "великой американской мечтой". После окончания колледжа ушел в армию, стал морским пехотинцем, служил в Ираке, а затем год охранял посольство в Йоханнесбурге. Когда вернулся в Штаты, штурмом взял высшее образование — получил правительственный грант и закончил, только не смейтесь, сэр, Гарвардскую школу права^[9], несмотря на то, что едва переползал с курса на курс. И все это с IQ, которому не позавидовал бы и Форрест Гамп. Первое его заявление с просьбой принять в ЦРУ "для того, чтобы быть на переднем крае борьбы со Злом" наш департамент по персоналу распространил во внутренней сети в

рубрике "курьезы месяца". Там "Зло" было написано с большой буквы.

— Отказали? — краешками губ улыбнулся советник.

— Конечно. Нам и своих идиотов хватает. Но парень оказался на удивление упрям. Размахивая отказным письмом, Беркович обратился к конгрессмену от своего штата с просьбой о помощи и ухитрился взять приз за хоул-ин-уан ^[10]. Воистину, дуракам всегда везет. Конгрессмен, как назло, входил, да и по сей день входит в состав комитета, от которого зависит финансирование наших специальных операций. Этот государственный муж здраво рассудил, что поддержка еврейских общин и афроамериканских церквей на следующих выборах не повредит. Как раз решался вопрос о выделении ста пятидесяти миллионов на создание новой спутниковой сети наблюдения, так что выбора у нас просто не было. Единственное что я мог сделать — затолкать его в самое спокойное место, где он со своим бойскаутским задором не сможет нанести никакого вреда...

— И ради того, чтобы ознакомить меня с рапортом этого "политического бойскаута", ты выдернул меня с утра из постели? Бомба, якобы закопанная где-то под Киевом? Да он точно насмотрелся фильмов... — советник улыбался, но в глубине его глаз притаились льдинки.

— Два часа назад я думал точно так же, сэр. Но после того как аналитики провели стандартную проверку, доклад сразу же получил "оранжевый статус", а я максимально ограничил доступ ко всей информации, и позвонил вам по закрытому номеру.

— Это было правильное решение. Если информация подтвердится, насколько вероятна ее утечка?

— Вероятность утечки практически нулевая. Киевскую резидентуру возглавляет Чед Аскинс. Он прислал доклад в обход официальных каналов, анализ проводил преданный лично мне человек. Аскинс считает, что это правда, а уж ему можно верить. Это последний из динозавров, которые разваливали еще Советский Союз...

— Чед с медными яйцами? Старый лузер и герой Малого зиппергейта?

— У кого нет тайных страстишек, сэр? Одни коллекционируют бейсбольные биты, другие — трахают юных сотрудниц. Вторых намного больше, чем первых...

— Дурнопахнущая вышла тогда история, — поморщился советник.

— "Афроамериканской Барби" не давали спать лавры Моники Левински. Наутро она упаковала бутылку с пальчиками Чеда в пакет для вещественных доказательств, потом отправилась в больницу и сделала все анализы... А уж откуда взялся в вине подавляющий волю препарат — никого уже не интересовало.

Советник ухмыльнулся.

— В жизни не поверю, что какая-то девчонка сломала карьеру старого бультерьера. Провинциальных куриц, которых набирают в приемные, не пользует только голубой и ленивый...

— Вы правы, сэр! До того Чед не раз выходил сухим из воды. Но тогда он дал промашку, не ознакомившись с досье своей пассии. "Барби" оказалась троюродной племянницей бывшей Госсекретарши. У чернокожих родственные связи работают не хуже, чем у евреев, и, простите, сэр, итальянцев. Тетушка нажала на все мыслимые рычаги, и дело почти дошло до суда. Восемьсот тысяч долларов — все пенсионные накопления, дом и машина достались шустрой жертве, а мы вынуждены были спрятать Аскинса в этой дыре.

— И как он сейчас?

— Обходит молоденьких американок за пять миль. Впрочем, и молоденьких аборигенок

тоже. Практиканток не берет. Держит в приемной страшную, как смерть, секретаршу, с которой изредка спит. Готов землю есть, лишь бы вернуться в Штаты и свести счета с кланом, к которому принадлежит его главная обидчица.

— Стало быть, это наш человек, — задумчиво вымолвил советник. — Пусть в таком случае остается на месте и лично контролирует все, что там происходит.

Указание прозвучало как недвусмысленный приказ, но если это и покорило директора, то на его лице это никак не отразилось.

— А что делать с Берковичем, сэр? — уточнил директор.

Из-под маски добродушного итальянского комика на одно лишь мгновение выглянула морда безжалостной и хладнокровной рептилии.

— Meneh, meneh, tekel, upharsin^[11], - ответила рептилия.

Затем советник президента моргнул, и на его лицо вновь вернулась привычная маска доброго весельчака де Вито.

Директор понимающе усмехнулся и, на удивление близко к тексту, процитировал ветхозаветного пророка Даниила:

— "Вот и значение слов: мене — исчислил Бог царство твое и положил конец ему; Текел — ты взвешен на весах и найден очень легким; Перес — разделено царство твое и дано Мидянам и Персам".

Директор и советник понимающе и доброжелательно улыбались друг другу, как старые добрые знакомые, понимающие все с полуслова.

— В Киев полетит Опоссум, мой лучший оперативный агент, — сказал директор. — Он оценит обстановку на месте и примет все необходимые меры по... локализации.

— Действуйте, господа, — советник президента поднялся с места, давая понять, что разговор окончен. — После обеда у меня партия в гольф с сам-знаешь-кем, — он указал оттопыренным большим пальцем себе за плечо и, судя по почтительности жеста, речь шла отнюдь не о президенте. — Там и будут решать, следует ли разыгрывать этот джокер, если да, то как именно это сделать.

Директор ЦРУ проводил высокого гостя до самого лифта, вернулся к себе, и долго стоял у окна, уставившись вдаль.

Прижавшись лбом к чуть теплomu стеклу он закрыл глаза. Ему было... нет, не страшно. Скорее очень не по себе. Как игроку, который неожиданно оказался с неплохим набором карт на руках, но при этом заложил всего себя, включая бессмертную душу. Но в этой игре, полем для которой служила вся поверхность Земли, сражались отнюдь не силы Добра и Зла...

Со стороны правящая элита США кажется монолитной и единой. Однако это не так, потому что уже много десятилетий внутренняя и внешняя политика Америки куется в жестоком противоборстве двух могущественных кланов. Кланов время от времени меняют названия, но по сути своей олицетворяют две силы — "оружейников" и "менял".

И те, и другие сформировались между двадцатыми и пятидесятыми годами двадцатого века, когда Сухой закон произвел революцию в теневых финансах собственно Штатов, а наступившая затем Вторая Мировая позволила Америке стать мировым индустриальным лидером, в том числе и в производстве вооружений.

"Оружейники" традиционно главенствовали в сфере военно — промышленного комплекса, энергоресурсов и транспорта. Начав с нефтедобычи, прокладки железных дорог

и сталелитейной промышленности, представители этой группировки взяли под контроль практически всю индустрию производства и обслуживания современных вооружений, а также гражданский транспорт и отчасти всю инфраструктуру жизнеобеспечения США.

"Менялы" простерли длань над финансами, шоу-бизнесом, прочей индустрией развлечений (включая наркоторговлю), а позднее добавили в список технологии и цифровые коммуникации.

История "менял" отлично проиллюстрирована подъемом семейства Кеннеди, которые во времена Сухого закона прибрали к рукам производство незаконно ввозимого в США спиртного. Мафия, воспетая Марио Пьюзо: содержатели притонов, публичных домов и подпольных тотализаторов (традиционно в основном выходцы из Италии), были не более чем уличными дилерами на службе у ирландских семейных кланов. Слившись со "старыми деньгами" Уолл-стрит, эта семья возвысилась настолько, что смогла посадить своего человека в Овальный кабинет. Но ненадолго...

Кеннеди проиграли очередной раунд финансово-политической борьбы, и "менялы" временно отошли на второй план. Лишь в девяностые годы "менялы" через новый "дом Клинтонов" вернули часть утерянных позиций, усилившись за счет сверхдоходов компьютерной индустрии. Через компьютеры и коммуникации они проникали в спецслужбы, а также в производство современных вооружений.

Обе силы представляют собой не монолиты, а сложные, порой внутренне противоречивые конгломераты. Взаимоотношения между "менялами" и "оружейниками" очень запутаны и многообразны, отдельные группировки враждуют и заключают временные союзы. Однако в целом два гиганта последовательно выступают как агрессивные антагонисты.

Вся большая внутренняя политика в США есть по сути жестокое, непрекращающееся соперничество за ключевые государственные посты между "оружейниками" и "менялами".

В силу природы основных капиталов внешнеполитическим курсом "менял" традиционно является "мир и торговля", а "оружейников" — "война и экспансия". Не случайно все мирные соглашения заключаются, условно говоря, "при Кеннеди", а все "миротворческие" операции осуществляются "при Бушах".

Сила, продавившая своего президента, имеет возможность активно лоббировать "свои" отрасли и зачастую берет под контроль спецслужбы. Однако абсолютной власти не удавалось достичь еще никому.

Любые выборы являются продуктом сложных политических компромиссов. Пост вице-президента резервируется за текущей оппозицией, а должность госсекретаря за победившим кланом. Министерские портфели, спецслужбы и места в органах законодательной власти могут распределяться самым непредсказуемым образом. При этом сам характер противоборства существенно изменялся от эпохи к эпохе.

По мере того, как исчерпывался потенциал рывка, совершенного Штатами после падения их главного мирового соперника, СССР, вновь обострялась скрытая битва за влияние, власть и капиталы. Иракский кризис и последовавшие за ним "войны в заливе" дали в девяностых огромное преимущество "оружейникам". Но во второй половине нулевых "менялы" нанесли по своим противникам жестокий контрудар. Используя финансовые рычаги и новый вид СМИ — современные средства коммуникаций, они искусственно раздули и усилили и без того начинавшийся экономический кризис. Это обеспечило сокращение производств и военных бюджетов, а также резко снизило популярность

находившихся у власти оппонентов. "Оружейники" проиграли очередные выборы, после чего остались без оборонных заказов и развития ВПК.

Столь жесткие, хотя и успешные действия "менял" в глазах противоборствующих сторон вышли за рамки конвенционно допустимых в этой скрытой бесконечной войне. Проигравшие промышленники сочли, что их противники перешли незримую черту и, в свою очередь стали готовить достойный ответ. Который теперь не связывали никакие неписанные нормы...

Не имея возможности соперничать с "менялами" на финансовом поле боя, теряя прямой доступ к государственному бюджету и сдавая один за другим ключевые государственные посты, "оружейники" готовились использовать свой традиционный козырь — открытую силу. Нужен был только удобный и убедительный прецедент. И он, благодаря молодому крестину и старому лузеру, похоже, наконец-то нашелся...

Директор ЦРУ, бывший начальник службы безопасности оружейного и нефтесервисного концерна "Калибертон" очень хорошо представлял себе, каким ценным активом в бескомпромиссной битве титанов может стать (а, скорее всего и станет) забытый атомный заряд исчезнувшей страны. Особенно если взорвать его правильными руками и в подходящий момент.

Спровоцировать акт "ядерного терроризма"? Это опасно, рискованно и неоднозначно. Однако только решительные, сверхагрессивные действия могли заставить отступить набравших небывалую силу и мощь "менял". Поэтому директор в целом не сомневался, какое решение будет принято лидерами его группировки.

Но в эти мгновения он почти желал, чтобы, несмотря на все перспективы и возможности, "сам-знаешь-кто" с коллегами приняли решение не будить давно похороненных демонов...

7. Ритуальные услуги

На кладбище мы приходим к указанному Люсей времени. Мы — это я и два подобранных под "Ласточкой" могильщика-волонтера. Солнце клонится к земле, спеша удалиться на заслуженный отдых. Высокие пирамидальные тополя отбрасывают длинные тени на дорожки. Те, прямо как муравьиные тропы, петляют меж холмиков неухоженных, а то и вовсе заброшенных могил. Лет пятнадцать назад памятники частенько снимали, и, разделив, сдавали на металл, так что кто лежит во многих могилах уже не узнать даже при очень большом желании.

У заколоченной сторожки с выбитыми рамами нас встречает замдиректора комунхоза, в чьем ведении находятся городские погребальные дела. Сугулый мужик, похожий на питекантропа длинными и очень беспокойными руками, заросшими дурным волосом чуть ли не до ногтей, неприятный, в общем, тип. "Питекантроп" оценивающе окидывает взглядом мою похоронную команду, затем командует сторожу принести три лопаты.

— Четыре надо! — каркает один из моих лишенцев, неожиданно проявляя глубокие познания в земляных работах. — Совковую добавь, чем осыпь выгребать будем?

Мы с замдиректора переглядываемся. Киваю. Действительно, так проще будет. Штыковой нарезал, повыбрасывал, а совковой собрал. Мужик тяжело вздохнул и добавил совковую...

Вручив инвентарь, замдиректора вытирает пот со лба, матюкнув дурацкое лето, что все никак не успокоится и жарит, падла, и жарит. Сообразив, что нас его трудности не беспокоят ни в малейшей мере, мужик плюет на этикет, и осторожно пытается договориться об отдельных могилах. Впрочем, оказывается он человеком понятливым и быстро въезжает, что без дополнительных вливаний или каких других стимуляций, мы не то, что три ямы вместо одной не выроем, но и лишний раз не махнем лопатой.

Питекантроп тяжело вздыхает, махнув волосатой лапицей, и ведёт нас к полуразрушенному забору, за которым виднеется бурьяное поле, на котором кое-где торчит бурьян. Оказавшись на нужном месте, плюет под ноги, чуть не угодив себе на грязный ботинок.

— Здесь, — тыкает пальцем.

Я рывкаю на своих временных подчиненных. Ветераны, израненные в печень на алкогольных фронтах, хмурия пропитые рожи, начинают подрезать дерн, обозначая контур будущей братской могилы.

Работают ханурики бодро, и на удивление споро. Понятное дело, землекопство для большинства алконавтов — привычный заработок. Много ума не надо, а перспектива позвенеть стекляшкой к концу трудового дня придает старания. Главное — бдить за ними.

Понаблюдав за процессом с полминуты, питекантроп зарывается в карманы. После недолгих поисков извлекает очень грязный мобильник, и не менее грязный клочок бумаги с циферками. То и дело сверяясь с записью, осторожно тыкая мозолистым пальцем, набирает номер. Дозвонившись со второго раза, долго ругается с неведомым Мыколой, который, если я правильно понял, отвечает за отправку нашего груза.

Напоследок обматерив собеседника, замдиректора в который уже раз харкает и объявляет, что труповозка вроде как скоро выйдет и будет "здесь и тут" через пару часов. После чего, снова вытерев пот, грозит, что если завалим работу, то пожалуется самой

Любови Ивановне, и направляется к выходу.

Я, погрозив кулаком ханыгам, чтобы не бездельничали, увязываюсь следом. Воды набрать. Ну и заодно расспросить — для кого это мы жопы рвем в такую жару? Убедившись, что дополнительный пузырь вымогать я не собираюсь, мужик расслабляется. Слово за слово вытаскиваю из него подробности.

Оказывается, что закапывать предстоит двоих моих товарищей по несчастью — таких же отселенцев, потерявших столичные квартиры за долги или по "синему делу". И, до кучи, чтобы жизнь малиной не казалась, офицера — отставника. Ветеран, обкушавшись в кабаке пшеничного соку до синих звезд, помер по дороге домой. Родственники тело забирать не стали. В администрации даже не почесались уточнять, есть ли такие вообще. Поэтому бедного мужика поселковым властям и отфутболили...

Значит, это и есть тот труп, который собаки нашли. И он явно не моего производства... На душе тут же легчает.

Стараясь не уронить авторитет своей строгой, но справедливой начальницы, заверяю местное руководство, что пусть оно не переживает, всё будет путём. Питекантроп топает дальше по своим коммунальным делам, а я, распрощавшись с ним, двигаю к большой куче мусора. Нужна хоть какая-нибудь баклажка, воду набрать, пусть даже старая пластиковая бутылка, здесь таких много. Землекопное дело — потогонное, даже если не столько сам копаешь, сколько раздаешь указания и целительные пендели. А по такой жаре — и вовсе кирдык. Не в пакете же воду нести?

Подойдя поближе, громко матерюсь. В основании кучи — памятник из серого гранита. Кладбищенским хламом его, похоже, завалил бульдозерист, когда чистил главный проезд. Из-под ошметков венков, сухой травы и драных пакетов, проглядывает обелиск, с закрепленным наверху пропеллером.

Кое-как очищаю плиту, поотбрасывая мусор ногами. Смахиваю ладонью землю, читаю надпись. Здесь похоронены шесть летчиков. Экипаж Ту-95. "Стратег" взорвался в воздухе при возвращении с боевого дежурства. Выходит, ребята погибли при выполнении боевой задачи. Хоронили, значит, со всеми воинскими почестями. Оркестр, салютная группа, три залпа в воздух, школьники, наверное, в почетном карауле стояли...

Только все это через двадцать лет после распада Союза оказалось и нахуй никому не надо. И ребята погибшие, и долг перед Родиной, и вообще. Завалили херней всякой, разве что не насрали сверху...

Становится очень паршиво. Я тоскливо ругаюсь и, как могу, расчищаю памятник. Отхожу, не оглядываясь. Не то, чтобы стыдно... Просто до крайности паскудно на душе. Тут на глаза попадается подходящая баклажка из-под "Живчика", прямо как меня и ждала. Нормальная раньше "цветная водичка" в последнее время совсем опаскудилась, зато бутылка удобная, двухлитровая...

Набрав воды из поржавевшего крана у сторожки, не спеша топаю к своим работничкам. Все-таки насчет "споро" я, конечно, поторопился. И перехвалил. Из алкашни, что согласилась на шабашку, землекопы, как из меня канадский лесоруб. После первых десяти минут махания лопатами, их энтузиазм потух, и они еле шевелятся. Дело, правда, помалу продвигается. Почва тут легкая, песчаная, без камней.

Когда к нам подкатывает "таблетка" — санитарный УАЗ-469, чуть ли не малярной кисточкой выкрашенный в серый цвет с кривоватыми красными крестами на битых бортах, мы уже минут двадцать валяемся на траве, подставив морды вечернему солнцу. Благо, оно

уже передумало дурковать. Рядом темнеет внушительная яма, а выброшенная на кучу земля начинает подсыхать...

Пока мы зеваем и протираем глаза, из "таблетки" выбираются Пат и Паташон — щупленький водила и отожраный на спирте и витаминках санитар. Не обращая на нас ни малейшего внимания, они распахивают задние двери и выволакивают, уронив на примятую траву, три длинных пакета из толстого прозрачного полиэтилена.

— Кто тут главный хер в мире животных? — закончив выгрузку, решает нас заметить санитар.

— Ну? — отвечаю я, подойдя поближе.

— В получении распишись, — он протягивает раскрытый журнал, на сгибе которого лежит шариковая ручка с обгрызенным колпачком.

— Незабудко, Сербин, Вакула, — зачем-то читаю я вслух, перед тем как поставить свою закорючку. Фамилии ни о чем не говорят, а рассматривать лица покойников в поисках собутыльников или давних знакомых как-то не хочется.

Санитар забирает у меня журнал, сует подмышку. Труповозка, попердывая движком, укатывает в большой мир. А мы остаемся здесь...

— Ну что, орлы сизеносые! — стараясь придать голосу хоть немного жизнерадостности, обращаюсь к похоронной команде, — кладем на дно, пять минут лопатами помашем, и, как говорится на заслуженный отдых...

Орлы, отобразив на испитых харях сложную гамму чувств, подходят к телу, что оказалось ближе всего к могиле. Когда мы беремся за края пакета, над нами взлетает туча мух. И когда только слететься успели?

Тянем-потянем...

— Стойте, стойте! Ну пожалуйста! — раздается со стороны центральной аллеи тонкий испуганный голосок.

Алкаши как по команде разжимают руки. Пакет падает их стороной на землю, а я ощутимо клюю носом, лишь потом догадавшись выпустить свой край. Совсем ты, Витек, мозги пропил, хуже черепахи соображаешь...

По дорожке, цепляясь за сорняки, протянувшие стебли, будто растяжки, бежит зареванная девчонка. Подскочив к пакетам, она заглядывает в едва различимые лица, скрытые мутным полиэтиленом и, отшатнувшись в сторону, начинает реветь навзрыд...

— Э, ты чего? — касаюсь ее плеча.

— Папа... — с трудом выдавливая она, сквозь душащие слезы, — Вчера в кафе с друзьями ушел... Не вернулся! Я и искала, звонила... Никто ничего, ни видел, не знает... А сегодня... — она шмыгнула носом, — А сегодня мне в милиции сказали, что его утром подобрали... и в район отвезли... Я, я... в морг позвонила, там говорят — приезжайте, забирайте... Я туда, а они его увезли уже... А вы, вы, его уже чуть не похоронили...

Девчонка снова плачет...

Землекопы-шабашники стоят, ожидая команды вышестоящего руководства. То есть меня.

Ситуация, блин, хуже не придумаешь. Получается, вот это захлебывающееся слезами дите — дочь покойного армейца. И чего же ты, на полчаса позже не пришла-то, ебаный ты нахуй?! Если сейчас родственники и знакомые начнут подтягиваться, мы и до утра не разебемся! А за трупы я уже расписался... Не закопаем всех троих сегодня — крайним буду я. Нет, самого не закопают, загребутся пыль глотать. Но по головке Любовь Ивановна,

которая Люся, точно не погладит за это.

Старательно корчу самое скорбно-сочувствующее лицо, на какое способен, и развожу руками:

— Ну а мы что сделать можем? Ты нас тоже пойми. Наше дело маленькое. Сказали — хороните, мы и хороним. Тут оставим — так по ушам получим, что мало не покажется.

Нет, как-то плохо получается... Не те слова, неправильные...

— Давай так, — пробую по-иному. Девчушка уже не плачет, а лишь смотрит на меня огромными глазами, — Ты сейчас реветь прекращаешь, бежишь к взрослым и им говоришь, чтобы они шли к мэру и получали разрешение на... — на всякий случай, сглатываю "эксгумацию", — на перезахоронение.

Девчонка замирает в нерешительности. Пользуясь моментом, киваю алкашам. Те понятливо ухватывают ближайший пакет.

— Не надо! — плакса подпрыгивает и визжит таким ультразвуком, что мои работнички испуганно отдергивают руки, будто их ощутимо долбануло током.

— Ну что еще? — меня вся эта ситуация начинает раздражать все сильнее и сильнее, — Я же тебе русским языком все объяснил. Мамку зови, или кого из родичей.

— Мама умерла, — ветеранская дочка поджимает губы и шмыгает носом, впрочем, судя по всему, реветь она больше не собирается. — И родных у меня тут нет никого. А из знакомых папиных никто трубку не брал.

— Ну а этот, совет ветеранов Вооруженных сил, или как их там? Они чего?

Девочка вновь поднимает на меня заплаканные глаза. Я понимаю, что ляпнул несусветную дурость. В этом городе властям и на живых глубоко плевать, а уж ветераны...

— Вы его что, вот так вот, вместе с этими? — Она внимательно смотрит на пакеты, переводит взгляд на яму. Знаю я такой взгляд, когда цепляются за мелкие детали, чтобы на большее не смотреть и не думать о нем. Сам... впрочем, чего уж там сейчас вспоминать.

— Есть другие варианты? — деловито спрашиваю я.

Дочка покойника морщит лоб, и, набравшись решимости, просит:

— Пожалуйста, похороните папу в отдельной могиле!

Занятнее всего то, что просьба звучит приказом. Вот же блин, радость какая! Это еще пару часов минимум корячится. Оглядываюсь на свою верную алкопехоту. На их лицах читаю свои же мысли. Мужики энтузиазмом не горят от слова "да ну нахер!". Однако, в просьбе можно нашщупать и наш интерес...

— Тут, солнышко ты наше, ненаглядное, какая ситуация. Мы за работу аванс уже получили. За что получили — уже сделали. Так что, как сама понимаешь, без доплаты сверхурочных ну никак!

Вроде и не хочу, а слова заученные сами собой выходят, словно я всю жизнь бригадой могильщиков заправлял, и тон соответствующий. Язык помимо сознания работает. Сперва девочка не соображает, чего я от нее хочу, и смотрит круглыми глазами. Затем, осознав, обречено кивает, и достает из кармашка по-модному рваных джинс тощий кошелек.

— У меня только сорок гривен. Хватит?

Взгляд девчонки вновь наполняется слезами. А я прикидываю. Сороковник — это две поллитровых казенки с закусью. Или два литра самогона. Вместе с тем, что ждет в кабинете у Люси и "коктейлем Молотова", что обещал принести Петро, встреченный в "Ласточке", поминки выйдут приличные. Я степенно киваю, принимаю из дрожащей руки сложенные в несколько раз мятые купюры. Осталось самое сложное — решить вопрос с "хороняками" из

похоронной команды. Каламбур вышел забавный. "Хороняки" на местном суржике — хронические алкоголики.

Но тут прилетела птица обломинго.

— Не, Вить, мы так не договаривались... — занудил первый, — Сил нету никаких. Мы ж с утра ни ели, не пили. Мы яму забросаем, ты нам выдай пузырь, да мы пойдем.

— Руки до мяса стер! — вторил ему боевой товарищ, — спина не разгибается...

Я пытаюсь задействовать самый убойный аргумент, предложив полтора пузыря.

Лень оказывается у алкашей сильнее пьяной жажды, и они упорно стоят на своем, будто партизаны.

Деньги у девчонки я уже взял, и отказываться от обещания не собираюсь. Значит, придется собственноручно отвечать за поспешность... Да и ветеранскую дочку жалко. Не шалашовка ведь, дочь военного, как-никак.

— Ты, короче, погуляй часок, — твердо говорю я снова накуксившейся девчонке, — а лучше сопли подбери и сходи к Явдохе. Знаешь, где живет?

Девочка молча кивает.

Отсчитываю ей двадцатку засаленными и помятыми купюрами.

— Придешь, скажешь, Витя с базара прислал. Попросишь литр, дашь денег. Не забудь — Явдохе, Витя, литр. Обратишь, захвати стаканчиков разовых, и бутылку газировки купи какой-нибудь. Только не "Живчика"! — уточняю на всякий случай, — пока будешь ходить, как раз закончу. Тут отца и помянем.

Девочка, сделав над собой видимое усилие, подбирает сопли и убегает.

— А вы чего сидите? — рявкаю я на зевавших в сторонке мужиков. Совместными усилиями, опускаем в яму два пакета, наскоро забрасываем землей. Забастовщики получают расчет натурой и усталые, но довольные скрываются меж холмиков и крестов...

К моменту возвращения посыльной жара спадает окончательно. Да и я как раз заканчиваю копать. Могила вышла неглубокая, мне по грудь, и не особо широкая. Но какая получилась. Думаю, всяко лучше, чем вечная компания двух алкашей. Выбрасываю лопату на бруствер и вскарабкиваюсь наверх, умудрившись особо край не обрушить.

— Ну что, прощаться будешь?

Девчонка ставит на землю пакет и с ужасом смотрит на черное гудящее облако над полиэтиленом. Мотает головой, даже отступив на шаг. Что ж, и такой взгляд я тоже знаю — когда смотришь, видишь, а все равно не веришь. Что вот это и есть твой близкий человек. То есть им было...

Справляюсь сам. Подтянув тело к краю могилы, осторожно, боком спихиваю. Хорошо, что покойный офицер не стал напоследок пакостить и дисциплинированно шлепнулся на спину. Не пришлось лезть в яму и ворочать тело... Под участившиеся всхлипы оттираю ладони от земли и снова берусь за лопату.

8. Сумма страхов

В эту жаркую августовскую ночь городок Кэнтон, штат Миссисипи, отсыпался перед началом рабочей недели. Несколько лет назад концерн "Ниссан" построил здесь новый автомобильный конвейер для сборки американских "Инфинити", после чего сонный столичный пригород быстро превратился в крупный индустриальный центр.

В коттеджах, чей размер и стоимость по введенным японцами корпоративным правилам строго соответствовали положению в компании их хозяев, спали топ-менеджеры, управленцы среднего звена, инженеры, операторы, рабочие, их жены и дети. Мирный сон ударников самурайского труда неусыпно охраняла полиция графства.

Полиции на улицах было много, и на то имелись серьезные основания. С началом летних каникул в город со всей страны съезжались студенты из колледжей и университетов (благо, доходы работников компании позволяли давать детям приличное образование). Поэтому окружной шериф, справедливо ожидая всплеска продаж наркотиков, выгнал на ночное дежурство едва ли не всех помощников. Не осталась в стороне и полиция штата, которой в преддверии выборов было приказано в пику ФБР выдать на-гора убедительные результаты эффективной борьбы с наркомафией...

Детектив Джереми Моравски припарковал свой "Форд" в тихом месте на пересечении Вест-Стрит и Добсон-авеню. Именно здесь, если верить информатору, в дни наплыва молодежи работал Буллет ^[12] — неуловимый оптовик, специализирующийся на дорогом колумбийском кокаине.

Наркодилеры действовали хитро — они заранее прятали товар в надежных местах и, получив деньги, указывали покупателям координаты тайников-закладок. Поймать наркоторговцев было сложно, обосновать их вину при такой торговле — невероятно трудно. Для того, чтобы арестовать преступника, а затем предоставить существенные доказательства в суде, необходимо было дожидаться факта передачи денег, при помощи направленного микрофона записать разговор, взять покупателей в момент, когда они заберут товар, отпрессовать задержанных в отделении и, получив от них в обмен на прокурорский иммунитет нужные показания, надежно закрывать дилера. Работа крайне сложная и требующая филигранной аккуратности, но игра стоила свеч — за одну горячую ночь порой распродавалось несколько килограммов дури, так что арест одного такого оптовика попадал на первые страницы газет, принося политикам незаслуженную славу, а Моравски — уважение коллег и прочное положение в сложной полицейской иерархии. Откинув спинку пассажирского кресла, детектив полулежал в глубине салона, стараясь не выдать свое присутствие малейшим шевелением.

Утро начинало понемногу теснить уходящую ночь, когда на Добсон-авеню выехали два черных "Сабурбана". Внедорожники-минивены, облюбованные всевозможными спецслужбами, проехали мимо и остановились напротив ничем не примечательного коттеджа, который, судя по газону размером в половину носового платка, принадлежал служащему автомобильного завода с невысоким рангом. Все двери одновременно открылись, и наружу посыпались люди в черных комбинезонах с короткими автоматами — точь-в-точь, как в очередной части "Splinter Cell", которую сын последнюю неделю сутками гонял на своей "Sony Playstation".

Как они вычислили, что припаркованная на ночь машина с затемненными стеклами не

пуста, оставалось только догадываться. Не успел Моравски поднести ко рту микрофон, чтобы продиктовать диспетчеру номера "Сабурбанов" и выяснить, кто это пытается отобрать у него работу, как к "Форду" подлетел человек, в отличие от бойцов, одетый в скромный серый костюм. Держа правую руку у бедра, левой он негромко, но требовательно постучал по боковому стеклу и сделал знак, чтобы детектив его опустил:

— Министерство внутренней безопасности. Оперативно-координационный центр. Отдел активных операций. Специальный агент Смит. Пожалуйста, покиньте улицу, мы проводим здесь специальную операцию. Если вы этого не сделаете, нам придется разбудить вашего начальника.

Моравски скривился, словно проглотил тухлую креветку. Ребят из МВБ дружно не любили все американские правоохранительные органы.

Министерство внутренней безопасности было создано через месяц после событий 11 сентября 2001 г. Объединив множество разрозненных служб, оно ворочало астрономическим бюджетом и обладало чрезвычайными полномочиями. Но при этом изначально было, и по сию пору оставалось бюрократическим монстром, несуразным и малоэффективным.

Департамент по борьбе с наркотиками штата Миссисипи сталкивался с агентами МВБ далеко не в первый раз — безопасники были неизменно заносчивы, плевали с высокой колокольни даже на ФБР и, не моргнув глазом, мочились в чужой бассейн. Поэтому говорить и тем более спорить со Смитом было решительно не о чем. Моравский сплюнул под ноги спецагенту, поднял спинку и включил зажигание. Тщательно подготовленная операция оказалась безнадежно провалена, и теперь удобный случай придется ждать до следующих каникул.

Дождавшись, пока "Форд" исчезнет за поворотом, спецгруппа окружила дом и приготовилась к штурму. Один из "людей в черном" осторожно заглянул в окно небольшой гостиной.

Человек с непроизносимой польской фамилией, за которым приехали "Сабурбаны", занимал скромный пост начальника склада электроники сборочного конвейера "Инфинити". Сейчас он спал на диване перед работающим телевизором. К дивану был пододвинут низкий стеклянный столик, на поверхности которого в мельтешении отсветов от экрана можно было разглядеть разноцветную россыпь таблеток, опрокинутый тубус чипсов и полупустую бутылку виски.

Алкоголь и снотворное уже давно стали лучшими друзьями и едва ли не единственным средством от мрачного, тягостного бодрствования одинокими ночами. Но даже виски не в силах изгнать сны, в которых раз за разом возвращалось прошлое...

Человеку, лежащему на диване, снится все тот же, до боли знакомый сон. Он в одиночной камере. Некто в пенсне, кителе со стоячим воротником и с непонятными знаками на петлицах направляет в лицо лампу, бьющую как прожектор, и кричит, требуя сознаться во всем...

Вслед за кошмаром приходят воспоминания. Ночное летное поле, пустое и безмолвное. Черная громада самолета, нависающая над головой крышкой исполинского гроба. Медленно открывающиеся створки бомболока, под который трое подкатывают гидropодъемник с поднятыми под самое брюхо лапами захвата. Эти трое — штурман Витя Сербин, бортинженер Николай и он, радист Сергей — молодой лейтенант, месяц назад выпустившийся из военного училища. Командир и второй пилот залегли наверху капонира,

ведут наблюдение. Костя, оператор вооружений, сидит в кабине и управляет подвесным оборудованием.

Створки раскрыты, в чреве самолета белеет девятиметровая сигара. Это не крылатая ракета, а контейнер, в котором упрятан страшный, вызывающий дрожь в поджилках груз.

Пока штурман с бортинженером, поднявшись на железной стремянке, вполголоса матерясь, колдуют над "специзделием", Сергей думает, как все будет. Командир сказал, что здесь не двести кило тонн, как в ракете Х-55, а всего лишь двадцать. Но кому от этого легче, если еще на первом курсе им объяснили — все находящееся в эпицентре взрыва распадается на атомы за ничтожно малые доли секунды. Липкий запредельный ужас сковывает движения.

Мгновенная смерть страшна. Но еще страшнее картина ареста, за которым непременно последует дознание, суд и казнь. Сергей уверен, что их поймают. Руса — не просто закрытый, но сверхрежимный объект. Любой, кто покупает в райцентре на автостанции билет до военного городка, сразу же попадает на карандаш вездесущим органам, что уж говорить о тех, кто летает на стратегических самолетах...

Оператору, который знает, как деактивировать бомбу, приходится бегать туда-сюда. Он скатывается со стремянки и выдыхает:

— Есть! Теперь сто пудов не ебнет...

Сигара, крепко прихваченная веревками, медленно опускается вниз.

— Помоги! — хрипит Витя Сербин. Обычно штурман в экипаже — белая кость, но Витя, недалекий и странноватый мужик, втихаря увлекающийся фотографией и нестойкий на алкоголь, в эскадрилье не пользуется уважением, а потому выполняет черную работу наравне с Сергеем.

Оператор опять поднимается в кабину, закрывает люк, возвращается. Машет рукой в сторону капониров. Командир и второй пилот покидают посты наблюдения.

Вшестером, опасливо придерживая контейнер, они катят его сперва по краю рулежки, потом по скошенной траве туда, где чернеют спасительные деревья. Катить тяжело, липкий пот заливает глаза, но страх придает сил.

Дальнейшие действия напоминают похороны. На дне глубокой и длинной ямы мокрая грязь с проблесками воды. Сергей ничего не чувствует и ни о чем не думает. Он словно робот механически выполняет все распоряжения командира... Контейнер, удерживаемый тросами, плавно ложится на дно ямы, по брюхо зарывается в пульпу.

Как они возвращаются к самолету, он не помнит. Емельянов подгоняет УАЗку, грузит назад пьяно мычащую Нинку. Платье у девчонки растегнуто, белья на ней нет. В лунном свете хорошо видны большая грудь и крепкие ягодицы. Но страх настолько овладевает Сергеем, что вид соблазнительного женского тела, вместо стояка, вызывает лишь изжогу.

Они покидают аэродром. Проходит день, неделя, месяц. Страх понемногу уходит, но часть его остается где-то в глубине души. Как вскоре выясняется — навсегда.

Время идет, Сергей выписывает "Аргументы и факты", а также "Огонек". Гласность снимает печати запретов, теперь он "знает все" про НКВД и ГУЛАГ... Полтора года Сергей живет, каждую секунду ожидая ареста. Наконец, по скорой, попадает в больницу. Выписывается с диагнозом "язва желудка" и с отстранением от полетов. Причина болезни — "постоянное нервное напряжение", так говорят врачи. Через полгода, комиссованный по здоровью, он возвращается домой в Кировоград.

До начала девяностых Сергей работал старшим электриком на заводе дозирующих

автоматов. Потом по вызову уехал в Канаду — женившийся на еврейке брат смог быстро эмигрировать сам, и вытянул к себе родственника. Вскоре Сергей с видом на жительство и разовым пособием уже стоял за детройтским конвейером, монтируя двигатели на "Крайслеры".

Страх, немного разогнанный сытой американской жизнью, вскоре вернулся. Сны становились все реальнее, и бывший радист по-прежнему вздрагивал от каждого стука в дверь. Разжившись по случаю поддельным паспортом, он порвал связь с братом и уехал в Кэнтон, где как раз шел массовый набор на новую сборочную линию. Там, выписывая коробки с реле, процессорными блоками и DVD-плеерами, Сергей вел неприметное, почти растительное существование.

По воскресеньям он выбирался подальше от любопытных глаз в Джексон и брал на вечер недорогую латиноамериканскую проститутку. Из тех, что согласны подставить любое свое отверстие за пятьдесят долларов. Сбросив накопившийся стресс, возвращался домой, смотрел сериалы и принимал снотворное или виски. А все чаще — и то, и другое.

Когда его выдернули из-под одеяла чьи-то сильные руки, Сергей не сразу понял, что все происходит наяву. Реальность показалась продолжением ночного кошмара, усугубленного вечерней выпивкой. Грязная комната, в которой не убрали уже самое меньшее пару недель, оказалась полна вооруженных людей, а его кантовали, как безвольную куклу.

Затем он испытал в некотором роде облегчение. Ведь не зря говорят, что ожидание беды может оказаться куда мучительнее ее самой. Все, чего легчик страшился долгие годы, наконец-то случилось, и бояться больше было нечего.

Не оказав ни малейшего сопротивления, Сергей дал вывести себя во двор и посадить в черный фургон с глухо затонированными окнами. Он безропотно стерпел надетый на голову мешок и, едва ощутив легкий укол в бедро, провалился в ровный глубокий сон, какого уже давно не приносили таблетки. "Люди в черном" увозили очень счастливого и умиротворенного человека.

Впрочем, скорое будущее обещало оказаться куда менее радужным...

По законам США Центральному разведывательному управлению строго запрещено осуществлять какие бы то ни было активные действия на территории своей страны. Но в государстве адвокатов обход закона в большинстве случаев представляет собой сугубо техническую, и легко решаемую проблему.

В данном случае решением стало некое ранчо с собственной взлетной полосой, расположенное в Вирджинии, подальше от сторонних глаз. Через цепочку подставных владельцев объект был куплен Министерством внутренних дел, а затем "По просьбе заместителя директора ЦРУ" — предоставлен коллегам-разведчикам "для учебных целей". Подобная форма была не афишируемой, но вполне распространенной и обычной для всяческих полуофициальных и совсем неофициальных действий.

При этом ранчо использовалось в целях вполне боевых — для тайных встреч, содержания и допросов выловленных через голову ФБР шпионов, а также для бесследного "исчезновения" нежелательных лиц.

Для исполнения последней задачи в подвале большого двухэтажного гаража был обустроен сверхсовременный крематорий с противодымными фильтрами, который позволял разлагать пепел жертв до степени полного нераспознавания ДНК.

Кроме того, на объекте имелась и современная типография, оснащенная комплексом программирования любых аккаунтов и пластиковых карт. С помощью этой системы любому "пропавшему" человеку можно было в считанные минуты сделать "виртуальную биографию", чтобы продолжить его информационное существование, окончательно запутав и похоронив все следы. При необходимости, ушедший в небо еще несколько месяцев мог вести вполне активное существование, совершая покупки с помощью кредитных карт, используя телефонные "симки", отмечаясь и оставляя фотографии в социальных сетях...

За Министерством внутренних дел числилась и оперативная группа ЦРУ, "временно прикомандированная для обмена опытом", которую возглавлял спецгент, известный под псевдонимом "Опоссум". Это был тот самый "Смит", который говорил с детективом Джереми Моравски и руководил захватом бывшего радиста.

Опоссум вышел во двор и с удовольствием вдохнул сыроватый деревенский воздух. Если внутри ранчо походило на гибрид лаборатории, исследовательского комплекса и высокотехнологичной тюрьмы, то снаружи оно ничем не отличалось от сотен подобных объектов. Поэтому если не думать о том, что скрывалось за прочными стенами и дверями, вполне можно было представить себя обычным американцем в провинциальной глуши, наедине со звездным небом и прохладным ветерком.

Агент еще раз глубоко вдохнул и пожалел, что месяц назад бросил курить. Старая привычка требовала увенчать трудный день и хорошо проделанную службу парой крепких затяжек. Но в его возрасте и с его образом жизни пришлось выбирать — табак или здоровые легкие. Опоссум был профессионалом, который к тому же искренне любил свою работу, поэтому выбор был очевиден.

Но курить все равно хотелось.

Он вытер платком пот со лба, который не смог осушить даже прохладный ветер. Расправил закатанные рукава рубашки, достал из кармана телефон и набрал номер, который не значился даже во внутреннем справочнике администрации Белого Дома.

— Он выдал все, что знал, сэр, — Опоссум начал разговор со всем почтением, но не тратя время на вступления и прочие бессмысленные ритуалы, строго по делу. — Показания соответствуют донесению с очень высокой точностью. Если это была не массовая галлюцинация, то факт можно считать установленным.

— Что же, неплохо, — директор ЦРУ говорил так же коротко, без околичностей. — Остальные?

— Установочные данные в обработке. К вечеру будет полный расклад.

Прослушать этот разговор было практически невозможно, но собеседники все равно избегали имен и точных фактов. Впрочем, Опоссуму не требовалось уточнять, о ком идет речь.

— Хорошо. Я уже отдал распоряжение, соответствующие расходные суммы будут переведены. У тебя будут все полномочия и возможности, при необходимости — поддержка любой из наших служб в любой стране. Но запомни главное, ключевое слово здесь — "тихо". Поэтому те объекты, с которыми... доверительная беседа окажется невозможной, также должны исчезнуть, быстро и легендировано.

— Я понял, сэр. А что теперь делать с... этим? Похоже, его психика не выдержала, теперь это материал для психиатрической диссертации.

— В таком виде его оставлять нельзя. Предпримите меры по экстрадиции.

— Понял, сэр.

Опоссум отключился, спрятал телефон в карман и возвратился в бункер.

Медикаментозный допрос представляет собой не столь универсальное и надежное средство, как принято описывать в детективах. Собственно говоря, пресловутой "сыворотки правды" в том виде, как показывают в кино, вообще не существует. Нет и не может быть препарата, который заставляет человека говорить только правду. На самом деле такие медикаменты призваны лишь ослабить самоконтроль, снять внутренние запреты, вызвав у допрашиваемого абсолютное доверие и желание исповедаться.

Психотропные средства вкупе с традиционными методиками допроса хороши по отношению к человеку со здоровой психикой и сильной мотивацией на скрывание какой-то конкретной информации. Достаточно пробиться через внутреннюю защиту, и объект выложит все как на духу. Но в данном случае допрашиваемый проявлял все признаки шизофрении, усугубленной алкоголизмом. Сведения, которые от него требовалось получить, оказались скрыты в лабиринтах памяти, захоронены под многолетними слоями комплексов и страхов. Так что и сам допрашиваемый был порой не в состоянии отличить, где правда, а где фантазия. Поэтому пришлось прибегнуть к старому доброму "психофизическому" воздействию, в котором новейшие достижения фармакологии были только подспорьем...

У радиста не оставалось ни единого шанса, теперь он был не властен над своей судьбой, попав в отлаженный механизм форсированного дознания. Он сидел, привязанный к креслу, блаженно улыбался и пускал слюни. В его сознании, разбитом на множество осколков, все происходящее было не страшной пыткой, а исповедью.

Палачи оказались лучшими товарищами, суровыми, но благожелательными. Они не мучили его, а помогали пройти трудной тропой очищения, искренне желая избавить нового друга от непосильного груза вины. Летчик ждал, когда они снова начнут спрашивать, готовый припомнить любую мелочь, счастливый, что он может избавиться от собственных демонов и помочь этим замечательным, понимающим людям. Очередного укола он не почувствовал, лишь сознание померкло, будто во всем мире разом выключили свет....

— Немедленно "в долгий путь", — указал Опоссум одному из трех своих ассистентов в сторону оцинкованной двери, за которой располагался "военно-полевой крематорий".

— Подготовьте все документы для суда, — приказал он второму. И в этом случае опять же не пришлось объяснять очевидное.

Американская Фемида обычно слепа по отношению к "мокрым спинам", как называют здесь гастарбайтеров. Нелегальные мигранты, на которых не распространяется закон о минимальной почасовой оплате труда, нужны Америке как любой богатой демократической стране. Без них рыночная экономика просто не сможет нормально функционировать — граждане США предпочитают жить на пособия по безработице, но не мыть посуду в дешевых закусочных и чистить засорившиеся клозеты в афроамериканских кварталах. Однако в случае необходимости карающий меч демократии действует с быстротой молнии.

К вечеру департамент по персоналу кэнтонского отделения "Нисан моторз инкопорейтед" получил письмо из иммиграционного агентства Министерства внутренней безопасности. К письму прилагалось постановление суда о том, что нелегальный иммигрант из Албании, скрывавшийся под именем Кшиштоф Стрембджинский, был обнаружен офицерами агентства в результате плановой проверки, задержан и выслан из страны.

Вакансию Стрембджинского заполнили в течение шести часов. Освободившуюся должность занял двадцатилетний выпускник колледжа, в ожидании повышения подрабатывающий грузчиком на складе элементов ходовой части, а на его место, в свою

очередь, заступил чернокожий житель Джексона, чья заявка оказалась первой в базе данных. На основании постановления суда лизинговый контракт со Стрембджинским был разорван, и через три дня в занимаемый им коттедж вселились новые хозяева — вновь назначенный инженер из департамента контроля качества с женой.

Механизм, укрытый от сторонних глаз, уже начал неумолимое движение, методично перемалывая судьбы многих людей во имя достижения четкой и практической цели. И трусливый радист, и спившийся штурман, умерший от передоза "сыворотки правды", были в этом потоке даже не щепками, а пылинками, неразличимыми взгляду...

9. Поминальные сны

Пока я, отхлебывая из явдохиной "пляшанки", переваливал обратно в могильную яму пару кубов земли, тени от тополей растворились в сухой траве, и над кладбищем начали сгущаться сумерки. Все время, пока шла работа, девчонка ждала в стороне, тщательно глядя в сторону и закрываясь рукавом. Иногда доносились приглушенные всхлипы. По уму, конечно, надо было подойти и попробовать успокоить... Но лучше я холмик попытаюсь в меру возможностей выровнять, пока еще хоть что-то видно, чем буду нести стандартное положенное вранье. Полезнее будет.

Еще ладно, если бы я чувствовал хоть малейшее сострадание... Но к облепленному мухами пакету, который был тем, что осталось от ее папки, я ничего, кроме брезгливости не испытываю. Хотя, что еще может вызывать обгрызенный бродячими собаками труп совершенно незнакомого человека? В общем, работаю и не отвлекаюсь. Почти закончил... Все, шабаш!

Тихо подходит девчонка. Шмыгнув в который раз носом, кладет на холмик тощенький букет полевых цветов. С верхушки скатывается несколько камешков...

— Спасибо вам, Виктор...

В первое мгновение даже не понимаю, что это она ко мне обращается, больно уж тон... неживой. Так с покойными прощаются. Ну в общем-то так и есть. Кошусь на девчонку, пытаюсь сообразить, где же все-таки её видел. А видел точно, и не один раз. Наш Залупинск — городок маленький. Через полгода можно смело здороваться с каждым, даже если в упор не помнишь. Один хрен, знакомы каким-то боком...

— Да не за что. Пошли, что ли? Ху... нечего тут в темноте делать.

Девчонка кивает и идет рядом. Глаза у нее блестят, как плоски с водой, однако не плачет. Вот и умница. Истерика мне после земляных работ и до принятия вовнутрь народных антидепрессантов нужна, как ежу кальсоны. Да и делать-то нам действительно, здесь нечего. После захода солнца за искореженной невысокой оградой кладбища всякая хрень творится. Алкашня с наркоманами — это мелочи, досадные, но привычные. И похлеще бывает. В "Ласточке" мужики трепались, как с месяц назад пацана хоронили — в пьяной драке на нож несколько раз наткнулся. Какие-то уроды в ту же ночь могилу разрыли. Ценного ничего не нашли, так сперли, придурки, белые тапочки...

У выхода, глупо таращась на тусклый фонарь, нас поджидает хмурый сторож. Принимает четыре лопаты, которые я с грохотом сваливаю с плеча. Заметив горлышко, торчащее из кармана, делано вздыхает. В бутылке остается еще пару глотков, но я взглядом посылаю его... далеко, в общем, посылаю. Ты хоть обособлезнуйся, да только обломишься. Пока я горбатился и мозоли набивал, ты, мудака, яйца чесал! Даже не подошел узнать, как процесс движется. Так что — пиздуйте лесом, товарищ, что нам совсем не товарищ!

Задача, поставленная вышестоящим командованием, выполнена. Стало быть, до самого утра я, как тот Вيني-Пух, совершенно свободен. А следовательно, пора подумать о досуге и культурной программе на вечер. Петро вроде бы собирался подвалить со своей ненаглядной посудомойкой. Очень кстати! Друг мой хохол, как он это любит, в темпе вальса нажрется и отрубится. А уж мы-то с его пассивностью времени зря терять не будем. К обоюдному удовольствию — бабу мне после сегодняшнего ужастика хочется жутко, аж под ложечкой ноет. Две-три палки так бы и кинул кому...

Надо бы, конечно, возвратиться на базар и забрать второй положенный мне пузырь, но тут нужно мыслить стратегически. Как говорится, на шаг вперед. На сегодня нам бухла достаточно набирается. А завтра утром Любина "Хортица" придется мне очень кстати. И на опохмел, и вообще. Понедельник — он день тяжелый... Так что пойду я сейчас прямо домой.

Оставив материально ответственного наемника коммунхоза с шанцевым инструментом, выходим за ограду. По аллее, ведущей от кладбища к дороге, двигаемся к поселку.

— Ну что, — на первом же перекрестке оборачиваюсь к девчонке, плетущейся сбоку, — будем прощаться?

Она отвечает непонимающим взглядом, будто мой вопрос не только застает врасплох, но еще и крайне дурацкий. Да и хрен с тобой. Пожимаю плечами и мы, бок-о-бок, движемся дальше. По дороге с облаками, блин, и обратно...

ДОСы — то есть, в переводе с армейского на человеческий — дома офицерского состава, вдоль которых мы топаем, вполне годятся для съемок военных фильмов. О блокадном Ленинграде, к примеру. Фасады — словно вчера бомбили, почти из каждой форточки торчит жестяная труба буржуйки. Газ за отключили еще прошлым летом, а отапливаться электричеством по карману разве что местной элите: колхозным воротилам да бандитским топ-менеджерам. Так что — печная труба как примета времени...

Вот и мой дом. Девчонка, и не подумав прощаться, сворачивает вместе со мной. Не понял, она что, в гости напрашивается? Радость-то какая. Вот уж чего мне сегодня категорически не нужно! Сурово нахмурившись, прямо через чахлый газон шагаю к подъезду. Девчонка, за ногу ее, да об стену, не отстает. Правда, по пожухлой траве не пошла — обежала по дорожке. Перегнав меня, шмыгает в обшарпанную подъездную дверь и тупотит по гулкой бетонной лестнице.

— Здравствуй, деточка! — звучит сверху старушечий голос. Соседка этажом выше, которая вечно жалуется на мои вечерние посиделки. Стало быть, эту пигалицу знает...

— Здравсьте, баба Нина! — пищит моя работодательница.

— Горе-то какое! — начинает причитать бабка. — Витюша хорошим был человеком, царствие ему небесное...

Бабкины фальшивые жалобы прерывает девчачий рев. И тут я понимаю, что я дебил. Ну конечно, где еще я мог видеть эту девчонку!? Это же, блин, та самая старшеклассница и есть! Соседка, у которой я все никак линейку попросить не собрался. Вот, значит, как... Ее отец, которого мы только что похоронили — тот самый Витек Сербин — в прошлом боевой летун, что иногда на рюмку чая забредал? Ебать...

Печень у тезки была точно ни к черту, развозило его, как пионера. После второй начинал трепаться о полетах, дежурствах. После третьей и до отруба — о бомберах с крылатыми ракетами с прикрученными ядрёными боеголовками. Нудел он многословно и скучно.

Ну конечно, он это и был! И расписывался я у санитаров за Сербина! Эх, жизнь, за ногу ее да об пень... Мать у них года три назад умерла. Получается, соседка теперь — круглая сирота. Как ее, Людмила, вроде бы? А я перед девчонкой выебывался, да еще и денег стряс, как последняя сука! Захотелось провалиться сквозь землю...

Бегу вслед, перепрыгивая через две-три ступеньки. Она стоит перед дверью, всхлипывает и никак не может попасть ключом в щель замка.

— Тебя ведь Люда зовут? — спрашиваю, уставившись на выпирающие из-под черной застиранной футболки острые лопатки. Обычно ведь с рюкзачком ходит...

Девчонка резко останавливается на середине пролета, поворачивается. Лицо опухшее, в пятнах...

— Не Люда, а Мила!

Да ну хоть Фёкла, если для нее так важно! Характер, блин... С трудом выдавливаю слова:

— Слушай, ты извини меня, что я так вот это... Что... Деньги с тебя взял... Короче, с зарплаты помогу, чем смогу. Ну и так, вообще, если что, обращайся. Соседи ведь...

— Спасибо! А я подумала, что вы такой же, как все эти... А вы что, меня совсем не узнали?

Поняла в чем дело... Покаянно киваю, виновато развожу руки. Ну что скажешь, если действительно не узнал. Последние мозги пропил, блин.

Судя по растерянному лицу, соседка не знает, то ли радоваться ей, то ли обижаться. Лицо у нее снова кривится, уголки губ идут вниз. Похоже, вот-вот снова зарыдает.

Так, пока реветь снова не начала, надо разговор поддержать.

— Ты, получается, совсем одна осталась? Что дальше делать думаешь? Родня хоть есть?

— Тетка в России, в Брянске, — девчонка закрывает лицо узкими ладошками и все-таки захлебывается слезами, в который уже раз за этот день.

Поддержал, блядь, разговор, отвлек, понимаешь...

Чтобы хоть как-то успокоить, осторожно беру ее за худенькие плечи, шепчу тупую банальщину, типа: ну хватит, не плачь, все хорошо будет... Шепчу, и понимаю, что несу херню. Не будет ни лучше, ни хорошо. И чем дальше, тем хуже будет...

К счастью, Мила быстро берет себя в руки.

— Виктор, — шепчет она, то и дело всхлипывая, — у меня здесь нет никого. Мне страшно! Может, у меня посидим, папу помянем? Там коньяк остался, я ужин приготовлю...

Последние слова приходится чуть ли не по губам читать. Ох и не вовремя все это, скоро Петро подвалит. Но и девчонку в таком состоянии бросать тоже нельзя. Тем более, что коньяк... Киваю, и мы временно расстаемся. Она к себе, я к себе.

Хорошо, что успели до того, как воду отключат. Быстро смываю кладбищенскую грязь пополам с рабочим потом, захопываю дверь и звоню соседке. Из щелей уже тянется головокружительный аромат вареной картошки...

Двухкомнатная квартира Сербиных, в отличие от моей берлоги-однушки, имеет вполне жилой вид. Пока топчусь в коридоре, прикидывая, куда бы поставить грязные кроссовки, ненароком заглядываю в ближайшую комнату. Приличная мебель, годов восьмидесятых еще. Симпатичные, не особо и выгоревшие обои. На серванте рядком непременно слоники, на тумбочках вышитые салфетки. На стенах с десятков фотографий. Сосед в фуражке и при погонах, самолеты, групповые снимки и прочая военная херь...

Озлившись сам на себя, стаскиваю обувь, аккуратно ставлю у стены и шлепаю на кухню. Хорошо хоть, носки чистые нашлись, а то от вони и раскрытое настежь окно не спасло бы... Как-то неуютно мне в этом доме... Не соответствуем мы друг другу, вот как. Но картошка и, опять же, коньяк...

Мы поминаем Витю уже часа полтора, а может и больше. Часов на кухне нет, а когда стемнело, фиг ты определишь точное время. Тарелка передо мной пустеет уже раз третий. Давно так не ел вкусно! Картошка с тушенкой после тяжелого дня проваливается в меня с такой скоростью, будто внутри бездонный колодец.

Остаток Явдохиной бормотухи приговорен, да и большая, ноль-семь, бутылка дрянного коньяка "Ужгород" скоро покажет дно. Ну, кому дрянного, а после того "мохито", которое притаскивает Петро со своей слабой на передок подругой — просто "Вдова Клико"^[13].

На алкоголь в основном, конечно, я налегаю, но под хорошую еду мягко пошло, в голову почти не бьет. Девчонка, сидящая напротив, крохотными глоточками мурыжит от силы, третью рюмку. Хотя, жара и переживания свое грязное дело делают — ее заметно развозит.

— Тебе лет сколько? — в перерывах между тарелками спрашиваю для поддержания разговора.

— Шестнадцать... — выдавливает она. — Через два месяца...

— Ну вот, видишь как оно получается... — продолжаю нести всякую хрень, лишь бы самому не молчать, и ей не дать времени задуматься. — Давай, еще раз за отца твоего, земля ему пухом...

Не чокаемся. Мила, подцепив вилкой кусочек картошины, собравшись с духом, пытается выпить залпом, но не может одолеть и половины. И хорошо, что не можешь. Надо оно тебе, девочка?... Я опрокидываю в себя полстакана, и вот тут-то "Ужинный город" наконец бьет по мозгам. Комната начинает понемногу качаться из стороны в сторону. Из всех углов наплывает сиреневый туман. Все, писец котенку, больше ссать не будет...

Мы, кажется, еще несколько раз опрокидываем рюмки. Снова закусываем. Что-то рассказываю. О чем — не знаю. Язык работает отдельно от головы, а та давно уже объявила незалежность от тела. Потом, кажись, иду в туалет. То есть что собираюсь — точно, однако непослушные ноги зачем-то несут не в санузел, а в комнату. Там почему-то Мила. Сидит на диване, обхватив обтянутые джинсами острые коленки. Плачет.

Кого она мне так напоминает, а? Бывшую жену? Нет, скорее ту блядь, которая окончательно угробила мою и без того невзлетную жизнь? Вот некстати вспомнил... А из головы теперь не выкинешь, — все равно, что не думать о белой обезьяне.

Нахлынули дела прошлогодние, даже как будто трезвее стало... Блядину я в тот вечер подцепил в рыгаловке. После развода и размена квартиры мне досталась гостинка неподалеку от обшарпанной кафешки с дешевой разливной водкой. Хорошее было место — недорогое и людное. И девок туда соответствующей потасканности набегало как мух на варенье. Из той породы, про которых Жванецкий еще говорил: "Сто грамм налил, на автобусе прокатил — твоя!". В общем, пока еще деньги в заначке были, всегда находилось, кого снять на вечер с ночью.

Как ее звали, я то ли не спросил, то ли с пьяных глаз не запомнил. Блядь, она блядь и есть. Страшненькая, глазастенькая, мосластая мокрощелка. Ребра торчат, голова немытая. Что даст без выебонов, было написано на узком лбу горящими буквами. Поделился пивом, соврал, что дома есть шампанское. Дальше все обычным порядком в шесть этапов. Чай-кофе-потанцуем... Пиво-водка-полежим. Главное, гондоны не забывать, чтобы седьмым незапланированным этапом не оказался культпоход в кожвендиспансер.

Первые пять "ступеней наслаждения" мы прошли в темпе разогнавшегося поезда и уже вовсю проходили шестой (да так что мой битый диван ходуном ходил), когда начался вдруг хипиш. Дальше вспоминаю кусками.

Пашет телевизор — на экране порнуха. Поэтому сразу и непонятно, откуда доносятся стоны — то ли из хрипатога динамика, то ли из-под меня, где трепыхается костлявое тело. Мерно скрипит кровать, задевая тумбочку. Позванивают бутылки. Дело стремительно приближается к завершению, когда, прорываясь сквозь сдвоенные стоны и звяканье,

доносится хрип дверного звонка. Что за хрень? Свои в такое время не ходят. А если и ходят, то зря. Не до них. Продолжаю трудиться.

Блядину, похоже, выштырило не по-детски. Она уже не стонет, а орет, впиваясь мне в спину всеми десятью ногтями. Ускоряюсь. Звонки все не умолкают. В дверь колотят. Под последний аккорд и совсем уже неприличные вопли трещит раскуроченный косяк, и тут же комнату наполняет куча народу. Все почти в форме. Менты. Они что, толпой за дверь ждали, когда я кончу?

Наручники, вспышка фотоаппарата, понятые, протокол. Блядину, которая с головой закуталась в простыню, все с какого-то перепугу зовут "потерпевшей". Как из-под земли появившийся доктор в новомодной зеленой робе деловито, словно опись имущества производит, откидывает простынку, раздвигает ей ноги и громко диктует протокол первичного осмотра. "Факт полового акта", "наличие микротравм", еще какая-то медицинская херня. Кривоносый хмырь-криминалист сурово елозит кисточкой по недопитой бутылке "Джин-тоника".

Картина Репина "Приплыли". Или, как говаривал парикмахер непонятного пола: "Звезда в шоке..." В смысле, не понимаю, что происходит, от слова "вообще".

— Штаны одень, мудила! — в ответ на мой вопрос брезгливо цедит сквозь зубы молодой старлей в мятой форме. Он звонит по номеру, что надиктовала сучка, и голосом завуча вызывает ее родителей. Я понемногу въезжаю в ситуацию. Какие родители, нахер?! Старлей, да ты на эту проблядь посмотри! Ее уже лет пять окружная дорога кормит! Доктору через плечо глянь, там же кулак со свистом! Четырнадцать?! Да ты гонишь...

— Оксаночка! — это испуганно верещит, объявившаяся чуть ли не сразу после звонка мамаша, по виду — такая же плечевая что и "потерпевшая". И машет перед понятыми свидетельством о рождении. Ох я и попал...

— Витя! Витя! — Надрывается подо мной девичий голос, и снова скрипят старые пружины. Чудится... Или нет? Воспоминания вылитым за шиворот кипятком обжигают, перемешиваясь с реальностью так плотно, что я не могу понять, что происходит сейчас, а что происходило тогда. И не подсовывает ли мне память прошлое, выдавая за настоящее?

Кто кричит? Мила? "Потерпевшая" блядь — Оксана? А может, бывшая жена? Тогда попервоначалу, пока были бабки и квартира напротив Госбанка, зажигала в постели так, что шлюха со стажем нервно курит в сторонке... Пытаюсь разглядеть лицо, но оно размыто, словно на смазанной фотографии...

Так до конца и не поняв, где я и с кем, проваливаюсь в липкий тяжелый сон.

10. Удар по фейрвею^[14]

Полуостров Флорида, славный мягким климатом и удобными пляжами, является для населения Восточного побережья США примерно тем же, чем некогда был Крым для русских и украинцев — "домашней" курортной зоной.

Представители среднего класса проводят здесь отпуска, люди богатые покупают коттеджи, а кубинская мафия контролирует торговлю популярным в этих зажиточных местах кокаином. И подобно тому, как Крым в советские времена имел невообразимое количество военных аэродромов, по числу полей для гольфа Флорида с большим отрывом опережает любое место на Земле, включая и самые богатые европейские страны.

Всего в мире насчитывается около сорока тысяч игровых полей. Больше пятнадцати тысяч — в США, две тысячи в Западной Европе и около четырехсот в России. Хотя со стороны поле для гольфа кажется всего лишь хорошо подстриженным газоном, на самом деле это высокотехнологичный, сложный и дорогостоящий комплекс. Простое поле на девять лунок занимает около трех гектаров земли, одно лишь его проектирование обходится не менее чем в сто-сто пятьдесят тысяч долларов. Стандартное поле на восемнадцать лунок требует не менее ста гектаров. Его содержание, даже без учета стоимости земли, обходится в два-три миллиона ежегодно. Для того, чтобы построенное поле "отстоялось" и вошло в полноценный режим, требуется по меньшей мере двадцать пять лет.

Гольф-клуб "Голден Паттер"^[15] раскинулся на двести сорок гектаров, из которых сто сорок отошло непосредственно к полю, а девяносто пять под взлетно-посадочную полосу "домашнего" аэродрома. Остальное пространство занял роскошный гостиничный комплекс, рассчитанный на тридцать человек. Здешнее поле достигло возраста восемьдесят шесть лет и представляло собой настоящий шедевр ландшафтного дизайна.

Однако этот предельно фешенебельный гольф-клуб не был отмечен ни в одном туристическом справочнике и каталоге. На сайте международной ассоциации, где были перечислены чуть ли не детские песочницы, которых касалась клюшка гольфиста, о нем не говорилось ни слова. А на единственной дороге, ведущей сюда через лес, не имелось ни одного указателя.

Безупречно зеленое поле с травой нескольких оттенков, ровное, без сорняков и проплешин, похожее на ковер, в этот день принимало всего двух игроков. У края взлетной полосы стояло два самолета, и отнюдь не банальные и скучные "Бичкрафты", которые мог при желании позволить себе приобрести любой фермер или менеджер среднего звена даже после Большого Кризиса. Нет, сюда прилетели реактивные машины бизнес-класса, из тех, что предпочитают богатые промышленники и адвокаты, кинозвезды, а также правительственные чиновники высокого ранга.

Виктор Морган, советник президента по вопросам национальной безопасности, будучи вырванным из привычной атмосферы коридоров административной власти и кабинетов с удобными креслами, потерял большую часть солидности. Теперь его сходство с кинокомиком де Вито усилилось до карикатурного неприличия.

Советник начал осваивать игру миллионеров совсем недавно, и клюшка у него в руках смотрелась каминной кочергой. Его партнер, вице-президент США, напротив, являлся типичным, чуть не до карикатурности, представителем WASP — белых англо-саксонских протестантов. Он словно сошел с рекламного плаката сигарет "Мальборо", был высок,

подтянут и сдержанно улыбочив. Брюки цвета индиго и кремово-пастельная рубашка-поло сидели на поджаром тренированном теле так, будто он в них родился, а небрежно заброшенный на плечо вуд — клюшка с большой головкой для сложных ударов — ясно говорил о том, что ее владелец свой первый удар по мячу сделал намного раньше, чем научился читать и писать.

Несмотря на жару, оба игрока были в длинных свободных брюках. Хотя после того, как на одном крупном турнире игрок умер от теплового удара, шорты, наконец, узаконили, в "Голден Паттер" они были не в ходу. Единственным отступлением от строгих классических правил оставались одинаковые серые бейсболки с эмблемами клуба на длинных козырьках. Но это являлось не проявлением демократичности, а данью необходимости. Козырьки усложняли работу спутникам наблюдения — новые компьютерные программы позволяли восстанавливать разговор по одним лишь движениям губ.

Игроки, отправив вперед служителей на гольф-карах, медленно брели по безупречно подстриженному, изумрудно-зеленому фэрвею в направлении к лунке, над которой возвышался флажок с цифрой пять. Убедившись, что ближайшим к ним человеком является одинокий гринкипер, приводящий в порядок раф^[16] метрах в пятидесяти, у самого края поля, они вернулись к прерванной беседе.

— У меня впечатление, Виктор, что ты пересказываешь какой-то фантастический технотриллер, — шаря взглядом по траве в поисках мяча, негромко произнес вице-президент. — Дивот^[17], под которым обнаружено золото Майя... Словно, промахнувшись по мячу, открываешь клад. Насколько вероятно, что вся эта история — правда?

— Уже в самолете я получил заключение экспертов-психологов по фонограмме и результатам допроса. Они утверждают, что русские летчики не солгали. К тому же вся информация из обоих рассказов, которую можно было проверить по базе ЦРУ и АНБ подтверждается. Такой внеплановый сброс действительно был. И действительно бомба не взорвалась. Считается безвозвратно потерянной в океане.

— Когда мы получим окончательное подтверждение?

— Через несколько дней. Не так уж много у нас в распоряжении специалистов этого профиля.

"Тем более таких, которыми можно потом пожертвовать без особых сожалений", — добавил про себя советник. — В общем, полную картину ожидаем к уик-энду, — закончил он.

Вице-президент обнаружил свой мяч в ловушке — искусственной ямке, заполненной ярко-желтым песком, недовольно поморщился и точным ударом отправил его на грин — зону вокруг лунки, где трава была высотой не более пяти миллиметров.

— Если все подтвердится, как долго нам удастся удерживать информацию под замком?

— Что знают двое, знает и свинья, — советник наконец-то высмотрел в траве мяч, и теперь двигался к нему, чтобы прочесть номер. — С каждым днем число вовлеченных в операцию будет расти, этого не избежать. Я могу дать гарантию на срок не больше месяца.

— Члены русского экипажа? — неопределенно поинтересовался вице-президент.

— С ними в самом ближайшем времени будет проведена соответствующая работа. Как раз с этой стороны нам ничего не угрожает. Они молчали много лет, думаю, промолчат и еще несколько дней. Большого не требуется.

Понижающаяся улыбка скользнула по губам вице-президента и сразу пропала, как рябь на воде под порывом ветерка.

— Не доставит ли сложностей... — вице-президент на мгновение задумался, подбирая нужные слова. — Возможная судьба всех членов экипажа?

Морган едва воздержался от усмешки, прекрасно поняв смысл оговорки.

— Командир авиабазы умер от рака, инженер также на том свете — цирроз печени от беспробудного пьянства. Смерть штурмана стала следствием недостаточного профессионализма случайного исполнителя, но, в целом выглядит естественно, — демонстрируя отличную память, перечислил советник. — Радист давно живет... жил у нас в Миссисипи под чужим именем. Бывший командир экипажа сейчас топ-менеджер в частной украинской авиакомпании, а оператор работает там же простым летчиком. Второй пилот уехал в Россию и служит в Энгельсе, ныне он полковник, летает на "Блекджеке"^[18]. Таким образом, половина экипажа уже нейтрализована.

— Любопытно, Виктор, любопытно. Однако, этот второй пилот...

— Знаете... Джон... — в их кругу было принято называть друг друга по имени, но советник президента был выходцем из низов, играл в высшей политической лиге относительно недавно и фамильярное обращение в отношении второго человека в государстве давалось ему с трудом. — С русским полковником в Энгельсе получается интересный расклад. По этой авиабазе уже несколько месяцев работают исламисты. У них весьма смелые и радикальные планы, которые отлично ложатся в шаблон наших общих задач. Согласно моему распоряжению, ЦРУ несколько месяцев назад передало им в поддержку несколько местных законсервированных агентов. Возможно, в скором времени на базе случится нечто...

Советник неопределенно пошевелил пальцами. Вице-президент внешне остался невозмутим, но в его глазах мелькнула искорка понимания и согласия.

— Таким образом, — продолжил Виктор, — может возникнуть целый веер стратегических возможностей. Это событие очень хорошо ляжет в канву "безжалостного и всепроникающего мирового терроризма".

— С которым Америка неустанно сражается по всему миру на благо процветания и прогресса, — кивнул вице-президент, выбирая клюшку для очередного удара.

— Именно в этом и заключался первоначальный план. Резонансная катастрофа или террористический акт. Паника президента, несанкционированная операция за рубежом, шквал возмущения, инициирование импичмента или добровольная отставка. Однако информация об этой потерянной бомбе позволяет осуществить более сложную, но крайне эффективную операцию. Впрочем, механизм подготовки в Энгельсе запущен, и его отмена вызовет ненужные трения с нашими... радикальными партнерами. Пусть все идет как задумано. С одним лишь небольшим изменением — в катастрофе должен погибнуть полковник из того экипажа.

Вице-президент прищурился. Выражение на загорелом лице теперь точь-в-точь напоминало суровый прищур "Ковбоя Мальборо".

— Ты считаешь, с учетом новых обстоятельств это имеет смысл? Катастрофу такого уровня будут расследовать очень тщательно. Если всплывет массовая гибель летчиков, летавших когда-то вместе... Это может поставить крест на последующих наших действиях и помешать основному плану. До выборов осталось не так уж и много времени.

— Не думаю. Экипаж в том составе работал меньше четырех лет и это происходило более двадцати лет назад. Даже если особо вьедливый аналитик или, что вероятнее, компьютерная программа просчитает совпадение — те, кто отвечает за расследование, не

обратят на него внимание. Там, где взорвался тротильный заряд, не ищут стреляные гильзы.

Вице-президент впервые за всю игру поглядел на партнера изучающим внимательным взглядом, в котором не было и тени насмешки. Так, вероятно, охотник-аристократ смотрит на беспородного пса, которому неожиданно для всех удалось взять след, опередив чистокровных ищеек. И спросил:

— А потом?

— А потом, пока еще на слуху будет гибель русского самолета, неподалеку от Киева произойдет ядерный взрыв...

— Это было бы весьма... эффектно. Однако ты уверен, что бомба способна еще взорваться? Насколько мне известно, без периодического техобслуживания любая боеголовка очень быстро становится просто перегретым куском плутония.

— По предварительным данным, тогда испытывался заряд сверхдлительного хранения. Шансы на то, что бомба боеспособна, очень велики. Впрочем, в ближайшее время мы об этом узнаем совершенно точно. Сразу же после... локализации экипажа, в Киев прибывает полевой агент управления специальных операций. Он произведет предварительную оценку, после чего информация о спрятанной бомбе "случайно" попадет к исламистам.

— Что же дальше? После акта ядерного терроризма? — слова совпали с приготовлениями к замаху, будто вице-президент ударом и полетом мяча хотел приглушить остроту вопроса и откровенность формулировки.

— Дальше ЦРУ "обнаружит" секретную базу исламистов и доложит об этом мне. Я, в свою очередь, проинформирую президента, присовокупив к докладу собственные соображения о том, что бомба у них может быть не одна, а потому следующий взрыв вполне может произойти на территории США, Мексики или Канады. Президент санкционирует "точечную" антитеррористическую операцию в одной из дружественных нам арабских стран Ближнего Востока... или Турции, где находится база террористов. Возможно даже с применением "ответного ядерного удара".

— Да, полагаю, это неизбежно, — согласился вице-президент, и его клюшка с глухим стуком отправила мяч в очередной полет. — Здесь не нужно быть провидцем, чтобы просчитать ход событий. Наш защитник конституции наложит в штаны так, что начнет раздавать приказы в стиле "уничтожьте их всех"... Однако следует быть готовым к тому, что выдержка ему не изменит.

— Маловероятно, — поморщился советник, прекрасно знающий своего шефа.

— Но возможно, — непреклонным тоном заметил вице-президент.

— На этот случай... у меня в распоряжении имеется несколько номерных бланков с его подписью, куда достаточно впечатать любой приказ. Командующий группировкой в Персидском заливе — преданный нам человек, и у него в арсенале есть тактический ядерный боеприпас.

— Слишком грубо, Виктор! — вновь поморщился вице-президент, определенно имея в виду не "преданного нам человека".

— В крайнем случае, я всегда смогу сказать, что "выполнял невысказанный приказ"...

— Резонно, — кивнул вице-президент, куда более благосклонно.

В Белом Доме была совершенно нормальной практика, когда глава государства отдает распоряжения в форме общих пожеланий или намеков. В случае, если результат оказывался негативным, вина возлагалась на исполнителя, поэтому такие интриги требовали смелости и выдержки. Но в многоходовой комбинации, которую предлагал хитрый итальянский

пронюра, президенту никак не удастся свалить вину на других. Использовать в операциях такого политического значения Моргана, этого выскочку-макаронника вице-президенту до крайности не хотелось, но так уж сложилось, что именно советник обладал одновременно и влиянием на директора ЦРУ, и прямым выходом на прикормленных террористов, и соответствующими неформальными знакомствами с военными в Персидском заливе. Вице-президент и его коллеги могли бы выстроить иную цепочку исполнителей, но это требовало времени. А времени, если разыгрывать неожиданную карту всерьез, как раз и не было.

— Месяц — это очень мало, — задумчиво протянул вице-президент, имея в виду указанный советником срок примерного сохранения тайны. — Начало августа, конгрессмены только разъехались на каникулы, и пока они не сползутся обратно в Вашингтон, мы не сможем провести ни один законопроект...

— Если информация будет должным образом озвучена на совещании в Овальном кабинете, то Плаксивый ковбой скорее всего сам додумается до того, чтобы отозвать конгрессменов с каникул и пробить немедленное усиление нашего средневосточного военного контингента. А если не догадается, то в круг моих обязанностей и входит давать советы Президенту по вопросам национальной безопасности...

— После такого провала президент закончит в лучшем случае отставкой, а тот, кто займет его место, разрубит завязанный узел военной силой... или оливковой ветвью, по обстоятельствам, — задумчиво протянул вице-президент, а советник дипломатично промолчал относительно того, что в случае импичмента или добровольной отставки место Плаксивого ковбоя займет именно его собеседник.

— На что ты претендуешь после отставки своего шефа? — четко и прямо спросил Джон, без обходных маневров и намеков. Виктор с большим трудом сохранил выражение вежливой заинтересованности, не выдав обуревавших его эмоций. Такой вопрос, конечно, еще ничего не гарантировал, но свидетельствовал о том, что идеи советника будут самым внимательным образом рассмотрены на встречах, которые последуют за этой гольф-партией...

— На твое место... Джон. Либо на выбор — один из министерских портфелей, — с кажущимся безразличием высказался он и добавил после короткой паузы: — на мой выбор, сэр...

Вице-президент задумался. Точнее, прошел немного по зеленому полю неспешным шагом, небрежно помахивая клюшкой.

— Хорошо, думаю, мы можем целиком положиться на тебя, — наконец вымолвил вице-президент, и советник отметил это многообещающее "мы". А человек в кремово-пастельной рубашке снова надолго замолчал с таким видом, словно все сказанное его совершенно не касалось. Когда же вновь заговорил, то его речь напоминала скорее размышления вслух.

— Ситуация меняется с каждым днем. Основные тенденции весьма неблагоприятны. Экономика так и не вышла на докризисный уровень. Наши противники один за другим проводят законы об урезании военных ассигнований. Вооруженные силы сокращаются, уже зашла речь о том, чтобы вывести из состава ВМФ еще один авианосец и отозвать из Залива наш контингент. Результаты выборов непредсказуемы. Поэтому... украинская находка может оказаться именно тем спусковым крючком, которого нам так не хватало.

Советник президента неудачно стукнул по мячу, и на ровном газоне появилось пятно дивота. Мяч отпрыгнул на несколько ярдов и замер.

— Что же, Виктор, начинай действовать, — лицо вице-президента стало каменным. —

Он махнул рукой водителю гольф-кара, подзывая его, чтобы заменить клюшку, так как для завершающего удара с грена требовался плоский паттер. Сам же зашагал к лунке, чтобы вытащить из нее флажок. — На уик-энде я соберу нескольких... коллег... и мы утвердим окончательный план действий.

Вице-президент взглянул прямо на солнце, чуть прищурившись, и негромко произнес:

— Похоже, после некоторого прозябания нам представился шанс одним ударом уничтожить обоих врагов, внешнего и внутреннего... Или по крайней мере указать им на приличествующее место.

Семенясь сбоку от партнера советник кивнул. Под "внутренним врагом" вице-президент, ставленник энерготрейдеров, подразумевал "менял" — клан новоанглийской аристократии. В свое время, отстреляв в лучших традициях вендетты семейство Кеннеди, тexasские нефтепромышленники вернули своей группе утерянные было позиции. Но с приходом в Белый Дом "шайки Клинтона" ситуация снова стала неоднозначной и переменчивой, словно погода в Кентукки и Арканзасе...

Внешним же врагом, о котором говорил "Ковбой Мальборо" безусловно, были пять звезд на красном фоне^[19] и расправляющий крылья двуглавый российский орел.

Наблюдая за тем, как вице-президент уверенно закатывает в лунку мяч, помощник обреченно вздохнул и начал перебирать подвезенные клюшки. К счастью, они играли не восемнадцать, а только девять лунок, и до завершения этой аристократической тягомотины оставалось всего три флажка.

— Виктор, — негромко сказал вице-президент, и хотя его тон, казалось, не изменился, советник ощутил легкий озноб вдоль позвоночника. — *Perculum in mora*^[20], к тому времени, когда мы начнем действия, не должно остаться никого, кто мог бы стать... помехой, — вице-президент улыбнулся тонкими бледными губами. — Мы рассчитываем на тебя.

11. Непропитое мастерство

Из сна меня выбрасывает внутренним толчком будто выключателем щелкнули. Странно, давно такого не было, очень давно. Обычно приходится тащиться из забытья, как из тягучего болота. Открываю глаза, гляжу в потолок. Надо мной не привычная лампочка в заляпанном побелкой патроне, а самая настоящая люстра. Даже почти все пластинки на месте. За окном ночь. Шторы не задернуты, и в окно бьет подмигивающий свет. Уличный фонарь! Откуда он здесь взялся, если окна моей халупы выходят в вечно черный, как жопа негра, двор... Значит я не дома. Принимаюсь. Точно куда-то занесло. Пахнет свежестью и чистотой, а не застоявшейся вонью курева и перегара.

Нюх работает, голова не болит. Я в состоянии, которое отлично знакомо люду, бухающему от заката до рассвета. На сухом языке врачей-наркологов называемом "классическое пограничное". Алкоголь почти выветрился, а похмелье еще не накатило. То есть, можно сказать, что в норме...

Осматриваюсь. Я в незнакомой комнате, на диване, укрыт тонким одеялом в хрустящем — хрустящем, черт возьми! — пододеяльнике. Из одежды — только часы. Интересно, однако, ведь чаще всего засыпаю одетым. Ну, или хотя бы не настолько раздетым. Если, конечно...

Мой спортивный костюм знаменитой китайско-турецкой фирмы "Абибас", как и все, что было под ним, валяется на полу. Судя по радиусу разлета вещей, стягивал я их с себя в дикой спешке. Вряд ли вчера тренировался, как в прежние армейские деньки, "отбиваться" под горящую спичку, поэтому надо вспоминать, что заставило суетиться, словно духа на сон-тренаже. Пытаюсь напрячь извилины. Они отчаянно скрипят, словно несмазанная лебедка, вытягивая из колодца памяти смутные картины минувшего дня.

Вчера вроде бы кого-то хоронили. Потом, как водится, поминали. Сначала точно на кладбище — водку и запах свежей земли вспоминаю отчетливо. Дальше не помню... Не! Вру сам себе! Вспомнил. Закапывали двух "хороняк" — отселенцев плюс моего соседа. Точно, Витю-штурмана! Потом с его дочкой с кладбища вместе шли, за столом сидели... Что было дальше — хоть убей не помню. Пленка порвалась на том кадре, как мы перемещаемся из кухни в комнату. Точно, эту самую... Версия произошедшего, как говорится, на лице, но чет мне она не нравится. Очень не нравится. Можно сказать, категорически...

Хотя, если я прав, то где же, ебать его в голову, девчонка?! Рядом не наблюдается, и это обнадеживает — видать, секс все-таки привиделся с коньяку, чертовщина из прошлого в голову набилась.

Сажусь, опускаю ноги на пол. Всё стараюсь делать медленно, не спеша, чтобы не подкатило похмелье. Дверь в комнату настезь, и с моего дивана просматривается коридор. Одна из дверей, то ли ванной, то ли туалета приоткрыта. Из-за нее доносятся нехорошие звуки. Возня, сдавленные стоны... Словно там кому-то зажали рот и по полной уестествляют... Мать твою за ногу, я что, по пьяни в чужую хату кого-то из своих дружков запустил?! Какое там похмелье — меня сбрасывает с дивана, будто мощной пружиной. В череп впивается с десятков огромных ржавых гвоздей, но это где-то на задворках сознания, будто за ширмой.

Три шага, и я в коридоре. Резко дергаю хлипкую дверь, по глазам бьет ярким светом. Прищуриваюсь. Ванная. Какой-то амбал в трениках и пропотевшей футболке держит одной

рукой извивающуюся девчонку, а второй пытается набросить ей на горло петлю. Люда, то есть Мила, замотана скотчем по рукам и ногам. Рот тоже заклеен. Веревка, которую амбал на нее тулит, идет к водопроводной трубе под потолком. Мужик сопит от натуги, но девчонка, выпучив от страха глаза, отчаянно крутит головой, и у него нихрена не выходит.

С полсекунды трачу впустую — пытаюсь прикинуть, каким окриком можно отвлечь уroda. Дело это простое только на первый взгляд. "Стоять!", "Что вы делаете?!" и "Как пройти в библиотеку?" подходят к совершенно разным случаям. Пока жую сопли, Мила перестает сопротивляться, и глаза у нее закатываются. Похоже, он ее все-таки придушил. Вот тут-то хмель окончательно слетает. Приходит четкое понимание — это все взаправду, очень по-настоящему.

Нахер слова, пока соображу — девчонка загнется! С размаху ебашу потного между ног. Вышло не очень технично, но зато от души, прямо "из России с любовью", как говаривал тренер. Амбал, оборачиваясь, начинает с тихим шипением складываться пополам. Когда его макушка с небольшой плешью опускается на уровень моей груди, со всей рабочей-крестьянской ненавистью обрушиваю на вражеский затылок сложенные замком руки. Удар по голове тоже до нужной кондиции клиента не доводит. Загривок у подзаплывшего качка без перехода становится головой, и попадание по жировой прослойке лишь откидывает, а не вырубает.

У потного определенно неплохой опыт драк. Ну и я его больше разозлил, чем напугал. Обстановку он оценил быстро, несмотря на два прошедших удара, и оклемался почти что сразу. Или это я совсем обессилел, не сумев отправить в нокаут "с двоечки". Девчонка забыта, и амбал, разворачиваясь, почти не глядя лупит меня по голове. Навскидку, блин. Тут бы красиво пропустить удар мимо, но в ванной тесно, пространства нет, так что успеваю только развернуться чуть боком, "утопить" голову в плечи и сцепить зубы. Кулак размером с боксерскую перчатку попадает в подставленное плечо. Нихера ж себе, Тайсон, пельменями накачанный! Меня сносит с порога ванной к противоположной стене коридора. Больно прикладываюсь спиной. Какие же обои прохладные...

Пока растормаживаюсь, мужик вылетает из ванной и вновь замахивается, широко, по-колхозному. Вот только опыт не пропьешь, хоть и постараться можно. Мой неплохо встряхнутый организм, так и не забывший годы тренировок и боев, начинает действовать сам. Амбал дурак, ему бы не бить, а навалиться всем весом. Кулачище противника будто застывает в воздухе... Локтями отталкиваюсь от стены. Правая нога выстреливает противнику под дых. Был бы я хотя бы в кроссовках, не говоря уже про ботинки, прямой в пах закончил сражение моей безоговорочной победой. Но босую ногу тормозят мешковатые джинсы противника.

Хотя могло быть и хуже. Противник сам буквально "наделся" на удар и снова переломился, его "перчатка" разогнала воздух впустую. Не останавливаясь на достигнутом, продолжаю развивать успех. Левый боковой в ухо. Коленом в склонившееся лицо. Амбала отшвыривает на спину. Смешно всплеснув руками, он с грохотом обрушивается на пол. Упав, переворачивается и, вместо того, чтобы продолжать честный бой за неправо дело, как был, на четвереньках выскакивает из квартиры. Незапертая дверь гулко шарашит по стене. Все-таки до чего ж силен, бычара!

Мотнув головой, кидаюсь в погоню.

Выскочив на лестничную площадку, громко матерюсь. Босиком по бетону — самое то в догонялки играть, да и ногу прошивает болью — бил необутой, а яйца у амбала, похоже,

реально медные. Пока ковьялю, он уже вылетает из подъезда. Хлопает дверь. Слышен рев заведшегося автомобиля. Снова матерюсь и бегу на кухню, к окну. Внизу мелькает расплывчатый силуэт. Победа по очкам, противник покинул зал...

Ковьялю обратно, черт, больно-то как! Стреляет от пальцев стопы едва ли не до колена.

Из ванны снова доносится девичье мычание, но я первым делом на кухню. Вытягиваю наощупь — где тут выключатель совсем не помню — ящик стола, роюсь, сгребая длинный кухонный нож, возвращаюсь.

Девчонка забила в угол. Сжалась в комочек, сидит на полу. Смотрит на меня взглядом овцы на бойне. При виде кухонника ее глаза становятся по пять копеек. Чтобы не получить свежий труп с разрывом сердца улыбаюсь, как получается. Получается, судя по реакции, не ахти, лицо до сих пор сводит от избытка адреналина...

Мысленно махнув рукой на самочувствие перепуганной пациентки, аккуратно разрезаю скотч. Сперва на ногах, потом дохожу до рук. Прижав палец к губам, чтобы не вздумала орать, медленно отлепляю толстую коричневую ленту. Мы не в боевике, где положено срывать одним движением, чтобы сразу крику было, как в рекламах про эпиляцию. Правильно — не спеша, по чуть-чуть. Липучка явно не канцелярская, такую обычно для промышленной упаковки применяют. К примеру, на аэродромных складах...

Девчонка, по-прежнему скорчившаяся, не отрываясь, смотрит на меня. Взгляд при этом у нее какой-то странный. Не в глаза или сквозь меня, а почему-то на ту область, что аккурат ниже пупка. Блиин! До меня окончательно доходит, в каком я виде... Я же как лежал, в одних часах, так и ринулся в бой.

Сдавленно матерюсь и, покраснев чуть не до пяток, кидаюсь в комнату, где молниеносно, будто спичка уже начала догорать, сгребая разбросанное шмотье.

Одевшись, возвращаюсь, по пути закрываю входную дверь. Отмечаю, что замок не выбит, значит, открыли изнутри, добровольно. Мила стоит над умывальником, уставившись в зеркало чистит зубы. Почему зубы? Зачем зубы? Непонятно. Но чистит очень старательно, даже слишком. Как бы до десен не разодрала. И нахрена? Вряд ли гость успел в рот ей чего запихать. Одета точь-в-точь как вчера: рваные джинсы, сиреневая футболка. Из-под сползшей футболки вылезает бретелька лифчика. И нафиг он ей? При ее комплекции — как рыбе зонтик. Сисек-то не ту

— Ты этого, — киваю в сторону входной двери, — знаешь?

Девчонка мотает головой. Ручка щетки торчит изо рта уродским чупа-чупсом. Капельки пасты застывают на стекле белыми крошками.

— Понятно... — приваливаюсь к косяку, — А как он тогда сюда попал?

Мила вытаскивает щетку изо рта, споласкивает под струйкой из крана, со второй попытки ставит предмет личной гигиены в стаканчик у зеркала. Руки у нее ощутимо дрожат. Поворачивается ко мне. Уголок рта выпачкан пастой.

— Ну после того, как мы... как я... ну в общем, как ты заснул, я оделась и посуду мыть на кухню пошла. Позвонили в дверь. Спрашиваю "Кто?", говорят, что соседи снизу, что я их залила... Дверь открываю, а этот сразу меня в ванную поволок...

Машинально отмечаю "после того, как как мы", "оделась", и переход на "ты". А самое главное — "как ты заснул", а не, скажем, "пошёл спать". Вот ведь попал ты, Виктор Сергеевич, обеими ногами в маргарин! Точнее, как второй снаряд в одну и ту же воронку. Или как бледнолицый брат, два раза наступивший на те же грабли.

И это уже, друг мой Витя, не просто пипец, а пипец полный, окончательный и

бесповоротный. Ведь если повторно привлекут за соvrащение, то, даже учитывая местные, достаточно демократичные тарифы статей УК, откупиться от срока встанет в такую сумму, что таких халабуд как моя квартирка, нужно будет пару десятков продать...

Хотя до обвинения мне, судя по ситуации, как до Китая раком. В первую очередь потому, что его должны предъявить. Кроме Милы сделать это некому, а она вроде как не рвется звонить сто два и строчить на меня заяву. Ладно, мандражировать и грызть себя потом буду. В зале суда. Если он состоится. А сейчас самое время кой-чего уточнить. В рамках, так сказать, оперативного дознания.

— Веревка из твоего хозяйства? — спрашиваю, глядя на петлю, болтающуюся под потолком.

— Нет, — машет головой. — У нас на балконе для белья планки специальные. Папа сделал... — губа у девчонки начинает дрожать.

Бля, мне вот для полного счастья только слез с истерикой не хватало!

— Скотч тоже не ваш?

— Может где и был, но я не видела никогда.

— Ясно... — протягиваю задумчиво. Внимательно смотрю на Милу. — Ты можешь сказать, что вся эта хуйня значит?

Девчонка пожимает плечами, хлопает непонимающе глазами.

— Ну я даже не знаю... Может, про папу узнали, хотели ограбить.

Трясу головой:

— Нихрена это, дорогая моя, не грабитель!

Блин, зря я ее своей дорогой назвал! Уши девчонки вспыхнули. Мда уж, факт соvrащения, хоть и по обоюдному, похоже, согласию, к ворожке не ходи, состоялся. Правда, нужно еще выяснить, кто кого соvrатил. Но это потом. Продолжаю,

— На ограбление не тянет. Любой местный уркач тебя или ножом бы пырнул, или просто в ванной закрыл... — Проглатываю так и норовящее выскользнуть "при этом не забыв изнасиловать". Учитывая нынешние обстоятельства, лучше этого не касаться, тема очень уж скользкая. — Ну вот, закрыл бы тебя в ванной и спокойно хату обнёс. А тут такие сложности. Нахрена, спрашивается?

— И что? — Мила, похоже, так и не поняла, к чему я веду.

— А то, что самоубийство он хотел инсценировать. Типа, мол, ты от нервного потрясения выпила коньяку, — бросаю короткий взгляд на кухню. Следов наших поминок нет, но в мусорном ведре обязательно нашлась бы пустая бутылка. А то и косяк недокуренный. — Или травы дунула со всей рабоче-крестьянской ненавистью. И завесилась.

До девчонки доходит, и она начинает мелко подрагивать, уже всем телом. Глаза уже по пять рублей стали, куда там копейкам. Нормальные отходняки после шока, средство лечения — стандартное. На секунду оставляю одну, метнувшись на кухню за емкостью. Кое-как вливаю в Милу полстакана воды. Зубы цокают по стеклу...

Сделав пару судорожных глотков, девчонка немного успокаивается и садится на край ванны.

— Зачем? Ну зачем?...

Не уточняю. И так понятно, что ей охота до зарезу узнать, за что же её, такую хорошую и невинную, то есть тьфу ты, невинную, собрались на трубу прицепить, чтобы ногами подрыгала...

— Да черт его знает, — пожимаю плечами, морщусь, задев вывернутый с мясом

дверной навес. — Грабителю такие сложности и нахуй не обосрались. Лишний головняк и геморр. Но вот если представить, что это был не грабитель, а исполнитель....

— Исполнитель?

Блин, девочка, ты в каком танке сидела, за ногу тебя, да об стену?! Задавливаю ненужную совершенно злость и разъясняю:

— Это значит, что он сюда пришел не грабить, а специально чтобы тебя убить. За деньги там, по приказу или еще зачем.

Конечно, с одной стороны не стоит так рубить сплеча и нагонять еще больше страху... Но с другой я хочу, чтобы она сейчас не рванула черт-те куда, а сидела дома, тихо, как мышь, пока я обмозгую все случившееся. Хотя, с другой стороны, как раз сейчас, запуганная до полусмерти, она и может окончательно слететь с катушек. Впрочем, что сказано, то сказано.

Мила таращит на меня карие чайные блюдца:

— А зачем меня убивать?

— Мне-то откуда знать? Может, за наследство, может, месть или еще что. На квартиру вашу никто из родни не метил?

Девчонка отмахивается:

— Да нет же! У нас всех родственников — я же говорила, тетка под Брянском где-то. И она старенькая уже.

Так. Значит родственные связи отпадают. Но вот что смерть Сербина и нападение между собой крепко связаны, зуб даю! Я же бывший розыскник, а не хрен собачий. В чем же дело? Шпионаж в пользу танзанийской разведки?

— Этот тебя про что-нибудь спрашивал? Про документы, карты какие или вообще?

— Нет, нет. Он, как я дверь открыла, ни слова не сказал. Сопел только и ругался...

У меня, конечно, в мозгах живет та еще профессиональная деформация личности, и на происходящее я смотрю с колокольни бывшей своей конторы. А с той колокольни, "откуда люди кажутся такими мааленькими, как миши, нет, пардон, крысы", все происходящее четко квалифицируется как классическое экстренное пресечение утечки информации. И нифига не ДСП-шной^[21], а гораздо более секретной и опасной. Смерть, а скорее всего, гибель Сербина, проваленная ликвидация его дочери, такие события я по долгу, эти ее мать, бывшей службы просто обязан был увязывать в одну цепь с целью отработки версии. Вот и отработаем, за неимением лучшего.

— Слушай, Лю... э... Мила. Такой вот вопрос к тебе.

Девчонка отрывает взгляд от изучения висящего напротив нее полотенца:

— Да...

— С отцом перед тем, как он... ну короче, что необычное происходило? Может не необычное, а такое, что не каждый день случалось?

Мила морщит лоб, старательно вспоминая:

— Да нет, вроде бы. Все как обычно было... Хотя...

Пауза затягивается, но я не тороплю. Не хватало еще сбить с мысли.

— У меня по четвергам курсы компьютерные в райцентре, — с заметной гордостью произносит пигалица. — Домой поздно возвращаюсь. Отец когда пропал, — шмыгает носом, — как раз четверг был. Я в девять вернулась, его не было уже. А на столе посуда грязная. Тарелки, вилки. На троих, получается. В общем, гости были, но не его друзья, это точно. Водка дорогая очень. И не допили. А наши такую даже на праздники не берут, а то, что берут, вытряхивают до капли. И пакеты из "Великой Кышени" были.

Ага! Уже теплее. Можно сказать даже — начинает яйца припекать. Супермаркета в Русе вообще нет, никакого. Ближайший этой сети — в райцентре. Занятно, блин. Пришли, значит, к дяде Вите гости залетные, попили водки, закусили колбаской... А под утро его мертвым нашли. На улице.

Хотя ничего особо и криминального, на первый взгляд, в этом нет. К примеру, друзья-однополчане по старой дружбе заглянули проездом, посидели-уехали, после чего радушный хозяин решил догнаться и отправился в наливайку. А по дороге домой загнулся. Паленка, сэр... Самое простое, а стало быть, самое вероятное объяснение. Как говорил ребе Оккамер, размахивая мойкой^[22]: "Изя, таки не усложняйте себе и людям жисть!"... И все бы хорошо, если бы не этот, то ли ночной, то ли утренний амбал.

Собственно, не он сам по себе, мелкой бандоты у нас, что крыс на помойке, а веревка. Белая и совсем не пушистая. Которую ночной гость прихватил с собой, чтобы повесить девчонку... Не ограбить, не изнасиловать, не прибить ненароком, чтобы не мешала. А целенаправленно убить.

Нет, можно, конечно, провести базовые оперативные мероприятия: прогуляться по ночным точкам, поспрашивать обслугу, побывал ли там Сербин, а если да, то когда и с кем. Поселок маленький, все здесь друг друга знают. Вот только мне весь этот цирк с конями и даром не сдался. В Русе такой как я, пришлый, без связей или группы огнестрельного сочувствия за спиной — никто. И звать такого — никак. Встать на пути у местных бандито-гангстерито, у которых, если верить прошлогодним сводкам наркоконтроля, в таких, как этот, райцентрах собственный замкнутый цикл производства и сбыта — проще сразу повеситься. Как раз, и петля имеется. Вон, болтается, сука...

Но все-таки интересно, чем же эти тихие как мыши Сербинины так окружающим-то поднашвырячили, да еще всей своей неполной семьей?..

— Витя, слушай, — слова Милы, похоже, уставшей от моего молчаливого сопения, путают мысли. — Значит, правду говорят, что ты десантник? И в Югославии воевал?

Честно скажу, от такого вопроса я впадаю в ступор. Какой, нахрен, десант?! Какая, нахрен, Югославия?!

— С чего взяла?

— Ну ты, — мнется Мила, — с этим дрался, прям как в кино! Наши парни по-другому совсем... И про тебя говорили... — она смущенно замолкает.

Второй раз за сверхраннее утро краснею. Вот это картина была, когда я голяком ногами махал. Даже не маслом, а гуашью по шпукатурке... Сталлоне с зависти подох бы.

— Это я в детстве фильмы с Джеки Чаном любил. Вот и нахвтался. А десантник из меня паршивый. Бутылки об лоб не бью, кирпичи головой не ломаю... И вообще я в нее пью и кушаю...

Дурацкая шутка все же немного разряжает ситуацию. До смеха, конечно, далеко. Но хоть заулыбалась. И тут же, прогнав бесследно улыбку, спрашивает:

— Так что же мне теперь делать?

Тоже мне, бином Ньютона. На этот философский вопрос у меня даже ответ есть. Правда, не полный. Всё никак не могу решить, что делать "ей", или что делать "нам". Но первый шаг несложен.

— Спать ложись, что еще сделаешь? Часов до восьми. Второй раз не сунутся, не дураки. Милицию вызывать смысла нет. Ночью они приедут, только если мэра убьют, или там, агрофирменного директора. А если и приедут, мы им что, веревку покажем со скотчем?

Засмеют. (А когда отсмеются, то непременно зададутся вопросом, не имел ли место факт сексуально-полового сношения гражданина Верещагина, ранее привлекавшегося по очень интересной статье, с несовершеннолетней гражданкой Сербиной?)

— А утром что?

Вот же настырная какая, блин. Всё тебе разжуй и в рот... положи. А что я положу, ну тс есть, расскажу, если и сам не знаю? Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления. Ну и озвучивать, соответственно...

— Утром тебе надо будет валить отсюда как можно дальше и как можно быстрее. Одна тут пропадешь.

Про то, что пропадет она в смысле прямом, а не переносном, я уточнять не стал. И что ей ни одна собака ни из милиции, ни из прокуратуры не поможет. Про наше гребаное СБУ я вообще молчу. Не стоит девчонке сон портить.

— Куда я свалю, Витя? — Мила смотрит жалобными глазами, — у меня денег ни копейки...

Радость-то какая, обосраться и не жить! Хотя, ради того, чтобы нас с ней разделяло с полтысячи кэмэ, я готов не то что последнюю рубашку, но и почку продать!

— На дорогу тебе наскребу. До зарплаты стрельну у ребят. Ну и если какие побрякушки есть, тоже бери. Лишними не будут. К цыганам не подходи — наебут. Всё в ломбарде сдашь. Там тебе без паспорта всю цену не дадут, но хоть относительно честно. Кстати, о паспорте. Документы все свои собери. И не забудь, когда уходить будем.

Мила уходит, роется в серванте, возвращается, протягивает мне пачку:

— Эти?

Просматриваю. Свидетельство о рождении. Свидетельство о смерти матери. Школьные ведомости с оценками. Какой-то нотариально заверенный "дозвил". Красивый диплом об окончании компьютерных курсов.

— Оно. А паспорт отца здесь, или...

— Здесь. Он дома документы держал, с собой носил только удостоверение офицера запаса.

— Его тоже возьми. Мало ли как повернется...

Пачка документов исчезает в маленьком рюкзачке.

— Все! Сейчас — марш в комнату и дрыхнуть. Я у дверей покемарю, посторожу на всякий пожарный.

Измотанная пережитым девчонка больше вопросов не задает, спорить не пытается. Кивает и молча бочком выскакивает из ванной. Щелкает изнутри ее комнаты пингалет. И правильно. Защита символическая, но всё лучше, чем дверь нараспашку. Дрыхнуть точно не будет, но пусть хоть сидит тихо. Хотя после таких приключений, бывает, как раз мгновенно падают в сон.

Приволакиваю из зала вытертое и продавленное кресло, ставлю напротив выхода из квартиры. Подпираю на всякий случай дверную ручку шваброй, если замок и вынесут, с ходу все равно не откроют. Ухмыляюсь, вспомнив соответствующую шутку про десяток замков. Нахожу на полу ванной брошенный нож. На кухне, под раковиной обнаруживаю обрезок трубы-дюймовки. Импровизация, конечно, но чем богаты... Стрелять вряд ли будут — шум им не нужен. А чтобы от ножей с битами отмахаться, мне такого арсенала за глаза. Обучен мало-мало.

Милу я обманул. В том, что отмудоханный уркаган, отрапортовав о неудаче, вернется с

подкреплением, я практически не сомневался. Просто придут они позже и точно не утром, так что время отдохнуть и подумать есть. А еще я был абсолютно и совершенно уверен в другом. В том, что моя вроде бы немного устоявшаяся жизнь в который раз с грохотом свалилась в обрыв.

Общественность Русы, считавшая меня десантником, ошибалась. Нет, с десяток прыгов у меня в книжке записаны, ибо положено по квалификационной сетке. Но в биографии не было ни Югославии, ни Приднестровья. Да и стрельбы с поножовщиной практически не случалось... Слухи были правы в одном. Я действительно был офицером, и действительно получил неплохую подготовку. В том числе и с приставкой "спец". В организации, которая меня в прошлом году вышвырнула за дверь.

Сажусь в кресло, на всякий случай упираюсь ногами в дверь. Если гости и придут, у меня всяко часа полтора перекемарить будет. С дремой приходят воспоминания...

Ночь после ареста прошла в "обезьяннике" райотдела. А с утра, после короткого разговора с опером, я оказался в Лукьяновском СИЗО. Где быстро выяснил, что человек с моей статьей "Совершение развратных действий относительно лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста", если он, конечно, не пассивный гомик, должен не только уметь щедро раздавать звездюлины направо и налево, но и очень чутко спать.

Правда, после того, как соседи убедились, что я просыпаюсь на каждый шорох, малость успокоились. А когда самый шустрый вдруг сам себе проткнул печень заточкой, меня, от греха подальше, перевели в другую камеру, где сидели коммерсы и первоходки. Повезло, конечно. Редко кому удается так легко отмахаться от толпы, да и сон вполуха изматывает. Ну да хоть в чем-то должно же было подфартить.

А через неделю тюремного бытия выяснилось, в чем была суть вопроса, и откуда взялась дева, которая по волшебству обернулась несовершеннолетней жертвой насилия. Рядовая ментовская подстава. Я, после того, как оказался не у дел, малость дал слабину и подсел на стакан... Слабость, да. Но у кого не рушилась в одночасье жизнь, пусть не бросается каменюками. А пьющие одинокие квартирновладельцы — доходный бизнес. Принцип тут простой, рыночный. Не хочешь сидеть — плати. Нечем платить? Получай срок в зубы и повышай раскрываемость родному и горячо любимому МВД. Но лучше — продай квартиру.

Договор купли-продажи своей гостинки, что досталась после развода, я подписывал в комнате для допросов, куда, прикрывшись ксивой адвоката, явился толстый, как свинья, нотариус с бегающими глазками и руками, оставляющими жирные пятна...

После визита нотариуса мать малолетней сучки, получив свою долю, забрала заявление, а прокурор закрыл дело "в связи с недостаточностью улик". Потом я пропивал мебель, дожидаясь новых хозяев. В том же алкогольном чаду был отвезен сюда, в Русу. Котельников — директор риэлторской фирмы "Добродея", через которую проходил творческий обмен моего жилья, самолично разместил в конуру, освободившуюся ввиду недавней смерти очередного отселенца. Они тут дохли как мухи...

Помощи ждать было не от кого. Контора обо мне "позаботилась". Вышвырнув из рядов, тут же забыла.

В таком состоянии — ни сна, ни яви — пребываю довольно долго. А затем жажда опохмела буквально вздергивает на ноги и начинает гонять по квартире в поисках чего бы въебать на опохмел. Но пить нечего, кроме воды из-под крана. Но я все равно ищу, тоскливо и безнадежно, как нищий обшаривает карман в поисках забытой монетки. Ищу до рассвета,

когда первый солнечный луч скользит в окно, прыгает по стеклу желтым пятнышком. Утро подступает.

Пора действовать.

12. Шпионские страсти

Звонок из резидентуры застал Алана, когда он заканчивал завтрак.

"Макдональдсы" Украины, конечно, не шли ни в какое сравнение с американскими, однако являлись единственным местом, где можно было получить качественную пищу — отличные гамбургеры, вкусную колу и, главное, кофе без кофеина, о котором в других заведениях и не слыхивали. Что поделать, нецивилизованная страна...

Голос Люси был холоден, как январский атлантический ветер:

— Шеф требует тебя. Немедленно! И поторопись, он просто вне себя!

Официально-ледяное обращение секретарши Аскинса, верной, как собака, и страшной, как сама смерть, мог обозначать лишь одно — агент Беркович все-таки вытащил свой счастливый билет, и теперь все сотрудники центральной резидентуры ему завидуют черной завистью...

Ну вот, началось, подумал уже без пяти минут специальный агент Беркович, не в силах сдержать широчайшую улыбку. Шеф вызывает срочно, значит, он бесится. Да и пусть бесится! Все это наверняка из-за того, что Алана срочно отзывают в Америку, на прием к самому директору. Не могут не вызвать! В ушах у Берковича торжественными фанфарами зазвучал американский гимн в исполнении Мормонского Табернакального^[23] хора.

And where is that band who so vauntingly swore
That the havoc of war and the battle's confusion
A home and a country should leave us no more?
Their blood has washed out their foul footsteps' pollution.^[24]

Садясь за руль многострадальной Тойоты, которую, за неимением времени, он так и не отогнал на техстанцию, Алан прокручивал в памяти события минувшего дня.

После прошлого разноса, по мнению Алана, незаслуженного и совершенно несправедливого, шеф приказал возвратиться к себе и ожидать звонка. Офис регионального представительства "Международной лиги", сотрудником которой он числился официально, находился в административной столице графства или, как здесь это называли, "в райцентре". Там же Лига арендовала ему жилые апартаменты. Формально, конечно, следовало выполнить приказ шефа и сидеть в неудобном кабинете, не имеющем даже кондиционера, играя на "XBox" в последнюю "Rainbow Six"^[25] и ожидая новых распоряжений. Однако сидеть сложа руки Алан не собирался.

Нельзя было ни в коем случае позволить недоброжелателям, тайным и явным, вырвать из рук победу. Чтобы не оказаться снова под градом неудобных вопросов, Беркович решил, проявляя максимальную осторожность, самостоятельно исправить ошибку, на которую ему указал несправедливо придирчивый резидент. А главной своей ошибкой Алан считал то, что не пресек все каналы потенциальной утечки столь важной и существенной информации.

Эти каналы следовало в первую очередь точно определить, для чего Беркович решил

воспользоваться своей агентурной сетью, раскинутой в Русе. Наскоро приняв душ и проглотив разогретый в СВЧ завтрак, он позвонил Котельникову.

Энергичный экс-майор КГБ, работающий под крышей агента по торговле недвижимостью, собственно, и являлся всей его русинской сетью. Из досье, оставленного предшественником, Алан знал, что майор плотно сотрудничает с украинской мафией. Вполне возможно, что Котельников представлял в Русе еще чьи-то интересы, может быть, даже иных разведок. Однако пока они не представляли прямой и явной угрозы национальной безопасности США, начальство закрывало на все глаза. Да и выбора у Алана честно говоря, не было — за несколько месяцев ему не удалось завербовать никого, кто бы давал хоть какую-то существенную информацию.

Котельников ответил сразу. Он был дома, у себя в Русе, предложил встретиться в своем риэлтерском офисе, который размещался в здании мэрии. После подобных переговоров непременно следовал, в зависимости от времени суток, обед или ужин в VIP-зале местного ресторана. Часть акций ресторана принадлежала Котельникову, а потому для Алана, как для руководителя по разведывательной линии, там были ощутимые скидки.

Да и вообще, если быть честным перед самим собой — экс-майор для Алана был человеком незаменимым. Каждые две недели он предоставлял Берковичу важную информацию, на основе которой Алан, как того требовала должностная инструкция, готовил ежемесячный отчет. Эти сведения касались в основном многочисленных нарушений, происходивших в процессе уничтожения самолетов, а помимо этого не попавших в прессу событий на оставшихся в районе немногочисленных военных базах. Обходились эти сведения довольно дорого, так что порой Алану не хватало выделенного на агентуру бюджета и приходилось доплачивать из собственного кармана. Но что не сделаешь для исполнения своего гражданского долга!

Котельников перезвонил по дороге и предложил сразу же встретиться в ресторане. Беркович не возражал. Кухня там, конечно же не шла ни в какое сравнение не то что с Макдональдс, но даже и Pizza Hut — гамбургеры были слишком жирными, а картофель жарили почти без масла, но это было лучше, чем сидеть в обшарпанном кабинете с двумя старыми креслами и грязным письменным столом.

Оказалось, что Котельников тоже не терял времени зря. Во время той злосчастной пирушки, когда Сербин пустился в свои пьяные откровения, он отсутствовал, и, к огромному счастью Алана, о бомбе ничего не узнал. Поэтому речь пошла о том "как бы исключить утечку информации о незапланированных потерях во время проведения полевой операции".

Именно Котельников первым и высказал мысль о том, что единственная родственница Сербина, пятнадцатилетняя дочь, может настоять на расследовании обстоятельств смерти отца, и тогда Беркович, как сотрудник ЦРУ, окажется под угрозой раскрытия...

Алану ничего не оставалось, как выдать своему агенту письменное распоряжение на "локализацию источника возможной утечки", присовокупив к нему довольно ощутимую сумму наличными, которая, по заверениям Котельникова, вся целиком и полностью будет истрачена на оплату услуг "профессионального исполнителя".

Это было вчера вечером. Утром Котельников перезвонил и лаконично сообщил, что, несмотря на некоторые незапланированные заминки, дело движется к завершению. Алан не стал вникать в суть "незапланированных заминок", потому что буквально с минуты на минуту ждал подвижек в собственной судьбе. И они незамедлительно последовали — его, агента Берковича, ждал вызов директора...

Едва Алан появился в дверях, шеф привстал, уперев в стол волосатые кулаки, и взревел, как разъяренный бизон:

— Что там у вас происходит, Беркович?! Мне доложили, что сегодня утром произошла какая-то совершенно безумная попытка покушения, связанная с убитым тобой Сербиным! Что это значит?

— В соответствии с инструкцией я дал команду одному из моих агентов осуществить местную локализацию, — гордо вскинув голову, ответил Алан. — Как раз, с минуты на минуту, ожидаю доклада...

— От кого, ослиная твоя голова набитая протухшим дерьмом?! — шеф взревел так, что звуконепроницаемые, акустически защищенные стеклопакеты на окнах заходили ходуном. — От меня ждешь доклада? Ну, так разрешите доложить, сэр, что этой ночью какие-то тупые кретины вломились в квартиру к дочери Сербина и попытались ее убить. Убрали бы, бог с ним, но она оказалась дома не одна, а с бойфрендом. Твой так называемый агент, а на деле, нанятый в соседнем поселке мелкий уголовник, был избит и сбежал. Скрылся! Так что девушка не только до сих пор жива, но еще и смертельно напугана, а число объектов локализации увеличилось вдвое!

Сарказм в голосе обычно невозмутимого резидента добил Алана больше, чем крик. Кричали на него всегда и везде — родители дома, учителя в школе, командиры в армии и инструктора учебного центра в Лэнгли. Но обращения "сэр" от непосредственного начальника он удостоился впервые.

Мечты о скорой поездке домой и повышении таяли на глазах, как мираж в пустыне. Словом, дело принимало неожиданный и скверный оборот, как и положено в хорошем боевике, когда в самый неподходящий момент происходит нечто фатальное. Беркович украдкой провел по штанинам разом взмокшими ладонями и попытался набраться мужества в привычном вопросе — а как бы поступил в таком случае Джек Райан? Но на ум пришло только одно — Райан скорее всего, просто не допустил бы подобной ошибки. И уж точно не оказался бы в пределах досягаемости начальства, пока не узнал о результатах спецоперации.

Теперь допущенные ошибки предстали перед Берковичем как на ладони, щедро приправленные пониманием того, что сделать "правильно" не представляло труда, нужно было только не спешить.

— Я могу все исправить! — твердо произнес Алан, собравшись с духом.

Шеф обреченно вздохнул.

— Можешь. Куда ты теперь денешься, гений разведки. Твой доклад ушел в Лэнгли и сразу же получил высший приоритет, — начальство чуть сбавило тон, по-прежнему свирепо буравя агента взглядом.

Гимн, растворенный в криках шефа, снова заиграл в душе Алана.

— Я сделаю все, что от меня зависит сэр! — произнес он, вложив в голос всю страсть, на которую только был способен.

— Нисколько не сомневаюсь, — с невыносимым ядом в словах вымолвил шеф. — К счастью, в твоих силах не так уж и много, так что больших бед ты натворить не сможешь. Значит так. Сейчас же ты пулей полетишь в Русу и установишь за обоими, за девушкой и бойфрендом, круглосуточное наружное наблюдение. Привлекай к этому всю свою агентуру. Обо всем немедленно докладывать мне лично. И ни при каких обстоятельствах не предпринимать активных действий! Ты меня понял?

Ясно, сглотив, подумал про себя Алан. Стало быть, весь этот спектакль с криками и оскорблениями был разыгран только лишь для того, чтобы принизить его, Берковича, роль во всем этом деле. Теперь он был на все сто процентов убежден, что шеф предпринимает титанические усилия, чтобы перетащить одеяло на себя. Однако следовало максимально воспользоваться преимуществами создавшейся ситуации.

— Местные агенты ненадежны. Мне понадобится штат оперативников, — поджав губы, сухо ответил он.

Шеф посмотрел на него так, как смотрят на детей и безнадежно больных.

— Штат я, пожалуй, действительно расширю. И потребую провести самую тщательную проверку. Вы должны за два дня без малейшей огласки убедиться, что то, о чем рассказал этот бедолага-майор, существует на самом деле. Как только организуешь наблюдение, напишешь и подашь на утверждение предварительный план. Этому, надеюсь, на курсах учили?

Алан кивнул.

— Я, в отличие от тебя, Беркович, не могу себе позволить такую роскошь — нестись сломя голову к своему руководству с конкретными предложениями, не убедившись, что это не плод воспаленного воображения спившегося русского летчика. Все, свободен.

Не дожидаясь, пока Алан покинет кабинет, шеф ткнул кнопку селектора.

— Григ? Сколько можно возиться со своей оптикой, когда вы, наконец, займетесь хоть каким-нибудь полезным делом? Выдайте мне данные по всем экипажам стратегических бомбардировщиков в Русе за вторую половину восьмидесятых.

Закрывая за собой внешнюю дверь входного тамбура, Алан услышал, как шеф говорит по внутреннему селектору: "Люси! Немедленно свяжите меня с директором!".

Из разговора Алан уяснил главным образом одно — очередной карьерный скачок нового Джека Райана, судя по всему, уже не за горами. По дороге к выходу Беркович остановился у зеркала, оглядел себя с головы до пят и поправил галстук. Если ему в подчинение дают особых агентов, стало быть, шеф, несмотря на свои мелочные придирки, отнесся к докладу более чем серьезно.

Теперь главное — снова не оступиться. Продумывать каждый шаг, не совершать опрометчивых действий и не дать ни малейшего повода принизить собственную роль в этом деле.

Потому что дело здесь не только и не столько в его, Алана Дж. Берковича персональных амбициях. Речь идет не больше и не меньше, как об угрозе национальной безопасности Соединенных Штатов Америки!

13. Игры патриотов

Сверхзвуковой ракетносец сто двадцать первого тяжелого бомбардировочного авиационного полка Ту-160 выполнял плановую пятидесятикилометровую "коробочку". Полет по аэродромному кругу, проводившийся по предписанию завода-изготовителя, по сравнению с боевыми дежурствами и участвовавшими за последние годы учениями был несложным. Он напоминал утренний выгул собаки — рутинную и не требующую особого внимания процедуру, поэтому экипаж, четыре высококлассных летчика, почти не ощущал характерного полетного напряжения.

Второй пилот завершал выход на предпосадочную прямую, после чего управление самолетом должен взять на себя командир корабля. Готовясь начать посадку, полковник Юрий Дорошенко, привычно обегая глазами шкалы приборов, вдруг припомнил домурыженный, наконец, с третьего захода, американский технотриллер, где регулярно и на все лады склонялось эффектное слово "стелс".

Главным героем этой голливудской истории, по новой военной моде, которую в мире задавала Америка, был не человек-супермен, а самолет Б-2. А если быть до конца точным — Нортроп В-2 "Спирит". По воле сценаристов и режиссера, сей неуязвимый летательный аппарат невидимкой проскальзывал в стан врага (которым у политкорректных создателей была уже не Россия, и даже не Китай, а абстрактные "международные террористы, захватившие власть в некоей среднеазиатской стране") и, нанося удары "сверхточным оружием", в очередной раз спасал мир.

"Стелс" — ухмыльнулся про себя Дорошенко, машинально проводя циклический обзор приборной панели, — больше-то этому хваленому американскому самолету и похвастаться нечем. Особо если сравнивать с нашим "Тушкой", по-ихнему "Блекджеком". У нашего максимальная дальность почти в два раза — 17 400 километров против их 10 400. А это означает, что, взлетев из Энгельса, наша птичка может даже без дозаправки спокойно добраться не то что до любой точки на территории Северной Америки — до самого Южного полюса. А скорость? И смех, и грех — разница почти втрое. "Блекджек" — сверхзвуковой, развивает 2200 километров в час, а Б-2 всего 764, меньше, чем гражданский "Боинг". Но не это главное.

Быть может, когда система радиолокационной невидимости только разрабатывалась компанией "Нортроп-Грумман", она действительно была современна и эффективна. Но теперь "самолет-невидимку" может вычислить даже устаревший радар, с помощью новых компьютерных алгоритмов, отслеживающих возмущения воздуха за летящим Б-2. А новое поколение локакторов просто видит "стелс" чуть хуже, нежели обычный самолет. Потому на смену хвастливому прозвищу "невидимка", в последнее время все чаще и чаще американские "технические источники" используют более скромное определение "малозаметный"...

До начала снижения оставалось совсем немного. Дорошенко отбросил сторонние мысли и попытался сосредоточиться. Но заход на посадку на ВПП аэродрома постоянного базирования был процедурой настолько рутинной, что, глядя на необъятно-широкую даже с высоты нескольких тысяч метров Волгу и уходящую в горизонт степь, разбитую на пестрые квадраты полей, он мог думать о своем. На смену впечатлениям о просмотренном фильме предчувствием неясной угрозы неожиданно нахлынули тяжкие воспоминания.

В ту злосчастную ночь он, капитан Дорошенко, залег на верхушке защитного капонира

и молил всех ему известных богов, чтобы впереди, со стороны аэродромных служб, не появился вдруг никто посторонний, а сзади, где располагалась стоянка, оператор вооружения не сделал роковую ошибку. Отпустило, и то не до конца, лишь когда серебристая сигара с начинкой, страшной до нереальности, исчезла под толстым слоем земли и хвороста.

Позже ему несколько раз приходилось присутствовать на похоронах, и каждый раз, когда гроб опускали в разверстое чрево могилы, в руках начиналась дрожь, словно он опять сжимал в руках тот самый трос... (вот тут фигня. Он же трос не сжимал. На перефраз мозгов уже не хватило)

Однако после того, как миновала вторая неделя, всем членам экипажа борта два-семь-два, включая и их туповатого штурмана, фотографа, мать его за ногу, любителя, Витю Сербина, стало ясно, что эта невероятная проделка каким-то непостижимым образом сошла с рук.

Все вроде было как всегда — они продолжали нести боевое дежурство, тревожа англичан в северных морях и американцев над Тихим океаном, но теперь... экипаж перестал быть единым целым. Общая жуткая тайна, дурацким волшебным кольцом из нудной книжки, которую несколько лет назад его, уже подполковника, заставил прочитать сынуля, медленно разъедала души, исподволь взращивая придавленный страх и взаимное недоверие.

Вскоре их "братство бомбы" распалось. Сергей, радист, комиссовался по состоянию здоровья и пропал из виду. Командир Саня Емельянов, верхним чутьем учуяв, куда загонят военную авиацию горбачевские новомышленные перемены, перевелся из бомберов на непрестижные тогда транспортники Ил-76. Он, Дорошенко, все еще цеплялся за свое правое кресло пилота Aviации дальнего действия, надеясь получить должность командира и, как неизбежное следствие, майорские погоны. Приказ о назначении должен был быть подписан в конце августа 1991 года...

События на русинской авиабазе, едва не поставившие жирный крест на его летной, а стало быть, и командной карьере, были одновременно трагическими и комичными. Командир их дивизии, генерал Уфимцев, принял горбачевский "Закон о кооперации" как руководство к действию, и в течение нескольких месяцев преобразовал подчиненные ему военные самолеты в частное доходное предприятие.

В разгар августовского пугча генерал, как человек ответственный и серьезный, лично сопровождал борт, идущий с Дальнего Востока с грузом японских контрабандных автомобилей в Смоленск. Где, как выяснилось, его уже ждали офицеры из КГБ.

Чем руководствовались внуки Дзержинского, собираясь взять с поличным легендарного генерала, история умолчала. По одним слухам, желая прогнуться перед ГКЧП, организовали образцово-показательный арест, по другим — собирались наказать делового партнера, задолжавшего немалую сумму. Так или иначе, предупрежденно-вооруженный верными соратниками Уфимцев, проявив гибкость и толерантность, на которую оказался позже не способен в том же городе польский президент (ныне покойный), объявил аварийную ситуацию и, под разочарованные стоны засады, повернул самолет на Русу, где он был царь, бог и воинский начальник...

Однако при посадке оказалось, что мстительная рука Москвы через особые отделы, может достать его и на территории Украины. Уфимцев провел бессонную ночь в тяжких думах и принял непростое решение. Утром двадцать второго августа одна тысяча девятьсот девяносто первого года он вышел к личному составу как пламенный патриот независимой

Украины. Многие тогда повелись на его страстные речи и приняли присягу. Часть самолетов улетело в Россию, часть осталась, потому что генерал вызвал из соседней танковой дивизии несколько бронетранспортеров и перекрыл взлетную полосу.

Именно тогда Дорошенко понял, что у него есть реальный шанс стать генералом. Он оказался одним из немногих, кто не поддался на посулы и не побоялся выйти из строя, отказываясь присягнуть Украине. И, как выяснилось, не ошибся. Новой демократической державе, лишенной ядерного оружия, содержание собственной стратегической авиации, где одна только Руса обходилась СССР в три бюджета Черноморского флота, было не по карману. Поэтому на протяжении полутора десятков лет, пока Россия из последних сил сохраняла свои ударные силы, Украина резала самолеты. А бывшая элита вооруженных сил, летчики дальней авиации, как того и следовало ожидать, очень скоро стали лишними людьми. И не один Витя Сербин тому примером...

Оказавшись в Энгельсе, ставшем центральной российской базой стратегической авиации, Дорошенко почти сразу получил должность командира Ту-95 и майорское звание и подал документы на обучение, чтобы перейти на Ту-160. Больше не встречаясь с членами "братства бомбы" он отправил эти воспоминания в самый дальний угол памяти и целиком отдался карьере. Которая наконец-то довела его до заветных генеральских погон.

Вслушиваясь в переговоры с диспетчерским центром, заместитель командира самого элитного авиаполка Вооруженных сил России думал о том, что это, вероятно, его последний полет в нынешней должности. Выписка из приказа о назначении заместителем командира дивизии не сегодня-завтра должна была прийти с фельдьегерской почтой из Москвы, следом за ней ожидался и указ Президента.

Дело было решенное, генеральский мундир, пошитый еще на прошлой неделе, ждал своего часа. По заведенной традиции, следовало прибыть на совещание в штаб в полковничьих погонах. Командир дивизии должен был при этом ритуально спросить: "Дорошенко, почему нарушаете форму одежды?" На что следовало ответить "Виноват, товарищ командир!", немедленно покинуть зал и как можно скорее вернуться с лампасами и вышитыми золотом звездами...

Но все это будет там, на земле. В небе, как в бане — нет ни рядовых, ни генералов, а есть только пилоты, которые должны думать прежде всего о том, что происходит здесь и сейчас.

Полковник взялся за ручку управления и уж было собрался подать команду на начало снижения, как вдруг машину сотрясло от сильного удара. Конвульсивная дрожь прошла по всему корпусу, металл застонал, коротко и страшно, совсем как живое существо, получившее стремительный и смертельный удар. Индикаторы разом полыхнули угрожающими цветами. В "Туполеве" после модернизации было установлено более ста компьютеров, и сейчас все они разом слали сообщения о многочисленных неисправностях и разрушениях.

Но это длилось считанные доли секунды, которых экипажу хватило лишь на то, чтобы осознать угрозу, но было недостаточно для того, чтобы хоть что-нибудь предпринять. Огненный вал прокатился от кормы к носу бомбардировщика, испепеляя все внутри, раскидывая на десятки метров опаленные куски корпуса.

Последнее, что успел увидеть командир в разваливающемся от взрыва самолете, был пресловутый тоннель, в конце которого виднелся не "волшебный свет", а быстро формирующийся ядерный гриб. Но и эта иллюзия, порожденная гибнущим мозгом,

продлилась от силы пару мгновений. Избыточное давление превратило его внутренности в кровавое месиво, так что умер Дорошенко еще до того, как запоздавшая система аварийного катапультирования выбросила экипаж из разваливающегося в воздухе самолета меньше чем в двух десятках метров от земли.

Холмик на могиле Виктора Сербина за ночь чуть осыпался и просел. Мусор из секретного крематория ЦРУ вместе с пеплом, оставшимся от радиста Сергеева, был собран и высыпан в близлежащее озеро. Вице-президент США заканчивал ужин в закрытом фешенебельном клубе, временно отрешившись от забот и тревог. Советник Президента США по вопросам национальной безопасности Виктор Морган засиделся с документами в своем кабинете. Алан Беркович терзал игровую приставку, проводя образцово-показательную антитеррористическую операцию в лучших традициях бестселлеров любимого автора. Бывший капитан госохраны Верещагин, проснувшись, рыскал по квартире бывшего штурмана Дальней Авиации в поисках спиртного для опохмела. Спецагент Опоссум под чужим именем заказывал билет на рейс из аэропорта имени Кеннеди до Стамбула, откуда собирался вылететь в Урумчи.

Мертвым было уже все равно. А живые и те, кто был обречен на смерть неумолимым ходом событий, еще не ведали своего будущего. Не знали, что роковое стечение обстоятельств уже связало их судьбы в незримый ядерный узел...

14. Гумберт-Гумберт и ментовоз

Мы — я и Мила, стоим на краю центральной русинской площади напротив сквера с геройским бюстом. За гранитной спиной земляка-космонавта виднеется грязно-желтое одноэтажное здание с припаркованным бобиком-ментовозом. Площадь большая, вылитый стадион. По причине понедельника совершенно безлюдная. В дальнем конце "майдана" скучают, ожидая пассажиров, маршрутки, обшарпанные и замызганные, как и все здесь. На одном из этих стальных коней нам предстоит покинуть ставшую крайне негостеприимной Русу. От греха, так сказать, подальше.

Но перед стартом требуется выполнить обязательную программу. Она, правда, была достаточно скудной и состояла всего из пары пунктов, но пунктов весьма важных и равнозначных.

Во-первых, срочно требуется найти какого-нибудь бухла на опохмел.

Во-вторых, разжиться деньгами на проезд. Маршрутка не электричка, от контроля не побегаешь.

Трубы продолжают гореть, потому успокоение бодуна идет за номером раз. Впрочем, решение этой проблемы сложностей как раз и не обещает. За стоянкой "бусиков" (так в этих краях называют микроавтобусы), виднеется до боли знакомый транспарант над базарными воротами. А за ними, в директорском кабинете, меня еще со вчерашнего вечера ждет законный флакон. До кучи, у Любы можно попробовать выцыганить гривен триста — четыреста в счет зарплаты...

Что делать после того, как мы покатым из городка, я, как ни старался, так и не придумал. Ну то, как говорится, война — херня, главное — маневры! Уверен только лишь в двух вещах. Первое — надо уносить ноги вслед за девчонкой, пока не приговорили с ней за компанию. Второе — к властям хода нет.

Хмуро смотрю на "маленькое желтое здание" поселковой ментовки. Заяви туда Мила о нападении, и все! Начнут выспрашивать подробности, неминуемо потащат на медэкспертизу. Сразу же всплывет "факт совращения", в наличии которого я уже почти и не сомневаюсь. Менты, они, как известно, ищут преступников, как тот алкаш из анекдота ключи — не в луже, куда уронил, а под фонарем, потому что там светлее. Незвестный ворюга для них — плод воображения и нежелательный головняк. А Виктор Верещагин, прошедший ночь в квартире потерпевшей, вон сидит, перегаром дышит. И нахрена, спрашивается, казенный бензин жечь, когда вот он преступник — бери под белы ручки, тыкай мордую в пол, пизди ПР-кой и пиши протоколы?

Тут уж не надо быть ни Вангой, ни Глобой, ни Нострадамусом, чтобы прикинуть дальнейший ход. Окажусь в наручниках в райСИЗО, где после короткого и очень доброжелательного допроса сознаюсь. В чем? Да во всем! И как государственный переворот готовил, и как тоннель от Бомбея до Лондона рыл, с целью транспортировки наркотиков. И что церковь тоже я развалил. В тринадцатом веке. Это вам не Киев, где хоть какой-то порядок и права человека. Здесь провинция. Здесь в камерах калечат и убивают. А после, если выживу, поеду на зону. И все. Девчонка останется одна. Правда, очень ненадолго...

Хотя, невзирая на все подозрения, вопрос о том, что же у нас ночью было и было ли вообще, я до сих пор не прояснил окончательно. Момент, когда можно было спросить прямо, я благополучно прозевал, а теперь, как ни старался, не мог его сформулировать

относительно внятно.

Не спрашивать же: "Трахались мы с тобой?" у пятнадцатилетней девчонки, вчера похоронившей отца, и в ту же ночь чуть было не повешенной в собственной квартире! Да лучше голову об стену разбить. Стыдоба, блин, полнейшая. "Слушай, а у нас ночью было что?" С одной стороны, вроде, как и лучше, но с другой, что девчонка про меня подумает? Защитничек херов, непросыхающий ветеран Югославии. Допился до того, что с кем спал, не помнит...

Сама же Мила за все время никаких подсказок мне не дала. Всю дорогу от квартиры ни словом, ни жестом о прошлой ночи не напомнила. Даже наоборот, чуть сторонилась. Когда в дверях подъезда я резко остановился, чтобы оглядеться, всем телом налетела на мою спину, шарахнулась и потом держалась метрах в полтора. Ну да, испуганно-вопросительные взгляды бросала. И что? В нынешней ситуации, это можно понимать, как угодно. Вряд ли она будет хватать меня за член и тянуть в ближайшие кусты, даже если что и было. Пьяная женщина гораздо слабее на передок, нежели трезвая. Даже если ей до шестнадцати всего две недели. Или два месяца? Блядь, нихера не помню. Голова — как гондон рваный. Все выплескивается...

Вот и сейчас Мила стоит на "пионерском" расстоянии и смотрит, как на фокусника. Ждет, чтобы я ей диетического кроля из шляпы достал и от неприятностей уберег. Или чтобы снова на диван завалил?

Киваю, давай, мол, за мной. Еще раз оглянувшись, шагаю по растрескавшейся асфальтовой дорожке, что в обход площади ведет от космонавта к рынку. Мила сперва семенит в арьергарде, изображая эсминец в боевом охранении, а потом, набравшись храбрости, чуть обгоняет и идет впереди. Попеременно мелькают под футболкой острые подростковые лопатки. Господи, дите-то какое. Если что-то было, то я мудака. Вот...

Все, промедление смерти подобно! Я уже и не помню, когда за последние месяцы дотягивал без утренней дозы до десяти утра, не говоря уже о полпервого.

Почти у самой калитки, ведущей к зданию базарной администрации сталкиваемся с кругломордым жлобом, покидающим территорию рынка. Надо же, какая встреча! Котельников, директор риэлторской фирмы, что привез меня в Русу. И что у нас забыл-то вдруг — базар выходной?

Жлоб пилит с таким нагло-уверенным видом, будто выполняет личное распоряжение президента. И не какого-то там президента Украины, а самого президента всемогущей агрофирмы "Руса-инвест", которой принадлежат здесь все что растет, хрюкает и мычит. Заметив нас, а точнее, идущую впереди девчонку, он резко меняет курс и атакует нас, как "Тирпиц" конвой PQ-17. Этого еще не хватало! Лесной пожар с минуты на минуту доконает мой страждущий организм, а тут...

— Людочка! — радостно вопит на всю улицу жлоб. — А я тебя по всему городу бегаю, ищу! Узнал про отца. Соболезную! Всем сердцем. Какие его годы были. Хотел спросить, может помочь чем?

Ищет, значит, хряк толстожопый. По всему, блин, городу. Ну-ну. Свежо питание, да серется с трудом...

— Здравствуйте, дядя Сережа, — стрекочет Мила.

Остановившись, как бы невзначай она пропускает меня вперед. Очень правильно поступила, то ли умная, то ли случайно получилось, но все равно правильно. Вроде как незнакомы мы с ней вовсе. Совсем-совсем. Втискиваюсь боком в приоткрытую калитку,

отметив боковым зрением очень недобрый взгляд, которым меня окинул директор "Добродеи".

Оставив девчонку отшивать назойливого жлоба, захожу в администрацию. Любка сидит в кресле в той же позе, что и вчера. И по мобильнику разговаривает с тем же видом, словно никуда и не отлучалась из кабинета. Увидев меня, наспех обрывает разговор и смотрит испытывающим, и, как показалось, даже немного сочувственным взглядом.

— Виктор, что ты натворил?

— Да ничего я не творил, — отмахиваюсь от вопроса. — Любовь Иванна, должок за тобой. Жмуров закопал, как обговаривали, и на кладбище, и в мэрии подтвердят. Так что, давай бутылку.

— Ты уже за расчетом? Так быстро? — переспрашивает Люба, словно меня и не расслышав, — Понимаешь, тут такое дело... Мне Гена звонил только что. Приказал немедленно тебя увольнять.

В предвкушении алкоголя мой организм утратил возможность быстро соображать, поэтому, смысл прозвучавшего до меня не доходит.

— Ну так что? Дашь или нет? — не заметив двусмысленности вопроса, спрашиваю, нервно постукивая пальцами по столу.

— Да, конечно. От тебя никуда не денешься...

Люба, думая о чем-то своем, тяжело вздыхает и, прокрутившись в кресле, достает из сейфа бутылку "Хортицы". Затем, порывшись среди дореволюционных полок, выкладывает на стол исписанный лист бумаги и начинает что-то черкать обломанной ручкой.

К чему какие-то бумаги?! Сейчас стакан нужен! Перехватив мой взгляд, что не хуже радара шарит по стеллажам, начальница, отлично знакомая с повадками своих подчиненных, снова вздыхает. На этот раз еще тяжелее. И, выдвинув мерзко заскрипевший ящик стола, достает немый "гранчак". Такой же как у Явдохи.

Выдергиваю зубами дозатор, плескаю, и одним махом остаканиваюсь.

Проходит, наверное, с полминуты, пока мой взгляд кое-как фокусируется на придавленном бутылкой листке. Резкость наведена, читаю. Заявление на имя директора ООО "Васко" от некоего Верещагина Вы-Сы. Об увольнении с должности контролёра рынка по собственному желанию. Мною написанное и мною же подписанное. Только дата проставлена другим почерком. Которую Люба сейчас и добавила...

Пристально гляжу на директоршу. Она ерзает в кресле.

— Не понял...

— Что тут непонятного?! — ощутимо нервничает Люба. Одна моя половина бесится от несправедливости происходящего, а вот другая... Другая холодно и расчетливо фиксирует, что неправильно она нервничает как-то, нехорошо. Не могу сказать точно, в чем дело, но что-то здесь не то. Внутренне подбираюсь.

— Ты же сам, когда тебя на работу брали, два заявления писал, — возвещает тем временем базарная командирша. — Одно на прием, второе на увольнение. Так принято у нас. Ты же знаешь. А я человек подневольный, пойми правильно. Гена команду дал, я дату проставила...

— Так получается, что я больше тут не работаю? — бессмысленность вопроса на поверхности, но задаю его по инерции. Все же, до конца еще не включился.

— Получается так, — разводит руками Люба. Затем, снова катнувшись к сейфу, достает из огнеупорных бухгалтерских недр бланк расходного ордера. Заполняет. Сверху кладет

несколько купюр, которые достает из собственного расшитого бисером портмоне. Сдвигает ко мне, словно выигрыш в карты. — Все, что могу для тебя сделать. Тут зарплата за месяц, и еще за две недели, как по КЗОТу положено.

Ну да, по КЗОТУ... Который хозяину Гене-Примусу что Новый завет для Свидетелей Иеговы... Поди свои кровные отдала.

— А из-за чего, не знаешь? — спрашиваю, ставя на ордере подпись. Вряд ли ей слили всю информацию, но даже маленький кусочек может оказаться очень полезным.

— Понятия не имею, — грустно протягивает Люба, вот ей-богу, с самой искренней грустью. — Клянусь, Виктор, мне это все как снег на голову буквально! Я вообще думала, если пить меньше станешь, в заместители тебя определить. Ко мне. — Добавляет она после небольшой паузы.

Взгляд "правой руки комэска" приобретает заметное мечтательное выражение, и скользит по моей фигуре, задерживаясь чуть ниже пояса. Мдя... А потемкинские деревни были так близко...

Молча и сосредоточенно завинчиваю бутылку, засовываю ее в карман штанов. Извлеченный дозатор небрежно кидаю в стену, откуда он рикошетит точнехонько в мусорное ведро, и гордо покидаю кабинет, стараясь не встречаться с Любой взглядом. Врезать бы дверь на прощание, но смысла нет. Люба-то ни в чем не виновата.

После принятого лекарства голова работает как надо. Факты, что с похмела казались разрозненными и совершенно бессмысленными, начинают укладываться в достаточно стройную цепь. Даже скорее в четкую картину. И картина эта мне категорически не нравится. Потому как злорадный взгляд Котельникова, брошенный в спину, значит лишь одно — бывший чекист знал о моем будущем увольнении. И Милу он, значит, остановил не случайно. Мммать твою!..

Вылетаю на улицу. Вовремя.

Котельникова не видно. Но напротив того места, где я оставил их с Милой стоит, переместившись от ментовского офиса, патрульный УАЗик. И не просто стоит, а пытается завестись, приняв на борт нового пассажира. Если совсем уж точно — то пассажирку. Сквозь стекло вижу девчонку. Бобик чихает двигателем, но упорно не заводится.

Ах вы ж падлы, суки ебаные! И это последняя четкая яростная мысль, которую я додумываю. Дальше на рефлексах. Дергаю за ручку незаблокированной дверцы машины, из нее выпадает милицейский сержант. Написано же, не прислоняться! С размаху бью ногой в толстый бок и корчусь от боли — снова напоминает о себе ночная драка с амбалом. Такими темпами скоро костыли понадобятся! Впрочем, сержант охает, закатывает глаза и вставать не собирается, всем видом показывая, что ему хватило.

— Аaaa! — кричит над самым ухом Мила. А я вижу направленный мне в лицо ствол пистолета. ПМ — вещь на вид не страшная. Даже довольно симпатичная. До поры. Солнце светит в спину, и видны даже нарезы в стволе.

Снова верещит девчонка, ствол уходит чуть в сторону... А мне больше и не надо! Вбрасываю себя одним рывком в машину. Правой — руку с пистолетом на контроль. И со всей дури обрушиваю початую бутылку, на кепку второму. Ребро неподдельной "Хортицы" вступает в соприкосновение с хлипеньким милицейским сукном. Побеждает гордость отечественного алкопрома — второй мент откидывается на кресло. Потеряв вслед за совестью и сознание. А бутылка цела-целехонька, есть бог на свете, зуб даю!

Вылетаю из машины, беру за шкуру выпавшего сержанта, затаскиваю в салон.

Предупреждаю, чтобы не дурил и не выебывался. Тот, глядя на недвижимую тушку боевого товарища, сопротивляться и не пытается.

Залезаю к Миле на заднюю сидуху. Продолжаю действовать на навыках и рефлексах. Но теперь уже не спортивных, а оперских. Поднимаю с пола выпавший пистолет. Обшариваю ментовские карманы. Выкладываю между собой и Милой всю добычу. Как в том фильме — ксивы, бабки, два ствола. Пока что не дымящихся... К ним, до кучи, ключи от бобика.

Теперь можно и оглядеться. Обе личности мне знакомы. Поселковые ППС-ники на базаре бывают часто, а там мимо меня не пройдешь. Так что, дорогие мои Василь и Серега, будем с вами общаться как со старыми приятелями.

— Кто девчонку приказал взять? — спрашиваю, ткнув сержанта в затылок бутылочным горлышком. Тот вздрагивает, приняв его за ствол. — Колись, уебок!

— Так кто? — отвечает нехотя, — Котельныхов подзвонив.

— Не начальник ваш? Точно?

— Та ни! Котьол! Вин же нас так постийно пиднаймаэ, мы дивок типа як заарештовуем и йому до хаты веземо. От и зараз мене набрав, сказав щоб оцю забралы...

Похоже что мент не врет. Да и про Котельникова я подобное слышал, городишко-то маленький. Что он малолеток к себе до хаты затаскивает и пользуется. Девки потом, естественно, молчат — в Русе с её провинциально-сельскими нравами для малолетки прослыть изнасилованной все равно что носить плакат "У меня СПИД!". Менты разбираться не будут, зато окружающие станут шарахаться, как от чумы... А "дядя Сережа", как говорили, кому денег потом дает, кого просто обедом накормит... Вот и молчат девчонки, как рыба об лед...

Ни хрена опять я не понимаю, чего Котельныхов, или кто там за ним стоит, от Милки хочет на самом деле. Но это уже потом. Проблемы решаем по мере их актуальности. А сейчас самая актуальная — два отмудоханных мента. Но она, на мой взгляд, вполне разрешима.

— Ну шо, хлопцы! — говорю голосом сурового старшины. — Ксивы ваши со шпалерами я с собой заберу. — Да не ссыте, не навсегда. Будете вести себя разумно, завтра позвоню, скажу где их спрятал. Шум подымете — из органов вылетите. На базаре место контролера освободилось, так что один уж точно без работы не будет... Как поняли, братья, прием...

— Та ясно, Витю! — отвечает, очнувшись Василь. Он, хоть и за рулем, но старший среди двоих. — Шо ж ты не казав, шо дивка твоя? Мы б домовылысь! А то зразу спецназом махать, як у своей Югославии...

Ага, договорились бы вы со мной, как же... Ну да ладно, главное решено, а дальше уж как кривая вывезет.

— В общем, вы пока сидите тише воды, ниже травы. Ничего не видели, ничего не слышали. Если все будет нормально, завтра позвоню, скажу, где майно забрать. Уяснили?

— Та отож!

— Телефон свой мобильный черкни. Только без глупостей! — протягиваю Василю вместо бумаги двухгривенную купюру и ручку, обнаруженную в заднем кармане спинки. Тот неудобно пристраивает денгу на ладони и, сопя, рисует цифирь.

В обнаруженную в том же кармане грязную холщовую торбу укладываю трофеи, а вслед за ними и "Хортицу"- чудодейницу. Выскальзываю из машины. Оглядываюсь. Наше скоротечное боестолкновение прошло без внимания окружающих — от десятка тусующихся

на остановке ментовоз закрывают маршрутки.

Котельникова нет в поле зрения. Слинял, вызвав ментов... Мила так и сидит в машине, сжавшись от ужаса. Блин, привыкать пора! Попала в колесо — пищи, но бежи! Хватаю ее за локоть, и выдергиваю из бобика.

— Уходим, бегом марш!

"Бегом марш" у меня получается не особо, но мышцы разогреваются, и боль отступает. Проскакиваем между заборами, врезаемся в густую стену кустарников, и, проломившись сквозь колючие ветки, скатываемся на дно неглубокого овражка.

Места эти мне знакомы. Тихие места, спокойные. Аэродром готовили к войне не понарошку, а потому здесь вокруг — сплошные заброшенные военные сооружения. Пулеметные точки без пулеметов, кабельные колодцы и прочая железобетонная хрень, которой наспигованы подходы к бывшему стратегическому объекту. Даже если хлопцы не сдержат слова и настучат, пусть попробуют найти! Тут черт ногу сломит! В просвете между листьями сереет полукруглая верхушка НУПа — необслуживаемого усилительного пункта связи. Идем туда.

Внутри достаточно ожидаемый мусорный завал. Стараясь не наступить на гвоздь или битую бутылку и не вляпаться в свежую кучу говна, осторожно заходим. Расчищаю место в паре метров у входа, под нависшей бетонной плитой. Первой загоняю Милу, следом залезаю сам. Подгребаю ворох листьев, закрывая проход. Ну все. Мы в домике. Нас не видно, а если песни орать не будем, то и не слышно. У нас же подход к НУПу — как на ладони.

Мила начинает стучать зубами. Не от холода, внутри бетонной коробки на удивление тепло, все же забортная жара делает свое дело. Похоже, что от шока начала отходить. Вообще на удивление правильная девчонка. У машины не тормозила, в обморок не падала, исправно бежала по команде. И в отходняк упала, только когда мы унесли ноги.

Ну пусть пока в чувство приходит, а Чапай будет думу думать...

Если похищение Милы силами двух прикормленных ППС-ников, да к тому же по наводке штатного городского педофила, было продолжением ночной попытки ее убить, то я ничего не понимаю в колбасных обрезках. Если Котельников просто хотел заполучить девчонку, то зачем амбал ее вешал? Если он хотел ее убить, или, как вариант, получил заказ, то нахрена дергать ментов? Свистнул бы того же амбала, и все дела... Что-то здесь не клеится, братцы, как говорил один знакомый токсикоман...

Так что опрос потерпевшей мне придется продолжить. Без пристрастия, но с упором на неприятные детали и, возможно, интимные подробности. Вот как бы еще между делом и уточнить, чем мы с ней занимались (или не занимались) прошедшей ночью...

Поворачиваюсь к девчонке, скручиваю горлышко "Хортице", хлебаю сам, жестом предлагаю ей. Мила мотает головой так, будто я предложил ей что-то уж совсем аморальное. Вытереть о штору, к примеру. Ну нет-так нет, будешь, значит, отвечать насухую.

— А теперь вспоминай. Еще раз, и без пробелов, — голос мой звучит резко, поучительно строго. На результат.

— Что вспоминать?! — в ужасе шепчет Мила, пытаюсь вжаться в плиту.

— Что странного последнее время с отцом происходило? Видишь что творится? На нас всю Русу, считай, натравили. Меня, вон, с работы под зад коленом поперли, а тебя на ментовской тачке увезти куда-то пытались! — сгущаю краски для того, чтобы прониклась мрачностью ситуации и лучше растормозилась. Методика...

Девчонка молчит. Но лоб нахмурила — вспоминает.

Я не тороплю, прокручиваю варианты. Точнее, первую рабочую версию а-ля шпионский роман — с обрубанием информационных концов. Блин, понять бы, что такое смертоубийственное мог знать отставной майор? Вспоминаю, что в последнее время он работал на базе, где за американские деньги резали на металл бывшие советские самолеты. Те самые стратегические бомбардировщики, которыми можно было кирдык этой вашей Америке обещать. Но ведь не директором он там был, а кладовщиком на инструментальном складе. Диски к болгаркам пересчитывал. В здешней иерархии — в самом низу штатного расписания. Ни влияния, ни доступа к чему-то особо ценному. Да и чего там на базе теперь секретного, если порезкой сами пиндосы занимаются, а все секреты Союза проданы давным-давно, еще в девяностых?

Мог, конечно, покойный майор оказаться свидетелем какой-то паскудной комбинации местных авторитетов. Но это никак не повод его вместе с дочерью убирать. Точнее, его-то могли в расход пустить как два пальца, а вот девчонку серьезные люди не тронули бы — не из жалости, а просто смысла нет. Да и не боятся местные воротилы типа бывшего моего хозяина Гены-Примуса ничего и никого. Кроме, разве что, столичного УБОПа, у тех расценки, как у швейцарских адвокатов...

Херня, короче говоря, полнейшая. Ситуация дебильная до ужаса. Хотя бродит у меня в мозгах некая бесформенная мысль, не желая категорически оформляться в форменную и очень даже официальную...

— Мил...

— А-а-а?

Тянет слова, зрачки расширены. Но уже не дрожит.

— Помнишь, ты говорила, что в последний вечер у отца гости были? Может, из-за этого?..

— Точно! — вскидывается девчонка. И продолжает быстрым шепотом, — как я сразу не поняла? Один из них и был дядя Сережа, Котельников. Ну, которого мы у базара... Он как раз такие продукты приносит! И окурки от его сигарет! Он "Парламент" курит...

А вот с этого момента, пожалуйста, поподробнее. Потому что если Котельников с еще с позапрошлого вечера Витю Сербина отпаивал-отпевал, а потом пропал наглухо, нарисовавшись только после неудачного покушения, то его небритые уши в этом деле торчат похуже, чем яйца у плохого танцора... В смысле есть у него в этом деле свой интерес. И интерес этот похоже, не завязан на Милу. Милка для него что? Соска на ночь, расходный материал. Не стал бы он для того, чтобы ее выебать, закручивать такую сложную комбинацию... Может быть, конечно, просто нелепое стечение обстоятельств. Но на случайность мы происходящее всегда успеем списать, а пока нужно прокручивать версии злого умысла. Эх, пообщаться бы с "дядей Сережей" по всему перечню назревших вопросов. Желательно, привязанным к стулу. И с паяльником в нужном месте. А лучше — двумя! Но это не раньше ночи. До которой нужно еще дожить...

— Ладно. Ты умница, что вспомнила. Котельников у вас часто бывал?

— Раз в месяц примерно, — девчонку передергивает от брезгливости. — Папу он спаивал, а ему нельзя ведь! Маму как похоронили, папе врач сказал, что печень не выдержит, если так и дальше пить будет. А как я его удержу...

На последних словах Мила всхлипывает. Вот же парадокс какой. Папашка — бухарь подзаборный, а дочка его любит всё равно. Ну да, помню, Витя как-то ко мне напросился, годовщину жены отметить. Четвертую или пятую. Рак желудка. Посидели мы тогда чудно.

Милка тогда отца через площадку на себе тащила. Потому что я сам в отрубе валялся, рожу об стол квадратил.

— С Котельниковым я понял. Встречу — хозяйство распиною.

Да, немного черного юмора не повредит. Мила кривит губы в подобии улыбки.

— Но я тут что думаю. Извини, что такие вопросы задаю, но чтобы уцелеть и тебя вытащить, мне бы разобраться сперва надо в том, что вокруг нас творится. Отец тебе на случай своей смерти никаких распоряжений не оставлял? Типа, мол, похороните под "Прощание славянки" и с воинским салютом?

Девчонка трясет головой.

— Нет, ничего такого не говорил...

Под плитой темно, и лица девчонки я не вижу. Но что она плачет, и так понятно. Да что ж такое, второй день непрерывных слез, и откуда только берутся! Ловлю ее узкую горячую ладошку. Тише, Милочка, не плачь, а то будешь там, где мяч...

Сам же напрягаю извилины, чтобы понять, какой у этого Гумберта-Гумберта Мценского уезда, помимо противоестественных педофильских желаний, мог быть в этом деле скрытый мотив? Ну, давайте пофантазируем и представим, что Сербин вдруг проболтался о чем-то таком, что домой уже не дошел. Судя по рассказу Милы, Котельников у них дома был не один, а еще с кем-то. Вот, похоже, и нашелся неизвестный член этого похабно-смердящего уравнения. Перечень вопросов к Котельникову пополняется новым пунктом: личность третьего собутыльника, имя, фамилия, контактный телефон, наличие судимостей и место постоянного проживания...

Что еще? Еще есть такое соображение. Сербин, хоть и был алкашом, но полным дебилом быть никак не мог. И раз уж по уши влез в дерьмо, то мог и о вечном задуматься. Как же найти зацепку?.. Точнее где ее следует поискать? Ну это как раз не бином Ньютона...

— В общем, так, Люда...

— Не Люда, а Мила! — выдергивает ладошку девчонка, — меня так мама называла.

Да хоть Блюма Вульфовна Трахтенберг! Заебала своими мухами...

— Ладно, Мила! В общем, план такой. Раз уже замаскировались, значит, сидим тут тихонечко до темноты. Потом я на пять минут заскочу домой, кое-что из вещей заберу. Ближе к ночи пешкарусом доберемся до Красноталовки, там поймаем попутку, и дуем в Киев. В большом городе затрахаются нас искать. Ну а дальше — по обстоятельствам.

Девчонка внимательно смотрит на меня. Взгляд испуганный.

— Ты меня не бросишь?

Выдыхаю сквозь зубы.

— Херни не неси, да?

Главного ей не говорю. Из Русы сбежать хоть сейчас несложно. Но вот что потом делать, если прямо здесь и сейчас не разобраться? Можно, конечно, начать с Котельникова. Но этот риэлтер-педофил — охуенно хитрожопый трус. После моей разборки с ментами он или сбежал, или обложился охраной. То есть в моих обстоятельствах недостижим. Так что остается одно — тщательно пройтись по оставленной нами квартире.

Не может такого быть, чтобы покойный штурманец ничего не припрятал. Потому что не может быть никогда!

15. ЧП для майора

Пашкин Роман Александрович, майор ФСБ, заместитель начальника отдела ДВКР ^[26] 6950 Гвардейской авиационной базы первого разряда в городе Энгельс, вчера загулял, и загулял бессовестно. Но бог с ней, с совестью, которую Роман Александрович, по его собственным словам, еще в детсаду на яблоко поменял. В этом загуле усматривался целый список серьезнейших нарушений, где "злоупотребление крепкими спиртными напитками" и "аморальное поведение" оказались на скромном последнем месте. Возглавляли же этот гипотетический список такие серьезные вещи как "превышение полномочий в корыстных целях с признаками коррупции", "подача недостоверных сведений о своей агентурной деятельности" и "склонение к интимной близости с использованием подчиненного или зависимого положения потерпевшей". К счастью для Пашкина, список существовал только в его собственной голове.

Объективно, при внимательном изучении всех перечисленных пунктов, майора можно было понять. При углубленной проверке фактов, пожалуй, что и простить. Ну а с учетом той цели, которую преследовал в своих действиях немолодой уже контрразведчик, и приняв во внимание высочайший уровень подготовки мероприятия, еще и по-белому позавидовать...

Вольнонаемная секретутка двадцати одного года от роду, с мордашкой Одри Хепберн, фигурой Мерилин Монро и ошеломительным четвертым размером, что недавно устроилась в строевую часть, и которую майор два месяца напролет без перерыва на обед заманивал в постель, наконец-то сдалась и провела с ним ночь.

По такому случаю Михалыч, хозяин бывшего пансионата для ветеранов труда, ныне приватизированного, перестроенного и переименованного в "загородный клуб "Адмираль", которого Пашкин не раз и не два отмазывал от налоговой, устроил лучший номер с рум-сервисом, клятвенно пообещав "молодоженам" полнейшую конфиденциальность и покой.

Новой пассии через старые и опять же коррупционные связи в гарнизонной поликлинике был организован железобетонный больничный, (не выходной же в самом деле тратить на это дело), а суровое начальство получило в недавно вставленные зубы отчасти правдивую версию о "вербовочном мероприятии". Перед самым убытием бойцы в отделе были заинструктированы до икоты. Среди ночи их разбудил неожиданным звонком хоть от начотдела, хоть от самого директора ФСБ, твердо сказали бы, что "товарищ майор в местной командировке. Где, и когда вернется — знать не можем, по инструкции не положено. Конец связи, товарищ генерал от инфантерии!"

В общем, подготовкой мероприятия можно было по праву гордиться. Кто, как говорится, видел лучше — у того глаза лопнули. А вот сама "вербовка" прошла так, что хоть обратно в Грозный просись...

Истомившись и завозжелавшись в процессе долгого ухаживания майор ожидал многого, благо голливудское личико и рвуцаейся из блузки грудь обещали множество увлекательных приключений. Приключения действительно воспоследовали, но не совсем те, на которые рассчитывал Пашкин.

Как выяснилось сразу же после ужина, доблестная сотрудница строевого отдела, которой по фольклорной традиции сам бог велел инициативно и качественно ублажать вышестоящее руководство, слово "отдаваться" воспринимает до предела буквально. В том смысле, что пока взмыленный Пашкин из последних сил пыхтел и старался, надеясь

выдавить из распластавшейся на шелковых простынях "служашей российской армии" хоть малейший ответный стон, "вольняшка" лежала пластом и вела себя китайской надувной куклой. Хорошо хоть просто смотрела в потолок, а не лузгала семечки. Иначе бы перед майором вполне мог замаячить призрак импотенции в связи с глубокой и неизлечимой психологической травмой. И ведь, зараза такая, на этапе офисного ухаживания вела себя вполне адекватно! Напропалую кокетничала, терлась всеми частями тела, а один раз чуть было сама не залезла к нему в штаны прямо в коридоре управы.

Такое с ним, честно признаться, случилось впервые. Отчаявшись раскопчегарить это грудастое бревно, Пашкин, чтобы хоть как-то заглушить саднящее мужское самолюбие, наскоро закончив "личную жизнь", просто вынужден был влить в себя ноль пять очень хорошей, но водки. Надо же было загладить неприятный осадок после провала столь тщательно подготовленного, и, говоря по совести, недешево вставшего вечера.

Отработав, а точнее отлежав на спине обязательную программу, партнерша тут же отвернулась и засопела, Пашкин шлифанул выпитую "белую" обнаруженным в баре вискарем, закусил надкушенным саботажницей шоколадом и почти до утра паялился телевизор, бесцельно переключая спутниковые каналы.

Заснул он перед самым рассветом. Хотя и проспал часа четыре, почти что до десяти, показалось, что едва упал ухом на скомканную подушку, как под ней загнусавил, наявивая "Ламбаду", засунутый с вечера телефон.

Хочешь возненавидеть какую-то музыку — поставь ее на будильник. Или на экстренный вызов. Чуть было не уронив скользкий мобильник, Пашкин, с трудом разлепив глаза, посмотрел на высветившийся номер. И тихо выругался сквозь зубы. На этот звонок можно было не отвечать, вызов делала автоматическая система оповещения. А вот реагировать на него майор был обязан — сигнал "Мороз" обозначал общий сбор...

Внеплановый выходной, не успев начаться, уже закончился. Впрочем, подумал Пашкин, был в этом вызове и положительный момент. Отличный повод испариться, не выслушивая традиционный утренний бабский треп: "А ты меня любишь? А давай поженимся. А как детей назовем?", на который девица, по оценке майора, невзирая на полную и окончательную фригидность, была более чем способна.

Несостоявшаяся любовница, разметав роскошные сиськи, мирно сопела на противоположном конце кровати. Но теперь она майора не волновала...

Запивая минеральной водой ударную порцию "алка-зельцера", Пашкин начал лихорадочно одеваться, собирая по комнате разбросанную одежду, прикидывая, где ключи от машины, которую майор, конспирации ради, загнал по приезду в гараж. И размышляя над тем, что может означать общий сбор, объявленный в рабочее время. Учебные тревоги в российской армии со времен князя Рюрика объявляются исключительно по ночам. Или в особо садистских случаях, ранним утром...

Девушка проснулась от шума, но виду не показала. Только когда за Пашкиным хлопнула дверь, пощупала на тумбочке в поисках денег, оставленных на такси и, не найдя, процедила: — Кааазел!

Вокруг штаба — двухэтажного здания, выкрашенного серой краской, кое-где обвалившейся вместе со штукатуркой до кирпичей, царило необычное оживление. Одна за другой прибывали разнокалиберные машины, с трудом разъезжаясь на тесной площадке. Из них выскакивали офицеры и прапорщики, все, как один с видом крайней озабоченности, и забегали внутрь. Через окно, выходящее на пост дежурного, было видно, что новоприбывшие

докладываются помдежу, а тот старательно фиксирует время прибытия в журнал. По всем признакам выходило — тревога никак не учебная.

Пашкин, уже заранее готовый к неприятностям, припарковался, где смог, и ускоренным шагом, больше похожим на бег, направился к штабу. Очень было похоже на август 2008-го года. Когда вот так вот, из утренней похмельной дремоты полыхнула недолгая, но все же кровавая война. На которой в Пашкина, отвыкшего было ненадолго от кавказского гостеприимства, снова стреляли. К счастью, не попав...

Вход в особый отдел располагался в торце штаба. У крыльца стоял их штатный УАЗик. По кисло-озабоченному виду всезнающего водителя майор сразу понял, что ЧП на базе серьезное. Помрачнее, чем хищение со склада РАВ ящика гранат и даже беглого срочника с "калашом" и полным боекомплектом...

— Ту-160 взорвался, — пробормотал водитель. — В воздухе.

— Ну ни хера ж себе... — только и сказал Пашкин, озадачено хмыкнув.

Полевая форма у него была в кабинете. Через пять минут Пашкин, наскоро озадаченный разрывающимся меж телефонов начальством общим распоряжением "двигать к месту падения", грузился в УАЗик, сжимая в руках полевую "Моторолу" со скрэмблером.

Рация, мигнув зеленым диодом, включилась. И сразу же свистнула. Пашкин нажал на тангенту и бросил в микрофон:

— Пашкин на связи!

— Всем выдвигаться к месту падения! — загундосил искаженный шифратором и до кучи еще и динамиком голос, — Никифоров — к коменданту. Организовать оцепление. И чтобы без сбоев там! Луценко — опечатать и изъять оперативный контроль с пункта управления полетами. Опросить дежурную смену. Всю! Снять пояснения по горячим следам. Потом — к техникам. Они все остаются в расположении части под строгим контролем. Загнать в кубрик какой, и пусть там сидят. Пашкин — с аварийно-спасательной группой. Осмотр места падения, поиск черного ящика. Андреев — в оперативный резерв. Выполнять!

Майор кивнул с прижатой к уху рацией и двинул водителя локтем в ребро: "Трогай!".

Пункт назначения Пашкин узнал лишь, когда УАЗик проскочил ворота. Самолет рухнул рядом с деревней, километрах в тридцати от города. С мигалкой добрались до места минут за двадцать. Все это время Пашкин висел на связи, так что к прибытию примерную картину произошедшего он уже представлял.

Обычный плановый облет. Проверяли замененный недавно двигатель. Драгоценный моторесурс берегли, поэтому в летном задании значилась только "коробочка" на средних высотах вокруг аэродрома.

Прошло тридцать семь минут после взлета, и в эфире вдруг раздался голос командира "Экипаж!..". Тут же связь с бортом была потеряна. Через считанные секунды "стратег" исчез с экранов радиолокаторов. Оперативный дежурный вышел на связь с полицейскими в двух ближайших от места исчезновения и возможного падения населенных пунктах — небольших поселков Советское и Степное. Из последнего сообщили, что диспетчер станции подземного хранения газа сообщил о взрыве "над самой головой", после чего "что-то огромное" рухнуло на соседнее поле. Что именно — диспетчер не разглядел. Пролетело быстро, а само место падения им закрывает лесопосадка.

Пашкин не любил новомодных навигаторов. Развернув на коленях "верстовку", он наскоро прикинул точку падения и тут же совершенно незаслуженно обматерил водителя за то, что он сразу туда не поехал. Впрочем, тот ездил с майором давно, и несколько не

обиделся. К тому же, Пашкин мгновенно забыл про взрыв ругани и начал "штурманить" бестолкового, как ему казалось, бойца, периодически отвлекаясь на звонки. А те, по мере распространения информации, шли из все более высоких сфер.

Вскоре УАЗик прибыл к месту падения. Приказав остановиться чуть в стороне, Пашкин выглянул наружу. Убедившись, что до него в окружающей всеобщей суматохе никому нет дела, майор спрыгнул в траву.

На самом краю огромного поля, вернее — куска степи, виднелось огромное черное пятно, в центре которого все еще полыхало пламя, облизывая остатки изломанной, перекореженной конструкции. Опознать в ней стратегический бомбардировщик удавалось лишь огромным усилием фантазии.

Со стороны ближайших строений к месту падения бежали люди и пробирались по вспашке машины. Перекрывая доступ к месту падения, из тентованного "Урала" прыгали солдаты во главе с отчаянно и безнадежно матерящимся капитаном, тут же пытаясь выстроить оцепление. Получалось оно жидковатым и не слишком эффективным, но все же большей части незваных зевак дорогу закрыло.

Ближе к огню стояли две пожарные машины и полицейский "луноход" из дежурной службы газохранилища. Рядом кружил пожилой старшина с переговорным устройством, что-то кому-то громко и нецензурно втолковывая на повышенных тонах.

По обгоревшей земле среди искореженных обломков метался разнообразнейший народ. С фотоаппаратами, рулетками и какими-то неизвестными майору приборами. Одна из пожарных машин начала выбрасывать пену на догорающий фюзеляж, но тут же тушение было прекращено словно из-под земли выскочившими людьми в штатском, судя по повадкам — областными ФСБ-шниками. "Смежники" наверняка опасались за следы, что будут непременно залиты до полной непригодности для каких-либо исследований. Пожар, впрочем, все-таки продолжили гасить после энергичного вмешательства долговязого "тушилы"- полковника, матерно разогнавшего наследников "железного Феликса".

Но самое страшное ожидало не в эпицентре падения — за периметром обугленного пятна полоскались на ветру четыре непогашенных парашютных купола. Возле одного из них, того, что лежал чуть наособицу, ближе к вертолету, суетились спасатели.

Железо потерпит, главное — люди! Коротко выругавшись, Пашкин вернулся в машину и по широкой дуге, чтобы не втоптать что-нибудь важное в землю, объехал место падения, стараясь подобраться поближе к парашютам, что хлопали будто паруса у клипера, растерявшего такелаж...

Подъехав как можно ближе к первому куполу, Пашкин вылетел из машины, подбежал поближе. И бессильно выругался. К парашюту, что рвало ветром, был привязан сломанный манекен — так показалось вначале. Лишь присмотревшись, майор понял, что это тело. Обгорелое и истерзанное.

Прошедший десяток "горячих" командировок, он попытался забраться под гермошлем и прощупать на шее пульс. Пальцы встретили холод. Пашкин машинально поглядел на часы, засекая точное время для рапорта.

Пока майор возился, машин и людей у места падения заметно прибавилось. Прямо по полю, грузно переваливаясь, к погибшему самолету подползала черная "тридцать первая" Волга. Следом за ней буксовал дорогуший джип, забрызганный грязью до крыши.

Вскоре за оцепление подтянулись "Скорая", истошно завывающая сиреной, и несколько машин с символикой МВД и МЧС на бортах. Народу становилось все больше. Срочников в

оцеплении сменили плечистые ОМОНовцы в "сферах" и с АКСУ наперевес.

Пашкин смешался с толпой военных и со стороны наблюдал за происходящим. Подъехавший шеф, отчаянно размахивая руками, объяснял что-то невзрачному человеку с хмурым лицом. В человеке майор признал крупного чина из областного управления ФСБ полковника Хоронько.

Замыкая парад областных руководителей, на дороге замаячил черный "шестисотый" в сопровождении двух "Гелендвагенов" с охраной. "Губера принесло!" — зашуршали вокруг шепотки.

Губернатор с парой семенящих за ним помощников подошел к группе начальников. Все тут же обернулись к нему и после небольшой и со стороны малозаметной борьбы за право первого доклада, стали поочередно излагать свои мысли и наблюдения, то и дело сбрасывая вызовы непрерывно звонящих мобильных.

Прервав последний доклад, "крестный отец области", громко, стараясь то ли для набежавших корреспондентов, то ли для московского руководства, которое будет пересматривать видеоматериалы, заявил:

— Я уверен, и моя эта уверенность основана на определенных фактах, что это не авария и не следствие халатности или какого другого "человеческого фактора", а самая настоящая диверсия, или же террористический акт! Я лично возьму на контроль!..

Неприметный человек, что до этого стоял около съемочной группы, осторожно дернул оператора за рукав и что-то прошептал тому на ухо. Камера немедленно опустилась, оператор с хмурым видом извлек и передал неприметному карту памяти.

Через некоторое время политические демарши сошли на нет, и на месте катастрофы начала работу областная следственная бригада. Московских авиационных экспертов ожидали часа через полтора. Вскоре обнаружился черный ящик, и для простого гарнизонного особиста здесь не осталось дела. Скорее наоборот, с ними всеми начнут работу столичные следки... Рация ожила. Личному составу отдела было приказано возвращаться по своим местам.

Майор тоскливо выдохнул. К смертям, некрасивым, порою страшным он по роду службы привык. Но гибель огромной грозной машины и управлявших ею людей, пока что необъяснимая, была чем-то совсем иным...

В ушах до сих пор стояли слова губернатора. Калинин — политический выдвиженец и небольшого ума человек, но воздух сотрясать даже он просто так не будет. Если уж заикнулся про теракт, то значит, ему какие-то бумажки холуи еще в пути показали. Посмотреть бы на те бумажки да пошуровать в губернских компьютерах по горячим следам...

Возбуждение от поездки прошло, и теперь ему больше всего хотелось спать и есть. Желательно и того и другого побольше. Но отдыхать, похоже, придется еще очень нескоро.

16 Засада в "Марьиной роще"

Спать в Русе ложатся так же, как и встают. В смысле, рано и по солнышку. Поэтому после заката в городке достаточно безлюдно. Так что можно перемещаться, оставаясь незамеченным. Особенно, если знаешь, как это делается.

Наш дом — типовой панельный ДОС. Стандартная пятиэтажная коробка модели "Стройбат ТМ", которых в свое время настроили от Бреста до Владивостока немногим меньше, чем гражданских хрущевок. То есть конструкция известная и изученная. Фонарь, что светит в окно сербинской спальни, бросает на асфальт пятно света, по краям густеет уютная темнота, под покровом которой можно просочиться во двор.

Наш подъезд пятый, но я ныряю в самый дальний от него, первый. Если я все правильно просчитал, то засаду на входе, скорее всего, поставят, но вот контролировать все подходы к квартире у вражин не хватит ни ума, ни людей. По крайней мере, очень на это надеюсь.

Стараясь не шуметь, взбегаю на чердачную площадку. Дверь давно уже без замка. Русинские жители любят бухать на крыше, наблюдая закат, так что замки здесь вешать — дело безнадежное изначально. Выглядываю. Вон, тары сколько накоплено, почти как у меня в халабуде, но, к счастью, наверху ни души...

Эх, и я бы сейчас грамм сто для храбрости дернул. А потом еще столько, и полстолько, и четверть столько. До полного, как говорится, благорастворения. Но дело есть дело, и желание не переходит грань, где кроме мыслей о пузыре ничего другого не остается. Нервы и адреналин пока что пережигают алкоголизм, ну а там, как отработаю, видно будет...

Выбираюсь на плоскую крышу без малейшего намека на ограду. Залегаю на чуть липком, еще горячем от солнца рубероиде и оглядываюсь, стараясь сильно не маячить головой. Дом стоит на небольшом возвышении, городок и окрестности отсюда как на ладони.

Первым делом осматриваю район около "линии Маннергейма", где осталась Мила. Никакой подозрительной активности вокруг НУПа не наблюдается. Вот и славно.

Избитые оборотни в погонах отогнали ментовский бобик к своей двухэтажной норе. Там он и стоит, печально таращась кругляшами фар. Стало быть, менты слово сдержали, и не в работе. На ближних подходах к дому тоже не видно ни подозрительных машин, ни незнакомых людей. Получается, если комитет по встрече и приготовлен, то хлеб-соль вручить собираются не на входе, а в одной из двух наших квартир. Или на лестнице.

Безнадежно пачкая футболку, переползаю на другой конец крыши. По пути искренне жалею, что живу не в девятиэтажке, где можно было бы пробежаться, пусть даже и на четвереньках, по чердаку, распугивая голубей и кошек, а не изображать из себя беременного удава. Хотя, с другой стороны, фонарика у меня нет, а с разбегу впиздячится головой в плиту — удовольствие сомнительное...

Убедившись, что внимательных наблюдателей поблизости не проявилось, всем сердцем надеюсь, что крыша подо мной не решит внезапно раскрошиться, осторожно перегибаюсь через край.

Ржавая пожарная лестница проходит мимо балкона Сербиных на расстоянии вытянутой руки. Я и вытягиваю. Ухватившись за перекладину, пробую пошатать. Вроде бы крепеж из стены вылетать не собирается. Лежа на животе, разворачиваюсь, свесив ноги в пустоту. Ступня нащупывает опору. Есть! Теперь вторую ногу...

Только уцепившись руками за ржавый металл понимаю, что все это время не дышал — перед глазами пошли оранжевые круги. Пару раз делаю глубокий вдох, чувствуя, как мокреют ладони. Никогда высоту не любил. Да уж, не быть тебе, Виктор Сергеевич, альпинистом. Даже промышленным, как старый приятель Андрюха по прозвищу Чекист...

Но кто говорил, что будет легко? Зажимаю страхи в кулак и двигаюсь дальше вниз. Добравшись до нужного балкона, осторожно втискиваюсь в глухой простенок. Фух. Справился. Вытерев потные руки о грязную футболку, прислушиваюсь.

Тут же выясняются две вещи. И одна из них — очень хорошая. Во-первых, я не ошибся, и засада в квартире покойного штурмана есть. Во-вторых, те, что сидят на кухне у Сербиных — полнейшие кретины. Устроились за столом, курят, языками лениво чешут. Еще бы свет включили, и хоть завтра вручай премию Дарвина. Которую, как известно, присуждают за самую нелепую и глупую смерть...

Пациенты, судя поговору, не менты и не залетные головорезы, а уроженцы окрестных сел.

— Сколько мы тут ще будемо сраки видсижуваты? Темно вже! Може ця мала и не прийде.

Ага, стало быть, ждуть они не меня, а девчонку. Странно...

— Та отожд... — поддерживает нитье сосед. — Ще спасыби скажи, що той жовжих який був з нею, напився, та спав. Хлопци казалы, що вин з десантуры, та й у сербив воював. Був бы тверезый, отрымалы бы повну сраку головняку, як Мыкола. Каже, що вин голый його так одметельв, що куды там тим "Беркутам"...

— Та отожд. Тверезого мы б його, мабуть, взагали бы не кончылы...

Не понял. Про кого это они говорят? Кого кончили? "З десантуры" и "воювавший", во всем городке я один. Местные всё больше в Десне^[27] служили. Ну да ладно, скоро узнаем...

Балкон у Вити завален всяким хламом. Стараясь не на шуметь, провожу инвентаризацию. В руку попадает обрезок трубы. Хорошая, труба, чугуниевая^[28]. Самое то для вдумчивой драки. Лишь бы стрелять не начали. Оружие, скорее всего, у них есть, но, судя по расслабону, ребята ждуть маленькую беззащитную девочку, а не злого меня с подручным оружием.

Вообще странно все это. За всем бардаком стоит кто-то упертый и при деньгах, потому что без купюры, поселковые и с места не встанут, не говоря о ментах. А вот исполнители, которых этот гений злодейства привлекает один другого дурнее. Дефицит кадров или времени? Загадка...

Тихонько толкаю балконную дверь. Она открывается с легким скрипом. Незаперто. Интересно, это нынешние гости решили вентиляцию улучшить или Витя воров не боялся? Впрочем, без разницы.

Осторожно, с пятки на носок, по-над стенкой, стараясь не скрипеть старыми деревянными полами... Хотя, засаде не до меня. Селюки по-прежнему жалуются на судьбу, сетуя по поводу бессмысленности ожидания.

— Добрый вечер!

По-голливудски как-то вышло, не удержался. Там актеры сначала красиво говорят, а лишь потом бьют. Но я поклонник корейской кинематографической школы, потому все делаю параллельно.

Первый, широкоплечий бугай в майке-алкоголичке — прямо близнец ночного гостя-амбала — после удара трубой валится башкой под умывальник, опрокинув мусорное ведро.

Второй, вместо того, чтобы схватиться за наган, лежащий на обеденном столе, глупо тарашится, после чего глупо произносит:

— Га?

Это единственное, что ему удается. Рука, которой он пытается закрыться от удара, оглушительно хрустит. Второй удар — по макушке. Третий — тычком в подбородок. Откормленная салом и самогоном туша падает, ломая табуретку. В падении солдат деревенской мафии умудряется зацепиться своими граблями за штору. Штора падает, укрывая поверженного врага погребальным саваном.

Быстро проверяю поле битвы. Первый жив, без сознания. Ноги второго мелко подрагивают. Но дрожь — смертная. Причем, похоже, я здесь ни при чем, как ни удивительно. Ну, почти ни при чем. Очень уж неудачно упал парнишка — головой да об угол, череп сломал. Были бы мозги — точно вытекли. А нехер в гости без спросу среди ночи ходить! Тоже мне, Винни Пух нашелся...

Так территорию я зачистил. Судя по общему уровню организации засады, надеюсь, к этим придуркам и проверяющий никакой не явится. Теперь — то, ради чего я сюда пришел.

Первым делом суюсь в маленькую кладовку, где, по словам Милы, у них хранится фонарик. Копеечный "китаец", как ни странно, работает. Нашелся он, правда, не на "второй, третьей полке", а прямо на полу, где в живописном беспорядке был вывален весь хранившийся в квартире инструмент.

Вся квартира после нашего ухода бездумно и неряшливо перерыта. Это не обыск, а примитивный варварский быдло-погром. Его явно проводили не худо-бедно опытные правоохранители, а свежеуспокоенные сельские гоблины, искренне считающие, что нечто спрятанное проще всего найти, если перевернуть все верх дном. Вот оно, тлетворное действие тупых криминальных сериалов... Снова думаю, что задачи вероятного противника совершенно не увязываются с классом исполнителей.

Два клоуна квартиру перевернули и ничего не нашли. Но не стоит ровнять бабуинов с человеком. То есть, со мной. Наскоро проверяю стандартные места закладок. Ни в банках с крупой, ни в унитаэном бачке нет ничего, кроме штатного содержимого. В морозилке пусто. Под шкафами и кроватями тоже. Ковры сорвали и без меня. Впрочем, я и не надеялся на скорый успех.

Наш метод — включать голову! Внимательно осматриваю кладовку. Вроде бы ничего подозрительного. Опять же, вряд ли бы Сербин, надеясь, что пронесет, маскировал свою прелесть по принципу листа в лесу. Это вам не Англия, плохо лежащее может собутыльник спереть. Нет, не то...

Кладовка изнутри обшита вагонкой. Вариант? А почему бы и нет, в самом деле? Найдя среди инструментов покойного летчика сапожный нож, поддеваю кончиком деревянный плинтус. А идет-то подозрительно легко! Подорвав со всех гвоздей, ставлю в сторону. Туда же перекочевывают рейки.

Есть? Есть! В самом углу притаились два свертка воценой бумаги. Один побольше, второй поменьше. Осторожно разматываю. В первом — древняя магнитофонная кассета, в том, который побольше — три столь же старые фотокатушки. Вот значит, как.

Снова запершись в ванной, осторожно вытягиваю шпулю, и рассматриваю на свету несколько кадров. Пленка слайдовая, цветная. Снимали явно в воздухе. На квадратике можно разобрать очертания здоровенного, явно военного самолета на фоне облаков. В самолетах я не разбираюсь, но опознавательные знаки — белые звезды в круге, перекрытом

узким прямоугольником. ВВС США. Ох ты ж епть! Разворачиваю пленку до конца. Дел давно минувших дней. Эхо войны, блин.

Всё тот же американец в разных ракурсах. Насчет авиации времен Холодной Войны мои знания близки к отрицательным, но то, что это стратегический бомбардировщик — сомнений нет. В свое время за один факт использования на борту фотоаппарата Витя мог загреметь года на три минимум. Но сейчас?..

Остальные две пленки еще больше запутывают дело. Отснятые на них особенности несения службы стратегической авиации в наше время не только не представляют никакой опасности для их обладателя, но могут при правильном подходе принести немалые доходы и скандальную известность.

Стало быть, если и была у штурмана какая-то тайна, спрятана она в магнитофонной кассете. Кассету бы прослушать... Но не сейчас — не на чем и некогда. Ладно, программа-минимум всяко выполнена. Теперь надо уточнить, что имели ввиду эти гоблины, говоря о "спавшем десантнике".

Стараясь не шуметь, пересекаю площадку, и на цыпочках пробираюсь в собственную квартиру. Дверь не заперта — лишь прикрыта. Не включая свет, пробираюсь в комнату. Луч фонаря упирается в диван. Падлы...

На диване лицом вниз лежит человек. Заросший затылок, покатые плечи, ботинки с тракторным протектором. Лица не видно, но я его узнаю и так. Петро. Мертвый — две опаленные дыры на спине. На полу валяется простреленная подушка. Под глушитель сымпровизировали... Из-под кровати выползает, теряясь между облупившимися досками пола, лужа крови. Почти засохшая.

Понятно. Мой дверной замок открывается ногтем. Приятеля, пришедшего в гости под хорошим градусом и заснувшего на моей постели, гоблины вполне закономерно приняли за меня и радостно порешили. Уроды хуторские! Впрочем, особо не злюсь. Один убийца уже на том свете, а второй только что лишился последнего шанса прийти в сознание. Ну и в счет, открытый на имя "дяди Сережи", еще один пункт добавился...

Возвращаюсь в квартиру Сербиных. Ворочаю труп, вкладываю в теплую еще руку предварительно взведенный наган, подтягиваю второго... Выстрел получился негромким, а соседи к шуму привыкшие. С одной стороны, револьвер самому бы пригодился, но мало ли что на этом ветеране висит?

Мысль о том, чтобы поджечь обе хаты и упрятать в огне все следы, отметаю как глупую и недостойную. Недостойную — потому что непременно пострадают соседи, никак не виноватые в наших делах. Да и Милке, после того как закончится этот цирк, нужно же будет где-то жить.

Ну а глупость поджога состоит в том, что он мне, собственно, и не нужен. Потому что с завтрашнего дня на мою защиту встанет горой серьезная и могущественная контора. Организация, настолько всесильная, что сможет сбить с моего следа не то что какую-то деревенскую ОПГ, но и хваленое ЦРУ, не говоря уже о МИ-6 и Моссаде. И организация эта — районная прокуратура...

Почему так? Все просто. На тройное убийство с огнестрелом после обнаружения трупов из райцентра приедет следственная бригада. Прокурорский следак, даже зеленый стажер, осмотрев побоище, тут же выдвинет две рабочие версии. Первая — два бандита убивают некоего русинского жителя, находящегося в гостях. После чего, возвратившись, хозяин (по слухам бывший спецназовец и участник боевых действий) с целью личной мести убивает

бандитов и уходит в бега. Эта версия чревата: а) тремя висяками по особо тяжким преступлениям, б) подачей в розыск лица, которое, опять же, войдет в квартальную отчетность отнюдь не в графу "раскрытия".

Вторая версия будет звучать как "нанесение смертельных огнестрельных ран вследствие алкогольного опьянения и неосторожного обращения с оружием с последующим падением с высоты собственного роста и получением травм, несовместимых с жизнью". При этом в липовом протоколе опознания будет указан не Петро, земля ему пухом, а ответственный квартиросъемщик Верещагин Виктор Сергеевич.

Внимание, вопрос! Какую из двух представленных версий поддержит дежурный заместитель районного прокурора? А теперь слушаем правильный ответ. Однозначно вторую. Где преступления никакого не было, а бытовой "убой" раскрыт доблестными сыщиками в течение суток по горячим следам! Аплодисменты, премии, звездочки на погоны...

Вскоре тонкая папка с протоколами, написанными жутчайшим суржилом, неразборчивым почерком и с таким количеством грамматических ошибок, что, читая его, застрелилась бы даже училка из интерната для имбецилов, ляжет на архивную полку и затеряется в стопке себе подобных. Отчет прокуратуры пополнится тремя палками за раскрытие, а тело отомщенного Петрухи ляжет в могилу по соседству с холмиком Вити Сербина. И искать меня продолжат разве что в том, почти что, невероятном случае, если неведомый организатор и вдохновитель перебитой "засады в Марьиной роще" решит устроить личное опознание...

Ну а Петра власти искать уж точно не будут. Родни у него, как у меня, здесь нет. На работе всем пофигу, у боевой подруги заявление о пропаже в ментовке не примут даже за деньги. Да и дело по здешним местам житейское. Мог утонуть по пьяни, мог просто завербоваться и куда-то тихо свалить, чтобы не проставляться за уезд. По-любому всем до лампы...

Так что с завтрашнего дня я — официальный покойник. Кредит, конечно, по моему паспорту вряд ли выдадут, там служба безопасности по базам документ пробивает, но зато и в розыск не поставят, что для моего положения не в пример актуальнее...

Нахожу в пожитках Вити древний "сидор" — армейский вещмешок, набиваю его теплыми милкиными вещами. Увязываю поверх одеяло. Как говорится, зима близко...

Так, что теперь? А теперь надо валить.

Девчонка сидит в НУПе, точно там, где ее оставил. В дальнем углу, на куче листьев. Чтобы не пугать её, первым делом шелкаю фонариком, подсвечивая свое лицо. Стараюсь, чтобы луч упал сбоку. А то ведь при освещении снизу получается жуткая харя...

— Ты!... - шепчет девчонка.

— А ты боялась! — хмыкаю я.

Бетон остыл, и в бункере прохладно. Мила благодарно кивает, натягивая прихваченную мной куртку. Ловлю себя на том, что не ищу алкоголя... Но и рассказывать, что случилось в квартире, я не хочу. Не хватало еще девчонку добить такими новостями. Но Мила начинает первой:

— Ну что там?

— Да ничего особенного, — пожимаю плечами, — у тебя на примете нигде магнитофона нету? Такого, чтобы кассеты проигрывал?

— Откуда? — удивляется Мила. — Отцовский давно сгорел.

— Тогда вопрос за номером два. Отец фотографией увлекался?

Мила кивает:

— У него аппарат дорожный был, "Практика", кажется. Еще увеличитель и разное оборудование. Только как мама умерла, папа продал все...

Получается, все фотохудожества — и вправду, скорее всего, дело рук товарища летуна. Версия о похищенных пленках и мстительном хозяине с тихим шелестом отправляется в мусорную корзину.

— Ты нашел что-то? — продолжает допытываться девчонка.

— Пленку нашел, — говорю я, — но она кассетная, прослушать сейчас не сможем, нужен кассетник. Ищут нас с тобой. Так что отложим мы это дело до тех пор, пока не доберемся до Киева...

17. Медведь и дракон

Китайские товары на любой кошелек и любого качества начинают свой путь в Европу из Урумчи. Город, который называют "Северными воротами" по меркам Поднебесной невелик — в нем живет миллиона полтора человек. Но экономический рост страны ощущается здесь намного сильнее, чем в чиновничьем Пекине или в европеизированном Шанхае.

Годовой грузооборот двух железнодорожных станций и аэропорта измеряется в миллиардах долларов. В черте города и в окрестностях расположено невообразимое число рынков, лавочек и складов. Здесь можно купить все, что душе угодно — от футболок "по name" и "настоящих айфонов последнего поколения", что изготавливаются трудолюбивым дедушкой Ли в сарае с земляным полом и мерцающей двадцативатной лампочкой, до первоклассной фабричной продукции, чье качество ничем не отличается от европейского.

Этот мощный поток товаров приносит огромные барыши сотням концернов, тысячам экспортно-импортных фирм и десяткам тысяч мелких посредников, приезжающих сюда в основном, из стран бывшего СССР. С начала двадцать первого века русский медведь и китайский дракон, посрамив западных политических предсказанцев, не вцепились друг в друга в смертельной схватке, а вели мирное торговое сосуществование...

Местное население делает все, чтобы приезжие оставляли в их гостеприимном городе как можно больше привезенных с собою денег. Армию чужаков готова встретить целая инфраструктура, начиная от тридцатизэтажных офисных свечек и дорогих отелей с эскортницами модельной внешности, и заканчивая лоточной торговлей и дешевыми уличными проститутками.

Урумчи — город изначально уйгурский, за последние годы был оккупирован пришлыми китайцами — неприхотливыми, трудолюбивыми и, главное, невероятно плодовитыми. Теперь предприимчивые дети Поднебесной превосходили аборигенов численностью раз в пять. Они захватили в "Северных воротах" практически весь серьезный бизнес, вплоть до криминального, так что коренное древнее племя вынуждено было пробавляться по большей части уличной стряпней, мелким рэккетом да "разводкой лаоваев". В китайском языке нет разницы между словами "иностранец" и "лох".

Идущий вдоль бесконечных торговых рядов в уйгурском квартале украинский летчик в изрядно помятой форменной белой рубашке с нашивками на коротких рукавах был явлением здесь привычным и ажиотажа не вызывал. Как писал великий Конфуций: "Рыба ищет, где глубже, а украинский лаовай — где дешевле". И еще добавлял мудрец: "Когда родился хохол-цзы, то уйгур-цзы заплакал"...

Чад, стоящий на запруженных улицах, наглухо забивал ноздри. Бортоператор транспортного Ил-76, Константин Васильев, выбросил в урну жирные листы оберточной бумаги и, утирая пот со лба, отошел от лотка, где торговали очень вкусными и на удивление дешевыми лагманами.

Все время, пока он ел, сын хозяина-повара, молодой высокий уйгур с традиционным кинжалом на поясе на сносном русском пытался предложить свои услуги в качестве посредника широкого профиля. Убедившись, что летчик не имеет ни малейшего желания, ни выкупить партию ноутбуков или приобрести "настоящий Роллекс" за сто юаней, ни стать счастливым обладателем дозы "чистейшего" героина, парень попытался заинтересовать

Константина девочками.

Уйгурки, высокие, с черными, как смоль, волосами и миндалевидными раскосыми глазами, в качестве "жриц любви" у летчиков котировались гораздо выше, чем монголки и китайки, и Васильев был не прочь развлечься, благо вылет завтра, и свободного времени осталось изрядно. Летчик поинтересовался насчет цены и удивленно крикнул. Уйгурский бизнесмен не мелочился, и сходу предложил шестьсот юаней за час.

Константин не первый раз был в Урумчи и отлично знал расценки. За четыре или пять сотен юаней можно взять в отеле искусную девочку на всю ночь. Если жаль шести сотен — можно заглянуть в "массажный салон" или "парикмахерскую", под которые в Китае маскируют бюджетные бордели. Здесь в пятьдесят-сто юаней обойдется легальная часть услуг, стрижка. Доплатишь две или три сотни сверху — и парикмахерша, проводив клиента в заднюю комнатку, скинет халатик и примет нужную позу. Индивидуалки, что гуляют на улицах, предлагают себя всего за двести-триста юаней, но это без места. С такой еще придется тратить время и деньги на поиски подходящей койки. Не к стене же её прислонять...

Летуны помоложе ухитрились кадрить студенток "за просто так", благо даже крошечные зарплаты украинских пилотов здесь, в Китае считались вполне приличным доходом. Порой было достаточно получить свое, сводив "избранницу" в одно из недорогих кафе. Но Константин уже вышел из того возраста, чтобы на него западали юные китайки. Да и хотелось выспаться перед полетом.

Грузовые рейсы частных авиакомпаний бывшего СССР имели свои неписанные законы, узнай о которых европейские или американские пилоты, волосы у буржуинов встали бы дыбом. Дело в том, что работодатели то ли из повсеместного жлобства, то ли из инстинктивной нелюбви к налогам, выплачивали своим летчикам символические оклады. Но при этом закрывали глаза на то, что экипажи брали на борт дополнительный неучтенный груз, а выручку за доставку левака делили между собой. Так трансформировался в условиях постсоветской рыночной экономики старый добрый социалистический принцип: "Если вы делаете вид, что платите, то мы делаем вид, что работаем".

Но авиационные перевозки приносили всем, кто был связан с этим бизнесом, баснословные доходы, поэтому такое положение дел устраивало и работников, и работодателей. Даже несмотря на то, что подобный род деятельности на языке аналитиков именовался как "экономически запрограммированные катастрофы", что, собственно и доказывала мрачная статистика воздушных происшествий.

От вечного "давай-давай", постоянных перегрузов и скверного технического обслуживания потрепанные, еще советские самолеты периодически выходили из строя в самый неподходящий момент, а пилоты и инженеры очень быстро проникались каким-то безысходным бытовым фатализмом. Чему способствовало и то, что во время многоэтапных перелетов они постоянно находились в состоянии хронического стресса и усталости. Васильеву этот фатализм позволял худо — бедно жить, храня в глубине души мрачную тайну.

Из Урумчи самолет Константина летел в Бишкек с грузом поддельных кроссовок, оттуда в Стамбул, где предстояло принять на борт груз сантехники. Из Стамбула в Конго, так как сантехника предназначалась для строящегося в Браззавиле отеля, а оттуда уже на регламент в Гостомель.

Из Русы Васильев уехал давно, и вспоминать о ней не любил. Он слишком долго

надеялся на то, что жизнь хоть как-то наладится, и упорно не писал рапорт на увольнение. Не хватило духу и уехать в Россию — пусть плохая, но хоть как-то налаженная украинская жизнь казалась синицей в руке. Лишь после того, как "Борт 262" списали и разрезали на куски, а полк начисто сократили, Константин нашел в себе силы уйти в "коммерсанты" и вот уже несколько лет летал в составе сменного экипажа старенького грузовика Ил-76, принадлежащего украинской частной авиакомпании.

Происшествие в августе восемьдесят седьмого он, будучи человеком замкнутым, постарался забыть. Точнее, спрятал в самом дальнем уголке памяти и завалил коробками с разным хламом, вроде выпускного вечера и первого в жизни пьяного секса. Чтобы, неровен час, не вспомнить в подробностях...

Хотя подробности время от времени возвращались. Вот и сейчас чадная уйгурская улица вдруг отошла куда-то на задний план, и перед глазами бывшего оператора вооружения встала титановая сигара бомбового контейнера с открытым лючком панели. Из которой он, щуря глаза в темноте и боясь даже вздохнуть, вывинчивает блок управления...

В экипажах, допущенных к испытательным сбросам ядерных специзделий, оператор вооружения получает особую подготовку. Если, как в тот проклятый раз, снаряженное изделие останется на борту, по инструкции самолет должен уйти на безлюдный новоземельский аэродром, а оператор выполнить последовательность действий, предотвращающих срабатывание и подрыв.

Бомбу, которую в суматохе им подвесили в тот раз, Васильев раньше не видел. Из сбивчивого предполетного инструктажа узнал лишь, что это какой-то экспериментальный заряд, который лет пять провел в "автономной консервации", да изучил карту расположения управляющих органов и демонтируемых в случае нештатной ситуации блоков...

Ночью в Русе, закончив свою работу, он, дождавшись, когда контейнер покроется слоем хвороста и земли, тут же и прикопал извлеченный блок. Не с собой же его забирать, в самом деле.

Будучи знаком с техническими деталями, он знал и понимал больше, чем остальные, а переживал, наверное, сильнее всех. Потому и старался не общаться с остальными членами "братства бомбы", которые понемногу оставляли наш бранный мир. Инженер Николай давно спился и умер от цирроза. О судьбе радиста Сергея он ничего не знал. Командир Емельянов стал большой шишкой, вторым лицом в богатой компании и чурался менее удачливых друзей. Витя Сербин тихо спивался в Русе, где штурман так и остался, получив "под дембель" квартиру. Если занесет в Русу, ведь не отбояришься, с досадой подумал Константин. Пить придется всякую гадость. И в сотый раз слушать убогие байки.

Отвязавшись, наконец, от назойливого лагманного "бизнесмена", нагруженный пакетами и коробками, Васильев двинулся по улице в поисках такси, чтобы вернуться в недорогую гостиницу. Однако затронутая уйгуром струна под названием "девоцьку хочес?" продолжала тихо звенеть. "Отоспаться и потом можно", подумал летчик и, поймав машину, отправился в район Сийюй. Там располагались два русских ресторана "Шанхайский квартал", и "Надежда", вокруг которых буйным цветом цвели заведения подешевле — молодежные дискотеки, массажные салоны и пресловутые "парикмахерские".

Задумавшись, Константин не видел, что таксист осторожно сделал снимок клиента на мобильный и тут же куда-то его передал. Через некоторое время телефон у таксиста вновь зазвонил. Таксист поговорив, оживился, вытащил из бардачка небольшой яркий буклет и

передал его пассажиру.

— Девочки. Карош! — прищелкнул китаец языком.

Константин взял буклет. На первой странице был изображен фасад трехэтажного здания с неизменными гирляндами бумажных фонариков и драконами. На входе улыбающаяся хозяйка, холеная китаянка-матрона в национальной одежде. Ниже адрес и телефон на китайском, английском и русском. Под разворотом несколько цветных фотографий. Полутемные массажные кабинеты. Удобные спальни с соблазнительными кроватями. Бассейн и танцующие девушки в почти незаметных купальниках. Короче, реклама публичного дома.

Обычное дело, подумал Константин. Новое заведение через таксистов набирает себе клиентуру.

— Сколько? — спросил он бомбилу.

Тот, не оборачиваясь, показал три растопыренных пальца. Триста юаней. Немного для места такого класса. Если, конечно, буклет не врет, и таксист не крутит. Нет уж, лаоваев здесь нет...

— Сколько тебе? — если не уточнить сумму комиссионных, она по прибытию может "приятно" удивить.

Пять пальцев, пятьдесят юаней сверх оплаты проезда. Итого триста пятьдесят. Что же, неплохой вариант, даже если не за ночь, а за пару часов. Константин кивнул, и водитель крутанул баранку, перестраиваясь в левый ряд.

Они миновали большой массив девятиэтажек, неотличимых на вид от советских общежитий — даже кульки и сумки вывешены за окна, и углубились в улицы победнее. Стало понятно откуда низкие цены — уж больно непрестижный район. О безопасности Васильев особо не беспокоился. Плотность населения здесь такая, что у любого разбоя всегда найдется не меньше сотни свидетелей, а хозяева развлекательных заведений трясутся за репутацию почище, чем монашки за свою девственность.

Бордель выглядел точно так же, как и на фото. Невысокое здание, национальный антураж и даже матрона у входа. Видать, бомбила сюда и звонил незадолго до приезда, вот и встречают, как космонавта. Даже слуга, лысый и маленький, подскочил, чтобы дверь открыть.

Таксист открыл багажник и что-то сказал слуге. Тот с готовностью подхватил и поволок вслед за Константином покупки. На входе матрона всучила теплый стаканчик с премерзкой водкой. Константин расправился с халявой одним глотком.

Внутри все как обычно: длинный коридор, несколько комнат с распахнутыми дверями — свободные койко-места на выбор. Привередничать Васильев не стал, зашел в первую. Вещи разложил, умылся с дороги, ответил согласием на осторожный стук в дверь.

В комнату гуськом вошли три китаянки в одинаковых черных платьицах, по здешнему укладу выстроились вдоль стены, улыбаясь, поклонились и пролепетали что-то приветственное. Выглядели девочки как близняшки. Не молодые, однако, и не старые. Не красивые, но и не откровенно страшные. Встретишь такую на улице — вовек не запомнишь. Ткнул пальцем в среднюю. Две крайних безропотно потопали к выходу. Китаянка подошла к Константину и, опустившись на колени, стала деловито расстегивать ему брюки...

Заваливая проститутку на белоснежные простыни, летчик не мог видеть, как таксист загоняет машину в гараж и, скрутив номера, возвращается, чтобы помочь слуге и "матроне" снять с фасада все украшения...

Дождавшись, когда клиент кончит, насладившись вволю ее упругим и гибким телом, проститутка осторожно провела рукой под матрасом, вытянула шприц-тюбик и вонзила иглу в бедро расслабленного мужчины. Тот, кто послал женщину, особо отметил — все должно быть сделано без малейшего шума.

Освободившись от дряблой плоти, она перекатила безвольное тело клиента на спину. Не утруждаясь условностями, девушка как была, голышом, выскользнула из комнаты.

Почти сразу в спальню вошло трое хмурых мужчин-азиатов. Один из них держал лейку и тонкий шланг, другой — три поллитровых бутылки водки. Через мгновение за ними ступил четвертый, вполне европейского вида, с небольшим чемоданчиком в левой руке. Бегло взглянув на кровать, он жестом остановил троицу, незаметно усмехнувшись при виде их ноши. Уйгуры были людьми серьезными, а в Британской энциклопедии написано, что смертельная доза водки составляет одна тысяча двести граммов...

Опоссум подошел вплотную к кровати и всмотрелся в расширенные зрачки Васильева. Летчик дышал, но был обездвижен. Зрачки его расширились так, что перекрыли почти всю роговицу. Агент удовлетворенно кивнул и коротко махнул ладонью в сторону двери. Три азиата все поняли правильно и, оставив "орудия труда" у кровати, подобострастно кланяясь, покинули спальню. Нужда в их услугах временно откладывалась. Судьба Васильева была определена и оплачена, но вначале требовалось узнать, не проболтался ли он кому-либо о потерянной бомбе.

Внутри чемоданчика, который Опоссум положил на кровать, сверкнуло стекло ряда больших ампул, нескольких шприцев и еще каких-то непонятных инструментов.

Этот квартал находился на самой окраине города и был одним из немногих, которые еще контролировала уйгурская мафия. "Бордель", в который привезли Васильева, был местом встречи и развлечений главарей окрестных триад. Полиция сюда не заглядывала, а местные жители знали: все, что происходит в "маленьком доме", никого, кроме Хозяина не касается. Если что и увидел, нужно тут же забыть. Поэтому, когда через несколько дней вздувшийся труп украинского летчика всплыл на поверхность одного из водохранилищ, никому и в голову не пришло связать его смерть с исполнителем. Тем паче, с заказчиком.

Узнав, что в крови и желудке покойника обнаружено фантастическое количество алкоголя, а смерть наступила от удушья в воде, полиция потеряла интерес к происшествию. Подобное здесь не редкость.

Самолет, на котором Константин прилетел в Урумчи, не дождавшись возвращения бортоператора, давно покинул воздушное пространство Китая. Украинского консула, который сидел на другом конце страны, в Шанхае, совершенно не интересовали дела каких-то "заробитчан". Родным сообщили о смерти, но денег на то, чтобы доставить тело с другого конца Земли, у них не было. Поэтому бортоператор навсегда остался в каменистой земле Синьцзяна.

Директор ЦРУ, а вслед за ним и советник президента, получили короткое сообщение, что Опоссум отсек еще одну нить, способную привести посторонних к "русинскому сюрпризу".

18. Артефакт Холодной войны

Как ни хотелось спать, но мы с Милой покинули НУП и остаток ночи потратили на марш-бросок. Трофейные стволы и ксивы я припрятал под бетонной плитой. Ментовские деньги, правда, оставил себе. За аморальный ущерб.

Бесконечные рощи, лесополосы... Мила перебирает ногами на удивление резво, а вот меня тормозит усугубляющееся похмелье, так что идем почти что вровень. С каждым переходом становится все хуже — сказываются недосып, напряг и отсутствие нормальной алкогольной дозправки. С собой было всего ничего, сиротские слезки, так что стратегический запас приходилось беречь. Больше всего хочется прилечь прямо под каким-нибудь деревцем, напихать тряпок под куртку, чтобы почки не застудить, да и провалиться в беспробудный сон. Но нельзя... Так что мы идем и идем, а я все больше зверею.

Рассвет встречаем километрах в семи от города, как раз в запланированной точке. Маршрут выбирался не случайно. Наша цель — старая дорога, проложенная неизвестно когда и неизвестно кем, скорее всего, военными для своих милитарических нужд. Маршрутки и автобусы здесь не ходят, частники боятся угробить подвеску. Зато частенько мотаются дальнобой с леваком на борту. Гайцов-то здесь отроду не видали. А нам такой транспорт — самое то.

Раздвинув ветки, оглядываюсь по сторонам и выхожу из кустов на дорогу. Следом, пыхтя и ойкая, выбирается Мила. Кое-как чистимся от репьев, (может заменим на "будяки"?) нахватанных по оврагам. Вытаскиваю из кармана бутылку. На дне плещется пара глотков...

Как выяснилось, полтора. Пустая бутылка летит в ближайший тополь, но вместо того, чтобы разлететься, с глухим стуком отскакивает в бурьян. Немного попускает, надолго ли?..

— Витя, — вдруг хмурится напарница, — ты со вчера ел хоть что-то?

— Самой не смешно? Мы же со вчерашнего утра как подстреленные носимся.

— И это получается, что ты вот так вот, с утра и натошак все время пьешь?!

Да уж, похоже, что отцу эта вот пигалица и шагу спокойно не давала. А может на мне отыгрывается? Неудобный разговор, к счастью, прерывается. Урча движком, неторопливо катится в нашу сторону битый жизнью лесовоз.

Через пару минут мы сидим в кабине. Я всю травлю бородатые анекдоты и не менее древние байки, не забывая радоваться нежданной удаче. Лесовоз направляется в нужные нам Старолесы, где его должны загрузить дубовыми бревнами, явно спиленными с нарушением 246-й ^[29] статьи Уголовного Кодекса... Впрочем, об этом я не говорю и даже намека не даю, что понимаю.

Из Старолес водила везет браконьерские бревна на какую-то левую пилораму в промзоне Киева. Что нас устраивает целиком и полностью! Погони я не ожидаю, но чем черт не шутит. А никакая, даже самая хитрая и продуманная облава не в состоянии оцепить весь район. Есть все шансы затеряться с концами.

* * *

Киев встречает жарой, толкучкой и суетой летних базаров. За время "русинского

сидения" я изрядно растерял ритм городского жителя и постоянно натываюсь на прохожих. Да и вообще, чувствую себя, мягко говоря, несколько неудобно. Зато Миле замелькавшие по сторонам многоэтажки, сто пудов оказались в жилу. Девчонка таращится из окна маршрутки на рекламные щиты, витрины, явно оценивающе изучает прикид городских девчонок. То и дело мечтательно вздыхает.

— А мы куда едем? — в который раз дергает меня рукав.

— Куда надо, туда и едем, — отвечаю я. Сделав паузу для солидности, даю толику информации. — В центр едем. Нам деньги нужны. Прибарахлиться надо немножко, да и кассетник найти хоть какой, пленку прослушать.

Мила кивает, и, как ни странно, больше с вопросами не лезет. И хорошо. Мой план, конечно, не выглядит нереальным, но в его осуществимости я немного сомневаюсь. На всякий случай, наверное.

Доезжаем на метро до центральной площади. После нескольких заварушек последних лет пафосный и грозный "Майдан" давно превратился в политическую ярмарку — неплохую организованную, крайне коммерциализированную и постоянно действующую. Периодически шумящую так, что даже до наших глухих уголков доходит.

Вся площадь, включая и часть улицы, когда-то проезжей, заставлена палаточными городками. От пестроты режет глаза. Партии, фронты, национальные коалиции и общественные движения... Призывы не только на русском, украинском, татарском и венгерском, но даже и на иврите.

"Банду-геть!", "Нет оранжевой чуме!" — и прочее в таком духе. Здесь же рядом два магазина, которые торгуют всеми необходимыми плакатами и значками. Коммунистическая символика там соседствует с тризубами "УНА-УНСО", а эмблема "Партии секс-меньшинств" — с разнообразными свастиками.

Что происходит сейчас в украинской политике, представляю себе очень смутно. То ли очередной президент, получив в толстую жопу пинок импичмента, пытается восстановиться в должности через Печерский районный суд, то ли депутаты в который раз разогнанной Верховной Рады требуют через Страсбургский суд по правам человека возмещения морального ущерба и недополученной прибыли.

На паре палаток висят плакаты с расценками за участие во внутренней политике государства: "Митинг — 150 гривен (со своим флагом — 200), Хождение с нагрудным плакатом — 20 грн/час, с полным транспарантом (ширина не менее 1,5 м. — 50 грн/час.), голодовка — 500 гривен в сутки плюс бесплатное усиленное питание. Приезжим предоставляются койко-места." Да уж, было бы время, можно неплохо подшабашить, особо на голодовке с питанием... Тем более, что "усиленное" наверняка подразумевает и наливание. И ведь пришлось бы идти, когда отнятые у мусоров деньги закончатся. Но, благодаря увлечению Вити Сербина план у меня другой!

Мы сворачиваем в широкий, предназначенный для туристов проход к улицам, поднимающимся на холмы, где золотятся купола Софии и Михайловского Златоверхого монастыря. Оставляю Милу в маленькой кафешке, упрятанной в глубине старого сквера напротив областного управления МВД, даю ей пару мятых купюр, кофе похлепать хватит. Сам спускаюсь по параллельной улице почти до Европейской площади. Вот я и на месте. Помпезная вывеска "Информационное агентство УНИАН", высечена на гранитном фасаде...

Но я лишь кошусь на нее и иду дальше. К скромной стеклянной двери соседнего офиса. Рядом с которой закреплена чуть заметная табличка с надписью "Рейтарз".

Секретарша оценивающе пробегает по моей фигуре, явственно морщась от затрапезного вида неожиданного гостя, но к директору отводит резво. Глава украинского отделения всемирно известного агентства тоже времени не затягивает. Не зря свой хлебушек с икоркой ест! Буржуй мгновенно оценивает уровень материала. Глупых вопросов о его происхождении и о том, кто я такой, тоже не звучит. Не проходит и получаса, как он перебирает на столе фотографии, отпечатанные на принтере. Пока раскладывается пасьянс, получше разглядываю на одном из снимков запомнившуюся мне стройную брюнетку лет двадцати пяти, одетую лишь в лётную фуражку. Девушка сидит за штурвалом, закинув длинные ноги на приборную панель, пьяно улыбается в объектив. Интересно, куда Витя залез, чтобы поймать такой ракурс?

Негативы, доставшиеся в наследство от Сербина, на деле оказались не так просты, как можно было судить по первому кадру. Внимательно изучив их я, если честно, начисто охренел. Нет, что служивый народ любой страны в отсутствие начальства подзабывает болт на требования устава, открытием для бывшего кадрового офицера не стало. Но вот что экипажи стратегических бомбардировщиков АДД^[30] СССР и USA AIR FORCE во время боевых дежурств, оказывается, жили своей, особой жизнью, это... не то, что подкосило, скорее удивило безмерно. В воздухе Холодной Войны было на удивление тесно, и ребята довольно плотно общались.

Они ходили параллельными курсами, всюду фотографировали друг друга, и, порой выделывали такое, что отснятое можно смело предлагать "Плейбой". На нескольких снимках достаточно четко виднелись обнаженные прелести боевых подруг, расплющенные о стекла вражьи иллюминаторов. А уж интимных частей тела потенциальных противников и вовсе было с избытком — похоже, супостат не упускал случая показать советским коллегам все, что думал относительно победной поступи мирового коммунизма. Впрочем, наши летуны не отставали, тоже развлекаясь во весь рост.^[31]

Ну а десяток особо веселых снимков, неизвестно каким чудом сделанных в тесноте кабины, можно было смело продавать даже не в "Плейбой", а сразу в "Хастлер", или какому другому журналу подобного направления. Но их требовалось еще разыскать, а "Рейтарз", вот он...

Еще через двадцать минут, которые уходят на проверку местным фотографом подлинности пленки, негативы исчезают в офисном сейфе, а я покидаю агентство. Не удержавшись, в дверях еще раз ощупываю карман. Очень уж приятен толстый канцелярский конверт с изображением лондонского Биг-Бена. И несколькими тысячами евро внутри.

На душе немного неспокойно, как ни крути, продал чью-то память, труд человека, который к тому же немало рисковал — фотоаппарат на режимном объекте в время несения боевого дежурства с ядерными бомбами на борту, это, знаете ли... Но в целом — самочувствие терпимое, не на выпивку, в конце концов, деньги, а на спасение двух не самых плохих людей.

Покинув гостеприимные стены, заруливаю в ближайший обменник, расположенный в супермаркете. Прошу добродушного старичка поменять мою пару соток, мол "паспорт дома забыл, путевки нужно выкупить срочно" — благо турагентств тут немеряно, и версия не выглядит натянутой на глобус соевой. Ненадолго задерживаюсь у прилавков и выскакиваю на улицу.

Раскаленное лето с размаху бьет по затылку, но я быстро прячусь в прохладное нутро первого же попавшегося такси. Подкатив к скверу, прошу водителя посигналить. Тот,

опасливо косясь на парадное крыльцо экс-резиденции киевского генерал-губернатора, облепленное людьми в синей форме и без, все же пару раз коротко гудит. Скучающая над бокалом с апельсиновым соком Мила поднимает глаза. Опускаю стекло и призывно машу.

Дождавшись, пока девчонка угнездит свои мослы рядом со мной на заднем сиденье, вручаю ей бутылочку "Колы". Сам дергаю колечко на банке "Будвайзера", делаю долгий глоток и команду:

— Шеф, давай к Шулявке.

— Это мы куда? — спрашивает Мила. Она уже выхлебала свою "Колу" и ищет, куда бы пристроить пустую тару.

— Экипироваться, — отвечаю я. Забираю многострадальную бутылку и засовываю в карман на спинке переднего кресла. Ловлю в зеркале косой взгляд водителя. Да ты хоть обсмотришься! Говорю Миле, тихо, чтобы только она слышала:

— Нужно, как нынче говорят, кардинально сменить имидж. Так что, тебе сверхзадача на ближайшие полчаса. Подбирай или выдумывай такой себе внешний вид, чтобы и лучшая подруга не признала.

Девчонка кивает и откидывается на спинку сиденья. Остаток пути она молчит, иногда шевеля губами. Походу, осмысливает перспективы.

Машина сворачивает с проспекта и ныряет под мост. Нас окружает пестрота торговых палаток. Продавцы, правда, выглядят поодинообразнее. Оттенков физиономий много, но почти все представляют собой вариации на тему черного. Здесь, под эстакадой узловой авторазвязки, располагается неоднократно горевшая "Африка-Шулявка". Самый большой в городе секонд-хендовый базар. Ну а название откуда — достаточно вокруг посмотреть. Филиал Нигерии, блин.

— Здесь? — уточняет таксист.

— Ага! — киваю я. — Сейчас, шеф, пять минут, и экипаж освободим.

Таксист кивает в ответ, и, отбивая пальцами на руле в ритм попсе, доносящейся из колонок, смотрит вдаль, делая вид, что не косится в зеркало. Грохнуть его, что ли?

Гоню от себя нехорошие мысли и ныряю в море уличной торговли. У негров пару тысяч обменять можно запросто безо всякого паспорта. Вручаю девчонке увесистую стопку гривен. В довесок наскоро провожу инструктаж. Как себя вести, где ждать, и что бананами продавцов лучше не дразнить. Они обижаются почему-то.

При виде такого количества денег глаза у Милки округляются до неестественной величины, но девчонка быстро берет себя в руки. Судя по прищуре, план действий готов...

Проследив, как девчонка скрывается в нескончаемом лабиринте прилавков, припеваюсь и сам. Маскарад мне особо не нужен. Поэтому, джинсы, реглан и политкорректный блайзер со стилизованным под иероглиф признанием в любви к городу Ново-Йоркску...

Прощай, Америка, йоу!

Где не был никогда, йоу, браз!

Вместо растоптанных кроссовок, из-за которых до сих пор немного прихрамываю, беру

себе тяжелые треккинговые ботинки. В таких и по бездорожью бегать удобнее, и рантованной подошвой по яйцам засветить (особо вспоминая драку с амбалом в Русе) — самое то. Следом беру дешевенький рюкзак. Такой, чтобы не жалко выкинуть было. Мне-то он нужен на сегодняшний день, не дольше. Если, конечно, то, что треба, найти смогу. Смог! Подготовка завершается серией перебежек по ближайшим ларькам с вывеской "мобильная связь".

Теперь пачка гигиенических салфеток и визит в ближайший общественный сортир, где я "моюсь", а то в приличном обществе не показаться — несет от меня, как от... даже не знаю, собственно. Как от лошади, наверное. Или кабана. Ну вот, можно и переодеться. Старое рванье в пакет и мусорный бак, полпачки жвачки в пасть, вместо чистки зубов и чтобы хоть немного отбить застарелый перегар. Все, можно сказать, переродился.

Милка, негодяйская ее жо... задница, опаздывает на тринадцать минут. Я начинаю волноваться, прикидывая, где и как теперь разыскивать заблукавшую девицу, при этом, не скатившись в карательный рейд супротив "баклажанов". И вдруг до меня доходит, что существо, которое уже пару минут мелькает перед глазами, и есть моя русинская напарница.

Приказ исполнен буквально. Узнать ее можно было только по не изменившейся моторике движений. Бесформенные штаны в "городском камуфляже", какие-то сверх-продвинутые кроссовки на толстенной платформе и с длиннющими шнурками, поверх всего этого — синяя футболка чуть не до колен, с отвратительными рожами. А еще стала понятна причина опоздания. Русые волосы Милы изрядно потеряли в длине, став радикально черного цвета и заплетаясь в косички-дредды.

Да уж, с поставленной задачей Мила справилась отлично! В нынешнем ее виде опознать в этой то ли рэперше, то ли еще какой анимешнице, бывшую провинциальную замухрышку практически невозможно. Подростковые мослы скрылись за мешковатой одеждой, а с новой прической веснушки и чуть оттопыренные уши стали смотреться очень стильно и... мать твою, сексуально...

"Было!" — обреченно понимаю я, ощущая недвусмысленное шевеление в штанах, и в очередной раз тщетно стараясь припомнить подробности той злополучной ночи.

Шоппинг отнимает остатки сил. Мы устраиваем праздник живота прямо на базаре, расположившись у киоска с псевдокавказской жратвой. Трубы у меня уже не горят, а мерзко тлеют, распространяя по организму мерзопакостную вонь. Однако дел еще дохерищца и я, кое-как собрав остатки воли, отказываюсь от ста грамм под корейскую морковку. В преддверии дальнейших дел полезнее будет ограничиться банкой пива. Правда, вредные привычки одолевают, и в себя я заливаю ноль пять Балтики-девятки, в которой спирт с кукурузной патокой смешали прямо на производстве...

Голод отступает, и я снова приступаю к инструктажу. С очень своевременной темой "применение средств мобильной связи для лиц, находящихся в розыске."

— Синий, — объясняю я Миле, сидя на парапете и доедая второй шаурмень, — для разговоров с внешним миром. Держи поближе, и, если что, сразу выбрасывай. Лучше в речку. Ну или в канализацию, там запеленговать еще сложнее будет. А этот, красный, прячь поглубже. Это исключительно со мной связываться. Ну или для каких совсем экстренных случаев. Денег на счету немного, но если в Париж не звонить, то хватит.

— А если в Нью-Йорк? — неожиданно уточняет девчонка, ехидно улыбаясь.

— Какой Нью-Йорк? — не въезжаю я в ситуацию.

— Который ты любишь!

Мила указывает на блайзер и смеется. Вот же коза, подловила. Ну, на заборе тоже всякое написано...

— Я люблю Родину, коньяк и темное пиво! — прекращаю я шутки. — Нигде ничего не записывай. Мой номер выучи наизусть. И после звонка сразу стирай. Понятно?

От спецслужб, которые имеют доступ к базам мобильных операторов, вся эта шпионская хрень, конечно же, не поможет. А вот против экстренного потрошения левыми налетчиками — действует эффективно. Да и где они, те спецслужбы, кому мы нафиг нужны? Разве что свежепроданные сербинские пленки все же запечатлели нечто особо секретное. Например, первичные половые признаки какого-нибудь нынешнего Председателя Комитета начальников штабов...

Но девчонка слушает очень внимательно, с видом восьмиклассницы перед строгим физруком. Кажется, что еще немного, и начнет записывать. Хотя конспектировать больше нечего. Расчет окончен, все свободны. Вообще она на удивление быстро оклемалась, хотя столько всего навернулось за последние дни. Смерть отца, амбал с веревкой, да и все последующее. Вон, даже шутит... Хотя скорее всего это, научно говоря, защитная реакция. Вытеснила все горе и дурные воспоминания подальше и делает вид, что все путем. Перед самой собой в первую очередь делает. Но рано или поздно это прорвется... Ну да ладно, главное, чтобы не прямо сейчас, а там видно будет.

Теперь надо подумать, неспешно и вдумчиво, о каком-нибудь тихом месте. Перебравшись с базара в торговый комплекс, выросший на месте бывшего военного завода "Большевик", забуриваемся в кафе. Попутно покупаю газету с объявлениями. Чтобы нас поменьше дергали официантки, не любящие сидящих за пустым столом посетителей, заказываем всякой фигни. Мила вяло ковыряет фруктовый салат, а я, чинно попивая кофе с изрядной дозой таки коньяку, при помощи газеты и собственного синего телефона приступаю к поиску временного пристанища.

Первые четыре варианта, предложенные риэлторами, отправляю лесом. Вместе с самими наглыми шустряками. А вот пятая квартира нам, на первый взгляд, подходит...

Тут же договариваемся на просмотр, рассчитываемся, бежим на улицу за такси. По дороге заскакиваю в интернет-клуб, оттарабаниваю на оставленный ментом номер СМС-ку с описанием схрона в НУПе с ксивами и стволами. Сержанты данное мне слово сдержали, а обещания следует выполнять. Пусть даже они и давались откровенным уебкам.

Двушка в спальном районе, в десяти минутах пешего хода от метро. Район пролетарский. В девятиэтажке нет ни камер наблюдения, ни консьержек. Оккупированных бабушками лавочек во дворе тоже не обнаруживаю. Да, выглядит так же неплохо, как и звучит. Квартира не убитая. Новая сантехника, электроплита, холодильник с микроволновкой... Цена, конечно, малость кусается, да и не малость — тоже. Но дешевле вряд ли найдем.

Ну а дальше дело техники. Подпись на договоре, плата за три месяца вперед, и довольная дама-агент покидает квартиру, напоследок многозначительно окинув взглядом Милу и с небольшим сарказмом в голосе пожелав нам "приятного отдыха". Наткнулась, наверное, в моем паспорте на штамп о разводе, и додумала логическую цепочку дальше. Ну и хрен на нее. Я, по легенде "командировочный". Имею право на отдых во всех видах, позхах и положениях. А все риэлторы, они такие риэлторы...

Закрываю дверь. Теперь самое время заняться Витиной пленкой.

В рюкзаке давно ждет кассетный плеер — древний китаец с невыговариваемым

названием "Akaiwa". Вставляю свежие батарейки, втыкаю наушники, нажимаю "Play".

Запись короткая, минут на десять. Голос трезвый, виноватый, определенно принадлежит покойному штурману. Говорит Сербин сбивчиво, но более-менее складно. Или читает по бумажке, в большом волнении, или наговаривает то, что не раз продумывал. Прослушав, снимаю наушники, вытираю мокрый лоб. Вроде и не жарко, но меня бросает в горячий пот. Перематываю пленку. Внимательно слушаю запись еще раз, ловя каждое слово, произнесенное дрожащим голосом покойного летчика. Мила сидит, как на иголках, и это понятно. Молчит, понимает, что сейчас меня дергать и спрашивать не надо.

Хочу прокрутить в третий раз, но останавливаюсь, осознав, что это меня уже клинит от нежелания признать суровую правду жизни. Рассказ покойного Сербина, очень логичный и внятный, полностью объясняет происходящее. Все, ну почти все, становится на свои места. Но, господи боже ж мой, как же хочется влить в себя ноль семь одним махом от такого понимания. И главное — от перспектив.

После долгого колебания передаю плеер Миле. Не стоит ей этого знать... с одной стороны. А с другой — у нее, пигалицы мелкой, похоже, эйфория пошла, от того, как благополучно все пока разрешается. Эйфорию эту надо сбить и вообще показать, как глубоко мы влипли. Конечно, от такого знания она может обратиться в зашуганную мышь, но пусть лучше так. Проще уберечь будет. Ее и себя.

Девчонка слушает. По мере новых подробностей выражение лица у нее меняется. Интерес, затем удивление, а на последних минутах — нескрываемый ужас.

Запись кончается. Мила стягивает наушники и опасно косится на "китайца", будто ожидая от него взрыва.

— И это все на самом деле?

— Похоже на то. Иначе с чего бы нас так кошмарить?

— И что теперь?

Неопределенно пожимаю плечами. Если бы я сам знал, что теперь...

19. Лицензия на теракт

Вертолет "Робинсон R44" гражданской модификации — четырехместная машина бизнес-класса поднялся с летного поля международного аэропорта Шарджа и, перелетев через невысокую горную гряду Хаджир, начал широкий разворот над столицей эмирата Фуджейра.

Советник президента США по вопросам национальной безопасности Виктор Морган разглядывал сквозь большое лобовое стекло белый треугольник городка, что раскинулся на берегу Оманского залива. Он с ностальгией вспоминал те безмятежные времена, когда он мог позволить себе прилетать сюда как простой турист. Фуджейра была местом, в котором, как нигде, можно ощутить вкус жизни.

Самый молодой эмират ОАЭ не так известен, как Дубай или Абу-Даби. В нем нет ни намывных островов, ни "шестизвездных" отелей, ни дворцов-магазинов. Здесь не проводятся оружейные выставки и парады роскошных автомобилей. Но, несмотря на это, люди знающие и понимающие считают Фуджейру едва ли не самым уютным местом во всей Аравии.

В городке и его окрестностях немногочисленно и тихо. Чистоте на улицах может позавидовать даже Сингапур, где центральные улицы моют с шампунем, а законы по продаже спиртного самые мягкие среди всех эмиратов — в магазинах можно свободно купить не только пиво и вино, но и крепкие напитки. Отели и рестораны готовы удовлетворить самый капризный вкус, а их персонал — исполнить любое экзотическое желание уважаемого клиента. При этом гарантируется конфиденциальность, которая не снилась даже самодовольным швейцарцам. Прекрасное место для того, чтобы с комфортом встретиться с нужными людьми подальше от сторонних глаз...

Обогнув городские строения, вертолет приземлился у самой береговой черты на посадочной площадке отеля "Хилтон". Не дожидаясь полной остановки лопастей, советник президента спрыгнул на асфальт и, придерживая рукой широкополую "колониальную" шляпу, сразу же сел в подскочивший "Рейндж Ровер". Машина вышла на дорогу, идущую в сторону Кар-Факкана, и рванула вперед вдоль непрерывного ряда вилл и коттеджей.

Проехав около километра, вседорожник свернул в проезд между высокими глухими заборами, над которыми виднелись лишь верхушки плоских восточных крыш. Невзирая на отсутствие каких-либо указателей, этот переулочек был отлично известен многим. Здесь находился ливанский ресторан, один из лучших во всей округе, так что в появлении в этом районе чужой машины не было ничего необычного.

Однако пассажир "Рейндж Ровера" не собирался отдавать должное одной из самых изысканных в мире кухонь. Миновав призывно распахнутые ворота со скромной вывеской на арабском, черная машина завернула в совсем уж узкий проезд и скрылась в проеме почти незаметной арки, ведущей в глубину по-восточному роскошного сада.

Упрятанный меж пальмами и деревьями особняк колониальной архитектуры был собственностью правящего дома Фуджейры. Он принадлежал племяннику старшей жены шейха Хамада Мохаммеда аль-Шарджи, правителя эмирата. Главным предназначением этого уединенного и комфортабельного коттеджа была организация неофициальных встреч представителей арабского и западного мира, политиков и террористов, правоохранителей и международных преступников.

Фуджейра, в отличие от соседей, не имеет собственной нефти и содержится за счет

выплат федерального правительства ОАЭ, кроме того, часть денег, необходимых шейху для того, чтобы его подданные жили безбедно, поступает из Саудовской Аравии. Находясь в полной зависимости от благодетелей, дом Аль-Шарджи платит им, исполняя роль геополитической буферной зоны.

Для спецслужб всего мира не секрет, что через аэропорт Фуджейры и морской порт, оборудованный под погрузку контейнеровозов, проходят нелегальные поставки оружия экстремистским группировкам почти всего арабского мира. В самом же эмирате часто находят убежище исламисты-боевики, находящиеся в международном розыске. Политики и высокие чиновники стран североатлантического альянса имеют возможность общаться с самыми одиозными фундаменталистами, одно лишь упоминание о контакте с которыми может похоронить самую успешную предвыборную кампанию. Поговаривали, что именно в этом особняке Джордж Буш старший тайно встречался с "террористом номер один" Усамой Бен Ладеном...

Согласно сообщению, пришедшему на смартфон, человек, ради которого советник президента проделал утомительный путь, уже находился на месте. Чтобы не попасть под объективы бесчисленных спутников наблюдения, Морган покинул машину лишь тогда, когда она заехала под большой полотняный навес. У входа в просторный холл советника ждал управляющий.

Встречающий склонился в уважительном поклоне:

— Устам ожидает вас, господин. Через несколько минут он спустится вниз.

Человек, на тайную встречу с которым прибыл советник, был членом королевской семьи Саудов. Его имя ни о чем не говорило ни журналистам-международникам, ни уж, тем более, широкой общественности. Однако, политики по обе стороны Атлантического океана, связанные с тайной нефтяной дипломатией, отлично знали о том, какое влияние он имеет в сложном для понимания европейцев мире ислама.

В ожидании встречи Морган огляделся по сторонам. Воздух здесь пах хвойным лесом — он пропускаться через сложную систему климат-контроля, а стена, обращенная к морю, была сделана из тонированного стекла с легким фотохромным эффектом. Обращенная к морю сторона дома стояла на возвышении, и за стеклом, будто на картине, просматривалась водная гладь с бесконечной — от горизонта до горизонта — цепочкой идущих вдоль берега танкеров и контейнеровозов.

Тот, кого называли Устам, был пожилым человеком с изборожденным морщинами лицом бедуина. Руки его неспешно перебирали простые четки на шелковой нити, а в глазах мелькали искорки живого и деятельного ума.

Отдав должное лучшей в мире "арабике", приготовленной в джезвах на песке и приправленной, по средневосточному обычаю, кардамоном, собеседники, устроившись в креслах напротив окна, перешли к делу.

— Его Величество подтверждает, что мы готовы в любое время осуществить трансферт для закупки пяти F-111 и обучения своих пилотов, — здесь Устам и американец могли говорить с предельной откровенностью, поэтому араб называл вещи своими именами. — Гарантом оплаты выступит "Джордан Агиль банк", как известно, именно он является оператором наших фьючерсных контрактов. В свою очередь, мы хотели бы получить подтверждение того, что все предварительные договоренности остаются в силе.

— Мы рады узнать об этом решении. Президент идет вам навстречу и готов внести на рассмотрение законопроект по экспортным квотам. Если, конечно, мы получим то, о чем

просили...

Приобретение Саудами тактических бомбардировщиков дальнего радиуса действия имело не только оборонное, но и политическое значение. Имея эскадрилью сверхсовременных самолетов, Саудовская Аравия в глазах соседей приобретала статус чуть ли не ядерной державы. За это, помимо денег, правящий дом гарантировал американскому правительству "особый режим лояльности". Что, по большому счету было лишь сотрясением воздуха — лояльность Саудовской Аравии гарантировали отнюдь не щедрые (хоть и не безвозмездные) дары, а размещенная неподалеку мобильная плавучая авианесущая база...

Советник президента отлично знал, что за такую поставку Ар-Рияд согласится и на более серьезную политическую уступку — даже на увеличение экспортных квот ОПЕК. Не знать об этом президенту было совсем не обязательно. То, за чем он прилетел в Фуджейру, было намного важнее, чем интересы прорвавшихся к власти "менял"...

— Значит, Его величество может направлять официальный запрос?

— Совершенно верно.

Устам кивнул и чуть заметно махнул рукой, подзывая управляющего, который ожидал в дальнем конце продолжающейся холл галереи.

— Сейчас я вынужден вас оставить. Обеденный намаз я обязан провести вместе с шейхом, в дворцовой мечети. Человек, о встрече с которым вы просили, находится в полном вашем распоряжении.

Морган молча склонил голову, показывая, что готов к встрече.

— Позовите его, — по-арабски произнес "бедуин", поднимаясь в кресле.

Слуга-пакистанец чуть не на цыпочках вышел на внешний балкон второго этажа где, спиной к нему и лицом к морю, не обращая внимания на сорокоградусную жару, сидел на простом деревянном табурете человек.

— Господин! — издали, стараясь перешептать свист ветра и шум прибоя, осторожно позвал слуга. — Вас просят пройти вовнутрь.

Человек, быстро, но в то же время с некоторой плавностью, словно стальная пружина, поднялся с табурета, одновременно развернувшись в сторону зовущего. Слуга спрятал глаза и затрусил по лестнице вниз.

Если бы на месте советника президента был кто-то знакомый с Чечней не только по передовицам Таймс и оперативным планам Объединенного комитета начальников штабов Вооруженных сил США, он бы поразился, насколько мужчина, легкой кошачьей походкой спустившийся вниз по мраморной лестнице, похож на молодого Джохара Дудаева.

Человек, известный советнику как Джамаль, остановился в шаге от стола и, на безупречном английском, который не посрамил бы выпускника Оксфорда, произнес:

— How do You do?

Советник, несмотря на годы, проведенные на госслужбе, так и не избавившийся от характерного калабрийского акцента, хмуро кивнул и указал на кресло с противоположной стороны невысокого обеденного стола. Морган дождался, пока официанты, расставив блюда и пожелав господам приятного аппетита, оставят собеседников. После чего он, отправив для виду в рот пару вилок салата, поднял на собеседника свои карие, доставшиеся по наследству от деда, обманчиво добрые глаза и резко, с хрипотцой, произнес:

— Что же, репортажи о катастрофе на русской авиабазе сегодня возглавляют "топы" всех мировых СМИ, от телевизионных каналов до интернет-блогов. Я даже не спрашиваю как вам это удалось...

Похожий на Джохара Дудаева человек проявил себя не слишком учтивым собеседником. Ни малейшим движением не отреагировав на слова Моргана, он неспешно отдавал должное острым и сочным кусочкам люля-кебаба.

Советник помолчал и добавил.

— Оставшаяся сумма переведена на ваш счет. Каймановы острова...

— Я знаю, — спокойно произнес Джамаль, вытерев усы кусочком лаваша. Он быстро покончил с едой и откинулся в кресле, явственно дав понять, что теперь готов к предстоящему разговору.

Разговор предстоял жесткий, решительный и крайне рискованный, поэтому внутренняя рептилия, которую советник президента обычно скрывал, полностью завладела его лицом.

— Насколько велика вероятность утечки информации?

Джамаль усмехнулся.

— Непосредственных исполнителей уже нет в живых. А те, кто их убивал, покинули пределы России и укрыты в надежных местах.

Две стороны одной медали — спецслужбы и террористы — всячески стараются не употреблять то слово, которое указывает на их главный вид деятельности. Первые говорят "локализовать", "зачистить", в крайнем случае "устранить" или "ликвидировать". Вторые предпочитают пафосное "казнить" или же "привести приговор в исполнение". На то, что Джамаль в отличие от других называет вещи своими именами и всегда говорит "убить", советник обратил внимание еще при первом знакомстве. Тогда "человек похожий на Джохара Дудаева", бывший офицер по спецоперациям у Саддама Хуссейна, был узником секретного концлагеря в предместьях Багдада, а Виктор Морган — секретарем сенатской комиссии по "мирному урегулированию в Ираке"...

— Версия о теракте была озвучена местным губернатором, — продолжил Джамаль. — Но по сведениям от моей агентуры официальной версией станет случайная техническая неисправность. Спецслужбы ограничатся формальными мерами, и не будут глубоко копать это дело. Не исключено, что отдельные идеалисты попробуют вести расследование на свой страх и риск, но с ними будет кому работать. И это мне непонятно. Конечно, вероятнее всего, русские захотят скрыть, что кто-то сумел проникнуть на строго охраняемый объект и организовать диверсию. И все же... Бывали случаи, когда случайные аварии пытались выдавать за операции террористов. Но я первый раз вижу, чтобы теракт столь тщательно маскировался под обычную катастрофу...

В словах Джамала звучал невысказанный вопрос, но советник и не подумал бы на него отвечать. Мотивы русских действительно были очевидны — никому не хочется признавать такие провалы. И в данном случае их действия играли строго на пользу замыслу "оружейников". Перед самыми выборами русского президента "свободная пресса" начнет публиковать сообщения о том, что нынешний правитель России и его ближайшее окружение обманули граждан собственной страны. Скрыли от ничего не подозревающих обывателей, что самый дорогой в мире самолет, гордость их армии, был уничтожен никому не известной чеченской боевой группировкой. Такой информационный повод стоил намного больше выплаченных Джамалю сорока миллионов...

— Однако, насколько я понимаю, вы настояли на личной встрече отнюдь не для этого разговора... — в словах Джамала больше не было вопросительных интонаций. Как обычно, стремясь перехватить инициативу в беседе, он побуждал собеседника к продолжению.

— Совершенно верно, — усмехнулся советник. — Ради рутинного подведения итогов не

было смысла так рисковать. Речь идет о следующем задании. Прежде всего — изучите это! — он достал из внутреннего кармана спортивной куртки и передал Джамалю тонкий электронный планшет. Тот включил гаджет и углубился в открывшийся на экране текст.

Завершив чтение, он поднял глаза на советника, и коротко спросил:

— Бомбу уже нашли?

— Место установлено, но специалисты еще не прибыли, — ответил Морган, невольно нахмутив брови. — Все развивается слишком быстро, мы еще не провели локализацию всех потенциальных каналов утечки...

— В чем будет заключаться моя задача?

— После того, как полевой спецагент ЦРУ убедится в наличии бомбы, потребуется локализовать самого агента, а также местного резидента. После чего бомбу необходимо извлечь, освидетельствовать и, если из нее можно будет выдавить хоть "шипучку" [\[32\]](#), то доставить вот в этот район. И задействовать тут... — Советник перегнулся через стол и ткнул пальцем в планшет. Текст на экране сменила карта. — Это возможно?

Джамаль поднес к губам высокий стакан с водой, и сделал несколько размеренных глотков.

— Каждый год, проведенный в подлунном мире, все более убеждает меня в том, что невозможного не существует. Это могут подтвердить многие мои клиенты. Однако в вашем деле имеется много "но". Например, я могу отказаться, не объясняя причин.

Советник президента отложил вилку и промокнул полные губы тонкой льняной салфеткой.

— К сожалению, дав предварительное согласие приехать сюда и ознакомившись с текстом доклада, вы исключили для себя такую возможность, — голос советника был тих и выражал безукоризненную вежливость. Но под бархатом явственно звякнула сталь. — Нет, безусловно, отказаться от операции вы можете. Но тогда вы вряд ли покинете пределы этой усадьбы.

— Вы уверены?

Вопрос Джамалю прозвучал очень просто, но тот, кто хоть немного знал человека, похожего на Джохара Дудаева (а хорошо его не знал никто, кроме, может быть, казненного иракского диктатора), окажись он на месте советника президента, непременно бы надолго задумался. Не над тем, как ему лучше ответить, а о том, какие распоряжения он упустил в последней редакции завещания.

Однако советник президента обстоятельно и всесторонне подготовился к сегодняшней встрече, поэтому думал очень недолго.

— Никто не сомневается в ваших способностях. Но покровители на сей раз, вам не помогут. Потому что на другую чашу весов положен такой куш, ради которого они, не поморщившись, пожертвуют даже самым результативным террорис... свободным оперативником за последние десятилетие. К тому же сто миллионов чистых, неотслеживаемых долларов наличными, по сути, за простой теракт...

— Простой теракт? — вскинул брови Джамаль. — Особенно, если учесть его последствия...

— Последствия не ваша забота, — советник президента не терпел, когда его перебивают, и ответил чуть более жестко, чем планировал, — вы получаете аванс, доставляете... хм... устройство к месту назначения, обеспечиваете его активацию и получаете остальную сумму. Прочее вас не коснется.

— Прочее, так или иначе, коснется всех, живущих на земле, включая австралийских аборигенов и пингвинов в Антарктиде. Но дело не в этом. Я берусь за этот контракт.

Советник уже приготовился к словесному поединку и потому неожиданное согласие Джамалы несколько выбило его из ритма беседы. Политик пару мгновений собирался с мыслями и только после спросил:

— Вам понадобятся эксперты для проверки и подготовки к взрыву?

— Нет! — все так же лаконично ответил Джамаль. — У меня есть нужные люди. Но сумма контракта должна быть увеличена в полтора раза. Сто пятьдесят миллионов, девяносто — аванс.

Это уже был деловой разговор. Советник президента, выдержав достойную паузу, утвердительно кивнул.

— Отправляйтесь в Женеву. Вот ключ, на нем название банка. Предъявите ключ смотрителю главного хранилища, и он откроет вам камеру. Там находится пятьдесят миллионов — наличными в евро и долларах, а также в государственных облигациях и дорожных чеках на предъявителя. Еще сорок будут перечислены на указанный вами счет в течение суток.

— С кем я буду держать связь?

Взгляд у советника президента стал жестким и колючим. Теперь он разговаривал не с опасным и неуправляемым международным террористом, а с нанятым работником, которому нужно было указать на место и растолковать правила игры.

— Вам платят такие деньги именно потому, что мы никак, ни прямо, ни косвенно, не можем задействовать административный ресурс. Эта операция не только не может быть правительственной. Она даже в малости не должна выглядеть как правительственная. Поэтому для вас разработана легенда, которой вы будете придерживаться в случае провала. Она объяснит СМИ, а стало быть и мировой общественности, как эти сведения попали к вам и почему вы ими воспользовались именно так, а не иначе. Если же все пойдет как задумано, вы должны будете вытолкнуть вперед пару ничего не значащих людей, на которых в конечном итоге и будет списано все содеянное, а сами растворитесь в тумане. Больше мы с вами никогда не увидимся.

— Американцы хорошие инженеры и финансисты, но плохие солдаты, — с внешним безразличием, почти без раздумий отозвался террорист. — И уж совсем бездарные генералы. Толковый оперативник в первую очередь обращает внимание не на то, что запланировано, а на то, что пойдет не так. С учетом того, в каких странах придется действовать, фактор неожиданности играет едва ли не ведущую роль. Поэтому я должен иметь аварийный контакт на крайний случай... При этом в обе стороны. Не исключено, что вы захотите в срочном порядке поставить меня в известность о чем-то крайне важном и неотложном.

Советник президента поморщился, но кивнул. Он набросал фломастером на листе бумаги короткую строчку и показал лист собеседнику.

— Вот адрес электронной почты, запомните, он несложный. Если у вас возникнут проблемы — пошлите письмо, любое, хоть открытку с пейзажем, и в ответном послании вам укажут контакт. Но если вызов окажется ложным, вы не получите оставшуюся сумму. Устраивает?

— Справедливо, — медленно кивнул Джамаль. — Теперь что касается обратной связи... И у меня будет еще несколько вопросов.

Теперь уже он взял фломастер и начал набрасывать на листе какие-то символы.

Собеседники склонились над столом. Их разговор продлился еще без малого два часа, после чего все исписанные листы были аккуратно сожжены в большой пепельнице, услужливо поданной управляющим. После окончания беседы, отдохавший в одном из бунгало "Хилтона" пилот вертолета получил команду готовиться к взлету.

Вскоре винтокрылая машина с высокопоставленным пассажиром взмыла в воздух. Однако "Робинсон" не стал возвращаться в Шарджу, а взял курс на Дубай, где советника ожидал "Гольфстрим", принадлежащих знакомому адвокату из Филадельфии. Теперь Моргану предстояла встреча с тем, кто, по его замыслу должен будет побрить брадобрея...

20. Эстафетная палочка

Магнитофонная исповедь Вити Сербина при трезвом рассуждении оказалась чемоданом без ручки, при этом набитом совсекретными документами. То есть, выкинуть нельзя ни при каких обстоятельствах, а утащить с собой — невозможно. Выход один — как можно скорее передать пленку "куда следует", а после сидеть, как мышь под веником, в ожидании, когда хорошие парни найдут бомбу и разгонят плохих парней. Может, даже меня наградят... Нет уж, нахер всяческие награды, тут бы живым остаться...

Мысль "куда следует" плавно перетекла в вопрос "А кому следует?". К счастью для многострадальных мозгов, тут мой выбор оказался совсем невелик.

Нужный мне человек, скорее всего, находится на работе. Чтобы свести риск до минимума, оставляю Милку на обживание и не ленюсь пересечь полгорода, чтобы отзвониться с телефона-автомата на пригородном вокзале. Камер вокруг не видно, но береженого бог бережет, и говорить придется покороче. Лишь бы взял трубку именно тот, кто мне нужен...

— Слушаю! — знакомый голос звучит неожиданно.

— Узнаешь? — спрашиваю без лишних церемоний и, стараясь вложить в произнесенное слово максимум своих характерных интонаций.

— Допустим... — ответ несколько двусмысленен, но в голосе ловлю не только удивление, но и неподдельную радость. Этого более чем достаточно.

— Через час двадцать ровно. Там, где крайний раз пиво пили. Ждать не буду. Очень нужно.

Бросаю трубку, не дождавшись ответа. Появится, никуда не денется. Или это я так себя утешаю... Втиснувшись в толпу, ныряю в подземный переход. Времени, чтобы успеть к точке randevu, у обоих в обрез.

Мы вместе учились в Одесской академии Сухопутных войск, были в одном отделении. На младших курсах спали на соседних койках в кубрике, а потом, на последних, жили в одной комнате общаги. После выпуска разбежались на пять лет.

Снова встретились в Ялте, на закрытом чемпионате по "охранным видам спорта", где он представлял спецподразделение по борьбе с терроризмом и, как и я, входил в команды по рукопашному бою, стрельбе и экстремальному вождению.

Ребята из нашего антитеррора по общему зачету обскакали россиян, казахов и белорусов (соревнования были международно-постсоветские, там встречались люди из бывшей "девятки", знавшие друг друга еще с брежневских времен), и наступали нам на пятки. Все решил последний горный заезд, в котором лидировали мы вдвоем... Трасса была жестокой даже для Крыма. На приличный транспорт командование, как всегда, пошло, и мы использовали даже не раллийные, а обычные серийные "Жигули", приобретенные в Симферополе за копейки. Я "пятерку", а Серега — "семерку".

В общем, рассказывать особо не о чем, но в тот день похудел я на серпантинах килограмма на три, не меньше. Пришел к финишу первым, с отрывом всего лишь на три секунды, обеспечив команде победу, а себе двухнедельный внеплановый отпуск в санатории "Ливадия", рядом со знаменитым дворцом.

Капитан Бондаренко, тоже не обиженный своим начальством, оказался соседом по этажу. Два капитана выпили море водки, пощипали перышки охочим до приключений

курортницам и разъехались по домам с твердым намерением более не прерывать общение.

А крайний раз, о котором я говорил, квасили мы в сквере напротив Дарницкого вокзала. Тогда я после увольнения нашел, наконец, работу. Грузчиком. Уже бухал по-македонски, на ходу и с двух рук, и находился в последней стадии развода, который, под непрекращающиеся скандалы, плавно перетекал в раздел имущества.

В тот день, пытаясь открыть дрожащими руками бутылку пива, я изливал душу Сереге — последнему человеку из прошлой жизни, которого мог назвать другом. Серега терпеливо кивал, но при этом незаметно поглядывал на часы...

Оказавшись на нужном месте, захожу в тыл монументу, вокруг которого и разбит сквер. Делая вид, что выпасаю кого-то из скачущих вокруг деревянных домиков ребятишек, осторожно выглядываю из-за огромной ивы. Бондаренко на месте. Сидит на лавочке, небрежно закинув ногу за ногу, и положив руки на спинку. Однако, чуть сжатые и напряженные плечи ясно говорят о волнении.

Подхожу из-за спины и присаживаюсь на другом конце скамейки. Сидим с минуту, делая вид, что другу друга не знаем. Вытаскиваю сигарету, сдвигаюсь поближе, интересуюсь насчет огонька. Серега щелкает тяжелым позолоченным "Зиппо" и, чуть шевеля губами, произносит:

— Здоровеньки булы!

— И тебе не хворать! Один?

Вопрос вроде бы идиотский. Если капитана страхуют, то хрен он признается. Но если спросить неожиданно, есть вероятность, что клиент лажанется и спалится...

Бондаренко убирает зажигалку, бросив обиженный взгляд. Ну да, заподозрил в нехорошем... Знаем мы вас! Сам из таких! Впрочем, если он врет, то за время, что мы не пересекались, он стал профессиональным актером.

— Ты откуда? — спрашивает он.

— От верблюда, откуда же еще? Или забыл как дети рождаются?

— Гляжу, начал в себя приходить?

— Жизнь заставила.

— А как у тебя сейчас с этим делом? — Сергей характерным жестом щелкает под нижнюю челюсть.

— Нормально. До "белки" больше не допиваюсь.

— Уже лучше. Где сейчас?

— На белом свете.

— Темнишь, Витя, — Бондаренко произносит без обиды, просто констатируя факт. — Говори, зачем звал.

— Значит так. Минут пять ты слушаешь не перебивая, даже если сочтешь, что крыша моя съехала в бессрочный неоплаченный отпуск, и я на почве алкоголя ебнулся целиком и окончательно. После задаешь вопросы. Дальше — по обстоятельствам.

Сначала даю прослушать через наушник Витину исповедь, перегнанную в телефон. Потом четко, без лирики, с фактами и фамилиями рассказываю обо всех событиях, начиная с прошлого воскресенья.

По мере рассказа глаза у Сереги сужаются все больше, пока не превращаются в щелочки, которым позавидует любой, даже самый узкоплечный китаёза. Заканчиваю (умолчав, правда, о проданных фотопленках и нашей нынешней дислокации). Серега долго молчит. Анализирует достоверность и внутреннюю логику. Затем, еле слышно произносит:

— А к своим почему не пошел?

— Сам знаешь, в нашей конторе с две тысячи четвертого года американский Госдеп шурует, как в своем офисе. Узнав, наперегонки кинутся докладывать по команде. А там оно хрен знает каким боком и повернется. Сербина, поди не адвентисты седьмого дня заебали...

— Резонно, — цедит Бондаренко. — Да и ситуация, конечно, ближе к нашему профилю. А почему заметался?

— Они свидетелей убирают. А я вот, с одной стороны, не радуюсь от того, что кто-то сейчас строит планы вокруг килотонн, зарытых чуть не под Киевом. Живу я в этой стране, знаешь ли. Ну а с другой, как-то не хочу, чтобы меня из живых мертвецов перевели в мертвые. Зомби тоже умеет играть в баскетбол.

— Seriously, — кивает Серега. Похоже, он уже принял какое-то решение. — Только твою проблему в лоб, пожалуй, не решить.

— Советоваться пойдешь?

— Вроде того.

— А не боишься?

— Да не очень. Один хрен не мой уровень, чтобы такие решения принимать. Моего шефа полгода назад пинком в сраку ушли, а на его место поставили полковника, который только что из Вест-Пойнта. Он там проходил переподготовку по программе "НАТО без границ", у кого же нам учиться борьбе с терроризмом, как не у амеров? Ходит, хуйло со щетиной, и экзаменует оперов на знание державной мовы и янкесовских инструкций, которыми только в сортирах и подтираться. Так что теперь трудно сказать: если я к нему приду с таким вот заявлением, в каком Белом Доме этот рапорт раньше ляжет на стол — у нас, на Банковой^[33], или на Пенсильвания-авеню. Мы, конечно, профессионалы, а не политики, но последствия таких вот сюрпризов оценивать обязаны. Дай неделю, чтобы определиться.

— Три дня, не больше, — твердо отвечаю я. — Оставь "мыло", получишь письмо, ответишь отправителю. Текст любой. Слово "сложности" — значит, все в порядке, готовим встречу. Слово "план" — значит, за мной охота. Если через три дня не выходишь на связь, жду еще сорок восемь часов, дальше действую по обстоятельствам.

— Копию записи отдашь?

— Только в официальной обстановке. При свидетелях и под протокол.

Бондаренко кивает, вытаскивает из барсетки пачку листов для заметок и фломастер. (снова фломастер — общепринятая практика?) Черкает коротенькую строчку и передает мне. Внимательно смотрю на адрес, тыкаю в середину листа почти докуренной сигаретой. По желтому квадратику расплзается черное пятно с тонкой огненной каемкой, съедает цифры и символы...

— Ты уж прости, что я тебя тогда не вытащил, — мрачно говорит Серега, заполняя неожиданно долгую паузу. — Когда все закрутилось, я как раз умотал в Тверь на соревнования, потом в Варшаву на переподготовку. Приехал — а от тебя уже ни слуху. Трепались, что загнулся в психушке. Я почти поверил. С тобой ведь, честно говоря, к тому времени общаться было практически невозможно. По нашим каналам пытался поинтересоваться, но меня предупредили, что с тобой все кончено. Кого-то ты в конторе и выше заебал до крайности. Да, кстати... У меня ведь твои бабки остались. Я тогда машину по доверенности переоформил и продал, чтобы за долги не отобрали, а выручку на счет

положил. По дороге заскочил в банк...

— Деньги!? — видно очень я тогда пьяным был, раз не помню такого момента.

— Ну да — удивленно отвечает Бондаренко. — Я вообще думал, что ты для этого меня и вызвал. Восемь штук за твою "Паджеру". Ты ведь ее, когда чудить начал, изрядно помял, больше не давали. — Он протягивает конверт. — Догадываюсь, что в сложившихся обстоятельствах лишними они тебе не будут.

Я не рассыпаюсь в благодарностях. Молча киваю. Жмем руки, и Серега шагает через сквер к парковочной площадке, где его, как выяснилось, ожидает скромная "Infiniti QX56"...

Сижу, думаю. Откровенно говоря, мне (то есть нам с Милой) пока сказочно везет. Для беглецов, за которыми не стоит кто-то большой и сильный, главное — деньги. Деньги — это кров, еда, возможность отдохнуть, даже просто умыться и сохранить человеческий облик. И деньги у нас теперь есть, и достаточно много. Но надо признать — не моими заслугами, а чистым везением. Не окажись покойный отец Милы фотографом-порнографом... Будь у моего товарища чуть поменьше совести...

Ох, как тяжело бы нам сейчас пришлось.

Везение. Признаться, это нервирует меня больше всего. Как говорил товариш Ломоносов, если где-то что-то прибавится, то где-то и убавиться должно. Нам подфартило дважды, а везенье — это категория вполне физическая и исчерпываемая. Но раз уж так вышло, и эстафетная палочка, переданная в надежные руки, понеслась к незримому финишу, то сам бог, как говорится, велел потратить эти несколько дней на улаживание дел бытовых и, что гораздо важнее, личных...

21. Долг чести

Александр Николаевич Емельянов, бывший командир стратегического бомбардировщика Ту-95, а ныне — полковник запаса, совладелец и первый заместитель генерального директора транспортной авиакомпании, на свои пятьдесят семь лет совершенно не выглядел. Сам он считал, что здоровье и подтянутую фигуру удержал исключительно благодаря основному принципу, который регулярно повторялся для друзей и знакомых: "Из дому следует выходить только в двух случаях: чтобы заработать и чтобы потратить!". Сейчас отставной летчик находился в пути от одного к другому.

Под ногами стелилась каменная лестница, ведущая от офиса, расположенного в здании-высотке "Минтранса", до проспекта, где стояла его машина. Близилось время обеда, а в последнее время Александр Николаевич предпочитал перекусывать в японском ресторанчике, проезжая пару километров от офиса.

К концу восьмидесятых Емельянов дослужился до командира эскадрильи и метил на должность заместителя командира полка. Но за год до августовского путча он, терпеливо снося насмешки элитных "стратегов", неожиданно для всех, перевелся в полк военно-транспортной авиации. Дальновидность комэска сослуживцы оценили далеко не сразу. А когда, наконец, поняли, насколько Емельянов был прав, поезд уже ушел. Пока обреченные на неминуемое сокращение пилоты и штурманы Ту девяносто пятых, презрительно фыркали, называя транспортников "коммерсантами", экс-бомбер по два-три раза в неделю под видом учебных полетов гонял свой Ил-76 по всему СНГ, еще не разделенному завесой границ и таможен.

Перевозя челноков от Бреста до Владика, и от Фрунзе до Мурмана, он зарабатывал такие деньги, по сравнению с которыми оклады летчиков, еще несущих боевое дежурство, не вызывали даже и смеха. Деньги позволили ему купить на полгода должность заместителя командира полка и уйти на пенсию с полковничьими погонами.

После того, как "дикий бизнес" пошел на убыль, он разумно распорядился заработанным, и сейчас владел пятой частью компании, которая имела в распоряжении два десятка грузовых самолетов. Частично арендованных у Министерства обороны, частично выкупленных. А бывшие сослуживцы, давно растеряв прошлую спесь, гоняли выработавшие все мыслимые ресурсы машины по торговым перекресткам планеты за копейки...

Разглядывая бесконечный автомобильный поток, Емельянов вспомнил о скором завершении отделочных работ в новом доме на берегу Днепра, и ухмыльнулся. Не пройдет и месяца, как он будет жить в лесу, на территории приватизированного пионерского лагеря. И при этом его резиденция будет находиться в пригороде Киева, расположенном в противоположной стороне от Русы.

О событиях 1987 года Емельянов почти забыл. Так человек, далекий от уголовного мира и живущий в ладах с законом, обычно забывает о нелепом, случайно полученном сроке. Плохие мысли мешают зарабатывать деньги, и полковник выбросил из головы воспоминания более чем четвертьвековой давности, как выбрасывают неудачный брак, как забывают о родственнике, оказавшемся подонком и подлецом.

Остались в душе разве что похороны Петровича, единственного из всех, с кем он хоть как-то сумел сдружиться. Через год после тех судьбоносных событий врачи нашли у полковника рак желудка. Смертельный недуг скрывался в теле Петровича еще до того, как

"борт 262" приземлился в Русе, обнаружен был через год после происшествия. Последние полгода мучался бывший командир базы страшно. В гробу лежал иссохшийся, но, как Емельянову показалось, умиротворенный. Боялся тогда бывший командир корабля, что его товарищ в последние месяцы не выдержал и кому-нибудь исповедался. Но время шло и ничего не происходило, стало быть, полковник в самом что ни на есть прямом смысле, унес тайну в могилу...

У самого Емельянова в разгар "первоначального накопления" была мысль продать секрет кому-нибудь, кто сможет выложить сумму побольше. Но ушлый коммерческий авиатор много летал по миру и общался с очень разными людьми. Он быстро понял, что в том мире, где интересен его секрет, будет выглядеть словно домохозяйка, которая пытается продать под супермаркетом тонну левого героина. В лучшем случае — отберут "законные хозяева", в худшем грохнут на месте. Не виделось перспектив и у попытки продажи за рубеж. Едва их компания начала активно работать с Западом, как он быстро разобрался, что для новых "друзей" — тех же американцев, немцев и прочих — русские (то есть все выходцы из СССР) по-прежнему остаются разновидностью говорящих медведей. Не было сомнений, что эти "покупатели" выжмут его на манер лимона и сдадут исключительно, чтобы не платить по счету. Ну а террористы, сунься он к ним, скорее всего, убьют, получив всю существенную информацию. Очень уж секрет взрывоопасен...

Чтобы выложить на прилавок такой товар, заработать на нем, а при этом и уцелеть, нужно было иметь соответствующие связи и статус. Стать депутатом, министром или его заместителем. На худой конец — олигархом с разветвленным международным бизнесом. Либо в дело должен вмешаться совершенно невероятный случай. Но подходящий случай так и не представился, а специально Емельянов его не искал. Он был реалистом. И отлично понимал, что приди он в СБУ, то украинские "госбезопасники" вряд ли расщедрились бы даже на медаль, не говоря уже про какие-то финансовые средства. Восточный сосед в то время тоже не выглядел особо платежеспособным.

Вспомнилась вдруг новость о бомбардировщике, упавшем где-то под Энгельсом. Он собирался позвонить Юре Дорошенко, спросить, что да как? Бывший второй пилот вроде бы где-то там служит. Глядишь, в генералы выбьется перед пенсией и инфарктом. Емельянов коротко хмыкнул. Ладно, Юре перезвоним после обеда, впереди времени много...

Спустившись к дороге, бывший летчик обнаружил, что правое заднее колесо его неброской, но мощной "Ауди" спущено почти целиком. Вполголоса обматерил дорожников и гвоздь, что, несомненно, стал причиной прокола. Емельянов открыл багажник, достал баллонный ключ, домкрат и запаску. На заднее сиденье бросил ненавистный в жару, но обязательный по статусу пиджак, и, присев на корточки, начал прилаживать "лапу", чтобы открутить болты.

Почти забитое в дальний угол памяти воспоминание о "проделке" неожиданно снова всплыло на поверхность. "Сознался бы тогда, уже давно бы отсидел и вышел, — с досадой подумал полковник, — а потом бы книгу написал, может быть, и кино по моему сценарию сняли". Мысль была не его, чужая, занесенная то ли из прочитанной книги, то ли из какого-то фильма. И бесследно пропала, стоило только сосредоточиться на непослушном прикипевшем болте.

— Чего случилось, уважаемый? — сверху неожиданно раздался голос, и кто-то хлопнул бизнесмена по плечу, — может помочь чего?

Емельянов поднял взгляд. Перед ним стоял широкоплечий мужик в солнцезащитных

очках, не скрывавших самую настоящую рязанскую морду. В левой руке у него болтались ключи с брелоком автосигнализации.

"Тоже водитель", — успокоенно подумал полковник.

— Да нет, спасибо! — кивнул он доброжелателю, — обычный прокол. Колесо поменяю и на монтаж покачу.

— Мое дело — предложить, сам понимаешь, — пожал плечами добровольный помощник и отошел в сторону.

Полковник закончил возню с колесом, закрыл багажник, и, обойдя "Ауди", открыл дверцу. В этот момент сердце, сбившись с ритма, вдруг бешено застучало. В голове зашумело, а перед глазами закружился хоровод всех цветов радуги. Емельянов не устоял на месте, его чуть повело назад, на проезжую часть...

Водителю БМВ не хватило какой-то доли секунды, чтобы успеть отреагировать на упавшего человека. Он запоздало бросил машину влево, но все же бампером подцепил тело, не успевшее коснуться земли. Автомобиль разворотил Емельянову грудную клетку. Протащив мертвое тело несколько метров по асфальту он, наконец, остановился.

Мужик с рязанской, (на самом деле питтсбургской) мордой легким, незаметным со стороны движением уронил миниатюрный шприц-тюбик сквозь решетку канализационного стока. Ровным спокойным шагом Опоссум двинулся дальше, сразу затерявшись среди прохожих.

На месте дорожно-транспортного происшествия быстро начала собираться толпа. Минут через десять подъехали машины ГАИ, а за ними и скорая.

Для следователя происшествие было очевидным. Заверения водителя БМВ, что пострадавший сам свалился под колеса его машины, никто, в том числе и суд, не принял всерьез. Видеорегистратор же толком ничего не зарегистрировал. Судебно-медицинская экспертиза констатировала смерть вследствие многочисленных повреждений черепа и грудной клетки. То, что Емельянов перестал дышать за полсекунды до столкновения от инъекции специального медикамента, предназначенного для имитации естественной смерти, так никто и не узнал.

Неприкаянная душа командира отправилась туда, где ее уже поджидали остальные члены злосчастливого экипажа. С его гибелью все, кто той давней августовской ночью участвовал в погребении атомного заряда, покинули бранный мир.

22. Особое мнение

— Товарищ подполковник, это Пашкин. К вам сейчас можно зайти?

— Что-то срочное?

— В общем, да. Есть инициативные версии по происшествию...

Даже через мембрану допотопной трубки внутренней связи ощущалось, как лицо шефа, и без того не голливудское, при слове "инициативные" собирается в недовольно-раздраженную жопу...

— Жду! — подполковник швырнул ни в чем неповинную трубку на рычаги.

Текст пояснительной записки, результат нескольких дней интенсивного умственного труда, уместился на один лист. Пашкин поелозил мышью в районе кнопки "Печать", но в последний момент передумал. "Для начала просто озвучим", подумал майор, выключая комп и вставая из-за стола.

В день катастрофы на вечернем совещании шеф объявил, что расследованием причин будут заниматься "варяги", которым следует оказывать всяческую посильную помощь. Сам же доблестный отдел ДВКР 6950-й авиабазы, в полном составе, от боевого начальника и до бойца-посыльного должен заниматься обычными делами, дабы своим самоотверженным трудом продемонстрировать, пресечь и не допустить...

— Короче, сидите тихо и молитесь, чтобы причины взрыва имели технический, а не злодейский характер, — тихо сказал напоследок умудренный жизнью начальник, начинавший службу еще при Андропове. — Если выяснится, что мы все дружно прозевали теракт на обслуживаемом объекте, то в скором времени ездить нам всем придется не на машинах, а на оленях, имея в объектах наблюдения песцов и белых медведей...

По едва уловимым интонациям в голосе беззубого (в прямом, но отнюдь не переносном смысле), подполковника майор понял, что региональное управление сделает все, чтобы не дать хода версии про теракт. Старый хрен своими вставными челюстями при необходимости мог перекусывать арматуру, но при этом чутко улавливал музыку верхних сфер...

Уже после содержательной беседы Пашкин встретил в коридоре бывшую пассию. Припомнив обстоятельства расставания, покраснел, сунул руку в карман, огляделся по сторонам и сунул в разрез блузки пару купюр, тихо пояснив: "За такси!". "Вольняшка" вспыхнула от такого хамского обращения, но деньги припрятала. Хотела что-то сказать, не успела. Майор, нахмурившись, удалялся семенящей походкой вождя мирового пролетариата. Мысли его были очень далеки от неудавшегося разврата...

Возвращаясь домой, Пашкин напряженно думал. Цену своему серому веществу он знал. "Наверху" его считают сильным аналитиком и, время от времени, подкидывают материалы посерьезнее, чем коррупция в службе горюче-смазочных материалов. Впрочем, майор знал и о том, что это начальственное мнение ничего не изменит в его судьбе. Любовь к бабам и упорная склонность к служебным романам, вкупе с упрямством и неуживчивостью, будучи отображенными в личном деле, надежно притормозили на нынешней ступени карьерной лестницы.

Но невзирая ни на какие приказы, из головы упрямо не уходила картина с места аварии. Мертвые изувеченные тела стояли, точнее, лежали перед глазами. Тот, кто приложил руку к гибели летчиков, должен сидеть в тюрьме. А еще лучше "покончить с собой" после того, как

под видеозапись расскажет про все, что знает...

Привычно отрабатывая приоритеты рабочих версий, первым делом майор попробовал связать катастрофу "стратега" и мутную личность младшего лейтенанта Сидорченко, которого следовало рассматривать как возможный объект вражьей вербовки. Ту-160 и сам по себе всегда был интересен "невероятным союзникам". А сейчас, когда пусть со скрипом, шатко и валко, но все же пошла модернизация, новые системы и виды вооружения — "Блэкджек" стал интересней разным супостатам вдвойне. Если не втройне. Вражеская резидентура вокруг "стратега" так и вьется. Младлей, конечно, птица не великого полета, но поднастрять может изрядно, если чья-нибудь умелая рука полет этого стратосферного дятла направит.

Как там у барда нашего в песне пелось:

"В общем, так подручный Джона был находкой для шпиона.
Так случиться может с каждым, если пьян и мягкотел!"

Вообще-то младлей Сидорченко из батальона аэродромного обслуживания подходил на роль вражеского агента, как ваххабит на должность детсадовского воспитателя. Он закончил какое-то ПТУ, заслуженно числясь разпиздяем, бездельником и алкоголиком. На срочной, которую Сидорченко служил в СКВО, где-то при складах, он чуть было не отправился напрямик в дисбат. Что именно там случилось, Пашкин особо не копал, и причиной тому стала отнюдь не нехватка времени. Просто дядя младлея и был тем самым непосредственным начальником Пашкина. В свое время, потрясая у майорова носа небольшим, но жилистым кулаком, он в категорической форме потребовал "Племянника не работать! Убогому и так хватит..."

Вряд ли дядя был с племянником в сговоре, тем паче в доле, не тот масштаб у людей. Скорее всего, командиру плешь проела мать младлея, по совместительству — сестра подполковника. С настойчивыми просьбами "не дать злым дяденькам обидеть маленького мальчика!". Видел Пашкин ту даму...

Так что, если бы не заступничество, давным-давно ушел бы в Москву запрос на спецпроверку с фотографиями и отпечатками пальцев. Но Пашкин тогда уступил, о чем сейчас жалел в такой степени, что языком математики невыразима, зато вот русским народным языком выражается очень даже исчерпывающе. Сильно жалел, в общем.

На следующий день майор, наскоро завершив всю территориальную обязаловку, зашел в кабинет, плюхнулся в кресло и включил "геликаптёр". Так Пашкин называл свой устаревший компьютер с громко рычащим кулером. Пока "геликаптер", хрипя и подвывая, загружался, майор соорудил чашку крепкого чаю с лимоном и здоровенный, в пол-батона, бутерброд. Благо, все ингредиенты хранились в маленьком холодильничке, замаскированном под отделение шкафа. Рокочущее чудо майора умело не очень много, но знало столько, что всему гарнизону на три пожизненных хватит...

Нет, вряд ли, пробежавшись по файлам, подвел он итог предварительным размышлениям. Именно те обстоятельства, которые облегчали потенциальную вербовку младлея Сидорченко, делали его слишком малопригодным и даже опасным для по-

настоящему серьезного дела. Например, диверсии государственного масштаба. Конечно, проверить разгильдяя под микроскопом необходимо, но искать по-настоящему глубоко следует в ином месте. Обжигаясь чаем, майор вгрызся в бутерброд, одновременно безжалостно эксплуатируя архив "геликаптера", собственную память и телефон.

Хитрыми аналитическими программами майор Пашкин не пользовался. Не умел, да и не было их у него. Но вот по части перемалывания самой, казалось бы, несостыкующейся информации и выстраивания крайне неочевидных цепочек он мог за пояс засунуть любого столичного сыскаря.

Можно микроскопом забивать гвозди. Можно заставить охотиться на сусликов волкодава, а тигра — ловить мышей. Но думать аналитику никто запретить не сможет... Без малого полутора килограммов мозгового вещества, что скрывались под коротко стриженными, чуть тронутыми легким налетом седины майорскими волосами, хватало на все текущие задачи. И на бестолковых бойцов порывивать, и территорию обходить, и канцелярщину отрабатывать для "варягов". Одновременно с этим сопоставляя малейшие зацепки с оперативной информацией за последние пару месяцев. Обычно правильные решения и планы не появляются случайно, а соскальзывают с кончика пера после пары суток упорной мозговой пахоты. Но и внезапного озарения никто не отменял.

Не прошло и сорока минут, как на поверхность всплыл крайне интересный момент, заставивший майора забыть про вторую кружку чая, так уныло и остывшую возле системного блока.

В тени всем известного дебошира Сидорченко "притаился" серый мыш Семенов. Старлей, тоже из БАО. Не замечен, не участвовал, не привлекался, не состоял. Однако несколько месяцев назад в разговоре с одним "другом друзей", которых у Пашкина было немеряно, всплыл один любопытный эпизод.

Вроде бы как горячо любимая теща Семенова, школьный библиотекарь, год, а может быть, два назад стала владелицей трехэтажного коттеджа. С чего вдруг — непонятно. Наверное, ключи с документами в школьном коридоре нашла. Новость была давней, в свое время не отработанной по причине служебной мелкости фигуранта. Но Пашкин привык накапливать любую, даже, казалось бы, совсем ненужную информацию, которая рано или поздно ложилась в пустую клеточку, позволяя собрать любую, даже самую морочную мозаику.

Мысленно потирая руки в предвкушении, майор достучался до ТЭЦ^[34], где служил Семенов. В ответ на просьбу о предоставлении помянутого красавца под особистовы очи для интимного разговору, а возможно и действия, было отвечено, что Семенов с утра не появился на службе. Дома, как выяснилось, он тоже отсутствовал. А на звонки по мобильному коварный старлей отвечал чужим механическим голосом "Абонент находится вне зоны действия сети!".

— Бабушка приехала! — в сердцах выдохнул Пашкин. — Мать его за ногу и за щеку! — это был момент истины чистой воды. Конечно, с одной стороны, парня могли банально похитить и подставить, чтобы надежно отвести подозрение от истинного исполнителя. А возможно, все это была лишь цепочка случайностей. Но все равно — в цепкие руки майора попала реальная нить. Теперь главное аккуратно потянуть и распутать клубок до конца, не оставшись с оборванным концом. Причем сделать это следовало крайне быстро, поскольку в очень скором времени по тем же следам наверняка пойдет огромная и злющая свора всевозможных следователей.

В тот момент возникло у него ощущение, будто по ушам слегка провели веником — долбанул адреналин, подогретый охотничьим азартом. Чуть дрожащими от возбуждения пальцами Пашкин начал набирать номер на "вертушке" внутренней АТС.

И на третьей цифре остановился. Куда лезешь, Пашкин? В ТЭЧ со вчерашнего вечера работает комиссия московских технических экспертов. У них под боком столичные следаки. Так что беспокоиться и жопу рвать незачем, не пройдет и часа, как к ним в отдел позвонит, а скорее, зайдет кто-нибудь из "варягов" и вежливо, но твердо попросит личное дело пропавшего разгильдяя. Если уже не заходил...

Еще с час Пашкин перебирал свои виртуальные закрома, проверяя на скрытую вшивость всех, кто в течение суток до катастрофы имел прямой доступ к упавшему самолету. Включая и самих летчиков, а хрен его знает...

Через час, не выдержав, сходил в канцелярию самолично. Выписывая малозначительный документ, потрепался с бойцом о скорбных делах текущих. Рассказал про "варягов", спросил, были они у шефа? Оказалось, с утра москвичи к шефу не заходили, в архиве личных дел не заказывали.

На послеобеденном совещании выяснилась и причина столь небрежного отношения к делу. Оказалось, техники что-то там такое нарыли, что, по мнению "авторитетных экспертов", полностью объяснило произошедшее. Мол, они там конечно будут все перепроверять и компьютерно моделировать, но "версию теракта или вредительства можно практически исключить".

Созерцая радостные улыбки коллег — как-никак гора с плеч, нет здесь ничьей контрразведывательной вины — Пашкин в ответ тоже лыбился, мол, знай наших, но пассаран! Однако внутри оставался хмур. Не нравились ему две вещи. Первое. Слишком уж быстрое, исходя из масштабности происшедшего, свертывание следственных действий. Это когда же у нас в конторе так легко прекращали охоту на ведьм? Второе. Не верил Пашкин в техническую причину. Компьютеры ненадежны, а люди еще ненадежнее. У любого ЧП обязательно есть должность, звание, имя, фамилия, отчество. Всегда есть непосредственно виновный, пусть не диверсант, а разгильдяй...

Наутро нашли Семенова. С проломанным черепом и в канаве. Через два часа взяли и наркомана, который подстерег пьяного в жопу старлея, выходящего из кабака. Расслабился технарь после смены, получил железкой по голове...

Второй подозреваемый растворился в тумане, но запретить Пашкину работать можно было только если этого самого Пашкина заковать в наручники и посадить в одиночку с мягкими стенами, обшитыми войлоком, галоперидолом в связке с аминазином. В любом другом случае запретителя ждал облом.

Для очистки совести майор все же проверил версию тещи с коттеджем. Как выяснилось, свой золотой ключик мама старлейской вдовы заполучила, поучаствовав в какой-то мутной финансовой пирамиде. Пирамида благополучно развалилась, а вот теща удачно соскочила едва ли не в последний день, вытащив все честно нажитое спекулятивными операциями. Сомнительно, да. Но формально подкопаться не к чему — законом не запрещено отдавать деньги проходимцам и, при удаче, даже зарабатывать на этом. А с точки зрения вербовочных действий схема легендирования доходов слишком уж сложная. Похоже, правы были столичные технари и "варяги" — трагическая случайность...

Скорее уже для очистки совести Пашкин, завершая явно бесперспективный мозговой штурм, начал прокручивать послужные списки и связи погибших летчиков. И вот тут начали

всплывать по-настоящему интересные вещи.

Биография командира Дорошенко оригинальностью не отличалась. Перед развалом Союза служил в Русе, на стратеге Ту-95, вторым пилотом. В девяносто первом принимать украинскую присягу категорически отказался, уехал в Россию. Два года отлетел командиром на Ту-95. Потом переобучение на Ту-160. Второй пилот, командир... Служил без залетов, дослужился до заместителя командира полка. И уже был подписан приказ на заместителя командира дивизии. И тут — на тебе. Только парашют ветром дергает... За все время был в составе пяти экипажей. Не такой уж и длинный список...

Фамилия "Васильев" вывела на короткую заметку об украинском летчике, пропавшем без вести несколько дней назад в китайском городе Урумчи. Емельянов оказался героем некролога в одной из киевских газет — трагически погиб в ДТП. А про Сербина на форуме авиаторов коротко отписали, что мол, умер прямо на улице, отравившись паленой водкой.

Все они — Дорошенко, Емельянов, Сербин и Васильев служили вместе на Ту-95 бортовой номер двести шестьдесят два много лет назад, а вот на тот свет дружно отправились в последние две недели...

Пашкин пробил оставшихся летчиков этого экипажа. Один скончался уже давно, другой эмигрировал. Мысль о том, что недавняя катастрофа как-то связана с совместной службой этого странного экипажа, казалась безумной. Но по какой-то причине упорно не желала уходить из мозгов. Чтобы попробовать нащупать след последнего, кто мог теоретически остаться в живых — бортового радиста, нужно было сделать запрос в СВР. Который должен завизировать шеф.

Именно для этого Пашкин и решился побеспокоить начальство. Шеф был сволочью, но ни разу не дураком. Свой интерес в этом деле мог увидеть, "надо же, старик, и все раскрыл", а мог и, не желая выносить сор из избы, на корню пресечь любую инициативу. Тут уж как карта ляжет, но кто не рискует, тот не поедет "Мисс Саратов".

Подполковник слушал внимательно и не перебивал, что было хорошо. Но и вопросов по завершении доклада не задал. А вот это уже было не просто скверно, а очень скверно.

— Ну так что, — осторожно спросил Пашкин, выдержав надлежащую паузу. — Мне распечатывать запрос в СВР?

— Лучше сразу на имя Президента, — чуть помолчав двинул челюстью непосредственный начальник. — Результат будет тот же, только поувольняют скорее. Ну меня-то, может, и нет, а вот тебя — точно нахуй из рядов попрут... На гражданке тоже люди нужны. Вон товарищ рассказывал, что у них в охранной фирме острый дефицит кадров. Автостоянки ночью некому сторожить.

— Но совпадение очень уж подозрительное, — еще раз попытал судьбу Пашкин. — Четыре летчика практически за неделю. В каждом случае обстоятельства более чем сомнительны. Да и дело с катастрофой слишком резко свернули... — майор осторожно выговаривал слово за словом, будто кидал в воду крошки, желая привлечь и, в то же время, не спугнуть крупную рыбину.

— Слушай, Роман Александрыч! — рассудительно сказал шеф. — Ну ты сам-то хоть каплю веришь, что стратегический бомбардировщик могли взорвать ради того, чтобы избавиться от члена экипажа, который вместе летал двадцать лет назад? Да его бы опиздюлили бы трубой по башке, как того же Семенова... Таких совпадений и в книжках не бывает.

— В жизни случаются вещи, которые писателям с их фантазией и не снились, — ответил Пашкин уже порезче. — Могло быть какое-то совмещение интересов. Да что угодно. С этим экипажем что-то не так. Может быть, сделаем запрос без связи с катастрофой, а так, в порядке плановых проверок?

— А вот хер тебе, — беззлобно ответил шеф. Рыба плеснула хвостом и ушла в глубину. — Мне из области довели мнение, что в это дело лучше не лезть. Даже с железными уликами. Так что сам не буду и тебе не советую. А полезешь через голову, уж прости, первый и закопаю... Даже если это и был теракт, то игра пошла не на нашем уровне. Скрыли — значит имеются и на то причины. Тут может дело оказаться даже не в погонах... — Шеф сложил пальцы "пистолетом" и молчаливо изобразил выстрел. — Сечешь, товарищ майор?

— Секу, — хмуро под нос буркнул Пашкин. — Разрешите идти?

— Ох, не играйся с огнем, Роман! — тихо, но с отчетливой угрозой произнес ему в спину шеф.

Поработав с полчаса над текучкой, точнее, изобразив напряженную работу, майор отвалился от стола. Откинулся на спинку кресла, оттолкнулся легонько ногой, докатившись до шкафа. Вот где скрыта прелесть личного кабинета! Хочешь — на стуле катайся, хочешь — после пьянки отсыпайся, хочешь — дро... самоудовлетворяйся вприсядку. Пашкин вернулся к рабочему месту, уставившись в монитор, где на заставке отрывался от взлетно-посадочной полосы лобастый И-16... Сердце и так подколачивало, будто на девятый этаж с мешком цемента забежал. Нащупанный краешек мрачной тайны не давал покоя, засел в голове, как заноза.

Майор залил старую заварку кипятком. Выждал несколько минут, плеснул в кружку чуть подкрашенной водички. Он прихлебывал "чай", обжигая губы. Что-то случилось в этой самой Русе. В этом самом одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году. Что-то случилось, но осталось между летчиками, ни полусловом не уйдя на сторону. А вот теперь ушло. И тот, кому это "что-то" проникло в уши, взвился на дыбы. Да так взвился, что покойники пошли косяком. Причем достаточно грамотно исполненные покойники. Шумно, но в целом грамотно. При этом искать концы, по крайней мере, в Энгельсе, запрещено каким-то очень высоким повелением.

Не исключено, конечно, что тему закрыли наглухо, потому что вопрос решают на самом верху. Не исключено, но и не сто процентов. Реалии нынешних коридоров власти умеют много гитик. Достаточно "одной таблетке" — человека в региональном управлении ФСБ, предателя, который сформирует у власть держащих "политически целесообразное мнение", и последствия могут оказаться непредсказуемыми. Точнее — такими, какие запланировал невидимый, но вполне вероятный кукловод.

Можно, конечно, и язык в жопу засунуть, сохранив невысокий, но тепленький насест, мол "кому положено, те пусть и разбираются". Можно вылезти наверх через головы отцов-командиров и оказаться перестраховщиком — дураком. Однако, это все оправдания, ибо если есть хотя бы один единственный процент того, что Пашкин первым докопался до истины, какой бы мутной и непонятной она сейчас ни была, то нужно стучать во все возможные двери. Оправдания ищет тот, кто не хочет делать. Кто хочет — ищет возможности...

Вот хрен вам на всю рожу, господа карьеристы! Уже ощущая себя в лучшем случае капитаном, майор Пашкин потянул к себе служебный телефонный справочник, и раскрыл

его на странице, озаглавленной "Саратовская областная администрация".

23. Джек Райан и агент Кларк

Встречу с прикомандированным оперативником Беркович, по настоянию шефа, назначил в подземном торгово-развлекательном центре. Почему Аткинс настаивал, чтобы их не видели вместе в уютной безопасной резидентуре, Алан так и не понял. Да, впрочем, это было неважно. В суете огромной галереи, тянущейся под одной из центральных главных городских улиц чуть ли не на целую милю, можно было устроить совместное заседание Аль-Каиды и Организации освобождения Палестины, и никто бы этого не заметил.

Бродя вдоль витрин в ожидании условленного времени, Алан думал о том, что вот теперь он, уже точно совсем как Джек Райан. У того для исполнения невыполнимых миссий всегда под рукой был супероперативник Джон Кларк со своей международной антитеррористической группой "Радуга Шесть". Конечно, один подчиненный агент — это не целая контора, но все начинается с малого!

Весь вчерашний вечер и сегодняшний день Беркович провел в разъездах, решая разнообразные вопросы — пытался выяснить, куда делась дочь украинского летчика, не проговорился ли ликвидированный людьми Котельникова сосед, оказавшийся, по словам агента, тем самым вандалом, который изуродовал ночью крыло "Тойоты", не оставил ли Сербин каких-нибудь компрометирующих документов. Вся деятельность, собственно, сводилась к ежедневным встречам с Котельниковым и посещением его ресторана, но это, по крайней мере, позволяло держать руку на пульсе, в ожидании, когда придет основная ударная сила.

Руки и ноги Алана ныли от многочасового сидения за рулем но, ожидая встречи с легендарным Опоссумом, он не обращал внимания на усталость. Точнее, это Берковичу казалось, что он не обращает...

— Какая жалость, во всей Украине нет ни одного магазина "Маркс энд Спенсер", — раздался сзади ровный приглушенный голос. — Во всяком случае, я не нашел.

Алан вздрогнул, выброшенный из подкравшейся полудремы, и повернулся. Перед ним стоял коренастый широкоплечий мужчина с плотно сбитой фигурой боксера и невыразительным лицом. Несомненно, это и был тот самый человек, фотографию которого показала ему с монитора Люси.

— Зато говорят, здесь неподалеку есть салон по продаже "Майбах" и "Крайслеров", — от неожиданности Беркович едва смог припомнить дурацкий отзыв.

Они пожали друг другу руки, ладонь у пришельца оказалась широкая, сухая и в меру крепкая.

Алан не знал, как начать разговор. На языке у него вертелось: "Как долетели?", "Где устроились?", но пока Беркович напрягал мозги, пытаясь придумать вопрос, более соответствующий ситуации, Опоссум взял инициативу на себя.

— Может быть, пройдем туда, где можно спокойно поговорить?

— Не желаете ли чего-нибудь выпить? — схватившись за предложение, как утопающий за спасательный круг, тоном доброго босса предложил Алан.

Опоссум все так же невозмутимо кивнул.

Они покинули лабиринт торговых кварталов и спустились по эскалатору в большой круглый зал, расположенный метрах в двадцати от поверхности земли. Там находилась сеть фаст-фудов с общими столиками, а за винтовой лестницей был устроен большой

полутемный бар. Они заказали напитки, Алан — апельсиновый фреш, а Опоссум водку со льдом.

Уединились в дальнем углу на низком диванчике. Беркович, как того и требовала инструкция, занял место спиной к стене, напротив входа. Опоссум же неожиданно поступил как полнейший дилетант. Недовольно скривившись на табличку "No smoking", он окинул цепким взглядом зал, эскалатор и винтовую лестницу, и сел к выходу боком. Алан хотел было сделать ему замечание, но решил на первых порах не злоупотреблять своей властью.

Опоссум поднял высокий стакан в символическом тосте. Чокаться, похоже, он и не собирался. Алан, потянувшийся было за фрешем, кивнул и отдернул руку.

— Зовите меня Айвен.

— Тогда для вас я Алан. Алан Джи Беркович.

— Не удивляйтесь, Алан, — Опоссум говорил негромко, довольно быстро, но очень четко выговаривая слова, почти без всяких эмоций. — Я не нарушил местную традицию. Просто у русских не принято чокаться безалкогольными напитками, не чокаются они и... на поминках. Теперь, пожалуйста, введите меня в курс дела.

Алан, всеми силами стараясь выглядеть солидно — то есть не размахивать руками и не склоняться конспирации ради через стол, шепча на ухо собеседнику — начал рассказывать обо всем, что произошло, начиная с того самого злополучного дня, когда умер Сербин.

Вечер вступал в права, и бар начал понемногу заполняться. Но все прибывающие посетители старались занять места подальше — постоянные нервические наклоны Берковича со стороны очень походили на поцелуи, и собеседников принимали за геев. Несмотря на то, что сомнительные ценности западной демократии все глубже проникали во все слои украинского общества, в Киеве до сих пор брезгливо относились к представителям сексуальных меньшинств, совершенно нетолерантно называя их пидорасами и уебками. Соседний столик заняли было парень и девушка, но Опоссум, продолжая слушать Берковича, слащаво улыбнулся и, незаметно для Алана, провел по его рукаву кончиками пальцев. Со стороны это выглядело как нежное поглаживание, и парочку как ветром сдуло.

Внимательно выслушав Берковича, Айвен чуть заметно поморщился и покачал головой.

— Вы поторопились, — вымолвил он все так же ровно и спокойно, с тенью легкой, почти отеческой укоризны. По крайней мере, так показалось Берковичу. — Прежде чем организовывать устранение, следовало провести в домах квалифицированный обыск и форсированный допрос.

— Время работало против нас, и я принял решение не рисковать.

На самом деле, Алан был в ужасе от произошедшего. Убийство свидетеля организовали без его санкции по распоряжению Котельникова местные бандиты, у которых в этом деле были какие-то свои интересы, связанные с махинациями с недвижимостью и страховками. Ничего не оставалось, как сослаться на непреодолимые обстоятельства, надеясь, что это выглядит не слишком беспомощно.

— Как бы то ни было, вы сильно усложнили задачу. Вот что, Алан, у меня есть дела здесь, в Киеве, поэтому сейчас мы расстанемся и встретимся в этом же баре, время я уточню. Отправимся... на местность, вы введете меня в курс дела и покажете район вероятного нахождения объекта, чтобы я мог спланировать следующие шаги.

Беркович важно кивнул, намекая этим жестом, что он в курсе всех дел и ничуть не удивлен новыми для него планами.

— Где вы остановились? — все же решил он задать начальнический вопрос

— Это не имеет значения, — вежливо, но вполне однозначно отрезал Опоссум.

Алан обиженно засопел. Ничего, подумал он, в Русе мы эту вольницу быстро ликвидируем. Там-то я дам понять, кто к кому прикомандирован.

Перед тем как попрощаться, вопреки предыдущей мысли и намерениям показать, кто здесь начальник, Беркович решил немного польстить собеседнику.

— Вы говорите по-русски совсем без акцента и выглядите как настоящий русский...

— Вообще-то я и есть русский, — ответил Опоссум, сведя на нет тщательно продуманный Аланом комплимент.

Приезжий агент не стал уточнять, что его отец, выходец из питтсбургской русской диаспоры, где с начала двадцатого века хранили традиции исторической родины, воевал во Вьетнаме. В числе прочего — расплыл над джунглями печально знаменитый "Оранж". Дефолиант, от которого четырнадцать процентов территории страны превратились в выжженную пустыню, а три миллиона местных жителей, в основном женщин, стариков и детей, погибли или стали генетическими уродами.

Самолет отца был сбит зенитной ракетой комплекса С-75, которую направил расчет, состоящий из русских "советников". Катапультировавшимся летчикам не рекомендовалось сдаваться в плен живьем, в случае, когда их "принимали" пострадавшие от "Оранжа", летчиков ждала воистину ужасная смерть — разъяренные вьетнамцы были особо изощрены в пытках. Будь прокляты косоглазые, хотя, глядя на фотографии пораженных детей, их можно было понять. Но, конечно, нельзя простить.

Позже, уже работая на ЦРУ, Айвен Рудин — сын бесследно сгинувшего отца — получил доступ к секретным архивам, которые в 1989 году были переданы американцам по приказу Горбачева. К одному из отчетов советских наблюдателей были приложены фотографии казни пленных пилотов, среди которых оказался и числившийся пропавшим без вести лейтенант Алексис Рудин. Казни очень долгой и страшной. Именно после этого Айвен превратился в безжалостного Опоссума, которого командование ценило, прежде всего, за полное пренебрежение к человеческим жизням.

Опоссум получил точные и недвусмысленные инструкции относительно этого нелепого мальчишки, по недоразумению именующегося "оперативником". А потому смотрел на Берковича, как на говорящую куклу — нельзя позволять возникнуть эмоциональной связи с приговоренным объектом, это мешает работе.

— Меня беспокоят оставшиеся члены экипажа, — перед тем, как попрощаться, настойчиво, почти требовательно произнес Беркович.

На сей раз Рудин чуть заметно усмехнулся.

— Не беспокойтесь, Алан! О них уже позаботились...

24. Звонок другу

Мила встает раньше меня, о чем сообщает густой кофейный аромат, который во мгновение ока поднимает из постели и влечет на кухню. Окончательно просыпаюсь, лишь приложившись со всей дури к дверному косяку. Девчонка смеется. Оказывается, пока я беззастенчиво давил на массу, она успела выскочить к близлежащему магазинчику и приготовить завтрак. Хозяйственная девка. Ей бы повзрослеть годков на пять... И внушить, что прежде, чем куда-то нос высунуть, надо спросить разрешения.

Девчонка в своем вчерашнем наряде, и меня снова начинает глотать воспоминания о той ночи. Вернее, даже не воспоминания, а мысли. Было или не было?..

Покончив с мойкой посуды и ее вытиранием, Мила садится напротив. Явно ждет от трезвого и отдохнувшего меня умных мыслей, ценных указаний и прочих откровений. Впрочем, разочаровывать девчонку я не собираюсь.

— Значит так! — изрекаю тоном, не допускающим возражений. — Сейчас строимся на подоконнике...

Мила непонимающе смотрит.

— Шучу! — очень серьезным тоном произношу я. — А если серьезно, то слушай меня сюда...

Даю ценные указания в стиле профессионального выживальщика.

Для начала — закупка, затарка, она же — новомодный "шоппинг". Нам сидеть здесь не один день, поэтому запастись нужно основательно.

Здоровенный сарай-гипермаркет в пятнадцати минутах ходьбы. Это если туда. Обратное бредом не меньше получаса. Мила вошла во вкус... Пачка денег, взятая с собой, изрядно худеет, но если верить девчонке, у нас теперь есть все необходимое. В принципе, готов согласиться — минимум пару недель в осаде мы протянем. Назначения половины покупок вообще не понимаю, похоже, пока я ставил рекорды по литрболу, в индустрии питания и вообще потребления произошла очередная революция.

Ставлю многочисленные пакеты в коридоре.

— Разгребайся, а я до вечера исчезну. Звони если что. Если не что, тоже звони. Цвета телефонов помнишь?

— Ага! — отвечает из недр закупленного "нефорша". — Пока приготовлю чего-нибудь...

На всякий случай быстро экзаменую насчет сотовых и их цветового распределения, выхожу на дорогу, ловлю таксиста-частника и еду на авторынок. С двумя целями. Убить время, естественно, и обзавестись колесами. Транспорт такая штука, что всегда пригодится.

Долго брожу, задалбывая продавцов. Но все же нахожу, что мне надо, и через два часа становлюсь счастливым обладателем темно-красного "Опеля-Астра". У этой машины два огромных преимущества. Во-первых, Опель совершенно не бросается в глаза, и уж тем более не вызывает завистливых взглядов. Не зря же по гаишной статистике — одна из самых неугоняемых машин. Второе преимущество — сугубо техническое. Астра, если верить ребятам из отдела боевой подготовки моей бывшей конторы, это единственная машина с механикой, у которой при "полицейском развороте" не выбивает рычаг переключения передач. Хрен его знает, что нас ждет в будущем. И возможность гонок исключать никак нельзя.

Сразу после улаживания формальностей, которые представляют собой расписку "сумму в качестве предоплаты 100 % за автомобиль марка — номер кузова — регистрационный номер получил. Владелец имярек не возражает против пользования автомобилем до момента переоформления генеральной доверенности", загоняю "немца" на полное ТО. Стопроцентной гарантии от дорожных поломок это не дает, но чувствую себя намного спокойнее...

Денежная пачка опять худеет. Утешаюсь тем, что все это нужды первоочередные и неотложные, дальше можно будет экономить.

По дороге домой, уже на колесах, кручусь по переулкам, проверяясь на момент слежки. Если нас и пасут, то, скорее всего на таком уровне, что обнаружить не смогу. От радиомаячка или жучка где-нибудь под карнизом не уберемся, но и элементарные меры применять стоит. Вне зависимости от лени.

Вроде бы никого. На всякий случай, все же, выезжаю за город и мотаюсь по окрестностям. Могут ведь и машины менять. У серьезной конторы это запросто. Возвращаюсь. Чтобы полностью удостовериться в отсутствии наблюдателей, полчаса сижу в Опеле, не выходя и не опуская стекол. И снова никого и ничего подозрительного.

Вызываю лифт, а сам неторопливо поднимаюсь по лестнице. "Студентов, прогуливающих пары с пивом" или "бомжей, зашедших погреться" тоже нет. Хорошо...

Запах еды слышен уже на площадке. Желудок начинает колотиться о ребра, спеша к соблазнам. Два длинных, один короткий. Слышу быстрые шаги. Дверь открывается. Милы не видно. Умница девочка, все как говорил! На цепочку закрылась и из прямой видимости ушла. Цепочка, конечно, случись что, выдержит недолго, но иногда и двадцать секунд решают многое.

— Свои!

— Свои дома сидят! — моя хозяйюшка справляется с замками и распахивает дверь.

Нет, не умница. Умницы не разгуливают по квартире в одной короткой футболке перед чужим мужиком...

Обхожусь без нравоучений, проскальзывая на кухню.

— А руки?!

Бедный Витя Сербин... Я бы с таким контролем не то, что пить бы начал, но и к "Моменту" пристрастился. Захожу в ванную, мою руки, вытираю свежешепешенным полотенцем. Хмыкаю. Времени Мила не теряет.

На кухне меня сбивают с ног запахи. На холодильнике громоздится стопка кулинарных книг. Взгляд скользит по пестрым козырькам, натывается на "100 рецептов крепких алкогольных напитков". Не удержавшись, снова хмыкаю. Мила обижено сопит и лезет в холодильник.

Рядом с тарелками появляется запотевшая бутылка голубой текилы.

— Вот, купила тебе, — вроде как оправдывается, — пишут, что от нее голова утром не болит. Даже если выпить много... Стоит, правда, дорого.

Беру бутылку, мельком просматриваю этикетку. Возвращаю и почти без сожаления произношу:

— Обрато поставь. Я же вроде как за рулем теперь.

Чего больше в глазах у Милы, радости или удивления, разобраться не успеваю. Девчонка кидается обратно к холодильнику, прячет бутылку. Пусть там и лежит. Счастливое дите, думает, что я встал на путь исправления от вредных привычек. Не рассказывать же, что по

опыту работы в подпольном разливочном цеху, от подкрашенной гадости, которую она купила, голова болит гораздо сильнее, чем от казенки...

Впрочем, насчет бухла Мила отчасти права, я действительно становлюсь трезвенником. Принудительно, поскольку в нашем положении выживание зависит от трезвой головы, соответственно, между стаканом и смертью дорожка самая короткая. Выпить хочется просто зверски, но жить хочется еще больше. Мрачно бычусь, надеясь, что болезненное выражение физиономии сойдет за думы о сложностях жизни.

* * *

Три дня проходят по стандартной схеме. Едим, спим в разных комнатах, бездумно тарачимся в телевизор, который то и дело сбивается на местные новости по поводу Майдана. Веселье там пошло на очередной виток. Из-за чего вся буза я, если честно, так и не понимаю. Мила пытается разъяснить, но, увидев бессмысленность, обзывает меня "застрявшим в политическом анабиозе" и машет рукой. Не до того. Утром и вечером катаюсь проверять связь по компьютерным клубам. Хорошо, что их в Киеве много, можно не повторяться. Однако в "левый" ящик кроме вездесущего спама ничего не приходит. И ведь фильтр не поставит, так можно и полезное письмо прозевать.

В принципе, как раз в задержке ничего опасного нет. Даже наоборот. Встретились мы в субботу вечером, в воскресенье Серега мог думать, прикидывать. Возможно, с кем-то встречался неофициально, перед тем как дать делу законный ход. Машину госбезопасности он мог запустить только в понедельник, не раньше. А машина та — она тяжелая на подъем. Пока "входящие" исполнителям распишут, пока те, перестраховываясь сто раз, исполняют докладные записки, даже с пометкой "срочно" как раз дня три и пройдет. И тут уж непременно потребуют меня-хорошего на ковер...

На четвертый день начинаю понемногу мандражировать. Настолько, что едва не сваливаюсь снова в алкогольное снятие стресса. Едва ли не за уши себя от холодильника с паленой "текилой" оттаскивал. Если дело затянулось, мог же Серега, гад такой, хотя бы коротко отписать, сиди, мол, мой пьющий отставной друг, тише воды ниже травы, и не отвечивай до сигнала, которыми будут три зеленых свистка... Чувствуя мое состояние, Мила ходит, как пришибленная, молчит сумрачной тенью.

На исходе сорок восемь резервных часов. Теперь уверенность в том, что, обратившись к приятелю, я по национальной традиции наступил второй раз на грабли — почти стопроцентная.

Первый раз это было два года назад, когда я, молодой и перспективный капитан, одержимый служебным рвением, густо замешанном на честном патриотизме, одним махом лишил себя должности, семьи, жилья и будущего...

В прошлой жизни я не работал ни контролером, ни наклеивателем фальшака на фальшак. Да и пил разве что в выходные, как раньше в каком-то из советских кодексов писалось — "в умеренных количествах по значимому культурному поводу". А служил в Управлении государственной охраны. УГО, а по-украински — УДО. Его часто путают с хозрасчетной службой МВД, но мы не "коммерсанты". Мы — наследники "девятки" КГБ как бы это пафосно не звучало. И в наши обязанности входит, согласно соответствующему

Закону Украины статья тринадцать, абзац четыре: проводить гласные и негласные оперативные мероприятия с целью предотвращения покушений на должностных лиц, членов и объекты, в отношении которых осуществляется госохрана, выявления и пресечения таких посягательств... Именно там, где проводят "негласные мероприятия", я и служил — в глухо засекреченном оперативно-следственном отделе.

На шестом году службы я возглавлял отдельную группу из девяти опытных сыскарей, собранных по регионам в основном из отделов по борьбе с организованной преступностью. Тогда как раз бушевала затянувшаяся мода на все американское, поэтому группу назвали "Отделение перспективных исследований". В разговорах же внутри конторы все, не исключая и высокое, часто меняющееся начальство, называли нас, как у братьев Стругацких "группой свободного поиска".

Правда, мы мало походили на толерастических пидорасов из гламурной говнофильмы Феди Бондарчука. Хмурые мужики с мордами успешных уголовных авторитетов и навыками резидентов разведки, занимались (снова см. статья тринадцать, но уже абзац три) "обнаружением и предотвращением заговоров и покушений, направленных против охраняемых лиц".

Работы "по профилю", правда, было совсем немного. Точнее не было вовсе. К "самоубийствам" министров, которыми сопровождалась каждая смена власти, следственное управление Генеральной прокуратуры не подпускало нас на пушечный выстрел: правящая верхушка предпочитала сводить счеты в узком кругу. Подозрительные инфаркты, странные автокатастрофы и случайные выстрелы на охоте тоже нас не касались. Ну а потенциальная целевая группа — фанатики, психи, террористические группировки и профессиональные киллеры, по специфике Украины, не были озабочены покушениями на слуг народа, им хватало работы и в большом бизнесе.

В общем, за все время существования службы не было зарегистрировано ни одной подготовки к покушению, поэтому нашему отделу только и оставалось, что "ходить туда, не знаю куда, искать то, не знаю, что". То есть шерстить экстремистские группировки да, пользуясь своими почти неограниченными полномочиями, проводить оперативные разработки преступных организаций на предмет подготовки покушений и терактов. Ну и еще, время от времени, отлавливать по ходу дела упырей без погон и оборотней в погонах, и сдавать материалы в дружественные ведомства. По бартеру. Им раскрытие — нам коньяк.

Жизнь била ключом. Премии — официальные и в конверте, радовали карман. Я рвался на должность замначальника отдела, видел во сне майорские погоны и рыл землю, будто матерый кабан. Срок выслуги-то уже подходил...

Тогда и стартовала цепь событий, приведшая в Русу.

В один совсем не прекрасный день, разбираясь с ежемесячным анализом региональных сводок по линии МВД, я наткнулся на интересные сведения.

В одном из богом забытых районов Галичины, славным разве что массовым экспортом гастарбайтеров в Западную Европу, блядей в Москву и кадрового резерва массовок вечно бурлящего, словно деревенский сортир с дрожжами, Майдана, вдруг активизировалась чеченская диаспора. Да так рьяно, что аж завидно.

Если верить отчету, не верить которому поводов не было, то с полгода назад все торговые точки и лесозаготовительные фирмочки, с которых существовал этот край, перешли под контроль всяческих Бидонов Отстоевых и Камазов Отходовых. Ознакомительная поездка подтвердила сухие строки отчета. Разнообразнейшие "лица

кавказской национальности" чувствовали себя хозяевами жизни и района. Ходили, не пряча оружия, вернее, выставляя напоказ. По "древнему и красивому" обычаю первобытных людей ловили на улицах девчонок. Для оказания сексуальных услуг, так сказать... Ко всем прочим радостям уголовной философии детей гор, в районе тут же зафиксировали всплеск наркомании.

В конце концов, после нескольких запросов, не обошедшихся без легкой драки и перепрыгивания через голову командования, мне на стол легла тощая папка ОРД. Оперативно-розыскное дело открывалось заявлением отца пятнадцатилетней девочки, изнасилованной то ли пятью, то ли шестью "носорогами". Отец — артиллерист, подполковник запаса, после увольнения вернувшийся в родной городок, человеком оказался неглупым и опытным. Заявление подавал не дома, а в Киеве. И не в "долгий ящик", висящий в бюро пропусков на улице профессора Богомольца, а прямо в экспедицию на Владимирской^[35].

Ветеран был штабной и законы знал. Менты покривились, но заявление вынужденно приняли. И даже изобразили видимость отработки. На том дело и закончилось.

Получив официальный предлог, я решил отработать заяву силами своих волкодавов. Но после звонка в управление, с целью выяснения окончательной судьбы заявления, обнаружились интересные подробности. Подполковник его забрал, сам же вместе со всей семьей поспешно уехал в Россию. Само собой, что прокуратура отказала в возбуждении уголовного дела "за отсутствием состава преступления", баба с возу — кобыла в курсе дела.

Запугали артиллериста нехило, так что супостатов нужно было учить. И проучить. Дело казалось простым и быстрым. Мы-то, в отличие от крепко повязанных с криминалом ментов, могли подготовить материалы и дать им ход по своей линии. После чего в дело вступал центральный аппарат СБУ, прикрываемый, как правило, ребятами из столичного "Беркута". Соответственно, вырисовывался отличный повод потренировать личный состав. Да и продемонстрировать, какие мы полезные и умные — никогда не лишне.

Основной источник творящихся пакостей обнаружили сразу. Носороги дислоцировались (не проживали, а именно дислоцировались) на территории расформированной еще в девяностые части. Территорию эту не так давно выкупила фирма, реальные хозяева которой терялись в цепочке подставных "бабочек". Пришлось поработать наружкой.

Трое суток скрытого наблюдения показали, что за колючкой укрыт не склад левого барахла или подпольный ликеро-водочный цех (привет тебе, славный поселок Руса!), а действующая база по подготовке боевиков. Притом не только горных, но и наших, местных. Компания там подобралась знатная и претендующая на своеобразный интернационал. Недобитки из УНСО. "Белый Легион" из братской Белоруссии. Даже несколько придурков из российского "Славянского Союза" водилось в том зоопарке...

Для надежности был взят "язык". Вдумчиво и с расстановкой снятые показания записали на видео. "Гость" признался, что попал на землю Украины через Грузию. Туда же и направлялись очередные "выпускники". И явно не для того, чтобы пасти баранов на границе Чечни и Осетии...

Вертя в мыслях дырку для ордена и, опять же, мысленно примеряя майорские погоны, я помчался в Киев. Сдал захваченного боевика в СБУ-шный изолятор, и поспешил к непосредственному начальству, на бегу причесав дело и зарегистрировав в канцелярии видеокассету допроса. Ну да, видеокассету.

Украинская Фемида в лице Уголовно-процессуального кодекса, его дополнений и пояснительных писем Верховного Суда запись на цифровых носителях в качестве доказательств не признает. Чтобы ее использовать, требуется либо предварительно одобренное судом прослушивание с опечатанной аппаратурой, либо особая экспертиза стоимостью в автомобиль и записью в очередь на два года вперед. Потому, если обратили внимание, все крутые опера и опытные адвокаты непременно с собой таскают устаревшие пленочные диктофоны. Была и у нас для этих целей боевая старушка "Sony" формата Video 8. Которая и легла на стол заместителю начальника управления, полковнику, недавно переведенному к нам из центрального аппарата МВД.

Через неделю, обозлившись от ожидания и сделав хотя закономерный, но ошибочный вывод, что меня решили оттереть, дабы самолично получить причитавшиеся плюшки, я прорвался в кабинет, разогнав пинками стаю секретарш и адъютантов.

И стали всплывать подробности происходящего. Вонючие такие, гнилые подробности...

Оказалось, что дела как такового нет. Кассета, как "признания, сделанные под давлением" уничтожена "ради моего же блага". А незаконно задержанный мирный гражданин Йемена, пребывающий на Украине совершенно легально, с извинениями отпущен на свободу. Во избежание, так сказать, дипломатического скандала и международных обвинений Украины в недостаточной демократичности.

Как выяснилось, орать на замначальника управы прямо у него в кабинете очень глупо. И даже если ты уверен на все сто, что толстожопому пидору полкану заткнули пасть толстой пачкой денег охувшие нохчи, не следует это высказывать в присутствии подчиненных. Еще большей глупостью оказалась угроза подать в генпрокуратуру заявление о коррупции. И полным идиотизмом стало приведение этой угрозы в исполнение. Я-то наивно думал, что подготовка бандитов не может быть санкционирована с самых верхов. Оказалось — может.

Нет, меня не расстреляли из пяти автоматов, как легендарного комиссара Катани, и даже не "исчезли усекновением головы", как скандального журналиста Гонгадзе. Поступили гораздо изящнее. Генеральная прокуратура строго по закону отфутболила заявление о совершенном преступлении в мою контору "для проведения оперативной проверки". А дальше материал развалился в три дня за "неподтвержденностью изложенных фактов".

Меня, опять же строго по закону, временно отстранили от должности на время проверки. Правда, по ее завершении восстановить забыли. Вскоре в коридорах от меня шарахались, как от чумного. А через месяц, когда Верховная наша Рада с целью "более эффективного использования бюджетных средств, оптимизации структуры правоохранительных органов и улучшения деятельности государственной охраны" сократила на треть наш отдел, меня вывели за штат.

Просидев пару месяцев на одном лишь окладе "за звание", без должностных и ведомственных добавок, да и без ставшего привычным конверта, я психанул и написал рапорт на увольнение. Особо не беспокоился, спецы из нашей конторы нарасхват у коммерсантов. Однако, как быстро выяснилось, спрос на меня как на узкопрофильного специалиста в Украине равен нулю.

Такого просто не могло быть, однако же — получилось. Конечно, не существовало никаких "черных списков", куда меня включили бы. Но... Любая контора, которая могла меня взять или собиралась взять на службу, быстро узнавала, что делать этого категорически не стоит, поскольку я нацист, садист, людоед, казнокрад, тайный москаль, съевший все сало и вообще враг прогрессивного человечества. С рекомендациями, которые исходили из самых

верхов, спорить никому не хотелось. Оставалось уйти в откровенный криминал, но я бы скорее удавился. Есть понятия, через которые не переступают, что бы не случилось.

Когда жизнь начинает рушиться уже не по кирпичику, а целыми стенами и этажами, достаточно дать первую слабину. Дальше само пойдет. Я не удержался, слишком привык, что за мной всегда сильная государева рука. Рюмка, другая... Сначала просто, чтобы снять напряжение, потом, чтобы уснуть. После уже просто так, чтобы не смотреть на поганый мир трезвым взглядом. Не вспоминать, что потерял и не задаваться одним и тем же вопросом — может, все-таки следовало поступить по-другому?..

И все окончательно покатило под окос.

От воспоминаний про первые грабли отвлекает Мила. Несет какую-то ерунду насчет того, что "ну вот, еще немного, и все, наконец, закончится, наверху разберутся, может медаль дадут...". Никак не могу понять, что на нее нашло и чего она вдруг меня утешает. А затем понимаю, что не меня — себя она успокаивает. И тут девочку наконец прорывает.

Все, что копилось у нее на душе за минувшие дни, выплескивается разом на мою, пусть уже не такую больную, но и не очень здоровую голову. Это не истерика и не рыдания, скорее тихое-тихое подвывание с безумной тоской и обреченностью в глазах. В таком состоянии и за окно шагают, и бельевую веревку намывают...

Не знаю, что делать... всякое в моей жизни случалось, а такого вот — никогда не бывало. В конце концов просто обнимаю ее и долго глажу по голове, как котенка, пока слезы пропитывают футболку у меня на груди. Наконец Мила засыпает, сразу и накрепко. Тихонько, осторожно укрываю ее пледом.

Мне пора.

Честно дождавшись истечения сорок восьмого часа, еду на Петровку. Там расположена куча супер- и гипермаркетов, книжный и вещевой рынок, а потому всегда огромное количество людей. У входа-выхода метро, как и положено батарея таксофонов.

— Доброе утро! — набрав номер и услышав "алло" произношу, стараясь говорить не своим голосом. С Аленой мы знакомы давно, может меня узнать. — Будьте добры, Сергея позовите...

— А вы кто? — далекий женский голос с трудом пробивается сквозь сдавленный усталый плач. Да что ж такое, как сговорились эти бабы. Только через пару мгновений до меня все доходит.

Твою ж мать...

— Вы разве не знаете? — Алена, не дожидаясь ответа, бросается в рассказ, будто многократное его повторение может принести облегчение. — Сережа погиб. Он в воскресенье на работе до ночи был. А в понедельник взял отгул и поехал с ребятами в Новоукраинку, на подводную охоту. Пропал, так и не нашли. Там же ямы кругом. Ил, протоки... Мы поминаем сегодня. Если вы его друг — приезжайте. Тут все собрались...

Неуклюже уточняю адрес, обещаю быть "минут через сорок". Промахиваюсь трубкой мимо рычага, попадаю лишь со второго раза. Бреду сквозь столичную толпу, не разбирая дороги и сталкиваясь с матерящимися прохожими. Чувствую, как за мной крадется, неслышно переставляя лапы, здоровенный, размером с маршрутку, зверь.

Полный Песец.

25. Эльдорадо

Самолет VIP-класса снизился до полутора тысяч метров и двинулся по широкому прямоугольнику, ожидая, когда освободят взлетно-посадочную полосу. Виктор Морган откинулся на мягкую бежевую спинку кресла и прикрыл глаза тяжелыми веками.

С высоты птичьего полета три авианосца, дрейфующие неподалеку от плавучей базы "Эльдорадо", смотрелись акулами рядом с кашалотом, а корабли сопровождения авианосной ударной группы казались и вовсе мелкой салакой. Единственный пассажир чартерного "Гольфстрима", не отрываясь, глядел в иллюминатор на плавбазу и вспоминал все, что ему было известно об этом удивительном творении человеческих рук.

Это был даже не корабль, а искусственный остров, который не имел собственного двигателя и передвигался с помощью четырех специально предназначенных для этого буксиров. Его двухкилометровое "тело", сверху похожее на гигантскую сколопендру, состояло из отдельных секций, имеющих надводную и подводную части, соединенных между собой колоннами.

Такая конструкция позволяла почти полностью компенсировать волновые колебания даже при сильном шторме. Поэтому плавбаза принимала самолеты практически в любую непогоду и, к тому же, оказалась избавлена от традиционного риска обычных судов — возможности переломиться на особо крутой и высокой волне.

"Эльдорадо" сошла с самой крупной верфи Восточного побережья в Норфолке и была первой из шести подобных баз, заказанных Пентагоном. Две последующих — "Атлантида" и "Валгалла" — предназначались для Атлантического, а три проекта третьей очереди — "Шамбала", "Авалон" и "Эдем" — для Тихоокеанского флота. В течение десяти лет по расчетам стратегов эти плавучие острова, названные в честь мифических земель, должны были усилить военное присутствие США "до полного доминирования в регионе".

Размещенные в нейтральных водах, они, в отличие от авианосцев, могли обеспечивать взлет не только самолетов палубной авиации, но и больших транспортных бортов. Военные группировки, опирающиеся на эти универсальные океанские аэродромы, более не зависели от того, предоставят ли им союзники лагеря для дислокации и аэродромы подскока. Плавбазы позволяли воплотить в жизнь мечту американских стратегов, оформленную еще в 80-х годах — возможность за считанные часы превратить в поле боя любую точку мира.

Увы, на фоне развернутого "менялами" сокращения военного бюджета судьба остальных баз оказалась весьма туманной. В свое время "оружейники" успели протолкнуть проект, пока у власти был их президент. Теперь новые хозяева Белого Дома намеревались вывести из состава флота даже несколько авианосцев. Так что морские титаны рисковали закончиться на первом и последнем представителе своего класса.

Бортовой ядерный реактор, питающий всю конструкцию, обеспечивает временную энергетическую автономность до пяти лет. Общая площадь палубных и трюмных хранилищ составляет 250 000 квадратных метров. Суммарная емкость бортовых танков 40 000 метрических тонн горючего — что по масштабам сопоставимо с размером армейского нефтехранилища. Палубные ангары вмещают 250 самолетов и вертолетов, а жилые отсеки дают возможность размещать на борту экспедиционную бригаду морской пехоты, в состав которой входят около 3700 солдат, 58 танков "Абрамс", 80 боевых разведывательных машин "Бредли", а, кроме того, тактические ракетные комплексы и средства противовоздушной

обороны.

Плавбаза с постоянным составом, размещенные на ней морпехи и авиакрылья, а также ударная авианосная группа подчинены единому оперативному командованию, которое, кроме всего прочего, имеет в своем распоряжении несколько сот крылатых ракет "Томагавк", оснащенных системами высокоточного наведения. Такие ракеты могут нести ядерную боеголовку мощностью до пятидесяти килотонн. Пассажир также знал, что в дополнение к традиционному вооружению арсенал плавучей базы содержит под надежнейшей охраной двенадцать боеголовок W-80 мощностью 200 килотонн...

В голове у советника вдруг всплыли бессмертные строчки:

У сумрачных скал он тень повстречал:

"О тень, всем надеждам преграда,

Поведай ты мне, в какой стороне

Смогу я найти Эльдорадо?"

Ищи за несметным сонмом планет.

Ни в чем я тебе не преграда.

Спускайся скорей в долину теней,

И там ты найдешь Эльдорадо!^[36]

Отгоняя странные мысли, в салон вошла стюардесса и, расплываясь в улыбке, сообщила, что им наконец-то дали добро на посадку, но так как самолет приземляется над водой, необходимо соблюсти обязательные меры безопасности. Не дожидаясь согласия сановного пассажира, она принялась хлопотать вокруг, пристегивая его к мягкому кожаному креслу.

"Хороша, — оглядев девушку с макушки до каблучков и вдыхая аромат духов, подумал советник. — На обратном пути посмотрим, кто кого будет пристегивать, а кто кого расстегивать. Это не Вашингтон, где опасно даже "Плейбой" листать....

Посадки и взлеты на плавбазе проходили с частотой и регулярностью крупного гражданского аэропорта. На палубе постоянно ощущалась нехватка свободного места, поэтому сразу же после приземления самолет отбуксировали к лифту и опустили на два яруса вниз.

После того, как раздвинулись решетчатые ворота, приземистый электротягач, питавшийся от шины, проложенной по середине коридора, оттранспортировал самолет в закрытый отсек, по размерам не уступавший обычному аэродромному ангару. Командир воздушного судна получил разрешение открыть люк только после того, как технический персонал покинул помещение, а вход в него закрыли раздвижные ворота.

Советника встречал у трапа сам здешний царь и бог — командующий оперативной группой, двухметровый генерал в рубашке с короткими рукавами и форменной пилотке. Командующий старательно подражал своему кумиру — Дугласу Макатуру (может, кто другой? Хуевый ведь генерал, просравший все), поэтому стоял, сжимая в зубах незажжённую кукурузную трубку и картинно сверкал зеркальными солнцезащитными очками "Поляроид", которые носил, несмотря на искусственное освещение в отсеках.

Невысокий советник почти утонул в волосатых лапищах старого приятеля, а наблюдавший за встречей техник-сержант, ухмыльнувшись, подумал, что эта встреча напоминает объятия орангутанга с пингвином.

— Мэтью, тебя нужно снимать для вербовочных плакатов, тогда число желающих пойти на службу увеличится раза в три, — умилился советник.

— А что, Виктор, в стране снова, как во времена Вьетнамской войны, не хватает добровольцев? — отозвался командующий.

— Пока что такой проблемы нет, но кто знает, что будет дальше? В следующий раз я прихвачу с собой съемочную группу из "Парамаунт" и двух-трех старлетов, сделаем рекламный ролик за счет бюджета Министерства обороны!

— Со старлетками и здесь нет проблем, дружище, — в голосе генерала проявились нотки мужской хвастливости, сдобренные щепоткой скабрёзности. — У меня в подчинении полевой госпиталь, причем кандидатуры сестер и врачей женского пола утверждаю я лично. Так что сам понимаешь... Кстати, если захочется экзотики, как в старые добрые времена, то не забывай, что мы находимся в центре Оманского залива. Мне стоит лишь бровью пошевелить, как в Дубай вылетит на "специальную операцию" дежурный вертолет.

Советник в ответ тяжело вздохнул с видом неподдельной скорби. Печаль была вполне искренней, Морган не чуждался экзотических развлечений.

— К сожалению, Мэтью, я прибыл по другим делам. Извини, что не предупредил заранее, дело серьезное и не требует отлагательств. Есть разговор.

— Нет проблем, дружище! Только вначале давай-ка спустимся ко мне в нору, на ленч.

Генерал поднес к губам переговорное устройство, отдал несколько коротких распоряжений, касающихся заправки "Гольфстрима" и, положив руку на плечо старого приятеля, зашагал с ним в обнимку по направлению к служебному лифту.

"Нора" командующего располагалась ниже уровня моря, в одном из поплавков, поддерживающих титаническую конструкцию. Подводный офис состоял из приемной, кабинета и столовой, выполнявшей по совместительству роль конференц-зала.

В зале, где уже был накрыт "скромный ленч" (по самым осторожным прикидкам советника президента, обошедшийся налогоплательщикам не меньше чем в тысячу долларов), часть внешней стены была сделана из сверхпрочного стекла, так что, сидящие за столом могли наблюдать за плавающими рыбами, что делало помещение точь-в-точь похожим на ретрофутуристические декорации из фильмов про Джеймса Бонда. Помощнику стало несколько неуютно от осознания того, что над их головами плещутся тонны океанской воды, но чтобы не обидеть хозяина, он не подал и виду...

Дополняла картину гордо продемонстрированная хозяином спальня-будуар в стиле Людовика Четырнадцатого, с огромной кроватью под балдахин. Надо полагать, именно здесь проходил собеседование женский персонал "Эльдорадо".

Свежевыловленных лобстеров подавал стюард — афроамериканец с нашивками сержанта ВМФ.

— Что вообще происходит, Виктор? — перешел к делу генерал, при помощи специальных клещей ловко расправляясь с огромным морским раком, которого, по его заверению, поймали лишь час назад. — Боевая готовность штабов повышена, увольнения сокращены, офицеры по воспитательной работе, а вместе с ними агенты МВБ, черт бы их побрал, в третий раз под микроскопом просматривают личные дела, выявляя неблагонадежных и выходцев со Среднего Востока. Вы что там, все-таки задумали долбануть

по Ирану?

— В мире неспокойно, приятель, — отвечал, косясь на стены, советник, одновременно смакуя шампанское "Дом Периньон". — Есть информация о готовящихся терактах.

— "Талибан", "Хезболла"? ООП? — ухмыльнулся генерал. — Эти байки ты своим приятелям из ЦРУ рассказывай, только не мне. Может, еще про Бен Ладена вспомним?

Командующий отрицательно покачал головой и сделал круговой жест указательным пальцем, показывая на потолок. Советник понимающе кивнул и перевел разговор на воспоминания о последней войне в Ираке, во время которой, собственно, и познакомились молодой полковник и скромный клерк из сенатской комиссии.

Не сговариваясь, они поспешили закончить "короткий" перекус и, к облегчению Моргана, поднялись на скоростном лифте, который мог бы являться предметом законной гордости любого фешенебельного отеля. Здесь, на одной из общедоступных палуб, конечно, их разговор тоже могли прослушать. Но это было бы куда сложнее — слишком много мест, где могли уединиться для беседы старые компаньоны.

— Ты почти прав, Мэтью, — советник без предисловий продолжил прерванный разговор. — Дело тут не в наших пугалах для СМИ. Ребятам в ЦРУ удалось узнать, что некие... некая террористическая группа исламистов готовит теракт, по сравнению с которым события одиннадцатого сентября могут показаться разбитым из рогатки окном. Только, к счастью, на сей раз, он направлен не на нас, а на Россию. В подробности пока посвящать тебя не могу, скажу лишь одно. Принято решение закрыть полученную информацию от русских, дождаться результатов и поставить чистоплюя, который окопался в Овальном кабинете, перед необходимостью решительных действий.

— Значит, Россия? — негромко уточнил генерал, раскуривая трубку. Новость он принял в точном соответствии с положением — со сдержанным спокойствием.

— Совершенно верно. Теракт будет иметь такие масштабы, что Россия на время окажется полностью деморализованной.

Генерал понимающе кивнул. Темные очки скрывали глаза и не давали собеседнику понять, что он при этом думает.

— Когда?

— Совсем скоро, — сказал советник. После некоторой паузы и едва заметного колебания он добавил. — Через неделю-другую.

— Теперь понятно — вымолвил генерал, пуская длинную струю дыма. — Стало быть, если это произойдет, мы займемся, наконец, "активным миротворчеством", или, как сами русские говорят, "принуждением к миру"?

Морган ухмыльнулся.

— База террористов находится в Курдистане. Отсюда две с половиной тысячи километров. Скорее всего, ты получишь приказ на проведение масштабной антитеррористической операции...

— Вот это другое дело, дружище! Лучшая новость за последние несколько лет. Слушай, если ты не спешишь, то вечером я прикажу дать спектакль нашему гарнизонному варьете. Сам понимаешь, та, в которую ткнешь пальцем — твоя. Ну а до утра или чуть позже — как решит твой мастер Дик.

— Это, к сожалению, не все, Мэтью, — наступала самая неприятная и скользкая часть разговора, поэтому Морган мысленно выдохнул и мысленно же перекрестился. — В деле есть один нюанс. Результатом рейда должно быть классическое SNAFU^[37]

— Нужен громкий провал? — ворчливо уточнил Мэтью. — В таком случае, я отправлю не своих ребят, базирующихся на базе, а морпехов из Тикрита.

— Да хоть роту почетного караула, лишь бы были потери! Сразу же после доклада о том, что рейд закончился неудачей, ты дашь команду на пуск "Томагавка" с тактическим ядерным зарядом. Риск удачной операции, конечно, имеется, но это твои проблемы...

На самом деле Морган ни капли не рисковал. Ему было известно, что база курдских террористов был защищена двумя русскими зенитными комплексами, способными отбить и более серьезное нападение. Об этом он знал совершенно точно, так как лично контролировал их поставку Джамалю.

Генерал помолчал, с видом задумчивой рассеянности попыхивая трубкой. Теперь он действительно был почти неотличим от "Неукротимого Дуга".

— Понимаю. После такого удара наш Плаксивый Ковбой потеряет контроль над ситуацией и, обделавшись, подаст в отставку, либо будет подвергнут импичменту... Стало быть, хотите, чтобы у меня были руки по локоть в крови? — спросил в пустоту генерал, глядя мимо собеседника. — А знаешь... есть вариант попроще. Ты, Виктор, прибудешь сюда незадолго до событий и лично, от имени президента отдаешь мне распоряжение. Таким образом не нужно будет морочить голову и подставлять мою задницу.

— В этом не будет необходимости, Мэтью. Я, как советник, могу отдавать распоряжения от имени Президента на именном бланке. Если... точнее, после того, как я это сделаю, у тебя будет приказ самого Верховного.

— А если вы, по своим масонским привычкам, "под давлением общественности" отдадите меня под суд?

Помощник хмыкнул и посмотрел на генерала снизу вверх. В его взгляде сквозило уважение пополам с угрозой.

— Если согласишься, и все получится, ты станешь вице-президентом, а также членом совета директоров "Калибертон". В этом тебе предоставят любые гарантии, вплоть до подписанного контракта, вступающего в силу при определенных условиях.

— А если я откажусь?

— Через час после моего возвращения в Вашингтон будет подписан приказ о твоём переводе в один из штабов. Ты переедешь в Пентагон, где у тебя под началом окажется кабинет размером восемь на десять футов и старая чернокожая секретарша. А каждому третьему встречному в коридоре ты, бригадный генерал, будешь отдавать честь и говорить "сэр".

— Это если я не подниму шум... публичный, с помощью своих знакомых и прессы, — усмехнулся генерал, но в его словах не слышалось искренней злости. Скорее спортивный интерес. Пока политик и военный не столько обменивались угрозами, сколько прощупывали возможную выгоду и собственную страховку на случай недобросовестности "партнера". Поэтому помощник сделал вид, что не услышал, и продолжил речь.

— Если согласишься и исполнишь то, что требуется, но ситуация выйдет из-под контроля, дело до суда не дойдет. Ты исчезнешь. Федеральная программа защиты свидетелей, паспорт любой страны и тридцать миллионов неотслеживаемым трансфертом на указанном тобой счету.

— Слушай меня внимательно, дружище, — генерал докурил трубку и мощным щелчком отправил ее за борт. В этом простом жесте отразилась вся буря эмоций, что обуревала внешне невозмутимого командующего плавбазой. — Ты со своими нынешними шефами,

наверное, решил, что мы, армейцы, совсем тупые? Твои гнилые ФБРовцы, с их "программами защиты свидетелей", которых убивают, как кроликов в загоне, мне нужны, как рыбке зонтик. За три дня до начала операции на номерном счету в Белизе, который я укажу, должно лежать сто миллионов — и только попробуйте заблокировать счет или отследить мои деньги! Одновременно с приказом на применение ядерного оружия у меня на руках должен находиться оригинал помилования, подписанный лично Президентом, с открытой датой. Иначе я и пальцем не пошевелю.

Советник сморщился, словно его заставили раскусить незрелый лайм. Требования генерала проходили по самой верхней планке, но все же оставались в пределах разумного. И, что немаловажно, выполнимого. Однако Морган не мог единолично гарантировать удовлетворение столь высоких запросов, требовалось хотя бы формальное одобрение коллег.

— Дай команду своим, чтобы готовили мой самолет к вылету. Ответ получишь через день-два.

Дежурный офицер наблюдал с верхнего яруса палубной надстройки за тем, как его шеф и какая-то большая шишка из правительства прощаются. Далеко не так тепло, как встретились, но все же вполне дружелюбно. "Босс опять по бабам рванет в Дубай или Фуджейру" — беззлобно подумал дежурный. Сексуальная ненасытность командующего, о которой, несмотря на новомодные веяния относительно "харрасмента" ходили легенды, была предметом особой гордости всего личного состава подчиненной ему группировки.

26. Спасение утопающих

Из прострации меня выводит писк сигналов точного времени, что доносится от ларька, торгующего музыкальными дисками. "Радио-Маяк", ежечасный пятиминутный блок новостей. Три часа дня. Оказывается, двигаясь как робот, я свернул сторону книжного рынка и теперь плетусь вдоль бесчисленных раскладок, среди негустой по буднему дню и рабочему времени толпы. Бейсболку я оставил в машине, и тяжелое августовское солнце нещадно жарит макушку, давит на психику. Точнее на те ошметки, что от нее остались.

Соображается все еще туговато, но понемногу наступает хоть какое-то просветление. Которое, впрочем, приносит новые страхи — теперь в каждом встречном мерещатся враги. Кто же за мной следит? Не "следят ли", а именно "кто следит?". Вот те два студента, что стоят у большого лотка с компьютерной литературой и вертят головами по сторонам? Или устроившийся в тени забора хлопец-инвалид, который при виде любого мужчины бормочет, вроде как себе под нос: "Порнушка, порнушка..."? А может меня пасет вон та библиотечного вида девица в очках, которая бросила из-за своих диоптрий вполне кокетливый взгляд? Ууу, блядская её душа, замаскированная под серую мышку! Нет, это, скорее всего, быдловатый лавочник в остроносых туфлях. Одной рукой крутит на пальце брелок сигнализации с эмблемой "БМВ" и автомобильными ключами, в другой держит стопку дисков, наиновейшие пиратские "эcranки". Проходя мимо, он окидывает меня таким взглядом, будто я ему минимум штуку баксов должен. Да ну, глупость какая. Если бы зацепили у телефонов, то там бы и взяли. А паранойя имеет простое объяснение — хочется выпить, как никогда. Черт возьми, какой уже день я трезвенник поневоле? Узник абстиненции...

Как говорится, нахер-мазоx. Зайду куда-нибудь, соточку жажну. Успокоиться надо и мозги прочистить. А то ведь все, аллес. Край, капут. Уходить огородами и к Котовскому. Во рту разливается знакомый привкус похмельной желчи. Выпить! Ухнуть сто грамм обжигаяще холодной водки, а там видно будет...

Позже я понял, что от неминуемого запоя меня тогда спасла простая случайность. Сверни я от метро не направо, а налево, то неминуемо попал бы на вещевого базар, напротив которого в зоне прямой видимости располагалось с десятков разнокалиберных наливаек-гандельков. Я бы непременно зашел в первый попавшийся бар, чтобы "немного успокоить нервы", при этом утешая себя заведомо лживой мыслью, что сто грамм мне — как слону дробинка. Но даже тому самому слону было понятно, что стоит опрокинуть первый стопарь — и мое ближайшее будущее (по крайней мере, на пятнадцать суток вперед), можно предсказать с точностью до камеры предварительного заключения ближайшего райотдела.

А так, не обнаружив в пределах досягаемости вожделенной подпитки, сидящий во мне алкоголик с недовольным ворчанием прячется где-то в глубине, уступая место оперативнику. Справившись с первым, самым опасным позывом, облегченно вздыхаю. Еще раз, но уже без паники оглядываюсь и медленно бреду вдоль книжных раскладок, машинально разглядываю обложки продающихся книг и осмысливаю ситуацию.

Полный Песец помалу отстает, но его ехидное дыхание еще ощущается за спиной.

Рассуждения мои прозрачны, как слеза ребенка. Чтобы связать гибель Сереги с переданной ему информацией, не нужно быть аналитиком с Уолл-Стрит. Сегодня — пятница. В минувшую субботу вечером Бондаренко узнал от меня об откровениях Сербина, витиной смерти и охоте на Милу. В понедельник, вероятно, так и не появившись на работе,

он взял отгул и уехал нырять под Киев...

Пытаюсь восстановить ход событий. В воскресенье офицер антитеррора имеет неофициальную беседу с кем-то из своего начальства. В тот же день сведения доходят до уровня принятия решений, и, скорее всего ему предлагают продолжить работу дальше, в неофициальном ключе. Дальше чуть сложнее, однако тоже понятно. Информация проходит молниеносно, потому что Сергея убирают буквально в течение суток. Устранить человека быстро и чисто вообще непросто, тем более, если это не бомжара, а офицер такой службы. Так что решение принималось... даже не могу сообразить, какие это высоты.

Причем его убили сразу же, без допроса. Иначе уже в понедельник в мой ящик упало бы письмо с указанием места и времени встречи. Любой профи понимает, что при граничном времени выхода на связь лучше не тянуть, заставляя абонента нервничать. А там меня бы взяли под белы ручки и, уточнив где найти Милу, отправили на корм рыбам вслед за другом Серегой. Вариант, что капитан на допросе утаил источник информации, не рассматриваю даже теоретически как заведомо ложный. При современной технике активных дознаний стойких молчунов не бывает. Есть лишь неопытные следователи или просроченная химия.

И вот это удивляет больше всего — почему меня не приняли сразу?

Ответ только один — стало быть, ни я, ни Мила им не нужны изначально. Опять же — почему? Да потому что за то время, пока я сидел и ждал у моря погоды, место, указанное Сербиным, скорее всего проверили, и бомбу изъяли. Или изымут в ближайшие дни. А без ядер-батона мы с Милой всего лишь параноики с богатым воображением, никому не опасные и совершенно безвредные.

Стоп! Тут нестыковочка, гражданин прокурор, ебать вас каленой кочергой! Я же и не называл Сереге точного места! И убрал его из переписанной сербинской фонограммы. "На аэродроме" — это все равно, что сказать "где-то в окрестностях Русы". На территории по краю множество роц, огромное число оврагов и ям, вырытых при постройке защитных сооружений. Сами сооружения — капониры, полузаглубленные и подземные бункеры. Помимо этого — куча обособленных строений, в массе своей заброшенных. Земля наштагивана кабелями, всякими мусорными ямами с металлом. Над бомбой — надежный экран из свинцовых аккумуляторов плюс постчернобыльский точечный фон, что без знания места делает поиск с помощью металлоискателя и дозиметра совершенно бессмысленным.

Неужели не возникло у этих товарищей ни малейшего желания пройти по цепочке и выяснить точные координаты, где спрятана неучтенка? Или они про место знали и без Серегу? Или же там все пошло наперекосяк, и Бондаренко погиб, не рассказав всего, что он знал, и не наведя на мой след? Вот это больше похоже на правду, вполне могли накосячить. Можно даже предположить, что Серега похищен или сбежал. Однако, поминки... Значит, попал под удар, но всего про нас рассказать не успел или не смог.

В моей ситуации нужно предполагать худшее. Следовательно, нужно исходить из того, что наши имена стали известны неким врагам — раз, что нас активно ищут — два, и это не доморощенные русинские компрадоры, а западные или какие-то другие спецслужбы — три.

По результатам анализа выводы, мягко говоря, не радужные. Все мои наивные планы, рассчитанные на чуть ли не открытый канал в правительство, с грохотом и треском ломаются. Точнее, лупят с размаху по лбу черенком любимых граблей.

Ищут? Естественно! Найдут? Вопрос времени. Если тут же не исчезну из города, а идеально и из страны. Тоскливо. Даже не тоскливо, а как-то очень паскудно на душе. Снова

захотелось про все забыть. Плюнуть и растереть.

Умом понимаю, что это естественная реакция психики, которая к тому же раскачана отсутствием привычного допинга. Но разум чувствам в этой ситуации не товарищ...

Нахуй мне все надо?! Я не нанимался разгребать чужое дерьмо! И мне оно нахер не надо! Понятно?! И лучший сейчас для меня вариант — не возвращаться к Миле. В смысле, вообще не возвращаться! Хата вперед проплачена, денег ей оставил. Пусть за папашку своего героического все это дерьмо сама и расхлебывает. А я тут человек левый и, как говорится, не абизьян. Тем более, если я ее той ночью таки употребил непотребно, так даже если все обойдется и всплывет, то срок, как неплатежеспособный подозреваемый, на этот раз отгребу стопудово!

Выполняя команду "Кругом, шагом — марш!", возвращаюсь к машине. Тыцкаю в брелок сигнализации, хлопаю дверь. Обеими руками хватаюсь за руль, упираюсь подбородком... За рулем всегда лучше думается. Точнее, как раз, недумается. Привычные действия занимают внимание, на время запирают скверные мысли. Покидаю Петровку, еду в сторону Московского моста. Не доезжая до Днепра сворачиваю направо — новый мост перекинутый через Рыбальский залив, быстро выводит на Подол.

Включаю радио. Не успеваю убрать палец с кнопки, как в салоне начинает гнусавить голос проповедника-евангелиста, вещающего по-украински с характерным акцентом канадской "дияспоры": "Все, що записано у святому писанні, - це істина, тому що це — слово Боже...".

По оперативным разработкам я хорошо помню, что все "американские" представительства этих сектантов на Украине представляют собой хорошо прикрытые центры транзитного наркочиллинга, и брезгливо переключаю канал.

"Зараз, коли вся наша держава фактично завершила пґдготовку до вступу у ЕС та до НАТО, а Збройн Сили скорочені майже до обсягі в армії Великої Британії..." — диктор, читающий новости, торжественно фальшивым интонациями напоминает дикторов советских времен, только вместо слова "коммунизма" — "демократия", а вместо "СССР" — "ЕС". Дальше...

"Російській тоталітаризм не хоче рахуватися з інтересами української держави. Газопровід, що побудовано в обхід України, через Біларусь, не повинен був здаватися в експлатацію..." — вещает какой-то "щирый та свідомый" депутат Верховной Рады. Ругаюсь вслух так, что у едущей борт о борт дамочки на дорогом "Ниссане" уши, наверное, сворачиваются в трубочку. Слава богу, на следующей волне звучит музыка...

"Родина. Еду я на Родину..." — кричит-надрывается Юрий Шевчук. Мудак, конечно, по жизни "музыкант Юра", но песня неплохая. Душевная. Прибавляю звук, понемногу начинаю подпевать...

Песня медленно топит лед, смывая шелуху последних лет. Аккорды возвращают к тому, почти забытому капитану Верещагину, что чуть было не растворился навсегда в жизненных неурядицах и алкогольном дурмане. Переезжая по метромосту через Днепр, выключаю кондиционер и опускаю боковые стекла. В салон врывается воздух большой реки, вытесняя жалкие остатки ненужной сейчас тоски.

Глядя на новостройки, на укрытые зеленью склоны Днепра, на сияющие купола церквей, на девушек, красивее которых нет нигде на свете, я немного отвлекаюсь от тяжелого груза, лежащего на сердце. И про жизнь свою несуразную не думаю, и про бомбу эту долбанную.

"Осень мне напомнила опять о самом главном. Что же будет с Родиной и с нами?" — спрашивает Шевчук, и я, как ни стараюсь, не могу для себя найти ответ на этот, вроде бы, простой вопрос.

Медленно начинает закипать злость. А почему я должен бояться собственной тени в своей стране? Почему здесь распоряжаются эти уроды? Они считают, что все купили, все держат под контролем?

Вспомнилась Руса, где бывшие дома офицерского состава разваливаются один за другим, где полковник торгует маслом на базаре, вдова командира части, чтобы сводить концы с концами, вяжет и продает носки, а боевой летчик Витя Сербин заведует, точнее, заведовал складом, где хранятся куски грозных самолетов, порезанных за американские деньги.

Хер вам на всю рожу, суки! Не знаю, что у меня внутри переворачивается, но и страх, и колебания пропадают. Им на смену приходит нормальный рабочий мандраж, при котором мозги у меня начинают шуршать, как у профессионального покериста. Кофейку бы только глотнуть... Кофейку, Витя! Без коньяка!

Кручусь по переулкам, медленно пробираясь к Сырцу, где много тихих кофеен. Сворачиваю в узкую улочку. Паркуюсь в тени раскидистого каштана. До захода еще далеко, и солнце вполне может раскалить машину до состояния духовки. Выбираюсь из Опеля. Точно! Интернет-кафе на месте. Память не подводит. Интернет здесь толстый, камер наблюдения нет, а кофе варят с понятием.

Под первую чашку просто смотрю новости на экране и рассуждаю.

Куда податься? С родным СБУ, похоже, все ясно. Есть еще правда Генеральная прокуратура и прочие высокие надзорные органы. Да только тут вам не Америка с ее бюджетом на охрану свидетелей, и даже не российский сериал "Государственная защита". Кассету они возьмут и обязательно в дело пустят. Но прятать и охранять нас никто не станет.

Однако есть еще и мудрость веков. Попсовый кумир стратегов и аналитиков, незабвенный Сунь Цзы, он же Сунь Хуй Чай Вынь Су Хим, учил: хочешь победить — делай вещи прямо противоположные тем, которые от тебя ждет противник. Они меня по каким-то причинам не хотят или не могут найти? Значит, нужно самому объявиться. Боятся утечки информации про бомбу, зачищают плотнее некуда — значит, эта информация должна непременно попасть в СМИ. Причем не к одному "честному корреспонденту", которого легко запугать, купить или просто грохнуть, а сразу нескольким ведущим всемирным телеканалам. Да так, чтобы наперегонки неслись в студии, потому что секунды решают — кто первым выдаст сенсацию в эфир. "Демократического" журналиста, который знает, что у него есть конкурент, а сенсация все равно будет обнародована, остановить практически нереально. Даже если речь идет об угрозе жизни людей, каждый теракт тому подтверждение.

Но, как говорил прославленный комдив, скидывая портки: "Есть, Петька, нюанс..." Соваться в тот же "Рейтерз" с пустыми руками нельзя. Витина кассета для них — невеликое доказательство — мало ли чего там алкаш в магнитофон набубнил с залитых глаз.

Так что стоит прислушаться к словам товарища Жеглова — "Фокс, вот главный свидетель". В смысле, бомба, которая скорее всего еще находится там, где она пролежала последние двадцать с хвостиком лет.

Можно, конечно, бесконечно просчитывать варианты и прикидывать кто, что и как, но скорее и надежнее — незаметно вернуться в Русу и заняться знакомым делом — земляными

работами. Благо Витя-покойник, штурман, как-никак, место точнехонько указал, со всеми привязками и надежными ориентирами. Судя по описанию в Википедии, контейнер с бомбой, замаскированный под ракету X-50, больше восьми метров в длину. Все, что я смогу сделать — прокопать узкий шурф, чтобы убедиться в наличии, но и этого будет уже достаточно.

Вот как оно получается — Витю пришлось закопать, а дуру, которая его в могилу свела, наоборот, возвращать в мир, как Дракулу какого-то. Кстати про упырей. Заодно и "дядю Сережу" Котельникова надо бы вежливо опросить на предмет того, кто ему дал приказ девчонку зачистить. Ухватить падлу за бейцалы да сжать немного, предварительно запихав кое-куда паяльник включенный...

Но это завтра. Конечно, можно бы сорваться прямо сейчас, только лопату в ближайшем хозмаге прикупить. Но, как говаривал мой знакомый из прежней жизни, поспешность — дочь шайтана. У меня, да и у Милы нет никого, кроме меня самого. А значит, каждый шаг должен быть выверен, потому что ошибиться можно, но как саперу — только один раз. А то жахнет, и повиснут кишки по окрестным елкам, будто в Новый Год гирлянды.

Для начала следует хотя бы в общих чертах определиться, кто же все-таки против нас так лихо играет. Любая местная контора не больше чем исполнитель, приказы отдает кто-то повыше. И тут моими союзниками вольно или невольно очень даже могут стать остальные летуны из Витинового экипажа. Так что первым делом придется искать участников происшествия.

В случае удачи сразу несколько зайцев накроются картечным залпом. Ядерные разгильдяи получают предупреждение о грозящей им опасности, а я — дополнительную информацию и надежных, что важно, живых свидетелей. Таких, что, скорее всего, даже без предварительной обработки подтвердят мои слова в любой инстанции. Ну а если даже не удастся пойти на диалог, то встревоженный человек обязательно начнет суетиться, привлекая к себе внимание и оттягивая часть сил противника. Некрасиво, конечно, но что поделаешь. Чем большую огласку получает дело, тем больше вероятность у нас с девчонкой вылезти из этой задницы целыми-невредимыми...

Вопрос — где и кого искать?

В посмертной исповеди Сербин, очерчивая круг посвященных, упомянул, помимо летунов экипажа еще двоих. Злополучную шалашовку, из-за которой они и влетели ногами в маргарин, а также прикрывшего весь гешефт командира базы.

С него-то я и решаю начать.

В компах я не силен, но поисковиками пользоваться умею. В том числе, и внутрифорумными. Правда, быстро не вышло. Форум, где чаще всего встречались и общались летчики Союза, нахожу после долгого перебора. Много левых и бесполезных ресурсов, да и не знаток я вопроса. Но постепенно продираюсь через сетевой мусор и нахожу искомое. Впрочем, пользы с этого все равно нет — полковник, оказывается, уже давно умер.

Отметаю. Шалаву и не ищу. Она была не в курсе происходящего, да и вряд ли найти смогу. Хотя, если судить по словам Сербина, должны её помнить многие... Но для этого нужно искать летчиков, которые могли бы с ней встречаться, входить к ним в доверие, потому что о таких вещах первому встречному не рассказывают, да и второму-третьему тоже... Нет времени.

По ходу дела натыкаюсь на сообщение о катастрофе в Энгельсе. На всякий случай изучаю биографию погибших, благо подходят. И сразу тихо охреневаю. Командир

разбившегося Ту-160 летал в одном экипаже с Сербиным на должности второго пилота...

Голова потихоньку входит в полноценный рабочий режим, как в старые добрые времена. Никакого эмоционального всплеска в душе, никакой паники, только констатация того, что "игрокам" не слабо грохнуть стратегический бомбардировщик, заматаив следы и убирая свидетелей. Случайность катастрофы отматаю сразу, в моем положении все совпадения должны толковаться строго в направлении злобных происков.

Похоже, меня начинают опережать.

Пробегаю по региональным происшествиям ушедшей недели. Все-таки удивительно, как много можно узнать из сети, если примерно представлять, что и где искать. Где-то в Китае пропал без вести украинский летчик. Фамилия совпадает с одной из тех, что Витя перечислял... Так, а командир сербинской "тушки" живет в Киеве. Вроде бы еще живой. Теряю с полчаса, но никаких координат не нахожу. Шифруетесь, товарищ Емельянов! Ничего, найдем! Нахожу быстро, через несколько минут. В криминальной, блядь, хронике. Емельянова на днях сбила машина, глупая случайная смерть.

Все. Концы обрублены.

Матерюсь сквозь зубы, борясь с желанием расколотить ни в чем не виноватый системник. Чищу историю запросов, киваю мальчишке оператору, вырубай, мол. На мониторе появляется надпись "Оплатите, пожалуйста!", забираю сдачу и выхожу на улицу.

Долго стою, прикуривая сигареты одну от другой. Сминаю опустевшую пачку, швыряю в ближайшую урну.

На стоянке меня ждет все тот же Полный Песец. Ишь, как невидимым хвостом машет. И щурится, скотина, презрительно, со всем на то основанием. Но уже не так нагло. Сквозит некоторое уважение, что ли.

Это мне относительно легко было найти несколько следов уже постфактум, зная, где примерно копать. А "те" начинали с нуля, но в считанные дни определили местонахождение нужных людей и сработали четко, быстро. Это не под силу ни одиночке, ни даже группе, если эта самая группа не имеет выходов на закрытые информационные сети, обширную сеть осведомителей и на очень большие деньги. При таком размахе событий на пути у нас стоит не какая-то левая шайка политиканов, не террористы и даже не чья-нибудь служба безопасности.

Значит государственная спецслужба. Причем одна из ведущих на шарике, что отнюдь не воздушный, а земной. Лично у меня, гражданин прокурор, нет даже и тени сомнений. Цели такой организации — всегда политические. Сейчас они методично, быстро зачищают всех, кто знает о спрятанной в Русе бомбе. Полагаю, не для того, чтобы сделать сюрприз на день рождения королеве Елизавете или, к примеру, на Четвертое июля Конгрессу. В крайнем разе, торжественно объявив мировой общественности о столь интересной находке по случаю Пейсаха или Хануки.

Нет. Тотальную ликвидацию всех вольных и невольных свидетелей будут проводить лишь в одном случае — если бомбу собираются по возможности применить. Или спрятать, чтобы потом применить. Или передать тем, кто ее применит. Короче говоря, как верно высказался Дикий Прапор: "Обязательно жажнем. Весь мир в труху. Но потом!".

Вариантов здесь много, и каждый из серии "белые начинают и выигрывают". Где из черных сегодня на доске остались лишь я да Мила.

Что это значит для нас? Только одно, о чем я и так уже думал ранее. Если останемся одни — умрем. Серега каким-то неведомым путем уберег нас, купил сколько-то времени, но

оно стремительно заканчивается, судя по тому, как быстро уходят из жизни причастные.

Тут в одиночку не пощупаешь. Тут уж, как говорится, клин — клином. Уцелеть от преследования одной спецслужбы проще всего, примкнув к другой. Враг моего врага — мой друг, как говорили римляне. Так что вырисовывается прямой резон рвануть через кордон, к русским чекистам. Но и здесь есть нюанс. Прямо таки на поверхности болтается, сволочь. Что, если это именно их работа?

Какой-то сумбур в голове... Но в общем, как говорил крестный папа матери Кузьмы [\[38\]](#), товарищ Хрущев: "Наши цели ясны, задачи определены, за работу, товарищи!".

Выруливаю на проспект в сторону нашего временного убежища.

Возвращаюсь домой совершенно разбитым. Пройдя, не разуваюсь, на кухню, открываю холодильник. Мрачно гляжу на бутылки. С силой хлопаю дверцей. С холодильника падает несколько книг.

Мила, видя мое состояние, с расспросами не лезет. Но перед глазами маячит. Краем глаза отмечаю, что надела штаны. То ли поняла бесплодность попыток соблазнения, то ли решила сегодня не рисковать. Наконец, не выдержав, подходит поближе, осторожно касается плеча, будто котенок лапкой

— Витя, а у нас все плохо?

— А? — дергаюсь в её сторону.

— У нас всё плохо? — повторяет девчонка.

— Не то, чтобы очень, — осторожно говорю я. Сейчас, до полного счастья, только истерики не хватает... — Ничего, прорвемся. Честное пионерское.

— А ты пионером успел стать?

— Конечно! — гордо выпячиваю грудь. — Даже галстук носил.

— Ты, и в галстуке... — Мила хихикает

— А то! Это не шубу в трусы заправлять!

Шутка тупая и не очень уместная, но смеемся вдвоем. Ладно, не все потеряно. И вообще, нет таких крепостей, что не взяли бы большевики. Раньше смерти хоронить себя не будем...

27. Капкан на майора

Телефонный разговор был коротким. Правда, с самим губернатором переговорить Пашкину не удалось. Но, поняв, кто звонит и о чем пойдет речь, помощник сказал: "Приезжайте в любое время, шеф примет, я закажу пропуск. И чем раньше, тем лучше".

Покинуть отдел получилось вроде бы незаметно. Служба "молчи-молчи" имела свои преимущества. Никому бы и в голову не пришло поинтересоваться, почему это замначотдела, переодевшись в гражданку, покидает расположение штаба, не дожидаясь окончания рабочего дня и на личном автомобиле. Куда идем мы с Пятачком — большой, большой секрет...

Темно-серая "Daewoo Nexia", уже полностью выплаченная банку и даже слегка подмятая в незначительном ДТП, обладала тремя крайне полезными качествами — доступной ценой, неплохим движком и общей неприметностью. Выезжая за территорию военного городка, Пашкин внимательно оглядел прилежащие улицы. Это только в шпионских боевиках стоит только переговорить по телефону с нужным человеком, как тебя сразу же начинают пасти не меньше семи машин.

Семи не семи, но "девятка" с трещиной на лобовом стекле, припаркованная под тротуаром и тронувшаяся с места сразу же после того, как он вырулил на дорогу, майору не понравилась чрезвычайно. У опытного водителя всегда отлично развито "дорожное чувство локтя". У офицера контрразведки оно подкреплено еще и профессиональными навыками. Потому майор Пашкин, не проехав и сотни метров, четко ощутил, что его ведут...

Первой мыслью было — значит все-таки шеф, больше некому. Он племяша отмазывал, он и слил, сука беззубая! Пашкин тихо матернулся, хлопнув по рулю. Мелькнула шальная мысль. Вернуться, зайти в кабинет к подполковнику и шарахнуть его из пистолета. Или, по крайней мере, задержать и вызвать "варягов" — типа слово и дело государево, вяжите супостата! Но не вариант. Варяги — явно засланные казачки, так что при таком раскладе в камеру поволокут не вражину, а самого Пашкина. И к утру его обнаружат полностью раскаявшимся, остывшим и висящим на резинке от трусов, привязанной к плинтусу. Нет уж, сказал "а", надо говорить "бэ". И если губер соглашается его выслушать, то стало быть путь один, под светлы очи областного боярина, в тишину и безопасность надежно охраняемых покоев.

К тому же слезка, это ведь, с другой стороны, даже хорошо. Сразу себя ребята проявили, не стали затягивать. А стало быть, покатаемся...

Рвать с места, по-голливудски визжа и оставляя на асфальте черные следы от покрышек, майор не стал. Он продолжал катиться в общем, не сказать, чтобы и плотном потоке, время от времени поглядывая в зеркала на "девятку". Поравнявшись с узким проулком, подрезал "Рено" в правом ряду и резко ушел направо. Поколесил по дворам, нырнул под арку между двумя пятиэтажками, снова выскочил на дорогу. Но оторваться не удалось. Враг, совершенно не смутившись фактом обнаружения, повторял все эволюции Пашкина и держался на хвосте цепко, словно ведомый на хвосте у Кожедуба

Не прячутся. Стало быть, будут брать! Знать бы, кто — свои или же террористы? Но это пока что второй вопрос... Сперва оторваться. Любой ценой!

Выскочив на относительно прямой участок улицы Степной, Пашкин прибавил газу. Майор отлично знал Энгельс. Да что там, собственно, знать, не мегаполис поди. Так что

долго по городу крутиться не выйдет. Да и смысл? Если взяли серьезно, то не выпустят. Из боковой улицы выскочила сиреневая "шоха" и, выйдя в левый ряд, начала пристраиваться сбоку, на пару с цепкой "девяткой", забирая его "деушку" в полукоробочку.

Нужно прорываться к мосту. Над Волгой не остановят, а за Волгой — Саратов. На первом же КПП сунуть ксиву ментам и в их машине добираться в администрацию. Не подействует ксива — имеется пистолет. Пашкин, на мгновение оторвав от руля правую руку, коснулся ПМа в оперативке. Шестнадцать патронов это, конечно, очень мало. Но лучше, чем ничего. И есть, опять же, резерв.

Майор покосился на бардачок и хмыкнул. Там у него, под ворохом карт, лежал небольшой кусочек памяти о Кавказе. В рубчатой оболочке и с проволочным кольцом. Ладно, не будем раньше времени о грустном. Кругом, все-таки, не горы и леса, а вполне себе равнина. Нам бы только через мост проскочить...

Свернув с Ленина на Лесозаводскую, он, не обращая внимания на возмущенные гудки, вжал педаль в пол и начал, перестраиваясь из ряда в ряд, "делать слалом". Справа грязноватой каплей мелькнуло озеро, обозначенное на карте как Банное, но известное в народе под несколько измененным именем. Преследователи отстали. Пашкин сбросил газ и поерзал, устраиваясь поудобнее. Осталось проехать несколько километров до моста, его преодолеть, и все, он в Саратове. Ну а там уже проще будет.

Несмотря на вечернее время, дорога оказалась свободной. Разве что на выезде из Энгельса не поделили полосу два "джигита" на заниженных "Приорах". И теперь прыгали друг перед другом, словно два петуха в красных мокалинах. Ну, то им Аллах судья. После Кавказа майор вполне закономерно недолюбливал "черножопых". Постреляют друг друга, планета чище будет...

Машину остановили при въезде на мост. Продавец полосатых палок, выскочивший навстречу, и перегородивший дорогу, столь яростно и упорно размахивал своим магическим жезлом, что майору даже и полегчало. Ну вот, сейчас пацаны его за какое-то нарушение загопстопят, после чего, будучи временно прикомандированы к контрразведке, проводят к дому губера в качестве персонального эскорта.

В любом случае, проигнорировать столь навязчивое приглашение не получится. Оперативную радиосвязь вроде бы никто еще не отменял, так что есть шанс влететь на другом берегу в дружелюбные объятия комитета по торжественной встрече: поперек дороги — шлагбаум, на асфальте — расстелена пара "скорпионов". Шлагбаум, ладно, снесешь. А потом колесо пропорют металлические штыри. И поедешь ты, уважаемый, на ободах. Потому что штыри, мало того, что от ленты отрываются, так у них еще внутри, на манер шприца, отверстие. Сквозь которое воздух из колеса вылетит с радостным свистом... А там из кювета выскочит два десятка ребятишек. С автоматами и злыми рожами. Вытащат из салона и, прежде чем он ксиву достанет, отмудохают со всей пролетарской ненавистью... Такие перспективы майор сношал и в рот, и в нос!

Оставался, конечно, лучик надежды, что у гаишника просто план горит, вот и пытается остановить за превышение скорости. Пашкин снова затейливо выругался, включил правый поворот и ударил по тормозам. Гаишник несолидно протрусил вокруг машины и постучал по стеклу. Выходи, мол, сова — медведь пришел! Майор состроил озабоченное лицо и взмахнул, было, своим краснокожим и крайне солидным удостоверением. Но за спиной толстопузого прапорщика, по лицу которого пот прямо-таки струился, выросли, будто из воздуха соткались, два парня. Глядя на них, и ежу сразу бы стало понятно, что превышение

скорости тут ни при чем...

Пашкин кристально осознал две элементарные вещи. Что он мудака и долбоеба, наивно надеявшийся уйти от преследования в городе, соединенным с остальным миром тремя дорогами и одним мостом. И что он, похоже, приехал. И пора вылезать...

Крепкие парни, лет двадцать пять — тридцать. Гораздо шире не такого уж и мелкого майора в плечах. Уверенные взгляды. Черные комбинезоны без знаков различия. Совершенно славянской внешности... Хотя это нифига не показатель по нынешним временам! Ваххабиты бойцов вербуют везде. Даже среди мирных чукчей, блин. Но все же по взглядам — государевы люди. Что уже легче, хоть перед смертью пытаться не будут.

Привычный замечать любые мелочи, Пашкин отметил у одного на тыльной стороне ладони татуировку с изображением летящего ворона на фоне розы ветров, в окружении лаврового венка. С такой эмблемой Пашкин еще не встречался. Ни у нас, ни у соседей, ни у европейских товарищей. Нечто подобное, только с орлом, было на Украине, но ту часть расформировали несколько лет назад. У криминала с муслимами тоже ничего похожего нету. Или просто не вспомнилось? Хреново, если не вспомнилось. Стало быть, дело принимает крайне неопределенный, а значит, и наиболее опасный оборот.

— Товарищ майор! Выходите из машины, и пройдите, пожалуйста, с нами! — ровно, очень вежливо, и чуть ли не улыбаясь, произнес один из парней, чуть наклонившись к Пашкину. — Оружие лучше оставьте, — дополнил говорящий, заметив косой взгляд майора на бардачок. — У вас там граната, надо полагать?

— Нет! — поднял глаза на очень уж пронизательного собеседника майор, — красная, блин, кнопка! И МОН-100^[39].

— Сразу видно понимающего человека. Но лучше не стоит. Думаю, вам и вашего табельного хватит. Вы же, простите на поганом слове, Роман Александрович, не шахид какой-нибудь? Или решите на старости лет в мученики податься? Никто не оценит, честное слово. Вы лучше вылезайте, а то ведь время не резиновое.

Удостоверения никто предъявлять и не думал. Стояли и смотрели, выжидая, когда, наконец, майор перестанет выебываться. Обильно потел гаишник, жевал губами. Интересно, а этому что, ксиву в рожу сунули или денег заплатили?

Майор звенел ключами, пыхтел и бурчал себе под нос что-то неразборчивое, умеренно-сердитое, всем видом показывая, как он занят и как не вовремя его остановили. А в голове тем временем хладнокровно щелкали шестеренки, подбивая возможные варианты:

По газам, и задним ходом? Чтобы напороться на автоматную очередь по колесам от сидящих в кустах засадников или заботливо расстеленную колючую ленту, которую скорее всего уже раскатали. И хорошо еще, если по колесам. Могут ведь и на поражение влупить. Хотя нет. Ты им, майор, живым нужен. Не зря же бензину столько пожгли. Или на рывок? Вылезти, с локтя пробить ближнему, уйти за толстопузого. Им прикрыться... Минимум четыре-пять раз выстрелить он успеет. Ну да. Не те ребята, чтобы от них можно было так просто выскочить. Да и пистолет изымать не собираются. По рожам видно, что только дернись, скрутят ласты, отобьют почки, еще и в задницу засандалят какую-нибудь мутную гадость из грязного шприца. Не, товарищ майор. Без вариантов. Разве что "каскад погнать", побутафорить под дурачка...

— Я, вообще-то, к губернатору по срочному вызову! Меня ждут на прием! Не появлюсь — будут искать! И вообще, по какому праву вы меня остановили? — вместе с попыткой взять неизвестных на горло, Пашкин попробовал еще и прокачать на вазомоторику. Но

ключевое слово " губернатор", от которого непременно дрогнули бы брови любого саратовского силовика, отскочило от "черных" парней, брошенным в стену теннисным мячиком.

— К губернатору обязательно, — кивнул боец. — Только, Роман Александрович, это теперь неважно. Остановили вас, кстати, не мы, а представитель ГИБДД, — гаишник судорожно кивнул. — А по какой необходимости, вам будет доведено позднее. Да, и будьте любезны, ваш мобильный телефон, — и протянул руку.

Пашкин с удивлением посмотрел на раскрытую ладонь. Пальцы чистые, ага, мозоли специфические. Ну что стрелять им много доводится, и так понятно было...

— Это еще зачем?

Боец улыбнулся. Широко и открыто.

— Понимаете, товарищ майор, мы же с вами не пешком добираться будем. А там навигационные приборы всякие, сами понимать должны. Вы же с авиаторами служите бок о бок. Залетим в Сирию ненароком. Оно нам надо?

— Залетим? — непонимающе протянул майор. — Шутите?

— Так точно, залетим, — неожиданно серьезным голосом произнес боец. — Товарищ майор, я все понимаю, но хватит уже комедию ломать. Прошу вас пройти на посадку. Вертолет ждет. А насчет Сирии я действительно пошутил.

Пашкин посмотрел в ту сторону, куда парень дернул подбородком. На штрафной площадке позади КПП медленно раскручивал лопасти обшарпанный вертолет с гражданским триколором и облезлой местами надписью вдоль борта "Экспедиционный".

"Ми-2Р, польского производства, разведывательный", определил наметанным взглядом Пашкин.

Случись это в фильме, майор, наверное, каким-нибудь особо хитрым способом победил бы все же врагов или умчался из засады по мосту навстречу заходящему солнцу. Но, к сожалению, все происходило наяву, и Пашкин понимал — в таком раскладе бесполезно и убегать, и ломиться напролом. Врагов — а он уже не сомневался, что столкнулся с настоящими врагами — было больше, они оказались отлично вооружены и занимали более выгодную позицию. Оставалось подчиниться, положившись на удачу и собственную внимательность. Вдруг да подвернется нужный момент. Пистолет не отобрали же...

Пашкин фыркнул и начал нарочито замедленно вылезать. Но парни и не думали подгонять или хватать за воротник и выволакивать силой. Рядом судорожно сглатывал гаишник, отчетливо и очень мерзко воняющий потом. Не обоссался бы. Майор сунул потному и нервно дергающемуся стражу дорожного порядка ключи от машины и, старательно изображая невозмутимость, зашагал к "вертушке". По пути Пашкин незаметно и отчаянно надеялся, что воздушное путешествие не завершится где-нибудь под водой огромного Саратовского водохранилища. Следом за майором, одобрительно похлопав по плечу ошарашенного гаишного прапора, шагали загадочные бойцы.

28. Тени прошлого

День тратится на вдумчивую и тщательную подготовку к разведрейду на Русу. Точнее — на аэродром. А еще точнее, к тому месту, где, если верить магнитофонной исповеди Вити Сербина, лежит и ждет своего часа самая что ни на есть настоящая атомная бомба.

С утра просматривая новости, нахожу нехорошее упоминание о событиях в Энгельсе. Тамошний губер, что громко разорялся насчет наличия фактов о диверсии, не далее как сегодня утром снят с должности. В связи с переходом на другую работу. В переводе с газетного официоза на реально-оперативный эта чехарда показывает, что те, кто за всем этим стоит, смогли снять с поста даже губернатора, который говорил не то, что следовало. А снять российского губер можно исключительно из Кремля. Это в свою очередь означает, что я был прав, и сдаваться российским спецслужбам тоже нельзя.

Всюду клин. Некуда бежать, не у кого скрываться. И значит, ничего мне не остается, как примерять на себя шкуру Рэмбы и идти спасать мир самостоятельно. Ударить, так сказать, полной гласностью по проидам ядерного терроризма!

Финт с живыми свидетелями не прошел, следовательно, придется откапывать бомбу, молясь, чтобы у противника пока не дошли до нее руки. Блин, я ведь даже не представляю, какая она, сколько весит, можно ли ее вообще выкопать одной тягловой силой...

План у меня прост, как стрелковая карточка командира пехотного отделения. Пункт А: найти указанное место и убедиться в наличии бомбы. Пункт Б: заглянуть на огонек к директору риэлторской лавочки "Добродея" господину Котельникову и вдумчиво побеседовать с ним на тему того, кто и при каких обстоятельствах поручил устранение Милы, а потом и меня. Пункт В: дальше — по обстоятельствам.

Выезжать буду к вечеру, чтобы к Русе добраться, когда стемнеет. Так что у меня есть целый день на экипировку. Занятие не только полезное, но и ностальгически приятное...

Еду на проспект Дружбы народов. Там, занимая целиком весь первый этаж длинной хрущевки, располагается магазин "Охота и рыбалка", где, если память не подводит, имеется неплохой выбор всякого военно-охотничьего шмота и сопутствующих товаров.

Долго копаюсь в развешенных по всему залу камуфляжах, останавливаюсь на бундесверовском флектарне. Для лета может и жарковат, но зато прочный. Есть и еще один плюс, не столь очевидный. Местные упоротые ультрас до беспамятства обожают именно эту расцветку. Соответственно, у меня появляется лишний шанс проскочить мимо тех же ППСников, которые с "героями майданов" предпочитают не связываться.

Еще дальше копаюсь в рюкзаках. Презрительно фыркаю на целый стенд псевдонемецких "Дётеров", сшитых заботливыми руками узкоплечных "Максимок" где-то во Вьетнаме. Эх, не те пошли "парни в черных пижамах", совсем не те...

Красота мне до одного места, надежность и удобство — вот залог успеха. Беру честный русский "Скарабей 28" от ленинградцев. Рюкзак изначально велосипедный, поэтому изогнут на манер черепашьего панциря. Но зато — куча утяжек, что поясных, что грудных, да и дополнительная защита спины тоже пригодится.

Взять бы бронежилет, но нету. Вернее, есть, однако после событий последних лет их продают только по предъявлению ксивы мента или сотрудника охранного предприятия. И то далеко не всякой. Эх, сюда бы с Серегой забуриться да собраться на хорошую рыбалку, как в старые времена. Только вот сходил капитан к начальству, с моей подачи...

Хмуρο обхожу витрину с брониками по широкой дуге, успокаивая себя мыслями, что против автоматной пули нужны не выставленные тут инкассаторские "Панцири", которые, дай бог, если "макаровскую" пулю остановят, а милицейский "Мираж". Который мне не продадут в принципе. Да и скакать в нем, мягко говоря, грустно. А бегать в ближайшем будущем, жопой чую, придется немало.

Уходя от соблазна все же примерить "кирасу", натываюсь на стенд с ПНВ, они же ноктовизоры. Сразу и не въезжаю, что вот эти миниатюрные штуковинки и есть приборы ночного видения. Да уж, не сравнить с нашими табельными, да и отвык я от буржуйской аппаратуры. Наши весят кил пять-шесть и вполне способны заменить дубину, если владелец вдруг решится пойти врукопашную. А тут — триста грамм и отсутствие необходимости в десятке запасных батарей. Беру!

С навигатором муки выбора обходят стороной. На службе у меня был "Гармин". Нахожу точно такой же. Старого собаку новым фокусам не выучишь. И лучше я не получу штук двадцать совершенно не нужных функций, чем буду тыкаться как дурак в экран, пытаюсь разобраться в мешанине значков.

Продолжив обзаводиться электроникой, беру до кучи неплохой дозиметр "Терру". Одна из ее модификаций была у нас штатной, так что в овладении никаких проблем встать не должно. Рискуя окончательно превратиться в придурка перед глазами продвинутых продавцов, обзавожусь миноискателем. Если верить записи, то сверху над бомбой — толстенный слой из аккумуляторов. Мимо пройти будет сложно, даже с моим минимальным набором знаний из старательно забытого курса "инженерки", прослушанного и прокопанного в Академии. Вот окопы нас там рыть учили неплохо...

Армейский шопоголизм пострашнее, чем женский. Начав тратиться, остановиться трудно. Отложив умные штуки к отобранному, прошу открыть витрину с ножами.

Продавец отдела — крепкий парень в майке, раскрашенной под тельняшку и голубом берете с косичкой, сплетенной из кожаных ремешков. На косичке болтается винтовочная пуля. Суровый воин ходит вокруг, поигрывая аляпистыми татуировками на перекаченных бицепсах, кидает на меня взгляд с изрядной долей презрения.

Продавец не скрывает разочарования. Мысли его читаются без труда. Увидев миноискатель с дозиметром, паренек меня принял за сталкернувшего придурка, который решил в Чернобыле покопаться, вот и ржет втихую. Или за какого-нибудь "черного копателя", который, начитавшись книжек про попаданцев, по местам боев прошвырнуться собрался. Что ж, чем дальше от действительности, тем лучше. Но богатый клиент потянулся не к модным ножам выживания и прочим жабоколам и "крысам", а примеривается к неброским, дешевым моделям "маде ин Шведеи"^[40]. Стало быть, в его понимании я — просто "лох..."

С трудом удерживаюсь от вопроса, не в Николаевской ли бригаде паренек срочку служил. Там, где крайние лет шесть-семь с парашютом прыгают только офицеры. И то не всегда. Нет, не буду. Пушай вьюнош и дальше героя битв из себя корчит. А то запомнит еще ненароком.

Для понимающего человека в моей ситуации именно такие ножи — самое то. И обрезиненная рукоять в ладони лежит, как влитая, и сталь неплохая. И, хоть нет ярко выраженной гарды, но небольшой упор позволит вбить в тушку клинок на всю длину, при этом не рискуя порезаться. Да и ножики эти сами по себе очень универсальны. Как говорится, Иван Иванович в годы войны своим ножом резал сало, хлеб, солдат и офицеров

противника... Ну а про то, что ножей этих — многие тысячи по миру гуляют, и что бумаг на них ни один нормальный мент не потребует, про это и вовсе упоминать не стоит. Но ряженный клоун обойдется и без подробностей. Отбираю парочку, кидаю на дно рюкзака.

Улыбаюсь и примеряюсь к лопаткам. Оптимальнее, взять бы, конечно, хорошую и толковую штыковую, типа той, что я копал могилу для Сербина, но тут ассортимент не тот. Это мне в строймаг надо...

Ух ты, какие люди! У стенки витрины, почти скрытая страхолюдными складными инструментами гондурасского спецназа, лежит древняя советская МПЛ. Та самая, которую частенько обзывают малой саперной. Ну и пусть обзывают, мне-то что? Разворошив кучу, достаю.

Приятный сюрприз. Лопатка-то реально времен войны. Металл, соответственно, качественный, не то дерьмо, которое клеймилось "ёлочками". Чехол, правда, дохленький, из тоненького брезента. Но, с другой стороны, мне с ней под обстрелом не ползать. А "Коминтерн", то есть лопатки, произведенные соответствующим заводом в сороковых-пятидесятых годах, он и в Африке "Коминтерн" — пистолетную пулю на излете остановят и размажут. Лопатка, на первый взгляд, складского хранения. Но одна боковина неплохо заточена...

Прохожу к кассе и отсчитываю нужную сумму. Получилось изрядно. Опять траты... Но что тут сделаешь?

Бросаю набитый рюкзак на заднее сиденье машины, рядом кладу длинный чехол с металлоискателем и лопатку. Не спеша выруливаю на дорогу. Ну что, остался завершающий шаг, и можно смело заявлять о некоторой готовности личного состава к предстоящей боевой задаче. Почему готовность некоторая? А потому что полная бывает только на бумаге.

Осталось, собственно, главное. Не по объему, не по актуальности. По сложности доступа.

Интернетовские сторонники "легалайза", то бишь снятия запрета на ношение боевых стволов, любят рассуждать о том, что мол "купить пистолет — раз плюнуть". А вот те хрен, золотая рыбка! Рынок нелегального боевого оружия — не компьютерная игра.

Арм-диллинг даже по сравнению с наркодлингом — бизнес серьезный и очень жесткий. В том числе и для покупателя. Эффективный менеджер или одаренный студент-ботаник думают, что стоит лишь выйти на улицу вечером и прогуляться в беспокойном районе, как из каждой подворотни будет доноситься вкрадчивый шепоток: "Молодой человек, АКМ недорого не желаете?". Нет, стволами торгуют исключительно со своими, проверенными людьми и человеку, далекому от уголовного мира, здесь ловить нечего. Если и продадут, то, скорее всего для того, чтобы как-то подставить.

Но я представитель не мирной профессии, оперативные материалы в свое время перелопатил, а потому знаю явки и пароли. Основной сбыт "левого" оружия в Киеве идет через знаменитый "блошинный" Сенной рынок. Сам не видел, врать не стану, но знающие люди рассказывали, что там как-то продали советскую противотанковую пушку. Действующую, чуть ли не в полной комплектации и с двойным боекомплектom. То ли от КиУРа^[41] осталась, то ли из Зеленой Браны^[42] приволокли. Эхо войны, блин!

Но на Сенной лучше не соваться. Место центровое, всем заинтересованным инстанциям и параллельным властям оно известно отлично. Соответственно, топтунов — как на Первой у Мавзолея. И с моим счастьем нарваться на кого-то из знакомых или "правильно ориентированных на инструктаже у куратора" — как два пальца об асфальт. Поэтому

придется ехать туда, куда я ехать очень уж не хочу. В то место, где на каждом углу поджидают мрачные тени прошлого...

* * *

Одна тысяча девятьсот восемьдесят шестой. Первое мая. За год и три месяца до того, как шестеро гребаных летунов заховали в Русе свою ядерную неучтенку. Демонстрация. Обычные, ничуть не встревоженные лица. Все знают, что в Чернобыле какая-то серьезная авария на реакторе, но мало кому известно, чем это чревато для Киева.

Я, сопливый младшекласник в отутюженной школьной форме, белой рубашке и пионерском галстуке вместе с матерью и отцом стою на левом крыле правительственной трибуны. Внизу мимо нас гомонящей безликой рекой течет праздничная толпа.

Мать позавчера возвратилась из Припяти, где она как инструктор облоно участвовала в эвакуации школьников, а в семье серьезных вещей от меня не скрывали. Мне десятилетку, который клеил модели танков и истребителей, до дыр зачитывал "Книгу будущих командиров" и постигал азы правильного падения в армейской секции самбо, отец как взрослому объяснил языком военного доклада, что происходит на самом деле, и даже показал на карте примерную форму смертельного радиоактивного облака...

Первый секретарь Украины, Владимир Васильевич Щербицкий, чтобы не допустить неуправляемой паники, принял решение всё же провести демонстрацию. Рядом с ним на трибуне жена, дети и внуки. Отец и Щербицкий время от времени обмениваются мрачными взглядами единомышленников.

Отцу идет генеральская форма. Он строг и подтянут. В византийском хитросплетении советской правящей системы Сергей Андреевич Верещагин занимал незаметный, но важный пост. Числился заместителем начальника какого-то хитрого управления штаба округа. Однако "по партийной линии" работал в аппарате ЦК и кабинет имел в здании на улице тогдашней Орджоникидзе, нынешней Банковой, где вольготно расположился центральный комитет Украины. Насколько я понимаю теперь, он был "направленцем" командующего округом в республиканских партийных органах.

Отца уважал Щербицкий, что позволяло военному и партийному руководству решать очень много разнообразных задач, не прибегая к посредничеству Москвы. Но это было уже потом...

В восемьдесят девятом похоронили мать. Диагноз — лейкемия, облучилась в Припяти, когда вывозила детей. Отец разом постарел лет на десять. Теперь, когда по телевизору показывают скандирующие толпы с плакатами "Хай живе КПРС на Чорнобильській АЕС!" по лицу его проходит судорога неутихающей боли. С мирным атомом у нас свои счеты.

Об отставке Щербицкого узнаем тоже по телевизору. Отец почти не бывает дома, он курирует вывоз из Украины в Россию ядерных боеприпасов. Двухкомнатную квартиру на улице Октябрьской революции нам оставили (вставь в норм вариант), но кабинета в ЦК у отца теперь нет. Он готовит документы на увольнение.

Семнадцатого февраля девяностого года Щербицкий и еще несколько человек (в число которых был включен и отец), должны были давать показания в Верховной Раде по "преступным действиям во время чернобыльской катастрофы". Шестнадцатого умер Щербицкий. Восемнадцатого застрелился отец.

Это было воскресенье, и до двух часов дня я был в зале, на тренировке. Мы готовились к соревнованиям, выкладывались по полной, возвращался я чуть живой, так что не сразу и понял, почему дверь нараспашку, а квартира полна совершенно чужих людей. Опомнися только после того как меня вытащили из комнаты, где я увидел тело, упавшее грудью на большой письменный стол, лужу крови на каких-то бумагах, и зажатый в руке ТТ.

Отец оставил стандартную, ничего не объясняющую записку "В смерти прошу никого не винить", дата, подпись. Этого оказалось достаточно, чтобы не возбуждать никакого дела. Интернета тогда еще не было, и на фоне смерти и похорон Щербицкого, его самоубийство прошло для всех незамеченным.

Похоронами занимался дядя Леша, мой тренер, подполковник, командир отдельного разведбата. Он помог оформить все документы по квартире и опекунству на тетку, единственную оставшуюся родственницу.

Тетя Лера утасла после того, как мне стукнуло восемнадцать, оставив единственным владельцем трехкомнатной квартиры, стоимость которой к моменту моего "окончательного падения" выражалась в сумме с шестью нулями. И не в гривнах, а в долларах. В общем, по выпуску из Одессы и зачислению в штат УГО я представлял собой примерно то, что в гламурных журналах называют "перспективный жених".

Вспоминаю, как вспыхнули глаза моей бывшей супруги, когда я, еще ухаживая за ней, открыл дверь и пропустил вперед. Безумный секс, что был между нами в ту ночь, я счел настоящей любовью. Однако после того, как я был вышвырнут со службы и от отчаяния упал на стакан, выяснилось, что "я ее никогда не удовлетворял".

Продажу квартиры бывшая провела по разводу молниеносно. По документам за нее заплатили копейки, и суд признал мою долю в разделе имущества "законной и справедливой". Впрочем, тогда все прошло для меня, как в тумане. Единственное чего мне хотелось — это бухать подальше от чьих-то глаз. После — однушка в гостинке, ночь с блядью-малолеткой, камера, конура в Русе, рынок, кладбище, Мила, бомба, гибель Сереги...

* * *

Бывшая моя квартира, с которой было связано столько воспоминаний, давно уже принадлежала другим. Но в ней, точнее, на чердаке нашего дома спрятано то, за чем я сюда пришел.

Оставив машину на платной парковке недалеко от метро, поднимаюсь по улице и сворачиваю во двор. Конечно, за минувшие десять лет почти все хозяева поменялись, но многие меня помнят. Например, Мария Иосифовна, милая старушка, мама какого-то мелкого олигарха, выгуливает на клумбе толстого веселого мопса.

— Ой, Витенька, здравствуй! Как дела? Говорили, что ты после развода совсем...

— Здравствуйте, Марьось... Да нормально. В завязке вроде, работу ищу. К новым владельцам хочу зайти, мне копия договора нужна. Я свою потерял, а для перепрописки требуют...

Несу чушь, но старушка благодаря любящему сыну живет в развитом коммунизме, и в юридические мелочи не вникает. Обещая непременно заглянуть "завтра или на той неделе", исчезаю за открывшейся дверью.

Запор на чердачной двери так и не поменяли, проникаю вовнутрь без проблем. Зря, что

ли, в свое время пыхтел, прилаживая хитрый болт, потяни за который — засов и сдвинется.

Внутри сухо, пахнет плесенью и мышами. В старших классах моей настольной книгой был "справочник кладоискателя", потому тайник устроен не за стрехой, куда только ленивый не лазит, а в нише за одним из торчащих на самом виду кирпичей. Там по мере взросления поочередно укрывались рогатки, сигареты, презервативы. Позже всякие левые документы и деньги на черный день. К разводу, единственным предметом, оставшемся в тайнике, был ПСМ отца.

Вороненая сталь, серые щечки рукоятки, маленькая серебряная накладка: "Майору Верещагину за проявленное мужество при исполнении интернационального долга. Заместитель Министра обороны СССР С.Л. Соколов". Две коробки патронов.

Пистолет самозарядный малокалиберный, предназначавшийся для вооружения "высшего командного состава Советской армии, оперативных групп КГБ и МВД СССР" был таким же престижным атрибутом военной номенклатуры как генеральские лампы и черная "Волга". Но отец относился к нему как к игрушке, хранил как память, даже последний в жизни выстрел сделав из личного ТТ.

После смерти отца обыск в доме не делали. Просто забрали все награды и документы. Про наградной, в нарастающем угаре неразберихи, даже и не спросили. ПСМ отец держал и тщательно замаскированном сейфе, но разве можно что-то укрыть от мальчишки? На следующий день после похорон я, опасаясь, что власти опомнятся, перепрятал ствол на чердак. Как отцовскую память и оружие, которое когда-нибудь может и пригодиться. Вот и пригодилось, твою мать...

Впрочем, хватит ностальгировать. В припасенном блокноте набрасываю заявление в милицию о добровольной сдаче случайно найденного оружия. Проставляю номер ствола, дату, время. Лишний раз рассекать по городу, особенно в моей ситуации — тогда уж проще сразу прийти в опорный пункт милиции с заранее написанным чистосердечным признанием. А так, до и от машины пройду спокойно. Да и если на нашей с Милой базе прихватят, лишняя отмазка будет.

Выхожу из подъезда, не оборачиваясь. Мягко хлопает за спиной управляемая доводчиком дверь. Все. Вряд ли сюда вернусь. Оглядываюсь. Мария Иосифовна уже ушла. Возится в песочнице малышня, да копаются в телефонах две молоденькие мамы. И всё это — бомбой? "Хер вам!" шепчу.

Гайцы меня остановят вряд ли, но в жизни бывает всякое. Надеваю одноразовые перчатки, купленные еще когда ходили с Милой в супермаркет. Аккуратно подрываю обшивку на спинке переднего пассажирского кресла. Осторожно засовываю в щель ПСМ. Ну и отлично. Со стороны не видно. Специально выбирал освежитель салона поядовитее. Чтобы даже самая опытная СРСка^[43] зачихала...

Последний номер программы — небольшой магазинчик на первом этаже жилого дома в спальном районе, где торгуют всякими охранными прибабасами. Здесь приобретаю детектор поля. Он же антитрекер, он же детектор жучков. Небольшая плоская коробочка определяет буквально все, от спрятанных веб-камер и микрофонов до GSM — сигнализаторов и радиомаячков. Квартиру нужно проверять хотя бы раз в сутки, да и в "экспедиции" такая игрушка не помешает"...

Еду домой, привычно кидая заячьи петли. Никого и ничего. Ну что, перекемарить чутка и стартовать?

29 VIP-рейс для майора

Старенький геологоразведочный вертолет с облупившейся краской и следами ржавчины на бортах оказался на редкость шустрым. Едва захлопнулся люк, как двигатель громко застрекотал, словно хорошо отлаженные часы, и он взмыл в серое приволжское небо. Пашкин вжался в продавленное кресло из вытертого дерматина. При этом, следуя вошедшей в кровь привычке, не забывал внимательно поглядывать по сторонам с безразличной ухмылкой.

Рыбье тело вертушки сотрясалось в мелкой дрожи. Над головой рокотал двигатель. О том, чтобы порасспрашивать группу по торжественной встрече, не могло быть и речи. "Черные" разместились в пассажирском отсеке наособицу и тут же натянули на головы шлемофоны. Кричать через проход — выглядело бы минимум глупо, да и средства связи ему никто не предложил. Кстати, о связи! Пашкин осторожно двинул рукой в сторону нагрудного кармана, где лежал запасной мобильник, отключенный до поры. Один из "соседей" мигом отследил движение и с улыбкой помотал головой, дескать, не шали, товарищ майор. Майор внял и больше шалить не стал.

Больше разглядывать было нечего. Внутренности старого "Мишки" никакого интереса не представляли, да и за мутным стеклом иллюминатора понемногу темнело. Пашкин, измотанный по совокупности всеми сегодняшними событиями сам не заметил, как вырубился. Конечно, обстановка не способствовала, но усталость взяла свое. Подголовник мягкий, двигатель ГТД-350 ритмично почиивает, аж две няньки на тебя внимательно смотрят, чтобы дитяtko, не дай бог, игрушечку не сломало. Чего бы и не покемарить, пока время есть? Хотели бы грохнуть — прям в кювет положили бы. И "Макар" за пазухой не помог бы...

— Роман Александрович! Подъем!

Пашкин дернулся, очумело глянул на часы. Надо же, и десяти минут не прошло, а развезло на сон, будто салабона в первом суточном наряде... Пока он дремал, машина приземлилась.

С легким рокотом отодвинулась дверь, в отсек хлынул прохладный, чуть пряный воздух. Дождаться особого приглашения майор не стал. На слегка подрагивающих ногах выбрался из вертолета. Над головой, понемногу замедляясь, тихо шуршали лопасти. Огляделся. Присвистнул. Недалеко улетели.

Пейзаж был хорошо знаком. Вокруг — поля. Под ногами бетон армейской взлетки. Вдоль взлетной полосы замерли черные образцово-показательные вертушки. Память заботливо подсказала: Соколовый, аэродром базирования бывшего 131-го учебного вертолётного полка, недавно переформированного в Учебную авиационную группу. ВПП за индивидуальным номером 09 дробь 27, длина две тысячи, ширина восемьдесят метров, покрытие — бетон.

Хорошо это или плохо? Скорее второе. Хоть и тоже авиационная часть, но обслуживается другим управлением ДВКР, которое окормляет военные учебные заведения. Стало быть, совсем чужая парадия. Место тихое, гауптвахта у них, если не изменяет память, своя. Можно запереть пленного "для выяснения", можно допросить вдали от чужих ушей и глаз...

Глаз особиста, привычный к регистрации любого аэродромного непорядка, быстро

выцепил главную несообразность. Метрах в пятидесяти от вертолета стояло два гостя, очень даже нетипичных для здешних мест. Поближе — обычный Як-40. Правда, без каких-либо, помимо обязательной маркировки, опознавательных знаков, вроде эмблемы эксплуатанта. За ним, дальше — иностранный красавец бизнес-класса, смелостью обводов напоминающий футуристический концепт-кар "Инфинити" последней модели.

Если появление "Яши" на территории летной школы можно было хоть как-нибудь объяснить, то знакомый Пашкину по рекламным проспектам Piaggio Avanti P180 однозначно смотрелся павлином в вороньей стае. Помимо весьма нехилых летных характеристик и фотографий царских хором салона, в том же проспекте была проставлена цена крылатого чуда. Семь миллионов и, само собой, не рублей.

"И какая же, позвольте спросить, организация прислала сие авто?"... подумал он цитатой из "Утомленных солнцем". Вспомнил и ответ: "Областная филармония". И как потом вдумчиво мудохали коллеги-особисты товарища Котова на задней сидухе... Авансом отпиздили, будто про второй фильм что-то этакое знали...

Мысли-скакуны помчали майора извилистыми дорожками непредсказуемых ассоциаций. То ли его на этом "Аванти" к олигарху какому-то на ковер повезут, то ли сам неведомый хозяин итальянского чуда пожаловал для беседы с простым замначальника контрразведки энгельской авиабазы. А может, выжил кто из чеченских "крестников" — которых он еще в ноль четвертом, находясь в составе спецгруппы, забрасывал гранатами прямо в схронах? Выжил, амирский перстень с черным камнем на грязный палец нацепил и ради красивой мести одолжил самолет у катарского шейха. Бред, но и такое бывало.

Или бывшая, которая уехала в Эмираты, чтоб ей счастья в личной жизни, стала у того же шейха двадцать седьмой женой и решила в очередной раз выяснить отношения. В полном, как говорится объеме. С его лихой майорской биографией наука, как говорится, умеет много гитик...

Пашкина тронули за рукав, вежливо, но без капли почтения:

— Товарищ майор, нас ждут!

Майор кивнул, независимо вскинул голову и гордо зашагал в направлении призывно откинутого итальянского трапа, мол, все снесу и все приму, ссылку, каторгу, тюрьму... Разговорчивый "черный", если таковым можно было назвать человека, обронившего за все время несколько фраз, шел сбоку. Второй, что так ни слова не вымолвил, двигался позади.

— Пришли, Роман Александрович...

Пашкин остановился напротив Яка и непонимающе глянул на ступеньки, ведущие в самолетное брюхо.

— Не на том? — обида в голосе майора была очень похожа на настоящую. Слаб человек, сильны в нем инертность мышления и тяга к роскоши...

— Не те у нас звезды на погонах, — улыбнулся боец. — Да и, если честно, Як-то в определенном смысле и понадежнее.

— Эх, не прокатил я свою тушку по-буржуйски! — горько вздохнул Пашкин.

— Тут сиденья тоже мягкие, — подмигнул "разговорчивый", — а за стюардессу я побуду. Вы, Роман Александрович, что предпочитаете, водку или спирт?

— Чачу домбайскую! — категорично заявил майор и потопал вверх по ступенькам.

В салоне, сразу же за "предбанником", переминаясь с ноги на ногу, стоял тощенький отутюженный старлей с общевойсковыми эмблемами и в очочках с толстыми стеклами. Под мышкой у него была зажата пухлая папка для документов, с какими обычно шмыгают по

коридорам штабисты.

— Здравия желаю, товарищ майор! — поприветствовал очкарик Пашкина.

"Говорун", как мысленно окрестил первого бойца Пашкин, неожиданно протянул руку:

— Капитан Иванов. Можно Костя!

Примеру капитана последовал и молчавший до того второй, обозванный как "Рыб":

— Старший лейтенант Петров. Сергей.

Пашкин ухмыльнулся, кивнув в сторону штабного:

— Ну а это Сидоров, я так понимаю? Близнецы, что ли?

— Никак нет, товарищ полковник, однофамильцы! — хохотнул капитан Костя, — Это у нас — Знай..., то есть старший лейтенант Муравьев, офицер строевого отдела.

Старлей серьезно кивнул, поправил очки. На долю секунды за толстыми стеклами мелькнули его глаза. И от этого быстро-острого, словно удар шилом в печень, взгляда, Пашкину захотелось поежиться. Плавали, знаем. У нас в ВКР таких "офицеров строевого отдела" тоже хватает, подумал он. В две шеренги на подоконнике построит, после чего, очковок своих не снимая, вежливо, с извинениями, папочкой глотку и перепилит. Хрен с ним, пусть уж будет Муравьев, лишь бы не Апостол...

"Штабной" поправил оптику и тут же снова стал собой прежним.

— Товарищи офицеры! — произнес он скучным и донельзя официальным голосом. — Во исполнение полученных инструкций предлагаю проследовать в салон, чтобы проследовать куда следует. — Капитан "Иванов-можно-Костя" оказался не только говоруном, но и весельчаком. Зайдя старлею за спину, скорчил смешную гримасу. — Но прежде, чем это сделать, — не обращая ни малейшего внимания на маневры капитана, продолжил старший лейтенант, — нужно исполнить небольшую формальность.

С лица Константина улыбка слетела, будто и не было ее. Капитан и "Рыб" Петров тоже как-то непроизвольно подтянулись. Пашкин, державший из последних сил форс, вытащил руки из карманов и засопел. Ибо "небольшой формальностью" такой вот Муравьев-не-Апостол запросто мог назвать что угодно — от присвоения звания Героя России, до объявления приказа о приведении в исполнение приговора. Далеко не оправдательного, и не попадающего под мораторий на исполнение смертной казни...

— Сначала вы, товарищ капитан, — обратился штабной к Косте. Тот дернул носом и кивнул.

— В общем так, Роман Александрович, — сказал он, серьезно глядя на Пашкина. — Кота за хвост, уши и яйца тягать не будем. Мы тут, так сказать, посланы командованием нашей части. Есть у нас, понимаешь, в штате вакантная должность...

Капитан сделал паузу, то ли переводя дыхание, то ли ожидая какой-либо реакции. Но Пашкин вступать в разговор не спешил, выжидательно глядя на собеседника. Поняв, что пауза затягивается, тот продолжил.

— Вот только рассказать о том, что за часть, я не могу. Вернее, конечно, могу. Но, как говорится, лишь после того, как подпишешь обязательство о неразглашении. И полетишь с нами. На сей раз — уже добровольно. Подробности — на месте, по прибытию. Ничего, что на ты?

— Лететь далеко? — каркнул майор, и тут же мысленно выругал сам себя. От волнения свело горло, и ответ прозвучал так, будто ему страшно.

— Часа два-три, навскидку.

— Так что, бумагу прям здесь подписывать? — второй ответ вышел получше. Сухо, но

без позорного карканья в голосе.

— Ага, — кивнул капитан. — Для этого, в общем-то, Муравьев и приехал.

Штабист тут же сделал шаг вперед.

Пашкин сделал вид, что задумался. Хотел спросить: "А если не подпишу?", но передумал. Да и что тут думать-то, по большому счету? Дальше Энгельса не сошлют, меньше замначотдела должности не дадут. Потому что для его возраста, выслуги и звания "дальше" и "меньше" просто не существует.

— Нет, конечно, никто тебя не неволит! — словно прочитав мысли Пашкина, несколько нервно произнес капитан. — Вон там, — он дернул головой в сторону выхода, — КПП. Отсюда за пятихатку любой проезжий, вплоть до дежурной машины до Саратова добросит за полчаса. Машину свою заберешь у гайцов, им дано такое распоряжение. К губернатору уже сегодня не попадешь. Товарищ Калинин полчаса как в сауне заседает. Но помощник тебя примет и бумаги твои возьмет. Калинин тут же вылезет с разоблачениями на центровые телеканалы, и ссылаться будет на "информацию из ФСБ". После такого гешефта, сам понимаешь, уволят тебя, майор, в двадцать четыре часа по служебному несоответствию и без выходного пособия. А возьмет ли к себе губернатор хотя бы на дачу в охранники — баальшой вопрос. Под ним кресло шатается, как в открытом море при семи баллах по шкале Бофорта. Ну да что там говорить. Ты не девка, уламливать не собираюсь. Выбор за тобой.

— Расписку прочитать разрешается? — угрюмо спросил майор.

— Конечно! — ответил Костя. — В его голосе звучало явное облегчение.

Муравьев тут же заученно распахнул папку на нужном документе, предъявив лист, на две трети заполненный текстом.

Пашкин повернулся так, чтобы на бумагу свет падал поудобнее. Вчитался. Ну что же, никаких особых откровений. Стандартный шизоидный стиль профессионального параноика, коим является любой кадровик в погонах, от писаря строевого отдела до начальника Главного управления кадров... Хранить... не передавать... пресекать... информировать...

Нечто подобное он предположил практически сразу, как наиболее вероятную версию происходящего. Даже из того, что он увидел, было, к ворожке не ходи, ясно, что ему предлагают НАСТОЯЩУЮ СЛУЖБУ. Променять которую на аэродромное прозябание или очень даже реалистичский прогноз капитана мог лишь последний кретин. Кем-кем, а кретином Пашкин себя никогда не считал. О том же, что служба явно будет веселой, говорило уже многое — внешний вид "вербовщиков", их поведение... Да и задействованный вертолет с Яком — вовсе не хухры-мухры!

Майор поднял глаза. Кивнул. Капитан, не дожидаясь озвучивания просьбы, тут же подал чернильную ручку. Видно, приготовил ее заранее и все это время сжимал в руке, потому что металлический корпус оказался теплым. На краткую долю секунды майору, человеку начитанному, показалась, будто ручка заправлена жидкостью характерного красного цвета. Однако на кривой из-за легкого, куда без него, мандража подписи чернила были самыми обыкновенными. Фиолетовыми, как раньше у первоклассников...

Муравьев переложил подписку чистым листом и осторожно закрыл папку. "Рыб" Петров неожиданно улыбнулся совсем по-гагарински, мягко и открыто. Капитан Костя пригласительным жестом указал вглубь салона и почему-то не по-русски сказал:

— Прошу пана до литака!

После чего гаркнул в сторону приоткрытой двери кабины:

— Все, вылетаем!!!

Салон при беглом обзоре оказался вполне приличным, хотя левым одиночным рядом кресел разительно напоминал трамвай. Но хоть не свисали обрывки проводов, как в Тадже, и не катались в проходе пустые бутылки, как это было, когда они конвоировали от Дагестана до Москвы с трудом отловленного командира арабских наемников...

Трап-аппарель пополз вверх. Загудели, прогреваясь, движки.

Майор, сообразно привычке занимать самые удобные места, прошел в нос. Плюхнулся на сиденье, и вправду оказавшееся мягким. Товарищи офицеры расположились поблизости. Тому, что "покупатели" хоть для проформы не поинтересовались, а дают ли им добро на взлет, Пашкин даже не удивился. В Зазеркалье, Алиса, свои законы!

Расселись в первых рядах, поближе к так и незапертой кабине. Второй пилот выскочил на минуту, задраил кормовой люк и, даже не поинтересовавшись пассажирами, скрылся обратно.

Заполучив подпись, "покупатели" поддерживать беседу не спешили, глядели в окна. Муравьев вообще засопел, плотно прижав в груди заветную папку. Майор, впрочем, тоже не стремился залезть на броневилок и трепаться, трепаться. Лучше подремать, пока снова не засунули куда-нибудь, ради разнообразия, к примеру, в подводную лодку.

Во время выруливания в иллюминаторах промелькнул все так же стоящий с открытым люком "Аванти". За каким дьяволом приземлялся в Соколовом этот навороченный "итальянец", Пашкин так никогда и не узнал. Сперва не до того было, потом стало неинтересно. Может быть на секретные переговоры какого-то деятеля привозил, а может аварийную посадку совершил. Не все ли равно, в самом-то деле? По просторам России-матушки и не такое еще летает...

"Як" рванул вперед с резвостью истребителя и, оторвавшись от бетона, начал, чуть ли не вертикально, как показалось Пашкину, набирать высоту. Набрал, выровнялся, зашелестел уютно турбинами.

— И что, сугубо из-за меня одного такой аппарат гоняли? — спросил Пашкин, решив, что если с формальностями покончено, то самое время начать светскую беседу. — Он же керосину за полет сжигает столько, что моему отделу на годовой лимит выписывают.

Майор хотел поправиться и сказать "выписывали", но в последний момент придержал язык. В русском языке времена у глаголов — как Восток, дело тонкое.

— Предполагаю, что у нас с лихвой отработаете, товарищ майор, — наконец-то голос прорезался у "Рыба". То есть, пардон муа за плохой филиппинский, старшего лейтенанта Петрова. Голос у старлея оказался тускл и безжизненен. Такие Пашкин частенько слыхивал на войне. Слово человек не спал трое суток, отмахиваясь малой пехотной лопаткой от наседающих гадюк. И устал до того, что ему сейчас пофигу все.

— Ну, тогда, как работа появится, разбудить не забудьте! — заявил майор, поерзал в кресле, усаживаясь поудобнее. И, перед тем, как закрыть глаза, решив понаглеть, добавил. — А еще, военнопленных по конвенции кормить спросонья положено!

Хотел еще поинтересоваться, почему его так картинно вынули из машины прямо в пути. Не самый ведь простой вариант. Для захвата нужно было знать, по меньшей мере, когда и куда он едет. Но любопытничать не стал. "Покупатели" — ребята вроде не вредные, однако вопросы посерьезнее решать придется по-любому не с ними, а с направившим их хозяином...

Пашкин, не сказать, чтобы очень привычный к перелетам, все же сумел выспаться и в неудобном кресле Яка. Проснулся от болтанки. Самолет заложил вираж со снижением, явно

заходя на посадку. За иллюминатором чернота с редкими проблесками огоньков сменилась пожарищем огней, разлитых под крылом. Никак, Москва, что ли? А ты, майор, чего хотел? У нас все на Москву завязано. Не во Владивосток же тебя везти, в самом деле? Но город остался правее...

— Чет я не понял нихера!!! — рывкнул над ухом Костя. — Мы что, не у нас садимся?

Из кабины высунулась лопаухая голова.

— Приказ из штаба, товарищ капитан! — озабоченно доложил второй пилот. — Борт требуют срочно приземлить на вторую точку, там какой-то легкий форс-мажор. А вас дождется машина. Из вашей же части. Так что еще и по Москве покатаетесь.

Голова исчезла, и через несколько секунд самолет ухнул вниз.

— Не судьба пока что отужинать, Роман Саныч! — развел руками капитан Костя. Смена маршрута, похоже, для него была делом привычным. — А насчет домбайской чачи, которую давеча поминали, так за этим дело не станет. Мы и в тех краях бываем.

Лопоухий второй пилот и неведомый командир, несмотря на то, что сидели за штурвалами вполне мирного Яка, явно были людьми с военным опытом. И не просто с военным, а боевым. Сели без плавного выруливания и медленного снижения, а резко, тут же тормозя. В ноги толкнуло изрядно. Такой стиль посадки вырабатывается у тех, кто привык учитывать вероятность получения в борт очереди из ДШК...

Самолет, полавировав по рулежкам, остановился. Второй пилот отдраил кормовой люк и опустил аппарель. Пассажиры ступили на теплый еще бетон. Похоже, что аплодировать по приземлению, благодарить экипаж, да и вообще прощаться здесь было не принято.

Пашкин толком не успел оглядеться, как к самому краю стоянки подлетел, ревя двигателем, тентованный "Урал", и из кузова на асфальт посыпались крепкие парни. Все в черной форме без знаков различия, точно такой же, как и у "покупателей". Поголовно с оружием. Новомодные АК — "сотой" серии, два "Печенега", мелькнуло несколько чехлов для снайперских винтовок. Да уж, не рота охраны из Энгельса.

Бойцы тут же начали принимать рюкзаки из кузова, после пришла очередь здоровенных сумок. Что было внутри — неизвестно, но в самолет каждую таскали аж вчетвером. Мимо майора и сопровождающих парни протопали как мимо пустого места.

Последними из "Урала" выбрались два бойца вовсе уж устрашающей комплекции, про каких говорится, что легче перепрыгнуть, чем обойти. Меж ними болтался человек в наручниках и с мешком на голове. Почувствовав под ногами надежную опору, он вдруг начал громко орать, путая чеченские слова и русские ругательства, обещая посадить в самый глубокий зиндан и отрезать всем уши, головы и прочие части тела. Впрочем, долго поорать не получилось. Один из конвоиров без замаха врезал по мешку кулаком. Остаток пути по взлетке и по трапу пленный преодолел молча и не дергаясь. Висел себе...

Майор понимающе хмыкнул и отвернулся. Сопровождающие тоже промолчали. Хотя, что тут говорить? Двигают ребята на операцию. То ли по захвату, то ли по обмену, а может быть и для "показательно-устрашающего мероприятия". Правда, куда они лететь собрались — это вопрос. Но, как говорится, в каждой избушке — свои игрушки.

Разгрузившись, "Урал" чихнул дымом и столь же резво укатил. Со стороны летного поля к "Яку" подполз зеленый топливозаправщик. Техник, в нарушение всех инструкций, протянул шланг к самолету и начал заправку с людьми на борту. Порядочки!

Протопал по трапу невидимый до того командир. Молча, хмуро зыркнул на пассажиров, отошел в сторону и с нескрываемым удовольствием стал орошать траву. Облегчившись,

летун подошел к ТЗ, переговорил с технарями и стал гулять под самолетом, периодически пиная ногой литую резину шасси. Судя по всему, в здешних палестинах о летных нормах даже и не догадывались. Пашкин представил, какой бы поднялся на его базе вселенский вой, если бы экипаж попробовали гонять туда-сюда, словно вокзальных таксистов...

Залив самолет под пробки, топливозаправщик заурчал и уехал. Через несколько минут самолет загудел двигателем и покатился в сторону ВПП. Лихой "афганский" взлет "свечкой в небо" со стороны смотрелся еще эффектнее, чем из салона.

Проводив взглядом самолет, уходящий куда-то на восток, капитан Костя махнул рукой: — Пройдемся? Тут метров двести.

Ожидавший их автомобиль был предпоследней ГАЗовской моделью. Гордостью, можно сказать, всего Нижнего Новгорода и окрестностей, включая вовсе неизвестные науке-географии поселки. Детище российского автопрома выглядело типичнейшим американским "сараем", обводами смутно напоминая то ли новый "Крайслер", не то древнюю "Шевроле Люмину". На первый взгляд, "Антилопа ГАЗ" ничем не отличалась от прочих сестер, сошедших с конвейера. Но майор тут же распознал затемненные пуленепробиваемые стекла и выглядывающие из-под скромных пластиковых колпаков титановые диски. Не было ни малейшего сомнения, что и двигатель под капотом — вовсе не стандартная "двушка", а что-то гораздо более серьезное. От "Рено" или "Дженерал моторс". Следовало также и ожидать, что тонкий металл дверей и крыльев скрывал броневые плиты.

Пашкин глубокомысленно хмыкнул и решительно взялся за ручку, на корню пресекая потуги на вежливость, которые попытался изобразить Муравьев, чуть не уронивший свою папку. Вполне ожидаемо дверь оказалась довольно тяжелой. Майор нырнул в теплоту прогретого салона. Внутренности у машины были из натуральной кожи.

Одновременно хлопнули и остальные двери. Старлей Петров занял "штурманское" место рядом с водителем. Слева сел Муравьев, чуть не уронивший очки, а справа Пашкина подпер капитан Костя. Предположения майора насчет не самого простого двигателя подтвердились на все сто. Машина рванула вперед с лихостью "Порша".

Вихрем промчались сквозь заблаговременно раскрытые ворота, попетляли по полю. В минуту выскочили на трассу, где водитель, то ли по собственной лихости, то ли ради "форсу бандитского", ну а может, уловив невысказанное желание капитана показать "фирму" во всей красе, завалил стрелку спидометра так, что всех повжимало в сиденья.

Судя по обрывочным фразам сопровождающих, им предстояло ехать в противоположный конец Москвы. А это даже при самом лучшем раскладе не меньше, чем два часа. Так что можно еще раз перекемарить. Вроде и выспался же, а все равно зевается...

Не успел Пашкин глаза закрыть, как в нагрудном кармане у капитана некормленным медведём взвыл мобильник.

— Слушаю, товарищ командир! Так точно, согласился! Никак нет, яйца в дверь не пихали, мы ж не звери из дознания, он все сам! Служу Советскому Союзу! О местонахождении не докладываю, вам и так на экране видно...

Короткий разговор, полный ерничанья и черного юмора явно касался майора, поэтому Пашкин позволил себе вопросительный взгляд в зеркало заднего вида.

— Все нормально, Роман Александрович, — развернулся к нему капитан, пряча телефон, — у командования совещание кончилось, вот он нашими делами интересуется. Не сбежал ли вдруг товарищ майор сквозь снега и метели. — И неожиданно процитировал. — Вот почему старый лозунг "техника решает все", являющийся отражением уже пройденного

периода, когда у нас был голод в области техники, должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что "кадры решают все". В этом теперь главное.

В устах капитана точная цитата из речи Сталина в 1935 году прозвучала на удивление современно. Но начитанного Пашкина удивить эрудицией было трудно. Стало быть, кадры у вас решают? Ну-ну...

— Надо было сказать, что сбежал! — усмехнулся Пашкин. И тут же почувствовал, как напрягся сбоку Петров.

— Не наш метод! — отмахнулся капитан. — Да и я бы тогда мимо подарка пролетел! Мне же командир, если с тобой сторгуемся, обещал "Морского Льва" выбить у довольствующего органа!

— В Москве-реке карасей отстреливать будешь? — не удержавшись, провокационно съехидничал Пашкин, в надежде спровоцировать капитана на "непроизвольную выдачу существенной информации".

— Где прикажут, там и буду! — полушутливо отрезал Сергей. — Хоть в Москве-реке карасей, хоть в Амазонке пираний. — Хотел что-то еще сказать, но, опомнившись, прикусил язык и весело рассмеялся. — Ловок ты, товарищ майор. Не ошиблись, что тебя предложили... Ладно, так мы и до утра до дому не доберемся. Зафиров, пропуск на стекло, мигалку на крышу, маяки включить, и по центральной!

— Первый торпедный — "Пли!", — прокомментировал приказ водитель, и, не сбавляя скорости, проделал все перечисленные манипуляции.

Холодный ветер, проскочив через приоткрытую форточку, больно стегнул по лицу. Мерзко замяукала сирена. Через несколько минут автомобиль пронесся мимо приветственного щита городской черты и вылетел на среднюю "мажорную" полосу. В окне мелькнул указатель "МКАД — 20 км".

Трасса оказалась практически пустой, но все же пяток безумно дорогих "Хаммеров" со всякими "Лексусами" с дороги они согнали. Мелочь, а приятно...

Уже на въезде в столицу капитан осадил разошедшегося водителя

— Ну все, хорош. Побаловали, да й будя!

Зафиров послушно вырубил "светомузыку" и сбросил скорость до приемлемых в городе шестидесяти пяти. После гонки майору показалось, что они ползут как беременные улитки. Машина влилась в поток простых смертных, и вскоре они выехали на берег Москва-реки. На противоположной стороне мелькали стены и башни Кремля. Но майор видел их вполглаза. Спать хотелось немилосердно, и Пашкин вновь задремал.

Снилась ему несостоявшаяся пассия-секретутка, в пилотке и полковничьем кителе, под которым не было ничего... Пассия принимала эротические позы и матерно ругалась голосом шефа.

В очередной раз проснулся майор от того, что Зафиров резко затормозил. "Экипаж машины боевой" привычно схватился за ручки над дверями. Пашкин спросонок ручку не ухватил — пришлось вцепляться в переднее кресло.

Машина свернула с трассы на щебеночный проселок, не отмеченный какими-либо дорожными знаками. Ну что же, классический подъезд к армейскому или какому-нибудь подобному спецобъекту. Стало быть, скоро финиш.

Автомобиль подкатил к полинялому шлагбауму с подчеркнута мирной табличкой "Зареченское охотхозяйство. Посторонним въезд запрещен". Они здесь явно были не посторонними. Толстенный деревянный брус стремительно и совершенно бесшумно взлетел

ввысь, освобождая дорогу.

Теперь это уже была "сталинского" качества бетонка, а вокруг них простирался добротный сосняк, из тех, которыми привыкли огораживать всякие хитроумные места еще со времен Вячеслава Рудольфовича Менжинского. Не успел майор вдохнуть полной грудью чистого, пропитанного запахом хвои воздуха, как перед глазами раскрылась хорошо знакомая картина пригородного элитного спецгородка, где дачи высокопоставленных чиновников и олигархов районного масштаба перемешаны с санаториями и усилены самыми разнообразными "запретными зонами", "тренировочными базами" и "учебными центрами" очень непростых ведомств.

Миновал маленькое, но очень живописное озерцо с лилиями и аккуратным песчаным пляжем, автомобиль углубился даже не в улицы, а в подлинные среднеазиатские дувалы с бесконечными глухими заборами с колючкой наверху, отгораживающими гектарные "фазенды"

Нужный участок оказался третьим по счету. Машина свернула в ворота, что открылись столь же бесшумно и оперативно, как давешний шлагбаум. Пашкин огляделся. Они оказались на территории обычной войсковой части со всеми неизменными атрибутами: штабом, плацем с трибуной и флагштоком, двухэтажными жилыми корпусами.

К одному такому корпусу, стоящему немного на отшибе, они и подъехали.

— К машине, товарищи офицеры! — в обычной полушутливой манере скомандовал капитан, и первым выбрался из салона. Не успел Пашкин вылезти из машины, как штабист Муравьев снова взял инициативу в свои руки.

— Пойдемте, товарищ майор, будем вас на ночлег устраивать. Командир не дождался, спать пошел. Так что мы вас пока в гостинице разместим и велит ужин сообразить. А в восемь утра посыльный проводит в штаб. Там все формальности и уладим.

Пашкин толком не помнил, как добрался до кровати. Отметил лишь, что "номер" чистый, с недавним евроремонтом, простыни свежие, а на стене схема действий при объявлении тревоги. От ужина отказался, разделся и рухнул на упругий матрац.

Ох и денек. Не то кино без немцев, не то, наоборот, цирк с конями... Напоследок в голове совершенно не к месту возникла фраза: "Иван Арнольдович, покорнейше прошу пива Шарикову не предлагать!"

30. Сердца трех

К Русе подъезжаю с противоположной от Киева стороны, мало ли что. К счастью, вокруг аэродрома тихо. Огромное летное поле дремлет, не опасаясь таких, как я, неожиданных гостей.

Опель оставляю скучать метрах в трехстах от аэродромного ограждения, в тихом кармане. Пусть постоит, отдохнет с дороги. Отлеживаться некуда — еще несколько часов, и небо начнет светлеть, а такое счастье мне и в хуй не тарыхтело не надо. Для того чтобы выкопать узкий шурф, понадобится часа два-три, не меньше... Запихиваю лопатку под "спину" рюкзака, сверху прищелкиваю миноискатель. Дозиметр в один карман, пистолет в другой. Оба ножа еще со старта в набедренных карманах штанов. Чехол с навигатором вешаю на шею.

Луна, луна. Цветы, цветы... В смысле, луна почти полная. Висит над головой, щурится. Мол, творческих тебе успехов, мой полуночный товарищ... Щурюсь в ответ, но цепляю на лоб ноктовизор. Случай, сами знаете, бывают разные...

Стараясь не пересекать открытые пространства, оббегаю летное поле чуть не по периметру, отмеченному заплывшими ямками на месте некогда вырванных с мясом столбов. Сердце бьется чуть сильнее, чем следовало бы после такого легкого кросса. Но и я, пардоньте, уже не тот спортивный подтянутый капитан с чистыми легкими и здоровой печенью... Хорошо, что организм уже малость подчистился от алкоголя, а то тут я бы и сдох.

Минут за двадцать пять добираюсь, наконец, до нужной рощи. Клены разрослись чуть ли не в целый лес — лет десять-пятнадцать их никто здесь не вырубает. Впрочем, оно кому благо, а кому — головняк. Если бы не упоминание "строго на север от крайнего ангара", то блукать мне без привязки до самого утра, возя по траве индуктором металлоискателя и обнаруживая всяческий хлам. Включаю навигатор на максимальном масштабе. Вот он, я, вот крайний ангар. Так... А если провести прямую, то примерно в том квадрате. Ставлю метку и двигаюсь в направлении, которое подсказывает умный прибор.

Когда цифры на экране намекают, что до точки осталось двадцать метров, прячу его в карман. Район поисков определен, дальше нужно глазками и без шума... Прислушиваюсь. Вроде бы тишина. Пробираюсь сквозь заросли, лавируя меж стволов и уклоняясь от веток, так и норовящих с размаху хлестануть по лицу. Шагов через десять замечаю, что впереди светлеет. Поляна?

В месте, где было закопано с полсотни аккумуляторов, так и должно быть. "Здесь птицы не поют, деревья не растут...", поскольку свинец для здоровья не полезен, и флора с фауной это чувствуют. Стало быть, мы на верном пути, товарищи! Но верный путь — это не значит быстрый и безопасный. Осторожно ложусь на землю и ползу, изображая великого индейского воина по имени Чингачгук Гросс Шланге. Луна, наблюдающая за моими действиями с высоты небесных сфер, оценивает героические усилия и ухмыляется.

Так и есть, поляна! И место то самое, которое мне и нужно. В этом нет ни малейших сомнений. Потому что посреди травяного ковра чернеет провал траншеи, рядом с которым громоздятся террикон из кучи выпотрошенных автомобильных аккумуляторов. Похоже, пиздец, приехали. Определили вас, герр гауптман...

Первым порывом хочу вскочить и обматерить всех и вся. Вторым — долго и обреченно завывать на Луну. Но плутовка, словно прочитав мои мысли, шустро прикрывается черной

тучей. Поляна погружается в вязкую темноту. Включаю ноктовизор. Окружающая чернота становится зеленоватой и теперь можно разобрать подробности.

Ага, не так уж все и плохо, товарищи присяжные заседатели! Куча вынудой земли, края траншеи и террикон железных аккумуляторных останков уже осыпались и давно поросли травой. Так что, зуб даю, что это не работа моих конкурентов. Давно прошли те времена, когда свинец из аккумуляторов был нежелательным и бесполезным мусором. А металлоискатель здесь имеется не только у меня.

Сердце, едва не ухнувшее в район пяток, возвращается на законное место и бьется ровно и деловито. Осталось лишь выяснить, не копался ли кто на дне ямы совсем недавно... Еще раз внимательно оглядываю поляну в поисках свежих автомобильных следов и комков выброшенной земли. Ни первых, ни вторых не имеется. Теперь осталось спуститься вниз, пошарить на дне металлоискателем, поглядывая на экранчик дозиметра, после чего начать вдумчивые археологические раскопки.

Это я прикидываю уже в движении — продолжаю играть в пластунскую роту на маневрах и ползу в направлении террикона. Лопатка, напоминая о себе, цепляется за ветки. От мыслей о процессе изъятия у меня, как и у любого киевлянина, выросшего на чернобыльских страхах, неприятно ноет в паху. Но тут уж ничего не поделать, попала собака в колесо, пищи, но бежи!

Укрывшись в ложбинке, прежде чем спуститься в яму, достаю из кармана "Терру". Хрен его знает, товарищ майор, может внизу там фонит хуже, чем в припятском саркофаге, а яйца по-любому мне еще пригодятся. Что бы там себе не думали неведомые вражины!

Мысли о яйцах переключают на главный вопрос философии — так было что-то с Милой в ту злополучную ночь ли нет? Ну ничего, вот вернусь героем, сама расскажет, сама покажет... Мечты о бессмертной душе и довольно-таки соблазнительном (если чуть откормить, конечно), теле моей спутницы неожиданно приобретают весьма и весьма конкретный характер. Так что я, размечтавшись, не сразу и понимаю, что из-за деревьев доносятся тихие голоса.

Слов не разобрать, говорят на грани слышимости. К тому же и за деревьями. Но, судя по всему, движутся сюда, на поляну. Здравствуй, жопа, Новый год! Похоже, не разминулся я с конкурентами! Ну, стало быть, и к лучшему. Как говорится в пафосных триллерах: "Все решится здесь и сейчас!". Заодно к специзделию и языком-другим разживусь... Осторожно перекатываюсь в другую ложбинку, поудобнее, прячу дозиметр, занимаю позицию.

Гости выходят на край поляны. Двое. Говорят почти шепотом, один чуть громче, повизгивая, второй совсем глухо. Слов не разобрать. В смысле разобрать оно можно, только понять — хрена лысого. Потому что говорят по-английски. Минус тут, конечно, есть, неясно о чем щебечут, но дело то поправимое, разберем по жестам и интонациям, обучены, слава богу. А плюс — жирный и однозначный, раз не на нашей мове лопочут, значит точно, они, родимые. В смысле, неродимые, но желанные...

Луна выползает снова, приходится выключить ноктовизор. В неверном свете ночной подельницы рассматриваю парочку, благо они отклеились наконец от деревьев и дискутируют посредине поляны. Первый — ростом чуть выше Милки и такой же шклявый. Глист в скафандре, бля буду! Суетливый, дерганый и ушастый. Второй выше и здоровее. Пошире меня будет. Движения скупые, чутка замедленные. Опасный дядя!

Продолжая беседу, любви дружи огибают с противоположной от меня стороны террикон, останавливаются над самым краем ямы. Ушастый, похоже, что-то приказывает собеседнику.

Слышу отдельные слова, но в общую картину не складываются. И этот чижик у них старший?! Да ну на хуй, как говаривал товарищ Мейрехольд, пока у него маузер не отобрали!

Опасный в ответ кивает. Как-то нарочито, что подозрительно. И о чем-то тихо просит Ушастого. Тот недовольно ворчит, делает пару шагов и наклоняется над ямой. Опасный подшагивает ему за спину. И поворачивается ко мне в профиль — теперь у него в руке "предмет, визуально схожий с пистолетом". На конце визуально схожего предмета — длинный цилиндрик. Визуально схожий с глушителем.

Опасный медленно поднимает ствол, и зрительный зал окончательно утверждается в мысли, что сейчас здесь начнут убивать...

* * *

Алан Беркович с детства боялся темноты. Даже в собственной спальне ему всегда оставляли включенным ночник. Что уж говорить о заброшенном летном поле и этой жуткой роще, где луна только сгущала тени? Стараясь хоть как-то справиться с замешательством, он всю дорогу от машины до места изводил спутника разговорами о всевозможной ерунде. Под покровом ночи Опоссум растерял большую часть подчеркнутой субординации, отвечал односложно, а некоторые вопросы и реплики вообще позволял себе игнорировать. Но Алан не одергивал зарвавшегося оперативника. В двух шагах от заслуженных наград и скорого повышения он мог себе позволить определенную душевную щедрость. Именно так бы на его месте поступил бы Джек Райан...

— Все-таки, Айвен, я не понимаю, к чему такая спешка, — в который раз поинтересовался он у Опоссума. — Неужели мы не могли дождаться утра?

— Это приказ из Ленгли, — спокойно, сдерживая раздражение, отвечал спутник. — Приказ, который передан вам через меня. Немедленное взятие образцов грунта и доставка его в посольство. Директор считает это задачей первостепенной важности, мистер Беркович.

— Ну, это понятно, — произнес Алан, для которого обращение "мистер Беркович" было не менее лестно, чем "ваша светлость". — Открою секрет. Вероятно, после повышения мою группу усилят еще тремя-четырьмя оперативниками кроме вас, Айвен. Ладно, давайте будем делать дело, и поскорее выбираться из этой чертовой дыры.

— Тогда, не могли бы вы лично указать мне то место, откуда именно взять образец? — в голосе Айвена ощущалась явная издевка, но Алан не придавал ей значения. Ему было до ужаса интересно заглянуть в яму, а руки чесались настолько, что он готов был докопаться до бомбы безо всякого инструмента.

Алан подошел к краю ямы и наклонился над ней, чтобы в свете Луны разглядеть, что творится на дне. Его подчиненный при этом даже попытки не сделал, чтобы сдвинуться с места. Ну ничего, бездельник, не пройдет и недели, как я с тобой разберусь, подумал Беркович...

* * *

Опоссум настолько устал от бесконечного нытья Алана и постоянного "мне", "моя", "мое", что с радостью бы прикончил недомерка еще в машине. Путем отворачивания головы.

Медленного и постепенного, чтобы гребанный ублюдок успел глубоко прочувствовать степень своей нелепости. Или посадкой на кол, как тогда, в Ливане. Но это было непрофессионально, а потому недопустимо. Да и к тому же почему бы не дать парню выговориться? Напоследок. Как только они пришли на аэродром, мальчишка явно занервничал, будто что-то почуял. На два метра слышно, как у него, словно у загнанного зайца, сердце колотится.

Тут уж ничего личного, мистер Беркович. Приказ есть приказ, а приказы Опоссум привык выполнять по возможности дословно и точно. Фраза, произнесенная директором по каналу закрытой связи, слово в слово звучала так: "Убедись в том, что предмет на месте, после чего реши вопрос с мальчишкой, а затем и Аскинсом". При этом руководитель ЦРУ не уточнил, в какой последовательности исполнять его предписание, а потому, сообразуясь с реальной ситуацией, Опоссум планировал вначале убрать дурачка — "агента", затем, не спеша и вдумчиво порыться на дне еще вчера обнаруженной ямы, и лишь потом устроить перформанс в стиле любимого им русского писателя Акунина.

В одном из детективных романов указанного автора убийство знаменитого генерала из политических соображений было замаскировано под "смерть на бабе". Отличная идея — подобная кончина сделает Аскинса, уже запятнанного "зиппергейтом", окончательным лузером в глазах окружающих, а ее обстоятельства будут оберегаться от журналистов получше любой государственной тайны. Мелькала зловредная мысль упокоить Чеда в объятиях брутального мужика в кожаной фуражке и черных латексных плавках, но это был настолько явный перебор, что пришлось от нее отказаться. Но это заботы дня завтрашнего. Сегодня же предстояло завершить то, что было тщательно подготовлено на протяжении двух предыдущих дней.

Айвен прибыл на аэродром утром, в сопровождении Берковича. Представился новым менеджером "Калибертона", желающим ознакомиться с "производством" на месте. Украинский подрядчик недружелюбно поскрипел, но в цех запустил, после чего быстро выяснилась причина холодного приема. Из десяти порезанных самолетов местные менеджеры официально смогли отчитаться за цветной металл лишь по девяти. Судьба пропавших нескольких тонн титана терялась в лабиринтах подставных оффшорных компаний, так что у украинских коллег были определенные основания для беспокойства. Однако Опоссум получил все необходимые консультации и знал, как себя вести.

Успокоив местного директора тем, что его совершенно не интересует судьба металла, а волнует исключительно состояние доставленного из Америки оборудования, он за несколько часов облазил все склады и цеха, и когда утомленные сопровождающие сбежали, наконец, на обед, заложил в стопку металлических листов, еще недавно бывших крыльями и обшивкой грозных "Медведей" портативный, но мощный термозаряд, принесенный в кейсе. В состав металла, из которого делали самолеты, в большом количестве входит магний. В сплаве с алюминием — страшная горючая смесь.

Теперь достаточно нажать на кнопку радиодетонатора, и чернеющий вдалеке второй по счету ангар вспыхнет исполинской зажигательной бомбой с пламенем в несколько тысяч градусов. В котором и предстоит "сгореть" бедолаге-сотруднику негосударственной организации "Американская лига социальных исследований" Алану Джефферсону Берковичу, чей портрет вскоре появится в "черном холле" штаб-квартиры ЦРУ, где стены увешаны фотографиями сотрудников, погибших при исполнении.

А чтобы ни у кого не возникло вопросов, какого ебанного Ктулху Беркович среди ночи

оказался на складе, Опоссум так, чтобы его "случайно услышали" местные, несколько раз тихо произнес по-русски, обращаясь к невидимому, а на самом деле и не существующему собеседнику: "Факт недостачи на первый взгляд подтверждается. Но мы собираемся еще раз посетить склад негласно, ближайшей ночью. Будьте готовы открыть нам нужные помещения". Информация о том, что слишком въедливый мальчишка ночью пробрался на склад, а местные, чтобы упрятать свои махинации, совершили поджог, станет рабочей версией для обоих следствий. Официального, которое проведут местные власти. И негласного под эгидой ЦРУ. Версия станет объяснением произошедших событий, а дело будет закрыто за недостаточностью улик.

Опоссум, изучая документы, обратил внимание на то, что в пожаре погибнут последние части того самого самолета, который доставил в Русу злополучную бомбу. Что же, все возвращается на круги своя...

Ну что же, теперь, наконец, к делу. Опоссум долго размышлял над тем, где исполнить Берковича и куда укрыть тело. Привычка тщательно изучать место будущей операции — важнейшая составляющая оперативного профессионализма. Позапрошлую ночь Опоссум провел на летном поле и знал, что с наступлением темноты внешне безлюдный разоренный аэродром живет своей, достаточно напряженной жизнью. В капониры, где Советы прятали от взрывов бомб и снарядов свои самолеты, несколько раз за ночь ныряют машины, в которых сидят парочки, ищущие уединения. В цех подпольных бутлегеров возят спирт, а обратно — поддельную текилу и виски. По всей территории шныряют, как их здесь называют, "сталкеры" — охотники за ценным металлом и брошенным оборудованием. Русинский аэродром побогаче любой "Зоны" будет, для многих — настоящий Клондайк...

Делая вид, что слушает монотонные и удушливые, как мормонская проповедь, вопросы своего спутника, Опоссум внимательно огляделся по сторонам, кожей впитывая малейшее шевеление. Тихо. Можно работать. Решение положить мальчишку в яму, на дне которой спрятана бомба, было лишь на первый взгляд непродуманным. Если верить предварительным данным — длина контейнера около тридцати футов, так что места внизу будет достаточно. Тело не придется никуда относить, что резко уменьшает шансы на случайных свидетелей. Ну и, в крайнем случае, если его найдут, то никому не придет в голову копать глубже, что на несколько дней станет дополнительным обеспечением безопасности...

Привычное ощущение оперативной кобуры под мышкой настраивало на рабочий лад. Главное, не забыть обыскать. Потом. У подобных идиотов всегда что-то вываливается из карманов. То расческа, то бумажник. А то и документы, удостоверяющие личность мелкого вонючего квартирона.

Странное дело, подумал Опоссум. Всего на четверть ниггер, а воняет, как от стаи нигерийцев. Или тут еще добавляется еврейская составляющая? В Питтсбурге, где он вырос, русские эмигранты добрососедски уживались с англосаксами, при этом все они дружно ненавидели негров, латиносов и евреев.

Луна вышла из-за тучи и осветила поляну неживым, будто украденным у солнца, светом. У Опоссума была давняя привычка перед самым началом операции рассуждать на отвлеченные темы, это помогало резко сконцентрироваться в нужный момент. Как можно любить ночь и ненавидеть Луну? Но ворованный свет полезен — не надо пользоваться фонарем. Хоть тяжелый, надежный "Магалайт" и лежит в рюкзаке, лучше обойтись без него...

Я, конечно, не старший лейтенант Таманцев по прозвищу Скорохват, описанный Богомоловым. И наказывать за то, что не взял живыми диверсантов, меня не будут. Но смерть одного из этих в мои планы не входит. Если среди товарищей согласия нет, то один про другого может много интересного рассказать. А такого внимательного и благодарного слушателя, как я, им еще поискать.

Отцовский ПСМ без глушителя и не взведен. Лязг затвора разнесется по всей поляне, а взводить медленно и печально — нет времени. Зато есть два ножа. Достаяю левый. Метание — пошлость и понты для всяческих "выживальщиков" и диванных боевиков. Убить одетого человека таким образом практически невозможно. Но убивать я и не рассчитываю. Отвлечь, не более.

Примериваюсь.

Свист растревоженного воздуха, хлопок выстрела, два синхронных вскрика.

— What are you doing, Ivan?^[44] — верещит, кувыркнувшись в сторону, Ушастый.

— Fuuuck! — глухо рычит Стрелок.

А я молчу. Потому что уже бегу. Пять шагов — это меньше секунды. Стрелок и сообразить ничего не успевает, как я с разгону сбиваю его с ног. Падаем. Я сверху. Ебашу головой в лицо, что кажется сплошным зеленым пятном. Бля! Забытый ноктовизор врезается врагу куда-то чуть выше лба, но и мне достается от проклятого прибора, по физиономии течет кровь. Но противник вырубаться и не собирается. Жилистый, скотина, ебать тебя в дышло, сучонок! Тянет, падла, руки, что-то рычит. На одной ноте, неразборчиво, но злобно. Не успеваю сгруппироваться, как в ухо прилетает удар. Звезды вспыхивают перед глазами. Стрелок вскакивает, отбрасывая меня, как щенка. Пытается принять какую-то хитрую стойку. Где его ствол?!

Левой рукой сбрасываю расхераченный ноктовизор. Обратным движением выдергиваю из "Скарабея" лопатку. Прямо как есть, в чехле. Вот уж где тонкость брезента пригодится! Перекидываю в правую руку и очень нехорошо улыбаюсь. Ну что, сука, рискнешь?!

Вражина точно не герой фильмов про Шао-Линь, не рискует. Скалится в ответ и вытаскивает нож. В лунном свете лезвие — как на витрине. Ка-Бар, что ли? Не ожидал такого, не ожидал... На вид ведь — сурьезный мушкетер, а таскает точеный лом, хороший разве только пиаром. Ну что же, должно было и мне когда-нибудь повезти, его "кынжаль" против моей лопаты, что голая китайская жопа супротив сурового сибирского ежика...

Тем не менее, кидается на меня вражина серьезно и грамотно, ножом особо не машет, работает не на эффект, а на поражение. Не мудрствуя, действую по простой и надежной схеме: отступаю на пол-шага. Удар американской железки проходит в пяти сантиметрах от корпуса. А вот любовно заточенная лопасть моей МПЛки попадает точно по руке. Мерзкий хруст отзывается в сердце всплеском нескрываемой радости — кость сломана, зуб даю! Не свой, вражий, конечно... Упиваюсь триумфом — любимое пырялово Корпуса Морской Пехоты США выпадает из руки противника и летит куда-то под ноги. Враг запоздало взывает. И прыгает на меня всем корпусом, да так споро, будто не ему только что руку изувечили.

Весу в нем поболее, с ног надеется сбить. Это в его положении самое грамотное решение. Но не в моем случае — все-таки такие травмы даром не проходят, и двигается он

теперь заметно медленнее. Снова отшагиваю и провожу отработанный контрудар. На этот раз мой "Коминтерн" врубается ему в плечо. Но инерцию никто не отменял, а разница в весе решает многое. Трижды раненый супостат врезается всей тушкой. Падаем оба, а лопатка-выручалочка улетает в кусты.

Враг наваливается. Неловко, но сильно бьет левой, дважды подряд. Первый раз промахивается, второй попадает. Закрываюсь от следующего удара, свободной рукой выдергиваю финку из набедренного кармана. Бью. Замахиваться неудобно, но для такого ножа много силы не надо, клинок входит по рукоять. Раз, другой! Тут уж не до жиру, больше дырок — меньше бед! На руку плещет горячим. Третий удар приходится то ли в почку, то ли в селезенку. Враг хрипит, изо рта течет кровь. Тело выгибается дугой, обмякнув, падает на меня, будто надеясь задушить.

Ну что, в финальном поединке, как говорится, в бою против рыцаря плаща и кинжала представитель команды русинского базара одержал убедительную победу. И очко проигравшего переходит в зрительный зал! Правда, досталась победа недешево — силы почти на исходе. Сваливаю обмякшее тело, кое-как встаю на четвереньки. Трясу звенящей головой — неплохо зарядил все же, пидорас нерусский!

Чтобы снять мандраж, представляю себе, как выгляжу со стороны — ободранный, трясущийся и весь в крови. Давлю нервный смех, больше схожий с дурацким хихиканьем. "Дрищет, driщет на погосте краснорожий вурдалак!". Так, шевелиться уже могу, адреналиновая дрожь из рук частично ушла. Самое время законтролить товарища — человек, как показывает богатый опыт всемирной истории войн, тварь иногда феноменально живучая...

Подползаю. Свежеубиенный не дергается. Как упал, так и лежит. Ресницы застыли, стало быть, не притворяется. Да и как тут притворишься, с открытыми стекленеющими глазами... Но хрен их, командосов, знает, на дворе двадцать первый век, может, у них специальные линзы в глазах... Одной рукой упираю финку ему в кадык, другой щупаю пульс на шее. Вот теперь, товарищи дорогие, можно чуть-чуть расслабиться. Этот котенок больше ссать точно не будет...

А где, кстати, второй!? Ага, вон в стороне подскуливает. Сдергиваю с себя футболку, вытираю лицо. Наскоро охлопываю тело. Интересностей — множество. Но с ними потом разберемся. Откладываю в сторону. Успеется еще рассмотреть, кого уконтрапупил. Нож, который я метал, в теле не обнаружен. Возможно, неглубоко вошел и вывалился, но, скорее всего, вообще стукнул цель рукояткой. Мы не в кино, бывает. Главную задачу он выполнил, обеспечил пять жизненно важных секунд... Зато нахожу пистолет. Он валяется в паре метрах от тела прежнего хозяина.

Ну что же, теперь можно перейти и ко второй части Марлезонского балета. Бреду к хнычущему терпиле... Ноги слегка дрожат, но это нормально — тело начинает понимать, что на пару волосков разминулось со смертью.

* * *

Алан склонился над ямой, но в неверном свете луны смог разглядеть на дне лишь черную кучу хвороста, и то с большим трудом. Он обернулся к подчиненному, чтобы попросить фонарик, и увидел... черное дуло наведенного пистолета. Ничего не поняв,

Беркович удивленно воскликнул: "Что ты делаешь, Айвен?" Но тут же, не успев закончить фразу, в ответ раздался матерный рык агента, а плечо обожгло, будто кипятком плеснули.

Алан и сам не понял, как упал на траву. В бок и лицо тут же впились острые щепки. На то, что происходило дальше, он регистрировал, словно из-под толстого слоя воды. Вот из-за мусорного холма вылетает мутная тень. Айвен и тень начинают суматошно скакать, то сталкиваясь, то чем-то тыча один в другого. Наконец оба падают на землю, но продолжают бороться. Боль в плече нарастает и переходит в пульсирующее дерганье. Алан поворачивает голову. По рубашке расплывается липкое пятно, черное в лунном свете. Беркович зажимает плечо целой рукой и начинает негромко стонать. Наворачиваются слезы, но нужно терпеть. Сейчас Айвен поднимется и скажет, что делать. Айвен обязательно поднимется, ведь спецгент Джон Кларк непременно выходит победителем из любой схватки. Почему так кружится голова?..

Один из лежащих медленно становится на четвереньки, стаскивает футболку, обшаривает второго, поднимается на ноги и, шатаясь, словно гризли из Йелоустона, движется в сторону Алана. Господь Вездесущий, спаси и помилуй! Это не Айвен!!!

* * *

Ушастый мелок и взъерошен. Сидит на краю ямы, зажимая плечо. Зыркает на меня и подвывает. Чтобы проебать такую ситуацию и не качнуть свежего клиента, надо быть полным дебилом. Поэтому времени зря не теряю. Для начала дадим ему оперативный псевдоним. Ну... пусть будет "Жужик"...

Жужик явно в шоке, психика слабая, угрозы вгонят в ступор однозначно, и пользы не будет. Блин, рожу бы вытереть, я же голый по пояс и весь в грязи, наверное, ему вурдалаком кажусь! Хуйня, прорвемся. Методичка по экспресс-допросу рекомендует использовать штампы и прочие мемы "образа врага". Они на подобный типаж, как ни странно, действуют лучше всего. Нет, кричать: "Превед, медвед!", воздевая к небу окровавленные руки и облизываясь, я не буду. Клиент у нас, похоже, из янкесов (откуда в Русе возьмутся англичане и прочие факающие иностранцы), соответственно и подход должен быть особым. Первым вспоминаю Клинта Иствуда и ору на скорчившегося подранка в стиле классического вестерна:

— Ты кто такой, мать твою? Признавайся, иначе вышибу тебе мозги!

И, пушего эффекту для, тыкаю трофейным пистолетом ему в лицо. От глушителя остро пахнет сгоревшим порохом, а это всегда впечатляет...

Жужик, походу, неплохо знаком с голливудской киноклассикой. Он дергается всем телом и поднимает на меня перепуганные глаза. Лишь бы не обосрался с перепугу...

— Я-я, А-алан Б-бберкович! — отвечает парнишка, чуть заикаясь. По-русски шпрехает. Это категорически упрощает дело.

— На кого работаешь, ну?!

— Американская Лига социальных исследований! — выпаливает Жужик, от страха забыв про заикание. Нет, точно обгадится...

— ЦРУ, значит, — припоминаю список полулегальных резидентур Киева, — ... понятно. А это кто? — спрашиваю, указывая на труп глушителем.

— Мой полевой агент, Айвен, — Алан Свет Беркович шмыгает носом точь-в-точь, как

Мила Сербина. И наивно добавляет: — Он жив?

— Не очень, — хмыкаю я, невольно скалясь в злой усмешке. Все-таки чертовски хорошо чувствовать себя живым...

Мальчишка не профессионал от слова "вообще". Ошалел от страха и боли. Морщит рожу, на которой засыхает кровь... Отвечает на вопросы механически, не задумываясь.

— Этот твой Айвен тебя за что? — продолжаю импровизированный допрос.

— Я, я не знаю! — мальчишке явно хочется расплакаться, но пока держится. Точно, блин, Милкин собрат. — Может, он сошел с ума?

Ну да, крыша поехала от переживаний и паленой русинской водки. И глушак прикрутил в помрачении рассудка?

Резко меняю интонацию и направление вопросов, используя надежный прием "имитация владения информацией с целью дезориентации допрашиваемого". Проще говоря, беру на пушку.

— То, что мы ищем, еще находится здесь? По законам Украины вы обязаны отвечать, или ваше молчание будет являться признанием вашей вины!

Эта откровенная чушь действует на клиента посильнее, чем "Фауст" Гете.

— Так, так значит вам все известно!? — Беркович отшатывается от меня, как от гремучей змеи. — И вы, вы за мной следили?! Да, еще здесь... Мы хотели все проверить и завтра ночью откопать... Но я не сделал ничего плохого, меня нельзя отдавать под суд...

Похоже, что я угадал с подбором ключа, и Жужик принял меня за местного контрразведчика. Так что с этого момента моя заросшая и грязная харя — олицетворение Службы Безопасности Украины. Ну ниче, не самое мерзкое лицо в этой конторе...

Мысленно себе аплодирую. А ведь я, как ни странно, молодец! За считанные минуты заполучил отличный источник информации, и одновременно — ценного свидетеля... Не успеваю до конца осознать собственную крутость, как "ценный свидетель" мешком оседает на траву. Коршуном кидаюсь к хлипкому цэрэушнику. Проверяю шейный пульс.

Живой. Сознание потерял. Интересные же у них кадры водятся...

Заливаю рану перекисью, накладываю тампон и наскоро поверху перетягиваю эластичным бинтом. Достаяю из рюкзака рулон армированного скотча и, стараясь не слишком шуметь, скручиваю пленнику руки и ноги. Отрезав кусок, залепляю рот. Носом вроде бы дышит, кровь не сочится. Так что, раньше срока не помрет. Отволакиваю в кусты.

А теперь пора вплотную заняться коллегой Жужика. Как там сказал наш американский шпиён? Айвен? Ну Айвен, так Айвен, мне один хрен. Для начала нужно найти ему надежное место для последнего пристанища. Здесь под боком, вроде как, пожарный водоем должен быть. Взваливаю тело на плечо и, пошатываясь, бреду через чащу. Есть! Метрах в пяти маслянисто поблескивает вода. Озерцо с поросшими кустарником краями. Изначально здесь был котлован, откуда брали землю для насыпей вокруг аэродрома. А потом ямы залили водой. Глубина должна быть приличной. Подходящий груз находится мгновенно — несколько шлакоблоков валяются прямо под ногами.

Стягиваю с покойника штаны и куртку. Их я потом тщательно изучу. Под мелкоскопом. Есть подозрение, что заначек там — как у матерого контрабандиста. Из кармана выпадает хреновинка, похожая на пульт от автосигнализации. Пожимаю плечами и тоже кидаю в рюкзак. Она громко ударяется обо что-то внутри. Да и хрен с ней, не развалится.

Дальше — по методичке. Не нашей, а той, которую когда-то у очередных "волевце-свободовцев" отобрали. Вытаскиваю у покойника шнурки из ботинок, отбросив сами

ботинки в кусты — всплывут еще... Приматываю "утяжелители". Для полной гарантии втыкаю финку в живот. Надрез делаю небольшим, сантиметров в двадцать. Противно, конечно, но сейчас жарко. Вдруг в пруду караси водятся, которые могут шнуры перегрызть? Нет, мы пойдем другим путем! Нам не нужен всплывший труп!

Собравшись с силами, поднимаю резко потяжелевшего "Айвена", будто жутко неудобную штангу, и толкаю его подальше от берега. Очень подальше не получается, все-таки покойный тяжелее меня, да еще с грузилами. Но уж как вышло. "Полевой агент" громко плюхается, и, пуская пузыри, уходит на дно. Хорошо уходит, не оставив за собой никаких демаскирующих признаков, а то лезь за ними, вылавливай... Это вам за "утонувшего" Серегу Бондаренко, падлы!

Следом отправляется нож, которым я зарезал "варяжского гостя". Где-то его Ка-Бар все еще валяется. Ладно, поищу.

Бегом возвращаюсь на поляну. Наскоро обследую землю. Есть! Заодно с понтowym ножом подбираю окровавленную футболку и многострадальный ноктовизор, ставший двумя горстями микросхем. Сворачиваю все в ком, добавляю в середину кусок кирпича, обматываю скотчем и туда же, в воду.

К моему окончательному возвращению Беркович относительно приходит в себя. Спеленатый, как младенец, он и ведет себя соответственно. Мычит новорожденным телком и хлопает глазами. Сейчас обгадится и заревет...

Обхлопываю карманы пленного, вытаскиваю мобильник. Долго мучаюсь с тугой крышкой, подумывая об отправке следом за ножами, но всё же преодолеваю сопротивление. Аккумулятор отдельно, телефон отдельно. И — в карман, где уже лежит разобранный мобильник "Айвена".

Наклоняюсь над Жужиком. Тот пытается отстраниться, но уползти со связанными конечностями у него не получается.

— Ну что, слушай сюда, Алан Беркович...

Пленник сжимается в ожидании удара.

— Я тебя сейчас развяжу, и ты пойдешь со мной. Будешь делать, что я говорю, тогда оставлю жить. Ты меня понял, Алан Беркович?

Слышу утвердительное мычание. Жужик так страстно хочет быть правильно понятым, что кивает всем, чем может. Ухмыляюсь и достаю перочинник, чтобы разрезать скотч. Отлеплять долго.

Э, уважаемый, а вот новый обморок нам не нужен! Матерюсь сквозь зубы, разрезаю ленту на ногах Жужика и достаточно сильно щелкаю потерявшего сознание от испуга пленника по носу. Тот дергается, пялится ошалевшими глазами, так и не поверив, что убивать его никто не собирается.

Ставлю Жужика на ноги и указываю направление, где оставил машину.

— Нам туда. Пошел! — и слегка ускоряю пинком. Надеюсь, жестокое обращение с военнопленными не пришьют.

Пока мы продвигаемся, укрываясь за деревьями, спящий вроде бы аэродром оживает. Гремит рельсовый набат, а над ангарами взметаются языки пламени. Что же там произошло, уж не нас ли услышали? Да нет, не похоже, скорее всего, пожар. Могла загореться емкость со спиртом на "ликеро-водочном" производстве. При тамошней технике безопасности — дело нехитрое.

Похоже, так и есть, пожар, плавно переходящий во что-то более аварийное. Когда мы

почти добираемся до машины, за спиной гремит несколько взрывов подряд. Ну нихера ж себе! Похоже, что рвутся боеприпасы, и достаточно большого калибра. Пламя на склады перекинулось, а там снаряды были припрятаны? Хотя, помня цель приезда сюда, я ни капельки не удивлен.

В кармане, где скучает "Опель-Астра" — никого и ничего. Осмотревшись из кустов, скидываю штаны, на которых, к Явдохе не ходи, обязательно найдутся капельки крови. Переодеваюсь во второй комплект, командую Берковичу сесть на переднее сиденье и ничего не трогать. Тот трясет головой, и, кое-как открывает связанными руками дверцу. И правильно. У нищих слуг нет...

Снятые штаны закидываю подальше в кусты. По уму, лучше бы избавиться более надежным способом, но поджигать — значит, привлекать к себе внимание, а тащить с собой, в надежде выкинуть где-нибудь подальше — рискованно, можно наскочить на ментов. А на грязную тряпку мало кто обратит внимание. Особенно, когда рвутся боеприпасы или что там в ангарах жахает.

Не включая огней, завожу машину и тихонько выезжаю на пустынную еще трассу.

Дорога, по которой мы возвращаемся в столицу, мягко говоря, не хайвей. Каждый раз, когда нас встряхивает на очередной колдобине, Беркович жалобно стонет. Не проходит и получаса, как меня это окончательно достает. Нет, "язык" не плещет мозгами на обивку салона, как в "Криминальном чтиве". Все решается проще и не так грязно. Нахожу в бардачке "лист" обожаемого американцами "Тайленола". Парацетамол, он и в Африке парацетамол, но при виде патентованного медикамента глаза Жужика округляются от счастья и обожания. Еще немного, и завиляет хвостом. Тьфу, бя! Надежда и опора демократии! Хотя, какая страна, такой и теракт...

Притормозив, развязываю ему руки и отлепляю скотч со рта. Тут же, протягиваю две таблетки и бутылку минералки. Самовнушение в сочетании с простеньким лекарством работает отлично, и мой попутчик, откинувшись на спинку сиденья, начинает посапывать. Что-то бормочет во сне. Прислушиваюсь к неразборчивым словам. Мало ли, может и ляпнет чего полезного...

Не успеваю вернуться на дорогу, как из-за поворота вылетают, слепя фарами, многочисленные грузовики. С перепугу решаю, что это нас перехватывают, и резко бросаю машину на обочину, чтобы развернуться и попытаться оторваться. Но колонна пролетает мимо, не обратив на нас ни малейшего внимания. Пожарные машины, на трейлерах два минных тральщика и прочая саперная техника, грузовики с солдатами... Идут в сторону Русы. С опозданием доходит, что мы натолкнулись на подразделения МЧС, движущиеся навстречу взрывам.

За последние несколько лет по Украине взорвались три огромных склада боеприпасов, естественно, вызвав столь огромный резонанс среди общества, что власти вынуждены относиться к подобным происшествиям очень серьезно.

Второстепенная дорога выбрана МЧС-никами не случайно. Такая вот неплох организованная орда на оживленной трассе, да в совокупности со взрывами — отличный повод для паники. Помню, были случаи, когда напуганное телевидением и газетами население сел и городов, соседствующих с крупными военными объектами, чуть ли не поголовно срывалось с места и покидало дома, услышав хлопки неурочных фейерверков...

К огромному нашему везению, в Киеве никаких чрезвычайных мер не принимали, и на гайцовском КПП нет усиления — обычный сонный дежурный. Определитель жучков,

включенный еще на старте, весело подмигивает зелеными индикаторами. Стало быть, ни в шмотье, ни в амуниции Айвена и Берковича маячков, которые помогут нас отследить, не имеется. Можно ехать прямо домой.

Пять часов утра. Горизонт начинает сереть...

31. Правило мертвой руки

Над Чесапикским заливом вставало солнце. Виктор Морган сидел в кресле на балконе второго этажа собственного дома и наблюдал за тем, как на противоположном берегу озера Оджлтон осторожно бредет, охотясь, серая цапля. В свое время озеро было соединено с заливом искусственным каналом и превращено в отличную гавань для частных яхт, особенно чудесную сейчас, в пору раннего утреннего безлюдья. Советник президента чувствовал умиротворение и спокойствие, редкие для человека его темперамента и занятий.

Настоящее его имя было не Виктор, а Витторио. Он вырос в пригороде Балтимора, в итальянской семье Морано.

С легкой руки двух знаменитых италоамериканцев: писателя Марио Пьюзо и режиссера Френсиса Форда Копполы, в общественное сознание ввелись два устойчивых мифа. Первый, что все американцы итальянского происхождения — сицилийцы, и второй, что все сицилийцы — члены мафии. На самом деле, это не так. Подавляющее большинство граждан Америки с мелодичными фамилиями, заканчивающимися на "о", не имеют ничего общего с преступными организациями, контролирующими незаконную деятельность в основном в Чикаго и Нью-Йорке, а среди эмигрантов из Италии доминируют апулийцы и калабрийцы.

Родители Морано были простыми добропорядочными американцами. Отец — механик в большом гараже, мать — кассир супермаркета. В жизни их семьи не было ничего примечательного, если, конечно, не считать событий, произошедших во время Второй мировой войны.

Дед, уроженец Калабрии, приехал в Америку в тридцатых годах прошлого столетия, но после десяти лет жизни в США оказался в числе репрессированных итальянцев. В феврале 1942 года Франклин Рузвельт подписал "Чрезвычайный указ 9066", которым санкционировал создание концлагерей для интернирования многих тысяч немецких, итальянских и японских иммигрантов. Альваро Морано переселили на территорию индейской резервации, в наспех сколоченный деревянный барак. Со слов деда Витторио хорошо представлял себе лагерь: бесконечные ряды длинных приземистых строений, двойной забор из колючей проволоки и вышки с часовыми. Там не было ни водопровода, ни кухонь, а в тех, кто пытался вырваться на свободу, охранники стреляли без предупреждения.

Но, как ни странно, покойный дед вспоминал об этих событиях с ностальгией — там он познакомился с бабушкой, и там же, чуть меньше года спустя, в грязном переполненном лазарете, родился отец...

Документ, в котором от имени правительства США приносились извинения за интернирование, вызванное "расовыми предрассудками, военной истерией и ошибками политического руководства", Рональд Рейган подписал только в 1988 году, и эпопея американского ГУЛАГА, так и не дождавшись своего Солженицына, канула в лету. Америка не любит вспоминать эту страницу своей истории. Действительно, трудно объяснить простому налогоплательщику, почему в насквозь демократической стране, где неукоснительно соблюдаются права человека, всенародно избранный президент Рузвельт приказал держать за колючей проволокой сотни тысяч честных американских граждан, единственной виной которых было то, что они оказались выходцами из держав, с которыми США находились в состоянии войны.

Какая карьера могла ожидать в "стране равных возможностей" бедного парня, потомка

"без пяти минут коллаборационистов", к тому же не англосакса и католика? Но Витторио был амбициозен и отличался необыкновенным упорством. Закончив колледж с отличием, он взял ссуду у балтиморской калабрийской общины и поступил в престижный университет, чтобы получить специальность юриста.

После выпуска пришлось несколько долгих и мучительных лет работать государственным защитником в одном из судов Нью-Йорка. Но однажды молодого, бедного, но грамотного и, что особо важно, очень напористого адвоката заметил помощник окружного прокурора, недавно выдвинувший свою кандидатуру на выборах в сенат от штата Мериленд.

Будущий сенатор ни разу не пожалел о выборе. Витторио оказался настоящей находкой. Казалось, что он успевает находиться одновременно во всех "горячих" местах и совсем не спит. Поэтому одним из первых распоряжений вновь избранного слуги народа стало назначение Виктора Моргана (так с согласия благодетеля и родителей изменил он свое имя и фамилию) на скромный пост секретаря одного из постоянных комитетов. Правда, с предоставлением хоть и крошечного, но отдельного кабинета в вашингтонском офисе и доступом к секретной документации.

Основу своего состояния, уже подбирающегося к заветному миллиарду, Виктор заложил во время штурма Багдада. Тогда он входил в состав сенатской комиссии, которая работала с обращениями американских граждан, касающихся военных действий в Ираке. Его жизнь изменилась в то самый день, когда на стол легла тонкая папка с официальными и неофициальными письмами ученых-историков, которые призывали американское правительство обеспечить охрану музеев Багдада.

К письмам, для демонстрации того, что проблема очень важна, были приложены длинные перечни раритетов. Алебастровая Урукская ваза, созданная пять тысяч лет назад. Статуэтка "Белая дама", считающаяся древнейшим скульптурным изображением, возраст которой насчитывает примерно пять с половиной тысяч лет. Коллекция золотых украшений из гробниц ассирийских цариц в Нимруде. Глиняные таблички с самым древним в истории эпосом о Гильгамеше. Странные медные цилиндры, датированные третьим тысячелетием до нашей эры, в которых ученые лишь недавно признали аналог химических батарей. Виктор Морган и понятия не имел, что культура отсталой арабской страны намного старше распиаренного Древнего Египта...

Решающим оказалось послание музейных работников, ученых и коллекционеров, призывающее Пентагон "сделать все возможное для сохранения этого мирового достояния", к которому прилагались подробные схемы расположения экспонатов в музейных залах и полные каталоги запасников...

Это был шанс, который предоставляется лишь раз в жизни. Морган превратил в наличные свои небольшие сбережения, заложил дом, одолжился у всех, кого можно было. А затем уговорил шефа, чтобы тот отпустил его в Ирак с группой сенатских наблюдателей. Там Виктор быстро нашел общий язык с полковником американской армии по имени Мэтью, очень любившим деньги. За день до штурма Багдада Виктор взял у военного "в аренду" взвод солдат и десятков грузовиков.

Найти в городе нужного человека, который бы взбудоражил оголодавших людей и направил громить музеи, оказалось совсем нетрудно. Озверевшая толпа врывалась в здания, круша все на своем пути. Вслед за толпой шли солдаты из "группы Моргана"...

В дни штурма Иракской столицы, как бы эффектно все это ни выглядело в репортажах

CNN, на самом деле царил полнейшая неразбериха. У Моргана оказалось много конкурентов, но у них не было его организованности и точных списков — где и как искать самое ценное.

Вакханалия планомерного грабежа музеев, древних мечетей, запасников и малоизвестных хранилищ длилась несколько недель. Сказочное везение и умение быстро импровизировать на ходу позволили Виктору "спасти" немало ценнейших экспонатов. Все эти древние редкости были бесценны исключительно для ученых, мыслящих абстрактными категориями наподобие мировой культуры, достоинства нации и так далее. А вот с точки зрения приземленных материалистов у всех этих сокровищ была вполне осязаемая стоимость. Имелись и клиенты, готовые заплатить, не торгуясь и не афишируя приобретения.

По завершению "цивилизаторской операции" оставалось лишь арендовать через друзей полковника Мэтью транспортный самолет и посадить его на авиабазе национальной гвардии штата Мериленд. Это не составило проблем для человека с пачкой долларов в одной руке и удостоверением члена сенатской комиссии в другой.

Через два года большая часть вывезенных ценностей осела в частных коллекциях, превратившись в числа на банковских счетах Моргана и разнообразные ценные бумаги. Полковник, получив свою долю, бодро зашагал по карьерной лестнице, став со временем бригадным генералом и командующим оперативной группой в Персидском заливе. А Виктор Морган, уже не государственный служащий, а преуспевающий адвокат, переселился в собственный пентхаус в центре Балтимора, купил загородное поместье и стал владельцем острова на Кайманах.

Американская Фемида проявила к неожиданному богатству бывшего скромного правительственного клерка поразительную слепоту, особенно после того, как "Белая дама" пополнила тайный музей одного из самых влиятельных конгрессменов. Ни ФБР, ни налоговая служба более не задавали ненужных вопросов относительно происхождения капиталов Моргана. Теперь можно было всерьез подумать о политической карьере.

И снова Моргану повезло. Во время последних выборов у республиканской партии обнаружился небольшой перерасход бюджета предвыборной кампании — им понадобилось относительно немного, каких-то сто миллионов долларов, но деньги нужны были "еще вчера". Бывший благодетель-сенатор обратился за помощью к своему протектору, Виктор Морган, в отличие от других, не выдвинув условий и без малейших колебаний, перевел нужную сумму буквально за один день.

"Плаксивый ковбой" оказался человеком на удивление благодарным. Во время благодарственной аудиенции со "спасителем выборов" Морган сумел произвести на президента нужное впечатление, и вскоре занял кабинет советника по национальной безопасности. Табличка над его новой дверью была билетом в одну из центральных лож мирового политического театра.

Еще в Ираке Виктор Морган почувствовал настоящий запах войны — запах пороха, крови и огромных денег. Теперь же его взглядам открывались невиданные горизонты, а стены Белого дома источали пленительный аромат огромной Власти... На пути к которой лежала потерянная и позабытая всеми бомба, а также несколько тысяч никчемных жизней.

Планшет, лежащий у левой руки советника, беззвучно замигал экраном. Входящий звонок, строго конфиденциальный. Морган поморщился при мысли о том, что высокие технологии есть проклятие нынешней поры. Как хорошо было во времена телеграфа и телефонных аппаратов с коммутаторами... Тем не менее, вызов требовал ответа, тем более,

что звонил директор ЦРУ через интернет-канал закрытой связи. Морган подключил наушник и ткнул в соответствующую иконку.

— В Русе пожар, Опоссум и Беркович исчезли, — директор был предельно краток и предельно откровенен, на самой грани допустимого, несмотря на сложную многоступенчатую защиту разговора.

— Это... нехорошо.

— К сожалению, это не все плохие новости.

— Говори.

— Киевский координатор занервничал.

— И что?

— Он... — директор замялся. — Он испугался.

Советник пошевелил губами, беззвучно проговаривая грязное ругательство на родном итальянском. Морган уже примерно представлял, что последует дальше.

— "Киевлянин" боится и требует гарантий. Он... — директор снова сделал паузу, ему явно было не по себе от такого прокола. — Он шантажирует... нас.

Морган услышал и оценил заминку, сделанную собеседником перед этим "нас". Директор или по-настоящему занервничал, или намекал, что в случае чего готов выйти из игры.

— Чего он хочет? — уточнил Морган.

— Разговора. С тобой.

— Его координаты, — отрывисто бросил советник. Теперь было уже не до хождений вокруг да около и выяснения того, чего может требовать мелкий участник заговора, а чего не может.

— Посылаю.

Обменявшись еще несколькими полуритуальными фразами, советник и директор закончили разговор.

Морган отправил вызов быстро, будто опасался, что каждая секунда промедления лишает его доли решимости. Аскинс ответил почти сразу, он явно ждал звонка. И с ходу взял быка за рога.

— Виктор Морган?

Резидент не спрашивал, а скорее уточнял.

— Да.

— Насколько я понимаю, началась плановая зачистка?

Морган оскалился в злобной гримасе. Начало беседы наводило на неприятные мысли относительно покладистости и договороспособности оппонента.

— Чед, успокойся, ты превратно толкуешь происходящее, — в отличие от Аскинса, советник старательно изобразил понимающую доброжелательность, радуясь, что отключена видеосвязь. В этот момент выражение лица Моргана совершенно не соответствовало медоточивому голосу.

— Я все толкую правильно, — Аскинс определенно не собирался идти на мировую или, по крайней мере, снижать градус накала. — Вы начали сужать круг посвященных до абсолютного минимума, но я в любом случае за его чертой не окажусь!

— Разумеется, ты слишком ценен для нас и слишком важен для совместных планов, — согласился Морган. — Но, как я уже сказал, ты ошибаешься. Мы сами озабочены исчезновением означенных персон.

Теперь советник решил перехватить инициативу, резко перейдя на требовательный, командный тон:

— И, черт побери, не забывай, что ты говоришь по сети, пусть и закрытой! Чед, меньше имен и фактов! Для будущего директора ЦРУ такая беспечность непростительна...

Пока язык Виктора говорил правильные, нужные вещи, смешивая приказы и обещания, мозг лихорадочно осмысливал услышанное. Пожар в Русе и исчезновение Берковича были предусмотрены и ожидаемы, на то был и послан туда Опоссум. Но вот пропажа самого Опоссума никоим образом не укладывалась в план. Возможно, что-то пошло не так, например, не успел сбежать от пожара... Но нельзя исключать и того, что опытный агент почувствовал, угадал шестым чувством масштабы и ставки операции. После чего вполне разумно решил, что со временем очередь зачистки дойдет и до него, так что пора выйти из игры. Сделал необходимую работу, а после исчез, ушел на дно, надеясь, что никто его не найдет.

Почему не сбежал сразу? Чтобы не ломать продуманную схему действий и не вынуждать организаторов все перекраивать на ходу. В таком деле, чем меньше о тебе думают, тем лучше, а для агента, решившего нелегально уйти на покой и замести за собой все следы — важен каждый день

Вполне логично. Неприятно, однако, пока терпимо. Но теперь надо как-то успокоить запаниковавшего Аскинса, который, в общем, сделал правильные выводы. Успокоить. И как можно быстрее нейтрализовать. Морган не служил в армии, но в своих иракских приключениях убедился на практике — если человек пошел вразнос и сорвался, то он, как плохо склеенная ваза, уже не станет прежним и может окончательно расколоться в любой момент.

Но, как оказалось, у Аскинса было свое понимание того, как следует обеспечить его душевное спокойствие.

— Виктор, ты слышал про "правило мертвой руки"? — неожиданно мягко, почти задушевно спросил киевский резидент.

Мгновение советник пытался понять, о чем говорит далекий оппонент, а затем почувствовал, как холодок скользнул вдоль позвоночника.

— Чед, надеюсь, ты не сделал того, что я думаю... — Морган выдержал паузу, подталкивая Аскинса к конкретике.

— Именно! — теперь в голосе резидента слышалось откровенное злорадство. — Я знаю кухню, если помнишь, я сам побыл заместителем директора ЦРУ! Вы начали убирать всех, кто знает об это траханном бомбардировщике и заряде, и скоро доберетесь и до меня!

— Придержи язык, болтун! — уже не сдерживаясь, рявкнул Морган.

— И поэтому я застраховался, — продолжил Аскинс, не обратив внимания на окрик советника. — Фонограмма с признанием Сербина, пакет документов и мои пояснения спрятаны в укромном месте. Человек, что ее хранит, никак со мной не связан, вам его не найти. И если я вдруг куда-то исчезну, то не пройдет и суток, как все это появится на ЮТубе...

Морган сжал планшет с такой силой, что едва не переломил аппарат. Стекло экрана едва слышно хрустнуло, но создание сумрачного гения Стива Джобса с буддийской стойкостью выдержало испытание.

— Поэтому повторяю — сужайте круг, как хотите, но я останусь среди неприкасаемых! — закончил Аскинс.

Морган несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, стараясь вернуть самоконтроль.

— Чед, я понимаю твое состояние, но ты ошибаешься, — произнес он, наконец. — Давай возьмем тайм-аут, чтобы ты успокоился, а после все обсудим, лучше лично.

— Я совершенно спокоен, — ядовито ответил резидент. — Особенно теперь, когда ты в курсе моей страховки.

— Ты совершаешь большую ошибку, — Морган решил, что тень угрозы будет не лишней. Вряд ли Аскинс одумается, но вдруг... — Ты угрожаешь тем, кто тебя и так ценит, вместо того, чтобы сотрудничать.

— Плевать, — лаконично ответил резидент и отключился.

Завершив разговор, советник положил телефон на столик и глубоко задумался. Минут через пять он взял планшет, осторожно и медленно, словно аппарат обжигал пальцы. В голове у Моргана эхом отдавались его собственные слова, сказанные совсем недавно Джамалю, и ответ террориста.

Поэтому я должен иметь аварийный контакт на крайний случай... Причем в обе стороны. Не исключено, что вы захотите в срочном порядке поставить меня в известность о чем-то крайне важном и неотложном.

И кто бы мог подумать, что связь действительно понадобится, причем так скоро?..

Стиснув зубы, Морган, решительно отгоняя призрак сомнений, открыл электронную почту и набросал текст короткого сообщения. Палец Виктора завис над иконкой, советник закрыл глаза и, пробормотав короткую молитву на родном языке, коснулся экрана. Дождавшись уведомления, что послание благополучно ушло адресату, Морган положил планшет и потер гудящие виски. Теперь оставалось только ждать. И надеяться, что он не ошибся в Джамале.

Налив себе стаканчик виски, советник мимолетно подумал о несчастном идиоте — Берковиче, благодаря которому заварилась вся эта каша. Но о мертвых — либо ничего, либо в некрологе...

32. Смерть шпиона

До квартиры добрались без приключений. По уму, тащить гражданина Берковича в нашу берлогу не стоило. Но отпустить его — то же самое, что выйти на Крещатик с плакатом "Вот он я! Хватайте!" А убивать парня просто так, по принципу "шоб не було!", рука не поднялась.

Окна квартиры не светятся, но Мила не спит. Не успеваем выбраться из лифта, как начинают щелкать многочисленные замки. Дверь открывается. Девчонка стоит на пороге все в том же лолитском прикиде малолетней давалки. С кухни на площадку тянет многообещающими запахами. Если бы не стонущий под боком Беркович и не общая задолбанность организма, отвыкшего от суточных, считай, марш-бросков, можно было подумать, что никуда я и не уезжал. Так, выходил во двор пива бутылочку всадить.

— Ой, а это кто? — спрашивает Мила, запустив нас в прихожую.

— Трофей, — хмуро отвечаю я. — Вырван из клыков кровожадных акул империализма. Американец, если что. Зовут Алан, поживет пока у нас. Под домашним арестом.

— Американец? — переспрашивает девчонка, в глазах которой загорается непонятный мне огонек. — Тощенький какой!

Проталкиваю Алана вперед, закрываю дверь.

— Он, кстати, ранен немножко...

Мила снова ойкает и бросается за аптечкой. Точнее, за малым медицинским набором, который мы собрали попутно с обновками.

Разуваюсь сам, стягиваю обувь с Жужика. Шпион, не мигая, пялится в зеркало, висящее в коридоре и под моими толчками задирает ноги. Сначала правую, затем левую. Разув, заталкиваю героя в свою комнату, сажаю на диван.

— Без глупостей, это специальный апартамент, здесь все под контролем!

Жужик в полном ступоре и неожиданностей особых не жду. Но мало ли, вдруг его переклинит, и пленный рыцарь плаща и кинжала решит вдруг вынести стекло табуретом и поорать в окно, призывая на помощь Капитана Америку и прочих бэтменов и пидерменов?

Мила прибегает с аптечкой и бестолково кружит по комнате. С трудом отогнав ее к входу, стаскиваю с Жужика рубашку и начинаю обрабатывать наспех перевязанную рану. Беркович тощ, как жертва голодомора, словно и не из страны победившего фаст-фуда приехал. Или у него глисты просто?

Не обращая внимания на вопли Алана, отрываю успевший уже подсохнуть бинт, заливаю перекисью. Беркович, услышав шипение, округляет в испуге глаза, но ничего страшного не происходит. Для страховки плескаю хлоргексидином. По уму лучше бы, конечно, зашить, но необходимого инвентаря нет, поэтому обойдемся и так. Вот если бы проникающее, с огнестрельным переломом, то да, потребовалось бы нечто большее, чем подручные средства. А так пуля прошла по касательной. Следом обильно смазываю левомеколем. Кое-как пристраиваю тампон и с помощью Милы сооружаю повязку.

Дождавшись конца медицинских процедур, боец вырубается в сидячем положении. Аккуратно, чтобы не разбудить, укладываю. Парень немного возится и начинает сопеть. Повоевал я, блин! Похоже, еще одно дите на мою многострадальную голову...

Захожу в ванную, наскоро плескаю холодной воды в лицо. Спать бы завалиться, но нужно ковать железо, не отходя от кассы.

— Мила!

— Да? — тут же суется в дверь девчонка. На языке у нее явно крутится не одна тысяча вопросов. Нет ни времени, ни желания заниматься пересказом ночных событий.

— Кофе сварю. Мне тут еще кой-чего сделать надо.

Девчонка кидается на кухню. Беру рюкзак и оккупирую комнату Милы. Устраиваюсь так, чтобы просматривался диван, на котором дрыхнет Беркович, стелю коврик и высыпаю трофеи.

Начинаю, как водится, с оружия. Мой малыш-ПСМ, уютно расположившись в кармане, греет душу по-прежнему, но огневая мощь никогда не бывает лишней. Пистолет, из которого этот Айвен едва не порешил Жужика, оказывается неожиданно редкой штучкой. Это не Вальтер "Полицай Пистолет Криминаль" с которым щеголяет в кино Джеймс Бонд, и не вульгарный китайский ГТ, какой предпочитают киллеры средней руки, переросшие арматуру и обрезки труб. Передо мной лежит настоящая легенда советских спецслужб. "Пистолет бесшумный" или ПБ, многими считается просто "Макаровым с глушаком", но это совсем не так. От знаменитого ПМа здесь только магазин и ударно-спусковой механизм, все остальное конструктор Дерягин делал "с нуля", создавая надежное оружие для армейской разведки и КГБ. Просто так, на том же Сенном подобную машинку не купишь. Эксклюзив можно сказать... Айвен, оказывается, не только профи, но и эстет. Был.

Я бы, конечно, предпочел "Смит-Вессон М59" с глушителем. Они стоят на вооружении ВВС США, не столь надежны, как наши, но работают тише и ощутимо компактнее. Однако дареному журавлю в клюв не смотрят и синицей по лапам не бьют. Немаловажно и то, что ПБ принимает стандартный пистолетный патрон 9X18, не требуя какой-то экзотики.

Беру в руки ПБ, отщелкиваю магазин, передергиваю затвор. Выстрелить наймит капитализма успел всего раз, так что в магазине семь патронов. В карманах еще две полных коробки. Стало быть, отцовский наградной ПСМ переводится из "основного" в "резервный"...

Загоняю доснаряженный магазин. Взводить не стоит — перестрелка в течение ближайших часов нам светит сугубо теоретически.

Свинчиваю глушитель и прячу новую игрушку в рюкзак. Теперь можно переходить от приятного к полезному. Начинаю с мобильных телефонов — скромной "Нокии" покойничка и расфуфыренного "Айфона", найденного и отобранного у дрыхнувшего подранка. Храпит, сученыш, аж уши заворачиваются.

Покопаться бы в сим-картах, там определенно есть куча ценных номеров — вряд ли ребята утруждали себя запоминанием пары сотен контактов. Но вставлять симки и включать телефон — опасное и глупое занятие. У оператора мобильной связи сразу же появится информация о том, где и когда активизирован номер. Соответственно, для безопасной и вдумчивой работы потребуется специальный считыватель. Который еще нужно купить.

Осмотр прочих трофеев окончательно убеждает, что я обезвредил крупного хищника. Из внутренних карманов и швов появляется куча барахла, одно лишь перечисление которого вполне тянет на добротный шпионский роман. Откладываю всё, что может пригодиться в дальнейшем, а прочее, вместе с остатками одежды, заматываю в узел и упаковываю в пакет, чтобы при первой же возможности утопить или закопать понадежнее.

Из всего обнаруженного, кроме пистолета и телефонов, самым интересным оказывается небольшая пластмассовая аптечка, что хранилась у агента в поясной сумке. Там, помимо стандартной чепухи, призванной не дать разгуляться нервам и обосраться, а также священного для всех пиндосов "Тайленола", лежит несколько шприц-тюбиков с хорошо

известной мне маркировкой.

Данной последовательностью цветных штрихов принято обозначать то, что профанами зовется "эликсир правды". КС-127 и КС-130, швейцарское патентованное средство для медикаментозного допроса. Мы таким когда-то пользовались.

Эта находка в корне меняет всю намеченную стратегию. Теперь, потрошение Жужика играет новыми красками. Паяльник в анус, это надежно и быстро, но потом клиента почему-то бывает сложно не то что перевербовать, просто расположить к себе. А в нашем клиническом случае это попросту означает, что Берковича после экстренного потрошения, невзирая ни на какой гуманизм, пришлось бы пускать в расход. Чтобы потом перекрутив на мясорубке, спустить фаршем в унитаз. В общем, пусть Жужик молится на аптечку своего несостоявшегося убийцы...

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Так, лирику долой, теперь к делу. Вспоминаю методичку по использованию КС. Противопоказания к больной печени? Беркович этим явно не страдает. Алкоголь наш америкос, скорее всего, употребляет только на их день Благодарения, да и то не крепче пива или сидра. Сто процентов не курит. Оттого чуть здоровеньким и не помер.

Появляется Мила с подносом. На подносе — кружка, кофейник, сахарница. Ишь ты, сервис...

— Ага, спасибо!

Я, почти не глядя, хватаю кружку и делаю первый глоток. Горячо, но в пределах нормы. Как говорил один мой хороший товарищ: "Кофе должен быть крепким и черным. Как у марроканского невольника!". И откуда только у прапора — ППСника, и по совместительству, ебаря — перехватчика могли такие ассоциации возникнуть?

— Ой, а это что такое?

Мила восхищенно смотрит на лазерную систему дистанционной прослушки, набор световодов, и универсальный постановщик помех.

— Развлечение для взрослых дядек! — уже отвечая, понимаю, что девчонка имела в виду совсем не шпионские штучки, а жужиковский "Айфон"... У каждого Лаврушки свои игрушки...

Разрешаю девчонке взять в руки и со всех сторон осмотреть "великую американскую мечту", сам в это время перебазируюсь со всем хламом к Берковичу. После чего отбираю "Айфон" и, натянув суровую маску, изрекаю:

— Значит так, слушай меня сюда. Сейчас я буду с пленным работать. Ты уходишь в зал, закрываешь поплотнее дверь и смотришь телевизор, пока отбой не скоман্দую. Ферштейн?

По округлившимся глазам Милы понимаю, что она себе успела надумать кучу всяческих страхов. Потому добавляю:

— Не бойсь, пытаться не буду. Просто вдруг он ляпнет чего такого, что тебе знать не обязательно.

Девчонка испуганно кивает несколько раз и закрывается в комнате.

Алан дрыхнет без задних ног. Проверяю его карманы. По сравнению с предыдущими находками — скучная мелочевка. Все, пора. Нас утро встречает рассветом, еще пара часов, и я буду спать стоя. Челюсть и так выворачивает зевотой, а в глаза будто песка сыпанули. Не жалеючи.

Допиваю остывший кофе. Легонько треплю за плечо клиента. Тот недовольно бурчит, определенно, будучи не в настроении просыпаться. Силком поднимаю, сажаю. Беркович

что-то бубнит. Внимания не обращаю. Сильно щелкаю по уху и, как только Алан открывает глаза, вгоняю иглу шприц-тюбика в предплечье здоровой руки.

Не проходит минуты, как взгляд Берковича теряет осмысленность и приобретает отсутствующее выражение. Губы шпиона расплываются в дурацкой улыбке, а из уголка рта тянется тонкая струйка слюны. Почти полная потеря самоконтроля, эйфория и благость ко всему миру — в наличии. Можно начинать...

Включаю видеозапись на телефоне и спрашиваю, стараясь не интонировать.

— Имя, фамилия, должность...

— Алан Беркович, региональный представитель ЦРУ, личный номер..., номер карточки социального страхования... — хорошо отвечает, уверенно.

Вхождение прошло нормально. Облегченно вздыхаю. Ну что, понеслась звезда по кочкам?

Через час с небольшим, Алан умиротворенно сопит на кровати, а я сижу в кресле и тихо охреневаю. В основном, с самого себя. Потому что бестолковый рассказ, выданный из мальчишки под эликсиром правды, под самый фундамент разрушает старательно выстроенную мной картину всемирного жидомасонского заговора.

Оказывается, смерть Вити Сербина и оба бандитских визита в его квартиру были организованы вот этим мирно сопящим мальчишкой. Лопухим чмошником, помешанным на Джеке Райане, которого Жужик поминал через слово. И это все! Никаким ЦРУ, АНБ, ни тем более, ФБР, мы с Милой и нахер не нужны были! И до того момента, как я сунулся к Сереге, нас с девчонкой никто не искал. Достаточно было затаиться на недельку-другую — и все, здравствуй, новая безалкогольная жизнь! В общем, утопил я старого друга. Во всех смыслах слова. И не только его утопил, но и себя подставил. Тронул камешек, и пошла лавина. Мало того, притащил прямо к Миле убийцу ее отца...

Подозрительно смотрю на розетку. Прислушиваюсь. Нет, телевизор что-то бубнит и довольно громко. Да и Мила вряд ли подслушивает. А то ведь, неровен час, бухнет в кофе мальчишке крысиного яду. Или еще каких глупостей наделает.

Разъяснилось и с Айвенгом. Оказывается, я помножил на ноль не какого-то отставного морпеха или сраного рейнджера, взятого Берковичем в качестве грубой физической силы. Нифига подобного! Убитый оказался элитным оперативником ЦРУ. Да уж, опасный ты человек, америкашка...

Снова начинает слегка потряхивать — недосып накладывается на понимание того, как мне повезло. По уму, шансов на победу не было — завязавший пару дней алкаш против агента... Однако Удача — дама с норовом и собственными симпатиями. Не пришлось бы только потом за такую симпатию расплачиваться. Сегодня мне подфартило, завтра — кому-нибудь другому. Впрочем, гнусные мысли — долой. Коли везение прет, будем хватать за хвост, пока не сбежало.

Что же общей обстановки вокруг неучтенного специзделия, то приговоренный начальством к смерти "региональный представитель" Беркович знал мало, понимал еще меньше. Все происходящее для себя объяснял происками начальства.

Тем не менее, его бестолковый рассказ, совокупно с исповедью Сербина, неплохо описал ту выгребную яму, в которой мы оказались. Точнее дополнил ее более точными промерами глубины, ширины и качества заполняющей субстанции. Темпы и жестокость зачистки всего этого "братства бомбы" могли свидетельствовать только лишь об одном — амеры подарок из прошлого планируют извлекать и задействовать в своих планах. Как? И

думать нет смысла, не имея исходных данных. О том, что я жив, им известно через Серегу. Стало быть, будут искать, пока не найдут.

Что все это меняет в моих вчерашних планах? Да ничего, по большому счету. Разве что Берковича нужно как-то завербовать. Это уже не Витин пьяный магнитофонный базар, это живой свидетель с паспортом гражданина США... Вот этим, пожалуй, с утра и займусь...

Смотрю на часы. Без пяти семь. Мой организм неожиданно машет рукой на необходимость сна, и я даже не зеваю. Ничего, откат еще поймает. Ближе к полудню-обеду...

Иду на кухню, ставлю чайник на плиту. С туркой заморачиваться нет ни сил, ни желания. Буду хлебать залитый кипятком кофе, делая вид, что так и надо. С горячей кружкой в руках бреду к двери в зал. Стучусь.

Мила распахивает дверь рывком, будто меня и дожидалась. Хотя с таким вниманием обшаривает взглядом, явно в поисках крови или прочих признаков интенсивного допроса, что, скорее всего, действительно, ждала. Лишь бы не прислушивалась.

От телевизора доносятся позывные утренних новостей. Сажусь на спинку дивана. Присаживаться по-человечески опасаясь. Спать-то вроде бы не хочется, но, стоит только прислониться, как тут же вырублюсь. А этого пока делать не стоит.

Мелькает заставка, и на экране появляются знакомые пейзажи. Оказывается, "пожар на военной базе" уже попал в блок новостей. К приезду репортеров аэродром уже был оцеплен теми самыми солдатами, которых мы с Аланом встретили по дороге в Киев. Естественно, никакой информации СМИшники получить не смогли. Поэтому по всем каналам крутили одни лишь интервью с бекающими и мекающими чиновниками, а также военными, изо всех сил пытающимися говорить на державной мове, но постоянно сбивающимися на русский язык. Интервью щедро разбавлены архивными материалами по взрывам в Кременчуге, Цвитохе и Ново-Богдановке. Изредка поминали Бровары и грохнувшуюся там в пятиэтажку ракету...

Мила, сидящая рядом, то и дело косится в мою сторону, силясь по выражению лица догадаться, каким образом мы с американцем причастны к этим событиям. Но я старательно прячу лицо в кружке. Да и по моей зевающей роже хрен бы что определил даже лучший физиономист ЦРУ.

По версии милиции, причина пожара — несоблюдение правил техники безопасности в подпольном разливочном цеху. Ну и пробитая по неустановленным причинам цистерна, спирт из которой затек на территорию хранилища боеприпасов и вызвал возгорание, с последующей детонацией...

Услышав про это, с трудом удерживаюсь от улыбки. Значит, жужиковское начальство, скорее всего, решит, что тот устранен, а Опоссум то ли зазевался и погиб на пожаре, то ли решил исчезнуть по каким-то причинам, известным ему одному. И это вполне резонно, такая вот "нелепая смерть" — идеальный для агента-чистильщика вариант перейти на нелегальное положение. А это, в свою очередь, означало, что ни покойного Айвена, ни моего полуживого Жужика никто искать не будет.

Решив было возрадоваться, возвращаю себя на землю. Искать не будут их. А вот информацию про бомбу всяко в шредер не засунут. Значит, план набега на Русу по-прежнему в силе. Только очередность задач, похоже, следует изменить. Вначале отловить и выпотрошить Котельникова, который вполне может вывести на истинного "заказчика" всех наших проблем, а потом уж, как на аэродроме поулягутся пожарные страсти, доставать

бомбу.

Как именно — ориентируюсь на месте. Бульдозер угоню или суку чекистскую в раскоп спихну. Пусть с мирным атомом разбирается с лопатой наперевес.

Становится ясным "кто", "как" и "почему". Но главный вопрос "что же задумали звездно-полосатые миротворцы", ответа пока нет. Впрочем, они, скорее всего, еще ничего и не задумали.

Со скрипом открывается дверь. Мила оборачивается на звук и только ойкает. На пороге стоит приведение. "Краше в гроб кладут", — успеваю подумать я, прежде чем явившееся нам создание в выпущенной рубашке, торчащими во все стороны волосами и опухшим лицом, на котором отпечатались швы от наволочки, хлопая ресницами и щурясь от яркого света, почти бесшумно перемещается на середину комнаты. Судя по внешнему виду, отходняки у Берковича в полном разгаре. Ну чисто упырь из сказок. Хоть бери кол и ебашь в сердце.

— Вить, а что это с ним? — спрашивает Мила, поджимая под себя ноги и отползая поближе ко мне.

— Забей, — отвечаю. — От обезболки отходит. Приходы у него — мама не горюй! Беркович стоит, уткнувшись взглядом в экран.

Симпатичная журналистка в мини-юбке и макси-декольте ведет репортаж из холла американского посольства. Пресс-атташе со скорбной рожей несет дежурную чушь на фоне стоящих в окружении венков портретов, перечеркнутых траурной лентой. Удивляет такая оперативность. Точнее отлично укладывается в мою версию...

— Так это же он! — вскрикивает Мила, переводя взгляд с экрана на опухшую физиономию Алана.

— Ага, он самый, — с готовностью подтверждаю я.

"При этом, — частит журналистка, озабоченно глядя в объектив, — в бункере сгорели все находящиеся там рабочие! А вместе с ними погибли и два гражданина США, — глаза у журналистки испуганно округляются, будто за гибель своих граждан Америка уже пообещала подогнуть по Днепру весь свой шестой флот с авианосными группами и отработать по Киеву "томагавками", — представитель консалтинговой компании Алан Беркович, и консультант по вопросам разоружения Айвен Смит, проявили истинный героизм, пытаясь спасти попавших в смертельную ловушку людей. Как утверждают пожарные, температура внутри подземелья достигала тысячи пятисот градусов. Бункер стал братской могилой и одновременно крематорием для всех жертв коррупции и теневой экономики..."

Картинка меняется. Показывают красную "Тойоту" с комментарием, что эта самая машина, обнаруженная у стен сгоревшего цеха, является непреложным доказательством гибели двух американцев. "Японка" засыпана пеплом, на переднем крыле — здоровенная вмятина. Никогда бы не подумал, что на такой убищной машине могут ездить аж два цэрэушника.

До Жужика наконец-то доходит, о чем и о ком идет речь. Окончательно его добивает зрелище "Тойоты". У Берковича подкашиваются ноги, он хватается за спинку кресла. Губы дрожат, а на глаза, похоже, сейчас навернутся слезы. Ну вот, теперь у меня имеется надежная основа для предстоящей вербовки.

Изображаю радушную улыбку и произношу:

— Добро пожаловать на тот свет, мистер Беркович!

Беркович, узрев свой лик, обрамленный трауром, чуть не сошел с ума в прямом смысле этих слов. На это еще наслоились остаточный эффект от "эликсира правды", ноющее плечо и глупая шутка. Жужик видел мое фото, был уверен, что меня застрелили, и, когда разглядел при нормальном освещении, кто же его захватил, да еще и спросонья решил, что на самом деле оказался "на том конце тоннеля". Но молодая психика, сформировавшаяся на мультфильмах про Тома и Джерри, комиксах и прочих ужастиках, справилась. Вот если бы он читал в своем колледже Достоевского и Толстого с фонариком и под одеялом, то после таких вот душевных потрясений, зуб даю, не миновать парню "палаты номер шесть"! Как говорил знакомый санитар Валик Зеленый, который попал в медицину после позорного изгнания из рядов ОБНОНа: "Ебнувся б нахуй. Ту-ю-ю-т же!"

Ближе к вечеру, когда Беркович полностью отошел от допросного зелья, а я с третьей попытки всё же сумел проснуться, началась полномасштабная вербовка с использованием достижений народных методик.

По старой русской традиции, занесенной в быт гнилой интеллигенцией, пьянствуем на кухне. Мила, чуть пригубив псевдокактусовой паленки, выпорхнула из-за стола и шурует возле плиты, время от времени возвращаясь с очередной свежеприготовленной закуской.

Психотерапевтический сеанс был не прихотью моего изголодавшегося по алкоголю подсознания, а суровой необходимостью.

— Ну давай, Алан! Чиаз! — рюмка далеко не первая, и на тосты я уже не размениваюсь.

— Чиаз! — обреченно отвечает Беркович и, расплескивая содержимое, тянется через стол.

Два покойника чокаются и выпивают. Дожевываю остатки отбивной, встряхиваю практически пустую бутылку текилы под названием "Текила" и снова наливаю.

— Ты — труп! Алик, ты понимаешь, что ты сейчас — вонючий и мерзкий труп! — продолжаю я обработку, — хотя нет, не вонючий. Ты поджаренный и с корочкой труп! — парень явственно зеленеет и с подозрением глядит осолопевшими глазами на тарелку.

— Не косись, не косись! Мила у нас отличная хозяйка и человечину не готовит! — подмигиваю девчонке, уже готовой переебать Жужика сковородкой по тупой башке. А следом и самого себя, чтобы хуйню не нёс.

— Так вот, Алик, я к чему веду! — доверительно склоняюсь к Берковичу. — Ведь и я тоже труп для твоего начальства! Только ты сгорел, а меня пристрелили! Вот Мила, она еще не труп! Но стоит нашим врагам напасть на её след, и ее кости тоже растащат койоты!

Понимаю, что сбился на полнейшую ерунду, но Беркович, похоже, не улавливает тонкостей бреда, воспринимая весь ужас своего бытия в комплексе. Жужик, извернувшись на табуретке, пялится на девчонку. Та же, делая вид, что занята и не слышит, стремительно краснеет.

— Милли, — выдавливают Алан, успевший переименовать ее имя на свой лад, — Но это ужасно, мы же боремся за демократию...

— Это точно, за нее, родимую. Американец, как известно, за демократию готов угробить сколько угодно народу. Ты уже в этом убедился.

— Но я же делал все, как учили, — собутыльник с трудом ворочает языком. — А они меня решили убрать с дороги, как... как мусор...

— Ты влез в очень опасное дело, парень! — оказывается, под Клинта Иствуда косить не так уж и сложно. Сложнее не заржать в голос после очередного "перла". — Твои боссы, если найдут бомбу, не будут кричать в новостях о наследии СССР...

— СиЭнЭн... — вяло бормочет Жужик.

— И БиБиСи до кучи, — отмахиваюсь я и продолжаю, — Они ее перепрячут и используют для своих темных и грязных делишек! Видишь, они уже начали зачищать регион! А мы с тобой и попали в ебанный список "объектов зачистки".

— Что это значит, Виктор? — задает глупейший вопрос малохоличный поклонник Джека Райана

— Это значит, что они ее где-нибудь взорвут.

— Оу, факкинг щит! — переходит на родимые ругательства американец. — Что же делать, Виктор? И почему они так со мной? Бастардс...

Признаться, больше всего мне сейчас хочется недоуменно почесать репу и развести руками. Не в ответ Жужикю, а констатируя упадок нравов и профессионализма у мирового буржуинства. Мне было как-то естественно наблюдать, как потихоньку снижается планка мастерства разной спецуры после гибели СССР. И у нас, и в России — что-то сам видел, об этом слышал от не склонных к пустой болтовне людей. Но то, что процесс этот — как улица с двусторонним движением — как-то не думал. А теперь вот сидит передо мной этакий оболтус, на фаст-фуде взрощенный, кока-колой выпоенный, на своего Райана молящийся. И, кажется, сейчас совершенно искренне заплачет от того, что его, сиротинушку, не бочкой варенья и корзиной печенья отоварили, а чуть не убили злые супостаты — это же нечестно! В книгах так не бывает!

И ведь Жужик уже спровадил на тот свет бедолагу Сербина, но придурковатым дитем быть не перестал ни на мизинец. В общем, это даже хорошо, меньше проблем с допросо-вербовкой, что все больше походит на застолье с винным зелием. И все равно — диковато как-то.

— Тебя предали, Алан Беркович! — кричу я почти в голос, но все-таки осторожно, памятуя о соседях. Нам только визита участкового не хватате для полного пиздеца. — Предали! И тот, кто это сделал, гораздо выше твоего шефа-резидента и даже самого директора!

— Оу, билять... — проявляя неожиданное знание тонкостей русского языка, с нечеловеческой тоской воет Беркович, обхватывает ладонями голову и начинает опасно раскачиваться на табуретке. Впрочем, мойка в этой квартире без выступающих углов, поэтому башку вряд ли проломит, даже если звезданется.

— У тебя есть два варианта, Алан! Или сбежать в Сибирь и до конца жизни обитать в тайге, — при слове "Сибирь" моего собеседника передергивает, надо было еще GULAC помянуть... — Или же помочь мне и моей организации принять меры, чтобы остановить твоих бывших коллег!

Услышав про "организацию", удивленная Мила пытается что-то вякнуть, но, напоровшись на мой взгляд, поспешно затыкается. И слава богу, нехай лучше думает, что в Русе я старательно внедрялся, а не стремительно спивался...

— Смотри, Алан, — продолжаю я. — Ты же, можно сказать, второй раз родился. А что это значит?

Беркович смотрит с таким видом, будто ожидает ответа на вопрос о смысле жизни.

— А это значит, что тебе дали второй шанс! Считай, что вся жизнь до этого была лишь

черновиком, а сегодня у тебя появляется шанс переписать ее начисто, лошара ты пидноская!

Алан пораженно пялится, застыв с вилкой в руке. Осторожно отбираю вилку, кладу на стол.

— Виктор, а твоя организация может обеспечить мою безопасность? — задает Жужик неожиданный вопрос.

— Враги везде, Беркович, — внушительно отвечаю. — В такой обстановке верить нельзя никому, даже себе. Мне можно.

В цитату Жужик не врубается, но кивает.

— Да, я отлично понимаю, что никаких гарантий в столь сложной обстановке давать не следует! — он трясет указательным пальцем и с неожиданно пафосным видом заканчивает, — вот если бы ты пообещал мне все и сразу, я бы тебе не поверил! — и пьяно хихикает.

Я молчу.

Текила "Текила" закончилась. Стою перед трудным выбором. Или лечь спать, или отправлять несовершеннолетнего гонца женского полу в ближайший ларек за новым пузырем. Долго колеблюсь, но выбираю первый вариант. К явному облегчению Милы, которое она и не пытается скрыть.

Заканчиваем посиделки крепким чаем. Налив напоследок еще по кружке, перебираемся под телевизор.

Главная тема новостей — по-прежнему Руса. К концу дня появились версии о поджоге подрядчиками для сокрытия недостачи и о разборках преступных группировок. Командирским произволом, сразу же перед блоком спортивных новостей, приказываю вырубать ящик и готовиться ко сну.

Преодолев соблазн остаться в одной комнате с Милой, разрабатываю новую диспозицию. Вернее, закрепляю сложившуюся еще с утра. Пигалица в зале, Беркович на кровати, в комнате. Себя же, проклиная ту долбанную шабашку на кладбище, что довела до жизни такой, размещаюсь на раскладном кресле-кровати, перегородив выход из комнаты Жужика. Американец, несмотря на явное согласие на сотрудничество, пока что имел статус военнопленного, а стало быть, вполне мог среди ночи что-нибудь нафантазировать и учудить. Вскоре в квартире наступает тишина, которую изредка прерывает тревожное бормотание — бесстрашный агент ЦРУ зовет во сне маму.

Убедившись, что команда "отбой!" в расположении выполнена всем личным составом, выбираюсь на кухню покурить. Возвращаясь назад, заглядываю в туалет и, выходя оттуда, нос к носу сталкиваюсь с Милой.

Оказывается, позавчера при покупке шмоток девчонка не ограничилась одним неформальским нарядом. Сейчас на ней узкая серебристая шелковая, едва прикрывающая бедра ночнушка, под которой топорщатся вполне ощутимые грудки. Под ночнушкой нет ничего — если бы плоский животик и начинающуюся под ним ложбинку обтягивало даже самое тонкое белье, не заметить его никак не вышло бы. Я, стесняясь своих семейных трусов, вжимаюсь спиной в дверь, девчонка, тоже застигнутая врасплох, застывает на месте.

Первой приходит в себя ебанная (уж не знаю, в прямом или переносном смысле) нимфетка. Скользя по мне теплым атласом и обдав горячим запахом чистого девичьего тела, скрывается за дверью гостиной, бросив на меня какой-то странный — то ли испуганный, то ли обиженный взгляд.

— Спокойной ночи!

— Спокойной... — машинально отвечаю, возвращаясь на кухню для внепланового перекура. Трусы стоят колом и ложиться спать бессмысленно — одеяло будет сваливаться.

Здесь, наверное, самое время было бы задаться сакраментальным и уже вполне традиционным вопросом — так было между нами что-то или не было? Но я слишком устал, да и кровь отлила от головы, так что курю просто и без единой сторонней мысли. Хотя нет, одна мысль все-таки имеет место быть — вот она, жизнь. Потерянная бомба, инфантильный ЦРУшник, полная путаница и блядский бардак со всех сторон. И нам надо как-то извернуться, но выжить. И по ходу пиесы получается, что на балансе и содержании уже не две персоны, а три...

* * *

К позору своему безбожно просыпаю — на часах уже без чего-то одиннадцать. Натянув джинсы и футболку — хватит и вчерашних конфузов — выбираюсь в коридор и, стараясь не привлекать внимания, шмыгаю за дверь туалета.

Уже в ванной, соскребая модную щетину, прислушиваюсь сквозь шум воды к происходящему в квартире. Моя инвалидская команда ведет себя так, словно сегодня обычное субботнее утро. Беркович встал сразу же вслед за мной и теперь сопит у телевизора. Любителю дефективных романов повезло — рана не опасная и быстро обработанная. Даже воспаления нет. Мила хлопочет на кухне. Ну, просто семейная идиллия! Стало быть, верят они мне, как Рембо-какому-нибудь, или актеру Пореченкову из смешного сериала "Агент национальной безопасности". А верят, между прочим, зря!

Потому что их надежда и опора, их каменная стена, фыркающая под душем и терзающая десны жесткой щетиной зубной щетки, на самом-то деле просто испуганный отселенец-алкаш, выброшенный на обочину жизни именно за то, что пытался принимать самостоятельные решения как офицер и патриот своей многострадальной державы...

1. В бой вступает Джамаль

Один из самых богатых и влиятельных людей Восточной Украины был мусульманином. Для большого бизнеса нет, конечно, ни эллина, ни иудея, но человек, выросший в семье, почитающей пророка Магомета, с молоком матери впитывает уважение к религиозным лидерам ислама. Поэтому просьбу одного из влиятельных саудовских имамов, позвонившего из Медины, олигарх воспринял если не как приказ, то, во всяком случае, как руководство к действию. Тем более, что просьба оказалась и в самом деле пустячной — всего лишь перевезти некоего человека из одного места в другое, не привлекая к персоне внимания и не оставляя следов. Эка невидаль...

Персональный бизнес-джет Dassault Falcon 900, единственный в своем классе самолет с тремя реактивными двигателями, заходил на посадку, имея на борту только одного пассажира. Мужчина лет сорока, одетый по последней "ученой" моде, введенной в обиход основателями и топ-менеджерами компьютерных гигантов "Эппл" и "Майкрософт", в льняных мешковатых брюках и простом хлопчатобумажном реглане. Развалившись, он смотрел на огромном экране плазменного телевизора новый голливудский блокбастер, чья мировая премьера ожидалась только через неделю.

Стюардесса, обслуживающая необычного гостя, никак не могла понять, кто он такой. Разговаривал по-русски, хотя и с каким-то немного странным акцентом, был явно не представителем элиты — одет хорошо, но не "в тренде". На изысканный обед накинута голодный волком, при этом полностью проигнорировал модных в этом сезоне новозеландских мидий, а знаменитым сортам виски и джина предпочел вульгарное (хоть и очень дорогое) пиво. И совсем уж не походил он на политтехнолога — за последние годы этот самолет перевез их столько, что экипаж сбился со счета.

Командир корабля нервничал, потому что получил приказ посадить воздушное судно в личной резиденции олигарха. Несколько лет назад тот обосновался в городском ботаническом саду, где построил вполне современную взлетную полосу, которую пришлось буквально врезать на свободный пяточок между озером, автотрассой и железной дорогой. Поэтому получилась она предельно короткой и почти не имела подлетной зоны.

Посадить сюда самолет было немногим проще, чем приземлиться на палубу авианосца. Но хозяин, потратив на одни лишь согласования годовой бюджет иной африканской страны, искренне считал, что деньги решают всё, так что спорить с ним на эту тему было даже не бесполезно, а просто опасно.

Наконец шасси коснулись бетона, командир передал управление второму пилоту и, наблюдая за тем, как тот заруливает в ангар, вытер пот со лба.

Обязательные представители таможни, пограничников и СБУ, получившие предупреждение о прибытии международного чартера два часа назад, ожидали на контрольно-пропускном пункте. Они и в мыслях не имели не то что досмотреть самолет, но даже просто заглянуть за гофрированную алюминиевую стенку ангара, в котором укрылась дорогая красивая машина. Идея проводить личный досмотр самолета, хозяин которого контролировал в области всех и вся, от тяжелой индустрии до бабушек, торгующих семечками на троллейбусных остановках, могла прийти в голову только сумасшедшему или человеку, который совершенно не дорожил своим местом.

Представители властей выпили предложенный кофе, приняли небольшую мзду,

расписались, где положено, и довольные отправились восвояси. Штампы в паспорте "гражданина Грузии", сошедшего на гостеприимную украинскую землю с борта "Фалькона", были проставлены и без их участия.

Через четверть часа после посадки территорию резиденции покинул "Лексус", принадлежащий одному из местных воров в законе — его номера гарантировали такую неприкосновенность, по сравнению с которой и статус народного депутата не шел ни в какое сравнение. Ни один пост ГАИ не рискнул бы остановить этот автомобиль, даже если бы он мчался по встречной полосе со скоростью двести километров в час. Сопровождаемый двумя набитыми охраной "Ниссан-Патролами", "Лексус" вышел на трассу. Отсюда до Русы было примерно семьсот километров, но гарантия безопасного въезда в страну этого стоила...

Джамаль, въехавший в Украину на сутки раньше с российским паспортом уроженца Дагестана, сидел за рулем скромного "Фольксваген-Пассата", ожидая появления кортежа. Убедившись, что все идет по заранее намеченному сценарию, он, выждав еще полчаса, двинулся вслед.

Украинские трассы республиканского значения в подметки не годились дорогам, проложенным в Эмиратах, но, с другой стороны, были намного ровнее и безопаснее курдских бараньих троп. Времени было достаточно, наблюдая за тем, как медленно ползет по карте навигатора маркер, Джамаль вспоминал о своем знакомстве с нынешним нанимателем.

Четырнадцатого апреля 2003 года, когда американцы вошли в Тикрит, Джамаль был одним из немногих, кто знал о том месте, где прячется покинутый всеми Саддам. Иракский диктатор в узком кругу называл Джамала "мой Отто Скорцени". Личный палач, исполнитель особых поручений, он был известен в лицо очень немногим, а потому мог свободно передвигаться по стране, погруженной в хаос войны. У Саддама еще оставалась возможность покинуть страну, но все его зарубежные счета, даже самые секретные, были вычислены и заморожены американцами, а для того, чтобы надежно укрыться, нужны деньги. Большие деньги.

И они у Хуссейна имелись — в предместье Багдада, в неприметном подземном складе ждал своего часа "золотой поплавок" — двадцатифутовый контейнер с миллиардом долларов наличными во всевозможных купюрах. Саддам уже не мог приказывать, он просил. В начале декабря Джамаль покинул Тикрит и в одежде крестьянина на разбитой машине двинулся в сторону Багдада.

Саддама опередили. Хранилище оказалось пустым, и кто из троих посвященных стал в одночасье миллиардером, на тот момент было уже неважно. Впрочем, Джамаль, сколь ни прилагал он потом усилий, о судьбе "Саддамовского миллиарда" узнать ничего не смог.

Там же, неподалеку от пустого хранилища, он был схвачен американцами наряду со всеми мужчинами призывного возраста и отправлен в фильтрационный лагерь. Джамала знали немногие, очень немногие. Но все-таки знали. В лагере обнаружился человек, который вполне мог купить свободу ценой жизни Джамала. Узнай янки, кто он на самом деле, и его ожидали жестокие многомесячные допросы. А потом, когда американцы высосут всю информацию вплоть до детских воспоминаний про церемонию обрезания, его ждало, в лучшем случае, пожизненное заключение в Гуантанамо. Саддам был хорошим хозяином, щедрым и милосердным. Но не вина Джамала, что голова бывшего правителя Ирака

оказалась единственной ценностью, которой бывший "Отто Скорцени" мог оплатить собственную свободу...

Оставалось найти подходящего покупателя. Внимание Джамалья привлек невысокий полный американец, прогуливающийся по лагерю в сопровождении двух морпехов. Джамаль хорошо говорил по-английски. Он вежливо попросил у "мистера Моргана", как было указано на бейджике, разговора с глазу на глаз, чтобы сообщить сведения, представляющие интерес для "национальной безопасности". Последние слова "феллаха из Тикрита" вызвали у члена сенатской комиссии неподдельный интерес. Торг занял немного времени. Не прошло и двух часов, как Джамаль с пропуском оккупационных властей на руках покинул Багдад, знавший его человек был убит при попытке к бегству, а Виктор Морган в генеральской палатке, захлебываясь от собственной значимости, рассказывал о том, что ему "совершенно случайно" удалось выяснить, где прячется неуловимый Саддам Хусейн...

Дорога к Русе с короткими привалами заняла около десяти часов. Двигающийся с высокой скоростью кортеж добрался до места раньше.

К воротам объекта, укрывшегося среди живописных и не очень развалин, "Фольксваген" подкатил еще засветло. Охранники долго и нудно препиралась, выжидая, пока не появится толстобрюхий Хасан, делано всплеснувший руками и приказавший немедленно впускать дорогого гостя...

Во дворе, готовясь в обратный путь, стоял "Лексус", доставивший в Русу человека, нужного Джамалю здесь и сейчас.

Контроль за распространением (точнее, за нераспространением) ядерного оружия и материалов, необходимых для его создания, является непреходящей проблемой всех государств-членов "ядерного клуба". Самый эффективный способ для его осуществления — это контроль над специалистами. И не столь за теоретиками, физиками-ядерщиками, которые ведут изыскания и разработки, сколь за рядовым техническим составом среднего звена. То есть за теми, кто имеет достаточную теоретическую подготовку и практические навыки, чтобы оценить работоспособность конкретного ядерного боеприпаса и привести его в действие...

Журавлев Константин Васильевич, инженер-ядерщик, был представителем последнего поколения специалистов главного научного центра СССР по разработке ядерного оружия. Пик его карьеры пришелся на вторую половину девяностых, когда, волею большой и дружной ельцинской "семьи", ратовавшей и боровшейся за "демократические" и "общечеловеческие" ценности, самый мощный в мире сверхсекретный ядерный центр, десятками лет обеспечивающий приоритет страны в стратегических вооружениях, был открыт для американских "наблюдателей". Вскоре после этого зарплаты уникальных специалистов сравнялись с зарплатами дворников и сторожей, а темы их кандидатских диссертаций были признаны бесперспективными.

Через несколько месяцев, холостого и почти безработного специалиста, всерьез обдумывавшего как лучший вариант перспективу трудоустройства продавцом на базаре, разыскал добродушный кавказский старичок, разительно напоминающий великого чеченского артиста Махмуда Эсамбаева. Он оказался главой нижегородского землячества выходцев из республики Ичкерия.

Журавлев, в бессильной злобе наблюдающий за тем, как его город активно обживают новые хозяева жизни — лавочники, мошенники и бандиты — честно выдержал данные ему

на размышление сутки и ответил согласием. Чеченские авторитеты выбрали очень удачное время — гибель "интеллекта" на зимней рыбалке никому не показалась подозрительной, а тело подо льдом никто толком и не искал.

Осколки всесильного КГБ были заняты разгорающейся схваткой за бюджеты и полномочия, поэтому тот факт, что три месяца назад жизнь специалиста с нищенской зарплатой оказалась застрахованной на изрядную сумму, не заинтересовал тех, кто должен бы был озаботиться им по долгу службы. И уж тем более никому не было интересно, что контрольный пакет страховой компании, без малейших задержек выплатившей родителям утонувшего огромные деньги, принадлежал некоему Арсену Хатаеву...

Таким образом, "погибший в результате несчастного случая" Константин Журавлев был вычеркнут из соответствующих списков и снят со спецконтроля.

Горе родителей было искренним, но не безутешным — страховка оказалась очень выгодной, выплаты хватило на то, чтобы уехать в другой город и безбедно существовать на банковские проценты. Сам же утопленник "всплыл" через месяц на черноморском побережье Турции с паспортом гражданина Островов Кука, другим именем и новой биографией. Он был доставлен в хорошо охраняемое комфортабельное поместье, расположенное в горах, где вдали от властей и любопытных глаз кавказские бандиты прятали особо ценных заложников.

Несколько лет, проведенных в золотой клетке пошли Константину на пользу. В ожидании того часа, когда в руках у "борцов за свободу" окажутся необходимые материалы, или же найдется покупатель, готовый предложить за умения и знания Журавлева достойную цену (изначально его покупка была простой коммерческой операцией), Константин много читал, получал всю последнюю периодику и был в курсе всех достижений ядерной физики и технологии, доступных в открытых и полуоткрытых источниках.

И вот, несколько дней назад, его час пробил...

Журавлева выдернул из воспоминаний голос Джамала, раздавшийся совсем рядом с комнатой отдыха. Хозяин требовал выходить.

Пришло время работать.

2. Черный риэлтор

Первые дни в новом составе — я, Мила и Алан — проходят в тягучем и неудобном ожидании. Делать совершенно нечего. В Русе, не говоря уже про аэродром, сейчас не протолкнуться. После пожара комиссии друг у друга по головам ходят. А уж чекистов с ментами — хоть жопой жри. Не, нахуй-нахуй, кричали пьяные гости пинками выгоняя трезвых хозяев! Спалюсь тут же. Поэтому, остается только ждать и спать...

В конце концов, Руса пропадает из новостных телепрограмм и лент новостей. Пожар потушен, виновные назначены и будут наказаны, погибшим отданы надлежащие почести. Что же, стало быть, сегодня и выдвигаюсь...

Инвалидская команда понемногу втягивается в конспиративный быт. Мила, осатанев от телевизора, с головой уходит в хозяйственные хлопоты. Уборка, готовка. При этом не забывает бросать на меня быстрые, нарочито-случайные взгляды и излучать флюиды самого провоцирующего толка. Хорошо хоть джинсы скрывают реакцию моего несознательного тела, не понимающего, почему хозяин не переходит к решительным действиям, а страдает херней.

Жужик, как добропорядочный американец, временно лишенный трудоспособности, после завтрака неизменно занимает стратегически важное место напротив телевизора с пультом в руках. И молча сидит, изображая то ли принцессу в лапах у пиратов, то ли обиженного в лучших чувствах миссионера, которого людоеды включили в праздничное меню. Или наоборот, не включили, побрезговав.

Пару раз собираюсь с духом, чтобы объясниться с Милой. Но только я решаю выдернуть девчонку на кухню, чтобы, наконец, разобраться в наших с нею отношениях, этот обормот обязательно приползает в поисках чего бы пожрать. Ну не падла ли он?

Вот и сегодня девчонка отгоняет америкашку от холодильника, когда Жужик пытается соорудить из двух кусков хлеба и отбивной подобие гамбургера. Затем, с заметной радостью, что разговор откладывается, командует начинать обед.

Прием пищи проходит в обстановке чуть ли не семейной. Беркович, как и его любимый Джек Райан (читал я пару романов Тома Клэнси, полная чепуха), искренне считавший гамбургеры вершиной кулинарного искусства, вначале относится к борщу, картофельному пюре, греческому салату, крученикам и прочей лолитской стряпне с опаской. Но вскоре втягивается и теперь наминает так, что треск за ушами слышен, наверное, и в Русе...

После обеда заваливаюсь спать. Мила, помыв посуду, возвращается к просмотру телика и шушуканью с Аланом.

Просыпаюсь, пытаюсь с полминуты сообразить, где я и что.

За стеной, в новостях, освещают поездку штатовского госсекретаря в Юго-Восточную Азию. Комментатор, не жалея ярких красок, разоряется о том, как страна победившей демократии подзатыльниками и прочими демократическими действиями загоняет Таиланд и Малайзию в какой-то "Антитеррористический Союз". Полежав еще с пару минут, выбираюсь на кухню и, застелив стол старыми газетами, найденными в кладовке, приступаю к чистке стволов.

Уход за оружием мне нравился всегда. Еще с того самого дня, когда отец впервые разрешил взять в руки свой наградной ПСМ. Сколько мне было тогда? Лет девять или десять. Маленький пистолет удобно лег в мальчишескую руку. Именно тогда я понял, что стану, как

и отец, военным.

И стал ведь, мать твою...

Закончив с пистолетами, проверяю заряд батареей в заново купленном ноктовизоре. В навигаторе ввожу новые точки привязки. Перебираю ножи и прячу в рюкзак. Мила с Жужиком, почуяв неладное, выбираются в коридор и молча наблюдают за сборами.

— В общем, так, — объявляю я, — сейчас убываю устанавливать контакт с... со спецслужбами. До моего возвращения всем сидеть тихо, никому не открывать. Беркович — хочешь жить, не делай глупостей, смотри телевизор и наслаждайся покоем, — Жужик понятливо трясет головой, заглядывая мне в глаза с видом нашкодившего щенка. — Мила, чуть что не так, немедленно звони.

Вернусь ближе к утру. О, чуть не забыл! Алан, принеси аптечку, в комнате под кроватью лежит.

— Сэр, йес, сэр! — сияет подопечный и испаряется. Аптечка, на самом деле, уже давно лежит в рюкзаке. Мне же нужно, чтобы этот придурок занялся чем полезным, и не отвечивал при последнем инструктаже.

— Так, слушай меня сюда.

Мила кивает и подходит почти вплотную. От нее прямо таки пышет теплом...

— Пока буду кататься, присматривай за Жужиком. А то насмотрится херни всякой, решит в посольство дернуть. Там, конечно, обрадуются, что есть кого в пустой гроб класть. Но нам такой поворот нифига не в масть. Ферштейн?

— И никакой он не Жужик! — заявляет вдруг Мила. — Его зовут Алан! И вообще, почему ты над ним постоянно издеваешься? Он ведь не террорист! И не убийца какой! Служит стране, как умеет! А ты его Жужиком...

Поговорили, бя... Короткое выступление новоявленного адвоката несколько выбивает меня из колеи. Несколько секунд ошарашенно молчу, не зная, что и сказать. С такой вот точки зрения я на лоховатого мерикоса и не смотрел. Тоже мне, патриот зассанный! Но время для споров крайне неподходящее. Вернусь, вот тогда и поговорим, кто из нас родину больше любит!

— Ладно, пусть будет Алан. Короче, остаешься за старшую. Понятно?

Мила кивает.

Негоже оставлять малопредсказуемого суперагента (хрен с ним, Алана!), под такой, мягко говоря, хиленькой охраной. Но не связывать же дурака? А так, риск не особо велик. По моим прикидкам, парень запуган до того, что примерно с неделю будет сидеть тихо.

На всякий случай забираю оба ключа от двери, замкнув надежный немецкий замок снаружи. Вряд ли ребята сумеют устроить поджог. А МЧС, если что, с бензорезом приедет и выпилит нашу мощную и крепкую стальную дверь в течение пары минут.

* * *

Второй раз — не контрабас... К месту назначения добираюсь в расчетное время. Как раз к тому моменту, когда на смену вечерним сумеркам приходит темнота ночи. Распроклятая Руса, скопищем крыш и труб выглядывающая из-за лесополосы, теперь представляется совсем в другом свете. Это уже не гнилая яма, куда я загнан жизнью, и не источник смертельной опасности! Теперь этот небольшой городок — место проведения

спецоперации. А что группа состоит всего лишь из одного человека, равным счетом ничего не меняет.

Первый объект располагается на отшибе. Рядом — молитвенный дом адвентистов Седьмого дня. И под угрозой расстрела хрен скажу, чем эти адвентисты отличаются от баптистов и прочих сектантов. Хотя у мормонов, вроде бы, многоженство разрешено...

Раздумывая над геологическими нюансами, проскальзываю в тылы участков, выходящих к реке. Замираю в тени огромной старой ивы, накручиваю глушитель на ПБ. Хозяин дома — в одной из комнат включен свет, бросает на окно цветные отблески телевизор или компьютер.

А вот один он там или нет, это уже выяснится после проникновения. То есть, потом. Сейчас же, предстоит решить гораздо более насущный вопрос. Тот самый, что всегда терзает любого непрошеного гостя, будь то боец антитеррора или же банальный домушник: есть ли во дворе четвероногая гавкающая мохнатая сволочь? Как ни крути, никакой прогресс пока не придумал лучшего сторожа и более опасного охранника, чем обычный кабыздох.

В кино все просто, натянул на глаза инфракрасные очки и оценивай обстановку. Но это в кино. Тепловизор для засекания подобного рода объектов хорош в степи или в лесу. В населенном пункте же практически непригоден. Вокруг полно тепловых источников, а Бобик или Шарик может дрыхнуть в утепленной будке, под крыльцом или вообще в доме, где его не вычислить и рентгеном. Поэтому средства буду я применять, самые что ни на есть народные.

Несколько камешков припасены специально для этого. Устраиваюсь за кустом и провожу огневой налет по всей доступной части двора, стараясь создать побольше шума. В ответ не доносится ни звона цепи, ни злобного лая. Выводы простые. Собаки во дворе нету. Или есть, но очень хитрая и обученная на охрану. Однако, зная хозяина, могу с уверенностью утверждать, что толкового пса у него нет. Ну что за народ пошел... црушник оказывается мальчишкой, помешанным на шпионских романах, а продажная шкура, сколотившая состояние на смертях отселенцев, даже собаку толковую завести не может. Надеюсь, если и дальше какие-нибудь враги встретятся, они тоже не блеснут умом и сообразительностью. Хотя вряд ли...

Передергиваю затвор, стараясь особо не клацать. Ставлю на предохранитель и, перепрыгнув невысокий заборчик, преодолеваю кусок открытого пространства. Затаиваюсь в простенке. Перевожу сбитое от рывка дыхание и прислушиваюсь, не ломится ли со всех четырех лап какой-нибудь питбуль-мастиф. Никого...

Осматриваюсь повнимательнее. Дом. Кирпич. Два этажа. Квадратов двести пятьдесят — триста. Пристроенный гараж и открытая веранда. В общем, ничего сложного, бывало и помрачнее.

Не выходя на свет, обхожу по периметру, заглядывая в окна трофейным световодом. Котельников в доме один. Сидит в большой гостиной. Смотрит на здоровенной "плазме" тупейшую порнуху в стиле "дас ист фантастиш! Я-я, штангенциркуль!", полируя досуг куревом и бухлом. По всему выходит — никого не ждет и никуда не собирается. И о моем присутствии в нескольких метрах от себя не знает.

Нравы здесь патриархальные. Видеокамеры и вообще электронные средства защиты в Русе не ставят даже ахметовы-абрамовичи поселкового разлива и районного масштаба, но с этой суки станется, мог и прикрутить чего.

Высматриваю приоткрытое окно на втором этаже, подтянувшись, и выбираюсь на

карниз. Минута, и я внутри.

Ступеньки, ведущие вниз, сделаны на совесть и не скрипят. Мои ботинки, несмотря на внешнюю громоздкость, при ходьбе практически бесшумны. Да и телевизор стонет и пыхтит так громко, что за спиной у зрителя вполне может проехать незамеченным танк. Или два.

Но хозяин каким-то шестым чувством все-таки ощутил опасность. На месте его уже нет. Бросаю короткий взгляд на пустое кресло, дымящуюся в тяжелой бронзовой пепельнице сигарету, опрокинутый невысокий стакан. Поднимаю пистолет и отодвигаюсь назад до касания лопатками стены.

Осмотреться и прикинуть, куда мог сдрыснуть Колесников, не успеваю. Немудрящий порносюжет про трех блядей и семерых матросов, достигнув массовой кульминации, завершается, по экрану бегут титры. Телевизор прекращает давить на уши, и из-за лестницы доносится характерное попискивание телефона.

Человек не может набирать номер и одновременно быть готовым к любым изменениям окружающей обстановки. Даже и не стараясь быть бесшумным, прыгаю с середины пролета, с грохотом приземляюсь. Перекатившись в сторону, засекаю в дальнем углу сгорбленную фигуру.

— Руки! — команду, дергая пистолетом чуть вверх.

Котельников, не пытаясь изображать Рэмбу, послушно вскидывает свои загребущие лапы. Телефон падает на пол.

— Трубку сюда давай.

Подталкивает ко мне ногой аппарат. Не снимая объект с контроля, исполняю балетное па "раздави гадину". Тонкий пластик с хрустом лопается под ударом массивного каблука. Вот чем такие ботинки хороши — можно хоть кирпичи ломать, не говоря уже о средствах связи.

— Жив, значит, капитан... — ухмыляется черный риэлтор. Надо признать, ориентируется он быстро и присутствия духа не теряет.

Не обращая внимания на его браваду, спрашиваю:

— Что внизу?

— Сауна, бильярд.

Киваю.

— Годится. Раскатаем партейку?

— Да ты охуел, капитан! — пытается наехать буром экс-КГБ-шник.

Ухмыляюсь, поднимаю ствол так, чтобы дуло было напротив глаз. Проверенный прием, действует безотказно. Пациент меняется в лице. И продолжает уже спокойным тоном:

— Говори сразу, зачем пришел. Нужны деньги — отдам, сколько есть. Если за информацией — тоже расскажу.

Хорошее начало.

— Пасть откроешь без команды — в бильярд играть будем твоими яйцами. Отстреленными. Шаг в сторону — попытка побега. Прыжок на месте — попытка взлететь. Забирай бухло и вниз. Там поговорим.

Котельников угрюмо кивает, подхватывает с сервировочного столика недопитую бутылку с двумя бокалами и, стараясь не делать резких движений, аккуратно топает в сторону двери. Грамотный, пидор. Понимает, что мне его положить, как два пальца об асфальт. Поэтому и не выебывается. До поры.

Внизу — стандартная зона отдыха в богатом доме. Сауна со стеклянной дверью,

джакузи, небольшой бассейн и неизменный бильярдный стол, без которого буржуины свою буржуинскую жизнь и не мыслят. Я к бильярду равнодушен от слова "совсем", а в подвал мы пришли для того, чтобы наша теплая беседа осталась без свидетелей. Мало ли какому полуночнику взбредет в голову пошароebиться по прилегающему участку, заглядывая в окна соседа...

Движением глушителя отправляю Котельникова на диван. Вряд ли у него там захован ствол, а из сидячего положения атаковать неудобно. Сам занимаю позицию напротив. Нас разделяет низенький стол, больше похожий на восточный дастархан.

— Я спрашиваю, ты отвечаешь. Без воды, конкретно по делу. Хочешь выпить — вперед, мне не горит, — вру, горит, но не его это дело...

Оборотень-чекист молча кивает и разливает содержимое бутылки по бокалам. Судя по густому запаху бурякового первача — коллекционный сорт виски, ничто другое не воняет так мерзко. Не пытаюсь чокнуться, двумя глотками опорожняет свою посуду. Кадык мерзко дергается на жирной шее. То, что я не прикасаюсь к алкоголю, его, похоже, удивляет. Ну да, Котельников же меня знает, как запойного и опустившегося...

Ну, что же, начнем с общих вопросов.

— Кто меня в Русу загнал? — не уточняю, о чем речь, но собеседник и так все отлично понимает. Понимает и явно не готов изображать героя, скрывая тайны до последнего вдоха.

— Да твои же отцы-командиры, — пожимает плечами Котельников. — Ты там у них какой-то выгодный бизнес чуть было не обломал. Ломил вперед, как бронепоезд "Пролетарий". Вот тебя под откос и пустили.

— Почему еще в СИЗО не грохнули?

— На Лукьяновке и в морге на Оранжевой весь персонал на ставке у журналистов. Труп с твоим послужным списком в центре Киева, да еще когда не все концы в воду упрятаны — рискованная засветка.

— Поэтому не стали делать ни исчезновения, ни случайной смерти?

— Соображаешь, капитан, — чекист ухмыляется. Мне всё сильнее хочется его задушить. Голыми руками. — Решили тебя в Русе подержать под присмотром, а уж потом, когда окончательно сопьешься, пустить по стандартной схеме. Чтобы тобой не то что журналисты, грабители могил не заинтересовались...

— Не прокатило.

— Сам вижу, — соглашается он.

Зверски хочется выпить. Организм, который только-только начал свыкаться с дефицитом алкоголя в крови, получив хорошую дозу при "допросе" Берковича, который день властно требует дозаправки, как в старые добрые времена. Видимо, состояние общей жизненной неудовлетворенности вкупе с невеселыми мыслями о жизни и смерти явственно отражаются у меня на лице. Котельников чуть заметно вздрагивает, но все же продолжает почти без запинки:

— Когда тебя Гена вдруг взял на базар, я собирался организовать заточку в пьяной драке. Да, как видишь, не успел.

Ну ладно, теперь контрольный вопрос.

— За что убили Витю Сербина?

— Да никто его не хотел убивать. Этот дурачок американский Беркович ему в стакан какую-то химию влил, у мужика печень и гавкнулась.

— А зачем он химию ему вливал?

— Да хер его знает. Это не мое дело. Я же, если честно, по црушным заморочкам уже давно каскад гоню. Типа, бурную деятельность демонстрирую. Витя с залитых глаз, видать, какую-то свою лётную байку пизданул. А тот недавно из Америки, принял за правду. Ринулся вербовать. Довербовался, гаденьш. Потом прислали с проверкой какого-то серьезного опера. Опер исчез, а Беркович сгорел вместе с водочным цехом.

Котельников опустошает и "мой" бокал. Отставив его в сторону, нагло пялится. Похоже, о бомбе действительно ничего не знает. Или знает, но думает, что во многих откровенностях многие печали.

— Мила просила тебе привет передать.

— Дурочка, — ворчит он, — зачем ломалась? Я бы ей денег дал.

— По-твоему, бабло все решает? — глупый вопрос получился, но как-то само собой вышло.

— А по-твоему? Кому ты нахер нужен без бабок, хоть и с чистой совестью?

— Значит, уверен, что от меня сейчас можно откупиться?

Чекист кивает. И прыгает...

Шанс у него определенно был. Все-таки я незаметно "убаюкался" размеренными речами и спокойствием, поверил, что хочет все развести миром и надеется остаться живым. Но тогда нужно было или не пить, или бросаться раньше. А сейчас количество выпитого перешло в качество — КГБшник задевает за столик и всем весом рушится мне под ноги. Не лихая попытка нападения, а сплошная комедия...

Когда бьешь рукоятью пистолета по голове, главное — не перестараться и не проломить череп. Правильный удар в височную часть вырубает на пару часов. Если, конечно, клиента после не трогать. А вот если ему наступить на яйца, то он практически мгновенно приходит в себя. Но мне его будить смысла нет. Что хотел — услышал.

Первая мысль — затащить обмякшую тушу на верхнюю полку банной кабины и прокрутить терморегулятор градусов до ста двадцати — ста тридцати. Угорание в личной сауне по пьяному делу — профессиональное заболевание одиноких местечковых олигархов.

Вот только у меня за последние дни напрочь пропало желание быть гуманным. А для козла-предателя, завербованного вражьей разведкой, на чьей совести жизни десятков несчастных киевских алкашей, педофила и насильника, косвенно виновного в гибели Петрухи, Бондаренко и Сербина, чистая смерть — расточительно ценный подарок...

Стараясь не оставить кровоподтеков, подтаскиваю тяжеленную тушу к лестнице, и, матеря сам себя за дебильную идею, взваливаю Котельникова на спину. Главное — не уронить. Ну и не надорваться.

Трудными оказываются только первые три ступеньки. Дальше идет проще. Преодолев подъем, роняю тело на пол и тащу за собой к выходу. И срать, что следы волочения останутся. Не та будущий покойник фигура, чтобы орлы из следственной группы каждый миллиметр с микроскопом проверяли. Да и пока найдут...

Путь мой лежит к септику, который я заметил, двигаясь по двору. Проще и привычнее — выгребной яме локальной канализации.

Тяжелая крышка отодвигается с шумом. Во все стороны разлетаются потревоженные мухи. Стараясь не дышать, но от вони режет глаза.

Котельников в себя так и не пришел, ну что, его счастье. Собираю остатки сил и сваливаю тело в черную яму. Булькающее нутро с радостным чмоканием принимает сакральную жертву. Через которую, как я вычитал в одной интересной книге из обширной

отцовской библиотеки, мифологический герой получает полное очищение от всех прошлых грехов на пути к сверкающим вершинам победы...

Воистину, через хернии к звездам... Протираю слезящиеся глаза, но стойко держусь — нужно убедиться в неизменности превосходного результата. Наконец всплывает одиночная гроздь пузырей. Ну что, как говорилось в одной душевной фильме, бувай, ихтиандр хуев! Мы в сортирах не мочим. Мы в сортирах — топим!

Крышку оставляю открытой. Чтобы менты особо не мучились в поисках тела. Сюда все равно заглянут. А так, особых следов, кроме свежей гематомы, на тушке не найдут. Если вообще станут искать. Дело-то ясное, как слеза плачущего большевика. Выпил человек, порнухи посмотрелся, на матросов надрочился, и от нехуй делать решил проверить заполненность локальной канализации. Скорее всего, наутро планировал вызвать мобильный боевой комплекс "Фиалка"^[45]. Открыл, вдохнул воздух свободы и европейских ценностей, голова закружилась...

Чем не версия? Не поверят — ну и ладно, один хрен серьезно копать не станут. Тем же путем, как пришел, покидаю гостеприимный дом, точнее уже участок. Пошуршать бы по домовым заначкам на предмет полезных трофеев, но время поджимает, дело не то, чтобы к утру, но все же... Может, Котельников просто передернуть решил на сон грядущий, а может, и ждал кого. Да и не уверен я, что сумею найти хитрушки старого дровича. А мне пора в другую сторону. Вторая попытка — тоже не пытка. Правда, Лаврэнтій?

* * *

Машину ставлю в том же, что и прошлый визит, кармане. Перед глазами словно прокручивается недавно смотренное кино. Луна, остатки забора, летное поле, роща... Одно лишь маленькое отличие. Свежая просека, оставленная чем-то гусеничным.

Похоже, пиздец. Похабное выражение "матка упала" впервые в жизни ощущаю всем своим невезучим нутром. В глубине души еще теплится уголек глупой надежды "может, сборщики металлолома что вывозили, или пожарники технику загоняли". Однако и здесь бритва товарища Оккама безжалостно отсекает маловероятные версии. Единственная цель, ради которой кому-то не далее как вчера потребовалось проламываться через заросли этих ебанных канадских кленов, очевидна настолько, что некоторое время просто не хочется жить.

Не хочется, но ведь надо. Не для того я, бляха-муха, в последние два года три раза с улыбчивой девушкой, которая с косой, но не Юлия Владимировна, расхотелся на узкой тропке, чтобы сейчас опускать руки!

Источник оптимизма нахожу в дурацком офисном плакате "Никогда не сдавайся!". Где, кто помнит, лягушка, наполовину проглоченная цаплей, передавливает ей горло. Всякое может быть. К примеру, яму выкопали, но изделие еще не достали. Или достали, но заныкали тут же в роще. Или достали и увезли, но недалеко. Короче, хватит себя тешить фантазиями. Сначала информация — потом уж версии и решения.

Приближаюсь к яме с максимальной предосторожностью. Те, кто сюда приезжал, вполне могли оставить охрану. Но это они думают, что охрану, а на самом деле ценных, как мех кролика, языков...

Но в роще совсем безлюдно. И это плохо. Еще хуже — отвал свежей земли над ямой.

Сама яма стала глубже метра на полтора, на дне четкий "отпечаток" длинного предмета. Проебал ты свое нееврейское счастье, капитан в отставке, господин Верещагин. При этом обидно не за державу, а за себя. Не сидел бы, дурак, в квартире с перевозбужденной нимфеткой и амером-дурачком, а поехал сразу на поиски...

Говорят, что в одну и ту же реку не войти дважды. И это правда. Теперь передо мной, как перед героем хорошего сериала "Ментовские войны", течет совсем другая река. Длинная, извилистая и наштигованная смертельно опасными перекатами...

Луна прячется в облаках. Вздыхаю и достаю из рюкзака ноктовизор. След от машины разглядит и ребенок, а выездов с летного поля не так уж и много, точнее, всего лишь пять.

В общем, как говорил тот лошара из старой рекламы, "Удачи вам, господа!"

3. Технические подробности

Цех для литья бетонных конструкций занимал все внутреннее пространство большого кирпичного здания. Вентиляционные отверстия под самой крышей давно облюбовали для гнезд воробьи, не позволяя ночному воздуху хоть немного освежать огромное сумрачное пространство. Поэтому внутри было очень душно. Джамаль кивнул охраннику, скучающему у въездных ворот, и вышел на улицу.

Небо начинало светлеть. Восход сегодня приходился примерно на шесть двадцать утра. Джамалю это было хорошо известно, потому что при планировании операций он всегда учитывал время наступления и ухода темноты как один из самых существенных факторов любого серьезного дела.

Он поглядел на часы и привычно прислушался. С приближением рассвета провинциальная ватная тишина наполнялась звуками деревенской жизни. Террорист усмехнулся, вспоминая звенящее безмолвие весенних гор Восточного Тавра, где он вырос. Там рано утром можно было услышать бубенчик на шее козы, пасущейся по другую сторону перевала... Отличалась здешняя тишь и от предрассветного шороха Большой сирийской пустыни, где Джамалю после спасения из Багдада пришлось провести среди бедуинов почти год.

Утро, сменявшее тихую украинскую ночь, имело свое звучание. Из-за леса доносился сдавленный гул незасыпающей магистрали. Поближе, на дороге, ведущей в поле, болезненно урчал неухоженный дизель старого трактора. В соседствующей деревне распевались, проснувшись, горластые петухи. Еще ближе, в нескольких десятках метров, у входа в административное здание слышалась болтовня охранников и довольное рычание пса, получившего кусок недоеденного мяса.

Чеченцы, которым принадлежало это место, здесь обжились давно и чувствовали себя в полной безопасности. Их охранники не несли караульную службу, а выполняли роль ночных сторожей. Но с этим ничего нельзя было поделать — усиление режима охраны непременно бы вызвало интерес буквально у всех — от главарей провинциальной мафии и обираемых ими крестьян, до представителей все еще вертящейся вокруг Русы спецслужб. Тем более что Джамаль не рассчитывал здесь задерживаться.

Очень хотелось курить. В дорожной сумке, доставленной дипломатической почтой через американскую резидентуру, помимо оружия и денег, его ждал предусмотрительно прихваченный гашиш. Но сумка оставалась в машине, а мысль послать за ней Джамаль задавил в зародыше. Дела не закончены, расслабляться рано. Нужно терпеть, хотя бы до тех пор, пока русский, купленный у чеченского тейпа и с немислимыми предосторожностями доставленный в Русу, не сделает свое высокоумное заключение, от которого зависят все дальнейшие планы.

Первое из запланированных на сегодняшнюю ночь дел прошло без всяких неожиданностей. Еще засветло Джамаль лично осмотрел яму в глубине рощи, после чего оставил там наблюдателя и начал готовиться к ее извлечению.

К счастью, в этот вечер дальний край летного поля никого не интересовал. Осторожные "охотники за металлом", испуганные наплывом людей, приехавших на пожар, не рисковали рыскать по территории в поисках всего, что плохо лежит. Сами же "понаехавшие" — представители министерства чрезвычайных ситуаций и многочисленных

правоохранительных структур, оставили усиленную охрану и давно отправились восвояси. При этом никому не пришло в голову просто для очистки совести прочесать всю территорию аэродрома...

Дорогу к поляне проложили те, кто давным-давно обнаружил в яме старые аккумуляторы. Несколько сот килограммов чистого свинца представляли собой по меркам местных "металлистов" более чем большой куш, а потому они не пожалели сил, чтобы убрать с пути все, что мешало грузовой машине. К счастью, почти все металлические корпуса, не представлявшие коммерческого интереса, были оставлены здесь же. Поэтому ни один из предприимчивых копателей, оснащенных современными металлоискателями, не обнаружил, что в каком-то полуметре от дна спрятан самый ценный клад в истории человечества.

На аэродроме имелась база, принадлежащая американскому концерну, который в свою очередь принадлежал заказчикам работы Джамала. Достаточно было одного звонка из киевской резидентуры, чтобы в распоряжении людей Джамала оказалась редкая в здешних краях, эффективная и надежная американская строительная техника, так упростившая работу.

Небольшому строительному "Катерпиллару", оснащеному многофункциональным манипулятором, понадобилось не больше часа для того, чтобы выгрести мусор, а затем через рыхлый песчаный грунт добраться до полусгнившего деревянного щита, под которым покоилась серебристая сигара контейнера. Оставалось лишь откинуть щит, завести тали и осторожно вытянуть из земли жутковатый предмет.

Наблюдая за тем, как помощники закрепляют груз, чтобы его не болтало на ходу, ставят каркас и накрывают тентом, Джамаль порадовался счастливому стечению обстоятельств. Он опасался, что придется копать вручную — долго и рискованно...

Он был, пожалуй, единственным из участников действия, кто, глядя на "специзделие" испытывал подлинный мистический страх. В сурах Корана нет описания атомной бомбы, а его верные моджахеды выросли в горах. Они ни дня не учились даже в медресе, читали по складам, по телевизору предпочитали смотреть индийское кино, а все их оперативно-тактические познания ограничивались памяткой для боевиков, разработанной в еще Афганистане и отредактированной во время чеченских войн. Поэтому они были свято уверены в том, что речь идет не более чем об огромном куске тротила.

После того, как груз с соблюдением всех возможных мер предосторожности был доставлен в тихое, укромное место, осмотром бомбы занялся специалист, а Джамалю оставалось только ждать... Русский хорошо знал, что представляет опасность, а что нет. Джамаль, хоть и не был истовым мусульманином, думая о том, к чему может сейчас привести малейшая ошибка инженера, прошептал короткую молитву и снова с тоской подумал про лежащий в сумке гашиш.

Краешек солнца появился над лесом, когда дверь приоткрылась, и из цеха высунулся охранник.

— Господин! Толстый говорит, что он уже закончил.

Джамаль кивнул и вернулся внутрь. Упитанный русский инженер, и вправду смотревшийся рядом с поджарыми чеченцами настоящим толстяком, стоял неподалеку от входа, сжимая в руках тяжелый свинцовый фартук, и нервно озирался. Завидев Джамала, он положил защиту на пол и сделал несколько шагов навстречу.

— Так что? — спросил Джамаль.

— Я готов дать предварительное заключение.

Движением руки террорист приказал охране покинуть цех и бросил Толстому:

— Говори!

— Это не обычная боеголовка ракеты X-50, - радостно зачастил Журавлев. — Здесь модель РДС-74КМ-уд, заряд плутониевый, имплозивного подрыва, расчетная мощность двадцать пять килотонн, против "стандартной", у которой двести.

— Почему у этой так мало?

— Боеприпас не предназначался для ракет или бомб. Это мина сверхдлительного хранения.

— Мина? — засомневался Джамаль...

— Именно так. Мина. В конце шестидесятых у военных появилась идея сделать в Америке и Европе стратегические закладки. Рядом с военными базами, в городах, у плотин и электростанций. Минсредмашу был дан заказ разработать систему, которая могла бы сохранять боевые свойства безо всякого обслуживания на срок минимум тридцать лет. Я работал в отделе, который вел эту тему, видел документацию.

Бровь Джамали приподнялась, поощряя толстяка к более подробному объяснению.

— Сохранять ядерные заряды довольно сложно, — пояснил Журавлев. — В более активных компонентах происходит распад, плутоний греется, и от него нужно отводить избыточное тепло, с годами теряет эксплозивные свойства взрывчатка, которая "запускает" подрыв. Ну, там еще много факторов, требующих периодического обслуживания.

— Так значит, эта бомба... — прервал Джамаль бессмысленный для него поток слов.

— Да, эта бомба сделана по-другому. Оружейный плутоний-239 с периодом полураспада более чем в двадцать четыре тысячи лет. Прочный герметичный контейнер. Радиоизотопный термостат следит за перегревом и регулирует систему охлаждения. Контейнер все минувшие годы лежал в земле, у слоя грунтовых вод — это обеспечивало нормальный отвод тепла. Синтетическая взрывчатка, обволакивающая плутоний, химически очень устойчива и не подвержена окислениям.

— Этот заряд был потерян при сбросе с самолета, — подозрительно заметил Джамаль.

Инженер немного подумал и пожал плечами.

— Вполне возможно и такое. Например, отрабатывали тактику экстренной закладки. Или проверяли еще что-то. Я не знаю. Самое главное то, что изделие не экспериментальное, а серийное.

— Что означает "серийное"?

— Из каждой партии оружейного плутония один стандартный заряд брали на контрольный подрыв. Это именно тот случай. Так что все комплектующие вполне надежны и выдержали испытание временем.

— Как же собирались подрывать эти мины?

— Техническое задание исключало дистанционный подрыв по радио. Для активации мины агент-крот, не имеющий понятия о своем главном предназначении, должен был получить пульт управления и подключить его к кабелю.

Теперь оставался самый главный вопрос. Как сказали бы американцы — "на миллион долларов", причем в самом прямом смысле.

— Ее можно взорвать?

— Да.

Теперь ученый говорил негромко, монотонно, почти без эмоций. Похоже, он вообще не

сознавал, что обсуждается не захватывающий эксперимент и не какой-нибудь спецэффект. А может быть, сознавал, но был к тому совершенно безразличен.

— Без... — Джамаль запнулся, пытаясь сформулировать вопрос, отсутствие специальных технических познаний сильно затрудняло задачу.

— Без детонатора, кабеля и пульта управления? Тех, что полагались... тогда, сначала?

— Да. Это возможно.

— Каким образом?

— Электроника сейчас творит чудеса, — улыбнулся Журавлев с видом искренней радости за технический прогресс. — Я могу начертить и описать общую схему детонатора и системы активации. Думаю, у вас найдется кто-то, кто сможет сделать ее в железе.

— Непременно из железа? — не понял Джамаль, но почти сразу сообразил, что имеет в виду русский инженер. — Ясно. Но это должна быть очень точная и подробная схема, чтобы исполнитель сразу разобрался во всем. И ее нужно сделать очень быстро. Лучше всего сейчас. Справитесь? Разумеется, эта работа будет оплачена отдельно, сверх оговоренного.

Журавлев промолчал, только кивнул и покровительственно улыбнулся с видом самодовольного превосходства.

— Какова вероятность удачного взрыва? — спрашивал дальше Джамаль.

— Крайне высока, я бы сказал. В РДС-4 еще была критичной равномерность имплозии, но в пятой модели было найдено очень изящное конструктивное решение, снимающее проблему...

— Сколько нужно времени, чтобы ее подготовить к... использованию? — Джамаль снова мало что понял в словах русского, поэтому решительно вернулся к делу.

— Это зависит уже не от меня, а от вас — как быстро обеспечите надлежащие условия и предоставите рабочие материалы. Думаю, сутки, не больше, ведь никаких конструктивных изменений вносить не потребуется. В целом все зависит от того, как быстро вы сможете предоставить детонационное устройство.

Джамаль немного помолчал, а затем задал давно волновавший его вопрос.

— Если все так просто, то почему лишь несколько стран имеют это оружие?

— Все просто лишь на словах, — ухмыльнулся русский. — Во-первых, нужно иметь урановую руду. Очень много урановой руды, тысячи тонн. Затем руду нужно обогатить в порошок-концентрат и переплавить в металлический уран. Но этот уран еще не годится для бомбы. Его нужно преобразовать в оружейный уран или плутоний с помощью ядерного реактора, который тоже надо как-то построить. На преобразование уйдет много времени. Выход конечной продукции крайне невелик, она накапливается годами. Но и это еще не все. Чтобы превратить оружейный радиоактивный металл в ядерный заряд, нужно обладать довольно сложной технологией, знать методы анализа, формулы расчета, константы, уметь определить критическую массу...

Всего лишь иудейская кабалистика, подумал Джамаль. Искусство манипулировать буквами и числами — вот что лежит в основе власти над самым страшным оружием из всех, что даровал людям Аллах. И это тайное знание, которое дает власть над миллионами, может оказаться — как сейчас, в эту минуту — у самого заурядного язычника, не ведающего ни Бога, ни Родины, ни Рода, продающегося за одну лишь возможность досыта жрать и вволю совокупляться. Пути Аллаха неисповедимы, но все-таки — несправедливо. И с этой несправедливостью придется управляться именно ему, Джамалю. Потому что Аллах предоставил ему на то особые права. Ну что же, этот неверный сам выбрал свой путь...

— Извините, но я хочу напомнить о данных мне обещаниях, — отвлек его русский. — Десять миллионов наличными, австралийский паспорт, доставка в Дарвин и надежная легенда. Мне гарантировали!.. И вы говорили о дополнительной премии...

— Я же поклялся Аллахом, — в деланном возмущении поднял брови Джамаль.

Он окликнул одного из моджахедов, тот сбегал, порылся в багаже и принес среднего размера кейс.

— Вот, — открывая кейс так, чтобы его видел один лишь русский, произнес Джамаль, — это вся сумма. В маленьком отделении паспорт на ваше имя и со всеми въездными и выездными визами. Там же диск с подробным описанием легенды: ваша прошлая жизнь расписана чуть не поминутно, потрудитесь как можно лучше ее изучить. Можете все это забрать хоть сейчас, но уехать пока не имеете права. После окончания... подготовительных работ вам придется наслаждаться здешним гостеприимством еще несколько недель. Пока мы не убедимся, что ваше заключение оказалось верным.

— Я сделал все, что от меня зависело. Надеюсь, что вы сдержите слово.

Джамаль мысленно пожал плечами. Неверный даже не поинтересовался, где и, главное, каким образом мы собираемся проверить работоспособность бомбы. Никчемный человек, волей Аллаха обладающий воистину магическими знаниями, которые в определенных обстоятельствах могли сделать его всесильным и всемогущим. Как он не понимал, что после всего, что сделал, у него не осталось ни единого шанса остаться в живых? Ведь для того, чтобы обойти данную клятву, не оскорбив при этом Аллаха, существовало огромное количество способов, освященных веками мусульманских традиций...

* * *

Небольшие деньги любят шум, известность, крикливую рекламу. Им нужно заявить о себе, выделиться среди равных, привлечь еще хотя бы толику интереса. Ради прибыли, ради самоутверждения, ради выживания. А вот с по-настоящему большими капиталами и возможностями ситуация сложнее... Да, безусловно, они тоже регулярно нуждаются в своих "пяти минутах славы". Но есть и такие, кому мирская суета не только безразлична, но и вредна.

Есть организации, которые не занимаются разведкой для держав, не числятся закрытыми министерствами, формально они даже не занимаются ничем предосудительным. Но вы не найдете их названий и координат в справочниках, не прочтаете о них в газетах и даже в профессиональных справочниках.

Например, банки, которые позволяют отмыть любые деньги, сколько бы крови и грязи на них не было. А затем могут перевести чистые, кристально честные доллары, фунты и евро в любую точку мира за несколько кликов мышью. Или аналитические центры, которые занимаются настоящим анализом политики и экономики, а не переписыванием интернета, и отвечают за точность своих прогнозов отнюдь не кошельком.

Тот, кто действительно нуждается в соответствующих услугах, найдет дорогу к нужной двери с неброской и нейтральной табличкой.

В этот клуб невидимых входила и небольшая фирма, располагающаяся в Милане. Формально у нее не было даже собственного офиса — контора арендовала этаж в небольшой гостинице с давней и почтенной историей. Немногие избранные знали, что эта фирма

занимается специальным электронным тюнингом автомобилей Феррари и Ламборджини. Еще меньше ведали о ее второй ипостаси — эшелонированные, полностью автоматизированные комплексы безопасности для домов и вилл миллиардеров, а также системы навигации для военных кораблей.

Однако у монеты была и третья сторона...

— Чертеж несколько схематичен и условен... — инженер поморщился, демонстрируя строго отмеренное недовольство. Он выглядел в точности так, как и положено выглядеть пожилому мастеру почтенных занятий — седой, благообразный, похожий на Альберта Эйнштейна, с очками в роговой оправе на цепочке из блестящего металла с очень мелкими звеньями.

Заказчик прекрасно понял невысказанное, поскольку прекрасно ориентировался в неписанном, но строго соблюдающемся этикете.

— Да, да, — он потупился и вздохнул — дескать, такая вот беда случилась... — К сожалению, схема оставляет желать лучшего и нуждается в некоторой практической доработке. Безусловно, дополнительный труд будет соответствующим образом оплачен.

Мастер кивнул и прищурился, вновь обратив взор на схему с пояснениями на полях.

— Вот здесь... — его палец с безукоризненным маникюром указал в угол чертежа. — Эта лакуна оставлена намеренно?

— Да, — обаятельно улыбнулся заказчик. — Из-за... смежных проблем мы сочли нужным оставить возможность для некоторой... доработки. Возможно, в окончательный вариант конструкции, уже после сборки, будет внесено небольшое изменение, с целью улучшения качества работы.

Инженер посмотрел на заказчика сквозь толстые линзы и после небольшой паузы негромко произнес:

— Потребуется определенное искусство, чтобы все приспособление действовало в любых условиях, в том числе и если вы захотите каким-либо образом... доработать его. Работа не из легких.

— Как я уже сказал, — вновь улыбнулся собеседник. — Мы понимаем сложность задачи и готовы обсудить премиальные сверх обычных ставок, — он чуть помолчал и добавил. — В разумных, но весьма широких пределах.

— Тогда нам остается обсудить лишь сроки, — так же раздвинул в улыбке тонкие старческие губы инженер. — Когда вам нужно... приспособление?

4. Джихад и его солдаты

След от бульдозера, или чем там еще гусеничным эти сволочи утащили проклятый боеприпас, виден отчетливо. Даже навигатор не нужен. Прислушиваясь к окружающим шумам, пригибаюсь и легкой трусцой пробегая по рубленному траками маршруту. Судя по следам, метров через двести бульдозер выехал с проселка на вымощенную разбитыми плитами аэродромного покрытия дорогу. Но я и так уже понял, куда утащили привет из прошлого.

Асфальтовый завод. За время жизни в Русе про это предприятие я несколько раз слышал, но особо не интересовался. Не входило оно, понимаешь, в круг жизненных интересов. Поэтому и знал только то, что положено было знать обывателю, не причастному ни к каким секретам.

Располагался объект далековато от городка, с противоположной стороны летного поля. И работали там не наши, а деревенские из окрестных сел. Завод построили хрен знает когда, чуть ли не при Хрущеве, а может, и раньше, специально для обслуживания автотрассы союзного значения. А в позапрошлом году его приватизировали под программу уничтожения бункеров и защитных сооружений на близлежащих стратегических объектах.

После того, как запахло деньгами, владельцем предприятия тут же стала компания с невыговариваемым в трезвом виде названием, которой сразу же после покупки завода американцы передали свое оборудование для дробления бетона в мелкую крошку. Если верить отчетам от Явдохи и прочим базарным сплетникам, то заправляют там ныне осевшие в районе чечены, а делают всякие строительные конструкции, пользующиеся большим спросом в округе...

Свежеизвлеченную бомбу нужно как можно скорее осмотреть, хотя бы на предмет опасности случайного взрыва, и такой вот свечной заводик — место практически идеальное. Тем более — там вайнахи командуют...

Уточнив по навигатору направление, мысленно крещусь и, стараясь не сбить дыхание, бегу вперед, понемногу наращивая скорость. Здоровье подорвано изрядно, и намного проще было бы добираться колесным транспортом. Но очень уж он в глаза бросится. А так, бежит себе мужик и бежит. Меня-то, в отличие от Опеля, толком и не увидишь. Услышать, правда, можно. Отвыкшими от серьезных нагрузок легкими хриплю так, что куда там движку... Иногда даже приходится останавливаться и переводить дух.

Если мерить по прямой, от опушки до завода — шесть километров. Вычитаем те метры, что я прошел от дороги... Один хрен, много получается. Чтобы к финишу не упасть и не сдохнуть, скорость держу ниже средней. Секундомер всяко не тикает, а мне, чувствую, еще бегать и бегать.

Слава тебе господи, вот опушка, вот заводской бетонный забор. Не встретив по дороге ничего и никого, падаю в траву. Первые минуты уходят на то, чтобы банально отдышаться. В груди иголками тыкают. А уж про то, что во рту — Сахара, обгаженная парой сотен кошек, и вовсе промолчу. Лихорадочно выхлебываю пол-баклажки воды. И лежу, раскинув руки-ноги. Как же хорошо, что никуда не надо бежать...

Немного придя в себя, выбираю дерево повыше и поразлапистее, забираюсь наверх. Оказавшись на заранее облюбованной ветке, начинаю осматривать будущее поле боя. Спешка, как известно, нужна лишь в трех случаях. При расстройстве желудка, при ловле блох

и когда трахаешь жену начальника особого отдела. Поэтому не торопясь, посижу, посмотрю. А потом спущусь и, как в известном анекдоте, трахну всё стадо...

Наблюдательный пункт выбран удачно. Отсюда отлично просматривается территория объекта и большая часть подъездов к нему. Часть ограждения закрывают производственные постройки, но сомневаюсь, что там устроен еще один КПЗ.

Ну да, армейская терминология сама ложится на язык. Для простого гражданского предприятия этот, с позволения сказать, "бетонный завод" выглядит более чем странно. Сверху он похож на смесь зоны и армейских складов. По периметру идет высоченный забор из плит, обнесенный поверху колючей проволокой. До полного сходства недостает только спирали Бруно и часовых на вышках.

Время тянется, приходит рассвет. Примерно в полвосьмого утра подъезжает рейсовый автобус, откуда вываливается куча работников. А со стороны ближайшего села потянулись велосипедисты. Одна створка тяжелых металлических ворот отъезжает в сторону. Ровно в восемь ворота закрываются, а в одном из больших ангаров начинают тарыхтеть дробилки. Внешне впечатление довольно жутковатое, будто завод поглотил работников, и теперь внутри адская машина с грохотом и скрежетом крошит их кости.

Без десяти одиннадцать к воротам подкатывает черный внедорожник БМВ. Машину запускают вовнутрь без малейших проволочек. Из нее неторопливо вылезает грузное и щетинистое "лицо кавказской национальности". Судя по толщине золотой цепи и брюху — прибыл не обычный вайнах, а местное руководство. Абрек, побродив по окрестностям в сопровождении почетного эскорта из пары чеченов постройнее, скрывается в дверях администрации.

Продолжаю наблюдение. Внимание потихоньку смещается от внешнего мира к собственному самочувствию, а оно, откровенно говоря, не так, чтобы очень. За время лихой разгульной жизни я не успел по-настоящему подорвать здоровье, но подгрыз его вполне чувствительно. Солнце режет утомленные глаза. От долгого сидения на дереве в неудобной позе мышцы сводит болью, пока еще несильной, но ощутимой. Но главное — сказывается "отвычка" от профессионального сидения в засаде. Внимание постоянно расплывается, взгляд отвлекается на разную мелочь — птица пролетела, какой-то насекомый зажужжал над головой... Пожалуй, только теперь я по-настоящему понимаю, насколько вовремя меня вытащили из череды запоев сложившиеся обстоятельства.

Мысли незаметно перескакивают на Милу, только не в привычных рамках "было или не было?". Сейчас я чувствую скорее нечто... отеческое, что ли. Ловлю себя на том, что давно ни о ком не заботился, пожалуй, с самого детства. Так, чтобы не по служебной необходимости или по зову совести, а... как бы это сказать... Даже и слов подходящих не подберу.

Гоню сторонние раздумья прочь. В трепетных чувствах после разберусь, а пока — работа. Иначе разбираться некому будет.

К середине дня уже можно делать определенные выводы. Всем производством заправляет группа басурман, в которую, кроме толстожопого хозяина, входит пара "менеджеров"-подручных и человек шесть охранников-надсмотрщиков. За весь день на территорию заезжает с десятков самосвалов с глыбами бетона в кузовах. В обратную дорогу грузовики отправляются груженными небольшими фундаментными блоками или свежим асфальтом. Обычный рабочий процесс.

И, что плохо для меня, на территории не наблюдается ни профессиональных бойцов, ни

откровенно посторонних людей. Рабочие впахивают, чеченцы слоняются, осуществляя общий контроль... Ни один цех или ангар не закрыт, ни один не находится под усиленной охраной. Или операцию отлично закамуфлировали, или бомбы здесь уже нет. Если она вообще здесь была...

Окна директорского кабинета, расположенного на втором этаже здания администрации, выходят как раз в мою сторону. Направляю на них лазерный аудиосъемник, реквизированный у утопшего ЦРУшника. Хитрый прибор по колебаниям оконного стекла позволяет слышать то, о чем говорят внутри помещения. Но до конца дня ничего существенного не выясняю. Нохчи лопочут по-своему, а я, владея языком на уровне подзабытого разговорника для опроса пленных, улавливаю, дай бог, одно слово из ста. Сплошной "иншалла" и невнятная тарабарщина.

Возможные злодеи проводят два совещания подряд, опять же без толку для меня. На первом хозяин, которого, как выяснилось, зовут Хасан, уволил проштрафившуюся бетонщицу, а на втором громко и по-русски материл начальников цехов, выбивающихся из графика.

То ли я чего-то не понимаю, то ли бомбы на заводе таки нет. Иначе с чего бы местным вести себя так беспечно? Похоже, день потерян впустую. Считаю минуты до захода солнца и тихо матерюсь. Седалище затекло, а мышцы ног сводит совершенно не иллюзорными судорогами. Но приходится терпеть. В любом случае, для стопроцентной уверенности надо проникать внутрь и внимательно всё обшаривать. И только если и тогда я ничего не найду, то придется возвращаться к разрытой яме и пытаться найти какие-нибудь другие следы.

Однако имеется еще одно обстоятельство, не дающее надежде помереть, откинув копыта. Надо думать, есть на небе бог, и сейчас он на меня смотрит. Или, по крайней мере, его заместитель по воспитательной работе. Поскольку я узнаю одного из подручных "пана директора" завода. Память у меня все-таки профессиональная, еще не совсем пропитая, да и соотносить фотографии с живыми лицами приучен. Я не ошибаюсь, уверен на сто сорок шесть процентов — среди тех, кто вьется вокруг директора — водитель из того самого лагеря, с которого началось мое красивое карьерное падение.

Цель в жизни — великая вещь! На душе сразу становится легко, затекшая жопа отекает, в ногах и прочих частях тела появляется легкость необыкновенная.

Как писали в одной скучной книге про лоховатого суперагента Борна "отдых-это оружие". Оставляю на всякий пожарный камеру наблюдения, поставленную на запись, и спускаюсь на землю. С невероятным облегчением орошаю струей кусты, разминаю ноги и наслаждаюсь жизнью прочими способами. Перед ночным вторжением нужно часика два поспать...

* * *

После пяти вечера жизнь на территории начинает замирать. Двигают по домам велосипные мужики, начальники цехов закрывают помещения. Автобус, забрав пешеходов, переваливается с боку на бок и, немилосердно попердывая глушителем, скрывается за поворотом. Чуть позже завод покидает и Хасан на своем БМВ. На этот раз не просто так, а в сопровождении охраны. Вскоре за черным "немцем" ковыляет по колдобинам большущий сарай на колесах — старый и хорошо побитый жизнью "Ландкрузер". Похоже, что басурмане

решили заняться культурным досугом и направились бухать. Ну а толпой — потому что бедного чечена всяк обидеть норовит.

К тому времени, когда солнце касается верхушек сосен на заводе остаются только охранники. А точнее — сторожа, причем, даже на мой взгляд с дальнего неудобного дерева — ленивые и тормознутые. Причина беспечности открывается почти сразу. Заросший черным дурным волосом бородатый обормот в грязном камуфляже, проводив хозяина, медленно идет на задний двор. Округа оглашается заливистым лаем, и на площадку за воротами вылетает стая собак. Вот, наконец-то вижу правильный подход к охране объекта. Не сравнить с Котельниковым. Хотя...

Присматриваюсь и с трудом сдерживаю смех. Это каким же надо быть придурком, чтобы использовать для охраны стаффордширских терьеров? При всей своей повышенной злобности, стаффы — собаки бойцовые. В отличие от настоящих "сторожей" — ротвейлеров, доберманов и овчарок — на службу им лапу задирает с высокой колокольни. У них приоритеты совсем другие. Так что для меня такие собаки упрощают задачу по проникновению, а явное отсутствие сигнализации делает ее предельно легкой. Но для этого необходимо посетить ближайший "населенный пункт сельского типа".

Велосипеда у меня нету, поэтому снова приходится добираться транспортом модели "пешкарус". Господи, как же мне надоело бродить... да и дышалка снова напоминает, что бухать вредно. Зато хоть размялся.

К заводу возвращаюсь через час, под мышкой жалобно поскуливает необходимый для нейтрализации стаффов лопухий "приоритет". Пробегаю вдоль забора, отыскав место, где между плитами зияет довольно широкая щель.

Привязываю пёсика к железной проушине и несильно дергаю его за хвост. Визга, который он поднимает, достаточно, чтобы перебудить всех собак в округе. Вскоре за забором слышится рык, сопение и клацанье зубов. Щель узка, чтобы туда протиснулся взрослый пес, но слишком велика, чтобы тот не мог не учуять чужого. Так что повозятся собачки, пока глотки не сорвут. Ну или пока слабо затянутый узел не развяжется, и пёсик не сбежит домой, собирая ушами будяки и остальной чертополох. Жаль безродную псину, что польстилась на консерву из моего тактического пайка. Но тут уж не до сопливого гуманизма.

Я заранее прикинул, какой участок стены не просматривается ни из сторожки, ни из администрации. Не теряя времени, бегу к заранее намеченному месту.

Щелкает фиксаторами раскладная "кошка", и я забрасываю ее за край забора. Дергаю за реп-шнур, вроде как засела надежно — выдержит. Толстенные узлы навязаны заранее, и я взлетаю по импровизированной лесенке за пару секунд. Оказавшись на другой стороне, отцепляю "кошку", зацепившуюся одной лапой за бесформенную железобетонную глыбину, прислоненную к стене. Собаки так увлечены препирательством с жалобно скулящим "приоритетом", что на мое шебуршение не обращают ни малейшего внимания.

В сторожке мелькает свет — ее обитатель плюет на должностные обязанности и пялится в телевизор. Занимаю позицию за углом, и жду, когда-же наконец сторожу надоест слушать лай собак, и он выскочит наружу. Но в мои планы вмешивается случайность — за забором мечутся фары и доносятся требовательные гудки.

Дверь сторожки распахиваются. Молодой чечен, застегивая на ходу молнию ветровки, бежит к воротам. Во двор въезжает давешний "крузак". Похоже на возвращение настоящей охраны. Радуюсь, что дождался ночи, а не полез в сумерках. Теперь у меня и потенциальных

языков больше, и на отход времени хватит. Ну и транспорт сами пригнали. Шесть кэ мэ, это, конечно, не так уж много, но ведь и не так уж мало.

Раскрывается задняя дверь джипа, оттуда вылезают два чеченца, и, сопя, начинают выволакивать из салона отчаянно сопротивляющуюся девицу в разорванной блузке и юбке, задранной до трусов. Выходит третий, вертя в руках ключи. Вот же блин, только людей профессионалами посчитал, засомневался в собственных силах, прикинул, что бить их тяжелее будет... А они-то, сволота, в село за девкой катались. Что ж, тем проще.

Взвожу оба пистолета. Достаточно длинный ПБ засовываю сзади за ремень. ПСМ кладу в карман куртки. И выхожу в свет.

Мое неожиданное появление никого не пугает, и даже не особо удивляет. Ну что же, щас кто-то убедится, что рановато себя хозяином жизни посчитал!

— Ты кыто?! — по-бараньи пуча глаза, с характерным акцентом спрашивает тот, кто был за рулем. Похоже, что старший среди абреков.

— Брат её.

Теперь на меня таращатся все трое. Даже девица, и та прекратила хныкать и прятать в остатках разорванной блузки сиськи, уставившись на меня непонимающим взглядом.

Старший еще не успел задаться вопросом, откуда здесь вообще взялся брат местной шалашовки и как он оказался внутри, а потому настроен благодушно.

— Слюший, брат, давай вали отсюда, да? Сама в машину сэла, сама дэньги взяла...

— Ты чито, не понял, казлина?! — один из подручных двинулся ко мне, вытягивая из плечевой кобуры пистолет, демонстративно, врасстяжку. Наверное, ему кажется, что это выглядит страшно и круто.

— Бират...! — цедит он с презрением.

Расслабленные придурки. Зажрались на сытных украинских харчах. Перестрелять бы их прям здесь, но информация нужнее. Волшебный эликсир КС уже израсходован на Берковича, поэтому нужного эффекта придется добиваться старыми испытанными средствами.

— Не брат ты мне, гнида черножопая! — не слишком логично, но в рифму цитирую я классику. И начинаю работать.

Нырок влево и вниз. Перехват руки, удар под локоть, перехват кисти и заворот газовика к лицу владельца. Резким тычком, кроша зубы, загоняю ствол в широко раскрытую от удивления и боли пасть. И помогаю волосатому пальцу выжать спуск, предварительно не забыв сам открыть рот — для уравнивания давления на слуховой аппарат. А то так и самому оглохнуть недолго.

Выстрел, особо если холостой, или, как сейчас — газовый, производит головокружительный эффект. Чеченец подламывается в коленях и падает навзничь, мелко загребая ногами. Из разлетевшийся головы течет кровь пополам с мозгами. Мерзкое зрелище. Еще и глаза, вылетевшие из орбит...

Вообще, редко удается сработать так красиво и эффектно, как сейчас. Хорошо вышло, прямо, как в кино. И главное — эффект именно таков, как я и задумывал. Порешить носорога можно было, конечно, и не так понтово, но здесь главное требование, как для голливудского режиссера — правильное воздействие на благодарную публику. А оно, то есть воздействие, налицо.

Все вокруг цепенеют. Перепуганные охранники смотрят на меня с таким ужасом, будто я материализовавшийся из воздуха Фредди Крюгер. Кто-то шумно портит воздух... Ну что, кто не спрятался, я не виноват. Носок ботинка с размаху въезжает водителю в пах. Тот

начинает складываться с легким шипением, похожим на свист спускающей камеры. Похоже, не видать ему больше радостей активного секса... Третий наконец отпускает онемевшую девку и тянется к поясу. Пора заканчивать дрыгоножество и рукомашество.

Выдергиваю из-за спины ПБ. Хлопок. Парень хватается за простреленную ногу и падает на землю. Похоже, он не только тормознутый, но и чем-то обдолбанный. Только под кумаром можно так наплевать на рану.

Ну куда ты руки тянешь, придурок?! Теперь у тебя и плечо прострелено...

Третий сторож подпрыгивает и, буквально развернувшись в воздухе, пытается удрать. Догоняю в два прыжка. Кулаком по затылку, и чечен кувыркком летит на землю. Мы не в фильме, чтобы полчаса мудохаться!

Слышу приближающий лай. Ну, говорю же, дурные псины! Кавказец бы по-пластунски подбирался, чтобы в горло вцепиться, причем молча. Из-за угла с ревом вылетают три стаффа. Облаивать подходы к территории они не станут, но незнакомца могут порвать на раз. Пистолет дергается в руке. Шлеп-шлеп-шлеп. Простите, звери, вы тут точно ни при чем. Но мне моя жопа нужна не порванной в лохмоты. Она-то у меня своя личная, не казенная.

Теперь немного потаскаем тяжести...

Труп, из которого уже ничего не течет, валяется на полу в сторожке, указывая четким следом содержимого головы, каким именно путем я тащил жмура. Трое еще живых вайнахов, тарашась, будто обосравшиеся собаки, сидят вокруг, примотанные скотчем к стульям. Немного пришли в себя и, судя по мордам, явно желают мне скорой и мучительной смерти.

На деревянном столе, застеленном грязной клеенкой, аккуратным рядком выложено трофейное оружие — газовики, разболтанные ножи-бабочки, пара кастетов и прочий хлам, годный только пугать пацанов в деревнях. Начинаю чувствовать себя заправским бандитом с большой дороги, поскольку мой запас снаряжения и оружия пополняется главным образом отъемом у владельцев. Снимаю перчатку и пробую пальцем лезвие — клинки туповаты, не точены. Сколько раз уже замечал — в массе своей кавказцы холодняком помахать любят, а вот ножевой культуры у них совсем нет.

В сарайчике среди метл и лопат скулит запертая селянка. Ей-то ничего не грозит, но, скажу честно, после такого представления на ее месте тоже бы поскуливал. Ну то пушай. Будет в следующий раз думать, к кому садиться.

Надеваю перчатку, оценивающе смотрю на клиентов. Те по-прежнему пытаются хорохориться, но на свежий труп под ногами изредка косятся. Коситесь-коситесь. Как работать с вами, я знаю. Опыт есть. Главное, без ненужного гуманизма и с учетом национальной специфики.

Начинаю со старого знакомого. Отлепляю скотч с пасти, тычком в ухо пресекаю матерную тираду. Он корчит страшную рожу, но орать прекращает.

— Поговорим?

— Нафуй пошел, биять, урус ипаный! Я маму твою ипал!..

— Да, и мой дом труба шатал. Ну, как скажешь, — пожимаю плечами и захожу крикуну за спину. Не стоит портить зрелище остальным. Водитель продолжает изрыгать потоки брани. Я киваю и беру со стола один из трофейных ножей.

— Это тебе за маму, и за трубу тоже.

Тут главное — не ужасная физиономия или дикие вопли палача, а образ страшной неумолимости. Давным-давно сказано и писано умными людьми, что человека с менталитетом крестьянина больше всего пугает именно несуетливая, расчетливая

жестокость бездушного механизма. А эти козлое... то есть козлопасы — как раз те самые "крестьяне", в плохом смысле слова. Дети гор...

Кожа долю секунды сопротивляется тупому клинку, но я и не спешу. Хорошо, что здесь звукоизоляция на совесть сделана. Видать, чтобы шумные забавы не афишировать. Крик от боли и удивления переходит в хриплые булькающие вопли. Сейчас ему уже совсем не весело. Да и его коллегам по несчастью — тоже.

Хоть я и стараюсь быть максимально отстраненным и собранным, но темная волна ярости буквально захлестывает разум. Вот тебе, тварь поганая, за все, что ты в своей паскудной жизни наделал. На государственной службе не удалось встретиться, как положено, ну хоть так справедливость восстановлю.

Хорошо хоть Мила не видит, что может сотворить ее спаситель и защитник. Есть вещи, которые детям не только видеть — знать не следует.

А вот этого не надо! Выдумал тоже мне, блевать с заткнутым ртом, соседка! Не нравится, когда вашему глотку перепиливают?!

Сдергиваю с щетинистой морды липкую ленту и отскакиваю в сторону. Кислая струя бьет под ноги. Надо же, нежный какой...

— Как зовут? — железо куют горячим, а языка допрашивают, пока пребывает в расстроенных чувствах. Этот, судя по безумному взгляду, расстроен самым правильным образом.

— Ру-рустам... — лепечет моментально растерявший наглость джигит.

Ну вот и славно, отвечает, уже легче и веселее.

— Рустам, а расскажи, где то, что мне нужно?

— Не знаю... Не знаю!

Сторожа я изначально считал расходным материалом, поэтому на его незнание не обиделся. И ушел второй абрек в край нетронутых овец легко и безболезненно. Относительно, конечно.

Последний оставшийся в живых, судя по судорожно дергающемуся кадыку, расширенным от ужаса глазам и мокрым штанам, вполне готов к откровенному, вдумчивому мужскому разговору. Поговорим, для того и жив еще.

Скотч отрывается со смачным "хляп". Чеченец дергается от боли, но грозиться всевозможными карами не спешит. То ли умный и понимает, что бесполезно орать. То ли настолько меня боится, что язык проглотил. Надеюсь, что первый вариант...

— Нэ убивай, все скажу, брат! Все-все скажу! — говорит быстро, захлебываясь, но умеренно тихо и без брани. Значит, соображалка работает, готов к диалогу.

Усаживаюсь на стол.

— Ну?

— Сам Джамаль приезжал!

— Который именно? — туманно уточняю я, пытаюсь вспомнить, не проскальзывало это имя по ориентировкам.

— Амир! Полевой командир! — торопливо поясняет собеседник. — С муджахедами приехал. С ними еще русский был. Не воин, нет! Инженер какой-то! Нас всех выгнали, сказали, что так надо! Завод оцепили, нас не пускали! Потом американский грузовик пригнали, он сегодня ночью уехал! И Джамаль с муджахедами уехал!

— Куда уехали?

— Не знаю, не говорили они!

Очевидно, сообразив, что, став неинтересным собеседником, он тоже получит ножом по горлу, бледный и потный от страха чеченец добавляет:

— Они еще рулон свинцового листа привезли!

Свинцовый лист — это очень умно. Бомба уже наверняка обложена свинцом и закатана в бетон, так что на себя не похожа и не фонит. Теперь ее, как обычную строительную деталь, можно куда угодно отвезти, ни один гаишник не остановит. Да и таможенники с пограничниками вряд ли что заподозрят...

Незаметно перехватив нож, вбиваю пленнику в шею. Чеченец, хоть жил паршиво, но напоследок честным оказался. Легкой смерти заслуживает. Хотя, признаюсь, в другое бы время...

Но сейчас меня больше беспокоит этот долбаный грузовик. Куда он, блин, мог поехать? Так, а водилы, приехавшие на вокзал, получали какие-то документы в приемной. Может, и от этой машины какие следы в делообороте остались? Выбиваю дверь в административный корпус и забегаяю на второй этаж.

Папка с накладными находится почти сразу в верхнем ящике секретарского стола. Наскоро пролистываю, подыскивая достаточно большой объект. Так... "элемент основания мостовых опор", кажется, оно. По крайней мере, ничего более габаритного в бумагах не указано. Остается надеяться, что я не ошибся. Итак, реквизиты фирмы-получателя есть, ясен и пункт назначения — город Прилуки. А кроме того, указаны и номера грузовиков. Эх, был бы я на службе, на этом эпопея и кончилась. "Кактусы" поперек дороги, взвод "Беркута", пара групп "альфовцев"...

Но как сложилось, так сложилось. Буду догонять. По трассе они вряд ли пойдут — мало ли что. А на объездных — дорожное покрытие целиком из колдобин и выбоин. Догоню!

Отлично понимая, насколько шаткий и условный получается план, прибираю за собой. Точнее смотрю, не наследил ли сверх меры. По уму, надо бы и девку оставить в залитой кровью сторожке. Но когда я по уму что-то делал? Да и резать человека только за его тупость — как-то не по-самурайски. Пусть живет.

Открываю дверь, предварительно повязав платок на физиономию, прямо как ковбой из старого мультика. Поблядушка вжимается в уборочный инвентарь, пытаюсь стать невидимкой.

— Так, слушай меня сюда. Вали отсюда бегом, понятно? Будут спрашивать — с дальнобоями каталась. Меня не видела. Вообще и в принципе. Языком ляпать начнешь — найду и зарежу. Ясно?

Девка кивает и, опасливо косясь, словно ожидая выстрела в спину, в точном соответствии с указаниями, ломится в сторону ворот. Ну и пусть себе бежит. Несмотря на всеобщее мнение о девицах легкого поведения, лишний раз они рот стараются не открывать. Особенно в провинции, где все и всё на виду.

Выхожу за ворота и отвязываю охрипшего пёсика. Тот недовольно тьякает и, поджав хвост, убегает в сторону родного села. Ну, в его молчании я точно уверен.

Уничтожать следы, вернее, маскировать последствия оперативно-диверсионной деятельности смысла нет. Даже если предположить, что, провозившись до утра, рискуя нарваться на неожиданных ночных посетителей, я смогу замыть кровь и надежно спрятать трупы, то само исчезновение охраны всполошит этот муравейник сильнее взорвавшейся гранаты. Так что хрен с ними. Что же до идентификации личности главного героя, то есть меня, шибко сомневаюсь, что здесь будет толковая криминологическая экспертиза.

Вывожу джип за ворота, закрываю за собой створку. Дребезжит, конечно, но грех ноги бить, когда колеса прежние хозяева сами пригнали...

Оставляю "Ландкрузер" метрах в пятистах от того места, где в кустах стоит мой "Опель". Бросаю с открытыми дверями и ключом в замке. Пусть стоит. Хотя вряд ли простоит долго — народ в здешних краях запасливый и мимо такого подарка судьбы ни за что не пройдет. Но так даже лучше. Пусть ищут.

В машине ненадолго перевожу дух. Усталость причудливым образом мешается со странным удовлетворением. Не от убийства, нет. И даже не от того, что неожиданно и удачно получилось рассчитаться по некоторым старым долгам. Просто я снова чувствую себя... черт его знает, откровенно говоря. Сложное чувство. Человеком чувствую. Живым человеком, с настоящей целью, пусть и запредельно трудной.

Эх, Сербин, Сербин... Кто бы тебе сказал тогда, двадцать лет назад, что спасаясь от уголовной ответственности, ты подпишешь себе смертный приговор от рук настоящего американского шпиона. А меня вытащишь с того света, поскольку Котельников бы опустившегося алкаша Верещагина точно туда спровадил, без вариантов...

Вот она, рука судьбы. Но что случилось, то случилось. А что будет, того еще нет.

Как известно, все дороги ведут в Рим или через Рим. А для меня путь в Прилуки лежит через Киев...

5. Старая крепость

Через горные хребты Восточного Тавра проходит много границ. Сирия, Турция, Иран, Ирак и Армения владеют здесь сопредельными территориями. Но хозяевами этих гор, грозных и очень красивых, считают себя живущие тут испокон веку курды. У них на это есть основания. В Курдистане крутые скалы, высокие ледяные пики, глубокие ущелья и труднопреодолимые перевалы. Воевать регулярным армиям здесь практически невозможно, охранять границы — тем более. Чем с незапамятных времен и пользуются представители этого многочисленного и воинственного народа.

Восточные завоеватели — парфяне и персы — благоразумно обходили Восточный Тарс. Воины Халифата, хорезмийцы и пришедшие вслед за ними монголы понимали, что с жестокими обитателями разбросанных среди скал кишлаков им не справиться. Алчные гости с запада — эллины, римляне, позже византийцы и крестоносцы не обладали мудростью древних цивилизаций. Пытаясь контролировать торговые пути Курдистана, они возводили здесь крепости и размещали в них гарнизоны.

Судьба горных твердынь оказывалась неизменно печальной. Рано или поздно, отрезанные от метрополий, эти форпосты европейской цивилизации, лишившись защитников, обращались в руины. Так что теперь об их некогда грозном величии напоминали разве что осыпавшиеся башни и арки, сложенные древними мастерами. Перед ремесленными секретами давно почивших каменщиков время оказалось бессильно...

К базе повстанцев, укрытой в развалинах древней крепости, вел всего один путь — через глубокое сырое ущелье. Даже не дорога — тропа, что петляла худосочной гюрзой меж скал и обрывов. Она была столь узка, что маленький караван из двух камуфлированных "Лендроверов" с турецкими номерами, которые встретили Джамалья на аэродроме в Хьякари, едва сумел разминуться с отарой овец, конвоируемых пастухом и парой мелких, но шумных собак.

Пастух, одетый в мешковатые штаны-сервалы, просторную рубаху-стархани и нечастый в этих краях паколь^[46], ассоциирующийся у европейца с образом "афганского борца за свободу", проводил процессию неожиданно внимательным цепким взглядом. Учуяв запах выхлопа, дернул ноздрями. Недовольно поморщился и, оставив отару на попечение четвероногих помощников, сошел с дороги. Там он вытащил из просторных карманов спутниковый телефон "Qualcomm" и, прослушав несколько тактов ритмичной "I Like To Move It" от "Reel 2 Real", выставленного собеседником вместо гудков, сказал пару коротких фраз. Выслушав ответ, коротко кивнул сам себе, спрятал телефон в недрах одежды и поправил сползший АКМ. Окинув взглядом острые пики и сверкающие ледники Джило-Сата, он пошел обратно к стаду.

Крепость, отмеченная на турецких военных картах как аул "аль-Хааг" — некогда самый восточный из таких форпостов — была выстроена, как утверждает легенда, по приказу самого Александра Великого, но после его смерти попала в руки парфянов. В средние века она недолго служила пограничной крепостью византийцев, затем перевалочным пунктом румских турок-сельджуков, потом стала прибежищем невесть откуда взявшихся здесь тамплиеров и, в конце концов, пала под ударом монголов. Все хозяева аль-Хаага так или иначе увековечили следы своего пребывания в камне, и Джамаль, приезжая сюда, любил бродить вдоль старых фундаментов. Там можно было разобрать полустертые греческие

буквы, арабскую вязь, изображение крестов с "ласточкиными хвостами" и тамги хорезмийских эмиров...

В качестве главной базы аль-Хааг был выбран не случайно. Номинальные владельцы этих земель, турки, так и не смогли утвердиться здесь как хозяева. После нескольких тщетных попыток взять горную провинцию под контроль, потеряв немало людей и техники, они оставили "неистовых курдов" в покое.

Подходы к крепости отлично просматривались и хорошо охранялись. Местные жители, для которых Джамаль был своим, обеспечивали небольшой гарнизон всем необходимым припасом. При этом за небольшую мзду они еще выполняли роль внешней охраны и осведомителей. Немаловажно было и то, что в нескольких десятках километров от крепости тянулась, обозначенная только на картах, никем не охраняемая иракская граница...

Джамаль и его бойцы и раньше чувствовали себя здесь как у Аллаха за пазухой. Но после того, как при помощи всесильного Моргана курдским повстанцам удалось купить в Украине и доставить сюда два ЗРПК "Тунгуска", аль-Хааг стал защищен от последней и самой серьезной угрозы всех повстанческих горных баз — боевых вертолетов.

Одолев последний крутой подъем, "Лендроверы" въехали на главную и единственную улочку аула, остановились у крепостных развалин. Их уже ждали. Естественно, не с гранатометами, до поры мирно спящими в прохладе подвалов, чьи прохладные своды помнили еще воинов с алыми крестами на белоснежных плащах. Зачем оружие? Приехали не враги, а друзья! Поэтому высыпавшие на улицу люди были практически безоружны. Ну не считать же за оружие, в самом деле, несколько десятков русских, китайских и болгарских "калашниковых" да парочку древних, как сами горы, "маузеров", оставшихся еще с тех времен, когда германцы продавали туркам свои великолепные винтовки... "Калашников" для нынешнего горца — такая же обязательная деталь национального костюма, какой был раньше кинжал...

Джамаль вышел из головной машины, расцеловался с шейхом аула, после чего крепко обнял своего заместителя. Пока он отдавал дань гостеприимству встречающих, из второго вездехода прямо на камни выбросили двух человек. Оба были связаны по ногам и надежно скованы наручниками. Один, тот, что поплотнее, был еще и избит...

— Легка ли была твоя дорога, Джамаль? — спросил пакистанец лет сорока в американском армейском камуфляже и с огромной деревянной кобурой на бедре, в которой лежал автоматический пистолет Стечкина. Его владелец несколько лет воевал в Чечне против русских и проникся многими привычками братьев по вере...

— Трудна, но я знал, что меня ждет мой брат Аяз!

— Куда их? — Аяз кивнул на валяющихся на дороге людей.

— Этого, — Джамаль пнул носком ботинка инженера Журавлева, — в зиндан. У тебя же найдется хорошая, глубокая яма для нашего дорогого гостя?

— У нас их хватит для всех кафилов! — горделиво стукнул себя в грудь Аяз. — А второго?

— Второго на цепь в подвал. Пусть посидит, как пес, пока я совершу приличествующее омовение, — ответил Джамаль, с искренним презрением глядя на скорчившегося Аскинса.

Не прошло и десяти минут, как один пленник почувствовал на шее холодное прикосновение ошейника, а второй оказался на дне глубокого каменного мешка. Прибывшие воины разошлись по домам, где их ждал достойный прием. Ведь каждый курд готов отдать последнюю лепешку тому, кто борется за Курдистан! Ну а Джамаль с наслаждением смыл

пыль долгого пути и утолил первую жажду заботливо поднесенной чашей воды из горного родника. Аяз сидел рядом, не торопя с рассказом.

Впрочем, названный брат не заставил себя ждать.

— Мой путь был долог, брат, — сказал Джамаль. — И он еще совсем не окончен.

— Самолет? — уточнил Аяз.

— Что? — дернулся Джамаль, смеживший было усталые глаза.

— Ты вчера был на Украине, а сегодня уже здесь, — Аяз обвел рукой вокруг себя, словно демонстрируя развешанные по стенам ковры, которые могли стать гордостью любого музея.

— У нас много друзей, — скривился террорист. — Готовых на все, даже повеситься, лишь бы мы пообещали им еще что-нибудь...

"Братья" обменялись понимающими ухмылками.

Внезапно зазвонил телефон. Аппарат правительственной связи, украшенный гербом Советского Союза, некогда стоял в главном кабинете города Грозный. Теперь же он расположился на небольшом столике красного дерева с резными ножками, столь же чужеродном среди гор, как и американский урбанистический камуфляж. Но Джамаль любил подобные раритеты, а подключенная к телефону оптоволоконная линия через цепь ретрансляторов выходила в мобильную сеть из небольшой лавочки на дамасском базаре, что придавало аппарату закрытой связи особый шик.

— Да, Хасан, здравствуй. Слушаю тебя.

По мере того, как далекий Хасан сбивчиво излагал обстоятельства нападения на вверенный ему завод, лицо Джамали неуловимо менялось. Аяз, хорошо знавший своего названного брата, по возбужденному подрагиванию ноздрей и прищурю понял, что тот получил какие-то неутешительные вести.

Впрочем, для Джамали всякий неприятный сюрприз всегда оказывался дополнительной возможностью доказать себе и окружающим, что он в состоянии справиться с любой, самой сложной и непредсказуемой ситуацией. Так было и сейчас. Внимательно выслушав насмерть перепуганного собеседника, Джамаль задал несколько уточняющих вопросов и, помолчав несколько секунд, приказал:

— Никакой милиции. Выяснить без шума, кто это был, и не более. Привести все в порядок и заблокировать возможных свидетелей. Главное — ни слова американцам! Кто ослушается — казнить на месте.

Трубка легла на держатели. Аяз пристально посмотрел на Джамали.

— След беды осенил твое лицо, брат!

Тот, просидев немного в полном молчании, улыбнулся краешками губ.

— Это всего лишь тень беды. Она не страшна. — И тут же, без перехода, продолжил. — У нас еще есть время. Покажи, как устроены гости...

Первый "гость", тот, что совсем недавно был нагловатым умником, нашел приют в одной из пяти ям, расположенных в роще неподалеку от дома. Охранник, молодой парнишка со старой немецкой винтовкой, поднял решетку. Джамаль заглянул внутрь. Посыпалась хвоя и мелкие камешки.

Внизу завозился грязный червяк, похожий на человека разве что протяжным стоном. В свое время террорист провел в такой же яме несколько месяцев и знал, что оттуда, со дна, на фоне светлого неба виден только черный силуэт.

— Что с ним делать? — осторожно поинтересовался хозяин, заглянув в яму через плечо

Джамалю.

— Пусть пока останется здесь. Он подготовил взрывное устройство, но пока нужен мне живым, на всякий случай. Как только, если на то будет воля Аллаха, случится все положенное, сразу же отвезите подальше и уничтожьте тело. Сожгите, а лучше растворите так, чтобы останки невозможно было опознать даже с помощью генетического анализа.

— Все будет сделано, — кивнул Аяз.

Хозяин и гость покинули "тюремную" рошу. Пройдя через двор, они спустились в огромный каменный подвал с гулками сводами и остановились около лежащего на земле Аскинка. Шею плененного резидента стискивал железный ошейник, от которого шла короткая цепь, вмурованная в стену.

В избитом человеке с заплывшим от ударов лицом трудно было узнать опытного разведчика, управляющего агентурой ЦРУ в одной из крупнейших стран Европы. Похитить старого шпиона оказалось совсем несложно. Люди Джамалю спрятались в сторожке охраняемой стоянки, где он оставлял на ночь машину, и взяли чисто и без свидетелей, когда Аскинс собирался выехать на работу...

Американец молча, с бессильной ненавистью глянул снизу-вверх на своих врагов. Джамалю невольно улыбнулся. Сколько раз он видел такие же взгляды... Сытые, благополучные люди Запада всегда были так предсказуемы, так одинаковы. За редкими исключениями даже сильнейшие и умнейшие из них в глубине души не верили, что с ними может случиться нечто по-настоящему скверное. Узникам всегда казалось, что происходящее — скверная шутка, случайность или просто дурной сон. Вот-вот кошмар закончится, и откуда-то появятся доблестные спасители, как это всегда бывает в фильмах. Появятся, спасут, и все плохое закончится. Им казалось, что принадлежность к иной "высшей" культуре, подданство сильных держав, долгие годы спокойной и безмятежной жизни дают неизменную защиту от превратностей судьбы.

Но Джамалю было очень хорошо известно, что это не так. Каждый из живущих — лишь песчинка в руке Аллаха, не властная над собой, но покорная Его воле. И совсем скоро эту нехитрую истину поймет спесивый американец, который наверняка считает, что ничья рука не тронет его просто из почтения к трем латинским буквам "С.І.А."

— Аяз, брат мой, я хочу узнать у этого человека его тайны, но его языком пока владеет шайтан. У тебя найдутся огонь и железные прутья? — медленно, втягивая проговорил Джамалю. По-английски, очень тщательно, чтобы американец понял каждое слово. — И нож, хороший острый нож, а лучше бритва.

— Найдется, — усмехнулся Аяз. — И это, и многое другое. Он расскажет все, что знает и сможет вспомнить...

* * *

Константин Журавлев дождался, когда небо расчертит опущенная на место решетка, и отполз к дальней стене, где не так сильно ощущалась вонь от нечистот. Здесь, внизу, было холодно, словно на леднике. Чтобы хоть немного согреться, он зарылся в кучу прошлогодних листьев.

Работа была несложной, все необходимые материалы и оборудование ему предоставили в течение трех часов. Пока бомбу заливали в бетон, Константин собрал простую и надежную

схему, с которой мог управиться и ребенок, а не прошло и двух суток, как ему доставили уже готовое дистанционное устройство. О том, что произошло сразу же после доклада о готовности бомбы, он помнил смутно. Его ударили чем-то тяжелым сзади, после чего он очнулся связанный, с мешком на голове и кляпом во рту, трясаясь в кузове какой-то машины.

Сколько продолжалась поездка, инженер не мог сказать — несколько раз ему, не развязывая рук и не открывая глаз, совали в рот куски твердого, как камень, сухаря и выводили справить нужду. Потом был долгий перелет. И снова тряска в машине. Оказавшись в яме — голый, обессиленный, голодный — Константин почти потерял способность рационально мыслить, которой так гордился всю свою прошлую жизнь. Теперь инженер был уверен лишь в одном — таймер его судьбы отсчитывает последние часы, и на спасение нет никакой надежды.

За годы, проведенные в "золотой клетке", Константин привык к удобному, сытому существованию под опекой бандитов, уверовал в свою незаменимость и не допускал мысли о том, что от него могут просто избавиться. Ныне он инстинктивно, чутьем первобытного зверя осознавал — это всё. Конец.

Страна, которую он предал, слив полученные знания и умения смертельным врагам, просто не подозревает о его существовании, и никто не придет на помощь. Сейчас Константин жалел лишь о том, что прежде не выучил ни одной молитвы.

Горный воздух был чист, небо не закрывали облака и, сидя на дне ямы, Журавлев наблюдал, как на решетку наплывает режущий глаза лунный серп. Константин взял один из листьев, отломил короткий жесткий черенок и воткнул в землю, предварительно разметив небольшой участок от мусора. В считанные часы инженер окончательно превратился в полностью уничтоженное создание. Он истово поверил, что если приготовиться отмерять время — по одной щепочке или пруту на каждый день, проведенный в подземной тюрьме — то этого самого времени будет в достатке. И жизнь атомщика не оборвется в любой момент, когда это будет угодно его новым хозяевам.

Месяц пересек решетку. Когда жизненное пространство ограничено, а событий становится непереносимо мало, то каждый звук, любое движение воздуха, мелькание теней, свист ветра, слишком громкий стрекот цикад, отдаленный собачий лай приобретают особое значение.

Шорох быстрых шагов донесся до ушей пленника. У края ямы появился силуэт с торчащим из-за плеча автоматным стволом. Скрипнул металл сдвинутой решетки, вниз спустился на жесткой волокнистой веревке кувшин с водой. Затем к ногам Журавлева упала лепешка и несколько кусков жилистого мяса со следами чьих-то зубов. Безликий тюремщик закрыл решетку и ушел, так и не проронив ни слова.

Звуки, проникавшие в яму, были искажены, но все-таки можно было разобрать, как где-то вдали приезжали и уезжали машины, часто хлопали двери домов, слышался гортанный говор обсуждающих что-то людей. Но инженера это никак не коснулось. Луна, кувшин, лепешка, мясные объедки. Палочка, отметившая первую и, скорее всего, последнюю ночь его неволи.

Новый звук донесся до ушей Константина. Ужасный, захлебывающийся безмерной болью крик. Далекий и одновременно близкий, словно кого-то пытали совсем рядом, в подвале или доме с толстыми стенами. Инженер вздрогнул и поднял голову, надеясь, что ему послышалось. Но нет, не послышалось. Крик повторился. Вновь и вновь.

Журавлев скорчился на грязной земле, подтянув колени к подбородку, обхватив голову

руками и закрыв уши, тщетно стараясь скрыться от чужих страданий. Он плакал и повторял придуманную здесь же молитву, в которой просил у Господа прощения за все, что он совершил. Прощения и избавления от грядущих ужасов.

* * *

Кирпичи из глины, из которых был сложен подвал, обожженные в костре и вылизанные временем до атласного блеска, видели многое. А слышали — еще больше. Поэтому у них не вызвали изумление вопли кафира, ввергнутого в недра подвала. Кричит? И пусть кричит. У людей горло не из стали. Скоро вопли перейдут в хрипы, а после и вовсе — в бессильные стоны, которые может заглушить своим пискom даже большая черная крыса, наблюдающая за происходящим из своей норы, устроенной под самым потолком.

Крыса наблюдала, но не пищала. Ждала, думая о чем-то своем... А внизу пировали Злоба, Боль и Ненависть. Хищно сверкало в неверном свете слабенькой лампочки лезвие старой сточенной бритвы. Натужно скрипели ржавые ножницы, какими снимают руно с овечьих боков...

В последний раз сверкнула бритва, на краткую долю мига явившаяся подлинным мечом Азраила. И в подвале стихло.

Но тишина продолжалась недолго. Два-три удара человеческого сердца.

Крыса, чьи глаза блестели в полумраке, словно бусинки в девичьем ожерелье, услышала слова, смысл которых она не могла понять. Но понимать их не требовалось. Интонация говорившего ярко свидетельствовала о скорой развязке.

Слова, произнесенные уверенным голосом опытного палача:

— "Мертвая рука"? А теперь расскажи мне о ней подробно...

Снова тишина, а затем заговорил второй человек, зашипел сорванными связками и осипшим от крика горлом. Он торопливо исповедовался, спеша рассказать все, надеясь, что палачу не надоест слушать и багровый отсвет углей не заиграет вновь на ржавом железе.

* * *

— Сегодня вечером я убываю к месту сбора, Аяз, — Джамаль узнал все, что хотел, и пребывал в отменном расположении духа. — Туда в условленное время должен прибыть Рустам и его люди. В их руки будет передан "Кулак Аллаха". Перед отъездом я хочу видеть списки будущего дивана и кандидатов на посты глав вилайетов — Дагестана, Ичкерии, Ингушетии, Осетии, Ногайской степи, Кабарды, Балкарии и Карачая. Я надеюсь, что все это будут достойные, проверенные люди. Тебе ими управлять, как премьер-министру.

Террорист увидел, как при этих словах загорелись глаза собеседника, и порадовался, что в очередной раз оказался прав. Джамалья совершенно не волновали никому не нужные списки "будущего правительства", а для Аяза он уготовил роль обезьяны, таскающей каштаны из огня. Джамаль, в общем, не имел ничего против пакистанца, но тот принял слишком близко к сердцу войну в Ичкерии, к тому же очень любил власть, точнее ее призрак, манящий и вожделенный.

— То, что произошло в Русе, это опасно для нашего дела? — пакистанец наконец-то

осмелился задать мучивший его вопрос.

— Не особо. Человек, который на них напал — загнанный одиночка. Пьяница, чьим словам никто не поверит. Ни местные спецслужбы, ни американцы здесь ни при чем. Все готово, мы опережаем любую погоню почти на сутки. В любом случае, достаточно только нажать на кнопку, и свершится воля Аллаха.

На самом деле, Джамаль был очень доволен. Теперь уже было неважно, зачем этот человек напал на завод. Выигрыш во времени позволял сосредоточиться на подготовке последнего броска, не отвлекаясь на второстепенные задачи. А потери пока не выходили за рамки неизбежных и приемлемых издержек. Главное — знать больше, чем остальные. Кто обладает самой полной информацией, тот и держит ситуацию под контролем.

Почтительно сославшись на неотложные нужды, Аяз покинул гостиную. Джамаль вернулся в дом. В длинном, едва освещенном коридоре, соединяющем хозяйскую часть с гостевым апартаментом, вдоль стены были сложены упаковки брошюр. Джамаль, проходя мимо, вытянул одну, карманного размера в плотной зеленой обложке. Это оказалась отпечатанная в Эмиратах на арабском языке "Памятка моджахеду". Брошюра, которую раздавали всем полевым командирам, увидела свет еще в Афганистане, почти без изменений пережила обе чеченских войны и сейчас использовалась в основном лидерами Талибана. Джамаль опустился на мягкий диван, включил напольную лампу и открыл брошюру на случайной странице.

"... Моджахеды бывают двух типов: "воины", для которых Джихад — это обязанность перед Всевышним и образ жизни, и "романтики", для которых Джихад — это увлечение мечтаниями, подражание другим и возможность показать себя. Амир должен уметь отличать романтиков от других и деликатно беречь от них некоторые тайны, потому что они плохо хранят аманат и иногда говорят секретное, лишь бы показать свою важность и осведомленность. Часть "романтиков", попав в руки кафи́ров или мунафи́ков, быстро ломаются и рассказывают им всё, что знают и даже то, о чём их не спрашивают. Что будет потом, ведает лишь один Аллах, но вся группа должна дать Амиру байат молчать в плену об адресах, явках и тайниках — это придаст им силы и стойкости, а также повысит самоконтроль. Нужно также каждому подготовить "легенду" на случай пленения, чтобы там не подвергаться чрезмерным пыткам и что-то им говорить складно."[\[47\]](#)

Джамаль усмехнулся. Он не любил "романтиков" и никогда не использовал их в серьезных операциях. Во многом такая разборчивость и принесла ему славу самого удачливого командира, которого не подводят бойцы и исполнители. Но романтики тоже иногда нужны. Например — сейчас. Они с радостью возьмут на себя ответственность за дело, конечную цель которого совершенно не ведают. Как не ведают ее и те, кто, находясь на другом конце земли, считает, что дергает за ниточки.

Он небрежно швырнул памятку на стол и подумал, что если на то будет воля Аллаха, его родной Курдистан вскоре станет независим и от американских безбожников, и от арабских святош. Пока же следовало поговорить с еще одним гостем, тайна пребывания которого в

Охранник, курд лет семнадцати, самый молодой из "гвардии Аяза", выполнял всю черную работу из той, которую нельзя было доверить женщинам и слугам. Он дал русскому поесть и пошел кормить собак. Щенкам, которых привела Фатима, было уже два с половиной месяца. Ее повязали с Шер-Ханом — самым знаменитым сторожевым псом по обе стороны хребта, и от желающих получить собаку столь знаменитых кровей не было отбоя.

Увидев знакомого человека, Фатима тихо заворчала и, недоверчиво кося глазом, медленно подошла к тарелке. Выкладывая сочную свежайшую баранину, юноша, выросший в пастушьей семье, старался не делать резких движений. Несколько дней назад сука, сочтя протянутую в сторону щенков руку за угрожающий жест, одним броском и быстрым движением челюстей сломала напарнику предплечье и вырвала огромный кусок мяса.

Завершив кормление, молодой охранник вернулся в дом. Парень не расставался с недавно выданным ему "маузером" и, гордясь оружием, все время носил его за спиной, перекинув ремень через грудь.

Еще один гость Джамала, вышедший подышать свежим воздухом, глядя на мальчишку, подумал: как быстро винтовка — символ власти, самостоятельности и мужского достоинства, последний довод в крышеваниях и криминальных разборках — становится невыносимой, порой смертельной обузой. Особенно для того, кто, цепляясь то прикладом, то стволом за каждую ветку, продирается сквозь густые заросли, пытаясь спастись от прочесывающих квадрат федералов...

Гость возвратился в холл, превращенный в подобие телестудии. Напротив большой профессиональной видеокамеры на стене висел флаг — зеленое полотно с арабской надписью, обнаженной саблей и чередующимися бело-красно-зелеными полосами внизу.

Техник включил софиты, и комната озарилась неестественно ярким светом. Гость сел в кресло перед флагом, движением человека, привычного к съемке, одернул полувоенный пиджак, предварительно расстегнув нижнюю пуговицу. Поправил невысокую папаху из серебристого каракуля.

На повернутом к нему мониторе появился текст.

— Пожалуйста, давайте вот отсюда: "... Верховный главнокомандующий Объединенной армии ислама, эмир Кавказского эмирата", — почтительно произнес режиссер.

Хозяин кивнул и, дождавшись слова: "Съемка!", начал, глядя под объектив, размеренно читать бегущий текст.

— ... как Верховный главнокомандующий Объединенной армии ислама, эмир Кавказского эмирата, я заявляю: Кулак Аллаха обрушился на неверных, как возмездие за годы рабства и унижения, за кровь наших сынов, пролитую в смертельной борьбе за торжество ислама. Этот удар показал вашему порочному и безбожному миру всю серьезность наших намерений. Средоточие порока превращено в горы дымящихся развалин. Но это только начало. Знайте, неверные, что еще пятнадцать зарядов находятся в пятнадцати больших городах по всему миру и ожидают одного лишь нажатия кнопки! Если наши требования не будут выполнены, следующая жертва окажется выбрана по жребию, то есть

волей Аллаха.

Короткая пауза, чтобы будущие слушатели прониклись сказанным, содрогнулись от ужаса, ожидая дальнейших слов.

— Вот чего мы хотим: Курдистан и Кавказский Эмират должны обрести независимость. Россия, Турция, Иран, Америка в течение десяти дней выведут с этих территорий свои войска. Совет безопасности ООН направит на границы новых государств миротворцев, которые будут обеспечивать их безопасность до окончательного формирования наших собственных Вооруженных Сил. Как только это случится, мы укажем местонахождение заложенных бомб. Но не раньше...

Он не удержался и вытер тыльной стороной ладони пот со лба.

— Стоп! — немедленно выкрикнул режиссер.

Красная лампочка на камере тут же погасла, а вслед за ней выключились софиты.

— Будем делать еще один дубль? — поинтересовался эмир.

— Похоже, нет. Концовка уже записана, смонтируем в ролик и сбросим на диск. Господин Джамаль сказал, чтобы к утру все было готово.

Эмир кивнул головой и пошел во внутренние покои. Он очень устал за последние дни, а завтра с раннего утра в Чечне, куда он возвратится по завершению записи, предстоят важные переговоры.

Над развалинами плыла дивная тишина, которую время от времени нарушали смех женщин, стоны Журавлева из ямы да тихий визг щенков, дерущихся за право пробиться к материнскому соску.

6. Контракт для майора

Посыльный, как и обещал вчера капитан, постучался в дверь номера ровно в без четверти восемь. К этому времени Пашкин, выспавшийся и умытый, заканчивал завтракать трофеями, обнаруженными в холодильнике. В ванной, помимо мыла, шампуней и полотенец, нашлись и одноразовые бритвенные станки, из чего майор сделал вывод, что прием гостей, не успевших собрать вещички, в этих интересных местах — дело вполне привычное. Приведя по возможности в божий вид помятые в путешествии брюки и пиджак и наскоро завязав галстук, Пашкин вышел на улицу.

При свете дня военный городок — чистый, ухоженный и какой-то не по-армейски уютный, выглядел не хуже британской военной базы в кипрском городке Акротири, неподалеку от которого располагался отель, где Пашкин отдыхал несколько лет назад. Не хватало разве что тамошнего поля для гольфа, но его заменял "немодный" по нынешним временам теннисный корт.

За лесом, взлетая, загудел самолет. Вот и выяснилось, что имел в виду вчера капитан, возмущаясь, что их "не там" приземлили...

В штабе, не считая дежурного за окошком и караульного в коридоре, не было ни души. Караульный — боец в порядке обтертой "цифры" и при стволе, появление гостя проигнорировал. Дежурный старлей поднялся за стеклом "аквариума", изобразил воинское приветствие. Пашкин машинально ответил, вскинув ладонь к "пустой голове", вспомнил, что он не в форме, осекся и пошел вслед за посыльным по неширокой ковровой лестнице на "начальнический" второй этаж.

Боец протопал по коридору, свернул в неширокий холл-рекреацию с креслами и журнальными столиками и аккуратно постучал в дверь с табличкой "Полковник Климов". Не дожидаясь разрешения, дернул ручку и доложил:

— Товарищ полковник! Товарищ майор, по вашему приказанию!..

Из глубины кабинета негромко сказали:

— Хорошо! Пусть заходит.

Пашкин выдохнул и сделал шаг в неизвестность.

На полпути от входа стоял подтянутый серьезный мужчина лет сорока пяти, похожий на фольклорного "батяню-комбата" не больше, чем сомалийский пират на британского адмирала. "Рост — примерно 180, вес — около 75, глаза серые, на левой руке нет мизинца, " — докладывая о прибытии, машинально отмечал Пашкин.

Протянутая рука была крепкой, но в "кто сильнее" командир не играл. За явной бессмысленностью такого занятия. Полковничья фигура, хоть внешне не была грозной, тем не менее излучала властную волю человека, приказы которого выполняются вмиг и беспрекословно. Словом, вероятный новый начальник столь разительно отличался от оставленного в Энгельсе шефа, что задай он сейчас вопрос: "Когда вы сможете приступить к выполнению своих обязанностей?", Пашкин тут же решительно ответил: "Вчера!", даже не поинтересовавшись, в чем эти обязанности, собственно, заключаются...

Пока по приглашению хозяина кабинета они проходили у стола, майор успел разглядеть командирский иконостас. За креслом на стене, ниже официального обязательного портрета Главнокомандующего, висел старый вымпел ПВ РФ. В шкафу, за стеклом — выгоревшая фуражка-"карацуповка". На противоположной стене — несколько фотографий. Пашкин

успел разглядеть лишь одну, но хватило и этого.

Явно любительский снимок, сделанный на фоне какого-то не особо крутого коттеджа, запечатлел четверых улыбающихся мужчин в одинаковом камуфляже. Трое были знакомы Пашкину — министр обороны, хозяин кабинета и... нынешний президент! Четвертый — незнакомый военный, в котором, несмотря на отсутствие погон и лампасов, невооруженным глазом распознавался очень боевой генерал. У "генерала" на плече сидел откормленный черный ворон. Нихерасе у комбата компания...

Полковник опустил в гостевое кресло напротив Пашкина.

— Лирику давайте опустим, Роман Александрович. Подписку о неразглашении Муравьев у вас отобрал. Так что, как писал предатель Резун-Суворов, выход из нашего аквариума теперь один. Только через трубу... — Голос у Климова был тихий и монотонный, каким обычно говорят люди, которым не нужны никакие усилия, чтобы привлечь внимание собеседника. Так что насчет "трубы" Пашкин особо даже не усомнился.

— Поверили? — вдруг улыбнулся полковник. Улыбка у него оказалась искренняя и чуть озорная. — Нет, пока еще все не так плохо. Да и "труба" для вас, в случае чего, станет просто карантинном. Отдаленный северный гарнизон, года на три, не дольше. Но чувствую, что это нам не понадобится. Сразу же отвечаю на первые два вопроса. Вы находитесь в расположении отдельного батальона особого назначения, командиром которого я являюсь. Вам предлагается должность заместителя начальника оперативно-розыскной группы. В нашей структуре зам. нач. ОРГ — это, в первую очередь, "полевой аналитик".

— Самолет специально за мной посылали, товарищ полковник?

— И да, и нет. В области работала наша группа. По своим каналам уточняли причины гибели Ту-160. Ребята обратили внимание на вашу активность. У нас как раз вакансия образовалась, вот капитан Петров и предложил вашу кандидатуру. Думали подождать недельку, пока операция не закончится, но вы сами нас подтолкнули. Решили побить горшки со своим командованием и преждевременно реализовать информацию, чем могли бы повредить делу. По Энгельсу работали экипажи, в резерве стоял свободный борт. Вот и приняли решение ускорить процесс.

— В части меня не станут искать с собаками?

— За это не беспокойтесь. Из управления КР ВВС уже пришел приказ о срочном откомандировании вас на учебные сборы.

— Хотелось бы все же чуть развернуто об обязанностях...

Полковник, не скрываясь, поглядел на часы. Командирские, первых выпусков, образца 1965 года, позолоченные. Купить такие в принципе невозможно, только получить как ценный подарок. Интересно бы посмотреть, что выгравировано на дарственной надписи...

— Подробнее о батальоне, его задачах и своих обязанностях прочитаете в документах. Ознакомьтесь, подписывайте. — Климов взял со стола и передал Пашкину тонкую пачку бумаг. — Только, пожалуйста, делайте это в холле, не обессудьте, очень много работы...

Покинув кабинет, Пашкин расположился в одном из кресел и углубился в чтение документов.

Верхним оказался Закон РФ "О войсковых формированиях особого назначения". Документ имел гриф "секретно". Текст закона был очень короткий. В пункте первом говорилось о создании Главного управления частей особого назначения (ГУ ЧОН). Пункт второй гласил, что части, подразделения и отдельные структуры ГУ ЧОН руководствуются

Положениями, которые утверждаются Президентом как Верховным главнокомандующим Вооруженных сил. Дата, подпись.

В политическом крючкотворстве Пашкин был не силен, но тут и ему понятно, что за хитрыми и обтекаемыми формулировками закона проступает чеканное слово "преторианцы". Что очень хорошо коррелировалось с фотографией в кабинете...

Следующим были "выдержки из "Положения про ОБОН "Ворон"".

Полное наименование: "Отдельный батальон особого назначения "Ворон". Индекс в открытых документах: войсковая часть МЧС 543219, пгт Энск Энского р-на Московской области. Официальное название: "Центр переподготовки личного состава и опытной эксплуатации образцов техники". Дальше из обтекаемого текста проступает и назначение — выполнение по распоряжению вышестоящего командования специальных операций, для которых по уровню секретности, сложности либо высокой боевой мощи противника нецелесообразно задействовать обычные подразделения МО, МВД и МЧС, как в пределах границ Российской Федерации, так и за рубежом. Ох и нехерасе... Вооруженных формирований, которым закон разрешает действовать и там и там, нет официально даже в Америке...

Несколько приложений дают понимание о том, как хитро батальон запрятан в государственную машину. Организационно он является штатной структурой МЧС. Оружие, техника и вся остальная матчасть, находящаяся в распоряжении батальона, числится на балансе концерна Росвооружение как "экспериментальные образцы" и "демонстрационные экземпляры", переданные на ответственное хранение либо на опытную эксплуатацию. Финансирование небоевых статей расходов осуществляется через Министерство спорта. Все вопросы обеспечения и жизнедеятельности батальона курирует лично один из вице-премьеров. Тут не то что вражеские шпионы — свои ревизоры из Генштаба год будут рыться-ничего не найдут...

Так, что дальше? Штатная структура. Тоже интересно и необычно. Штаб. Три ударно-штурмовых группы. Пять оперативно-розыскных групп. Экспертно-технический отдел. Служба вооружений и материально-технического обеспечения. Служба тыла и логистики. Отдельная группа связи.

Структура многое поясняет, так что у командира можно особо и не выспрашивать. Совмещение "полицейских" оперативных групп с усиленными ротами тяжелой мобильной пехоты — кузнец и молотобоец. Самая современная техника и оружие. В общем — микроармия для молниеносной локальной войны в любой точке земного шара. Решаемые задачи — судя по всему, от уничтожения захвативших здание террористов и до военного переворота в не самой мелкой стране. Попутно (судя по дислокации под Москвой) — усиление обеспечения безопасности первых лиц в случае катастроф и социальных потрясений.

Но самым интересным оказался метод комплектования. Личный состав батальона, за исключением командира и офицеров штаба, имеет статус "прикомандированных" из самых разнообразных ведомств. Но при этом все служащие подписывают контракт с ГУ ЧОН. В общем, если не знать всю кухню — черт ногу сломит.

Ага, вот и сам контракт. Срок действия — пять лет. Командир ВЧ, действуя на основании приказа начальника ГУ ЧОН с одной стороны... Бла-бла-бла... Рабочий день не нормирован. Гарнизонное размещение. За пределы части по личным нуждам только "с письменного разрешения непосредственного начальника". То есть, считай, как срочнику, по

увольнительным. Любая операция является выполнением боевой задачи. Это хорошо с точки зрения оплаты (боевые действия идут месяц за три), но скверно, исходя из Уголовного кодекса. Ибо ответственность за все нарушения — по нормам военного времени. Со всеми вытекающими. После завершения срока контракта на протяжении десяти лет как стандартному секретноносителю выезд за рубеж разрешен "только на танке". Условия расторжения — смерть, состояние здоровья, нарушения, несовместимые... Короче, не обманул полковник, только вперед ногами... Дальше стандартные крючкотворские пункты...

Кабальный договорчик, кто б спорил. Но в девяностых подписывал и похуже.

Последней в пачке бумаг оказалась бледная невзрачная ксерокопия, озаглавленная "Нормы довольствия и материально-технического обеспечения офицерского состава ОБОН "Ворон". Прочитав которую, Пашкин начисто охренел. И не только от того, что в графе "Утверждаю" и "Согласовано" внушительную колонну подписей и печатей венчал автограф вице-премьера...

Как выяснилось, "осназовцам" как "прикомандированным контрактникам" полагались, помимо стандартных "за звание, за должность" и собственно командировочных, еще пайковое довольствие и трехразовое бесплатное питание. Помимо этого, служебное жилье "по нормам ГУ ЧОН" (явно не три метра на человека), повышенные социальные выплаты пенсионные начисления и медицинские страховки, отдельные пособия на каждого из членов семьи и прочая и прочая...

В общем и целом, елозя пальцем по плохо пропечатанным таблицам с сухой цифирью, Пашкин прикинул, что реальный среднегодовой доход "майора осназа" на должности заместителя начальника ОРГ составляет такую сумму, что вопрос "подписывать — не подписывать" тут же стал риторическим...

В нескольких метрах раздалось легкое покашливание. Пашкин так увлекся смакованием вкусных цифр, что не заметил, как в холле объявился старший лейтенант Муравьев. Точно такой же, как и вчера в самолете, отутюженный и с пухлой папкой под мышкой. Сверкнув стеклами, сказал:

— Готовы уже, Роман Александрович? Тогда пойдете на подписание...

Эпохально-судьбоносное событие в жизни Пашкина прошло совершенно буднично. Климов, не отрываясь от экрана компьютера, черкнул на трех экземплярах в положенном месте короткий автограф. Потом на зеленом стикере, который ловко подсунул штабной старлей, так же лаконично написал "начштаба, в приказ" и, ни слова не говоря, вернулся к делам.

Муравьев ровненько прилепил стикер в левый верхний угол, упаковал экземпляры в папку и мотнул Пашкину головой, мол, пройдемте...

Штабные службы располагались здесь же, на первом этаже здания. Старлей извинился, попросил подождать в коридоре, нырнул в дверь, за которой, судя по всему, располагалась здешняя канцелярия, вынырнул с распечатанным текстом приказа, за пару минут пронес его по трем кабинетам, сбегал на второй этаж возвратился.

— Ну вот, командир подписал. Теперь печать поставим, и можно вас экипировать...

В течение следующего часа Пашкин, сжимая в руках файл со своим экземпляром контракта и ксерокопией выписки из приказа, был сфотографирован, дактилоскопирован, сдал кровь на анализ ДНК и прошел сканирование радужной оболочки глаза. После чего получил на руки удостоверение майора МЧС, а вместо привычного вороха всяческих

аттестатов и ордеров — скромную пластиковую карточку защитного цвета с длинным кодом.

Завершив все, как он сам их назвал, "необходимые формальности" старлей умелся по своим штабистским делам, передав Пашкина новому командиру.

Начальник оперативно-розыскной группы оказался тоже в майорском звании. Лет на пять помладше Пашкина. Чуть повыше ростом, посуше и почернее. При взгляде на него первой мыслью было: казак. Второй — одессит. Хотя, если разобраться, одно другому нисколько не мешает. Не восставшее еврейское же казачество, и слава богу.

Командир, влетев в коридор, протянул руку:

— Колчин! Валентин! Ну что, оформился? Тогда давай на завтрак, бикицер, а потом будем тебя одевать-снаряжать. Заодно и пообщаемся...

Офицерская столовая что по ассортименту, что по общему виду ничем не отличалась от обычного городского "быстрого" ресторана вроде "Дров" или "Елок-палок" — только никаких касс, шведский стол. Приложил карточку к турникету-вертушке и заходи.

Народу за столиками было десятка три — офицеры и сержанты, а рядовых Пашкин вообще здесь не видел. Да и понятно, какие, нафиг, рядовые в подобном подразделении? Не мотострелки же, и не десантники...

С первым расправились молча — еда оказалась сытной и вкусной. Пашкин не лез с расспросами, Валентин тоже молчал. Только за кофе коротко пояснил.

— Сейчас получишь форму, оружие и снаряжение. Все подгонишь, разберешь. После обеда, в шестнадцать, сбор группы в тактическом классе. Там и познакомимся, и представимся.

В тылах столовой обнаружилась немаленькая парковка, больше напоминавшая, пожалуй, стоянку при богатом московском офисе. Жлобских "Хаммеров" и понтовых "Порше" здесь не было, но и бюджетный парк из "Фокусов" и "Рено" отсутствовал как класс. "Патриоты", "Ландкрузеры" и "Тундры", перемежались с "Вольво" и "Ауди", что в целом вполне соответствовало окладам, прописанным в Приложении...

Валентин открыл дверь тентованного "Сузуки-самурая". Нравы здесь были патриархальные — ключ зажигания торчал в замке. Джип завелся, и Колчин со стремительной плавностью, выдающей опытного и хорошо подготовленного водителя, повел машину вдоль леса в сторону ангаров и служебных построек.

Первым номером экскурсионной программы оказался вещевой склад. Смешливый круглолицый сержант приложил карточку к сканеру, сравнил Пашкина с фото, после чего с проворством бердичевского портного безошибочно прикинул на глаз рост и размер и мигом скомплектовал майору "полную аммуницию", которая по примерке села на Пашкина, как влитая.

При складе обнаружился и утюжный пресс, и швейный автомат. Приставленная к ним девушка произвела всю необходимую подшивку и подгонку, так что к машине Пашкин вышел в новенькой полевой "цифре", держа в руках два плотно упакованных увесистых тюка, которые он с помощью Валентина затрамбовал в багажник.

Склад вооружения, совмещенный с тактическим полигоном и тиром, походил на уровень из футуристической игры-стрелялки навроде третьего "Дума". Цветные линии на стенах. Пятиметровые стеллажи с роботизированной погрузкой за стальными решетками. Тяжелые автоматические двери. Здесь уже одной фотографии было мало. Для того, чтобы пройти вовнутрь, Пашкину пришлось предъявить шайтан-ящику свой многострадальный

глаз.

Молодой прапорщик, встретивший их на входе, сразу же после того, как Валентин в двух словах представил нового сослуживца, понимающе кивнул и начал выкладывать на стол пистолеты. Один за одним.

У Пашкина было много разнообразнейших черт характера. Как положительных, так и наоборот. В повышенном милитаризме майор замечен не был. Но тут, при виде всего этого богатства, прямо руки зачесались.

Пашкин схватился за новомодный ГШ-18, в оружейку Энгельса еще не попавший. Взвесил на ладони, прикинул, как сидит в руке. Положил обратно, чтобы тут же схватить зауэровский П226. Потом — модернизированный до неузнаваемости Кольт 1911...

Валентин переглянулся с прапором-оружейником. Тронул Пашкина за плечо:

— Не жадничай, еще наиграешься с короткостволом, тир у нас открыт для всех. Лексеич остальное покажет, выбирай табельное. Отстреляете с ним потом. Пистоль сразу забирай, все прочее будет в твоём личном ящике после обеда.

— А?..

— Личный ящик в тактическом классе группы. Лексеич азимут даст, служба обеспечения сама все доставит.

Лексеич степенно кивнул.

Запихав в кобуру с первого прикосновения полюбившийся ГШ-18, Пашкин, уже переставший охренивать от всего этого буржуйского коммунизма, завершающий этап экипировки встретил без каких бы то ни было эмоций.

На складе технического обеспечения ему выдали полагающиеся по званию и должности средства связи — новенькую рацию, невзрачного вида мобильник, закатанный в плотную резину, и угловатый ноут, в котором Пашкин с удивлением признал последнюю модификацию "Эльбруса-ВМ", якобы еще находящегося в разработке...

— В ноуте есть доступ к складской базе с полным описанием всего оборудования, — сказал капитан-технар. — Что потребуется — закажете, вам доставят. Если найдете что-нибудь полезное, чего у нас нет, оставите сообщение в техническую поддержку. Постараемся раздобыть...

Едва Пашкин, сверяясь с бумажкой, где был написан пин-код, включил обретенный мобильник, как тот весело зазвонил, выдав на экран звание и фамилию абонента. Капитан Гусаков оказался начальником квартирно-эксплуатационной службы. Извинился, что половина коттеджа, выделенная Пашкину, еще не освобождена, так что товарищу майору два или три дня придется прожить в гостиничном номере. Пашкин, который после перевода в Энгельс ждал служебную однушку полтора года, почему-то возмущаться не стал...

Не успел майор нажать отбой, как ожила рация Валентина. Командир группы выслушал, коротко сказал "Есть!" и крутанул руль, заворачивая на дорогу, в конце которой виднелся штабной флагшток.

— Командир срочно требует. Сказал, чтобы я тебя с собой взял...

* * *

В знакомом уже кабинете собралось человек пять или шесть.

Пашкин с Колчиным под хмурый кивок полковника уселись в конце стола.

— Прежде всего, — сказал Климов. — Представляю нового замнач третьей ОРД. Пашкин Роман Александрович. Не вставайте, майор. Боевой опыт, отдел армейской контрразведки, первоклассный сыскарь-аналитик, который в одиночку впараллель с нами, но не имея доступа ко всей информации, почти раскопал теракт в Энгельсе. Еле остановили... Приказом отдан, допуск получил, при нем можно обсуждать все детали. Но собрались мы по результатам вчерашнего рейда. Начальник первой ОРД, доложи!

Отозвался капитан, сидящий ближе всех к командиру.

— Для тех, кто не в курсе. Моя группа, работая по Энгельсу и Саратову, вышла на организаторов теракта. Деньги и приказы, как выяснилось, исходили от Ахмета Шахнабаева. Полевой командир в прошлом мощной бандитской группы в четыреста или пятьсот человек, в последние годы потерявший почти все влияние и людей. Прячется в горах вместе с тремя десятками тех, кто по совокупности подвигов не может рассчитывать на амнистию. Год или два назад объявил себя "эмиром Кавказа". Претендует на создание единого государства на территории Чечни, Ингушетии и обеих Осетий. В активной деятельности последнее время замечен не был, но имеет плотные связи с небезызвестным профессиональным террористом Джамалем. Через которого, судя по всему, и финансируется. Совместно с ФСБ мы провели разведрейд для подготовки штурма на базу Шахнабаева. В ходе операции один из людей этого "эмира", давно завербованный ФСБ, потребовал внеплановой встречи с куратором и предложил в обмен за освобождение сидящего в зоне брата предоставить неопровержимые доказательства подготовки ядерного теракта.

— Решение было принято на уровне администрации президента, — продолжил полковник Климов. — Группа "Сирин" получила террориста в месте отбывания наказания. Он был осужден на пожизненное за бандитизм. Именно для этого и понадобился самолет. Тут же бандита отправили в Чечню, где был организован обмен. Наш представитель, ознакомившись с переданным материалом, счел, что речь идет действительно о реальной угрозе.

Командир повозился с компьютером и на ЖК-панели, висящей у входа, появилось изображение.

— ... *Вот чего мы хотим: Курдистан и Кавказский Эмират должны обрести независимость. Россия, Турция, Иран, Америка в течение десяти дней выведут с этих территорий свои войска. Совет безопасности ООН направит на границы новых государств миротворцев, которые будут обеспечивать их безопасность до окончательного формирования наших собственных Вооруженных Сил. Как только это случится, мы укажем местонахождение заложенных бомб. Но не раньше...*

Ролик завершился, и над столом повисло молчание.

— Намеренная утечка? — предположил один из участников совещания, невысокий подполковник с приметным шрамом, пересекающем левую щеку.

— Не думаю, — ответил командир первой группы. — Он говорит о взрыве постфактум... Похоже, что запись действительно готовили под теракт...

— Но пятнадцать зарядов, это же бред собачий!

— Пятнадцать — конечно, бред. А вот один не исключается.

— Атомная бомба у кучки чеченцев, которые два года не вылезают из подземелья?

— У них — нет. Но Джамаль...

— Что у вас есть по Джамалю? — спросил Пашкин, непроизвольно втянувшись в общее обсуждение. — Имя проходило по нашим сводкам...

— Курдский сепаратист, — обернулся к майору Климов. — В прошлом — один из офицеров ближайшего окружения Саддама Хусейна, специалист по "черным" операциям. Парадокс — Саддам с курдами враждовал люто — но вполне в тамошних традициях. Сейчас работает сам по себе. С курдскими партиями сотрудничает, но не сливается. Возглавляет глубоко законспирированную отлично подготовленную группировку, которая себя позиционирует как самая радикальная среди всех курдских формирований. На самом деле занимается профессиональным терроризмом. По неподтвержденным данным, ряд операций осуществил по заказу правительства США. Детали в базе найдешь.

— По словам информатора, — добавил командир первой группы, — у "эмира Кавказа" началось какое-то необычное оживление. Он улетал ненадолго, возвратился с этим вот роликом.

— Дыма без огня не бывает... — протянул Климов, пробарабанив пальцами правой руки по обрубку мизинца на левой.

— Именно! — сказал подполковник. — В антитерроре оценивают вероятность того, что у Джамалю вдруг завелся боеприпас, примерно в один процент. Но и один процент — очень много.

Колчин потер подбородок.

— В общем, — сказал Климов, — задача обычная и простая. Проверить базу Джамалю, благо, ее местонахождение коллегам выяснить удалось. Прилететь. Подавить сопротивление. Взять всех, кто там окажется. Вдумчиво опросить. Всех, кто нужен — вывезти. Саму базу на предмет документов с уликами — ситом просеять.

— А если там бомбы нет, и никто ничего не знает? — спросил Пашкин.

— Сомневаюсь. При вдумчивом дознании всегда найдется человек, который что-то видел и что-то слышал. А вот если мы будем на жопах сидеть, а бомба вдруг где-то взорвется... Собственно, ФСБ и сама бы решила этот вопрос, но проблема в том, что базе Джамалю, по их сведениям, расположена на территории Турции. Принято решение направить туда первую штурмовую и ОРГ "Алконост". Тебе лететь, Васин!

— Есть! — сказал суровый подполковник со шрамом через щеку. По всей вероятности, это и был командир первой штурмовой группы.

— Есть! — сказал майор Колчин.

"На жопе шерсть, — подумал майор Пашкин. — Так значит, я зам начальника ОРГ Алконост", — и молча кивнул.

Спрашивать "А я?" новоиспеченный майор осназа не стал. Не нужно быть аналитиком для того, чтоб просчитать ситуацию. Его на это совещание пригласили, и тут же поручили операцию именно его группе. Явно не для того, чтобы он "принял к сведению". То есть берут на борт.

Стало быть, ждут в ближайшие часы господина майора не бытовые суеты по обустройству, а, как предупреждала одна саратовская цыганка, завербованная в штатные стукачи: "Дальняя дорога, пиковый интерес и трефовые хлопоты". Подписал блин, контрактец...

Что же, новая служба, по крайней мере, обещает быть не рутинной.

7. Out of Control

В Белом Доме принято было полностью менять всю обстановку в кабинетах (за исключением, конечно, Овального) при въезде новых хозяев. Морган, который после зачистки иракских музеев считал себя чуть ли не дипломированным искусствоведом, не поленился лично посетить закрытое хранилище Библиотеки Конгресса, откуда высшим чиновникам президентской администрации разрешалось брать статуи, картины для "индивидуализации интерьера".

Выбранная картина принадлежала кисти известного баталиста середины девятнадцатого столетия. Небольшое, примерно пятнадцати дюймов в ширину полотно изображало малопочтенный эпизод американской истории, а именно пожар в резиденции президентов, устроенный британскими морпехами в 1814 году.

Причины, по которым это полотно не стало известно широкой публике, было более чем очевидно — художник изобразил не просто пожар, но унижение "демократии" армией Непобедимой Империи. Красные мундиры британцев на фоне пылающего здания произвели на советника столь неизгладимое впечатление, что через два дня картина уже висела у него на стене.

Сотрудники администрации и немногочисленные посетители искренне считали, что новый советник Президента по вопросам национальной безопасности таким образом напоминает о том, сколь важную должность он занимает и какую угрозу должен предотвратить своим нелегким трудом на благо отечества. Сам же Морган, особенно ближе к вечеру, бросая взгляд на картину, самым искренним образом желал гореть алым пламенем этому средоточию бюрократии и интриг вместе со всеми его обитателями.

С первого дня пребывания на посту ему не нравилась атмосфера Дома, внешне степенная и деловая, изнутри — подленько-суетливая. На первый взгляд, по-американски открытая, но скрывающая множество темных тайн и интриг. Вот и сейчас, сидя за удобным столом, он чувствовал себя одинокой скалой посреди бурного потока — повседневная суэта администрации обтекала его, не затрагивая и не увлекая.

Моргану было страшно.

Будь проклят Чед Аскинс с его "страховкой", способной во мгновение ока уничтожить весь тщательно разработанный замысел! Но страх Моргана был вызван отнюдь не смешными интригами старого лузера. Главная проблема состояла в том, что Джамаль, получивший описание проблемы "мертвой руки" с пожеланием решить ее как можно скорее и любым способом, в который раз не вышел на связь.

Аскинс, покинув вчера утром квартиру, не вернулся в свой киевский офис, а поиски его не принесли результатов. Никакие разоблачения при этом не объявились, стало быть, Джамаль выполнил поручение.

Директор ЦРУ, узнав об исчезновении украинского резидента, все понял. Он явно колебался, готовый снять сливки при удаче заговорщиков, но не собиравшийся рисковать и делить горький удел с проигравшими. Так что теперь все зависело от того, как справится со своим делом заносчивый и кровожадный курд...

Дверь кабинета раскрылась. На пороге стоял вице-президент, всем своим видом говоря, что вот, мол, проходил по своим делам, заглянул по дороге...

— Доброе утро, Виктор! — радушно приветствовал он советника. — Ты с самого утра

на службе, это похвально! Прямо как во времена моей молодости, когда мы, можно сказать, ночевали на работе. Были времена...

— Да, дела, сплошные дела...

— Что-то случилось? — заботливо поинтересовался непрошенный визитер. — Надеюсь, ничего существенного?

— Все в порядке, много работы, — неопределенно отозвался советник, в ужасе гадая — не успел ли Аскинс каким-то волшебным образом связаться с вице-президентом. Вот где была бы полная катастрофа...

— Понимаю, — слегка кивнул вице-президент и перешел к делу. — Что ж, могу тебя порадовать. Сенаторы и конгрессмены у нас в кармане. Все сто процентов этого стада в Капитолий, может, и не удастся согнать, но кворум будет обеспечен.

— Это хорошо, — сдержанно порадовался Морган. Что бы там ни утверждали "специалисты", на запись разговоров в Белом Доме был наложен жесточайший запрет, но все равно Виктору стало не по себе от такой откровенности. И от определенного сюрреализма — заговор против президента обсуждался в его собственной резиденции. Впрочем, советник не подал виду и поддержал собеседника:

— Общественное мнение начнет формироваться раньше, чем опомнятся правительства.

— Гораздо раньше, приятель. И "не начнет формироваться", а будет сформировано. Лучшая в стране пиар-группа вторые сутки сидит на бывшей базе ВВС под надежной охраной и готовит настоящую информационную бомбу.

— Да, я в курсе. Главный слоган следующей недели: "Звонок русскому президенту опоздал на четверть часа".

— Это будет настоящее театральное действо, — в вице-президенте погиб драматург, с таким энтузиазмом второй человек в Штатах описывал грядущее шоу. — Наши народные избранники будут ошарашены и проголосуют за что угодно, хоть за абсолютную монархию. CNN уже вовсю готовит сорокавосьмичасовой телемарафон. Они раскатают по миру потрясающую историю, телезрители будут в восторге. Кстати, спасибо тебе за идею с... тем молодым человеком.

— Пригодилось все-таки? — советник невольно улыбнулся, вспомнив дурацкую физиономию Берковича на фотографиях в личном деле.

— Еще как! Юноша, являющийся воплощением идеалов своей великой страны! Истинный сын американского народа, который пребывал на скромном, но ответственном посту, на переднем крае борьбы с врагами демократии. Он случайно узнал о бесчеловечном замысле международных террористов и трагически погиб. Но упавшее знамя подхватили его соратники... К тому же, у него совсем не осталось родственников и нет близких друзей, так что некому будет требовать компенсаций и давать ненужные бесконтрольные интервью...

— Значит, скоро все будет готово? — осторожно спросил Морган. Ему не очень нравилась внезапная словоохотливость собеседника, но Виктор отлично понимал ее истоки. Действительно — человек слаб и каждому хочется, чтобы хорошо проделанная работа была оценена по достоинству понимающими знатоками.

— Да, в дело запущена огромная машина. И даже если проклятый кусок плутония не соизволит взорваться, это будет неприятно, но, в сущности, неважно. Бомбу все равно обнаружат и, следовательно, угроза террористов — это не пустые слова. В общем, выполни то, что должен, и нас ждет великое будущее.

Закончив на этой пафосной ноте, вице-президент неожиданно и очень душевно

поинтересовался:

— Кстати, как обстоит твоя часть работы?

— Все идет, как и было запланировано, — коротко отозвался Морган.

— Этого недостаточно, — мягко, но с ощутимым напором сказал гость. — Я бы хотел больше подробностей.

Советник с трудом удержался, чтобы не закусить губу, настолько отчетливо в сказанном "я" прозвучало "мы". Отчетливо и угрожающе.

— Где и когда состоится акция? — вице-президент продолжил давить стальным кулаком в бархатной перчатке. — Мы хотим больше определенности и точности с твоей стороны. Насколько я понимаю, возникли некоторые... задержки?

— Все идет в соответствии с планом, — повторил Морган, подавляя мгновенную вспышку злобы. Собеседник притащился со своими пожеланиями и вопросами в самый неподходящий момент, все внимание советника было поглощено треклятым Аскинсом и молчанием Джамалья. Однако вице-президент явно не был намерен удовлетвориться краткой отговоркой. Он молча и выжидательно улыбнулся, но улыбка вышла откровенно натянутой, более похожей на злобный оскал.

— Виктор, еще раз повторю, мы хотели бы больше информации и больше определенности, — сказал вице-президент, и в голосе второго человека официальной государственной власти отчетливо звякнул лед, как в стакане с виски. — В нашем проекте тебе отведена очень важная роль. Но он не является твоей личной вотчиной.

Теперь оскалился уже Морган, оценив посыл — вице-президент прямо указывал на подчиненное положение советника, участвующего в "нашем проекте". В иных условиях Виктор немедленно парировал бы выпад, ненавязчиво, но внятно обозначив свою значимость. Но сейчас любой конфликт был противопоказан, так как неминуемо потребовал бы подробного отчета об успехах. А именно этого Морган сейчас позволить себе не мог.

Проклятый Джамаль...

— Небольшая задержка и коррекция замысла. Это тактическая проблема, она не повлияет на конечный итог, — вымученно проговорил советник, делая ударение на слове "коррекция" (ни в коем случае не опасное, плохо звучащее "изменение"!.) Впрочем, вице-президента не впечатлила игра словами, даже упоминание модной "тактикульности". Видя его кислую физиономию, Виктор добавил, еще более вымученно:

— Чтобы все осталось в тайне, сейчас и впоследствии, придется принимать экстраординарные меры обеспечения безопасности. И зачищать все возможные следы, не считаясь с персонами и условиями. Это непросто.

Вице-президент внимательно обдумал услышанное. Очевидно, он понял, что в сложившихся обстоятельствах больше из Моргана не выжать. И сказал:

— Советник, не буду вновь повторять, как важно то, что мы делаем... совместными усилиями. Надеюсь, вы разрешите все... тактические проблемы. И сделаете это быстро.

После чего он покинул кабинет, а Морган обессиленно откинулся на мягкую кожу спинки кресла. Виктор оценил тон вице-президента в финальном пожелании — холодный, как снег на полюсе, сухой, как песок в пустыне. И то, как было подчеркнуто слово "советник", пустое и безликое, в противовес уже привычному обращению по имени. Вице-президент дал понять, предельно ясно и откровенно, что очень недоволен. Недоволен и обеспокоен, поэтому Виктору следует как можно быстрее исправить все, что пошло или могло бы пойти не так.

Морган потер горячие виски, и ему показалось, что мягкие, холеные подушечки пальцев царапают кожу головы, как грубые мозоли. Череп раскалывался от мигрени, которую не могли унять никакие медикаменты.

Виктору было страшно еще до прихода вице-президента. Теперь же его состояние качнулось от страха к плохо контролируемой панике и кромешному ужасу.

Моргану было не впервой ввязываться в авантюры, в том числе и с вполне осязаемым риском для жизни. Взять хотя бы иракскую охоту за предметами искусства среди объятной войной страны. Поэтому в нынешнее предприятие он включился достаточно быстро, рассматривая его как опасную игру с большими рисками и большими ставками. Но понятие "риск" в данном случае имело достаточно условное содержание.

Теперь же он в полной мере начал осознавать, что провал не просто возможен, но очень возможен. А в случае неудачи расплата будет быстрой и по-настоящему страшной, поскольку под ударом окажется не человек и даже не группа, а сообщество. Которое способно очень щедро вознаграждать за удачу, но не умеет прощать. И от осознания того, что сейчас судьба всего предприятия находится в чужих руках, Моргану хотелось завывать.

Однако он все еще был Виктором Морганом, советником президента США. Человеком, который сам выковал свою судьбу, преодолевая многочисленные препоны. Морган умел бороться и не собирался сдаваться. Немыслимым усилием воли он отодвинул липкий, мерзкий страх и чувство бессилия подальше, в самый дальний угол сознания. Если он проиграет, еще будет время страдать, паниковать и предаваться слезливой жалости.

Нет, он еще не проиграл, далеко не проиграл. Джамаль молчит, но бешеный террорист умен и должен понимать, что неудача покровителя — это и его собственное поражение.

Хорошо, когда ты знаешь что-то о своих "коллегах", а они об этом не догадываются. Джамаль был уверен, что его логово в Курдистане скрыто от всех. Что никто не знает, где находится главная нора террориста.

Но Морган знал.

Советник долго думал. Точнее, не столько думал — само решение обозначилось быстро — сколько оттачивал формулировки и продумывал грядущий разговор. И, наконец, связался с плавбазой "Эльдорадо".

Мэтью ответил почти сразу и был против обыкновенного сдержан, мрачен, без тени привычного радушия. После того, как Морган коротко изложил свое требование, командующий ответил еще более лаконично:

— Нет. Это — только по приказу с самого верха. Никаких устных распоряжений и общих толкований. Официальная бумага с подписью президента.

Виктор украдкой вздохнул. Именно этого он и ожидал, хотя все же надеялся, что военно-морской коллега окажется мягче и сговорчивее.

— Ты с нами в одной лодке, — как чуть ранее вице-президент подчеркивал это "мы", теперь и Морган тем же образом старался донести до собеседника понимание масштаба и важности момента. — Назад сдать уже не выйдет.

Но надавить на генерала не получилось, проклятый военный слишком хорошо понимал свою незаменимость. И соответственно не собирался рисковать ни на йоту больше необходимого.

— Направить группу спецназа с боевой задачей на территорию Турции? И все это по щелчку пальцев политика второго звена?

Морган сжал зубы, но проглотил неприкрытое оскорбление. Впрочем, мысленно он

пообещал со временем припомнить "другу" этот момент.

— Это не просто незаконно, — вещал меж тем генерал, — это еще и невозможно скрыть, случись что не так. Слишком много людей, бумаг и свидетелей. Одно дело — рискнуть на последней ставке, чтобы при удаче сорвать банк и покинуть казино. На это я был готов. А ты сейчас предлагаешь рискнуть всем на промежуточной стадии. Это я сделаю только по прямому приказу "Ковбоя". Добудешь бумагу — к твоим услугам хоть вся база. Но никак иначе.

Разговор завершился быстро и скомкано.

— Распоряжение будет, — пообещал Морган с уверенностью, которой сам не чувствовал. На том беседа и завершилась.

Виктор снова потер виски ладонями. Что ж, по крайней мере напарник по спасению иракской культуры не отказался сразу и не пообещал выйти из состава заговорщиков. Уже хорошо.

Удар по базе сделает Джамалю сговорчивым. А если он окажется там, то все концы окажутся надежно обрезаны. Это — крайний шаг. В случае неудачи советника, скорее всего, выкинут из администрации, исторгнут из рядов клана "оружейников" и вообще навсегда закроют путь к власти. Но, по крайней мере, он останется в живых, а не сгинет, как очередной Кеннеди^[48].

Но для этого нужен приказ президента, разрешающий применение военной силы — пусть и ограниченное — на территории дружественной страны. Настоящий приказ.

Подобные операции, в принципе, дело не исключительное, и если Плаксивому Ковбою расписать ситуацию в нужном ключе, упирая на вероятную угрозу ядерного теракта, то он, скорее всего, подпишет распоряжение. Но может и отказаться.

Морган тяжело вздохнул, думая о том, сколько забот приносит один-единственный исполнитель, который начинает думать и действовать не вовремя. Советник, поглядев на картину, искренне пожелал Аскинсу и Джамалю гореть в аду. После чего стал прикидывать, как будет решать вопрос с президентом.

8. Погоня и Санта-Барбара

Мой "Опелек" стоит там, где оставил, поэтому обратная дорога из Руси в Киев проходит без происшествий. Не считать же неприятностью легкий занос на трассе. В столб не впилился, и слава богу.

На Киевской базе долго задерживаться не планирую. Да и не получится, время не ждет. Влезу в душ, поменяю шмотки, прихвачу с собой Берковича. Вторым водилкой, а в случае удачи — свидетелем.

Чтобы не будить свою инвалидскую команду, ограничиваюсь СМСкой для Милы: "Выехал, скоро буду. Готовьте цыган и медведя". Проснется — прочтет.

Покрутившись по дворам, нахожу место, где можно припарковаться, топаю к дому с рюкзаком на плечах, поднимаюсь на лифте. Гадкое какое-то предчувствие у меня, однако и ситуация не из самых веселых, да и устал я за двое суток, проведенных словно внутри боевика Джона Ву. Тут любому что хошь почудится...

Открываю два замка, захожу. Хоум, свит его мать, хоум...

Не спят. На стук замка Мила выглядывает из кухни, Жужик — из комнаты. Вид у обоих взъерошенный. Во взглядах — радость вперемешку с непонятным испугом. Только сейчас понимаю, как я устал... Опускаю на пол рюкзак, разубаюсь и молча топаю в ванну. Сначала нужно смыть грязь и кровь, потом уже будем общаться с трудовым коллективом.

Выхожу после душа совсем другим человеком. Теперь поесть, довести личному составу оперативную обстановку — и в дорогу. Перекемарить смогу и в машине...

И тут мой разум, слегка расслабившись, начинает регистрировать множество мелких несоответствий. Мила, все дни ходившая в трусиках и футболке, зачем-то вырядилась в свой улично-показушный прикид анимешницы и громыкает посудой, нервно шуруя на плите. Алан Пиндосович Беркович, не отрываясь от экрана, чуть ли не целиком прячет физиономию в чашку с мерзким пакетированным "три-в-одном". Но такое впечатление, что прислушивается к происходящему всей спиной, прямо как нашкодивший кот. И оба-два предпринимают поистине героические усилия, чтобы не встречаться со мной взглядами.

В общем, возникает ощущение — что-то здесь не так... Возникает и терзает. Притом, это что-то очень сильно "не так". Между ребятами в мое отсутствие определенно что-то произошло.

Гребанный в душу по голове! Неужели Алан про убийство Милкиного отца проболтался? Хотя нет, вряд ли. При таком раскладе дело бы не ограничилось просто бойкотом. Мила, конечно, девочка домашняя и культурная, но после всех минувших событий, сдается мне, Жужик при такой откровенности уже хрипел бы под батареей со сломанной шеей, ножом в печени и оторванными яйцами.

Так, а оно мне надо, вот это гадать, что случилось? Нет! Нафига гадать, если можно узнать? Совсем мозги пропил, ведь это азы профессии... В подобных ситуациях надо действовать быстро и неожиданно, чтобы подследственный, застигнутый врасплох, сам признался во всем, не успев и сообразить толком, что же произошло.

Захожу в зал, грохаю по столу кулаком и, впериw прокурорский взгляд в америкоса, нависаю над ним и рявкаю:

— Ну, и? Как ты собираешься всё это объяснить?!

Сработало!

— А что я?! — испуганно шмыгая носом, бормочет в ответ Жужик, раскальваясь сразу и до конца, как Буратино под циркуляркой. — Мы уже спать собирались. Перед этим телевизор смотрели. "Лонгер" выпили... — Берковича явственно передергивает.

Вот интересно, кстати, а где они этот "Лонгер" взяли? Не помню его как-то в списке покупок. Стало быть, был нарушен прямой приказ. Или Милка в прошлый раз еще взяла, а я и не заметил?

— Дальше! — злобно подбадриваю его, а то вьюнош малость замялся.

— А тут вдруг, без всякого объявления и без маркера фильм начался. Эротика. А у неё... — Алан нервно дергается в сторону Милы. Оказывается, девчонка на мой голос примчалась с кухни и застыла в дверях. Она поджимает губы и опирается на косяк. Вид у нимфетки с одной стороны вызывающе-бесшабашный, а с другой — отчетливо виноватый...

Беркович шумно сглатывает и продолжает с видом дайвера, который готовится поставить рекорд в погружении. С гирей на шее и бетонной плитой в ногах.

— У нее под футболкой не было ничего...

Толком не осознав, о чем говорит пиндос, оборачиваюсь на Милу. Несовершеннолетняя домоправительница, подрастеряв весь кураж, замирает в дверях, боясь даже пошевелиться.

А до меня постепенно доходит, о чем идет собственно идет речь. Фактики и факты, словно похабно-эротический паззл, складываются в цельную картинку. На которой лопухий прыщавый чмырь, вот на этом самом диване суетливо стаскивает штаны и заваливается на девчонку, которую я уже свыкся считать "своей". А "своя", судя по всему, не сильно и возражает...

Мыслей появляется много и сразу. Все они явно отражаются у меня на лице, так что Жужик бледнеет, а Мила краснеет. Пока я пытаюсь понять, что же следует сказать вслух, — не поздравлять же этих сволочей, в самом деле! — девчонка, а если быть точным, уже стопроцентно молодая женщина, пулей улетает на кухню и закрывает дверь.

Жужик тем временем сидит, вцепившись обеими руками в диванную подушку. Ждет, наверное, паршивец, что я его в окно вышвырну. "Что, не дыссис? А час назад как дысал, как дысал!" — ну почему в подобных ситуациях в голову непременно лезут какие-то пошлые бородатые анекдоты!?

Ошеломление переходит, наконец, в осознание, и меня охватывает почти неуправляемая ярость. С большим трудом останавливаю порыв, ухватить поганца за шкирки, да не вломить хороших и качественных пиндюлей. Но, слава богу, справляюсь.

Главным образом потому, что Берковича банально жалко трогать. Убью еще, ненароком. Интересно, а как сама то ли жертва насилия, то ли коварная соблазнительница воспринимает произошедшее? Судя по тому, что встречали они меня, разбежавшись по разным комнатам, и Жужик при этом не плотный завтрак наминал, а "одноразовый" кофе хлебал, то вряд ли положительно. Видно, положил неудачно... Тьфу, блин!

Весь этот поток сознания вызван очень простой причиной. Я растерян, по-настоящему и без дураков. Который день собирался с Милой поговорить, выяснить, что у нас с ней было той идиотской ночью. И, если было — то продолжить, если не было — то начать. Я ведь здоровый мужик, неделю уже непьющий, так ведь можно и озвереть... Вот и озверел, блин! Пока ты подвиги совершал, девчонка, похоже, сама все вопросы и порешала...

Теперь я просто не представляю, как себя вести и что делать дальше. То ли играть роль старшего брата, вынужденного "строить отношения" с плюгавым чмошником, только что трахнувшим любимую сестру. То ли встать в позу оскорбленного любовника — рогоносца...

— Уиктор, — плаксиво ноет Беркович, отвлекая от фрейдистско — садистских рассуждений самого мрачного толка, — Я уже знаю, что Милли несовершеннолетняя. Что теперь будет со мной?

— В тюрьму тебя, дурака, посадят, — продолжая размышлять о своем, автоматически бросаю в ответ.

Мальчишка сереет.

— Но... Но я же не знал! Не хотел! То есть, хотел, конечно! Ведь у нас все получилось, но я не желал! Точнее, не предполагал... — дурень окончательно путается, но, в конце концов, его поганые мысли приобретают определенное направление. — Я ведь могу на ней жениться!

Беркович на глазах расцветает от осознания собственной эпической крутизны и тут же, ни с того, ни с сего, добавляет, разом обесценивая предыдущий светлый порыв души:

— Как ты думаешь, а суд учтет, что я находился под воздействием медикаментов и в состоянии аффекта?

— Суд все учтет, — цежу я, радуясь, что ПБ не на поясе, а в рюкзаке. — И то, что ты сам находился в состоянии алкогольного опьянения, и что потерпевшую спойл предварительно...

Алан пучит глаза и пытается прокашляться, чуть не подавившись своим пойлом.

— А насчет свадьбы, это ты вообще офигительно придумал! — меня начинает нести. Вывели они этим своим поступком из равновесия душевного! — Главное, что родительского благословения просить не надо. Папа у невесты умер-то ведь. При странных обстоятельствах!

До помраченного сознания доморощенного растлителя малолетних не сразу доходит, про что я говорю. Но когда доходит — глаза пучатся, а морда и вовсе ровняется цветом с белой чашкой, которую стебарь-перехватчик продолжает сжимать, как спасательный круг.

— Действительно! — шепчет Жужик. — А я и забыл уже... Но я готов искупить!

Еще немного, и он разревется. Захлебываясь слезами, наматывая соплю на тощий кулак. Тьфу, блин. Мерзость, а не человек. Мокрица, блин, заплинтусная. Искупитель херов. Я встречал разных убивцев, но плаксивого и совестливого одновременно — вижу впервые.

В английской разговорном я не силен. Но сказать "Фиг с тобой, Беркович!" у меня получается. Звучит, это, правда как "You is fucking bastard, Berkovich!"

Жужик дергается, но оскорбление проглатывает. Судя по выражению лица, Алан страстно хочет провалиться сквозь землю. Или сгореть в ангаре посреди аэродрома...

Да фиг ли мне все эти страдания юного Жужика? Чувствую себя даже не оплеванным, а обосранным. Остаться под одной крышей со сладкой парочкой и вести душные пустые базары мне хочется примерно так же, как прижаться голой задницей к раскаленной сковородке. Не знаю, как с Милой заговорить. И вообще, сейчас бы пузырь накатить и по бабам. Стресс снимать и проводить интенсивную терапию против обострения хронического спермотоксикоза...

Мое несчастное, изглумленное Фрейдом подсознание, цепляется за эту мысль, как за спасательный круг... Бабы, водка, всепонимающая компания в кабаке, где можно часами изливать душу, только не забывай наливать новым друзьям... И хер с ней, с бомбой, куда бы эти чечены ее ни повезли из Прилук.

А вот, кстати, куда? Инженера в Русу доставили, стало быть, по меньшей мере оценивали рабочее состояние. Взорвут ведь, уроды, как пить дать взорвут. Вот только где и

когда?

Ловлю себя на том, что родное сознание включается в работу и быстро забивает мысли обо всей этой ЦРУшно — русинской Санта-Барбаре в дальний угол. После коротких, но интенсивных раздумий первоначальный план — взять с собой Жужика — оставляю без изменений. Девчонка может подумать, что я увожу его на убой, но это ее проблемы. Достаточно со мной времени провела, чтобы понять — с гражданскими и убогими не воюю.

— Внимание! — объявляю на всю квартиру протокольным голосом отца-командира. — Всех прошу собраться на совещание.

Из кухни приходит Мила. Закусив губу, старается на меня не смотреть. Подчиняясь моему жесту, падает на стул, подальше от Алана. Опуская подробности, отчитываюсь о проделанной работе. Правда без тонкостей и подробностей. Котельников допрошен и покаялся, бомбу вытащили и увезли, скорее, в Прилуки. Таковую же, но с перламутровыми пуговицами, в смысле с чеченами и инженером. Так что будем искать.

Информацию о том, что Берковича я забираю с собой, оба нашкодивших подростка принимают с явным и плохо скрываемым облегчением. Мой ответ на вопрос "что же мы будем делать дальше?" их вполне устраивает. По крайней мере пока.

Пока Беркович пакует зубную щетку, инструктирую девчонку на случай, тфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, "атомной войны".

— Сиди в квартире и не отсвечивай. Когда определимся, я сам выйду на связь. Если не объявлюсь в течение двух суток, или в новостях покажут, как меня, к примеру, под белые руки в автозак суют, ну или... еще катаклизм какой-то произойдет — то в Русу не возвращайся ни в коем случае. Рви когти в Брянск к тетке. Оставшиеся деньги — в морозилке, при экономии тебе на полгода, а то и год вполне хватит. Ну а дальше — по обстоятельствам.

На глазах у Милы наворачиваются слезы, но она все так же избегает моего взгляда.

Базу покидаем без завтрака, я, как мог, подгонял Берковича, а Мила не предложила. За время моего отсутствия капот "Опеля" еще не успел остыть...

* * *

Голод не тетка. Завтракаем на веранде небольшой уютной шашлычной в нескольких километрах от Киева. Сидим на сквознячке за столиком, нас обслуживает полногрудая улыбчивая девушка в вышиванке — кафешка-то с уклоном в национальную тематику — тын, подсолнухи, рушники.

Официантка усиленно заигрывает, чего я стараюсь не замечать. С одной стороны, оброс щетиной, как дикобраз иголками — куда там с девушками знакомиться. С другой — времени катастрофически мало, чтобы "легкий деревенский флирт" разводить... А так, готов хоть сейчас в подсобке...

— Нам, пожалуйста, вот этого и вот этого. И, будьте добры, аджички. Майонеза не надо, спасибо!

От сделанного заказа у Жужика лезут на лоб его бесстыжие зенки.

— И ты это все съешь?

— Кто как работает, тот так и ест! — снисходительно хлопаю Алана по костлявому плечу. — Тебе чего?

— Можно мне два гамбургера, картошку-фри с кетчупом, маленькую колу и кофе без

кофеина?

Несколько секунд тупо смотрю на американца, пытаюсь понять, всерьез он или сугубо из вредности. Но, если верить сосредоточенному прыщавому лицу, то он на самом деле хочет именно этого.

— А водки тебе безалкогольной не требуется?

Беркович, в свою очередь, недоуменно хлопает глазами, изображая барана у новых ворот.

— Вот этому инсургенту, — невоспитанно тыкаю пальцем в сторону Жужика, — кручеников, жареной картошки и квас, только не магазинный, если есть.

— У нас свой! — вставляет официантка, добавляя во взгляд поволоки.

— Тогда два. И, будьте добры, в темпе вальса. Нам ехать надо.

Привычная к вечно торопящимся автомобилистам, девушка понимающе кивает, затем испаряется, не забыв улыбнуться мне напоследок и повертеть по дороге крепкими ягодицами.

Возвращается она быстро, а еда оказывается на удивление вкусной. Прихлебывая квас, отдуваюсь после вареников. Здесьними двумя порциями в любом киевском фаст-фуде можно накормить человек пять-шесть. А уж если считать в берковичах и милахсербиных, то и вовсе десяток.

Закончив с приемом пищи, в ожидании, пока Беркович вернется из туалета типа сортир, тыкаю пальцем в экранчик навигатора, запрашивая информацию про географический объект.

"Прилуки — районный центр Черниговской области, крупный железнодорожный узел. Расстояние от Киева — 135 километров, население 61 000 человек. Рядом с городом располагается бывший военный аэродром, на котором базировались стратегические бомбардировщики Ту-160",

Грустно вздыхаю и машу официантке, чтобы принесла счет.

Беркович отправляется досыпать на заднее сиденье, где, как не повернись, через полчаса что-нибудь да затечет. Посмотрим, что ему приснится. Будет стонать — выкину нахер! Сворачиваем на черниговскую трассу. По ходу дела провожу общий анализ ситуации. Точнее, заново прокручиваю в голове уже обдуманное — не ошибся ли где, не упустил ли чего.

Когда-то меня в те края заносило. Так что состояние дорог примерно помню. С какой скоростью идет по колдобинам перегруженный МАНовский тягач с негабаритным грузом? От силы шестьдесят километров в час. По маршрутному листу они пошли в обход Киева, через левый берег. Логично, ибо в столице гайцы позлее, так что нарваться на любые нештатные неприятности можно на раз. От Русы до Канева примерно полтинник, да от Канева до Прилук километров сто пятьдесят. То есть максимум часов шесть ходу. Рассчитывать, что догоним на этом отрезке, не стоит изначально.

Могли они подстраховаться и сделать по дороге перегрузку? Еще и как могли. Я бы точно перегрузился, чтобы со следа сбить. Но с другой стороны — это еще одна машина и кран, которые нужно еще раздобыть. Так что узнать об этом мы можем только в пункте назначения. А вот дальше — совсем другое дело.

Может быть, я чего-то и не знаю, но районный центр, в котором после уничтожения аэродрома самый крупный стратегический объект — это табачная фабрика, никак не тянет на цель для масштабного теракта. Стало быть, там "изделие" перегрузят и повезут куда-то

еще. И это не может не радовать. Городок небольшой, а бетонная мостовая ферма — не иголка в стогу сена, на тачке ее не утянешь. Таким образом, число дорог, по которым может пройти большегрузный тягач, не так уж и велико. И почти на каждой из них имеется пост ГАИ.

Расталкиваю Берковича на подъезде. Лопухий герой-любовник всю дорогу проспал сном праведника, и, к моему огромному огорчению, не видел ни кошмаров, ни эротики.

— Тебя в школе ЦРУ GPS-навигацией пользоваться учили?

— Это единственный предмет, по которому я получил "Б"!

— А по всем остальным "Эф" или что там у вас вместо двойки? — ехидничаю я и передаю навигатор. — Раз такой умный, то включай и отслеживай наше местоположение.

— Сэр, йес, сэр! — неожиданно рывкает Алан, сообразив зачатками своих пубертантных мозгов, что он, конечно, еще мною не прощен, но уже получил статус вставшего на путь исправления.

Ну вот, наконец, Прилуки. Сворачиваем на объездную, которая ведет на бывший военный аэродром. Где-то там, если верить проездным документам, прописан получатель "бетонной фермы" — некое ООО "Калдай".

Поворот к аэродрому традиционно не отмечен никакими указателями, и если бы не Беркович с навигатором наголо, завякавший из-за спины, мы бы его точно пропустили. Вскоре перед нами открывается летное поле. Вернее то, что от него осталось.

Взлетная полоса здесь, в отличие от Русы, была не цельнобетонной, а состояла из аэродромных плит. Когда-то состояла. Сейчас здоровенный аэродром превратился в огромный пустырь, на краю которого прилепилась небольшая промзона. Ага, а вот и нужный автопарк, где прописан наш длиномер. И вывеска "Калдай" у ворот, стало быть, правильной дорогой идем, товарищи!

Вылезаю из машины и топаю ножками, оставив американского инвалида разведывательного труда в машине. Парк обнесен сетчатым забором, на территории стоят четыре большегруза. На одном разбираю номера из заводских документов. Очень весело! Значит, сюда машина пришла, здесь и осталась. А бомба или дожидается меня где-то в ангаре, или катится куда-то в другое место, весело фоня во все стороны маленькими веселенькими изотопчиками.

Но выяснять все равно придется. Хотя бы для уточнения некоторых подробностей. К сожалению, придется быть тихим, вежливым и культурным. Не так, как вчера у чеченов!

На территорию проникаю, как лом в повидло — безо всяких проблем. Сторож, услышав, что "по делу", молча распахивает скрипящую калитку, не став уточнять, по какому именно.

Жутко жалею об отсутствии хоть какой-нибудь ксивы. Тыкая людям в лицо корочкой, ответа можно добиться гораздо проще, чем пользуясь только и исключительно харизмой и обаянием. Харизма у меня небритая и злая, но для маслопупов, ковыряющихся с грузовиками, самое то.

Минут двадцать уходит на поиск нужных людей и установление контакта. Предлог самый простой и уважаемый — давеча на бутылку перехватил денежку, теперь надо бы вернуть, а кредитор скачет по делам, как блоха по курятнику — не поймаешь. Где бы его найти, люди добрые, по приметной машинке?..

Хороший, правильный повод, вызывающий понимание и готовность помочь. Довольно быстро я узнаю много полезного. Кроме, конечно, самого главного... Да, машину гоняли, вчера вернули. Куда и зачем? А фиг его знает, водила у них свой был, точно не тот, кто мне

нужен. Душевно прощаюсь с работягами и бреду обратно.

Возвращаюсь к своей машине. Хлопаю дверь. На меня выжидающе смотрит ЦРУшный обормот-казанова. Молчит, но вопрос в глазах читается легко и явственно.

Коротко говорю:

— Есть подвижки. Сейчас в город заедем, проверить надо кое-что. А там видно будет. Есть у меня одна смешная мысль...

Мысль простая и примитивная, но такие иногда срабатывают лучше всего.

Местная газетенка "Продай-купи-лоханись" обнаруживается во втором по счету ларьке. Пока напарничек бродит вокруг машины, разминаясь после долгой дороги, отмечаю нужные страницы и начинаю методично прозванивать все объявления. Девятое по счету дает нужный результат.

— Да, мы выполняем такие работы, — отвечает подчеркнуто деловитым голосом девушка-диспетчер. — Да, у нас есть машины для перевозки негабаритных грузов. Точнее — одна машина. Только сейчас она на маршруте. Вышла с утра. Повезла опоры для моста. В Щорс. Когда вернется? Думаю, что послезавтра. Но вы можете подъехать в офис, оформить заказ и внести задаток...

— Спасибо, мы подумаем, — отвечаю я и отключаюсь.

Так, а где этот красный командир, у которого след кровавый стелется по сырой траве? Забираю у Жужика навигатор. Ага! Что и требовалось доказать. Щорс, как и Прилуки — районный центр Черниговской губернии, бывший Сновск. Расположен на стыке трех границ — Украины, Беларуси и России. Там нет оживленных трасс, соединяющих столицы и областные центры, дороги только местного значения, а кругом леса и болота.

После Чернобыля в тех местах сплошь и рядом зоны повышенной радиации, населения кот наплакал. Так что, если я хоть что-то понимаю в теневой экономике Содружества Независимых Государств, контрабанда там имеет такие масштабы, что можно без досмотров и документов не только бетонную ферму — небоскреб на соседскую территорию переволочь.

А с той стороны границ тоже полный оперативный простор — что до Гомеля, что до Брянска — сплошная глухомань. Если чехи с бомбой в те леса занырнут, то всплыть могут где угодно, ищи потом по остывшим следам. А значит, нужно кровь из носу перехватывать по дороге. Утром, они, значит выехали. Это часов в восемь-девять. Сколько сейчас? Тринадцать часов, двадцать одна минута.

— Быстро в машину, Беркович! — кричу я, заводя мотор.

Алан смотрит на меня, как дети смотрят на фокусника, и беспрекословно выполняет команду.

Добродушный, как сытый кот, гаишник, затаившийся с радаром в кустах на выезде из города под знаком "Ичня 30 км.", в благодарность за скромную инвестицию подтверждает, что "Хвура з хвермою пройшла з годину-пивторы тому" и мне хочется плясать прямо на капоте. Стало быть, минут через сорок, от силы через час, догоним. Если только не промахнемся с дорогой...

— Держись, Казанова! — до пола вдавливаю педаль акселератора. "Астра" рвет вперед так, что моего напарника вжимает в кресло.

Мчусь, выжимая из двигателя все возможные лошадиные силы, не обращая внимания на вибрацию и кряхтящие от натуги амортизаторы. Беркович со страху пучит глаза и намертво вцепляется правой рукой в держатель. Сбрасываю скорость лишь когда в поле зрения

появляется знак границы населенного пункта "Ичня".

И тут обнаруживается то, чего я боялся с самого начала — грузовик растворился в паутине дорог. Сидящие рядом придорожные торговцы крест на пузе готовы целовать, что с утра мимо них не проходил ни один длинномер. А значит, нужные нам машины свернули где-то по пути и с каждой упущенной минутой шансы догнать тают. Вертолетом их увезли, что ли?...

Впереди маячит скворечник контрольного пункта. Выскакиваю из машины и делаю предельно озабоченное лицо, поигрывая в руках полтинником.

— Товарищ сержант, тут фура из Прилук с бетонными балками давно прошла?

— Да не было никакой фуры.

— Ну, Побережник, мать твою! Ну, мудило тернопольское! — хлопаю я себя по лбу с ненаигранным отчаянием. — Вот же послал бог водилу. Предупреждал же, что поворачивать нужно не до, а после КП! А он, видать все опять перепутал, и мобильный говорит, что нет связи.

— А тут у нас ни один оператор не берет, — кошачьим жестом схватив предложенную коррупцию, охотно поясняет гаишник. — Разве что с выносной антенной, и то через раз. Твой Побережник, наверное, на военку завернул.

— ???

— Да то есть у нас старая бетонка. По ней никто не ездит — лишний крюк в пятнадцать километров. Там раньше часть стояла, артсклады, теперь ничего нет, а по дороге разве что грибники мотаются.

Благодарю сержанта и бегом возвращаюсь в "Опель". Выдрессированный Жужик протягивает включенный навигатор. Естественно, на "самой подробной карте Украины" никакой бетонки нету. Значит, будем искать визуально-вербальным способом. То есть, смотреть по сторонам и задалбывать встречных вопросами. Как там говорили в войну — "глянь, командир карту достал, значит сейчас дорогу спрашивать будет".

Катимся обратно, потихоньку, чтобы не пропустить поворот. Найдем — наверстаем отставание.

Тот, кто готовил маршрут для бомбы, похоже, в местных реалиях разобрался отлично. Нужная дорога исполнена в лучших армейских традициях — ни указателя, ни широкой прогалины. Лента потрескавшегося бетона ответвляется от шоссе, метров через сто под прямым углом заворачивает за деревья. И подстраховываться тут — милое дело.

Бетонка, со стороны кажущаяся вполне солидной, на деле — разбита в хлам. Радует только то, что тяжелый грузовик должен тут двигаться еще медленнее, чем мы. А значит, вероятность догнать гораздо выше нуля.

Первый визуальный контакт проходит до обидного буднично.

За очередной петлей дорога выпрямляется, сбегая в низину, и в метрах трехстах впереди я вижу МАЗ с длинющим прицепом. Серые бетонные брикеты, торчащие из-под брезентового тента, явственно говорят, что мы близки к цели. За грузовиком, держа дистанцию в пятьдесят-шестьдесят метров, идет вишневая "Тойота".

Беркович очень громко вздыхает и неожиданно печалится:

— А я ведь так и не узнал, где моя машина. Даже кредит не выплатил...

— Готовьтесь, гражданин спецгент, — говорю я, вытаскивая из тайника в сиденье ПБ. — Сейчас мы их будем немного убивать.

Юный бойскаут сопит и бормочет что-то. Надеюсь, это "Всегда готов!"

Может быть, следовать на безопасном расстоянии, пока не стемнеет, прикидываю я. Погасить свет, подобраться незаметно и использовать прибор ночного видения? Нет, не получится.

Во-первых, небо ясное и вчера, вроде, была довольно яркая луна, так что эффект неожиданности может не сработать. Ребята, что сопровождают груз, тоже не пальцем деланные. И меня, скорее всего, уже заметили, так что если атаковать, то сейчас и с ходу.

Главное, ни в коем случае нельзя выводить из строя тягач с прицепом и водителя. Хрен знает, что они там намудрили — врежется машина в дерево или перевернется, вдруг да сработает взрыватель. О том, что они могут держать систему подрыва в режиме "мертвой руки", мне даже и думать не хотелось. Это когда убитый падает, дергает за веревочку, и все мы, не успев толком ничего сообразить, распадается на молекулы и предстаем пред светлы очи начальника Райской заставы святого апостола Петра, который, как известно, отвечает на том свете за пропускной режим.

Первая задача — уничтожить охрану. Вторая — захватить фуру в целости и сохранности. Все это необходимо проделать силами отдельно взятого меня, недавно завязавшего алкоголика, поскольку на Жужика надежды в серьезной заварухе никакой.

Расстояние медленно сокращается. В "Тойоте" четверо. В кабине, вместе с водилой, еще двое. Кто в спальнике — не в счет, пока выберется, все закончится. Итого — семь человек. И это боевики, а не сторожа с асфальтового завода, с ними так легко, как там, не получится. Казалось бы, надежды у меня никакой... Почти никакой.

Потому что есть такая вещь, как теория скоротечного огневого контакта на ходу в транспортном средстве. Я этой науке обучен. А вот мои оппоненты — вряд ли, поскольку террористам это ни к чему, у них свои хитрости. Значит у меня будет — возможно будет — небольшое преимущество в первые секунды схватки. Тут бы самое время прикинуть соотношение сил и трезво содрогнуться, но я запрещаю себе считать.

Потом подсчитаем шансы, когда победим.

— Садись за руль! — рывкаю я, тормозя и прижимаясь к обочине. — Сделаешь вид, что обгоняешь. Сравниемся с "Тойотой", уравнивай скорость!

Если Жужик не лоханется, то первым кладу того, что за рулем, затем второго, на заднем сидении слева. Еще два патрона по резине и, если получится, вдогонку — по бензобаку, у этой модели он, к счастью, слева. "Тойота" сразу же улетит с дороги, и у меня будет достаточно времени для того, чтобы "решить вопрос" с грузовиком. Тут придется, пока они там не до конца осознали, что происходит, на ходу — как в дешевых боевиках — перелезть в кузов, забираться с боем в кабину и брать управление на себя. Стрелять в упор через крышу, потом смотреть в окно и добивать уцелевших. В общем — два магазина за глаза, с учетом того, что малейшая оплошность или промедление — и во мне сделают дырок больше, чем в сыре.

После того, как грузовик окажется в наших руках, гоним до ближайшего поста ГАИ, там орем, что машина заминирована и нужно вызывать саперов. А сам звоню всем возможным корреспондентам. Номера телефонов ведущих каналов заготовлены еще с Киева. Дальше вообще просто. Дождаться прибытия телекамер и орать, что в машине под бетоном — тонна тротила, при этом выставляя на передний план Берковича. Как только журналисты осознают, что перед ними геройски погибший несколько дней назад в Русе "американский консультант", моя миссия выполнена. Шум пойдет такой, что, даже если саму выкопанную бомбу ценой невероятных усилий и удастся замять, то уж повторить этот трюк никто

больше не рискнет...

К тому времени, когда я завершаю предбоевое планирование, прямой участок заканчивается. Бетонка опять ныряет за деревья, а до "Тойоты" остается не больше полусотни метров.

Ну, все, рассуждать больше некогда. Беру в правую руку пистолет и...

Беркович, кретин, мать твою, ты что, ям на дороге не видишь!

Машину перекашивает и ведет в сторону, автомобиль крутится, как по льду. Затем следует такой толчок, что я едва не откусываю себе язык. Спасает только давняя привычка бойца сцеплять челюсти намертво, чтобы не выбило из суставов. В первое мгновение я даже думаю, что в нас засадили каким-то крупным калибром, но понимаю, что ошибся — ни огня, ни шума выстрелов.

Алан на удивление не теряется — водила из него куда лучший, чем убивец или шпион. С безумным взглядом сноровисто выворачивает руль в сторону заноса. Но не успевает — все происходит слишком быстро. "Астра" летит с бетона прямо в направлении толстого соснового ствола.

"Беркович, скотина, пристегнулся-таки, пиндос" — успеваю подумать, прежде чем меня швыряет на лобовое стекло...

9. Шашлык по-карски

Джамаль сидел в ротанговом кресле, наособицу от общей суеты, и наблюдал за парой лебедей, которые с невероятной грацией скользили по водной глади. Рядом суетились хозяева. Чуть дальше, почти на опушке леса, возвышался коттедж, выстроенный специально для "отдыха" в стороне от любопытных глаз.

Будущий глава суверенной Республики Курдистан получил отличное образование и всегда интересовался историей тех мест, где ему доводилось бывать. Он знал, что это подчеркнуто живописное озеро, окруженное рощами и лужайками, было отнюдь не уголком местной природы, а искусственным ландшафтным парком, который создал, не жалея денег, живший здесь в девятнадцатом веке малороссийский магнат. Плод его замыслов и трудов пережил все катаклизмы века последующего, радуя глаз и душу.

Главный хозяин, владелец местного нефтехранилища и один из самых уважаемых людей в Ичнянском районе Черниговской области, вывесив огромный живот над мангалом, лично занимался приготовлением шашлыков. Два хозяйчика помельче, держатель рынка и владелец сети пунктов приема лома цветных металлов, отирались у накрытого дастархана, не решаясь побеспокоить высокого гостя. Все трое были чеченцами.

Подобные одноразовые пособники не блистали умом или особыми организационными талантами, но оказывались незаменимы, когда требовалось набрать рядовую "пехоту" — бойцов, готовых стрелять без раздумий, а затем раствориться без следа в родной Чечне, поставив в тупик любых розыскников. Именно это и требовалось Джамалю на данном этапе.

Нефтехранильщик, отвлекая от мыслей, гордо объявил, что жарит "традиционные" шашлыки по-карски, самые сложные в приготовлении, но и самые вкусные среди всего шашлыкового семейства. Джамаль степенно кивнул, отдавая должное замыслу и лишь незаметно, самыми уголками губ, усмехнулся.

Разъевшийся пузан совсем не чувствовал мясо и действовал как мясник, а не кулинар. К тому же "карси хоровац", который он пытался готовить, был отнюдь не кавказским блюдом. Само название не имело ничего общего ни с Ичкерией, ни с Ингушетией, ни с Осетией. Ни даже с Грузией. На самом деле "шашлык по-карски" стали подавать в петербургских ресторанах в девятнадцатом веке, во время Крымской войны, после взятия русскими войсками неприступной турецкой крепости Карс.

Джамаль вновь усмехнулся, теперь уже про себя. Он подумал, что случилось бы, узнай вдруг в разгар обеда невежественные и почти обрусевшие на легких хлебах чеченцы об истории "карского шашлыка"...

Наблюдая за тем, как горе-хозяин (не знающий даже того, что настоящий "карси хоровац" маринуется вместе с почками, и мясо при этом надрезается не как попало, а строго вдоль волокон), щедро поливает жарящиеся куски то вином, то лимонным соком, Джамаль сделал глубокую затыжку и чуть прикрыл глаза, дожидаясь, когда мозг окутает чуть щекочущим легким туманом.

Красота места и чувство временной безопасности навевали спокойные, неспешные мысли. Суетливые люди, — подумал он о чеченцах, — с их показной жестокостью и силой, заключающейся разве что в способности безоговорочно слушаться старших да крепко держаться друг друга. Но их отчего-то боятся во всем мире... Впрочем, понятно отчего. Горцы дважды выселялись со своих исконных земель. Вначале русские цари, покорив

Кавказ, заставили их бежать на Восток, затем Сталин выселил их в Сибирь. Благодаря этому у них образовалось огромное количество землячеств, каждое из которых представляет собой — если говорить откровенно — хорошо сложившуюся организованную преступную группировку, что наводит страх на жителей мест, где им довелось осесть.

Но существует нация, которую боятся даже чеченцы. Древний народ, переживший шумеров, ассирийцев и египтян. Нация, не склонившаяся ни перед персом Дарием, ни перед македонцем Искандером. Давшая восточному миру множество правителей и династий. Обитающая в горной стране, разорванной на части Ираном, Ираком, Турцией и Сирией.

Имя ей — курды.

Джамаль получил при рождении имя Джиангир — властелин мира. Он был отпрыском знатного рода Айюбидов. Род курдских шейхов, сирийских эмиров султанов Египта, к которому принадлежал когда-то гроза крестоносцев, Салах-ад-Дин. Великий предок едва не объединил весь мир ислама в единую могучую империю, способную сокрушить неверных и установить на земле новый порядок. Но не смог... И вот, впервые за последние восемь веков такой шанс вновь предоставился.

Джамалю было пятнадцать, когда всю его семью вырезали по приказу турецких властей, ведущих жестокую, непримиримую борьбу с курдами. Подростку пришлось скрываться в пустыне. Среди огромных черно-красных камней, днем раскаленных, как Джеханнам — преисподняя, а ночью холодных, как смерть, Джамаль однажды нашел заброшенное сооружение — то ли убежище пророков, то ли древнюю обсерваторию. Именно там он впервые услышал голос Аллаха, который и поведал, что за путь уготовлен Милостивым и Милосердным для юного беженца.

У семьи Джамала были деньги в швейцарском банке. Три года он отучился в Оксфорде на историческом факультете, затем прошел подготовку в британской школе САС и завербовался в Иностраннный легион. Дальше была аль-Каида, ООП, Хизболла, Рабочая партия Курдистана и, наконец, служба у Саддама Хуссейна... Джамаль прошел длинный путь и многому научился.

У Курдистана будет сильный, достойный султан, который сможет объединить пятидесятимиллионный народ, а затем силой и хитростью подчинить себе всех этих жирных котлов — Турцию, Ирак, Кувейт, Саудовскую Аравию. Дальше — Сирию, Египет, Иорданию и Иран. Индустриальная мощь Малой Азии, помноженная на нефтяные поля Аравии и Междуречья, заставит считаться с новой империей весь мир...

Но Джамаль не был наивным романтиком. Он прекрасно понимал, что создать страну великой мечты можно лишь в то время, когда нынешние хозяева планеты будут отвлечены, прочно и надолго. Заняты друг другом настолько, что просто не смогут ему помешать. Посему — пусть наниматели считают Джамала наемником-террористом, простым орудием в своих руках, пешкой в большой игре. Чем дольше они будут заблуждаться, тем лучше...

Хозяин закончил издеваться над отличной бараниной и фальшиво-угодливым голосом пригласил "дорогого господина" к столу. Джамаль улыбнулся в третий раз, теперь с демонстративным радушием и вежливостью, и легко поднялся из кресла.

Вчера вечером, незадолго до его прибытия, этим людям позвонил сам "эмир Кавказского эмирата", и гостя встречали так, как во всем мире местные удельные начальники встречают вдруг свалившееся на голову столичное начальство. Да не просто начальство, а прибывшее с совершенно неясными целями. Он даже не сомневался, что после застолья в коттедже ожидает "особая приправа".

"Почему бы и нет?" — подумал Джамаль, у него не было женщины после отлета из Фуджейры. Хотя он, восточный человек, не оправдывал расхожего заблуждения и совсем не любил это модное "гаремное мясо" — неизменных блондинок в теле. Джамаль предпочитал смуглокожих и черноволосых арабов с полными чувственными губами, влажными глазами сытых коров, осиными талиями, широкими бедрами и ненасытным лоном молодых лисиц.

Началась трапеза. В знак особого уважения, на что не преминул указать "нефтяник", вначале, еще до всех остальных блюд, был подан курдский баклажанный суп, оказавшийся бестолковым варевом из баклажанов, лука и чечевицы, рецепт которого повар-осетин, похоже, просто позаимствовал в Интернете. Делая вид, что отдает должное выставленной на стол стряпне, годной, разве что для кормления собак, Джамаль, не вслушиваясь в осторожную болтовню чеченцев, еще раз обдумывал все, что удалось узнать по приезду из аль-Хаага.

Человек, совершивший налет на завод близ Русы, был весьма опытен и профессионален. Но, скорее всего, он действовал в одиночку и при дефиците времени, поэтому не смог предусмотреть всего. В том числе и того, что хозяин завода, Хасан, недавно установил несколько скрытых камер. Не то, чтобы для какой-то конкретной надобности, скорее просто для порядка — "чтобы было". А может, чтобы уличить стражей в небрежности — теперь это было уже не важно. Лицо налетчика заснять так и не удалось, но потайная камера, обозревавшая сторожку, зафиксировала, что пришелец снял перчатку, коснувшись клинка одного из ножей. Организовать быстрое снятие и проверку отпечатков оказалось очень непросто и очень (очень!) недешево. Но тем не менее — удалось, когда Джамаль после мучительного колебания использовал кое-какие старые знакомства, в том числе и в ЦРУ — его связи с западными спецслужбами отнюдь не исчерпывались советником Морганом.

Таким образом выяснилось, что завод с весьма недружественным визитом посетил некий Виктор Сергеевич Верещагин, житель города Руса, чуть больше года назад переехавший туда из Киева. Люди Хасана поговорили "с кем надо" в Русе и узнали подробности. Отселенец, базарный охранник, был известен в городке как "десантник" и ветеран войны в Югославии. За несколько дней до налета труп Верещагина нашли в его квартире. Застрелен по неосторожности в пьяной ссоре.

Не удовлетворившись дознанием, которое провели уцелевшие после налета дети гор, Джамаль подергал нужные рычаги и похоже, докопался до истины. "Десантник" — Верещагин раньше служил в правительственной охране Украины. Он был соседом старого летчика, который проболтался о бомбе, и помешал наемному убийце расправиться с его дочерью. Пятнадцатилетняя девочка исчезла из города в тот самый день, когда был якобы убит Верещагин. Вскоре после этого исчезли без следа два агента ЦРУ — местный Беркович и посланный на зачистку оперативник Опоссум.

Если добавить к этой цепочке "случайных" смертей труп информатора, обнаруженный в септике у собственного коттеджа, то картина вырисовывалась довольно ясная и логичная. Верещагин узнал о бомбе и, оставляя за собой череду трупов, идет по следу Джамали.

При всей очевидности связи бомбы, покойного Сербина и Верещагина мотивы последнего оставались неясными. Если он законсервированный сотрудник спецслужб, то почему действует в одиночку? Если он любовник пятнадцатилетней дочери летчика и мстит за смерть ее отца, то почему ищет бомбу? В том, что он ее ищет, не оставалось сомнений — рабочие Прилукской базы по предъявленной фотографии узнали человека, который "бродил с расспросами".

Джамаль оценил этого Верецагина как сильного, крайне опасного, а потому достойного противника. Ведь именно так в сложившейся ситуации действовал бы и он сам... Джамаль понимал, что и маленький человек может стать помехой в огромном деле. Если этого маленького человека ведет за руку Аллах, желая проверить силу и крепость духа правоверных. Ведь чем можно было объяснить все происходящее, как не Его волей?

Джамаль знал, что такой человек не остановится, пока не погибнет или же не достигнет цели. Но расплывать силы на его поиски он не видел ни малейшего смысла. Искать того, кто идет по следу, не нужно, он сам рано или поздно даст о себе знать. Сейчас трейлер, несущий смертельный груз, опережает любую погоню на два или три дня. И даже ближайшим помощникам неведом ни маршрут, ни пункт назначения. Бояться нападения не нужно — груз сопровождает Рустам. Хоть он тоже чеченец, но его люди, в отличие от зажавшихся сторожей Хасана, опытные и отлично подготовленные воины.

Три дня — это очень много, а дальше будет уже не важно. Так что пусть этот храбрый воин идет по следу. В конце пути его ждет легкая и достойная смерть. Интересно будет поглядеть ему в глаза. Потом, когда все завершится.

Обед закончился, слуги принесли чашки с водой для омовения пальцев.

— А сейчас, — глаза хозяина слегка замутились, словно он смазал их липким бараньим жиром, — нашего дорогого гостя ждет особый подарок, приготовленный специально к его приезду.

Толстый чеченец подал знак, махнув четками, которые сжимал в коротких холеных пальцах. На пороге дома появились провинциальные гурии, одетые в одни лишь прозрачные туники. Как и предполагал Джамаль, все они были блондинки, по большей части крашеные. К тому же насмерть перепуганные, похоже, им сделали соответствующее внушение относительно высокого гостя, который должен остаться доволен.

Джамаль заскользил оценивающим взглядом по стайке приближающихся девушек. Не арабки, увы... Но, в конце концов, не следует стремиться обрести сразу все вожаемое, ибо "Не являй на лице презрения к людям и не шествуй по земле горделиво — воистину, Аллах не любит всяких гордецов и хвастунов."^[49]

10. Запах близкой войны

За несколько часов, оставшихся до заката, Пашкин успел забежать в столовую, вернуться в номер, перекемарить часика два и разобрать тюки новоприобретенного имущества. Жаль, разбирать пришлось на бегу. А то ведь одна только электроника, которой комплектовался новомодный "Ратник", требовала долгого и вдумчивого изучения. Не говоря уже про прочее снаряжение, своим количеством и качеством греющее куркульские чувства, что неожиданно проснулось в майорской душе. Эх, и "Кречет" бы опробовать, а то про коллиматор этот много чего слышал, но в руках не держал.

На инструктаж прибыл вовремя, благо тактический корпус располагался в двух шагах от гостиницы, которая, как ему успели разъяснить сослуживцы, имела культовое прозвище "Отель Атлантик" (конечно же, с ударением на последнее "и").

Инструктажа никакого, собственно и не было. Колчин наскоро представил нового зама остальным членам группы и дал команду вооружаться, после чего все дружно потопали к "арсеналу". Арсенал оказался длинным рядом внушительных "шкапчиков", способных, пожалуй, уцелеть в эпицентре ядерного взрыва не хуже холодильника из четвертой части "Индианы Джонса".

Остановившись у бронедверцы, на шильдике которой уже чернела его фамилия, майор с опаской вставил карточку в едва приметную щель. Дверца загудела, откинулась, Пашкин заглянул внутрь и почесал затылок. Ох, нихрена себе бонусы дают новичкам в этой стрелялке...

Гудение сирены застало его врасплох. Подхватив напоследок АК-12, выглядящий из-за всевозможного обвеса подобием киношного бластера, Пашкин наскоро охлопал себя руками, проверяя, все ли на месте, захлопнул "шкапчик" и выскочил на улицу. Там, рыча форсированными движками, ждали четыре тентованных "Урала". Надежная тяжесть 6Б43^[50] давила на плечи всеми девятью килограммами. Отвык ты, майор, от серьезной работы, ох и отвык...

Он успел как раз к окончанию погрузки. Насколько определил Пашкин беглым взглядом, в первой машине разместились ОРГ "Алконост", в трех остальных штурмовая группа. Личного состава не так чтобы дофига, но с собой везли непривычно много боеприпаса и, похоже, прыжковое снаряжение.

Прыжковое Пашкина взволновало. Гораздо сильнее очень вероятного огневого контакта... Первый и последний раз с парашютом майор прыгал еще на срочке, когда командование ММГ^[51], в которой он служил, для какой-то там галочки в показателях, решило приобщить личный состав к небу.

"Мангрупповцы" в десантники не стремились, а потому тогда, на первом прыжке, в полной мере ощутили себя птицами — летели и гадили... Не все, конечно, народ-то отбирали качественно. Но все же...

Однако долго думать над перспективами не вышло — из кабины головной машины высунулся Колчин, махнул Пашкину, мол, ко мне. Майор, увешанный "кошерным железом", словно новогодняя елка, стараясь ни за что не зацепиться, взобрался на подножку и устроился рядом с начальством. Не успел он привычно обустроить меж колен автомат, как машина, взревев, ломанула вперед.

Ехали минут двадцать, все больше по лесу, разрезая фарами густевшую на глазах

темноту, пока не подкатили к воротам с эмблемами ВДВ. Никто не спрашивал документов, да и вообще не вышел навстречу. Створки начали расползаться в сторону совершенно бесшумно и словно сами собой. Впрочем, скорее всего, звук какой-то они издавали, но его заглушало урчание двигателей колонны.

Машины въехали внутрь. Мелькнули бойцы дежурной смены. В бронежилетах, с оружием. Стоящий чуть поодаль БТР-80А бдительно водил орудием, словно приносиваясь. Ничего себе! Подмосковье, а по-боевому службу несут!

Сбавив скорость, машины запетляли между защитными надолбами. Пашкин, сидящий у окна, только головой крутил, подмечая детали окружающей обстановки.

Проскочив "антитерактную" полосу, грузовики, снова набрав скорость, покатали по летному полю в сторону ангаров.

— Машины — стоп! К машинам! — разом захрипели переговорные устройства, выплюнув гроздь уставных команд.

"Урал" остановился мгновенно. Майора швырнуло вперед так, что от столкновения с лобовым стеклом спасла только выставленная рука. За спиной, в кузове, тут же загрохотали ботинки. Пашкин вывалился из кабины, за ним, хлопнув дверью, вылетел Колчин. Впрочем, хлопок на фоне окружающих шумов потерялся бесследно. Вокруг все кипело и бурлило.

Не прошло и минуты, как прибывшие группы уже сформировали строй. Пашкин занял положенное место рядом с Колчиным. Вовремя. Из подлетевшего со стороны КПП "Тигра" выскочил, ухитряясь одновременно разговаривать по телефону, зажатому между ухом плечом, и подписывать документы прямо на полевом планшете, полковник Климов.

— Командиры и замы, ко мне! — рывкнул комбат. В голосе не было ни следа давешнего радушия.

Какой там на хрен ворон... Тигр, крови алкающий! — мелькнула несуразная и нелепая мысль. Но с места Пашкин сорвался резво, в паре метров от командира перейдя на уставной строевой шаг...

— Все готовы? — оборвал комбат хоровой доклад.

— Тык точно! — синхронно выдохнули командиры. Пашкин молча кивнул. Хрен его знает, готовы, не готовы. Он и в должность толком не вступил...

Но Климов в детали вдаваться не собирался. И строевой смотр с предъявлением многочисленных бирок, портянок, наличия расчесок с носовыми платками, похоже в планы комбата не входил.

— Ваш борт — семьсот полста первый.

— Как обычно... — негромко сказал кто-то неопознанный.

— Наши перекинут в Моздок, — продолжил Климов, не услышав или пропустив мимо ушей комментарий. — Дальнейшая задача — по прибытию. Погрузка по обычной схеме. После взлета — отдых и подготовка к работе.

— Разрешите выполнять?

— Разрешаю ускориться! — комбат вскинул ладонь к берету.

Неровный строй из четырех командиров синхронно дернулся. Развернулся и легкой трусцой побежал к подчиненным. Пашкин старался не отставать...

Не успел еще последний боец запрыгнуть в кузов, ухватившись за выкрашенный в защитный цвет борт, как перед рычащей колонной выскочил из аэродромных лабиринтов юркий вездеходик. На его корме светился "транспарант" "Follow me" — язык авиации, даже российской военно-транспортной, оставался неизменно английским.

"Уралы" проехали метров пятьсот, постукивая шинами по стыкам аэродромных плит, и снова остановились около застывшего в низком старте "Руслана". Самолет, похожий на большого жука, был настолько огромен, что даже прожекторы аэродромной команды не могли осветить его целиком, хвост и крылья растворялись в мгле.

Снова команда "К машине!", и сразу бегом вовнутрь. Бойцы обеих групп не участвуют в погрузке тяжелого оборудования, черную работу в бешеном темпе выполняют серьезные молодые ребята на юрких электропогрузчиках.

Не успел Пашкин опомниться и поудобнее устроиться в одном из кресел, закрепленных вдоль борта, как свет в отсеке погас. В синем мареве дежурного освещения закрылись люки, отсекая свист стартующих движков. Самолет вздрогнул и покатился.

Дождавшись разрешения на взлет, "Руслан" с воем двигателей ринулся вперед, словно был не машиной весом хорошо за триста тонн, а представителем легкомоторной авиации. Приписанные к ОБОНу летчики не щадили пассажиров, о чем Пашкин помнил еще с давешнему полету.

Десять секунд тряски, и бок майора вжал в крепление. К счастью, организм не стал бунтовать ни сейчас, ни минут через двадцать, когда самолет набрал высоту и, открутив все необходимые развороты, пошел ровно и плавно, словно членовоз на параде. Пашкин понял, что, в принципе, готов к труду и обороне. Лишь бы прыгать не заставляли. Архиглупое это занятие — из совершенно исправного самолета сигать с тряпкой за спиной. Погранцам, ну а тем более контрразведчикам, к месту действия привычнее ножками добираться. Ну или на броне, в крайнем случае. Раз персонального вертолета нет.

Красные табло, запрещающие покидать места, наконец-то погасли. Часть народа тут же двинулась к штабелям багажа, закрепленным вдоль середины отсека. Другие стали обиходить оружие, третьи разминались, кто бегая взад-вперед, кто отжимаясь от пола и выполняя хитрые комплексы упражнений. Грузовой отсек на глазах приобретал вид обжитой казармы...

Пашкин вслед за остальными поднялся и, разгоняя кровь, прошел от кормы к носу. Соваться в чужие дела не стал, понадобится — позовут. Но присматриваться — присматривался.

В носу его и перехватил Колчин:

— Где шатаешься, Роман? В кабину, на совещание!

Наверху, в кабине сопровождающих, они застали офицеров, сгрудившихся вокруг откидного столика, заваленного картами и заставленного разнокалиберными компьютерами. На их появление никто не обратил внимания. Валентин хлопнул по сиденью рядом, приглашая заместителя присесть.

Пашкин достал свой планшет, подключенный во внутреннюю сеть, и погрузился в изучение обстановки.

Штурмовать предстояло крепостные развалины, к которым прилепился горный аул. По предварительным данным, боеспособного народу там человек пятьдесят, из них около двадцати с серьезной боевой подготовкой. Метрах в пятистах от аула — севернее и выше отыскалось плоское, как стол, плато, на которое вполне можно посадить самолет. Конечно же, не детище Толмачева [\[52\]](#), а что-нибудь более скромных габаритов, ожидающее их в Моздоке для пересадки.

Дальше схема проста, как таблица умножения. Первым заходом на плато высаживаются бойцы-штурмовики ("имперские!" — фыркнул Пашкин, но сугубо про себя) и обеспечивают

посадку и прием основных сил.

После высадки разведчики "прочищают" две идущие вниз тропы, которые обозначены на трехмерной карте, а штурмовая группа, оснащенная биосканерами, устраивает на вражьей базе Джаханнем, то бишь мусульманский ад, действующую модель в натуральную величину. И только потом наступает очередь аналитиков. Им, то есть Пашкину, предстоит в темпе вальса обнаружить нужных свидетелей и нужные документы, чтобы как можно скорее узнать, а был ли, собственно, мальчик... ну, то есть бомба, о которой вещает "эмир" — блеф, или же она существует на самом деле.

При всем при том, каким образом они попадут в Турцию из Моздока, в плане не было сказано ни единого слова. Похоже, для присутствующих этот вопрос не представлял ни малейшего интереса. Что ж, тогда и Пашкину интересоваться не след, поскольку лишние знания таят в себе многие печали.

Упорядоченный хаос боевого планирования был прерван сообщением, пришедшим почти одновременно на все устройства. Получилось прямо как в кино — изменение диспозиции по ходу ознакомления с планом. И изменение оказалось нерадостным. Ну прямо очень нерадостным.

— Две "Тунгуски", ерш твою рать! — высказался сразу за всех командир штурмовой группы Васин. — А какого лингама они там делают?

Ответил Колчин.

— По данным СВР, Джамаль их у хохлов еще в ноль восьмом купил. Ющенко тогда через Турцию поставлял для Грузии разные ПВО-шные комплексы, вот две штуки до места и не дошли... У арм-дилеров это обычное дело, сделки черные, отчетности никакой.

"И что же это меняет? — подумал Пашкин. — Неужели налет отобьют?"

Но похоже, слов "отменить операцию" в неписаном боевом уставе ОБОНа "Ворон" не имелось в наличии.

Колчин, Васин, заместитель Васина и еще один капитан, занимавший в штурмовой группе должность среднюю меж начальником штаба и начальником оперативного отдела, совещались минут пятнадцать, время от времени запрашивая по своим каналам нужную информацию. Пашкин, не участвуя в обсуждении, вызвал на свой экран данные по этой самой "Тунгуске". Конечно, как человек военный, он представлял, что за машина и с чем едят, но без подробностей и нюансов. А подробности оказались на диво интересными.

Зенитный пушечно-ракетный комплекс на гусеничном шасси, можно сказать — достойный сын (или дочь?) знаменитой "Шилки". Основное предназначение — противодействие боевым вертолетам, но вполне хорошо работает как по самолетам, так и наземным целям. Две двухствольных автоматических пушки, калибр тридцать миллиметров. Бьют на четыре километра. На ближних дистанциях одна очередь перерубает пополам средних размеров самолет. Вдобавок восемь управляемых ракет, умных и шустрых. У этих радиус поражения до десяти километров. От модели зависит.

— Технари сказали, что ракеты без перепрограммирования системы наведения по своим респондерам50 не запустятся, — сказал Колчин. — Но украинцы могли поменять прошивку. А если не смогли, то там и артиллерии хватит. Поэтому перед тем, как входить в зону и приземляться, нужно бы эти ЗРПК нейтрализовать...

Пашкин припомнил, что работу такой "дуры" он уже видел в ролике на ю-тьюбе или еще где, запомнил. Даже на экране впечатляло сильно. Залп из тридцатимиллиметровых пушек способен в считанные секунды превратить заглубленную в скалах и хорошо

укрепленную огневую точку противника в глубокую могилу. Вдобавок к пушкам и ракетам имеется собственная бортовая РЛС с "полным фаршем" — обнаружение, сопровождение, радиозапросчик. Эдакий противовоздушный танк, в котором умный компьютер почти все делает сам, оператору достаточно лишь подтвердить на дисплее цель. Серьезная штука. Такая если "в прицел" поймает, то можно без ракет управиться, и парашют не поможет. Понятно, почему отцы-командиры так оживились...

— Не вижу проблем, — пожал плечами Васин. — Курды технику купили для того, чтобы защититься от вертолетов — турецких и американских. А мы пройдем над базой на гражданском эшелоне как простой чартер. Не сбивают же они всех, кто мимо летит. Да и не факт, что несут круглосуточное дежурство. Наши возьмут под контроль, не успеют они РЛС прогреть...

— Кстати, насчет контроля, — неуверенно сказал Пашкин. — А нам самим они для штурма не пригодятся?

Присутствующие обернулись к майору. Во взглядах ОБОНовцев Пашкин прочитал сначала удивление, а затем — внезапно — неприкрытое уважение.

— А ведь таки да, шоб я так жил! — ухмыльнулся Колчин. — Сейчас, бикицер, Моздок запрошу. Пусть нам один или два расчета к бортам подгонят. Устроим курдам веселую жисть...

Командиры разговаривали около часа. Заодно "обнюхались" и окончательно прониклись друг к другу полным доверием. Колчин и сразу-то на контакт пошел, а, уточнив кое-какие детали биографии Пашкина, а также узнав его мнение по некоторым узкоспециальным вопросам, и вовсе посчитал за своего.

— Не обманул комбат, — прямо заявил майор. — Сработаемся!

Болтанка началась в то время, когда Пашкин полностью погрузился в изучение 3D-модели аула, которую хитрая программа сложила из всей имеющейся в распоряжении информации — от аэрофотоснимков до обрывочных данных осведомителей. Минут через пять он, предусмотрительно запасшись "аварийным" пакетом, с ужасом вспоминал о том, как в детстве мечтал стать моряком и даже чуть не сдал документы в мореходку.

Непосредственное руководство скептически оглядело слегка бледного майора и достало из разгрузки фляжечку. Судя по габаритам, объемом миллилитров семьсот. Пашкин глотнул. В желудке словно канистру напалма рванули, а мир вокруг окрасился совершенно потрясающими красками.

— Спирт, настоящий на чабреце! — доверительно наклонившись, произнес Колчин.

Майор вернул флягу и честно сообщил:

— Мировая вещь!

— А то! — гордо хмыкнул командир. — Нечего смурным сидеть, у нас так часто, с корабля и на бал. Привыкай!

— Да куда я нахрен денусь с подводной лодки, — усмехнулся Пашкин и для сугубого самоуспокоения представил циферку платежной ведомости, расположенную после слова "Итого". Помогло очень сильно и практически мгновенно.

— Вот и молодец. Так понимаю, с бойцами познакомиться ты еще не успел?

Майору только и оставалось, что руками развести. Впрочем, Колчин дураком не был и прекрасно понимал, что у зама времени на знакомство банально не оказалось. Пока утрясали все, пока туда, пока сюда...

— Ну, то мы исправим сей мумент!

Офицеры поднялись с откидных сидений. Вернулись на нижнюю палубу, встав в проходе, откуда личный состав был виден практически весь. Колчин негромко рыкнул:

— Алконост, ко мне!

Тут же со всех сторон к ним ринулись люди.

На каждого бойца Колчин тратил по десятку слов, но четкости характеристик мог бы позавидовать и закадровый голос из "Семнадцати мгновений весны", а вернее, из старого доброго мультика "Остров Сокровищ":

— Лейтенант Бадма Иванов. Бурят. Характер стойкий, нордический. Не женат. Трое детей от разных женщин и Серны. Сбежал от баб на службу. Теперь у нас. Прапорщик Кудашов. Бывший мичман. Открыл форточку на подводной лодке. Американской. Теперь у нас...

И в таком стиле по всем остальным...

"Интересно, — пожимая руки, подумал Пашкин. — А как же он меня будет со временем представлять?"

Видимо, немой вопрос отразился на лице майора, потому что в глазах Колчина Пашкин прочел столь же безмолвный ответ.

"Как себя покажешь".

Закончив, командир махнул рукой, мол, вольно, расслабиться.

До посадки оставалось около получаса времени. Чисто символически пригубили из бездонной колчинской фляги и завалились подремать. Работа предстояла долгая и напряженная...

Вой сигнальной сирены ударил, будто обухом по загривку. Майор ошалело дернулся. Вот же гадство-то! Спать не собирался — времени оставалось в обрез, да и дурной пример подчиненным, а нате — задрях. Если еще храпел, то и вовсе неприятно. Однако, Колчин, сидящий рядом, не проронил ни слова. Да и на морде лица у командира не оказалось написано ничего, что можно было бы расценить как общественное порицание. Сигнальные табло вновь осветились красным. Самолет, закладывая крутой вираж, начал быстро снижаться. Неприятно заложило уши.

Предпоследний раз Пашкин здесь был в девяносто восьмом. Самый разгар... Потом — принуждение к миру. Ну и в августе двенадцатого чуть было не отправили в составе следственной группы, когда здесь гробанулся новейший Ми-28Н, но не судьба оказалась. Впрочем, времени предаваться воспоминаниям больше не было. Едва колеса шасси прекратили свой бег по бетону полосы, как начала открываться аппарель.

— Приготовиться! — разнесся по внутрисамолетной связи искаженный паршивыми динамиками голос Васина.

Бойцы бодро зашевелились, но Пашкин пока оставался на месте. Фиг его знает, куда бечь и что делать... Народ споро выстраивался в отсеке лицом к хвосту, друг другу в затылок, словно для массовой выброски с парашютом. Ощущая нехорошее сосание в области солнечного сплетения, майор закинул автомат на плечо и присоединился к остальным.

Самолет еще не замер, как прозвучала команда.

— Все на выход!

По аппарели тяжело застучали несколько десятков ботинок.

Моздокская ночь встретила Пашкина привычным сыроватым теплом. Пахло разогретым бетоном, полынью, озоном, машинным маслом и немного автомобильным выхлопом. Для майора, который не раз и не два уезжал отсюда в Чечню, это был запах близкой войны...

Основной перевалочный пункт российских войск на Северном Кавказе, а до этого — один из лучших военных аэродромов Союза, на котором базировались стратегические бомбардировщики, показался майору сонным царством. Не те уже нынче времена... Не взлетают, натужно ревя изношенными движками "коровы", идущие спасать десантуру, зажатую на очередной вершинке. Не падают с неба избитые до полной неузнаваемости "крокодилы", вернувшиеся со штурмовки. Тишина и благолепие. Если не считать, конечно, тихой муравьиной возни осназа...

Пашкин огляделся. Их "Руслан" завели в самый дальний конец летного поля. Судя по мелькающим вдали теням, их стоянку плотно оцепили аэродромной охраной, в периметре которой оказались еще два борта, почти неразличимые в темноте.

Группы, разбившись по отделениям, рассредоточились под крыльями самолета. В грузовой отсек по аппарелям помчались друг за другом колесные погрузчики — таскание тяжестей явно не входило в обязательную программу ОБОНа. Близлежащие Ан-140, выкрашенные в темно-серый, почти черный цвет, казались хищными рыбами, которые, прижавшись ко дну, замерли перед стремительной атакой. Рядом с "Русланом" они смотрелись, как акулы на фоне кита. Между "китом" и "акулами" сновали погрузчики, бойцы ОБОНа регулировали движение, распределяя груз меж двумя самолетами.

— Слушай, Валентин, — пользуясь небольшим перерывом, Пашкин все же задал волновавший его вопрос. — А как мы в Турцию попадем? Ведь лететь через Азербайджан и Армению. Ну, ПВО там и все такое...

Колчин усмехнулся с ехидцей.

— С азерами у нас секретное соглашение. Они нам выделяют коридор и не спрашивают, кто и куда, лишь бы на их территории не стреляли. ПВО у Армении? Шо я вам скажу за такую хохмочку, если бы оно так даже у них и было? Пройдем как грузовой чартер на Иран. Кстати, Аны у нас иранского производства и иранской приписки, так что если что — Циля, это не ваши семушки... Ну а по турецкой территории будем идти в горах по ущельям, где никакие локаторы не достанут. Экипаж эти места знает, как одесский вор нычки на Привозе. Для выброски, конечно, придется одной машине построить из себя целку, идти по официальному запросу, типа транзитом на ту же Сирию. Но на экранах у гражданских диспетчеров будет светиться какой-нибудь мирный Фалькон или Гольфстрим с шейхом и курвами, следующий в родные и симпатичные Эмираты. Военные у них в курдские дела сейчас особо не лезут, там Сирия основной головняк. В общем, я всех тонкостей и не знаю, но скрытный подлет по-любому нам обеспечат...

Через оцепление прорвался черный "ФСБ-шный" микроавтобус. У Колчина запищала рация, он нажал на тангенту и обменялся с неизвестным абонентом парой коротких фраз.

— Расчеты для "Тунгусок" приехали. Я их проинструктирую, пока не взлетели, а ты давай, поднимайся на борт. Ребята все сами сделают, но присмотри на всякий пожарный. Да, и парашют проверь...

Поджилки у Пашкина задрожали.

— Что, все-таки будем прыгать? — спросил он, ощущая, как леденеет внутри.

— Только если авария. Ну или подобьют вдруг. Просто перестраховка...

За одно лишь командирское обещание не бросать его с парашютом Пашкин готов был первым ворваться в крепость и самолично перебить всех этих вайнахов... ну, в смысле, курдов. Майор обрадованно затрусил в сторону "Анов".

11. Тучи ходят хмуро...

Туман, сумерки. Над пустырем, заваленным каким-то металлическим мусором, клубятся низкие темно-синие облака.

— Виктор! Виктор! — доносится из тумана хрипый сдавленный голос.

Метрах в десяти стоит Бондаренко. Весь в тине и водорослях.

— Виктор! — капитан снова хрипло зовет меня. По лицу Сереги разбросаны трупные пятна. Он в помятой фетровой шляпе. Поднимает правую руку в перчатке с когтями из бритвенных лезвий. На мокром реглане проступают черные и красные полосы...

Выдергиваю ПБ, жму на спуск. В голове у существа, похожего на Серегу, появляется черное отверстие.

— Виктор! — снова зовет меня недобиток. На этот раз голос женский.

Пистолет прыгает в руке, пока не заканчиваются патроны. Опускаю руку, напрягая зрение всматриваюсь в вязкую мглу. "Серега" с дырками похож на стандартную ростовую мишень после стрельб.

Непонятным образом в руке, которая только что сжимала рукоять ПБ, оказывается лопатка. Кидаюсь вперед, не дожидаясь, пока "оно" позовет снова. Лопатка вдруг становится деревянным колышком, заточенным "под ноль". Как выглядит осина — не знаю. Но уверен, что это именно она. Кол входит мягко, будто не замечая ребер. От раны, как от камня, брошенного в пруд, разбегаются волны. Нечисть оборачивается Милой.

— Ты меня любишь? — спрашивает девчонка, потряхивая негритянскими дреддами. Среди косичек, поблескивая в свете вылезшей из-за туч грязно-желтой Луны, дергаются запутавшиеся мальки. Утопленница тянет к моему горлу длинные черные когти. Вокруг, ей по пояс, хороводятся нагие мокрые девочки с осокой вместо волос... [\[53\]](#)

С силой провернув кол, будто ключ в заводной игрушке, отскакиваю в сторону. Теперь это не уже не "Мила". На меня смотрит, ухмыляясь беззубым ртом, бывшая жена.

— У тебя, как посмотрю, новая любовница? — ехидно спрашивает она и протягивает фотографию. На ней — погибшие летчики и Мила, зачем-то переодетая в военную форму. Форма девчонке велика, и она смотрится подростком-новобранцем. Угловатым и нескладным, но при этом неестественно-сладострастно улыбающимся...

— А она очень даже ничего! — ткнув обломанным ногтем в Милу, сипит бывшая. — Не обычная твоя шлюшка, а самая настоящая секс-бомба!

— ... Бомба! Бомба! — круша барабанные перепонки, со всех сторон откликается эхо.

Зажимаю уши ладонями, зажимаюсь. Стою, пока звуки не утихают. Когда открываю глаза — неубиваемой пакости-трансформера уже нет, но на ее месте лежит огромная бомба со знаком радиоактивной опасности. Стабилизаторы у бомбы шевелятся, словно хвост у выброшенного на берег сома. Вокруг скачут в безумном пульсирующем хороводе полчища крыс.

Делаю шаг вперед. Крысы истошно верещат, встают на задние лапки и начинают быстро расти, превращаясь в зомби — убитых мной чеченов с бетонного завода.

"Зомби тоже умеют играть в баскетбол!" — думаю я, сжимая покрепче оружие. На сей раз в руках у меня тяжелая бензопила. Дергаю шнурок стартера и под оглушительный рокот мотора иду вперед. Чеченские зомби отважно бросаются в контратаку. Но что они могут сделать голыми руками против бензопилы красного командира Дюк Ньюкема? Ядреный

херцог с пролетарской закваской, он, блин, форева!

Покончив с врагами, бросаюсь к бомбе. Свистящая пила входит в металл без малейшего сопротивления. Надавливаю, веду вдоль корпуса. Бомба разваливается пополам. У половинок вырастают усы и коленчатые ножки, и они с хихиканьем разбегаются в разные стороны. Не успевают усы-антенны скрыться за горизонтом, как вдали начинают расти два совершенно одинаковых ядерных гриба...

— Не успел! Не успел! — бегу куда-то, и кричу срывающимся голосом.

— Виктор! Виктор! — кто-то осторожно трясет за плечо. Не глядя, отмахиваюсь. Слышу жалобное "Ой!". Открываю глаза. На меня смотрит испуганный Беркович, на левой скуле которого краснеет след от удара. За грязноватым окном ярко светит солнце. День. "Газель"-маршрутка тормозит. Водитель дергает за веревочку, открывая пассажирскую дверь:

— Все мужики, приехали. Я на трассу сворачиваю.

Следом за мной вылезает вконец очумевший Беркович. Машина стоит на краю большой, явно дореволюционной постройке площади. На дальнем конце — одноэтажное здание с черепичной крышей и надписью "Новозыбков". Мы в России.

В голове прокручиваются события последних дней.

К тому времени, как моя голова пришла в относительный порядок после удара об лобовое стекло, а Беркович, который, по пиндосской привычке, пристегнулся и потому отделался легким испугом, перестал заикаться, от панелевоза и след простыл.

После поцелуя с сосновым стволом "Опель-Астра" годился разве что на разборку. Да и то не на всякую бы взяли, наверное. Выматерившись по полной программе, я отвесил надежде американской разведки несколько легких пощечин и выполз на трассу с протянутой рукой. Без своей машины о погоне не могло быть и речи, а для покупки новой требовался относительно большой населенный пункт, да и прихваченные с собой деньги подходили к концу. Теперь нам ничего не оставалось, как идти по следу, перемещаясь на любом попутном транспорте.

До ближайшего перекрестка дорог добирались на старой дребезжащей "копейке". Хозяин, местный пенсионер, переживал за разбитую "Астру", как за свою и — к ворожее не ходи — прикидывал, сколько и чего успеет с нее свинтить, пока к месту ДТП не возвратятся хозяева. На перекрестке обнаружились горячие пирожки, а при них тетка-торговка, чьей оперативной памяти могла позавидовать самая современная камера наблюдения. От нее мы узнали, что бомбу таки везут в сторону пограничного Щорса.

До Щорса добрались на длинномере уже под вечер. За годы суверенитета российско-украинский кордон на этом участке так и не оброс всеми необходимыми атрибутами. Покосившая табличка "Нехай щастить!", переводимая многими как "Нефуй шастать!", да мордатый прапорщик с бляхой "Инспектор прикордонной службы" на грязном камуфляже. Вот тебе и вся "советская власть".

Дальнобой, шедший порожняком, принял нас за будущих "гастеров"- мигрантов, пробирающихся на заработки в Россию. В душу водила не лез, а мы и не сильно норовили всю подноготную раскрыть. Куда хотели попали, что еще надо?

А места здесь были тихие-тихие. Лесной район, что лежит на стыке трех государств, независимых и суверенных, был крупным логистическим центром международного криминального бизнеса. Трафик товаров, не прошедших через таможню, и переход кордона гражданами, не желающими заморачиваться со всевозможными квитками и печатями, поставлен тут был на промышленную основу. Шесть потоков-то! Как не окультурить? Что

мостовая ферма — тут танк протащить можно! Я припомнил по сводкам агентурное сообщение о пяти незаконно списанных БРДМках, без следа сгинувших в этих краях.

В общем, как издавна повелось, и вряд ли когда поменяется. В столицах жизнь и власть своя, в глубинках — своя. Рынок услуг тут держали общим котлом бандиты и все окрестные силовики, кроме, разве что, рыбинспекции. Естественно, никто не мог точно сказать, где кончается Бенья и начинается полиция. Да и не надо было никому. Деньги есть? Сработаемся! Деньги еще были. Поэтому, не прошло и часа, как мы на тентованном армейском ЗИЛе, изо всех сил держась за деревянную лавку, пересекли мелкую пограничную речушку.

Прямые расспросы в этих патриархальных местах — чистой воды суицид. Пока договаривались, я осторожно выяснил, куда мог уйти длинномер. Панелевоз — не УАЗка, по лесному проселку не пойдет, ему бетонку или асфальт подавай. Оказалось, приличных дорог здесь всего одна. До Новозыбкова и дальше на Брянск. Да и то, если от дождей не раскиснет. Дождей не было давно, так что маршрут гадов вряд ли оборвался где-нибудь в грязи...

На той стороне я первым делом обзавелся новыми документами. За пятьсот евро умудренный жизнью бандит со сломанным боксерским носом, лбом шириной в полтора пальца и философским взглядом выдал мне права и паспорт на имя Сергея Алексеевича Бурцева, уроженца города Зареченск. Сергей Алексеевич был прямо вылитый я — если с недельной щетиной и с бодуна.

Жужуку, несмотря на то, что в толстой разноцветной колоде мелькнул и янкесский орёлик, и британский лёва, нихера мы не подобрали. Чебурашечьи уши и лупоглазость Алана были уникальны, но даже если бы и нашлось хоть немного его напоминающее фото, то американский акцент с головой выдавал засланного казачка. Так что пришлось Берковичу стать человеком без документов. Все лучше, чем доставать из широких штанин для предъявления по требованию представителей правоохранительных органов американский паспорт без российского въездного штампа...

Вот мы и у очередной промежуточной цели. И, что очень важно, уже не в пограничной полосе, где кто только не пасется, а в относительно спокойной глубинке.

Закидываю на плечо рюкзак и, не оглядываясь на Алана, двигаю в сторону вокзала. За спиной слышно, как чихает движком "Газель", готовясь продолжать движение к финалу своей незавидной судьбы: быть разобранной на запчасти, или застыть посреди подворья ржавым монументом.

Героически сопя, сзади плетется Жужик. После нескольких суток, проведенных в российско-украинской глубинке, он явно ничего уже не соображает. Впрочем, неудивительно. Пограничная суета и долгая тряска по разбитой дороге способны доконать кого угодно. Не говоря уже о моем малахольном подопечном. Бреду не спеша, заодно прокручивая в голове варианты дальнейших действий. Время, как ни крути, потеряно и теперь нам предстоит искать бомбу на пространстве от Брянска до Сахалина...

— Виктор, но зачем нам вокзал? — скрипит сзади Беркович, — Мы куда-то снова поедем? Только уже на поезде? А как мы узнаем, куда они едут?

Эк, оживился! А прикидывался полудохлым. Бойскаут недобитый! Это тебе не чужих девок трахать. Еще и пристегивается, сволочь!

— Вокзал нам с тобой нужен, чтобы квартиру снять. Без жилья мы тут и суток не протянем.

— Мы будем арендовать квартиру на вокзале?

— Епть! У нас на вокзалах приезжих ожидают домовладельцы! А если спросишь, почему приезжие и домовладельцы не идут в риэлторские агенства, я тебя на месте урою! Въехал?

Беркович явно въехал. Даже не спрашивает меня, что значит "урою".

У входа в вокзал сидят две пожилые женщины со строгими лицами. Старухами или бабками их назвать — язык не поворачивается. Боярыни, блин, Морозовы с картины Сурикова.

Покупаю "порцайку" семечек, и, стараясь больше напираться на мягкое "г", произнося его почти как "х", интересуюсь:

— Титоньки, а хде бы тут у вас денька на три, на четыре, житло зняты?

Бабушки строги и неприступны только на вид. И говор у них далековат от языка дикторов центральных каналов.

— Што, робяты, домой возвращаетесь с заробОтков, а разрешенья просрочены!

— Та отожд... выдавливаю я универсальный и ни к чему не обязывающий ответ, радуясь в душе, что в этих местах не нужно сочинять прикрытие. И так все всё знают.

Минут через десять я, жалуясь, что "цены в Москве жуткие, москвичи озверели, работа тяжелая, а хозяева при расчете все норовят обдурить", сжимаю в руках обрывок бумаги с адресом, где, по словам "боярынь", охотно пускают постояльцев.

Идем, глаза по сторонам. Городок небольшой, но чистый и аккуратный. Улица заворачивает к небольшому базарчику, где на входе сразу обнаруживается "пищевоблок-джихад".

Наблюдая за тем, как Беркович вгрызается в шаурму, невольно помогая исламским экстремистам своей, то есть моей трудовой копеечкой, вспоминаю, что будто вчера сидел с Милой в Киеве у "черного" рынка...

Завершаем перекус растворимым кофе, к великому ужасу Берковича, не только с сахаром, но и с кофеином. Уточняем маршрут у тетки, торгующей сигаретами, и вскоре стучимся в свежевыкрашенную калитку.

Хозяева — бывшие отселенцы. После 1986-го, когда Новозыбков получил изрядную долю радиоактивных осадков и был объявлен "русским Чернобылем", они, тогда еще молодожены, сбежали от греха подальше за Урал, и лет семь мыкались на заработках. Вернувшись, купили дом всего за три сотни долларов — в начале девяностых щедрый бюджетный поток, направляемый "на ликвидацию последствий..." иссяк, и весь город был заполнен сплошными недостроями. Однако, зная, что получили ударную дозу радиации, детей заводить не решились. Устроились работать: он — на станкостроительный, она — на швейную фабрику. Дыры в семейном бюджете латали огородом и сдачей внаем половины дома, слишком большого для двоих, поэтому появление постояльцев, пусть даже и не имеющих регистрации, было ими воспринято даром судьбы.

Всё это узнаю, общаясь с хозяином, пока хозяйка хлопочет на кухне. Беркович, едва добравшись до кровати, падает, как подкошенный. Приходится его расталкивать чуть ли не пинками, чтобы хоть ботинки снял.

Не сумев отбиться от приглашения на обед, отдаю должное вареной картошке с тушеным мясом.

Оставшись наконец-то один, первым делом произвожу финансовую ревизию. Это в книгах и фильмах, где герои спасают мир, почему-то не бывает ни малейших проблем с

материальным обеспечением. В жизни же основным противником хороших парней являются не бородатые дядьки с пистолетами-пулеметами и не коварные мафиози, а хроническое безденежье...

Мостовая ферма — не иголка в стоге сена, да и не увезут ее за сутки слишком уж далеко. Купим новую машину — догоним. А вот насчет "купим" — пока проблемы. Денег, взятых с собой из Киева, осталось всего девятьсот тридцать евро. Тех, что я оставил у Милы, хватит, чтобы гоняться за панелевозом хоть месяц, хоть два. Вопрос, как их сюда доставить.

Первую же пришедшую в голову мысль — денежный перевод — отметаю почти что сразу. Сумма больше десяти тысяч долларов, банк или почта потребуют документы, а Милка — хоть и женщина, епть, но пока еще несовершеннолетняя. Можно, конечно, попробовать по частям, но тогда ей придется обойти пять-десять точек. И хотя бы в одной из них ее засечет ворье. По уголовной статистике Киева, наводки на квартирные кражи и грабежи чаще всего делаются именно в небольших банковских отделениях. Да и я тут в Новозыбкове, когда приду получать одновременно кучу переводов, окажусь у всех на виду, словно голый посреди площади...

Так что, судя по всему, придется нашей русинской Лолите поиграть в игру "Красные дипкурьеры". Но и тут все та же проблема. По закону Украины до шестнадцати лет выезд из страны разрешен только в сопровождении одного из родителей, либо с нотариально заверенным разрешением. Можно, конечно, как и мы, через Щорс, но для девчонки с пачкой купюр такое путешествие может закончиться до предела плачевно.

Еще такой вариант. У нее на руках паспорт отца. Если найти нотариуса, который согласится оформить по нему левый "дозвил"... Нет, в телефонном режиме я вопрос по Киеву не решу, а для провинциальной школьницы проверить самостоятельно подобный гешефт в принципе нереально. Так что единственный вариант — возвращаться мне в Украину. Но это и риск, и потеря времени. Хотя стоп! Кажется, какую-то нотариальную бумагу я видел, когда перебирал ее документы...

Номер, как оказалось, из головы не вылетел. Набираю. Гудки и робкий ответ:

— Да! Кто это?

Прошло всего несколько дней, а я, как оказалось, соскучился по соплюхе...

— Полковник Страхов. Южное управление.

— Ой...

Судя по звуку, то ли микрофон закрыла, чтобы отвести душу затяжным ругательством, то ли уронила телефон.

— Ты! Вы... Сволочи! Я же волновалась! А ты даже позвонить не мог!!! Ах ты...

Немного отстранившись, пережидаю взрыв. Ну все, вроде как ругательства кончились, и слышатся вопросительные интонации. Перехватываю инициативу:

— Все, хватит. Надо было так. Рассказывай, все там нормально?

Мила сбивчиво начинает доклад. Все у нее путём. Что характерно, про Берковича не интересуется и к трубке его не просит...

В двух словах описываю наше положение. Тут же выясняется, что мне хоть в чем-то наконец повезло. За две недели до событий Мила собиралась навестить брянскую тетушку, и Сербин ей действительно выправил нотариальное разрешение. Срок действия которого три месяца. Прошу прибыть как можно скорее, со всем оставшимся деньгами.

Через час Мила перезванивает с вокзала. Билет на поезд она купила, через семь часов будет в Брянске, а оттуда — на автобусе. Из Брянска обещает перезвонить. Напоследок

прошу, чтобы с внешностью не экспериментировала, места тут патриархальные. Не поймут.

* * *

Утро красит нежным светом. Автобус прибывает в шесть тридцать. Мы с Берковичем, выспавшиеся и умытые, выдвигаемся для торжественной встречи.

Автовокзал, одноэтажное деревянное здание со старорежимной колоннадой — на вид типичная почтово-ямская станция с дореволюционной фотографии, пребывает в типичном для здешних мест полусонном состоянии.

Вытаскиваю очередную, последнюю сигарету, смяв пачку, щелчком отправляю в урну. Прикуриваю, смотрю на часы. Рейсовый автобус "Брянск-Новozyбков" опаздывает больше, чем на тридцать минут. С одной стороны, ничего подозрительного — автобусы опаздывают всегда и везде. Но с другой, в свете нынешних обстоятельств... Да ну и соскучился я по нашей "дочери полка". Если бы что случилось, Мила бы кордон не пересекла. А так, СМСка получена, все нормально.

Конечно, все правила безопасности требовали, чтобы мой американоподанный сидел под кроватью в дальней глухой комнате, испражняясь в спичечный коробок и выходя на открытое пространство только в мечтах. Он же, с его гражданством, наглухо вогнал бы в ступор любого пента, возжелавшего проверить наши документы. Но я, проклиная его, Милку, себя, а заодно и треклятую бомбу, что свела нас в дурацкий треугольник, да такой, что Санта-Барбара отдыхает, все же поволок его на вокзал. При этом гребанный Джеймс мать его, Бонд, чтоб его паралич разбил, воспринял мой поступок как должное. И даже не поблагодарил. Скотина!

Наконец, на платформу закатывается свежескрашенный ЛиАЗ с синей полосой вдоль борта. Пихаю сидящего рядом Берковича локтем. Тот вскидывается. Мы, чуть ли не строевым шагом, топаем к желтой табличке "Место для высадки пассажиров"

Мила, скинув рюкзак и поставив на заплыванный асфальт дорожную сумку, стоит на платформе, испуганно оглядываясь по сторонам. Мою полупросьбу-полуприказ насчет экспериментов с внешностью девчонка выполнила почти буквально. На ней скромные прямые джинсики с высокой талией без непременнои полоски обнаженного живота, синяя футболка и короткий замшевый жилет. Даже дредды свои она расплела и собрала волосы в аккуратный хвост. Увидев нас, обрадованно вскидывается, и рыпается навстречу. Прикладываю палец к губам, и киваю, "не спеши, мол",

Перестаем играть в шпионов, отойдя от вокзала на пару кварталов. Не выдерживает Мила, кинувшись обниматься. Сперва — со мной. Мелочь, вроде бы, но, как говорится, есть нюанс. Отбираем у нее вещи и двигаем к дому, болтая на ходу. Мила рассказывает о дороге.

— А еще, со мной в купе ехали две москвички. Актрисы. Играют в российских сериалах, а на съемки ездят в Киев, потому что у нас, оказывается, все намного дешевле, и аренда техники, и статисты. Они меня на кастинг приглашали, дали телефон продюсера. — Мила показывает карточку, украшенную затейливыми узорами.

— Знаем мы этот кастинг, — цежу я сквозь зубы. — И девчонок тех, зовут Мелисса и Анжелика, да?

— Да вроде нет, — пожимает плечиками Мила. — А что?

— Да, так... — ухожу от прямого ответа. — Слышал по мелочи.

— Уиктор совершенно прав. В киноиндустрии царят самые ужасные нравы! — неожиданно поддерживает меня Беркович.

Пихаю локтем в бок несвоевременно заботливому Жужику, намекая, что надо бы перевести разговор в менее опасное русло, но, к счастью, мы уже пришли. Беркович даже обидеться не успел.

О предстоящем пополнении количества жильцов я предупредил хозяев еще вчера, во избежание кривотолков, объяснив, что "приедет на пару дней двоюродная сестра, вещи привезет, все такое". Они не возражали и, уходя утром на работу, разрешили нам пользоваться кухней. Там, на кухне, я и собрал рабочее совещание.

Для того, чтобы подробно рассказать о том, что с нами произошло, понадобилось чуть больше четверти часа. Рассказ Милы оказался еще короче. Все дни она слонялась по пустой квартире, ожидая, когда мы дадим о себе знать.

— Скучала, — добавляет она.

Мы с Аланом неодобрительно косимся друг на друга.

— Ладно, молодежь, — надеваю я маску крутого диверсанта, — все обошлось, и слава богу. Мила на месте, деньги у нас тоже вроде как есть. Теперь будем думать, как нам жить дальше.

Хотя для меня тот вопрос решен. Найти бомбу для нас — единственный вариант вылезти из этой ямы целыми и невредимыми. Куплю машину — и на брянскую трассу, панелевоз вычислять. Милу здесь в хате оставляю, а Берковича с собой прихватчу. Чтобы, оставшись в одиночестве, он, не приведи господи, думать не начал и не отчебучил чего. Ну и... вообще. Теперь нужно довести план активных мероприятий до моей инвалидской команды.

Изложенный план принимается. По ходу рассказа Беркович задает лишь один уточняющий вопрос — что такое "фура". Мила вообще молчит. Похоже, свыклась с мыслью, что основная ее задача сидеть в четырех стенах и быть на подхвате. Впрочем, девчонке не привыкать.

Выезжать собираемся по готовности. Интересуюсь у возвратившихся хозяев, где здесь в городе хоть что-то похожее на автобазар. Городок невелик и отдельного авторынка здесь, конечно же, нет. Но зато, как и в Прилуках, есть газета "продай-купи", где публикуют платные объявления. Рассиживаться нет больше смысла. Выхожу на улицу и топаю в направлении ближайшего киоска. На переходе взгляд останавливается на бигборде с предвыборной агитацией.

Со здорового в строгом стиле портрета на меня смотрит серьезный, лет пятидесяти мужчина. Ёжик коротких волос, чуть пробившаяся седина. Общее выражение лица строго соответствует каноническому определению "а глаза добрые-добрые". Но, невзирая на почти что нескрываемую циничную хитрецу, товарищу Короленко Алексею Петровичу, президенту агрохолдинга "Тростана", почему-то сразу хочется верить...

Пытаясь даже не думать о второй за сегодняшней день удаче, подхожу к ларьку и покупаю запланированную газету. Однако не лезу в раздел "авто", а сразу ищу рекламу славного районного агрохолдинга, который в состоянии выдвигать в Госдуму собственных кандидатов. Телефон нахожу рядом с надписью "учредитель". Остальное дело техники. Дозваниваюсь, получаю номер приемной, с минуту уговариваю неприступную секретарку. И, когда в трубке доносится требовательный рявк "Короленко!?" говорю:

— Здравствуйте, дядя Леша!..

12. Разведка боем

На спутниковых фото место предстоящей посадки казалось ровным, как стол. В реале же трясло так, что майор чуть не пробил головой дыру в потолочной обшивке. Хорошо, хоть догадался шлем нацепить. Шлем, в отличие от привычного СШ-68, оказался удобным. На лицо не сползал, из стороны в сторону не мотылялся. Нет, все же коммунизм, пусть даже и военный — великое изобретение человечества!

Сквозь приоткрытую аппарель в самолет ворвался свежий воздух. Ночная прохлада пахла пылью, горами, немного травами и свежей кровью.

Пашкин выпрыгнул из самолета, оглянулся. Ну да, вон под чахлыми кустиками валяется груда тряпья. То ли незадачливый сторож, то ли вышедший пописать курд. Впрочем, рассматривать свежепредставившегося времени не было...

Работали по заранее оговоренной схеме. Колчин с основной группой ускакал на "зачистку" тропы, ведущей к аулу. Пашкину же был придан неразговорчивый лейтенант Иванов с парой безымянных сержантов. Представление Колчина майор благополучно забыл, а сержанты, учтя специфику ситуации, представились позывными: полста первый и полста второй. В детали майор вдаваться не стал, решив отложить до лучших времен. Задача Пашкина и подчиненных ему бойцов заключалась в том, чтобы сопроводить к "Тунгускам" два расчета, взятые на борт в Моздоке.

Хотя, судя по всему, армейские ПВОшники — тертые мужики, все примерно майоровы сверстники, сами могли кого угодно сопроводить. Хоть к черту на рога. Но приказ есть приказ, а восемь стволов гораздо лучше четырех. К тому же, как заумно уточнил старший зенитчик Варфоломеев — тоже, кстати, майор — пехотное наполнение — залог успешной обороны любой долговременной огневой точки!

Пока Пашкин размышлял, обижаться ли ему, что их элитную группу между делом обозвали "пехотным наполнением", они достигли позиций. В темноте два "рогатых танка", укрытых под нависшей скалой, смотрелись какими-то инопланетными устройствами. Общее впечатление портило только очередное тело у трака. И кажущийся черным мазок на броне. Похоже, били из "бесшумки" в голову. Интересно, курд или западенец?

Навстречу вновь прибывшим из темноты шагнул человек с ВССкой в руках. А вот и искомая "бесшумка"...

* * *

— Сержант Громов, штурмовая группа!

Один из парашютистов, сообразил Пашкин.

— Ну как тут?

— Нормально. Не боевая выброска, а образцово-показательный сброс для пионеров на Зарнице. Всего один караульный, и тот под дурью... Наши на соединение с группой двинули, а меня тут оставили вас ждать.

— Ладно, — сказал Варфоломеев. — Ща посмотрим, до какого состояния хохлы с басурманами боевую технику довели...

Зенитчики сноровисто облепили машины и полезли внутрь. Вскоре из металлических

недр "Тунгусок" понесли смачные матюки.

Пашкин, честно исполняя поставленную задачу, силами приданных бойцов и тут же переведенного в его распоряжение "штурмовика" организовал боевое охранение. Окопов, как бы ни мечтал ПВО-шный майор, отрывать не стали — в горах хватало укрытий. Бадме Иванову майор предоставил полную свободу выбора — снайпер лучше знает, где его позиция. Сам же нашел небольшой карниз, с которого одинаково хорошо просматривалось и плато, где ждали их самолеты, и зенитные комплексы, и лежащий в полутора или двух сотнях метров ниже аул.

База курдских террористов пребывала в тишине и молчании, что сразу же вызвало у Пашкина вполне обоснованные сомнения. Если бы эти сепаратисты притаранили в горы ядреный боеприпас, они бы караулы рядом с каждым камнем поставили и "Тунгуски" бы свои драгоценные, сто пудов под парами держали. Так что, как говорил герой классического шпионского боевика, похоже, пустышку тянем. Но, с другой стороны, другой классик по этому поводу, словно специально для розыскников, высказался прямо и однозначно — критерием истины может служить только практика...

— Слышь, командир! — из "Тунгуски" выскочил Варфоломеев. — Ну че, разобрались вроде. Техника на ходу, электроника тестируется, боеприпас в наличии. Локаторы мы пока не включали, а то засветимся на всю Турцию. Ракеты рискну выпускать только в самом пожарном случае, мало ли на кого они там наводятся. А пушки — пжалста, хуч чичас. Какие будут распоряжения?

Тут у Пашкина вопросов не возникало, диспозицию отработали еще в "Руслане".

— Готовить к запуску. По сигналу выдвигаемся вниз по склону. Позиции забейте в навигаторы, туда станем, развернемся к аулу и ждем распоряжений. Стрелять только по наземным целям.

— А если хозяева прилетят? Турков кладём?

— Их не должно быть. Но если объявятся, то огонь не открывать ни при каких обстоятельствах. Тогда бросаем технику и возвращаемся к самолетам.

— Понял, — хмуро ответил ПВО-шник. Судя по всему, очень ему хотелось пострелять по реальным воздушным целям. Ну ничего, майор, будет и на вашей улице праздник...

Расчеты тихо возились, готовя к работе трофейную технику. Пашкин снова залег на карнизе и, ожидая команды, наблюдал за аулом.

Минут через двадцать, раньше времени, которое было отведено для выхода на позиции, рация неожиданно ожила.

— Семь-пятнадцать, семь-шесть на связи! — прохрипел, пробиваясь через скремблеры, голос Колчина. — У нас тут резкое изменение обстановки. С ДРЛЮ^[54] информация. Из Ирака от Тикрита четко в нашу сторону движется группа американских вертушек. Только что пересекли границу. Турки, судя по перехвату, ни сном ни духом.

— Состав группы? — всем нутром ощущая, как по телу горячими пульсирующими волнами разбегается адреналин, спросил Пашкин.

— Два Апача. Три Чинука. Вот, еще инфу подогнали. Похоже, что на борту морпехи. Группа в пятьдесят рыл, если базируемые в Тикрите, то с горной подготовкой. Стало быть, транспортники идут налегке, в каждом всего по пятнадцать-двадцать бойцов. У янковской спецурсы — типовая схема рейдов...

— Принял! — коротко сказал Пашкин. — Похоже, что и ЦРУ узнало про... сувенир. — Назвать бомбу бомбой у него, как у контрразведчика, язык не повернулся даже по каналу

закрытой связи.

— То — то и оно, — хрипнул Колчин. — Так что, похоже, нам придется несколько изменить план. Вопрос тут один, знают пиндосы про "Тунгуски"? Если знают, то с вас и начнут. Они на вертолетах, с парашютами прыгать не станут, попробуют сразу забить Хеллфайрами... Ты там на месте, что предлагаешь, майор?

— Сколько времени на решение? — спросил Пашкин. Личное свое решение он принял с ходу и не задумываясь, а вот рисковать зенитчиками без согласия их командира не мог...

Варфоломеев, как оказалось, уже был в курсе. Он не только получил информацию по своему спутниковому каналу, но и успел ввести в бортовые компьютеры все данные для сопровождения целей.

— А фули тут думать? — ответил он на вопрос майора. — Позиция толковая. Хохлы и выбирали, чтобы с юга прикрыться. Судя по карте, путь у янков один — по ущелью, с выходом на седловину. Даже если они о нас знают, то вряд ли ждут боевой готовности. И уж точно не в курсе, что мы получаем данные прямо с ДРЛО. Ракетами, уже сказал, бить не рискну — хрен их тех басурман знает, что они тут с ними колдовали. Будем артиллерией работать. Апачей снимем сразу над перевалом, они и навестись не успеют. А с десантными — тут уж сам решай. Без поддержки они — как фазаны в вольере. Так, разминка перед обедом.

Судя по всему, настроение у командира ПВО-шников, испорченное запретом стрелять по туркам, резко начало подниматься. Плох тот русский военный, что не хочет отстрелять БК по американцам!

Пашкин связался с Колчиным и доложил о решении.

— Вот и славно, — сказал Валентин. — Тогда встречайте гостей. За пару минут до того, как огонь откроете, мы начнем выдвигаться к базе. Одну десантную подпустите поближе. На выстрелы и звуки пропеллеров курды ломанутся занимать позиции, тут мы их возьмем за влажное вымя.

— А если амеры смогут высадиться?

— Засядут в лесу — попробуйте отогнать огнем. Не вникнут — дави по законам военного времени. У тебя аргументы по тридцать мымы. Пару очередей, и этих морпехов потом будут год собирать по веткам белки с бурундуками. СК!

— Ну что, работаем! — произнес Варфоломеев, растянув рот в улыбке. — Майор, ты сбоку постоишь или с нами?

— А поместимся?

— Куда мы нахрен денемся!

Пашкин, отдав последние распоряжения залегшим меж скал охранникам-наблюдателям, нацепил на ухо гарнитуру тактической связи, кое-как протиснулся сквозь тесный люк. Напрасно потратил несколько долгих секунд на поиск тумблера освещения. Не найдя, прошипел неразборчивое ругательство и прижал кнопку налобного фонаря, про наличие которого за всей беготней успел позабыть.

Пятно света было небольшим, у "Тикки XR2" люменов не так уж много. Больно врезавшись головой в невидимый выступ, майор застыл. С неожиданной тоской вспомнился парашют.

Сверху по башне протопал кто-то большой и грузный. В башню "Тунгуски" свалился Варфоломеев. Быстро оценив ситуацию, протиснулся на место командира, кивнув Пашкину. Следом за командиром влез второй зенитчик, тут же пробравшийся мимо замершего майора

к пульта наводчика-оператора.

Ну, кто не рискует, у того на могиле почетный караул не стреляет!

В тесноте внутренностей кабины особо было не разглядеть, но кое-какие детали Пашкин, вытянув шею, увидел. О, табло зажглось! Дальше что?..

Оператор скинул крышку с надписью "пуск", закрывающую очередную кнопку и отрапортовал:

— К бою готов!

— Отлично! Цели в ущелье! — с энтузиазмом азартного охотника отозвался сверху Варфломеев. — Апачи доходят до расчетной точки, за пять секунд до начала прямого контакта включаем локацию и ведем по ней, а не по ДРЛО. Поднимаются над седловиной — огонь по команде. У нас, пока они опомнятся, будет секунд пятнадцать.

На круглом дисплее вполне доходчиво отображалось все то, о чем говорил майор. Заглядывая через плечо оператора, Пашкин разглядел плотный строй из пяти движущихся желтых точек. На пути у точек мерцали две коротких зеленых линии — судя по всему, рубеж включения РЛС и точка начала боя.

Время, которое понадобилось точкам, чтобы добраться до первого рубежа, показалось Пашкину вечностью...

Над головой загудели сервомоторы.

— Есть контакт, — так же азартно заорал Варфоломеев. — Захватили, ведем. Осталось четыре... три... две... одна...

Последнюю цифру отсчета заглушил страшный, разбивающий череп грохот. Пашкин, глотая воздух широко разинутым ртом, вывалился наружу.

Небо, до того угольно-черное с россыпью звезд, теперь озаряли вспышки. В воздухе стоял кислый пороховой запах. Бешено вращались локаторы обеих ЗПРК, а пушки поочередно плевались ярко-белыми осами. Осы небольшими роями уходили в сторону ложбины меж двух холмов, где, почти неразличимые на фоне темного неба, метались две хищные продолговатые тени.

Один из роев долетел и столкнулся с тенью, вслед за ним поспел и второй. Долина озарилась ярко-алой бесформенной вспышкой. На секунду стал виден силуэт подбитого вертолета — уже без хвоста и при очевидном некомплекте несущих лопастей. Бухнул взрыв, почти не слышный на фоне работающих зениток. Огненный клубок обрушился на холм, покатился по склону, разбрасывая пылающие ошметки.

— Есть один! — заорал в наушнике Варфломеев.

Сколько секунд прошло с момента начала боя, Пашкин не засек, да и не смог бы заметить. Подавляющий грохот и фейерверк событий полностью сбили ощущение реального времени.

Второму удалось, похоже, прорваться. То ли пилот там был поопытнее, то ли просто повезло, не важно. "Апач", взревев турбиной, грамотно ушел к подошве холма и, стараясь держаться на фоне леса, начал боевой разворот. Крутнувшись чуть не на месте, он успел все же выпустить две ракеты, но наводить их на цель было некому. Злые белые пчелы, которыми плевались два ЗРПК, начали сходить в одну точку, по вертолету хлестнул огненный бич. На малую долю секунды уперся в угловатый корпус...

"Тунгуска" способна выдать в минуту до пяти тысяч выстрелов. Каждый весом четыреста граммов, несет грамм сорок пять взрывчатки. И это не считая собственной кинетической энергии. Теперь и Пашкин понял, что обозначает на ходу оброненное одним

из зенитчиков: "В капусту изрубим".

Боевая машина на глазах развалилась в воздухе, осыпавшись на лес дождем разновеликих осколков. Выпущенные "Хеллфайры" понеслись куда-то в сторону, отсвечивая огненными хвостами, и взорвались не меньше чем в километре от их позиции. В тех местах, куда падали сбитые вертолеты, загорелись деревья. И в этом сюрреалистическом освещении Пашкин увидел, как на седловину, словно в замедленном кино, наползает раздутая туша "Чинука".

Тишина упала на голову так же неожиданно, как до того обрушился грохот выстрелов — Слышь, майор! — рявкнул в наушнике ПВО-шник. — Два транспорта развернулись и в темпе вальса тикают назад в Ирак. Один тоже сейчас слиняет, но пока еще сможем его достать. Работаем, или пусть валит?

Решение не было не в компетенции Пашкина, и он переключился на Колчина. Судя по плотным очередям, доносившимся снизу, со стороны аула, работа там шла по плану.

— Семь-шесть, семь-пятнадцать на связи! — попытался вызвать командира Пашкин. Тишина.

— Семь-шесть...

— Семь-пятнадцать! — отозвался со второй попытки Валентин, — Рома, я тебя умоляю! Работу видел, молодцы. Комбат стопудов всех к "мужику представит!"^[55]

— Не про то! — начал злиться от неуместной трепливости Пашкин, — Грузовики уходят. Добиваем?

— Фи на вас три раза! Бей аккуратнo, но сильно, шоб эти шлемазлы на лес попрыгали! Мы на них весь хипеш свалим!

— Принял... — буркнул Пашкин и переключился на Варфоломеева:

— Хвост им сруби!

— Эсть! — гавкнул динамик. И тут же обе "Тунгуски" рявкнули изо всех стволов. В этот раз близкую стрельбу уши майора перенесли не в пример спокойнее. Мелькнула мысль, что еще немного, и можно подаваться в фанаты "Black Sabbath", в подражание кое-кому из Кремля...

Пашкин не сомневался, что придали им специалистов. Но только сейчас понял, что не просто спецов, а мастеров высшего класса. Вертушки уже были на грани видимости. Майор вообще видел лишь жирные черные точки на фоне сереющего неба. Не успело еще отзвучать эхо залпа, как одна из точек резко клюнула вниз и начала снижение, больше похожее на падение.

— Вторую отпускать? — с заметной грустью произнес чуть слышный голос Варфоломеева в наушнике, и Пашкин понял, что оглох не окончательно.

— Семь-шесть! — неожиданно вернулся Колчин.

— На связи!

— Оставляй Бадму старшим, а сам давай вниз, бикицер. Мужики и без тебя дело сделают, а ты будешь внизу нужнее.

— Вторую тоже сади! — напоследок злорадно скомандовал Варфоломееву Пашкин.

Коротко бахнула одна из "Тунгусок". По-снайперски точный выстрел разнес "Чинуку" задний винт. Заквохтав, словно курица, вертолет крутанулся на месте и тяжело осел куда-то за седловину. Если сидящие в нем морпехи и уцелели, в ближайшие полчаса они не представляли угрозы. Скорее всего, будут сидеть до утра в лесу, ожидая эвакуации, или же пешим ходом пойдут к границе. Ну а если такие крутые, что попробуют сунуться, на

перевале их встретит отнюдь не дружественный огонь. Впрочем, это уже дело бурятского охотника Иванова. Пашкину предстояло заняться тем, ради чего, собственно, он и был взят в команду...

От позиций "Тунгусок" к аулу вела, разрезая скалу, длинная извилистая расселина, по дну которой бежала ровная утоптанная тропа. Метров восемьсот до долины Пашкин пробежал легкой рысью, ухитрившись не особо и сбить дыхание. Вот что животворящий тренажерный зал делает, жаль, что не так часто ходил...

Внизу его уже ждали.

— Тех, что выскочили на выстрелы, положили всех сразу, — ввел Колчин в оперативную обстановку. — Попробовали на плечах войти в крепость, но там остались не пальцем деланные. Тут же заняли оборону. Отстреливаются. Ждут, похоже, рассвета. Васинские бойцы крепость полностью заблокировали, готовятся к штурму...

Противно дзынькнула пуля, отрикошетив от камня. Следом вторая, третья... Невидимый снайпер неуклюже, но настойчиво пытался нащупать залегших бойцов.

Пашкин дипломатично молчал. В бою демократия смерти подобна. На месте командира штурмовой группы он бы уже давно раскатал бы изъеденную временем крепостушку из "Шмелей"^[56], благо подкрепление притащило их в изобилии. Хотя, если учесть вероятность нахождения внутри фигурантов, то, может быть, коллеги и правы...

— Полковник Васин с фронта не уезжал, так что сейчас будет схема три! — словно отвечая на его мысли, тихо произнес Колчин. — Ну, шо, как говорится, Жора, поддержи макинтош и семушки, чечас я покажу этому поцу, как бушуют волны Черного моря!

— Схема три! — выдала рация голосом подполковника Васина.

Колчин подмигнул Пашкину и передернул затвор, вставив в приемник новый магазин.

Не успел клацнуть фиксатор, как окружающие крепость камни будто взорвались. На миг показалось, что стреляют из-за каждого бульжника. Крепость окуталась пылью и каменной крошкой, выбиваемой пулями. Осназовцы били в любое отверстие, могущее послужить бойницей...

— Работаем!

Под мощным стрелковым прикрытием в сторону крепости рванула "тяжелая" группа. Баллистические щиты, бронезилеты в максимальной комплектации...

Кто-то из бойцов, то ли специально, то ли по запарке включил общую трансляцию. И майор, потихоньку простреливавший в пару подозрительных проломов под самой крышей, все происходящее в крепости слышал.

— Работаем!

— Угол!

— Чисто!

— Чисто! Ха!

— Работаю!

— Дверь!

— В сторону!

Оглушительный скрип...

— Граната!

Взрыв, две очереди для правки.

— Три всё! Работаем!

— Ха!

— Работаю!
— Тень! Движение!!!
— Алла Аба!!!!
Бах! Бах!
— Ха!
— Работаем!
— Двиг!
— Ааа! Нахер! Нахер!

Длинная очередь, стук падающего тела...

— Ха!
— Работаем!

Несколько одиночных выстрелов. И тишина...

— Шесть — десять — всем! Выходим! Не стрелять!

Со стороны зениток донеслось несколько одиночных выстрелов. Похоже, что морпехи все же проявили упорство, но это было уже не важно. Крепость захвачена, и теперь на передний план вышла основная задача рейда — поиск любых следов и свидетельств, связанных с Джамалем и вероятной атомной бомбой. В идеальном случае обнаружение как бомбы, так и Джамалю.

— Ну что, птицы вещие! — вновь голосом Васина ожила рация. — ШэГэ — раз сделал свое дело, ШэГэ — раз может отдохнуть. Ищите за чем пришли.

— Алконост, сбор у главной башни, точка номер четыре! — скомандовал Колчин.

Со всех сторон из камней полезли угловатые, похожие на роботов тени. Боец в защите больше, чем боец, как писал классик...

Главная башня, точнее, ее остатки, представляли собой ДОТ, устроенный при входе вовнутрь курдской базы. У черного проема их ожидал сам Васин.

— Наши все целы? — спросил у подполковника Колчин.

— Бог миловал, — с явным облегчением ответил командир "имперских штурмовиков".
Одного только цепануло, да и то не пулей, а камнем...

— Что внутри?

— Кого обнаружили — всех зачистили. Территория небольшая, но в развалинах оборудованные помещения с кучей нычек. Мои там рыщут, но и вы тоже не расслабляйтесь.

— Старшего взяли?

— Да хрен его маму знает, кто у них старший? Разбираемся. Точнее — разберетесь...

— Джамаль! — вмешался Пашкин в разговор командиров. — В первую очередь нам нужен Джамаль. В общей сети есть несколько вариантов фото с разными прическами и прочей волосатостью. Пусть смотрят и думают. Если живой — сразу же на допрос.

— Согласен! — кивнул Валентин. Ну что же, помолясь и приступим.

— Командуй, майор! — сказал Васин. — Теперь уже ваша делянка. Ежели что — я на связи, — и растворился во мраке, будто его и не было.

— Кудашов! Берешь троих, и разбираетесь с курдами. Убитых, раненых идентифицировать по мордам и пальчикам. Сразу же стройте схему связей и выявляйте командиров. Про Джамалю слышали — живого или мертвого на цугундер. Я и со мной двое, всю радиометрию в охапку, ищем бомбу. А ты, Роман Александрыч, давай, поройся у них в компьютерах и в бумагах. Языки-то, судя по личному делу, знаешь, тебе карты в руки. Так что дуй сразу в штаб. Штурмовые у тебя на подхвате.

Миновал короткий коридор, Пашкин оказался в просторном зале, представлявшем собой странную смесь исторического музея и компьютерного центра. Вертя головой вправо и влево и шурясь на свету, майор с удивлением разглядывал настенные ковры с развешанным на них коллекционным оружием — рыцарскими мечами, восточными саблями, кинжалами, старинными пистолетами. Под самым потолком висели тяжелые знамена с раздвоенными концами, на которых пестрели мудреные дворянские гербы. Само же помещение было заставлено серверными стойками, которые перемигивались цветными огоньками и рабочими местами с большими плоскими дисплеями.

Пять или шесть бойцов штурмовой группы, сноровисто перемещаясь по залу, отволакивали к стене каких-то людей, то ли застреленных, то ли связанных, а один, методично обходя все столы и стеллажи, вываливал их содержимое в большие пластиковые мешки.

— Отбой! — раздался из дальнего конца зала громкий уверенный голос. — Вроде чисто.

— Штаб зачистили, командир! — доложил в рацию старший. — Общий итог: здесь, в главном здании пять двухсотых, восемь трехсотых, пятерых упаковали без царапинки. Потерь и ранений нет. Есть в распоряжение к аналитику!

— Ты аналитик? — спросил боец, обернувшись к Пашкину.

— Я!

— Что искать?

— Вытаскивайте из компов все жесткие диски. Прошуршите по нычкам, флэшки, камеры, телефоны и прочую подобную хрень — всю до кучи. Мне отдельную комнату и помощника. Старшего из выживших — на допрос. Пленные или заложники обнаружены?

— Во дворе три зиндана, там один русский сидел. Заложник, вроде коммерческий. Говорит, что инженер...

При слове "инженер" Пашкин сразу же сделал стойку.

— Этого срочно давай сюда. Пленные подождут.

Подходящая комната нашлась сразу — это был с претенциозной, державной роскошью обставленный кабинет, который, несмотря на мусульманское зеленое знамя и восточный колорит, чем-то неуловимо напоминал апартаменты какого-нибудь первого секретаря провинциального райкома.

Помещение носило следы недавней борьбы. Стулья разбросаны по сторонам, сейф варварски вскрыт, а вываленные из него пачки разномастных купюр свалены горой на поверхности внушительного дубового стола. На полу разбитый телефонный аппарат правительственной связи. Советский еще. С гербом. Не лучшая, конечно, допросная, но за неимением гербовой пишут и на почтовой...

Не успел Пашкин толком расположиться и установить камеру-регистратор, как вытребованный "помощник" затолкал вовнутрь избитого человечка.

Пашкин жестом предложил толстяку присесть. Едва тот неуклюже опустился на стул, бросил прозвучавший ударом вопрос:

— Фамилия?

— Журавлев.

— Имя?

— Константин.

Журавлев отвечал механически, но честно, не пытаясь ничего скрыть.

Привычно корректируя очередной вопрос под полученные ответы, Пашкин быстро выяснил детективную историю жизни бывшего секретного физика, и то, каким образом он оказался в курдском плену.

После того, как Журавлев начал рассказ про поездку в Русу, майор, прервав "пациента", связался с Колчиным и затребовал техника, чтобы тот организовал прямую трансляцию допроса через спутник в оперативный центр.

Через десять минут Пашкину было известно все, что знал Журавлев. Компьютер, также заведенный техником на спутниковый канал, тут же выдал всю попутную информацию. Данные о "гибели" Журавлева. Технические характеристики бомбы. Информацию о неудачных испытаниях в 1987 году.

Общую картинку Пашкин увидел еще до того, как аналитики из центра выдали примерную модель произошедших событий: Ту-95, перенаправленный из Моздока в Оленью, совершив "неудачный" сброс, прилетел в Русу, где летчики не смогли придумать ничего умнее, как закопать специзделие тут же на летном поле. Прочти подобное в шпионском романе — смеялся бы, наверное, до утра...

Выходит, что один из летунов две или три недели назад нарушил двадцатилетнюю "омерту" и проболтался. Ну а дальше пошла зачистка свидетелей. Каким образом информация о бомбе попала к Джамалю, в данном случае неважно. Скорее всего, через янкесов, не зря же они сюда своих морпехов пригнали. Ныне покойных. Важно иное. Бомба сейчас неизвестно где, а Джамаль в любую минуту может ее взорвать. Не только может, но и хочет — для чего тогда чеченский эмир делал запись?

Завершив таким образом выстраивание причинно-следственной цепочки, Пашкин все понял. Он поменялся в лице и закричал в микрофон:

— Джамаль!!! Колчин, всех поставь на уши, но найдите Джамалья!

Захваченная база, и до того напоминавшая растревоженный муравейник, теперь походила на гнездо разъяренных шершней.

Однако террориста на базе не обнаружили. Ни среди мертвых, ни в числе пленных. Экстренный, интенсивный и далеко не конвенционный допрос всех подряд привел к неутешительному выводу — человек, в руках которого находится подготовленная к подрыву двадцатикилотонная бомба, покинул крепость еще вчера и отправился "куда-то на Украину". Большого не знал даже здешний "комендант курдской крепости", который при виде шприца, наполненного глюкозой, завизжал, как ребенок, и начал лихорадочно выдавать такие вещи, что подозревать его во лжи о Джамале было бы просто глупо...

Собравшись вновь во дворе, отцы-командиры и их помощники коротко обсудили план общих дальнейших действий.

— Ты, Колчин, — сказал Васин. — Бери всех своих и этого Журавлева. Пока мы тут порядок наводим, грузитесь на борт и налегке дуйте прямо в Москву.

— Прямо не получится. Коридор у нас до Моздока, дозаправку придется делать.

— Ну тогда ПВО-шников с собой прихватите. Они свое дело сделали, пушай отдыхают. Нам тут еще работы часа на два. На всякий пожарный отделение тебе дам. Мало ли что — аварийная посадка или еще какой форс-мажор...

Пока бойцы изыскивали подручный транспорт, чтобы не топтать до импровизированного аэродрома пешкарусом, Пашкин, убедившись, что все его электронно-вычислительные трофеи собраны и должным образом упакованы, прохаживался по двору, с интересом рассматривая историческую твердыню. Быстро нагулялся, присел на ступеньки и закурил.

Брезгливо протиснувшись меж сидящими под присмотром двух караульных связанными по рукам и ногам пленными, на середину двора солидно, по-медвежьки переваливаясь на коротких лапах, вышел серый с рыжиной щенок. На нем был светлый ошейник из мягкой хорошо выделанной кожи, на котором поблескивал прямоугольник металлической таблички.

Щенок остановился перед Пашкиным и два раза тьякнул. Тьяканье у него оказалось на удивление хриплым и басовитым

— А это что еще за явление? — поднявшись со ступенек, спросил Пашкин.

— Кавказец, — ответил один из штурмовиков. — Вольер засекли биосканером, когда на стену вышли. Зверюги здоровые, как телята. Породные. Видно, кто-то из главарей увлекался. Ухожены — мама не горюй.

— Сколько их там было?

— Взрослых — двое. Кобель и сука. А у нее штук пять щенков. У суки вольер был открыт.

— Убили?

— Без вариантов. Она же ни здрасьте, ни до свидания, молча в горло пошла. А этот бандит, видать, в щель пролез...

Пашкин взял щенка за передние лапы и потянул к себе. Тот заворчал и уперся в землю, словно заупрямившийся осел.

— Кто в собаках разбирается, сколько ему?

— Месяца три.

— Смотри, бирка на ошейнике. Серебряная. И надпись. По-арабски. Ариф. Свирепый стало быть...

Услышав свое имя, щенок рыкнул, дернулся в сторону и попытался вцепиться Пашкину в руку.

Майор неуклюже взял щенка на руки. Тот зарычал и снова попытался его укусить, но, потерпев неудачу, примирительно заворчал.

— С характером. Наш товарищ! — сказал подошедший Колчин. — Ну ладно, передача ребятам о зверятах закончена. Мужики обнаружили гараж, в нем три джипа, так что грузимся и, как говорится, из Турции с любовью...

— Зверя с собой возьму! — сам себе удивляясь, заявил вдруг Пашкин тоном, не допускающим возражений.

Весь жизненный опыт общения с домашними животными у него был ограничен хомяком, которого одноклассник пару раз оставлял на каникулах. В собаках он разобрался примерно так же, как известное харамное животное в халяльных [\[57\]](#) цитрусах. Но вот так просто взять и оставить этого забавного в своей щенячьей свирепости зверя он почему-то не мог.

Словно почуяв мысли майора, Ариф довольно воркнул и небожно тьякнул его за палец.

13. Правильный олигарх

За лобовым стеклом "Порш-Кайена" мелькают деревья. Короленко ведет машину, не оглядываясь по сторонам. Вслед за нами пылит "УАЗ-Патриот" с тонированными стеклами и эмблемой холдинга на дверях. Стекла в "Порше" — пуленепробиваемые. Не такой уж, похоже, тихий район...

Сажу на переднем пассажирском кресле, курю. Сзади, к огромному моему недовольству, трутся плечами еще не пришедшие в себя и не соображающие пока еще что к чему Мила и Алан.

Рядом со мной за рулем — дядя Леша. В прошлом командир отдельной разведроты, однокашник и друг отца, неперемный участник семейных торжеств. Затем — Алексей Петрович, подполковник в отставке, руководитель секции рукопашного боя, у которого я несколько лет занимался перед поступлением в Одессу. Выпустившись, узнал, что они с женой уехали куда-то на Брянщину...

В ответ на просьбу о помощи по телефону он лишь спросил:

— Ты с криминалом связался?

— Нет. Все сложнее...

Больше вопросов дядя Леша не задавал. Приехал один, минут через двадцать. При виде моей "спецгруппы", поднял бровь, но, ничего не комментируя, под взглядами ошалевших хозяев погрузил всех в машину.

Не успеваю как следует насладиться упругой кожей сиденья, которое, по ходу дела, тихонько делает массаж спины и филея, как перед нами, преграждая дорогу, возникает глухой темно-коричневый деревянный забор метра в три высотой, справа и слева исчезающий в глубине леса. Створки массивных ворот, подчиняясь сигналу незримой охраны, разъезжаются в стороны, и мы... продолжаем ехать по лесу, где, кроме отличной асфальтированной дороги, никаких следов человеческого присутствия. Такие именья в штатах, а особо в Европе, может себе позволить далеко не всякий миллиардер...

Минуты через три кортеж выскакивает на опушку, где на берегу небольшого живописного озера, даже скорее болотца, стоит массивный трехэтажный дом с большими окнами и скошенной черепичной крышей.

Короленко тормозит напротив застекленной веранды и, не глуша мотор, выскакивает из машины.

— Ключев! — кричит он в сторону "Патриота". — Машины в гараж, сами — в расположение. А ты, гражданин Верещагин, — оборачивается Петрович ко мне, — бери свою молодежь, и для начала — на водные процедуры. Ужин через полчаса. Людмила Васильевна, проводите!

Узнаю дядю Лешу...

На лестницу выплывает дородная женщина лет сорока пяти. Она степенно кивает кивает хозяину, поворачивается к Миле и Берковичу, которые ошалело топчутся у машины, улыбается.

— Дядь Леш, можно я пока что без "водных"? Поговорить бы... — честно говоря, я до конца еще не решил, какую версию выдать старому другу отца. Наплести про то, что я спасаю девчонку от вездесущей квартирной мафии, или же рассказать правду.

Меняются времена, и люди меняются вместе с ними. Кто знает, может, подполковник

запаса вместе со своим холдингом с потрохами выкуплен каким-нибудь Евросоюзом, и тут же сдаст меня с Берковичем "куда следует".

Троица скрывается в недрах дома. За открывшейся дверью мелькает оббитый деревом предбанник. Надеюсь, что париться молодежь будет все-таки по отдельности...

Мы с хозяином проходим в просторный холл с трехэтажным, под самую крышу, потолком, и располагаемся в углу, где рядом с баром стоят массивные кожаные кресла. Петрович плескает себе какого-то, судя по этикетке, очень неплохого коньяку, шинкует вынутый из холодильника лимон.

— Будешь?

Сглатываю мигом скопившуюся слюну и, собрав остатки воли, мотаю головой:

— Газировки, разве что. В завязке.

Дядя Леша внимательно смотрит на меня, сжимая бокал.

— До меня слухи докатывали, что тебя из рядов за пьянку попросили? Брехали?

— Было дело. Но давно и неправда.

— Понимаю, — улыбается одними глазами Петрович. — А в наши партизанские края каким ветром занесло?

— Нехорошие люди гонятся. Ты лучше расскажи, дядь Леш, хоть в двух словах, откуда все? А тетя Вера где, на Канарах?

Лицо Петровича темнеет. Когда деревья были большими, а проблемы маленькими, его жена, милая женщина, была душой нашей семейной компании. Хорошо играла на гитаре, пела...

— Вера погибла пятнадцать лет назад.

Короленко скупыми словами рассказывает свою "историю успеха".

Он уволился из украинской армии, отказавшись второй раз в жизни принимать присягу. Первое время работал тренером. Я не знал, что, оказывается, как раз в то время, когда "дядя Леша" обучал меня драться, его выселили из служебной квартиры, срочно понадобившейся свежее испеченному полковнику Генштаба с запорожскими усами и "свидомой позицией".

Еще через полгода секцию при клубе округа закрыли из-за отсутствия финансирования, и он устроился работать охранником на склад. Зарплаты едва хватило на то, чтобы снимать крохотную гостинку в "пролетарском" районе, где семья офицера, а в особенности симпатичная и яркая жена, сразу же стали белыми воронами. Она возвращалась вечером с автобусной остановки...

Тело с несколькими десятками ножевых ранений обнаружили в близлежащей замусоренной роще на следующее утро. Несмотря на то, что убийцы были известны всему району, милиция объявила дело "глухарем". Тогда Петрович, как он скупно выразился, "решил вопрос своими силами" и, оставшись с семилетней дочерью на руках, уехал в Брянск, где ему предложил возглавить службу безопасности местный банкир.

Банкир оказался мужиком умным и дальновидным. Кризиса ждать не стал. Слил "мелкий" транш в восемь миллионов долларов на свой счет в швейцарском банке и благополучно отбыл в Израиль. Вскоре банк с треском лопнул, мелкие акционеры поразбегались и вокруг осколков бывшего величия начались обычные акульки хороводы, отбиваться от которых пришлось дядьлешной службе.

Петрович тогда мало смыслил в коммерческих делах и не стремился к предпринимательству. Но ему не хотелось начинать все с начала, — это занятие для молодых и бессемейных.

— В общем, разрулил, что мог, а себе забрал агрофирму в Новозыбке, — рассказывает он, по-буржуйски смакуя коньяк. — И начал экономику поднимать... Первые годы из прибылей были одни убытки. Весь офис — две комнатки в аварийном здании бывшего собеса. Ездил я тогда на убитой "Ниве" — больше под ней лежал, чем за рулем сидел. Но понемногу стали богатеть, хотя жиром не обрастали. Так до девяносто восьмого и тянулось. А потом — дефолт. Но я-то не спекулянт, а производственник, у меня тогда все деньги были в оборудовании и продукции, а зарплата народу выплачена полностью. В общем — кому война, а кому мать родна. Еще не успели Киндерсюрприза из премьерского кресла вытряхнуть, как наша фирма оказалась одним из немногих в области не-банкротов и вышла на новую орбиту.

На первый заработанный миллион чистой прибыли Короленко по его словам "Дом на Балеарах покупать не стал", а начал активно вкладываться в кадры и современные технологии. Заказал в Штатах у одной из серьезных компаний адаптацию перспективных пород к местным условиям. Через пять лет холдинг производил сорок процентов мяса Нечерноземья.

Вскоре, чтобы не зависеть от переработчиков, купил и переоборудовал самый большой в России Брянский мясокомбинат.

— Теперь три из пяти батонов колбасы, которые продают в Москве — наши. А три года назад, когда нефтяные рубли по госпрограмме пошли на развитие заброшенных земель, наш холдинг вышел за границы района и скоро развернется на всю Брянскую область.

— Эх, нам бы так, в Украине, — не выдерживаю я. — С нашими-то эталонными черноземами.

— А кто мешает? Только жулье от управления страной оторвите, а то присосались, как пиявки... Ваши нынешние — кто? "Бизнесмены" — лавочники, торгаши, посредники, — словом, вирус. Вирус своих мозгов не имеет, ничего не производит, в питательной среде активно размножается, корежа здоровый организм, а когда все сожрет вокруг себя, быстро погибает. Так что, мой вам совет — ждите кризиса да готовьте вакцину... А это все, — завершает рассказ Петрович, кивнув на дом, — как-то само собой. Начал быт улучшать, одно за другое. Да и, в сущности, такие копейки...

Похоже, что дяде Леше можно рассказать абсолютно все... Ну что же, поедим и приступим.

Ужинаем за просторным столом, на выходящей к озеру веранде.

Моя команда, умытая и причесанная, уже немного пришла в себя. По выражениям морд можно сделать вывод, что мылись все же отдельно.

Беркович сразу же ввел в ступор повара, в ответ на вопрос, что он будет заказывать, традиционно поинтересовавшись, можно ли гамбургер и картофель-фри. Очень расстроился, получив отрицательный ответ, но узнав, что в этом доме (о, счастье) имеется кофе без кофеина, успокоился, и начал хлебать аппетитнейший суп-харчо так, что за ушами трещало. Мила ведет себя не в пример сдержаннее.

В разгар дружеского обеда на площадку между верандой и озером, вдруг, словно чертик из табакерки, выскакивает приземистая двухдверная машина со стремительной угловатостью обводов, в которой безошибочно узнается "Ламборджини-Дьябло".

Лицо Петровича озаряется улыбкой.

— А вот и Ольга! Ты ее, наверное, еще совсем маленькой помнишь...

Дверца машины хитрым вывертом поднимается наверх, из нее вылезает и быстро идет в

нашу сторону девица лет двадцати. Да, уж, Алексею было чем гордиться! Простая футболочка и драные джинсы от какого-нибудь Версачи, в сочетании со стройными ногами, узкими бедрами и грудью не меньше третьего размера и в Москве бы, наверное, не остались незамеченными. А уж в здешней глуши...

За столом воцаряется тишина. Мила щурится, внимательно разглядывая небрежный наряд, будто поймав гостью в прицел, а Беркович почему-то густо краснеет. Ну все, потеряла Милка кавалера...

— На каникулы приехала, — не скрывая гордости, добавляет Петрович.

— Где учиться, в Штатах или в Англии?

— Еще чего не хватало! — делано обижается Короленко. — В МГУ на историческом. Диплом пишет по Чингисхану...

Ольга подходит к столу и, не обращая на нас внимания, клюет Алексея в щеку.

— Была у одноклассников, в клуб поехали. Выступал там один известный бард. Хорошо пел, я его в Москве пару раз слушала. Только народ тут... Племянник твоего главы райадминистрации просто проходу не давал. Жених...

Понятно... Столичная штучка на вынужденном отдыхе у богатенького папочки, который души в ней не чаёт.

— Есть будешь?

— Неа. Накормили в городе. Разве что чаю попью.

— Тогда знакомься, это Витя Верещагин. По Киеву ты его помнить должна.

Ольга поворачивается, скользит взглядом, безразлично пожимает плечами. Когда я закончил школу и уехал в Одессу, ей и было-то года три.

— А это его друзья. В городе встретились случайно. Виктор по делам мимо проезжал.

Теперь во взгляде девушки загорается интерес. Но вяленький-вяленький. Похоже, мы далеко не первые однокашники, соседи и дальние родственники, которые побывали в гостях у папы-миллионера...

— Ладно, я в душ с дороги!

— Давай, — кивает Короленко. Ольга убегает. Беркович не отрываясь смотрит на аккуратную попку, обтянутую джинсами. Мила, так же не отрываясь, на самого Берковича...

— Так, ребят, а вы не хотите по округе прогуляться? — неожиданно спрашивает Петрович моих подельников. — Или на втором этаже телевизор есть. Людмила Васильевна вам чай туда подаст.

Мила с Берковичем переглядываются. Смотрят на меня. Утвердительно киваю. Вообще, молодцы. Вон как, без команды не спешат разбежаться.

Остаемся вдвоем. Перекочевываем к чайному столику.

— Ну что, Вить, а теперь, давай рассказывай, что да как. Есть у меня очень стойкое подозрение, что твои дела очень непросты. И ты здесь совсем не зря объявился.

Молчу, все еще размышляя. Но теперь не о доверии, а о том, стоит ли переваливать мой груз, даже его часть, на плечи Короленко. Он настоящий офицер, и узнав, что происходит, никак не останется в стороне. Но я очень боюсь втягивать нового человека. Хватит с меня Милы с пиндосом. Но, с другой стороны, если кто и мог сейчас помочь, то только Петрович. Не бросаться же в атаку, размахивая ПСМом с одним магазином? Да и куда бросаться-то?

— В общем, Петрович, слушай. По возможности не перебивай. И главное, не удивляйся...

Если верить роскошным напольным часам, которые отбивали каждую четверть, то на

вводный доклад, обрисовку оперативной обстановки и ответы на уточняющие вопросы ушло около часа. За все время Алексей ни разу не перебил и вставал лишь единожды — чтобы переставить коньяк со стойки бара на столик.

— Такие вот дела, — завершаю я повествование, сам по ходу дела подивившись, что, оказывается, с того злосчастливого утра, когда все это началось, прошло меньше двух недель.

Петрович делает глоток и долго молчит. Что-то для себя оценивает, прикидывает. Голову даю на отсечение, что мой старинный наставник, ныне правильный олигарх, усматривает в этом деле не только государственный интерес...

— По негабаритному грузу, который черные проволокли через полесский "зеленый коридор", я в курсе, — произносит он неожиданно. — Сам понимаешь, территория моего района, у холдинга там тоже имеется интерес. Но я значения не придаю, мало ли зачем нужно было контрабандой ввозить мостовую ферму. Так что тут все сходится. Будем искать.

Короленко, прихватив телефон, отходит к окну и вполголоса кому-то ставит задачи.

— Ну вот, — говорит он, возвратившись к столу. — Если не загрузили эту дуру в какой-нибудь самолет или не распилили, то часа через два узнаем, куда они путь держат.

— Что предлагаешь дальше делать, дядь Леш?

Короленко пожимает плечами.

— То же, что делал ты, только другими силами. Обнаруживать, догонять и только потом вызывать спецслужбы.

— Считаешь, что их люди могут засесть на самом верху?

— Не исключаю. Да и не только это. С начальником УФСБ у меня, такое дело, война. Его два года назад поставили. Пригласил меня, попросил помочь с квартирами для сотрудников. Почему нет? Я на их фонд деньгу перевел. Проконтролировал расходование, конечно. Оказалось, новый внучек Дзержинского под "сотрудниками" имел в виду исключительно себя-хорошего, и справил над Десной милый семейный особнячок. На второй раз был послан, конечно, на хрен, а при попытке надавить, проинструктирован по поводу того, как на его социальную деятельность посмотрит Генеральная прокуратура. Так что он спит и видит меня в СИЗО. Через область сейчас можно разве что дезу сливать...

— Согласен! — киваю я. — Но зафиксировать мои показания надо. Так что, давай нас всех троих запишем на видео. С кассетой Сербина — это будет уже материал. А потом, если есть такая возможность, выдели машину, пару надежных ребят и, если есть, оружие. Двинем в сторону Брянска. Когда выяснится, куда фура идет, мы в пути уже будем, время зря не потеряем.

— Насчет кино снимать — это верно. Ну а по транспорту у меня имеется другая задумка...

Короленко чуть наклоняет голову и хитро прищуривается. Не удивлюсь, если сотрудники за глаза зовут его "наш Ильич"...

Первая информация появляется только через четыре часа. За это время мы успеваем сделать видеозапись и, томясь в ожидании, ведем "работу по фракциям".

Ольга как будто от сна пробудилась — слетели томное безразличие и отстраненность, в глазах появились живость и бодрый интерес ко всему окружающему. Такое впечатление, словно у нее в голове некий тумблер щелкнул, переводя из статуса "столичные молодежные понты" в режим "нормальная жизнь под крышей отчего дома". Выглядит этот переход довольно забавно. Сейчас она оттащила Милу в дальний угол холла. Девушки активно перешептываются, то и дело бросая на меня заинтересованные взгляды.

Всеми позабытый Беркович сычом сидит у телевизора, глотая очередную порцию своего извращенного кофе. А мне как-то не по себе — что может рассказать про некоего Верещагина бестолковая Милка? Ну да ладно, проблемы надо решать по мере развития, и две взбалмошные девчонки точно не на первом месте в списке.

Пока суть да дело, спускаемся с дядей Лешей в цокольный этаж. Жужик, словно опасаясь остаться наедине с двумя валькириями, увязывается за нами.

Гараж-склад-мастерская напоминает средних размеров офисную парковку.

— Вот! — Петрович ведет меня в дальний угол и с гордостью показывает на что-то похожее на сани для бобслея, только на колесиках.

— Это что?

— Туристический мотодельтаплан. Ребята из харьковского СпецКБ мне под заказ разрабатывали. Тут одних материалов на два олькиных "Ламборджини". Движок уникальный, сверхэкономичный, керамика. Силовой каркас и винт — сплошной углепластик. Стойки все из титановых сплавов, а растяжки — кевларовая нить. И толстый, толстый слой тефлона — сопротивление воздуха гасит втрое от обычного покрытия. Проткань на крыльях лучше вообще не вспоминать. Стырена из экспериментальной лаборатории концерна Дюпон. В общем, весит эта птичка столько, что на одном плече можно унести, а эффективная отражающая поверхность на ПВОшных локаторах — как у завернутой в фольгу шоколадки. Кроме того, там технических решений на десять лет работы для какого-нибудь Нортропп-Грумана... Я на нём поля иногда облетаю.

— И сколько за это счастье выложил?

— И не спрашивай, а то у меня желчный пузырь сразу лопнет. Значит так, дальность шестьсот километров, максималка — семьдесят в час. Как только сориентируют по месту, возьмем полный штурмовой боезапас и двинем. Машиной, конечно, тоже можно, но дольше и опаснее — на дорогах не разгонишься, везде понатыкали авторадаров, придется объясняться на каждом КП, да и командос моих брать нет смысла. Автоматическое оружие частным фирмам федеральный закон перевозить между областями не позволяет, а с голыми руками от толпы один шум.

Поведение уважаемого кандидата в депутаты и всесильного президента холдинга А.П. Короленко в этот момент четко соответствует заезженной фразе "старый конь при звуке боевой трубы...". И я его понимаю. Но у меня за спиной уже была гора трупов и реки крови, а потому для меня все это далеко не игра. Говорю прямо и честно:

— Не получится, дядя Леша! Твое дело сейчас, как Чапай учил, на холмике стоять и приказы раздавать. Так что дай-ка ты мне свой "Патриот" и не будем в играть в технотриллеры. Не умею я такую птичку рулить...

— Я могу этим управлять, — раздается неуверенный мальчишеский голос.

Мы с Короленко оборачиваемся к Берковичу и смотрим на него, как на заговорившую статую.

— В учебном центре Лэнгли мы проходили курс управления парапланом и мотодельтапланом.

— Это точно, Алан? Или умеешь летать так же, как и шпионить? — спрашиваю, не скрывая ехидства. Но и — что скрывать — с надеждой.

— Точно, — вспыхивает Жужик, — я двадцать семь часов налетал. У меня и сертификат есть.

— Даже так, и сертификат у него есть, — хмыкает Короленко. — Вариант неплохой.

Ну, в общем, при базовом навыке дело-то нехитрое. Там есть навигатор и полуавтопилот. Если поднять и посадить сумеет, то с остальным управится.

Вопрос, похоже, решен. Меня он тоже вполне устраивает. Когда Беркович под боком, а от Милы его отделяет несколько сот кэмэ, мне почему-то спокойнее...

— Ладно, теперь экипировка, — Алексей отодвигает стенную панель и открывает тяжелую дверь с круглым штурвалом, которой позавидовало бы любое банковское хранилище. — Выбирай!

Епть! И ведь есть, мать твою из чего... Шаря взглядом по плотно заставленным полкам, я чуть не зарабатываю косоглазие.

Арсенал охренительный: АКСу, "Сучки", несколько вариантов АК "сотой серии", "Грозы" с "Вихрями" и прочими ГШ и ОЦ... — вот далеко не полный список того, что я прочитал, пробежавшись по шильдикам с подписями.

За время службы в УГО я успел перепробовать, наверное, все виды стрелкового оружия, какие только можно было вообразить. Правительственная охрана любой страны — лакомый кусок для ружейных дилеров. Представители и посредники так и выются вокруг чиновников, отвечающих за вооружение, предлагая образцы своей продукции. Так что все эти аббревиатуры для меня не пустой звук.

— Откуда такое богатство?

— Недавно принят закон, по которому ассоциации фермеров в "отдаленных районах" могут получать лицензию и создавать собственные военизированные подразделения. И при этом, как в Латвии, вооружаться тем, на что хватит денег — хоть баллистическими ракетами. Только требования, сам понимаешь, драконовские. За все время по РФ всего одиннадцать таких подразделений и лицензировано. Мое — пятое.

— Да ты прямо Цапок какой... — сначала слова срываются с языка, а затем уже мозг осознает целиком все их содержание. И я понимаю (в который уже раз? сбился со счета...), что дурень дурнем, и язык мой без привязи. Но против ожиданий Короленко только вздыхает. С легким укором и вполне неподдельной грустью.

— Отчасти похоже, — с некоторой печалью соглашается он. — Что поделаться, как ни рассуди, а все-таки в державе нашей анархии пока хватает. Вот каждый и крутится по своему разумению и возможностям. Только у нас с теми кущевскими мудаками полярность разная. Они не могут работать, не давая всех окрест. А я могу. Мне смысла нет "эскадроны смерти" гонять, ко мне и так в очередь на работу становятся. И дело в общем не в том, что я такой хороший. Просто...

Он задумался. А я увидел, что задел какую-то потаенную нотку в душе Петровича. Не именно задел — не царапнул, до боли и крови на душе. Видно, сам агрономический олигарх не раз о таких вещах задумывался.

— Просто я когда Веру... схоронил... — тяжело, с расстановками продолжил он. — Тогда и понял, что жизнь — она одна. И она заканчивается, рано или поздно. А если кто и ухитрился на тот свет с этого добра разного утащить, то никому об этом не рассказал. Так что неинтересно мне защечные мешки набивать до упора, пока не пришили заклятые друзья или государевы люди не нагрянули.

Он снова вздохнул и уже совсем другим тоном произнес:

— Ты железки-то будешь смотреть?

И так сказал, что сразу понятно — разговор на эту тему закончен. Ну а я тому только рад.

Не дожидаясь повторного приглашения, шарю по полкам. В качестве основного оружия выбираю АКС. Понятно, можно взять что-то более крутое и навороченное, но нафига? Работать надо тем, к чему привык. И к чему патроны в перспективе найдутся.

Вторым, резервным стволом, немного поколебавшись и с ностальгическим вздохом отложив в сторону АПС, назначаю Глок-17. Очень уж мне этот пистолет в свое время понравился. Хотя, конечно, не верх конструкторской мысли. Но стреляет хорошо, и в кобуру-оперативку лег, как влитой. Ну и 9X19 в России последние несколько лет не проблема.

Легкие бронежилеты. Класс защиты невысок — но нам достаточно. Неизвестно чем вооружены те, кто сопровождает груз, но уж точно не снайперскими винтовками. Поэтому дело нам придется иметь с пистолетами и автоматами и, скорее всего, АКМ или АК-74. Террористы во всем мире не дураки и всегда предпочитают самое надежное в мире оружие.

Пакую все богатство в гондолу. Словно дождавшись, пока завершу подготовку, звонит телефон Петровича.

— В общем, так. Хорошо, что ты про "Калибертон" обмолвился. Мои взломали их винницкий сервер, где учетная информация по всем объектам на Украине, уточнили точные характеристики бетонной конструкции. Проверили камеры на дорогах, пробили через ГИБДД — машина из Брянска пошла на Орел. Груз в кузове. Мент, который проверял говорит, что в путевом листе пункт назначения — Коломна...

— Значит, Коломна... Скорее всего еще один промежуточный. Там, наверное, и возьмем. Вылетаем?

— Ночью малая авиация не летает, — качает головой Короленко. — Да и они где-нибудь заночуют. На рассвете пойдете. Все равно быстрее, чем на машине. Карта есть? Давай-ка прикинем.

Включаю свой навигатор.

— По прямой отсюда — пятьсот тридцать км.

— Значит, часов девять лету. Запас хода позволяет. Посадку планируйте на какую-нибудь тихую бетонку. Нужно еще метеосводки посмотреть. Если по маршруту гроза или сильный ветер, то ничего не выйдет — это все же не самолет, тогда будем другие варианты прокручивать.

Сводки благоприятные, так что готовимся. А пока что — отбой!

— Уиктор! — неожиданно говорит Алан. — Может быть, эта информация пригодится. Но у моей кредитной карты есть аларм-код на Ленгли...

— Чего? — не понимает Петрович. Но я сразу въезжаю в тему.

— Процессинговые центры международных кредитных карт находятся в Штатах, — поясняю я олигарху. — Пин-коды с каждого банкомата при любой операции по всему миру передаются туда для сверки. В карточку может быть заложен и аларм-код. То есть, если вместо обычного пина набирается аларм, то об этом сразу же поступает сигнал кому следует. Это позволяет агентам подать тревожный сигнал или выйти на связь, если нет иной возможности. Что ж ты... раньше молчал?

Короленко хватает на лету.

— Значит, если вставить эту карточку в банкомат, то ЦРУ-шники сразу узнают, что кредитка сгоревшего в Русе героя гуляет по просторам России...

— Ну да. И немедленно пришлют к банкомату своих людей. Чтобы выяснить, кто использовал карту.

— И если мы поставим засаду, то у нас в руках окажется человек из ЦРУ! — сходство

с вождем мирового пролетариата у Короленко усиливается настолько, что кажется, он начинает кагтавить... — Это, конечно, будет не резидент, но после допроса выясним, кто отдавал приказ, и быстро сможем пройти по цепочке. Они будут в цейтноте и наделают кучу ошибок... Правильной дорогой идем, товагищи. Заодно и будет чем заняться, пока вы там мир спасаете...

Беркович светится суровой гордостью японского контрразведчика, который лично вычислил доктора Зорге. На волне героического энтузиазма расползаемся по спальным местам.

Весь третий этаж олигаршьего дома представляет собой хорошо оснащенную мини-гостиницу с длинным коридором и расположенными по обе стороны дверями, так что места хватает всем. С удовлетворением отметив, что "номера" Милы и Берковича находятся в противоположных концах, я желаю всем спокойной ночи.

В моем распоряжении глубокая ванна, море горячей воды, упругий матрас и чистые простыни. Минут через двадцать я, благоухая чистотой и шампунем, лежу в постели, готовясь погрузиться в полноценный человеческий сон.

Шуршит пол в коридоре. Дверная ручка неслышно проворачивается. Я подбираюсь, ожидая чего угодно — из оружия у меня с собой один лишь швейцарский нож. Дверь открывается без малейшего скрипа, и на пороге возникает невысокая фигура.

— Тихо, это я!

В последнее время женщины, насмотревшись фильмов про Америку, все чаще пользуются вместо пижам и ночных рубашек обычными футболками. Ольга не исключение. Серая футболка с надписью "For You" едва прикрывает бедра, и с моего ракурса даже без ночной оптики видно, что под ней больше ничего нет. Все накопившееся за последнее время неудовлетворенное желание обрушивается на меня горячей лавиной.

Ольга прикрывает дверь, на цыпочках подходит поближе. Запах молодой, здоровой и возбужденной женщины. Для меня этого достаточно, чтобы...

— Ты умеешь хранить тайны? — шепчет дочь правильного олигарха дяди Леша, ныряя под одеяло.

14. Негабаритный груз

Промбаза небольшого провинциального городка просыпается вместе с солнцем. На речном берегу тишина никогда не бывает полной. Даже рано утром, когда белесый туман покрывалом стелется над водой, ухо то и дело улавливает разнообразные звуки. Стукнула уключина в лодке. Вскрикнула гортанно и резко птица. Плеснула рыба. Замычали коровы. После того, как небо светлеет, к деревенским шумам начинают примешиваться "производственные". Гудение автомобильных моторов, гудки, лязг металлических деталей, рокот пробуждаемых механизмов.

База имеет собственный "порт" — намывной глубокий залив с лабиринтом бонов для катеров и старыми полузатопленными баржами, что, нахватав дырявыми бортами воды, привалились к берегу, словно выбросившиеся киты. Они приспособлены для причалов.

В это утро здесь необычно тихо, будто объявлен неожиданный выходной. Для всех. Даже из вагончика охраны, расположенного у въезда, не доносятся, как обычно, пьяные голоса. Кому придет в голову воровать предназначенный к погрузке товар — тяжелые железные швеллера, щебень, песок и глыбы необработанного гранита?

Но охрана этим утром здесь есть. И это не сторожа из близлежащей деревни. Хозяин базы, чеченец, дал своим алкоголикам отпуск на целый день. Им на смену на большом черном джипе ночью прибыло пятеро соотечественников. Это не осевшие в России "крепкие бизнесмены" и не лесные бандиты. В собранных движениях, в том, как они перемещаются по территории и держат оружие, читается настоящая армейская подготовка. Стараясь быть незаметными, они бдительно охраняют все подступы к территории. Под особым контролем — длинная самоходная баржа серии "Волго-Дон", поставленная на якорь под большим погрузочным краном, неподалеку от горы сваленных необработанных глыб гранита.

Сонную тишину разорвал автомобильный гудок, долгий и резкий. Один из охраняющих базу чеченцев, закинув за спину автомат, отворил решетчатые ворота. На территорию базы вполз тентованный длинномер. Задний бортик у него был откинут, из глубины кузова, не меньше чем на полтора метра, выглядывала часть большой бетонной конструкции.

Маневрируя меж ангарами, длинномер, отфыркиваясь, подъехал поближе к берегу и остановился между судном и краном. Из кабины выпрыгнул пассажир. Средних лет кавказец, с проседью, крепко сложенный. Внимательно оглядел сухогруз, вытащил телефон, набрал номер.

На барже тут же возникло движение. Мелькнул силуэт в рубке. Бухнулись на берег поднятые на ночь сходни. На причал перебрался невысокий коренастый человек в тельняшке и грязном спасательном жилете, сквозь прорехи которого проглядывали бруски пробки, обломанные по углам. Поздоровался с гостем. Не пересчитывая, засунул под жилет пачку долларов в банковской упаковке. Смерил взглядом баржу и отошел на несколько метров.

Прибывший махнул рукой в сторону лобового стекла. Грузовик, стрельнув выхлопом, проехал до места, обозначенного речником, и остановился точно напротив трюма.

Речник кивнул:

— Ну все, Рустам, я запускаю кран. Ребята с ночи остались, сейчас все погрузят, — и порысил в сторону смутно угадывающегося вдалеке белого здания.

Водитель залез в "спальник", передал Рустаму АКС. Капитана "Волго-Дона" рекомендовали уважаемые люди. Но у русов есть хорошая поговорка про веру в Бога и

необходимость самому не ловить мух ртом. Мало ли что.

Не прошло и десяти минут, как громада крана ожила, заскользила на рельсах...

Четверо чеченцев-охранников споро отвязали тяжелый брезентовый тент, открывая взорам горбатую мостовую ферму. Еще через полчаса ферма, поднялась в воздух, застыла на мгновение и начала понемногу опускаться, повинувшись командам снизу. Не прошло и пяти минут, как она легла в трюм на слой щебня, засыпанного еще с вечера.

Рустам, руководивший погрузкой с борта, убедившись, что ферма плотно села в заготовленную ложбину, сбегал к укрытому в ближайшем ангаре джипу, на котором приехала охрана, возвратился с пластмассовым инструментальным ящиком. Спустившись в трюм, посуетился у бетонной конструкции, очищая небольшую площадку на одном из ее боков. Под пылью обнаружилась круглая защитная крышка сантиметров пяти в диаметре. Отбросив крышку, Рустам вставил в обнажившееся гнездо сложный штепсель и потрусил вдоль борта, оставляя на глыбах черную змею армированного кабеля, одетого толстым слоем резины. Второй конец кабеля, соединенный с прямоугольной коробкой, он закрепил в нише одного из бортов.

Закончив приготовления, боевик снова махнул рукой. Крановщик успел подвесить на крюки большой погрузочный ковш и начал засыпать ферму гранитом. По приказу щедрых работодателей действовал он осторожно, высыпал тяжелые глыбы по чуть-чуть, открывая ковш над самым дном трюма. Один из чеченцев-охранников "случайно" проговорился при нем, что нохи таким образом транспортируют партию героина, потому рабочий был предельно аккуратен и собран. Понимал, случись что, тут же и закопают...

Что, впрочем, ему в конечном итоге не помогло. Спускаясь по металлической лестнице, крановщик, не успев поставить ногу на землю, ощутил на затылке холод глушителя. Выстрела никто не услышал, а все происходящее скрывала от речников одна из "ног" крана, потому убийство прошло незамеченным. Два чеченца отволокли тело к горе песка и споро его забросали, используя приготовленные лопаты.

Одновременно с этим Рустам запрыгнул в кабину и ударил затыльником автоматного приклада прямо в висок водителю. Оставив тело в кабине, он выскочил наружу и пошел к террикону темно-серого щебня. Навстречу ему двинулся человек, похожий на Джохара Дудаева, который прибыл незадолго до появления длинномера и наблюдал за погрузкой из укрытия, от начала и до конца.

— Приветствую, Джамаль! — голос Рустама звенел тетивой лука, приличествующей безусому подростку, а не опытному воину, давно уже разменявшему четвертый десяток. — Мы сделали все, как ты сказал нам!

— Вижу, — кивнул Джамаль, глядя в глаза собеседнику. — И нет предела радости, что бьется в моем сердце! Но дальше я пойду с другими людьми. И вам лучше не видеть их лиц. Встретимся в Ичкерии.

Лицо Рустама исказилось гримасой недовольства. Выпуклые глаза мгновенно подернулись паутиной багровых прожилок.

— Ты пойдешь дальше с кем? С теми, кто сидел в горах, пока мы дрались с урусами? С теми, кто берег свою шкуру, пока мы проливали кровь ради зеленого знамени Пророка?! Джамаль, ты ли это?

— Я, — ответил Джамаль, переждав взрыв возмущения чеченца. — Рустам, так надо. Скоро Эмирату понадобится каждый воин, я не могу рисковать вами. И это мое последнее слово. Понял?

— Понял, — выдохнул сквозь зубы чеченец. — Я все понял.

— Вот и хорошо. Заканчивайте здесь, — Джамаль изобразил ладонью кругообразное движение, кивнул в сторону грузовика, возле колес которого лежал убитый водитель.

Рустам шумно выдохнул, вытащил из кармана маленькую рацию, отдал несколько команд. Тут же, будто из тумана соткались, возле него появились два чеченца. Выслушав подробный инструктаж, кивнули. И так же беззвучно растаяли в воздухе, спеша выполнить приказ командира.

Джамаль, понимая, что всё происходящее затеяно исключительно дабы продемонстрировать уровень выучки, с демонстративным одобрением кивал в такт действиям бойцов Рустама.

Тело водителя, обретя дополнительные украшения в виде пары кусков гранита, беззвучно погрузилось в темную воду реки. По сходням прогрохотали ботинки. На судне раздались ругательства — не все речники поняли, что когда командуют "всем собраться", то надо собираться, а не изображать из себя корабельных крыс и разбегаться по закоулкам. Экипаж собрали в глухом помещении, без иллюминаторов. Названия никто из чеченцев не вспомнил. То ли каптёрка, то ли зюйдвестка. Впрочем, неважно. Главное, что сидят тихо, и не мешаются.

Рустам выставил громкость рации на максимум, поэтому рапорт о выполнении Джамаль услышал до последнего звука. Он слегка искривил губы подобием улыбки и, кивнув Рустаму, поднялся на судно, лишь в самый последний момент вынув из кармана небольшую пластиковую коробочку.

Джамаль вытянул блок управления, сдвинул крышку, как у пенала. Внутри находился простой и надежный кнопочный пульт и черно-белый ЖК-экран. Это только в фильмах про Джеймса Бонда подрывное устройство непременно выдает себя мерцающим красным светодиодом...

Набрав код доступа, он подал команду на общее тестирование системы. Высветившаяся схема показала, что ни один из проводов внутри кабеля не был порван при обсыпке. И это радовало. Блоки управления внутри бомбы функционировали нормально. Что радовало еще больше. Завершив последний тест, Джамаль, не утруждаясь долгим переходом по палубе, перепрыгнул через леер. Твердая суша встретила толчком в ноги. Бойцы Рустама, выстроившись, ждали приказа.

На дорогах строгий досмотр, незачем рисковать. Поэтому оружие — в воду. Река приняла автоматы с восторженным бульком. Дальше — всем в машину, пора возвращаться на базу. Четверо моджахедов нырнули в заднюю дверь и утрамбовались на сиденье. Заурчал двигатель "Гелендвагена". Рустам обнялся с Джамалем и уселся рядом с водителем.

За мгновение до того, как захлопнулась дверь, Джамаль неуловимым движением забросил в узкую щель небольшой черный цилиндр и стремительно ушел под защиту кабельных катушек. Дверь захлопнулась. Через пару секунд из салона донесся чуть слышный хлопок. Черный внедорожник дернулся, взревел двигателем на высоких оборотах, а после заглох.

Тут же, появившись словно из-под земли, машину окружило несколько человек в черных комбинезонах и противогазовых масках. "Черные" подождали с пол-минуты, держа на прицеле окна автомобиля. Затем одновременно открыли все двери. В закрытом пространстве боевой газ, которым с Джамалем в свое время поделилось ЦРУ, убивал мгновенно. С переднего пассажирского сиденья вывалилось тело, застывшее в

неестественной позе. Остальных пришлось доставать.

На то, чтобы привязать груз к ногам трупов и отправить их на дно гавани, пришельцам понадобилось около десяти минут. Возиться со вспарыванием животов не стали, чтобы не оставлять лишних следов — как ни старайся, процедура весьма грязная. Без этого покойники неизбежно всплывут, но это будет уже неважно. Главное, чтобы их не обнаружили в ближайшие пару суток. Гелендваген с открытыми окнами окатили водой из шланга, промыв как кузов, так и салон, и загнали в один из дальних ангаров.

Днем и "Гелендваген", и машину, на которой приехал Джамаль, и длинномер заберут люди, которым известно лишь то, что они должны взять документы с ключами, а затем отогнать автомобили куда приказано. Эмир Кавказа и его сторонники уверены, что боевики, приданные Джамалю, находятся на борту. Но в деле, которое предстояло закончить, Джамаль мог довериться только соотечественникам...

Обменявшись с Джамалем несколькими фразами по-курдски, появившиеся воины освободили команду, после чего укрылись в предназначенных им помещениях.

Джамаль поднялся на борт и кивнул изрядно помятому капитану. Над базой и пробуждающейся рекой загудел ревун. Судно начало выходить на фарватер.

К восьми утра на базу придут рабочие и проспавшиеся охранники. Жизнь пойдет своим чередом, и никто не поинтересуется, куда ушла спозаранку одна из барж-самоходок. Хозяин базы останется доволен, ведь ему выпало счастье исполнить личную просьбу старейшин землячества. Ему смутно намекнут то ли на героин, то ли на кокаин, что полностью отобьет охоту интересоваться, кто же собственно и зачем попросил убрать с территории на одну ночь всех людей.

Убитые чеченцы знали, какой груз приказал им сопровождать Аяз. Сменившие их курды не знали ни о том, что именно погружено в трюм, ни о месте их назначения. Устройство подрыва было под контролем Джамалья, и он один знал код доступа, который приведет страшный агрегат в действие. Как ни кощунственно сравнение, но... наверное, что-то подобное испытывал Аллах, создавая Землю и Небеса.

Пройдет совсем немного времени, и окружающий мир изменится и никогда уже не станет таким как прежде...

15. Бездорожье и разгильдяйство

Меня будит ненавязчивое курлыканье стоящего на прикроватной тумбочке стационарного телефона. Подношу трубку к уху, одновременно косясь на часы. Петрович.

— Собирайся. Рассвет начинается. Вылет минут через сорок. На душ и одевание — минут пятнадцать. Потом спускайся вниз, кофе глотнем и вперед.

— Берковича разбудили?

— Занимаемся, — хмыкает Алексей и кладет трубку.

Звучит настолько двусмысленно, что первый мой порыв — ломиться в комнаты Милы и Алана, страшно боясь обнаружить, что они провели ночь вдвоем.

Впрочем, коронное хмыканье дяди Леша в равной степени может касаться и меня. Тайны я, конечно, хранить умею, о чем свидетельствует хотя бы имевшийся в прошлом допуск к документам особой важности. Но в данном конкретном случае утечка информации сексуально-личного характера — целиком и полностью плод наших с Ольгой коллективных усилий. Кто же мог предполагать, что кровать — с виду мощная и надежная, окажется такой хлипкой, а крутейший ортопедический матрас скрипит похлеще, чем советский клоповник с пружинами из танковой стали?

Мы так увлеклись друг другом, что не сразу поняли, насколько сильно шумим. Так что, к моменту первой короткой передышки между словами "Оооойй, хорошоооо!!!" и "А теперь, давай я сверху?" — наверняка разбудили уже не только весь дом и охранников внешнего периметра, но и уток на дальнем болоте.

Поспать удалось чуть больше двух часов, так что даже контрастный душ, на который я потратил большую часть времени, отпущенного на сборы, едва восстановил изрядно пошатнувшуюся работоспособность. Да и то, в относительный порядок пришло разве что погруженное в приятную ломоту тело...

Скорее по привычке, чем по необходимости, "для контроля путей отхода" высовываю голову в коридор. Со стороны номера, где поселили Милу, раздался чуть слышный шелест закрываемой двери и щелчок собачки замка.

"..." — подумал я, чувствуя, как краснею, будто школьник, которого завуч Марьиванна застукала целующимся с одноклассницей в дальнем углу кабинета химии...

Выхожу в коридор, вспоминая некоторые подробности вчерашнего приключения. Точнее, его финала.

— Я пойду? — отлежавшись, спросила Ольга, надевая футболку, которая почему-то обнаружилась в дальнем углу на журнальном столике.

— Провожу, — прошептал я, вскакивая на ноги и заворачиваясь в мокрую от пота простынь.

— Было очень хорошо, — коснувшись моей щеки мягкими губами, девушка куницей выскользнула за дверь...

Не прекращая зевать, спускаюсь в холл, который сегодня уж точно напоминает съемочную площадку какой-нибудь "Санта-Барбары"....

Беркович уже здесь. Погрузив нос в большую фарфоровую кружку, глотает свой любимый кастрированный кофе, от которого с утра толку не больше, чем покойнику от электрофореза. На мое появление не реагирует.

Ольга, упакованная в халат с высоким стоячим воротником, плохо скрывающим от

окружающих большой багровый засос, потрясая растрепанной ведьминской прической, орудует ручками кофейной машины, от которой исходит чудесный утренний аромат настоящего кофеина.

Мила с заплаканными глазами сидит напротив моего карманного Джеймса Бонда.

Услышав шаги на лестнице, Ольга разворачивается. В руках две дымящиеся чашки.

— Кофе будешь?

— Доброе всем утро! — говорю машинально. — Давай, не откажусь.

Прикусываю язык, но поздно. Глаза Милы сощуриваются, превращая девчонку в героиню корейских боевиков. Судя по взгляду, которого Ленину с лихвой бы хватило для того чтобы испепелить всю мировую буржуазию, по поводу доброты сегодняшнего утра у нее имеется особое мнение.

Внутренне подбираюсь. Все идет к тому, что мирная картина предрассветного кофепития с секунды на секунду обернется форменным побоищем, после которого любимой и единственной дочери нашего радушного хозяина придется скрывать от окружающих не только многочисленные засосы на шее плечах и прочих... хм... участках тела, но и глубокие царапины на лице...

Ревнует! Милка ревнует! От этого умозаключения сон проходит бесповоротно и окончательно, а душа жаждет кофе и новых подвигов.

Проклинаю слепоту в сердечных делах и проявленную ночью козлиную несдержанность, стою, не решаясь сойти с последней ступеньки и лихорадочно соображаю, что мне делать — взять у Ольги вожделенную чашку или же, сославшись на что угодно, хоть на расстройство желудка, позорно сбежать от назревающего выяснения отношений.

Но выбор уже сделан. Причем без моего участия. Со стороны внешнего подъезда рычит машина, и в холл с деловитой улыбкой залетает Короленко. Больше всего опасаясь, что дядя Леша первым делом скажет: "Ну что, зятек?". Но если олигарх и знает о происходившем ночью в его резиденции (этот, да и не знает, ага!), то никак этого не показывает. Хотя, насколько я смыслю в колбасных обрезках, для отца-одиночки личная, а тем более, сексуальная жизнь пусть даже взрослой дочери, не может быть безразлична. Впрочем, времена меняются, меняются и нравы. К моему счастью, не всегда к худшему...

— Все готовы? — прерывает мои философствования Короленко и, не дожидаясь ответа, подает команду в стиле классического старшины. — Заканчивать прием пищи, выходи строиться!

Как ни странно, но примитивная казарменная шутка мгновенно отвлекает от бытовых проблем и перенастраивает на нужный лад.

Перед домом ожидает джип. Не гламурный паркетник, на котором мы сюда приехали из города, а настоящий внедорожник — "Лендровер Дефендер". За спиной у меня угрюмо сопит группа поддержки.

— Птичка собрана, заправлена, снаряжена и ждет на взлетной полосе, — говорит дядя Леша, идя к машине. — Ладно, мальчики-девочки, прощайтесь по-скорому, и поехали. Ударим автопробегом по бездорожью и разгильдяйству!

Оборачиваюсь. Ольга и Мила бок о бок стоят в дверях. Смотрят одинаково хмуро. Рядом мнетя Беркович. Хорошенькое я тут оставляю творческое наследие. Надеюсь, что в случае нарастания конфликта на почве недоперераспределенных мужчин, Петрович справится с ситуацией...

— Ну, счастливо всем оставаться, — говорю, уставившись в пол, покрытый затейливой

глиняной плиткой. Что еще можно сказать...

— Удачи! — продолжая прятать глаза, бросает Мила.

Не вслушиваясь, что там и кому бормочет Беркович, обхожу машину и, "согласно купленным билетам", устраиваюсь на переднем сидении. Короленко хлопает дверью, и машина несется по дороге, ведущей в глубину леса. Теперь все мысли занимает исключительно предстоящий полет.

В салоне бубнит радио. Диктор вещает об "очередной вспышке напряженности в турецком Курдистане". То ли власти проводили операцию против сепаратистов, то ли курды меж собой разбирались, из сообщения непонятно. В общем "масштабные боевые действия". Интересная у людей жизнь. Впрочем, нас это не касается, тут своих дел по горло. Отключаю мысли от новостей и думаю о насущном...

Минут через пятнадцать, попрыгав по добротным колдобинам, выбираемся на опушку. Большой луг, пересеченный дорогой, сложенной из аэродромных плит.

— Здесь раньше, при Союзе стояли ПВОшники, их подъездная дорога, — поясняет Петрович. — Я немного привел в порядок. При желании сюда можно и небольшой самолет посадить. Пару раз очень пригодилось...

На краю "взлетной полосы" стоит полностью собранный мотодельтаплан. Теперь, с крыльями и винтом, птичка кажется не такой уж и маленькой, как в гараже.

Натягиваю бронезилет, разгрузку, располагаю в нишах фюзеляжика автомат, боезапас, гранаты, прибор ночного видения. Засовываю в боковой карман коммуникатор. Короленко инструктирует лопоухого "пилота".

— Вот навигатор, он уже запрограммирован на Коломну. Место посадки — поле на краю города. Там в городе есть клуб парапланеристов, так что своим появлением вы никого особо не удивите. Забиты в карту и места, где можно дозаправиться. В багажнике — пустая канистра на десять литров. Официально в пластик бензин отпускать запрещено, но мы, слава богу в России. Управление у птички стандартное...

Пока Алан, забравшись в гондолу, осваивает приборы, Петрович отзывает меня к машине.

— Открывай рюкзак, — он достает из багажника простенький обшарпанный кейс, раскрывает его и хорошо отработанными движениями перекидывает в подставленный проем пачки в банковской упаковке. — На непредвиденные расходы.

Судя по торчащим из-под бандеролей уголкам — доллары.

— Сколько тут?

— Триста, — перехватывает удивленный взгляд и уточняет. Тысяч. Двести — сотками, остальные полтинниками. Мало ли как дела повернутся. Финансы — тоже оружие. И, если тратить не на шлюх и "Блэк Джек", то не самое слабое.

— Но если что, я же с тобой не рассчитаюсь!

— Глупости не болтай. Для холдинга потеря небольшая, к тому же вполне оправданная. Главное — дело сделай. Если вдруг что, не хватит, до пяти миллионов проплачу в течение часа.

Обнимаемся. Крепко, до хруста в спинах.

— Ты тут про Милку позаботься, если что, дядя Леша! У девчонки нет никого. И прости, если что не так...

— Типун тебе на язык. Тут у меня она, сам понимаешь, как у бога за пазухой.

Натянув на голову шлем, устраиваюсь за спиной у Берковича. Короленко крутит винт и

отскакивает в сторону. Двигатель фыркает и сразу же начинает мерно гудеть. Работает он почти неслышно. Беркович действительно что-то петрит. Уверенно играет тягами и начинает медленно наращивать обороты. Машина, чуть подскакивая на незаметных глазу бугорках, разбегается и вскоре отрывается от земли. Перед нами до самого горизонта лежит темно-зеленый лесной ковер, над которым поднимается бордово-красное солнце.

* * *

Наша птичка упорно набирает "крейсерскую высоту". Болтаясь в воздухе так, что куда там карусельной кабине, я по ходу процесса искренне радуюсь тому, что так и не выпил кофе. Помалу, беспорядочное дерганье понемногу сменяется плавным покачиванием. То ли Алан и вправду разбирается в этом деле, то ли средство передвижения по своим летным характеристикам и установленной аппаратуре настолько хорошо, что успешно противостоит попыткам бестолкового америкоса нас угробить.

Небольшая панель имеется и перед пассажирским креслом. Немного освоившись, начинаю разбираться с приборами. Так, если верить цифрам, то высота у нас девятьсот метров плюс-минус, с поправкой на легкое рысканье, происходящее, не иначе, от дрожи в руках Жужика. Внизу сереет земля. Падать вроде не собираемся, происшествий не происходит. Размеренное движение, относительная безопасность и почти бессонная ночь понемногу делают свое черное дело. Откидываю голову на высокую спинку и отключаюсь.

Снится Ольга. Голая, с растрепанными волосами, она, словно булгаковская Маргарита, летит параллельным курсом, оседлав, правда не щетку, а обыкновеннейшую метлу. Внезапно прямо по курсу появляется Мила. Девчонка выглядит точь-в-точь как героиня японских мангов — в матросском костюмчике в юбочке такой, что лучше бы ее вовсе не было, стоя на облаке, обстреливает ведьму-летунью из дурацкого лазерного автомата. Ольга, уклоняясь от выстрелов, начинает маневрировать. Она толкает бедром гондолу, и наш свинтопрультный аппарат^[58] раскачивается все сильнее...

Просыпаюсь от того, что машина, идя на снижение, снова начинает понемногу вытряхивать душу. Что, уже на месте? Это сколько же я проспал умудрился? Но посадка промежуточная. Часы показывают десять двадцать семь, а значит, что мы в полете примерно половину расчетного времени. Навигатор подтверждает — мы подлетаем к Козельску, тому самому "злому городу", что прославлен учебниками истории.

То ли по подсказке бортового компьютера, то ли из каких-то собственных соображений, но теперь Жужик держит нашу малую авиацию на высоте не больше ста метров. А я, отключившись от насущных проблем, как личных, так и глобальных, наслаждаюсь разворачивающимися внизу картинами мирной жизни. В стороне от большого коровьего стада девчонка в шортиках и маечке пасет разноцветных коз. Увидев нас — машет приветственно рукой.

Под мерное жужжание двигателя снова погружаюсь в крепкий здоровый сон.

* * *

Посадку на убранное поле мягкой мог назвать исключительно безнадежный оптимист в

розовых очках и расфокусированных линзах. То ли в учебнике, по которому Беркович осваивал премудрости пилотирования, не было главы про посадку, то ли по этому элементу он в свое время получил незачет, но рухнули мы на землю подстреленным фазаном. Помяв нос и сломав крыло — против пиндосской тупости не устояли ни кевлар, ни углепластик. Слава животворящему, хоть сами целы остались.

Причина столь небрежной посадки выясняется сразу же после того как мы, откинув фонари, выбираемся из покалеченной "птички".

— Все, больше не могу, Виктор! Мне очень нужно! Иначе я лопну!

Жужик откидывает фонарь и мексиканским тушканом скачет в кустистый островок метрах в пяти от нас. Стеснительный, сучонок... По всем правилам армейской педагогики, оптимальнее всего было бы дожидаться намокания штанов. Чтобы доходчивее понимание пришло, что не надо по утрам, перед дальней дорогой, хлестать кофе такими дозами. Да еще и без кофеина...

Не разделяя предрассудков напарника, орошаю, по водительской традиции, правое заднее колесо и осматриваюсь.

Эк мы удачно-то! В сотне метров проходит малооживленная дорога, возле которой располагается заправка, чей персонал — все три человека и собака — при нашем появлении всем составом вывалили на улицу. Стало быть, транспорт раздобудем.

Пока я разглядываю помятые остатки самолетика и разъясняю горе-пилоту особо тонкие лингвистические нюансы русского и украинского языков, по наши души прибывает местная администрация.

По краю поля, смешно переваливаясь с боку на бок, к нам подбирается заляпанная грязью "Нива" с болтающимся сзади прицепом, на борту которого с трудом различимая надпись "Агрофирма "Луч".

Сидящий за рулем белобрысый крепыш с обветренным лицом оказался местным директором, который, проезжая мимо по своим колхозным делам, решил поинтересоваться, что за Руст осчастливил посадкой вверенные ему земли.

— А что, председатель, — спрашиваю я, удовлетворив просьбу о куреве, — нас до города подкинешь?

— Запросто, — отвечает тот, прикуривая от предложенной зажигалки. — Делов-то.

Через полчаса разобранная птичка (не бросать же на поле целое состояние) принайтовлена к прицепу, а мы трясемся в тесной машине, на каждом ухабе ударяясь в твердый потолок и с ностальгией вспоминая воздушную болтанку...

Минут через сорок добираемся до центра Коломны. Тихий русский городок, замерший меж прошлым и позапрошлым веком. Малоухоженные, но чистые улочки. Домики времен Александра Освободителя чередуются с микрорайонами брежневской застройки. Церквей на родине дедушки русской космонавтики — немеряно. Видимо, с их куполов свои ракеты и срисовывал Константин Эдуардович Циолковский...

От ракет мои мысли плавно дрейфуют к бомбе. Какого, спрашивается, хрена, курдычечены ее тащили в эту патриархальную тишь? Это нам и предстоит узнать в самое ближайшее время.

Щедро рассчитавшись с аграрием, договариваюсь об ответственном хранении нашего воздушно — транспортного средства, после чего связываюсь с дядей Лешей.

Бывший мой наставник уверен и деловит.

— На месте? Ну слава богу... Мой человек уже в банк смотался, карточку засветил.

Деньги, правда, по ней не выдали, заблокирована. Ребята мои из ЧОПа проинструктированы ждем гостей...

Умолчав о воздушно-транспортном происшествии, чтобы раньше времени не расстраивать хорошего человека, уточняю адреса вероятного местонахождения груза, которые нам пробили дядьлешины сыскари, и отключаюсь.

По населению Коломна в три раза больше Прилук, так что здесь, хоть бетонная ферма и вещь приметная, придется нам попотеть. В общем, нас ожидает кропотливая следственная работа, которую необходимо завершить до конца дня. Поскольку ночью найти что-либо вряд ли удастся, супостаты получают почти сутки форы, и гребаная бомба уйдет на вовсе уж неопишное расстояние... Мы близки к цели, потому транспорт и грамотное прикрытие имеют решающее значение. Над этим следует покумекать в первую очередь...

На любую территорию проникнуть сложности не составит. Но вот объяснять всем встречным поперечным, что мы ищем заказанные в Брянске мостовые фермы — равносильно тому, что встать в полный рост на нейтральной полосе в разгар боевых действий и поочередно выкрикивать то "Большевицкие свиньи!" то "Гитлер капут!" Я же, блин, ни хрена не самоубийца. Хоть и похож временами.

— Что делать, Уиктор? — сбившись на свой мерзкий американский акцент, интересуется Беркович. Отвлек меня от раздумий, вражина, потому отвечаю резко:

— Работать, майне либих пиндосина, работать!

— Я не пиндосина! — пытается было подискутировать с вышестоящим начальством Алан, но, сообразив, что я в таком состоянии, что возможно сейчас его побью, и — по заветам классиков — вероятнее всего, ногами, тут же затыкается. Ну и правильно. В тишине у меня голова лучше работает.

Тупо гляжу на доску городских объявлений, когда, наконец, снисходит идея. Плодотворной и дебютной ее, конечно, не назовешь, но легенда будет, так сказать, железобетонная...

— Значит так, Бонд, Джеймс Бонд, он же Пух, Винни Пух, поступаем следующим образом, — выдаю через пару минут напряженных размышлений. — Будем объезжать все объекты по списку. По мере отработки список будет, конечно, же дополняться — базы, склады, заводы автопредприятия, прочая мутотень...

— А на чем мы поедим, у нас ведь нет машины? — спрашивает мой рациональный шпион.

— Читай! — тыкаю пальцем на доску, где среди множества объявлений выделяется реклама "ВИП-такси" — лист А4, ксерокопия, с блеклым изображением роскошного лимузина.

Заскочив на пять минут в ближайшую ювелирку, обзавожусь самой толстой и безвкусной цепурой, какую только может мне предложить комиссионный отдел, после чего набираю номер.

"ВИП-такси по-коломенски" оказывается выдавшим виды темно-вишневым "Линкольн-таункаром" модели девяносто первого года, с расходом топлива в двадцать восемь литров на сто километров, о чем нам тут же радостно сообщает водитель, привычно предваряя вопрос, почему их расценки напоминают прайс-лист грузовой авиакомпании. К счастью, на ветеране представительского класса нет ни таксишного колпака, ни надписей с шашечками и телефонами. Убедившись, что машина, более привычная к поездкам от ЗАГСа к ресторану, чем к гонкам по пригородным дорогам, все же не развалится через пять минут реальной

нагрузки, киваю Берковичу. Солидно бурча, мол, и не на таких езживали, взгромождаюсь на просторное заднее сиденье.

Шоферу представляюсь "крышевателем" строительной фирмы, у которой конкуренты увели из-под носа заказанную конструкцию. "А без этой херни, командир, — поясняю, матерясь через слово, как и положено мелкому братку, — у нас, мля, никакого навару, нах..., только... мать, сплошные, мля, пролеты, нах... и штраф за неответку по срокам, мля, сдач..."

Для начала пробиваем все въезды-выезды. Город небольшой, ограничен Окой и впадающей в нее Москвой-рекой, потому приличных дорог из него выходит не так уж много, и в отличие от Украины, на всех оборудованные посты.

Легенда работает, как часы. Шофер, получив от "kozyрного разборщика", солидный бонус, суетится. Открывает мне дверь, вытягивается во фронт и чуть не берет под козырек. Гаишники, видя чуть не лопающуюся от осознания собственной значимости "мелкую шишку", вылезавшую из, пусть потрепанного, но лимузина, сразу настраиваются на мзду, получают ее и, не мороча голову, на вопросы отвечают предельно честно и даже дают проглядеть видеозаписи. Ответы не отличаются разнообразием, так что, после завершения полного круга мне остается утешаться разве что совершенно неуместным в сложившихся обстоятельствах афоризмом: "Отрицательный результат — тоже результат". Хотя бы потому, что результат в любую секунду мог проявиться нестерпимой вспышкой и ядерным грибом на горизонте.

Наскоро перекусив, по подсказке вошедшего во вкус водилы вторым кругом объезжаем и железнодорожные станции — их в городе оказалось аж целых пять штук. "Коломна-товарная", "Бочманово", "Щурово", "Шестой километр". Везде тетки в диспетчерских будках, словно сговорившись, качают головами. На подъезде к последней точке я уже свыкаюсь с мыслью, что груз был или перегружен где-то на пути от Брянска до Коломны, или спрятан в городе так, что на его поиски путем осторожных опросов местного населения мы потратим не меньше года. В таком случае, все будет зависеть от успеха дяди Лешинного капкана.

Есть еще, правда, заводы и базы, но их много и спрятать там можно не то что бетонную ферму, а целый Ту-95 с полным вооружением, так что собака с милицией не отыщут. Но делать нечего, будем крутиться, пока не нащупаем хоть какую-то пусть призрачную, но нить.

Последней в списке оказывается станция "Голутвин". Убедившись, что никакие железобетонные конструкции за последние двое суток не загружались и здесь, по пути к машине замечаю накатанную железнодорожную ветку. И ведет она в большую промзону, расположенную на речном берегу. Скорее для очистки совести, команду прокатиться туда.

Водила, при виде разбитой в хлам колеи, корчится, как еретик на костре, однако возразить не решается, и машина медленно, как на кладбище, движется в сторону ржавого прерывистого забора, за которым громоздятся кучи всякого негабаритного груза.

Чем ближе мы подъезжаем к базе, тем сильнее во мне укрепляется чувство, что мы напали на след... Безлюдное место. Подъездные пути, позволяющие добраться сюда, не пересекая город. Железная дорога с длинной погрузочной платформой. И главное, картина, раскрывшаяся передо мной на самом подъезде к раскрытым настежь воротам. Речной залив с кучей всяческих железяк и посуды, как на плаву, так и полузатопленных. Грузовой, ети его мать, порт...

Хватаю трубку, чтобы доложить обо всем Петровичу — пусть водный транспорт сразу же пробивает, но сам себя торможу. Нет уж, сперва треба хоть немного самому оглядеться на месте, а потомуже распылять отнюдь не бесконечный олигархов ресурс. На проверку всех

версий никакого ЧОПа не хватит...

На территории базы стоит первозданная тишина, которую не нарушает ни стая откормленных ленивых дворняг, ни наглый полосатый кот, который, похоже, и обеспечивает охрану объекта. Лишь в ободранном вагончике у самого берега обнаруживается хронически нетрезвый сторож. Бравый секьюр лет шестидесяти на рожу в штопаном охотничьем камуфляже скучает над бражкой, уткнувшись в маленький телевизор.

— Перед угрозой международного терроризма — вещает очередную демократическую проповедь какой-то штатовский чин, — Америка протягивает руку помощи всем странам и народам, предлагая объединиться в новый альянс, целью которого будет полное и окончательное уничтожение всех врагов цивилизации. По завершении каникул Конгресс США скажет решительное нет самой возможности повторения событий 11 сентября 2001 года. Все, кто желает жить в новом, безопасном мире, должны включиться в беспощадную борьбу...

— Это госсекретарь, — тихо прокомментировал из-за спины Беркович. — Вот этот слева от него Виктор Морган, советник президента по национальной безопасности. Он курирует Си-Ай-Эй. Его очень редко, почти никогда не показывают в новостях.

Я безразлично глянул на экран. Ну советник, и что? Коротышка со шныряющими глазками проворовавшегося директора гастронома, внешне смахивающий на итальянского комика. Век бы не видеть этих пиндосов с их гребаным Конгрессом и цэрэушниками...

Думая о своем, машинально обвожу взглядом живописные речные берега. До тех пор, пока взгляд не падает на увлекаемую буксиром баржу, с горкой груженую серым, чуть искрящимся камнем...

Оборачиваюсь к сторожу.

— Слушай, отец, а куда это камень повезли?

— Сам ты камень, сынок! — с гордостью отвечает тот, одновременно заглядывая в опустевший стакан. — Это гранит! Тут рядышком от нас карьер. С него и берут, у нас грузят. Стольный, панимаишь, град Москву облицовуют. Там вишь, ты огромущую набережную сейчас строят, вот почти каждый день и идут...

Блин!!!

— А последний раз когда везли, не видел?

— Сам не видел, врать, панимаишь, не стану, заступил только днем. Но знаю точно, что одна поутру и ушла. С вечера подгруженная стояла, а как вернулся, ее и нету...

Вот спасибо старому хрену. Матерюсь едва ли не вслух. Ну конечно, почему именно Коломна? Да потому, что она стоит в устье Москвы-реки! Столица — вот это настоящая цель для серьезного террориста. Эту операцию планировал настоящий гений. Город отлично охраняется по периметру, но кто будет опасаться теракта со стороны реки?

— И сколько здесь ходу до Москвы, если по времени?

— Никак не меньше, чем сутки, а то и двое. Шлюзов много.

Старик договаривает последнее слов в пустоту. Я уже снаружи. Прежде чем поднимать тревогу, нужно все-таки найти хоть какое-то подтверждение этой безумной версии.

Оглядываю сонное торговое царство в поисках луча света истины. Где старый сказал, эта баржа стояла? Ага — вот просвет на береговой линии, вот погрузочный кран. Рядом гора какого-то темного камня. Судя по искоркам на разломах — это и есть гранит. Стало быть, если что-то и подвозили, то непременно вот на эту проплешину...

Так и есть, следы грузовой машины. По рисунку протектора и глубине вмятин сюда

пришла тяжело груженная, обратно ушла пустая. Теперь, если двигаться вокруг по спирали, можно обнаружить какие-нибудь следы...

У самой подошвы песчаного террикона обнаруживается свежая заплатка — отсюда либо брали песок, либо, наоборот, что-то прикапывали... Зову на помощь Берковича, и мы вдвоем быстро начинаем раскопки. Минуты через две рука натывается на что-то плотное. Обкапываю вокруг и вытягиваю из ямы частично окоченевшее тело. Морда русская, по одеже — местный типовой работяга. Словесный портрет составить возможность не представляется — пуля, войдя в затылок, подрихтовала черты лица так, что Хичкоку курить в сторонке. Да, уже явно не ГТ-хой работали, у ветерана пуля с такой дистанции чисто идет навывлет. Заграничное что-то, экспансивное. С разверткой, панимаешь, лепестком сакуры...

Ну что, подтверждение догадки, похоже, получено. Не так уж много вариантов объяснения тому, кто и зачем мог часов двенадцать назад, то есть ранним утром, хлопнуть из крутого импортного ствола левого портового работягу.

Вот теперь пора бы и на доклад... Отхожу подальше, чтобы в микрофон не доносились звуки вдумчиво блюющего Жужика. Набираю короленковский номер. Абонент вне зоны действия или отключен. Медленно считаю до ста, набираю снова. Неизменно превосходный результат. Связь потеряна, а это, блин, означает, что в Новозыбкове что-то пошло не так, и теперь нам с Берковичем не следует рассчитывать на подмогу...

Фальшиво напевая под нос пафосный вэдэвешный марш, из которого помню лишь две строчки: "Никто кроме нас, голубые погоны!", наскоро закидываю труп песком — в мои планы никак не входит попасть в здешнее СИЗО по подозрению в убийстве. Размашистым, но не сильным подзатыльником вывожу напарничка из протрации и киваю в сторону вагончика, за которым нас ждет машина.

Понятно, что придется нам догонять эту гребаную баржу. Только вопрос — на чем? Машиной вдоль реки не сильно попрыгаешь, да и на борт не перескочишь. По воздуху? Птичку жалко, сломалась. Да и была бы цела — в московской зоне ПВО особо не полетаешь. Это вам не тысяча девятьсот восемьдесят пятый, мигом собыют...

Остается только одно...

Салон "Катера и яхты", который я заметил еще днем, находится в центре города. Соблюдая остатки конспирации, мы отпускаем лимузин, не доезжая квартал до салона — война войной, а конспигация конспигацией. Остаток пути проделываем быстрым шагом.

Магазинчик богатый. Во дворе целый флот на любой кошелек и вкус.

— Эту берем, Уиктор! — толкает меня под бок Беркович, указывая на рыбацкое корытце. — Маленькая, незаметная.

Снисхожу до развернутого пояснения.

— Ты, Алан, ничего в нашей жизни так и не понял. На дешевой лодчонке мы кто? Объект пристального внимания для всевозможных речных начальников — нас будут трясти и речники, и рыбнадзор, и экологи, словом, все, кому не лень. Поэтому поступим немного иначе. Слышь, халдей, — лениво указываю растопыренной ладонью на роскошный круизный катер, — сколько этот крейсер стоит?

Звучит число. Денег, выданных Алексеем, хватает, но почти в обрез.

— Потянет, берем! Кому тут бабло отдавать? Только, ты, зёма, ценник сразу же сними. Коляну сороковник стукнуло, если он, мля, в натуре, увидит, что кореш такую дешевку на юбилей подогнал, обидится, сто пудов! Вот на ней-то к нему на дачку и двинем, заодно и проветримся.

Торговый люд украдкой кривится, но бегаёт шустро. Недодавленные провинциальные братки уже давно не вызывают у народа ничего, кроме легкой брезгливости, однако покупатель — если готов отдавать деньги — всегда прав.

Вскоре мой "денежный" рюкзак показывает практически опустевшее дно, а в обмен на тщательно пересчитанные пачки я получаю увесистый пакет документов и приличную связку ключей.

— Ваш катер будет спущен на воду и отбункерован, ну то есть, заправлен дизтопливом в течение двух часов. Если желаете, на борт и спасательные круги нанесут новое имя...

— А катер ты водить умеешь, Беркович?

— Нет! — глаза моего напарника становятся похожими на две плоски.

— Ладно, на сей раз тебе повезло. Справлюсь и тебя научу.

Я не стал уточнять, что весь мой капитанский опыт ограничивался несколькими тренировочными десантированиями в Крыму...

— А это что? — спрашиваю продавца, указывая на две белые мягкие фуражки с черными козырьками и два пакета.

— У нас акция — покупателям два комплекта фирменных ветровок и кепи в подарок. Так что насчет названия?

— С этим пока погодим... — назвать бы "Милой", да пока нарисуют, пока высохнет. Да и смысл?

— А наемный экипаж вам не нужен? Или будете сами, извиняюсь, рулить?

Добросовестно думаю. Вообще-то идея насчет экипажа мне нравится. Прохождение шлюзов, общение с местными речными службами можно и нужно перевалить на профессионалов. А на последнем этапе от греха их высадить нахер...

Киваю:

— Если кто есть на примете, — зови!

Капитана, старого прожженного речника, звать Иваном Петровичем. Матрос представился как "просто Гриша".

Предоставив команде под присмотром "старпома" Жужика готовить катер к отплытию, сижу на корме и роюсь в Интернете, пытаюсь оценить последствия ядерного удара. Какая мощность у той бомбы, хер знает. Сербин, кажись, говорил на пленке, что двадцать килотонн... Обнаружив сайт, который рисует прямо на карте последствия ядерного удара указываю место "Москва" и соответственно мощность.

Нехерово. На месте Кремля — воронка. Кружок "полных разрушений" проходит примерно в границах Садового кольца. Но и внутри Третьего транспортного мало кто выживет. Остальной чудесной стране по имени Замкадье тоже крепко достанется, но тут уж все будет в большей мере зависеть от направления ветра. Как-то блин, очень вовремя по телику про одиннадцатое сентября янки вещают...

Над яхт-клубом сгущаются сумерки.

Боевые речники сперва наотрез отказываются выходить в ночь. Я их конечно же понимаю, но тут от меня уже мало что зависит. Для убедительности включаю полную распальцовку. Петрович, похоже, с ходу понял, что я совсем не набитый шальными бабками браток из девяностых. Но знанием своим не козыряет, упирает на то, что "по светлому времени наверстаем". После долгих дебатов с угрозами, матом и брызганьем слюной останавливаемся на компромиссном варианте: "Хер с тобой, начальник, выходим сейчас, но скорость не больше десяти узлов, иначе напоремся на первую же херню и рыб кормить

будем".

Под журчание воды наш крейсер "Аврора" выскользывает из отгороженного залива и погружается в вязкую смолистую темноту, разбавленную проблесками разнообразных речных огней.

Курю, прикидывая наши шансы. Конечно, хотелось бы назвать их просто мизерными, но если прикинуть хрен к носу, то впору мерить скорее в отрицательных числах.

16. Над пропастью во лжи

В жизни у Виктора Моргана не раз и не два случалось так, что его карьера висела на волоске. На заре туманной юности студент-калабриец Витторио чудом избежал исключения из университета, после того, как в его комнате полиция обнаружила наркотики — спасла тривиальная взятка. Копу-латиноамериканцу грозил штраф за просрочку выплаты за машину, и он решил "не ломать судьбу парню"...

Через несколько лет он, еще совсем малозначительный клерк, едва не попал в тюрьму за "платное ознакомление заинтересованных лиц с секретными следственными материалами окружной прокуратуры штата". Но снова вмешалось Провидение. Агент ФБР, раскопавший ответ на вопрос, почему местные мафиози стали так хорошо осведомлены о разных уголовных делах, нелепо погиб от рук чокнутого стрелка, ворвавшегося в супермаркет, куда приехал на шоппинг со всей семьей.

Пожалуй, самые неприятные минуты довелось пережить секретарю сенатского комитета, уже Виктору Моргану, когда самолет с иракскими "трофеями" оказался остановлен на взлетной полосе багдадского аэропорта для досмотра военной полицией. Ребята с повязками "MP" явно что-то прознали, за их спинами блестели объективами камеры журналистов. Морпехи полковника Мэтью подоспели очень вовремя...

Но, по сравнению с нынешней ситуацией, это были просто детские игры. Чем выше поднимаешься по крутой социальной лестнице, тем глубже пропасть, в которую рискуешь упасть.

Последние дни советник Морган спал мало и плохо. Да и организм неожиданно сообщил хозяину, что давно покинул возраст бесшабашной и выносливой юности. Впервые в жизни Виктор почувствовал, что уже не молод, и хронический стресс властно забирает свое у здоровья.

В тщетных попытках хоть как-то одолеть бессонницу, Морган подошел к узенькой книжной полке и дернул за первый же подвернувшийся корешок. Книга оказалось знакомой и много раз перечитанной еще в колледже. Опустившись в кресло, советник открыл книгу на середине и начал читать.

...Понимаешь, я себе представил, как маленькие ребятишки играют вечером в огромном поле, во ржи. Тысячи малышей, и кругом — ни души, ни одного взрослого, кроме меня. А я стою на самом краю скалы, над пропастью, понимаешь? И мое дело — ловить ребятишек, чтобы они не сорвались в пропасть... [\[59\]](#)

Морган вздрогнул и захлопнул потертый томик. Сонливость разом прошла — слишком точно передал недавно умерший классик мысли и, главное, ощущения Витторио-Виктора. Вот разве что советник президента по национальной безопасности не собирался спасти никого, кроме себя, а "тысячи малышей" отнюдь не играли в поле, но только о том и думали, чтобы столкнуть его в пропасть...

Первым толчком в сторону края стал вчерашний звонок из Ленгли. Директор ЦРУ буквально в нескольких фразах сообщил, что где-то в России сработал аларм-код кредитной

карты Берковича.

Выводы из этой информации разведчик предоставил делать своему облеченному властью собеседнику. И были они весьма и весьма неутешительны, так как проливали совершенно иной свет на обстоятельства гибели Опоссума, а также глупого мальчишки Берковича. Точнее наоборот — покрывали эти обстоятельства плотной завесой мрака.

После того разговора Моргану стало очень нехорошо, прямо физически нехорошо. Конечно, всплывшая карточка юного идиота могла быть украдена. Но скорее это означало, что Беркович как минимум не сгорел со своим бумажником, а вполне возможно, что жив. И куда в таком случае мог деться "бесследно" пропавший Айвен?.. Так или иначе, открывался неконтролируемый и непредусмотренный канал утечки.

Совокупно с исчезновением Джамалья ситуация на сухом языке договорных документов характеризовалась как "форс — мажор". То есть события непреодолимой силы, делающие невозможными исполнение одной из сторон своих обязательств.

Не принес результата и удар морпехов по курдской крепости. Несколько часов назад генерал Мэтью связался по каналу, который прослушивало АНБ и, страхуясь, "на публику", не стесняя себя в выражениях, коротко, но очень образно описал результат "антитеррористической операции" — в Тикрит возвратился лишь один из трех вертолетов.

Гибель техники и людей Моргана совершенно не беспокоила. Операция была санкционирована Плаксивым Ковбоем, так что здесь ему ничего не грозило. Но если бы примерно в это же самое время, и неважно, днем раньше или днем позже, где-то там, на стыке славянских границ, вырос ядерный гриб — советник, не моргнув глазом, использовал бы письменный приказ о нанесении ядерного удара, запустив механизм "демократического дворцового переворота".

Однако взрыв так и не произошел... Джамаль не выходил на связь. Его следы терялись в приграничных лесах, и оставалось лишь мучительно гадать, что задумал бывший цепной пес Садама.

С каждым часом, проведенном в ожидании хоть какой-то дополнительной информации, советник все сильнее ощущал ледяное дыхание бездны. Той самой, которая, если верить безумному немцу, рано или поздно начинает смотреть на тебя...

Одурманенный снотворным, которое он все же рискнул принять, не в силах ни заснуть, ни сосредоточиться на работе, Морган бродил по ночному дому, как привидение, с планшетом в руках. Советник уже почти ненавидел бессловесный аппарат, ставший настоящим орудием пытки.

Планшет ожил лишь под утро, известив мелодичным звоном о новом послании. Советник вытер взмокший лоб рукавом шелкового халата. Сообщение пришло совсем не оттуда, откуда он ожидал. Больше всего Моргану хотелось проигнорировать послание. Однако он укорил себя за приступ неуместной слабости и самосожаления, вспомнил, что он вообще-то государственный муж, искушенный во всевозможных испытаниях, в том числе побывавший на настоящей войне. И ткнул пальцем в экран.

Вице-президент в коротком сухом сообщении требовал срочно прибыть в Белый дом. Каждое из частей сообщения по отдельности — срочность и место встречи, было само по себе очень недобрым знаком. Совокупно же они представляли собой настоящую гремучую смесь.

Вице-президент и стоящие за ним "оружейники" определенно что-то прознали по собственным каналам и теперь призывали к ответу. Так что Морган рисковал покинуть

кабинет своего тайного покровителя не просто отставным советником президента, но в наручниках. А возможно и ногами вперед — Виктору снова вспомнились приснопамятные Кеннеди, которых не спасли ни положение, ни вся сила клана "менял".

Советник стоял, привалившись к стене, безвольно уронив руку с планшетом, который был готов выпасть из ослабевших пальцев. Халат промок от пота, ноги стали ватными, казалось — только шагни, и подломятся сразу обе. Морган бросало то в холод, то в жар, а в животе появилось ощущение мерзкой склизкой жабы, уютно устроившейся пониже желудка среди прочих внутренностей.

Виктор несколько раз вдохнул и выдохнул, шумно, как паровоз, стараясь выгнать жабу и перебороть панику, что нахлынула на него, как стихия, поглотившая Новый Орлеан. Сейчас как никогда требовались быстрые и точные решения. Очень быстрые, потому что времени уже не оставалось. Очень точные, поскольку Морган уже не раз оступился, следующий неверный шаг обещал стать последним. Если вообще что-то еще можно исправить...

Советник оскалился, как гиена, дернул головой, словно сбрасывая хомут. И решительно шагнул вперед, не обращая внимания на все еще не затихающую дрожь в ногах.

Он — Виктор Морган, советник Президента США. Он победит и в этот раз, как неизменно побеждал раньше.

* * *

На Нью-Йорк авеню шло очередное строительство, поэтому до начала рабочего дня попасть в Белый Дом можно было только через официальные, Южные ворота, у которых всегда толклись многочисленные корреспонденты. На сенсации им рассчитывать не приходилось, зато можно было при удаче сфотографировать какое-нибудь официальное лицо или, на худой конец, автомобиль этого самого лица.

Стервятники чуют добычу издалека и слетаются, как на падаль, подумал советник Морган. Он неприязненно отметил фотоаппараты и видеокамеры, направленные в сторону тонированных стекол "Лексуса", словно снайперская оптика. Теперь кто-нибудь непременно запишет или просто запомнит, "на всякий случай", что в отсутствие президента, пребывающего на двухдневном отдыхе в Кэмп-Дэвиде, его советник по национальной безопасности, и вице-президент прибыли на свои рабочие места необычно рано. А советник и так недавно вынужденно засветился под телекамерами, чего терпеть не мог и избегал всеми силами.

За два с половиной года пребывания в своей должности Морган трижды успел побывать в Москве в составе правительственных делегаций. То, что он видел там, нравилось ему гораздо больше того, что он наблюдал сейчас из окна своего бронированного автомобиля. Кованый забор, окружающий Белый Дом, не шел ни в какое сравнение с мощными стенами Кремля, за которыми укрывалась русская президентская резиденция. Хотя, по большому счету, от чего могут защитить любые, даже самые прочные стены в ядерную эпоху? Разве что от любопытных взглядов плебса да нападения разъяренной толпы...

"Лексус" подкатил к Западному крылу, сержант морской пехоты в парадном мундире, выросший как из-под земли, открыл заднюю дверь. Морган покинул машину. Черт с ними, с репортерами, гораздо важнее то, что ребята из Специальной службы сегодня же донесут Плаксивому Ковбою о том, как два самых приближенных к нему (по официальной иерархии)

лица встречались и беседовали в неурочное время. Но дело не терпело отлагательств.

Мысленно показав средний палец всем камерам наблюдения, которыми были нашигованы коридоры, советник миновал двери собственного кабинета и направился туда, где его ожидал человек, согласно Конституции являющийся: "...первым лицом в цепи наследования верховной власти и занимающий пост Президента США в случае смерти, отставки или смещения действующего президента".

Если не принимать во внимание такие нелепости, как добровольное прошение об отставке, вариантов действий у Моргана оставалось только два. Первый — честно признаться во всем, предоставив тем, кто выше, самим принимать решения. Второй — нагло врать, манипулируя "оружейниками" при помощи подтасованной информации, в надежде, что рано или поздно двойное увеличение ставок принесет долгожданный выигрыш.

В первом случае Морган терял статус "незаменимого человека" и прощался с карьерой навсегда, но гарантированно оставался жив и сохранял капиталы. Вторым вариантом был чреват "внезапным инфарктом", зато в случае выигрыша позволял подняться еще на одну ступеньку в незримой пирамиде теневой, настоящей власти...

Морган так и не пришел к окончательному решению — какой стратегии ему предстоит придерживаться. В конечном итоге он положился на экспромт, наитие, рассудив, что сначала следует оценить настрой вице-президента, и что тому известно. А уж затем — сжигать мосты.

Хозяин кабинета сидел, небрежно раскинувшись в кресле. Глядя на его безупречный костюм, советник твердо пообещал себе при первом же удобном случае лично застрелить "самого модного в сезоне кутюрье", у которого он заказывал официальные наряды.

— В самых общих чертах мне уже все известно, — с обманчивой ленцой и добродушием сообщил вице-президент. — Теперь, Виктор, расскажи мне все подробно, в хронологическом порядке. И говори четко, ясно, без эзопова языка. На всякий случай здесь только что все проверили на "жучки".

Морган незаметно выдохнул, как перед прыжком в холодную воду, мгновение подумал, не стоит ли сесть. Решил, что не стоит. Было до крайности уничительно чувствовать себя провинившимся клерком на выволочке у начальства, но Виктор понимал, что сейчас самое время свернуть гордость в трубочку и засунуть... в карман, поглубже.

— В пять двадцать утра оперативный центр в Ленгли принял от центрального сервера "Виза" сигнал о срабатывании аларм-кода, — начал он доклад. — Карточку пытались задействовать в каком-то российском провинциальном городке, поэтому оперативный дежурный немедленно передал информацию в московскую резидентуру, благо там была половина первого, и резидент находился на рабочем месте. Сразу же выяснилось, что задействованная кредитная карточка принадлежит Алану Дж. Берковичу, который как считалось, погиб во время пожара в Русе.

Советник сделал паузу, и для того, чтобы перевести дух, и для того, чтобы дать собеседнику время осознать услышанное. Вице-президент нахмурил брови и, сверкнув пятикартанным бриллиантом на перстне, потянулся к коробке с сигарами.

— Дальше, — коротко повелел он.

— Директор ЦРУ был немедленно оповещен о происшествии, через час он уже находился на своем рабочем месте. Выяснив, что аларм-код сработал в банкомате населенного пункта, лежащего в нескольких десятках километров от пункта назначения... нашего груза... директор немедленно сообщил мне об этом и приказал резиденту в России

отправить агента на место происшествия. От Москвы до, — помощник справился с записью и с трудом выговорил, — "Нова-зиббкоф" около пяти часов на автомобиле, потому для выполнения задания был выбран слепой исполнитель, частный детектив из регионального центра. Результаты поездки скоро будут известны.

— Что дальше? — мрачно осведомился вице-президент. — Насколько я понимаю, красивая легенда о юноше, погибшем во славу Америки, более не актуальна?

— Я сегодня же встречу с директором и исполнителями, поручу принять меры по отрубанию хвостов, — нейтрально вымолвил советник, обходя молчанием крайне неудобное замечание. — Мы сделаем все возможное, чтобы захватить тех, кто связан с этим... делом. Или устранить раньше, чем они попадут в руки местных властей.

— Помнится, я уже слышал нечто подобное, — еще более мрачно проговорил вице-президент, выпуская обширный клуб сигарного дыма. — Что-то относительно сокрытия следов, свидетелей и прочего...

Возразить было нечего, и Морган, незаметно стиснув кулаки, закончил речь:

— В самом скором будущем, примерно в течение часа, наши консулы сообщат властям Украины и России о похищении в Киеве гражданина США с возможной перевозкой на территорию России.

Вице-президент скривился, но ничего не сказал. Пару мгновений он молча смотрел на поверхность стола, а затем, не глядя на Моргану, спросил:

— Кстати... как обстоят дела с транспортировкой груза?

Советник президента ощутил, что земля уходит у него из-под ног. Он молился о том, чтобы этот момент не настал, чтобы покровитель, подавленный новостями, не задал самый главный и самый опасный вопрос. И все же это случилось. Теперь Моргану нужно было выбрать одно из двух. Честно признать, что бомба потеряна, Джамаль неуправляем, а столь блестяще разработанный план если еще не провалился, то уже на самой грани провала...

Или...

Виктор никогда не считал себя азартным игроком и даже в покер играл от случая к случаю, скорее по необходимости, ради важных бесед с высокопоставленными партнерами. Но в этот момент он почувствовал себя человеком, который ставит на "зеро" сразу все.

— Буквально перед нашей встречей, в последнюю минуту я получил сообщение. Оно не подтверждено и не проверено, поэтому я не считал возможным сразу предавать его огласке...

Морган сделал многозначительную паузу, которая пала на кабинет тяжелой могильной плитой. Вице-президент нахмурился еще больше, катнул дымящую сигару между губами. Посмотрел на советника, и в глазах политика читалось уже не сдержанное неодобрение, а с трудом скрываемая ярость.

— И что же это за сообщение? — медленно, отделяя каждое слово длинной паузой, спросил вице-президент почти спокойным голосом.

— Вероятнее всего, привлеченный эксперт ошибся, — выговорил Морган и замолк, ему не хватало дыхания, как марафонцу на последних метрах дистанции.

— Дальше, — резко подошел собеседник.

— По моему настоянию... исполнитель привлек иных... специалистов. Более сведущих и грамотных. Все время они вели скрытое наблюдение.

— Дальше.

— Есть высокая вероятность того, что бомба негодна к использованию, — произнес Морган. Он ощутил себя человеком, который сделал последний шаг к краю пропасти, и

теперь стоит на одной ноге, балансируя руками и страшась глядеть вниз, но продолжал вдохновенно врать. — По новым данным исполнитель намеревается утопить ее в болоте, скрыв все следы. Воздействовать на него не представляется возможным, он слишком напуган и считает, что его целенаправленно подставили с негодным зарядом. Чтобы показательно разоблачить очередного "террориста" и в дополнение уязвить русских, не рискуя реальным взрывом...

Все это советник вымолвил на одном дыхании и, закончив речь, испытал болезненное, ненормальное облегчение. Как ученик, измученный ожиданием наказания за невыученный урок, что наконец-то оказывается лицом к лицу с суровым наставником.

Вице-президент дважды затянулся сигарой, прогоревшей уже почти на треть. Затянулся быстро и глубоко, всей грудью, будто обычной сигаретой. Закашлялся, хрипя, судорожно вдыхая и так дымный воздух.

— М-м-морган, — выговорил он наконец, скорее прошипел, словно разъяренная кобра. И это единственное слово прозвучало столь выразительно, что стоило дюжины самых изощренных, самых непристойных ругательств.

Виктор украдкой перевел дух. Как бы то ни было, жребий брошен. Теперь поздно колебаться и предстоит пройти выбранным путем до конца.

— Морган, — зло повторил вице-президент. Он отчасти справился с собой, но только отчасти. Политик вытащил изо рта сигару, с отвращением глянул на плебейски изжеванный конец и бросил тлеющий серо-коричневый огрызок в пепельницу.

— Это провал, — очень ровно преувеличенно ровно проговорил наконец вице-президент. — Не сбой. Не "коррекция плана". Это провал, полный и окончательный.

Каждое слово прозвучало, как удар молотка, забивающего гвоздь в крышку гроба. Однако Виктор сумел сохранить присутствие духа, хотя бы внешне.

— Возможно. Но я бы не был столь категоричен. Поражение в Курдистане при правильном развитии событий сыграет нам на руку, а всплывшая карточка Берковича также может послужить поводом для дальнейших... хм... комбинаций. И даже если мальчишка жив, это всегда можно обернуть к пользе дела.

— Если произойдет взрыв, — уточнил вице-президент, к большому удивлению Моргана — без обвинений и оговорок.

— Да, — Виктору не оставалось ничего иного, кроме согласия. — Если произойдет взрыв...

— Так обеспечь его, — тихо сказал, почти прошипел, подобно разъярившейся кобре, вице-президент. — У тебя два-три дня, не больше. Закопай всю память о Берковиче поглубже. Найди Джамалю, найди заряд, в каком бы болоте его не утопили — и используй. Хоть тротилом подорви, лишь бы на наших системах мониторинга появилось радиоактивное пятно. Я больше не желаю недомолвок и общих, пустых обещаний. Мы не желаем.

Если раньше это "мы" звучало как действительная воля целого сословия, то сейчас вышло слабо, почти жалко. "Интересно" — подумал Морган. "А ведь похоже, что и вице-президент точно так же головой отвечает перед своими коллегами". Следовательно, как и надеялся Виктор, его собственный провал станет провалом покровителя. А поскольку вице-президент будет стараться вытащить себя из болота, есть шанс, что заодно он вытянет и советника. Возможно...

— И еще, — негромко произнес вице-президент, — при любом развитии событий ни при каких обстоятельствах нельзя оставлять свидетелей. Солдафон из плавучего борделя и

паникер в Ленгли — это твои люди. Стало быть, решение вопроса — твоя проблема. Это единственное, что может тебя хоть как — нибудь оправдать в случае, если дело закончится полным крахом...

Морган молча развернулся и шагнул к выходу. Он до последнего ждал едкой фразы в спину, но ее так и не последовало.

В машине советник полулежал, развалившись по всей ширине сиденья. Не вальяжно, а скорее, как вытащенная на берег медуза. Вновь навалились апатия и сонливость, нежелание думать и тем более действовать. Вышколенный водитель за непрозрачной перегородкой терпеливо ждал указаний, а Виктор собирал телесные и душевные силы для дальнейших действий. Наконец, он взял спутниковый телефон. На той стороне ответили почти сразу.

— Найди Джамалю, а лучше сам груз. Разберись с кредиткой Берковича! — коротко, отрывисто приказал советник, не тратя времени на лишние слова. — Задействуй все силы и средства. Не хватит бюджета — позвони, я добавлю. Иначе тебе конец.

Уже произнеся это, Морган подумал, что перегнул палку и добавил. — Точнее мне конец, но сам понимаешь...

Развивать это многозначительное завершение не потребовалось, директор и так прекрасно понимал, что в таких играх джентльменского поведения не бывает. Поэтому утопающий советник будет в свою очередь топить всех вокруг, чтобы приподняться над водой хоть на дюйм. Разведчик не стал размениваться на обвинения и выяснения меры ответственности, он отозвался так же кратко и деловито:

— Работа идет, брошены все силы. Через несколько часов мы будем знать все, или почти все.

Директор ЦРУ отключился первым, и это стало очередным дурным знаком в длинной череде скверных событий. Морган отчетливо чувствовал, что обреченный на смерть чиновник колеблется, находится почти на грани лояльности. Однако пока он выполнял указания, и этого было достаточно.

Два-три дня, так сказал вице-президент. Скорее всего, можно накинуть еще сутки-другие, но вряд ли больше. В таких вопросах вообще лучше исходить из того, что срок истек еще вчера.

"За работу" — приказал сам себе Виктор Морган.

Многое упущено, но партия еще не проиграна.

17. По вновь открывшимся обстоятельствам

Два часа полета назад из Турции до Моздока Пашкин отсыпался — доконала беготня по горам. После посадки, соорудив из пары пистолетных ремешков поводок, выгулял по бетонке трофейного зверя. Щенок кавказской породы к ограничению свободы отнесся категорически отрицательно — дергался и рычал, как маленький тигр. Впрочем, продолжалось сопротивление недолго — зверенышу быстро нашлось занятие по душе. Сперва песик обляял вонючий топливозаправщик, после оторвался на зенитчиках, за которыми приехал автобус, а в конце концов под раздачу попали ФСБ-шники, в чьи добрые и заботливые руки Колчин передал пленных курдов. Завершив охранные мероприятия, Ариф деловито присел у самолетного колеса. Пометил территорию, после чего, дернув поводок, деловито потрусил по аппарели в отсек, будто это он выгуливал Пашкина. Проходя мимо ядерщика-предателя, щенок вздыбил шерсть и поднял верхнюю губу, обнажая маленькие, но острые клыки.

Хозяина в майоре щенок, похоже, признал. Пару раз, хоть и с недовольным ворчанием, позволил себя погладить, а на тех, кто пытался подойти ближе, чем на полшага, кидался со злобным рыком. Предложенную Пашкиным тушенку из "спецпитательного" ИРП сожрал без остатка, после чего уронил лобастую голову на не по-детски мощные лапы и, не обращая малейшего внимания на болтанку, крепко заснул, чуть слышно поскуливая и дергая задними лапами. Наверное, кавказско-курдскому зверю снилась погоня за инженером...

Однако отдых оказался недолгим. Едва майор успел почистить табельное оружие, зверь проснулся и потопал в дальний угол отсека где, присев, сделал кучку.

Под откровенное ржание Колчина и коварное хихиканье бурятского снайпера Иванова, Пашкин вооружился салфетками всё из того же ИРПа и, матерясь, принялся за уборку. Едва он закончил, как палуба грузового отсека резко накренилась — самолет заложил глубокий левый вираж.

Все, кто стоял на ногах, дружно повалились на затоптанный пол. Многие сидевшие тоже не удержались на местах. По отсеку пронесся рев, способный загнать в краску и хваленых одесских биндюжников. Самым цензурным из выражений, исторгнутых из луженых осназовских плоток было: "Херовы летуны, охерели, мля, нахер?!" — оно, по крайней мере, содержало хотя бы одно приличное слово...

Запоздало загорелись красные транспаранты, вызвав новый взрыв возмущений. Перекрывая дружный мат, в динамиках захрипел командир корабля.

— Мужики, прощения просим! Срочный приказ из штаба на смену курса. Сами понимаете, сначала исполняем, потом думаем. Командиром групп приказано связаться с командованием...

Едва Пашкин с рычащим щенком под мышкой угнезвился на ближайшей сидухе, как в кармане зажужжал связанный с бортовой сетью коммуникатор. По закрытому штабному каналу пришла рассылка, озаглавленная "оперативная информация".

Сегодня в 11.31 по местному времени, силами РОСН^[60] УФСБ по Брянску и области в усадьбе, находящейся на балансе предприятия "Тростана-менеджмент" в 5 км. к юго-западу от г. Новозыбков, был произведен силовой захват гражданина Короленко А.П. Основания для операции — подозрение в организации экономических преступлений,

похищении людей, заказных убийств и разведывательной деятельности в интересах иностранных государств.

Юридическим основанием для задержания Короленко А.П. стал документированный факт незаконного задержания человека.

Согласно докладу сотрудников Новозыбковского райотдела ФСБ, которым в рамках оперативной проверки за лицом, проходящим по контрразведывательному учету, было поручено негласное наблюдение за банкоматом "Сбербанк России", расположенным по адресу ул. Первомайская 19, в 9.32 у входа в отделение "Сбербанка России", где расположен вышеупомянутый банкомат, неизвестными лицами в черных комбинезонах и лицами в масках был схвачен и увезен в машине (микроавтобус "Мерседес-Вито" черного цвета, госномера...) мужчина примерно сорока лет.

Как выяснилось позже, захваченный мужчина, Папуша А.В. проживающий в г. Брянск не судим, являясь частным детективом (лицензия УМВД №...) прибыл в г. Новозыбков для выполнения задания клиента по установлению лица, которое воспользовалось платежной картой "Виза" номер... для получения наличных. Основанием для обращения в детективное агентство, по информации, полученной от клиента, адвокатской фирмы "Верона" (г. Москва), послужило срабатывание "защитного кода" карточки гражданина США А. Берковича, который некоторое время назад погиб на пожаре в пгт. Руса (Украина). Фирма "Верона", в свою очередь, действовала как агент адвокатской фирмы "Фейнман и Ко" (США, штат Виргиния), которая по словам гражданина Папуши, является душеприказчиком погибшего Берковича и осуществляет оценку его имущества и активов.

Предварительное следствие установило, что гражданин Папуша, прибыв в филиал банка, при помощи подкупа пытался получить записи с видеокамер, установленных в банке, а также расспрашивал персонал на предмет примет и описания человека, снимавшего деньги по вышеуказанной карте. Находящийся в банке охранник Шмелёв Ю.В, штатный сотрудник ЧОП "Тростана-секьюрити", которое осуществляет охрану отделений "Сбербанка России" в г. Новозыбков, сообщил о появлении гражданина Папуши своему непосредственному начальнику, после чего гражданин Папуша, по приказу директора ЧОП "Тростана-секьюрити" был захвачен сотрудниками ЧОП и доставлен в усадьбу, являющуюся местом постоянного жительства президента ОАО "Агрохолдинг Тростана" Короленко А.П.

Место нахождения незаконно захваченного гражданина Папуши было установлено путем скрытого наблюдения за автомобилем "Мерседес-Вито". С учетом угрозы жизни и здоровью захваченного человека, решением начальника УФСБ, по устному согласованию с прокурором области, была проведена антитеррористическая операция.

Охрана усадьбы оказала сопротивление, так что войти на территорию усадьбы не удалось. После того, как возглавляющий операцию подполковник Максименко предъявил документы, удостоверяющие его личность и проинформировал о целях операции, Короленко А.П. дал команду сотрудникам ЧОП отпустить захваченных во время штурма бойцов РОСН и более не оказывать сопротивления. В результате экстренного осмотра резиденции был обнаружен гражданин Папуша, запертый в одной из из спальных комнат, дочь Короленко А. П. Короленко О. А., а также гражданка Украины Сербина Л.В. несовершеннолетняя, представилась как гостья гражданки Короленко О.А. В подсобных помещениях укрывалось еще пять человек, представившихся как охрана и обслуживающий персонал. При личном досмотре гражданина Короленко у него была обнаружена платежная карта "Виза" на имя гражданина Берковича, номер которой совпал с номером,

по которому было произведено получение наличных в банкомате г. Новозыбков.

Гражданин Папуша освобожден и дает свидетельские показания. Задержанные сотрудники ЧОП "Тростана-секьюрити" дали признательные показания в том, что, действуя по распоряжению Коваленко А.П., якобы осуществляли гражданский арест лица, подозреваемого в подготовке ограбления отделения "Сбербанка России". Причины, по которым было приказано доставить подозреваемого не в милицию, а в усадьбу Короленко, им неизвестны.

В связи с тем, что упомянутый гражданин США Беркович проходит по учету ГУ К1 ФСБ как полуплегалный агент ЦРУ, работавший на территории Украины, гражданин Короленко был задержан на основании подозрения в шпионаже. В настоящее время ведется следствие.

На соседнее сиденье грузно плюхнулся Валентин.

— Почитал?

— Угу... Стало быть, это нас в Новозыбков так экстренно завернули?

— Туда. Мы ближе всех и полностью в теме... Только не в Новозыбков, а на Брянск. Ближе нет ни взлетов, ни подходящей площадки. Не на трассу же садиться. Сплошняком леса с полями, а наземным всего сто тридцать кэмэ. К тому же задержанного гражданина Короленко А.П, судя по всему, уже доставили в Брянск.

Пашкин пожал плечами и опустил на пол сердитого щенка. Курдский выкормыш с рычанием вцепился в ботинок Колчина.

— Судя по всему, говоришь? А точной информации нет?

Валентин ухмыльнулся и осторожно задвинул щенка ногой под сиденье.

— Тут конфликт интересов. Этот олигарх районного значения устроил вброс дерьма на вентилятор. Смежники, которые его задержали, костями лягут, чтобы его у них не забрали.

— Дело ясное, что дело темное. Тут пахнет ликвидацией хорошо законспирированной шпионской сети. А это звания, должности, награды, премии и квартиры... Лично мне "трешка" пригодилась бы. Желательно в Москве, на Кутузовском...

— Все-то ты знаешь, Рома! — кивнул Колчин, аккуратно оттаскивая щенка от штанины. — В общем, картина маслом. Но ты же наши документы читал. Все совсекретно. На уровне областных управлений ФСБ о нашем существовании не должны даже подозревать. Все взаимодействие происходит исключительно через администрацию их директора. А их директору, похоже, регионалы пока что не торопятся делать доклад. Соответственно, и наш Климов не располагает всей информацией...

Пашкин поймал щенка и снова взгромоздил на колени. Тот для порядка чуть-чуть поворчал, после чего мгновенно заснул. А майор спросил:

— Сколько до Брянска лету?

— Чуть меньше часа.

— Стало быть, успеем и перепланировать, и отдохнуть. Для начала, ознакомься со сводкой. Которая вот эта вот, — Пашкин уложил коммуникатор на светлый щенячий бок и начал тыкать пальцем в экран. — Я как с Журавлевым отработал, на всякий случай сделал запрос в базу СВР по событиям в Русе. Начиная с гибели Сербина и по сегодняшний день Почитай, интересно...

Колчин со сноровкой сериального копа, извлекающего из кобуры "Кольт-Магnum", выхватил из кармана свой гаджет, нашел присланный файл и впился в экран глазами.

Пашкин, чтобы не сидеть, как дурак, тоже пробежал взглядом по строчкам.

Отделением милиции пгт. Руса объявлен в розыск гражданин Украины Верецагин В. С. (капитан запаса, не судим, последнее место работы: контролер ТЦ "Руса") за нападение на мобильную группу патрульно-постовой службы. Вечером того же дня тело Верецагина обнаружено по месту постоянного жительства. В соседней квартире (ответственный квартиросъемщик Сербин В.П., майор запаса, не судим, последнее место работы завскладом ООО "Калдай-Р") обнаружены трупы гр. Сученко П.В. и Цап Р.Г. (оба прописаны в д. Мокролесы, дважды судимы за грабеж и вымогательство, временно не работают, по спецучету проходят как члены ОПГ "Примус"). У первого — повреждение черепной коробки тупым тяжелым предметом, у второго — пулевое ранение. Цап и Верецагин убиты из одного и того же оружия, револьвера системы "Наган" №..., обнаруженного в руках Сученко. Оперативная следственная бригада дала предварительное заключение в том, что "причиной смерти стал конфликт на почве внезапно возникшей личной неприязни в состоянии сильного алкогольного опьянения и неосторожного обращения с оружием". Дело, возбужденное по факту применения огнестрельного оружия, повлекшее за собой смерть людей, а также о хулиганском нападении на представителей власти закрыто районной прокуратурой в связи со смертью подозреваемых.

Во время пожара на территории складов бывшего аэродрома Руса погибли два гражданина США. Беркович Алан (сотрудник регионального отделения "Международной лиги социальных исследований, по спецучету — младший офицер ЦРУ) и Смит Айвен (частный консультант по вопросам разоружения, контракт с DTRA^[61], по результатам сличения фотографии в некрологе с вероятностью 60 % — полевой агент ЦРУ, известный под кличкой "Опоссум"). В связи с высокой интенсивностью горения, тела погибших обнаружить и идентифицировать не удалось.

Во дворе частного дома по адресу: пгт. Руса ул... д... обнаружен труп гражданина Украины Котельникова С. (подполковник КГБ, ОДР^[62] СБУ, не судим, последнее место работы директор ООО "Добродея", по спецучету платный осведомитель СВР, ЦРУ Моссад и Ми-6^[63]). Согласно заключению следствия, смерть наступила в результате асфиксии фекальными массами, после того как гражданин Котельников, находясь в состоянии сильного алкогольного опьянения упал в септик локальной канализации при попытке произвести проверку наполненности резервуара. Квалифицировано как несчастный случай. Дело не возбуждалось за отсутствием состава преступления.

По агентурным данным на асфальтовом заводе пгт. Руса (владелец АОЗТ "Калдай-Мартан") неустановленными лицами произведено разбойное нападение на охрану. Трое находившихся на территории завода (по неподтвержденным данным граждан РФ, нелегально находившимся на территории Украины, все чеченской национальности) были убиты, будучи до того подвержены пыткам. Информация о тройном убийстве по официальным сводкам прокуратуры и милиции не прошла.

В Киеве при невыясненных обстоятельствах исчез (вышел из дому и не вернулся) гражданин США Чед Аскинс, руководитель отделения "Американской лиги социальных

исследований", по учету — глава украинской резидентуры ЦРУ. Местными властями ведется розыск, уголовное дело не возбуждено по срокам исчезновения.

— Насчет интересности, это ты не прав. Это не просто интересно, а, как сказал бы вождь, агхиинтересно! — оторвавшись от экрана, сказал Валентин. — И еще, если объединить две сводки, то фамилия Сербиных там встречается не слишком ли часто?

— К ворожке не ходи! — сказал Пашкин, выключая коммуникатор. Щенок от резкого движения глухо зарычал, но не проснулся. — Занятная цепочка. Сперва помирает Сербин, от которого, судя по всему, и прошла утечка. Не проходит и пары дней, в его квартире обнаруживаются местные бандюки. Холодные. Чуть позже исчезают бесследно два ЦРУ-шника и тонет в дерьме местный суперагент. И только Журавлев завершает подготовку бомбы, как на точку, где он работал, нападает кто-то очень суровый и жестокий. Совсем немного разминулись... А потом кредитка Берковича и дочка Сербина всплывают в Новозыбкове под крылышком местного олигарха. Кстати, выходца из Киева и бывшего разведчика. Теперь добавим к тому, что примерно в те же дни в Киеве исчез тамошний главный ЦРУ-шник...

Колчин молчал, накрепко прикусив губу. Переваривал.

— Версии есть?

— До фига и больше. Сюжетов наберется на три шпионских сериала.

— Картина маслом по лавацу! — только и произнес Колчин, отдергивая руку, на которую уже нацелился проснувшийся щенок.

— Но это все лирика. Что происходило там, в Русе, это, конечно интересно, и очень. Но только в разрезе поставленных нам задач. А наша задача — бомбу найти. Эх, поскорее бы увидеть этих Короленков и Сербину. И, желательно так, чтобы оба были в разных комнатах, а у меня в распоряжении спецаптечка имелась...

Пашкин мечтательно вздохнул, шелкнул пальцами. Колчин нехорошо ухмыльнулся и кивнул в сторону ящиков, что громоздились по центру отсека

— Спецаптечка где-то там. Есть все, что потребуется. По незнакомым препаратам инструкция в коммуникаторе, в папке "Всякое". А вот с фигурантами проблема. Мы пока, хоть убей, не знаем, где они находятся...

Валентин махнул рукой в противоположный конец отсека. Из-за ящиков вынырнул Ивашко — командир штурмового отделения. Чуть стукнув прикладом автомата о ребристый пол, приданный для усиления капитан плюхнулся на сиденье справа от Пашкина. Щенок на коленях тут же проснулся и бдительно обтявкал чужого. Пашкин легонько стукнул пушистого кавказеньша меж ушей. Ариф тут же угомонился.

— Что, начальник, — спросил штурмовик у Колчина. — Я так вижу, у нас в натуре проблема?

— Шо вам сказать за этих брянских шлемазлов, — вздохнул Валентин, снова изображая незабвенного Гоцмана. — Часа через три, когда наш комбат до ихнего директора доберется, они конечно всех, кого мы попросим, в свадебном лимузине прямо к трапу доставят. Под Шопена или же Марсельезу, на выбор. Но три часа — это очень много. А пока что мы, похоже, для них персоны нон грата...

— Шо, опять? — голосом волка-Джигарханяна спросил капитан. Ивашко

— Таки снова, — кивнул Колчин и, развернувшись к Пашкину, пояснил.

— В регионах местная спецура нас часто в свои дела не пускает, даже по прямому

приказу. Считают московскими борзыми, которые приехали снимать сливки. Потому, в условиях цейтнота приходится действовать силой. А начальство потом отмазывает. — Увидев, как нахмурился Пашкин, добавил. — Нет, не думай, никакого огня на поражение. Мы, хоть на всю голову отбитые, но не дурнее паровоза. За все время не было ни одного раненого. Три сломанных руки и одна выбитая челюсть, но это дело житейское. На крайний случай — пневматика со снотворным. Засаживаешь оппортунисту в жопу, и все дела.

— Пневматика у нас при себе, — кивнул штурмовик. — И холостые для табельного имеются, чтобы шухеру фраерам задавать. Так что, как говорится, во время проведения операции ни одна тварюка не пострадает...

В салоне снова зажглись красные транспаранты. Ан-140, к неудовольствию пса, выразившего свои чувства глухим рычанием, заложил вираж и начал предпосадочное снижение.

* * *

Самолет зарулил на стоянку, остановился. Летчики, опустив аппарель, в телефонном режиме начали договариваться о заправке. Пашкин с Колчиным, оставив оружие, спустились по аппарели. Ариф остался на лейтенанта Иванова. Бурят нахмурился, но пообещал присмотреть до возвращения. Песик тоже энтузиазма не проявил, но смирился...

— Наш командир минут пять как выехал на Лубянку, — сделав короткий звонок, сказал Колчин. — Ему сейчас часа два по пробкам, а потом еще и переговоров на полчаса или час. Так что пока он там шорох не наведет, действуем по обстановке. Для местных: мы МЧС-ники из Москвы, получили по своим каналам информацию, что какая-то хохляцкая ОПГ протащила через границу контейнер смертельно токсичной химии из гейропы. И эту заразу якобы должен закопать на своих землях гадский гад Короленко. Вроде всей шайке немецкий "Хенкель" полтора-два тыщ евриков отвалил, так как честная утилизация у них обходится вдвое дороже. Вот в связи с чрезвычайной опасностью этой химии мы и должны опросить подельников, чтобы как можно скорее найти и обезвредить контейнер...

— И часто у вас такое бывает? — поинтересовался Пашкин.

— Что бывает?

— Ну... по обстоятельствам?

— Да всегда практически. У сверхсекретности две стороны медали. Это про "спецназ ГРУ" только глухой не слышал, а нас, про части особого назначения, не всякий генерал ФСБ осведомлен...

Они остановились посередине площадки, в полусотне метров от унылой шестиэтажки, совмещающей функции аэровокзала, диспетчерской башни и администрации. На всем пространстве между самолетом и административным зданием, как, впрочем, и у самого здания, не было ни души...

— Мда, — протянул Валентин, оглядевшись. — Как говорил Жванецкий, у нас такое впечатление все-таки возникло, что нас не ждали...

Пашкин хмуро глянул на командира. Тот выматерился сквозь зубы и полез в боковой карман.

— Таарищ полковник! — с нажимом произнес Колчин ткнув кнопку в коммуникаторе. — Нас не встретили, к кому обратиться? Так, понял. Ясно. Слушаюсь! — И,

отключившись добавил. — Ну не шлеп твою в масть, не ту страну назвали Гондурасом...

— Проблемы?

— Похоже. Шеф для ускорения процедуры набрал в пути замдиректора ФСБ. Тот включил дурака и перевел стрелки на самого директора. Ну а у директора, как водится, срочное совещание. Темнят фейсы, резину тянут. Ну а Климов у нас если для дела — то безо всяких комплексов. Тут же набрал нашего начальника управления, тот сразу же приказал ехать прямо в Кабмин, к вице-премьеру. Из его кабинета, сказал, скорее кого нужно достанем. И ведь достанут, но это все время, время...

— Пошли в администрацию, может, встречающие там сидят! — рассудительно сказал Пашкин. — Начальство начальством, а наше дело, как я понимаю, маленькое, бери больше, бросай дальше, пока летит — отдыхай...

Но в здании администрации залетных гостей также никто не ждал. Если и были там сотрудники ФСБ, то исключительно секретные, на глубоком внедрении и потому обнаружению не подлежащие.

Звонок в приемную областного начальника ФСБ предсказуемо не принес результатов — "товарища командира спецгруппы экологов МЧС" с генералом соединять отказались и вежливо, но твердо предложили решать проблемы, в том числе и транспортные, через свое областное начальство. А лучше сразу через Сергея Кужугетовича Шойгу.

Для очистки совести Пашкин звякнул на ФСБ-шную линию телефона доверия. Там у него не поинтересовались разве что родственниками, живущими за границей, или побывавшими в плену, после чего порекомендовали написать заявление "по сути изложенного" в ближайшем райотделе милиции.

Дежурный по отряду фейсовского спецназа, а равно и их командир со всеми заместителями, трубку не брали вообще...

— Картина маслом, блин! — скрежетнул Валентин зубами. — Ладно, чтобы времени не терять, давай-ка двинем прямо в областную управу. Кудашова с собой возьмем, он куда угодно без мыла пролезет. У мичмана с этим просто: баллон от акваланга прошел, значит и он просквозит. Повезет — проломимся прямо к начальству. Не получится, будем по крайней мере под боком, когда Климов вопрос по Москве решит...

— И на чем поедем, гражданин начальник? — поинтересовался Пашкин.

— Карета подана! — ухмыльнулось высокое руководство, царственным жестом указывая в сторону аэровокзала. Перед центральным входом стояла синяя обшарпанная "копейка". Крышу почтенного ветерана советского автопрома украшал треснутый пластиковый плафон с черными неровными шашечками.

* * *

Таксист, чье прошлое читалось по потускневшим синим перстням на пальцах и гнусавому блатняку, доносящемуся из колонок раздолбанной "Антилопы Гну", мгновенно понял, что за пассажиров он на свою беду взялся везти. "Музыка" выключилась тут же, и сама собой. И всю недолгую дорогу водитель демонстративно смотрел только вперед, закусив губу.

"Кровавая гебня" Брянской области окопалась в солидном трехэтажном здании на пересечении чистых зеленых улиц с ностальгическими названиями — Горького и

Октябрьская. Уголок был какой-то совершенно советский, и если бы не табличка у центрального входа, на которой красовался герб Российской Федерации, Пашкин всерьез решил, что машина времени унесла его куда-то в середину восьмидесятых...

— У ближайшего кафе, командир! — хмуро зыркнув на оплот государственной безопасности, скомандовал Колчин бомбиле.

Пашкин кивнул. Торчать у входа нельзя, срубит любое контрнаблюдение, тем более что они на здешних пустых улицах смотрятся как три тополя на Плющихе. Камуфляжем, конечно, сегодня на улицах никого не удивить, но мало ли... Кучковаться во дворах тоже глупо. А вот устроить базу в каком-то кабаке по соседству — самое оно. Ну и чайку жажнуть полезно.

Кафешка, точнее ресторанчик, отыскался во дворе за углом. Бармен окинул безразличным взглядом трех мужиков в полевой форме не первой свежести и кивнул, чего мол изволите. Похоже, что подобные посетители здесь были не редкостью. Опрокинув залпом мензурку с кофе, Кудашов поднялся из-за стола.

— Пойду осмотрюсь, командир.

Ждать — не догонять, и уж тем более не стрелять. Пашкин заказал второй кофе, а Колчин углубился в изучение меню. По мере листания страниц узкой высокой книжечки, бровь у него медленно поднималась вверх.

— Слушай, Рома! — сказал он, дойдя до последней. — А не позавтракать ли нам в этой богадельне? Цены смешные, выбор неплохой, из кухни помойкой не тянет...

Идея Пашкину пришлась по душе. Консервы из ИРП в самолете он есть не стал — долгая болтанка с непривычки отбила весь аппетит, и только сейчас понял, что голоден, как собака. Интересно, как там Арифф?...

Кивок заместителя Валентин воспринял как руководство к действию.

— Салат! Пельмени, двойные порции! Сок томатный, четыре стакана! Вот его и будем пить, девушка. Мы на службе, опять же на часы погляди, день еще на дворе... — майор инструктировал мигом подскочившую официантку, словно проводил развод гарнизонного караула. — И если можно, скорее. Спешим.

В разгар трапезы на временную базу возвратился прапорщик Кудашов.

— Херово! — сказал он, недовольно покосившись на заставленный стол. Валентин тут же на языке жестов распорядился официантке: "То же самое повторить для товарища". — Сперва я попер буром через центральный по МЧС-овской ксиве. Мол, сами мы не местные, адресочек попутали. Иногда проходит, но здесь дежурный на входе как в жопу клюнутый. Даже на вопросы отвечать не стал, зыркнул так, будто за шпалер схватился. Бесплезняк...

— А с черного хода?

— Пробовал. Напротив — чердак, мечта снайпера. Я с него огляделся немного. Потом еще круг почета сделал. Есть КПП на въезде во внутренний двор, пара хитрых подъездов, плюс интересные конторки в прилегающих зданиях. Но проскочить можно разве что на плечах...

— У меня ксива со старой службы осталась, — задумчиво сказал Пашкин. — Без разового пропуска и с ней, конечно, не пустят, но попытка не пытка, как говаривал Лаврентий Палыч...

В кафе, неуверенно озираясь, завалилось трое посетителей в штатском.

"Фейсы, командировочные, только прибыли на какое-то мероприятие, отпущены на завтрак" — скорее механически подумал Пашкин, цепанув троицу периферийным зрением,

и решительно потянул на себя глубокую тарелку с горой дымящихся пельменей.

— При знании системы и наглой морде можно с читательским билетом детской библиотеки на стартовую площадку экспериментальных ракет проникнуть, — рассудительно сказал Колчин. — Будем искать зацепку...

— Не будем! — ухмыльнулся в ответ Пашкин, глядя мимо начальника в направлении входа. — Потому что уже нашли. Контрразведка ФСБ, как ни крути, большая деревня...

Колчин резко обернулся.

— Рома, ты? — спросил Пашкина один из новоприбывших.

* * *

Сергея Харченко, с которым они бок о бок прошли две Чечни и не раз прикрывали друг другу спину, приехал в Брянск на какие-то сборы из Ржева, где он окормлял бригаду воздушно-космической обороны. Позавтракав и накотив "по писяшке" за встречу, командировочные и примкнувший к ним Пашкин двинули на очередную лекцию. Заходили толпой, через ворота по общему списку. Очумевший боец глядел на развернутые удостоверение и по списку глазами пробегал исключительно для отмаза. И на старуху бывает порнуха, товарищ комендант здания, подбирай бойцов повнимательнее...

Был бы на месте Пашкина Колчин, тот бы, конечно же, как нападающий в американском футболе, ломанул прямо в приемную. Но Пашкин в осназе был без году неделя, бычить не рискнул. Скрутят-запрут с непоняток, объясняйся потом, а дело на месте будет стоять.

Первым делом "чужой среди своих" честно отсидел на пустейшей лекции по "Роли психологической и воспитательной работы с личным составом в общем комплексе регулярных контрразведывательных мероприятий по профилактике шпионажа". Генералу запаса, который ее читал с бумажки, было лет сто на вид, а рассыпанные по тексту "психологические" и "воспитательные", лет двадцать пять назад в устах того же преподавателя определенно звучали как "партийные" и "политические"...

С трудом дождавшись конца, Пашкин вместе со всеми вышел во двор, где была оборудована курилка. Стрельнул сигарету, начал медленно тянуть "по-школьному", не затягиваясь. Одновременно прислушивался ко всем разговорам.

В ворота шмыгнул черный наглухо тонированный микроавтобус, из тех, на котором раскатывают всякие "Рыси". Откатив выдвижную дверь из салона вывалило трое хмурых-помятых в черном, с разгрузками и оружием. Судя по тяжелой походке и покислевшим мордам, парни были из РОСНа, провели не меньше двадцати часов на ногах и прибыли к начальству для получения клизмы за какой-то залет. Что в совокупности очень четко подходило под описание штурма резиденции в Новозыбкове, где, если внимательно читать сводку, ребята из частной охраны мутного олигарха с подозрительной легкостью повязали цвет областного спецназа...

Пашкин лихорадочно размышлял, каким боком вступить в контакт с залетными во всех отношениях мужиками, которых ему, похоже, сам бог послал, но и здесь помогла специфика ФСБ. Служба относительно малочисленна, офицеры одного возраста часто друг друга знают.

— Колька, ты!? — радостно завопил один из командировочных, рванув наперерез первому из спецназовцев. "Залетчик" остановился. Невысокий крепыш лет двадцати пяти

явно не спешил на ковер, и с радостью воспользовался подвернувшимся поводом.

— Ты что ли, Карцев? С выпуска не виделась, как дела?

Двое остальных остановились в сторонке и закурили. Однокашник — святое...

Пашкин сотворил морду веником и повернулся боком к спецам: "Я тут просто курю и думаю о хорошем". При этом весь превратился в слух.

Сперва болтовня двух корешей интереса не представляла. Обычный базар, стандартный по ситуации. Кто куда попал после распределения, где служил, кого видел. Минуты через три собеседники наконец добрались до сути, выраженной во взаимных вопросах: "Ты-то здесь как оказался?"

— Да ваще, — вздохнул коренастый Колька, перейдя на полусшепот, который Пашкин на фоне общего гула плохо, но разбирал. — Подняли по тревоге в Новозыбков, на задержание. Местные ни хрена не подготовили, сказали, что районный авторитет, охрана из бандюков, говно вопрос. А у него на периметре бывшие спецназёры и хлопцы из армейской разведки... В общем, сняли они нас еще на подходе, оружие отобрали. Потом, конечно, бугры разрушили, авторитет сам сдался и зверей своих отозвал. Видать, крутой бандюган! Приказали не в наш СИЗО везти, а прямо в охотхозяйство, где база для vip-задержанных и ценных свидетелей. Мы его доставили, только отдышаться собрались, вдруг поднимают, вызывают к полковнику, объяснительные писать, вроде мы крайние...

Дальнейший треп оперативного интереса не представлял. Пашкин не спеша прошел мимо урны, бросил сигарету и аккуратно, не привлекая внимания, направился в сторону КПП. При этом лихорадочно размышляя, станет ли дежурный сверять убывающего со списком, а если станет, то что делать: бить или убежать...

18. Слово Президента

Вызов по номеру, указанному только в закрытом правительственном справочнике, пришел в тот самый момент, когда Виктор Морган уже всерьез готовился писать прошение об отставке.

— Это Дик. Дик Робинсон. Я дежурный оператор ОЦНБ^[64], сэр!

Память на людей у Моргана была почти абсолютной, но ему пришлось изрядно покопаться в "дальних архивах", чтобы припомнить чернокожего паренька, племянника подруги еще живой тогда матери. Помнится, по ее просьбе он пристроил мальчишку к делу — обеспечил правительственный грант для учебы в Национальном Институте Криптографии, и проследил, чтобы после выпуска парня не загнали куда-нибудь в Юту или Неваду. И поскольку Виктор считал, что всякое доброе дело должно быть вознаграждено, то на всякий случай твердо проинструктировал протеже о том, что наиболее ценную информацию тот должен первым делом передавать своему благодетелю... Впрочем, практической пользы от "негритенка" — как прозвал его про себя Морган — было немного, точнее никакой, и потому советник давно не вспоминал о нем.

— Я помню, конечно же помню, Ричард! — ответил Морган, стараясь выдерживать тон, которым его бывший шеф-конгрессмен использовал для охмурения избирателей. — Как твои дела? У тебя есть проблемы? Чем я могу помочь?

— Нет, проблем нет, сэр! — в голосе протеже звучала нешуточная тревога. — Скорее важные сведения, которые я...

— Не по телефону! — оборвал его на всякий случай советник. Но парень, работающий в главном мировом центре прослушки, в подобных инструктажах не нуждался.

— Когда и где я могу с вами встретиться? Я только что сменился с дежурства и завожу машину...

— Приезжай прямо ко мне домой! — решительно сказал Морган. Адрес передам сообщением, бензин я тебе оплачу.

Практической пользы от Робинсона до сих пор не наблюдалось — оператор просто не имел доступа к секретам того уровня, который был по-настоящему интересен и полезен советнику. Однако... Чутье, которое доселе безошибочно вело Моргана по бурному морю политических дрызг, уловило в голосе "негритенка" искреннюю, неподдельную тревогу. И шепнуло, что сведения стоит выслушать, даже если в итоге они окажутся пустышкой, а с прошением об отставке можно и подождать.

* * *

Минут через сорок Морган наблюдал, ухмыляясь, как парнишка баскетбольного роста неуклюже выбирается из новенького японского седана и осторожно прикрывает за собой дверь — до погашения кредита определенно было еще далеко.

Приглашенный в гостиную парень безразлично скользнул глазами по картине Клода Моне и коллекции лаковых шкатулок эпохи Сун. Но завистливо поглядел на сенсорный моноблок последней модели. От кофе отказался из скромности — явно был не в своей тарелке. Но о деле говорил четко и не смущаясь.

— ЦРУ контролирует все или почти все фирмы, производящие несерийную электронику, — быстро пояснял Робинсон. — В каждой из таких фирм или лабораторий по возможности вербуются специалисты. Он должен тайно встраивать радиомаркер в любое заказанное устройство, которое может быть использовано для крупных террористических актов. Главным образом в сложные детонаторы и предохранительные механизмы взрывных устройств. Конечно, получается не всегда и не везде, но все же... Отслеживание таких маркеров ведем мы. То есть АНБ.

Морган ощутил, что у него дрожат пальцы.

— И в чем же дело?

— Одно из таких устройств час назад активизировалось в нескольких десятках километров от Москвы. Я не могу сказать, что это в точности за устройство, и какое приспособление им укомплектовано, но такого не было еще ни разу, я проверил все записи за время существования службы. Я помню, что вы... просили... — оператор запнулся, но лишь на мгновение. — Рекомендовали информировать вас о необычных или важных происшествиях. Мне показалось, это как раз необычно... Потому я поспешил сообщить именно вам.

Виктор кашлянул, потер нос, скрывая за этими действиями лихорадочные размышления. Джамаль, перед тем как исчезнуть, обмолвился, что у бомбы демонтирован блок управления, но он решит эту проблему своими силами... И это определенно не то устройство, что можно собрать в какой-нибудь грязной норе из грошового сотового телефона и нескольких радиодеталей.

— Ты хорошо сделал, Дик, что сначала пришел ко мне, — Морган улыбнулся самой чистой, доброжелательной и обаятельной улыбкой, которую только смог выжать из мышц лица, тренированных годами политического лизоблюдства. И на всякий случай уточнил:

— Все-таки, можно каким-либо образом узнать, куда встроены маркер?

— АНБ не имеет такой информации, — развел руками Робинсон. — Человек, его ставивший, связан не с нами, а с агентом ЦРУ.

— Мы можем отслеживать перемещение?

— Примерно один раз в час, сэр! — отрапортовал сияющий Робинсон. — Передатчик подстраивается под окружающие сигналы — мобильную связь, радиостанции и э-э-э... как же объяснить... он как бы маскируется под них и передает на спутник короткое сообщение. Очень короткое и быстрое, чтобы не засветиться — только свой идентификационный код и местоположение. Сообщение принимает один из спутников, тот, который в это время находится ближе всего.

— Дик, ты можешь информировать меня о дальнейших перемещениях маяка? — мягко, проникновенно спросил Виктор.

— Я могу попробовать, но обещать не получится, — понурился Робинсон. — Если заметят мой интерес именно к этому сигналу, могут быть вопросы... и проблемы.

— Постарайся, мальчик мой, — Виктор доверительно похлопал "негритенка" по плечу с видом отеческой заботы. И внушительно добавил:

— Это вопрос национальной безопасности. Иногда, чтобы действовать быстро и правильно... приходится обходить некоторые запреты. Чтобы президент в Белом Доме получил точные и своевременные сведения, — Морган понизил тон. — И не произошло большой беды... Обещаю, твой вклад не будет забыт.

Тяжелее всего оказалось выпроводить мальчишку — настойчиво, но не слишком

напористо. Намекая на некие великие свершения и зловещие угрозы, которые будут ликвидированы к вящей славе и служебному повышению оператора Робинсона.

Как только автомобиль оператора выехал за ворота, Морган схватился за телефон. Предстояло сделать два звонка. Первый — директору ЦРУ. Второй — вице-президенту. Виктор хорошо понимал, что этот секрет не относится к тем, которые скрывают от патрона до последнего мига.

* * *

Ремонт дороги задержал Моргана на четыре с половиной минуты. Но к счастью, опоздавшим оказался не он один. В коридоре Западного крыла советник едва не столкнулся с вице-президентом. Тот был хмур и напряжен.

— Есть новости? Что с маяком? Траекторию отследили? — отрывисто спросил вице-президент.

— Только что получил уточнение от директора, — негромко ответил Морган. — Маяк был поставлен на устройстве, заказанном одной итальянской фирме. Она, по данным ЦРУ, помимо прочего специализируется на сверхнадежных системах дистанционного подрыва. Маяк периодически выходит на связь и движется. Это главное.

— Значит, Джамаль все-таки не утопил бомбу в болоте, — негромко и тяжело вымолвил вице-президент. — Морган, это ведь был твой человек...

Советник счел за лучшее промолчать, потому что отвечать на обвинение было нечего — исполнитель "нагрел" заказчика в лучших традициях настоящей масштабной аферы.

— Ну и куда же он движется? Траектория? — повторил патрон, теряя терпение.

Морган сообщил вице-президенту о наличии маяка, но умолчал о том, где именно активизировался маркер. Эту новость он решил раскрыть позже и в более подходящий момент. Неожиданный поворот событий сулил перспективу вновь оседлать волну удачи. Сейчас советник счел, что такой момент настал.

— Аналитики сделали вывод, что маяк находится на судне. Оно движется по реке, которая проходит через центр Москвы, — сказал Морган.

— Holy shit! — выдохнул вице-президент. И непривычным, почти невероятным для него тоном, в котором сквозило полное ошеломление, проговорил. — Но это же в корне меняет дело...

Лицо политика выразило сложную и богатую гамму чувств, как калейдоскоп, на котором за считанные секунды отражаются неповторимые комбинации цветных стекол.

— Каков будет твой совет, Морган? — осторожно спросил вице-президент. Именно спросил, от чего сердце Виктора возликовало.

— Ситуация... специфическая... — предположил советник, намеренно избегая точной формулировки, давая патрону возможность осознать перемены и проникнуться радикальной сменой декораций. Морган отметил, что вице-президент вновь обращается к нему как к своему советнику.

— Безусловно, такой... хм... выбор цели существенно меняет стратегию, — развивал идею Виктор. — Взрыв в лесном малолюдном районе, задевающий территории трех стран, как было запланировано изначально, мог вызвать временный всплеск международной напряженности и резкое повышение оборонной активности в мире. Но удар по столице

России, особенно если в радиус поражения попадут правительственные здания, немедленно приведет к изменению геополитического баланса...

И снова пауза, исполненная глубокого смысла, приглашающая к феерическому полету фантазии.

— И к угрозе ядерной войны, — понимающе кивнул вице-президент. — Я читал "Все страхи мира"^[65]...

Морган молча склонил голову, подтверждая. Его собеседник возвел глаза к потолку, словно надеясь прочесть там список выгод, которые партия "оружейников" могла бы извлечь из "изменения геополитического баланса". Военные промышленники всегда лучше всего чувствовали себя в периоды конфронтации, когда очередной коварный враг злоумышлял, а деньги на военные заказы текли в закрома концернов, как воды Миссисипи в Мексиканский залив. Ядерный взрыв в Москве просто вопиял о том, чтобы к власти пришли настоящие патриоты и защитники страны...

Вице-президент зло поджал губы, скорее, как боец, готовый к драке. И после короткого раздумья решительно подытожил:

— Можно ли придержать информацию и не поставить в известность Ковбоя о возможности ядерного теракта? — отрывисто спросил вице-президент. Хотя наверняка знал ответ заранее, будучи осведомленным о всех потайных шестеренках государственного аппарата.

Морган развел руками, скорее даже чуть шевельнул ладонями, как рыба плавниками:

— Нет. К сожалению — нет. Механизм оповещения таков, что президент получит прямую информацию помимо меня еще и от ЦРУ с АНБ. Поэтому наоборот, надлежит предоставить новые сведения как можно скорее, чтобы опередить Агентство.

— Стало быть, первым делом мы должны убедить Плаксу, чтобы он не торопился предупреждать русских.

Морган, прикидывая в уме, как это сделать, кивнул. И спросил в свою очередь:

— А второе?

— Невзирая ни на что, убедить его нанести ядерный удар по курдам. Слишком многое уже завязано на этот шаг...

— Больше хаоса, — понимающе ухмыльнулся Морган. И уже про себя додумал мысль до конца. — "Больше вовлеченных в интригу, больше участников, которым будет некуда отступать".

Сообщники шагали бок-о-бок вдоль коридора, а впереди слуга в ливрее и белых перчатках уже открывал тяжелую, солидную дверь. Советник пропустил вице-президента вперед, и оба вошли в рабочий кабинет президента США.

Как и все, кто попадал в Овальный кабинет после "зиппергейта", Виктор быстро проникся к бедному Клинтону глубоким мужским сочувствием и не менее глубоким восхищением. В этой маленькой комнате нет углов, где можно укрыться от нескромных взглядов, зато имеется три больших окна и целых четыре двери. Восточная выходит в Розовый сад, западная — в небольшую комнату отдыха и столовую, северо-западная в коридор Западного крыла, а северо-восточная — в кабинет секретаря президента. Заниматься здесь случайным сексом, зная, что каждую секунду в одну из четырех дверей может войти кто угодно — охранник, секретарь, повар или официант — мог лишь человек с воистину железными нервами, не боящийся заработать импотенцию на нервной почве.

Нынешнему хозяину Белого дома это, похоже, не грозило. Плаксивый Ковбой, вдобавок

ко всем своим многочисленным недостаткам, оказался именно тем, кем представлялся во время предвыборной компании. То есть безнадежным пуританином. Первая леди могла быть совершенно спокойна, она была застрахована от адюльтера надежнее, чем супруга амиша [\[66\]](#), а персонал Белого дома в начале президентского срока едва не объявил забастовку — блюдя христианскую добродетель, их новый шеф недрогнувшей рукой вычеркнул из перечня подписных изданий "Плейбой" и "Хастлер".

В кабинете, кроме советника и вице-президента уже находились госсекретарь, министр внутренней безопасности, министр обороны, а также глава президентской администрации.

Совещание пока еще считалось не чрезвычайным, а рабочим, и президент открыл его коротким риторическим вопросом.

— Ну, что там у нас? Опять про террористов?

— Да, господин президент! — советник привстал, сжимая чуть дрожащей рукой стопку тонких разноцветных папок. — И, к сожалению, на этот раз новости крайне... угрожающие. Вот доклад из ЦРУ, вот аналитическая записка из офиса государственного секретариата, здесь результаты специального расследования.

Морган сделал драматическую паузу. Президент почесал нос, демонстрируя, сколько надоели ему мифические "террористические угрозы".

— После одиннадцатого сентября ни один город цивилизованного мира не может чувствовать себя в безопасности. И мы можем с уверенностью утверждать, что трагедия готова повториться. Только в куда больших масштабах, — продолжил Морган. Он перевел дух и, опасаясь, что немного перебрал с пафосом, коротко закончил:

— Террористы готовятся взорвать ядерный заряд в Москве.

Президент вытаращился на Виктора с неопишуемым выражением и сделал несколько хаотичных жестов, словно его руки зажали собственной жизнью.

— Это же невозможно?! — сипло выдохнул Плаксивый Ковбой.

— К сожалению, Господин Президент, факт можно считать доказанным.

— Кто эти люди? — голос Плаксы дрожал, так что казалось, еще секунда, и он начнет на на деле подтверждать свое прозвище.

— Наши агенты под умелым руководством директора ЦРУ выяснили, что за угрозой теракта стоят курдские террористы, которых возглавил некий Джамаль, лидер одной из партий...

Но президент уже не слушал. Нацепив на кончик носа очки, старые и немодные, он перелистывал страницы подготовленных материалов.

— Есть ли угроза для территории США? — оторвавшись от бумаг, спросил Плаксивый Ковбой, обращаясь ко всем находящимся в кабинете.

— Не думаю, — выдержав тяжелую паузу, решился на ответ вице-президент. — По имеющимся данным террористы располагают только одним зарядом. Который им достался совершенно... хм, хм... случайно.

Министр внутренней безопасности бросил на вице-президента взгляд, полный облегчения и признательности.

— Тем не менее, — решился вставить и свой квотер Виктор Морган. — Опасность крайне высока. Эти террористы не остановятся ни перед чем, а потому представляют явную и непосредственную угрозу безопасности Соединенных Штатов и всего цивилизованного мира!

Про "весь цивилизованный мир" получилось слишком напыщенно, "безопасность

Соединенных Штатов" в контексте атомного удара по Москве также выглядела несколько натянутой. Однако президент любил именно такую экзальтацию, на грани надрыва. Видимо, это позволяло ему чувствовать себя еще более значимой персоной, чьи решения определяют судьбу мира едва ли не ежечасно.

— Атомный терроризм — это общая беда и общая проблема! — автоматически выдал президент стандартную формулу. — Нужно немедленно уведомить наших... — тут он споткнулся на поиске нужного определения. Здесь не подходили ни "союзники", ни "противники". Но советник Морган поспешил избавить начальство от мук выбора.

— Мой квалифицированный совет, господин президент, заключается в том, что правительство США не должно передавать собранные сведения кому бы то ни было, — решительно заявил он. И подчеркнул: — В сложившейся ситуации — Кремлю особенно.

Ковбой склонил голову, хмуря брови и определенно не понимая сути.

— А почему? — осторожно спросил он наконец с видом ребенка, который опасается разворачивать конфетный фантик, опасаясь найти там отнюдь не сладость.

Словно музыкант в отлаженном оркестре, партию подхватил вице-президент.

— Конгрессмены, как представители народа, имеют мнение, — твердо сказал он, — что в ситуации, когда политический климат планеты начинает претерпевать столь драматические изменения, именно Америка должна и обязана выступить главным борцом с международным терроризмом, флагманом и маяком для всего цивилизованного мира. Наш долг в данном случае состоит в том, чтобы пожертвовав малым, спасти главные идеалы человечества. Мы, американцы, подарили человечеству его высшие ценности — демократию, права человека, рыночную экономику. И хотя бы в силу этого несем ответственность за мир, каким мы его видим. Вспомните, как вашему предшественнику развязали руки события 11 сентября...

Несмотря на опасность и драматизм момента, советнику захотелось поаплодировать своему неформальному патрону. Тирада была блестяща сама по себе, а завершающая фраза идеально вписалась в контекст, ненавязчиво вплетая в идеалистический призыв нотку личной выгоды, которую президент не мог игнорировать.

— Иными словами, — конкретизировал спич вице-президента Морган, — благо цивилизованного мира и национальные интересы Соединенных Штатов требуют от нас не вмешиваться в происходящее... до определенного момента.

— До какого момента? — любопытно спросил Ковбой.

Слово опять взял вице-президент. Теперь он разыгрывал карту доверительной откровенности.

— Тяжелые времена требуют решительных действий. Временами наши тактические интересы совпадали с русскими. Некоторые вопросы внешней политики требовали их помощи, как, например, транзит грузов в Афганистан. Но следует понимать, что эти союзы всегда были сугубо временны и предметны. В долгосрочном плане мы были и останемся противниками, чьи цели и основополагающие принципы несовместимы. Поэтому... в данном случае нам следует предоставить русских их собственной судьбе. И обдумать, как мы можем использовать новые обстоятельства, буде таковые возникнут.

Моргану вновь захотелось поаплодировать. Его покровитель не призвал президента предать союзника. Он всего лишь порекомендовал не противиться судьбе и думать о будущем. И если подумать, то русские не такой уж и союзник...

— Если мы и в самом деле поступим... таким образом, — очень осторожно

предположил президент, — то чего можно ожидать после? И как нам следует действовать... в новых обстоятельствах?

— Я полагаю, перед Соединенными Штатами откроется окно возможностей, какого не бывало со времен Второй Мировой, — развернул феерическую перспективу вице-президент. — Русские выйдут из игры на долгие месяцы. Китай, как обычно, затаится и будет выжидать, нам только надо будет внимательнее приглядываться за Тайванем. Так что Европа вновь кинется к нам в объятия, как в сороковых годах. А если мы еще и продемонстрируем готовность бороться с террористами любыми средствами, то сможем в один прием отыграть все, что Америка потеряла за минувшее десятилетие.

— Каким образом? Продемонстрировать силу?..

В кабинете стало так тихо, что было слышно едва различимое гудение кондиционера. Вот и наступил момент истины, подумал Морган. И, поскольку вопрос Ковбоя был адресован к нему, ответил с должной уверенностью и энергией:

— Сразу же после теракта мы должны немедленно нанести удар по Курдистану и взять эту территорию под протекторат ООН. Никто не сможет нам в этом помешать. Да и не захочет. Курды главная головная боль всех сопредельных стран. Иран, конечно, будет возмущаться — но на открытый конфликт не пойдет.

— Это безумие, — тихо сказал президент.

— Московский теракт даст нам возможность вновь утвердить свое неоспоримое лидерство в мире, — честно и прямо глядя в глаза своему боссу, произнес вице-президент. — Но это возможно лишь в том случае, если мир увидит — есть только одна великая держава. Только Америка не колеблется и готова нести бремя защиты цивилизации. Безумие — как раз не использовать этот момент.

Несмотря на то, что помимо президента, советника и вице-президента в кабинете было еще четыре человека, напряжение, как электрический ток, сковало именно этих троих. Остальные замерли в молчании, как будто боялись расколоть неосторожным словом повисшую тишину.

С полминуты Ковбой шевелил губами, хмурил брови и нервно двигал кадыком. Морган боролся с неистовым желанием схватить президента за этот самый кадык и выдавить, выжать, как масло из оливки, нужный ответ. Вице-президент сохранял вид суровой сдержанности и патриотической решимости, только бьющаяся на виске крошечная жилка свидетельствовала о буре, что терзала его душу.

Наконец Плакса состроил одну из гримас, благодаря которым получил свое прозвище, и ханжеским голосом проповедника "Свидетелей Иеговы" провозгласил:

— Но все-таки, наверное, русских нужно предупредить! Это наш христианский и человеческий долг!

Советник с трудом подавил улыбку триумфа. Эта манера была ему хорошо известна, в переводе с эзопова языка Ковбоя сказанное означало: "Немедленно убедите меня в обратном!"

Слово вновь взял вице-президент.

— К сожалению, мы не имеем полной гарантии, что эти сведения достоверны. Поэтому ваше предупреждение может оказаться безосновательным и будет воспринято Кремлем как слабость. Хватит нам и тех унижений, какие мы испытывали, прося не обрушивать доллар.

Последний удар оказался точен, подобно уколу рапиры. Президент покраснел, как вареный рак. Наверное, вспомнил те переговоры двухлетней давности, когда он встречался

за закрытыми дверями со своим русским коллегой и чуть не на коленях умолял его сделать еще одно рублевое вложение в ценные бумаги казначейства США, дабы спасти от неминуемого обвала страшно пошатнувшийся доллар. Русские, уже не впервые делавшие шаг навстречу Америке, потребовали за это немислимые политические уступки — "миротворческие силы ООН" ушли из Косово, а в Восточной Европе были свернуть комплексы противоракетной обороны. С той поры президент ощущал себя в унижительной роли несостоятельного должника, и в глубине души жаждал реванша.

— Ты мой советник по национальной безопасности, — отрывисто сказал он Моргану. — Что ты мне посоветуешь?

— Придержаться информации и нанести ответный удар! — решительно ответил советник.

— А дальше?

— Объявить о новой угрозе международного терроризма, сэр, — спокойно ответил Морган. — Не далее, как послезавтра собрать кабинет министров и досрочно созвать Конгресс. Предложить к обсуждению ряд законопроектов, позволяющих консолидировать международное сообщество на борьбу с терроризмом. Необходимо усилить группировку в Персидском заливе, ввести в действие закон о праве проводить обыски и аресты без постановления суда, а также легализовать медикаментозный допрос.

— Проекты законов готовы? — деловито уточнил Ковбой.

— Да. Все они уже прошли предварительное согласование в министерстве юстиции.

— Значит, сразу же после того, как завершатся каникулы Конгресса...

— К сожалению, — вмешался вице-президент, на лбу его, несмотря на прохладный воздух, заискрились мелкие бисеринки пота, — мы вынуждены настаивать на досрочном созыве.

— Не понимаю... — Плакса набычился, нутром чуя подвох. Президент не отличался особым умом, собственно, это и обеспечило ему кресло в Белом Доме, как компромиссной фигуре, на момент избрания более-менее приемлемой для всех сторон. Но при этом он обладал таким чутьем на политические опасности, что Морган иногда задумывался — может, Плаксу и в самом деле вел Господь?.. Это феноменальное предчувствие не раз спасало президента от очень крупных неприятностей. До сей поры.

Впервые за все время совещания подал голос глава президентской администрации.

— До начала предвыборной кампании не так уж много времени, как кажется, сэр. По нашему мнению этот шаг — досрочный созыв Палаты представителей — сможет продемонстрировать всей стране возросший авторитет главы государства и задать нужный драматический тон для будущих поездок по стране и выступлений.

Морган про себя усмехнулся. Глава администрации вдохновенно врал — любому, даже малоопытному политтехнологу было понятно, что досрочное прерывание каникул за два-три дня до их завершения станут откровенной глупостью не то что для вашингтонской элиты, но даже в глазах оклахомских фермеров. А последующий нажим на Конгресс обещал вызвать такую волну неодобрения всего вашингтонского лобби, что следующую предвыборную кампанию можно было считать проваленной еще до ее начала, а импичмент практически гарантированным. Но ложь прозвучала на редкость убедительно и очень уместно, в самый нужный момент.

Интересно, когда "оружейники" успели перетащить главу администрации в свой лагерь и что ему пообещали? Или тот с самого начала находился на "правильной" стороне?.. —

подумал советник, наблюдая за тем, как мина недоверия медленно сходит с лица Плаксивого Ковбоя, а вице-президент, достав из кармана платок, украдкой стирает пот со лба.

Вид президента вызывал одновременно смех и сочувствие. Он закинул руки за голову и из последних сил старался изображать, что обдумывает услышанное. Глядя в его хитро-самодовольные глазки, было понятно, что теперь Плакса думает лишь о том, как "нагнет всю эту шайку дармоедов с Капитолийского холма". А затем, прищурившись, словно оценивая ширину угольного ушка, в которое предстоит протолкнуть библейского верблюда, сказал с видом ребенка, который украл конфету и нашел способ свалить вину на соседа:

— Отлично, отлично... Я внимательно вас выслушал и склонен согласиться с высказанными рекомендациями... Но пока все-таки отложим вопрос о Курдистане. Давайте не будем размениваться на грязных арабов. Я думаю, что у Америки будет много возможностей... и поводов показать свою силу в ином месте. Да, так и поступим.

Советник поначалу не понял услышанного. В этот момент он думал о том, что во всем происходящем есть, наверное, какой-то особый геополитический шик. Главой самого богатого и сильного на планете — несмотря на все проблемы — государства является человек, которому рачительный хозяин не рискнул бы доверить даже охрану захудалого склада. Поэтому в первое мгновение Морган подумал, что ослышался.

Он сидел, чувствуя ледяной холодок на загривке, видя, как бледнеет вице-президент. И слушал, как Плакса вдохновенно вещает о том, что в столь сложных вопросах нельзя спешить, нельзя погонять лошадей и совершать торопливые необдуманные поступки. Ибо на плечах президента — ответственность пред Богом и народом Соединенных Штатов.

Каждое слово президента отдавалось в ушах Моргана похоронным колоколом, потому что советник отчетливо видел — Плакса твердо решил последовать мудрым советам помощников. Но так же твердо намерен взять паузу, показав себя решительным и самостоятельным политиком, который прозорливо смотрит в будущее и не спешит рубить сплеча. А пауза в данном случае означала полный крах всего заговора. Виктор увидел, как по бледному лицу вице-президента скользнула тень отчаяния и советнику захотелось срочно найти пистолет, чтобы немедленно застрелиться.

* * *

После совещания они вновь шли бок-о-бок, в устрашающем молчании. Политики дошли до кабинета вице-президента, Морган шагнул дальше, понимая, что приглашения не последует.

В собственном кабинете силы окончательно оставили советника. Сильно сутулясь, шаркая туфлями по лакированному дубовому паркету, он прошел к сейфу и достал оттуда плотный лист бумаги цвета слоновой кости, на котором вверху, красивым золотым тиснением была отпечатана надпись "Президент Соединенных Штатов Америки".

Число степеней защиты на этом "бюрократическом бланке" в полтора раза превосходило защиту главной либеральной ценности свободного мира — стодолларовой купюры нового образца. И это было неудивительно. Любая фраза, написанная или напечатанная на свободном пространстве между строкой с регистрационным номером и факсимильной подписью главы самого могущественного на планете государства, обретала силу закона.

Советник чуть дрожащей рукой вложил лист в подающий лоток принтера, сел за компьютер, раскрыл шаблон, где уже был обозначен адресат: командующий армейской группировкой США в Персидском заливе. И начал медленно, двумя пальцами, печатать текст, поминутно проверяя правильность каждой буквы.

"... исполняя волю избравшего меня народа, для обеспечения безопасности интересов США и всего мирового сообщества, приказываю нанести ракетный удар с использованием тактического ядерного оружия по базе курдских террористов. Распоряжение вступает в силу немедленно после вручения получателю. И да поможет вам Бог!"

19. Государственная защита

Черный минивэн с фсб-шными номерами выскочил из-за поворота лесной дороги и тут же закрипел тормозами. Асфальтовую полутороколейку наглухо — от сосны до сосны — перегородил тентованный двадцатифутовый прицеп. Видать, заснул водила и, как в протоколах пишут, "не справился с управлением".

Прапорщик — водитель брянского РОСНа своего гражданского коллегу хорошо понимал. Он сам устал как собака, и перекемарил бы минут восемьсот за милую душу хоть на крыше у работающего компрессора.

Дорога второстепенная, широкой дугой идет от городского предместья до райцентра Карачева, на ней лишь базы отдыха да пионерские лагеря. Решил, поди, дальнобойщик, гаишные посты обойти, да вот силы не рассчитал.

Проверить, что там случилось, конечно, надо. Вдруг человеку плохо стало, или разбойное нападение. Места глухие — знаменитый Брянский лес, из которого последних "братьев" выкурили аж в пятьдесят первом году, да и то с огромным трудом...

РОСНовцы были на задании, при оружии и в лесу. При таких обстоятельствах у любого спеца здравый смысл полностью совпадает с инструкцией — двигатель не глушить, руль не оставлять, покидать машину вдвоем, с прикрытием и, желательно, с досланными патронами.

Прапорщик, стараясь не упускать из виду тягач и фуру, обернулся назад, где изображая картину художника Васнецова "Утро на поле Куликовом", отдыхали после полковничьей клизмы три бравых спецназовца, которых он возил на ковер. Жалко будить, а надо. Пусть сходят, поглядят, что с водилой. Если нужно, то вызовут скорую или милицию. А главное — фуру отгонят, чтобы дорогу освободить. Лес здесь строевой, плотный, меж стволами не проломиться...

Позади рыкнул мотор сторонней машины — вынырнувшая непонятно откуда "Газель" уперлась почти в самый бампер. Но это была лишь присказка. Не успел водитель и удивиться, как, появившись словно из-под земли, машину окружили крепкие мужики. Все при оружии, в ССОшном камуфле, "сферах", тяжелых бронезилетах шестого-седьмого класса, защитного цвета балаклавах, скрывающих лица за исключением очень недобрых глаз. Серьезные, в общем, люди. Из какой-то недоброй сказки.

Прапорщик инстинктивно потянулся к переключателю передач, но в лобовое стекло, предостерегая от любых необдуманных действий, невежливо уперся ствол "Винтовки снайперской специальной крупнокалиберной "Выхлоп", которая с двухсот метров прошибает навывлет рельсу.

Наблюдая из укрытия за фсб-шной машиной, окруженной "вежливыми людьми", Пашкин про себя ухмылялся. Приятно было работать в такой компании.

Начало операции шло по накатанной колее — аналитики работали, штурмовики наблюдали, чуть позже — наоборот. Пока майор томился засланным казачком на скучной лекции генерала-политработника и травился дымом в ФСБ-шной курилке, Колчин и "штурмовой" капитан Андрей Ивашко времени не теряли. В то время, когда РОСНовские бойцы получали свою, как говаривал незабвенный старлей Таманцев, ведерную клизму с патефонными иголками от нервного руководства, осназовцы прокачивали ситуацию.

Ивашко связался со штабом и категорически потребовал помощи МЧС. Воспитанники министра Шойгу оказались сговорчивее мутнорылых правнуков Железного Феликса.

Выезжаться и одеяло тянуть на себя не стали — надо, так надо, — тут же пригнали в аэропорт две неброские, но крепкие "Газели", грузовую и пассажирскую, а в город за ходоками отправили служебную легковушку.

Место, где находится гэбешная заимка, розыскники-аналитики определили влет, так что к возвращению Пашкина из глубокой разведки, Колчин и Ивашко выработали вполне эффективный план. Основывался он исключительно на человеческом факторе. Три "рысенка" (или как там называется местный РОСН) после получения начальственных пиндюлей, скорее всего, будут отправлены взад на лесную базу, где держат пленника или пленников. Операция закрытая, каждый штык на вес золота. При этом на обратном пути пассажиры будут дрыхнуть без задних ног.

Первый же остановленный дальнобойщик оказался фанатом сериалов про всяческий спецназ. При виде вооруженных мужиков с обвесом, которому позавидовал бы Шварценеггер, он, как водится, поначалу едва не обдристался — закономерно подумал, что бандиты. Но после предъявления Пашкиным животворящей ангельской ксивы вспылал столь неподдельным энтузиазмом, что от участия в "настоящей спецоперации" его пришлось отговаривать чуть ли не прикладами...

Пашкин не видел, что происходит сейчас в салоне за глухой тонировкой. Но готов был заложиться на ящик непаленого коньяка, что со стопроцентным попаданием может описать происходящее внутри. Жаль, не с кем спорить, все участники операции видели картинку ничуть не хуже.

Вот сейчас, когда Ивашко тыкнул стволом в лобовое стекло, дрыхнувшие бойцы, услышав испуганный голос водителя, вскакивают и, как в попу ужаленные, хватаются за оружие — опыт с мастерством не пропьешь. Однако, повертев головами, тут же теряют энтузиазм. С тыла машина заблокирована "Газелью", впереди — "снайпер" с "Выхлопом" наготове. По бокам, кроме "простых" стрелков, пара человек со штурмовыми автоматами АШ-12. А эта тупорылая, неуклюжая с виду железка, предназначенная для массовых расстрелов слонов, вскрыет бронированную обшивку минивэна, как легендарный нож Р-38 консерву, не успеешь и пукнуть...

Быстро осознав, что воевать не получится, бойцы, с кличем "Засада!" хватаются за мобилы и рации. Но подмоги им ждать до морковкина заговенья. Потому что засада устроена и в эфире. На обочине расставлены переносные автономные подавители, закрывая радиус в пятьдесят метров так, что и байт не проскочит... И глушат они не только мобильную связь, но и все диапазоны, коротковолновые и УКВ, так что теперь обычные рации фсбшников годятся разве только для колки орехов. Хотя антенной "Мотороллы" еще в носу ковырять удобно...

Один из автоматчиков красноречиво повел стволом — мол без резких движений, хлопцы, шпалеры на землю, лапы в гору, выходи строиться у машины с радостными лицами. Впрочем, материться можно. Но тихо и про себя.

С оценкой морального состояния окруженных бойцов Пашкин не обманулся. Дверь открылась, и понятливые хлопцы предупредительно начали выходить по одному. Видать, сами не раз и не два проводили серьезные "маски-шоу". Знали не из бульварных романов и сериалов, что при грамотно организованной засаде даже бронированный автомобиль становится братской могилой на счет раз. А так же и то, что напряженных людей, у которых патроны досланы, пальцы на спусковых крючках, а предохранители в положении "авт", не следует нервировать даже случайным чихом.

Двигались жертвы налета плавно и предсказуемо, в общем, с глубоким знанием дела и пониманием ситуации. Жить-то всем хочется, профессионалам особенно.

Энтузиаст-дальнобойщик, находящийся под присмотром Пашкина, храбро высунулся из-за толстой сосны. Он с нескрываемым удовольствием наблюдал за тем, как бойцы капитана Ивашко споро и ухватисто обыскивают и вяжут военнопленных.

Со всех четверых, предварительно зафиксировав пластиковыми стяжками запястья, стащили обувь. Затем безо всяких новомодных толерастических комплексов растянули ремни и спустили пленным штаны. Рты залепили скотчем, натянули на головы черные мешки, не затрудняющие дыхания. Но даже и после этого ОБНОНовцы не стащили с лиц маски.

— Ну что, товарищи инквизиторы, — проконтролировав работу штурмовиков, сказал Ивашко, обращаясь к Пашкину с Колчиным. — Клиенты готовы, приступайте к обработке. Ну, доктор, на все про все, мля, у нас типа в натуре девять с половиной минут!

Похоже, он цитировал кого-то из классиков. Кого — Пашкин не сообразил, а вот Колчин кивнул и отозвался:

— С богом! Нам их старшего оттараньте куда-нибудь под уютный кустик подальше от всех ушей, — и добавил, обращаясь к Пашкину: — Ну что, Рома, поиграем в плохого с недобрым?

Пашкин ограничился коротким кивком. Экстренный допрос — это вам не в шахматы играть, тут думать нужно...

Главным у залетчиков оказался тот самый Колька, которого он встретил в курилке. Если верить изъятому удостоверению — старший лейтенант. На сорванный с головы мешок почти не отреагировал, сидел скрючившись, уставившись на ближайший муравейник. Стойкий, блин, оловянный зольдатен...

— Ну в общем так, родное сердце! — губы Колчина сурово шевелились в прорези маски, не обещая ничего хорошего пленнику. — Мы не диверсанты и не бандиты, а тоже люди государевы, и в своем праве. Потому убивать и калечить не собираемся. Без крайней необходимости, разумеется. Так что мы сейчас тебе ленту со рта уберем, а ты не начинай тут брызгать слюной и орать типа кто вы такие, и вообще все покойники. С кем связались, мы знаем. Если усек, кивни!

Старлей кивнул. Пашкин содрал ленту.

Выдержав солидную театральную паузу, Колчин продолжил медленно, с расстановкой:

— Короче, с тебя схема базы, есть ли камеры наблюдения, и если имеются, то где, и вообще, как организована охрана периметра. Сколько вас там, и где содержат задержанных. Ну и, сам понимаешь, максимум деталей, чтобы проникнуть внутрь...

Колчин замолчал, но теперь в Качалова^[67] решил поиграть лишенный штанов старлей...

— Слушай, Женька! — честно выдержав законных пару секунд, начал с надрывом бутафорить Пашкин. — Начальник СК что на инструктаже сказал? Не церемониться! Чтс все, кто помешают проведению операции, пойдут на зону, догоняя своего шефа. Хорошо, если на красную! А особые упорные и на пэжэ^[68]... Так фули ты тут реверансы танцуешь?

При аббревиатуре "СК" пациент ощутимо вздрогнул, при "пэжэ" откровенно скис. Ага! Стало быть, движемся в правильном направлении...

— Документ хоть какой покажешь? — без надежды в голосе, скорее для проформы спросил старлей.

Колчин сердобольно развел руками. Мол, рад бы от всей души, но чего нет, того нет...

Старлей шумно втянул воздух и начал доклад.

— Да я и сам видел, что там дело гнилое, — похоже, Колян принял решение и начал грамотно обставлять назревающее предательство. — Директора этого в Новозыбкове мы брали совсем не в тему. Он бывший подпол-разведчик, его там весь город на руках носит — школы, больницы, детсады, магазины — все его фирма построила на халяву. Побольше бы таких шпионов стране, нахер... Ну и когда мы в машину его сажали, матерился так, что заслушаться, куда тем уркам! Какой из него агент, нахер? А потом по личному приказу самого генерала повезли мы его прятать на базу. Нахер, спрашивается? Там с утра, кроме нас, не появлялся никто. Ни дознавателей из КР, ни адвокатов. Когда реального шпиона закрывают, вокруг камеры, от лампасов в глазах рябит, а тут только двое оперов из личных гвардейцев начуправления и приехали. Гнилая, короче, какая-то ситуация... Хлопцы в управлении терли, что вроде бы наш генерал и Короленко этот вусмерть что-то не поделили. То ли бабу, то ли бабки, то ли все вместе. Вот и прессуют его нукеры шефа под признательные на двести семьдесят шестую или же двести пятую^[69]. Но это хер его знает, почем купил, по том и продал. У нас такое чуть ли не про каждого рассказывают...

— Ближе к делу, бикицер, — ненавязчиво поторопил Колчин старлея.

— Стрелять в моих на поражение точно не станете? — буркнул тот.

— А нахрена? — искренне удивился Валентин. — Если ты нам все точно распишешь, войдем в периметр, как лом в повидло...

— Хер с вами! — сказал Колян.

После чего меж достигшими консенсуса сторонами начался конструктивный вдумчивый и очень профессиональный диалог на предмет подготовки к захвату лесной osobistской базы. Как говорится, процесс пошел...

Пока старлей обрисовывал диспозицию, бойцы Ивашко занимались привычным делом. Обесточив всю трофейную связь, отключили и собрали глушилки. Убрали транспорт с проезжей части. Пленных бойцов, кроме водилы, переодели в собственный камуфляж и упаковали в "Газель". Дальнобойщика отпустили с богом, что-то ласково пошептав на дорожку, так что тот газанул не хуже пилота "Формулы-1" и мигом скрылся из виду.

Трое штурмовиков подходящей комплекции упаковались в росновские комбезы и забрались в минивэн. Водилу-прапора, вдумчиво проинструктировав, усадили за руль — палочки, как говорится, должны быть попендикулярны.

Минут через пять машины, растянувшись на дистанции метров сто, двинулись в сторону вражьего логова...

* * *

Захват ворот Пашкин наблюдал с переднего сиденья "Газели". Колян не обманул — на въезде дежурило всего двое.

Автоматические створки при виде "своих" разъехались. Первый охранник — местный, вышел на крылечко, и на ходу был снят снотворной ампулой в шею. Второй — это был росновец — увидев, как напарник оседает на деревянные ступеньки, выскочил из дежурки, но рухнул, не сделав и пары шагов. Один из "воронов" выскользнул из машины, ужом пробрался в дежурку, по пути охлопав охранников на предмет огнестрела и средств связи. Секунд через двадцать появился в окне, махнул условным жестом, мол все в порядке.

Пашкин знал, что в это же самое время двое бойцов, перебравшись через забор, снимают единственного патрульного на внешнем периметре. Ничего не скажешь, уверенно себя чувствовал упырь-генерал, не ждал никаких гостей...

Минивэн двинул дальше — вторым этапом операции была нейтрализация всех, кто находится на территории базы, за исключением самой вип-тюрьмы...

Минуты тянулись неторопливо-мучительно. Радиомолчание, никаких текущих докладов с переговорами. Чтобы хоть как-то отвлечься, Пашкин думал о щенке, которого Иванов, уезжая, перепоручил летунам. Не приведи господи, упустят зверя пернатые, им, судя по кислым ромам, собака на борту, что баба на корабле...

— Чисто! — хрипнул в переговорном устройстве голос Ивашко. — Периметр прошли, отдыхающих бойцов с обслугой зафиксировали вчистую. Сейчас нумера штурмовать начнем, так что можно подтягиваться.

Легковушка и обе "Газели" нырнули в распахнутые ворота. Миновав КПП, осторожно двинули в глубину территории.

Пашкин наскоро огляделся. Меж сосен — асфальтированная дорога с крашеными бордюрами. Слева — большой навес с длинным столом и стационарным мангалом в кованых завитушках. Справа — крытая стоянка для машин. Дальше в глубину вдоль дороги виднелись деревянные ладные домики с верандами, клумбами и альпийскими горками. Умеет начальство ФСБ-шное отдыхать, не отнять. А вот в конце дороги той, похоже, то, что им нужно...

Двухэтажное каменное строение с черепичной бургерской крышей — зимний дом, а по совместительству, скорее всего, и учебная база. За домом несколько вполне сельских подворий — там живут местные егеря. Чуть правее протянулся глухой дощатый забор со спиралью Бруно поверху. Из-за проволочных колец выглядывает длинное приземистое строение. Значит, это и есть те самые "нумера", которые, по словам пленного, охраняют по-настоящему. Ну что же, говорить можно всякое. А мы возьмем и посмотрим, что же за человек такой этот ваш товарищ Сухов!

Машины остановились около зимнего дома. Личный состав захлопал дверями, спешно выгружаясь. Пашкин покрутил головой, пытаясь прикинуть, где сейчас Ивашко со своими архаровцами. Но вокруг была тишь да глядь. И никаких следов разрушения.

— Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро! — вдруг очень немелодично пропел в наушнике голос "штурмового" капитана. Следом из-за угла зимнего дома вынырнул и он сам. Вскинул к шлему ладонь в перчатке:

— Здрав жлаю, тарищ майор!

Колчин отмахнулся.

— Ну?

— Усе в норме. Кони стоят пьяные, хлопцы запряженные. Глушилки поставлены, мои головорезы отмашки ждут. Ни одно ихнее "радио Свободы" не мяукнет.

— Отлично! — майор обернулся к Пашкину. — Смотри сюда, Рома. Работаем аккуратно, но сильно. Выкуривать времени нет — не дай бог подтянут кого, нам тут перестрелка не в масть. Щас будем рвать! — и, хищно оскалившись, обернулся к "Газели".

— Вася, ты таки взял мой любимый килограмм динамиту?

— Даже два, — кивнул один из бойцов, и, сунувшись в нутро микроавтобуса, выволок здоровенную сумку. — Кто ходит в гости с ТНТ^[70], тот поступает мудро...

— То там сто грамм, то там сто грамм, на то оно и утро! — закончил припев Ивашко.

Под безнадежно перевернутый незатейливый мотив на свет появились не обещанные незаслуженным мастером междорового класса по пению под гитару "сто грамм", а нечто гораздо более эффективное. Ну и бризантное, как иначе? На калитку, примерно в то место, где скрывался замок, Вася, чью фамилию и характеристику Пашкин тоже благополучно забыл, наклеил брусок серого цвета, вогнал "папиросу" детонатора...

— Ну шо, хлопцы, робымо Освенцим?

Пошла боевая работа.

Увесистая направляющая полусфера защитного цвета мягко щелкнула, "присосавшись" к воротам. Личный состав, не дожидаясь окончания манипуляций, порскнул в разные стороны. Майор, который тоже не первый раз наблюдал действие направленного заряда, благоразумно отошел, укрывшись за могучим сосновым стволом. Оно-то понятно, что взрыв направленный и все просчитано и учтено. Но тот, кто хоть раз в жизни лежал в грязи под обстрелом на минном поле, на всю жизнь проникается осознанием, что в таких ситуациях однозначно лучше перебдеть.

Взрыв грохнул неожиданно тихо. ПВВ-7 не самое мощное взрывчатое вещество в мире, да и пластиды ценятся вовсе не за "убойность", а за удобство применения, но калитке, вернее, запорам, вполне хватило.

— Работаем! — выдохнул-рявкнул Ивашко.

Майора, что в душевном порыве хотел было поскакать в атаку с автоматом наголо, вежливо, но жестко отстранили трое бойцов с баллистическими щитами.

Не дожидаясь, пока ветром растащит дым, "вороны" ломанулись вперед. Изуродованная калитка, не выдержав слаженного удара нескольких тел, бессильно распахнулась и обвисла — перекосило петли.

По атакующим никто не стрелял. То ли от удивления, то ли от того, что некому было. Впрочем, во второе верилось плохо. Старлей Коля, пытаясь уберечь филей от муравьев, а остальные тела — от мест лишения свободы, сразу сдал всю диспозицию. Живая сила у противника имелась в количестве и ассортименте...

Только вот качеством, увы (или наоборот — к счастью) никак не удивила.

Неширокий дворик пересекли одним рывком. Входная дверь вылетела будто сама собой, по крайней мере, Пашкин и заметить ничего не успел.

Первыми, кто попался под горячую руку в холле, оказались двое в штатском. Выставив ксивы, они начали вопить, что, мол, оперуполномоченные ФСБ. Оперуполномоченных на общих основаниях сбили с ног, уронив мордами в затоптанный пол.

Из-за угла шарахнула оглушительная в замкнутом пространстве очередь, высекла искры из щита. Державший щит боец заучено присел на колени для лучшей устойчивости. Тут же к невидимому стрелку полетел комсомольский привет в виде двух светошумовых гранат. Пашкин еле успел отвернуться. Жажнуло так, что с потолка посыпалась невесомым облаком шпукатурка.

Не дожидаясь, пока противник очухается, "вороны" одним рывком преодолели метры до неудавшегося укрытия. Там, закрыв глаза руками, в позе эмбриона скрючился РОСНовец. Пробегая мимо, Пашкин отфутболил подальше АКС-74У, и, не удержавшись, от души пнул "рысенка". Ведь если бы не щит, то очередь вполне могла пройти по майоровой тушке. Ну и рикошеты опять же никто не отменял...

Пока майор вымещал злобу на поверженном враге, штурмовая команда с бодрым топотом промчалась по строению. Ведь, как известно, в любом боевом деле первые секунды

и минуты — самое ценные. Используешь с умом — будешь на коне и даже немного живой. Упустишь... ну, тут уж как повезет.

Передвижение штурмовиков Пашкин отмечал скорее по звукам, нежели визуально. Дважды бахали светозумовые гранаты, кто-то истошно вопил, но скорее от ужаса и оглушения. Раненые кричат совсем по-иному, майор это точно знал... Трескалось дерево — двери вышибали без сантиментов. Бодро матерились бойцы, заменяя сложные слова великого и могучего простыми и короткими аналогами — с душой и огоньком, как свойственно русскому человеку в процессе ответственной работы.

Вязать и оформлять семерых пленных осталось три бойца из замыкающих. Основное ядро группы, проскочив небольшой холл, вышибло очередную дверь. За ней открылся новый коридор, заметно уже и темнее, освещенный тусклыми неонками, горящими одна через три. На фоне голых кирпичных стен серели металлические двери, кое-где закамуфлированные "под дерево", но в основном оставленные в первозданном виде. Вылетать после молодецкого пинка в район замка они не собирались, а требовали применения взрывчатки, хоть и не в таком объеме, как на входе. Впрочем, взрывчатки у "воронов" было на всех припасено. И работать с ней умели многие. Даже Пашкин причастился, поддавшись дурному влиянию момента и окружающей плохой компании.

Раз за разом одно и то же — хлопок взрыва, дым, затем вход со всеми предосторожностями, чтобы не словить пулю от зашкерившегося злодея. Ну и смотреть, чтобы не пропороть незащищенные броней руки о раскуроченный металл... Внутри или кабинет с соответствующей обстановкой, немного подпорченной ударной волной, или жилой бокс с хрупкой сантехникой и не менее хрупкой электроникой...

Часть группы в составе Пашкина и Колчина с Кудашовым, усиленная парой штурмовиков, оставив остальных доламывать решетки и выкуривать особо упертого "рысенка", зажатого в зале для конференций, двинула дальше. Незапертых дверей оставалось все меньше, следовательно, шансы росли...

Тот, кто был им нужен, обнаружился за предпоследней дверью, в одном из боксов со столом, кроватью и цивилизованным санузелом. Окна в боксе не открывались, были застеклены небьющимся стеклом и вдобавок забраны толстыми решетками с разными красивыми завитушками, но из вполне брутальной стали. Судя по обстановке и окнам, бокс мог по необходимости служить гостиничным номером или камерой. Или и тем, и другим сразу. Но об этом Пашкин подумал потом, потому что первый взгляд выхватил совсем иное.

В комнате царил полумрак — окно едва ли не целиком заслоняла человеческая фигура. После паршиво, но все же освещенного коридора глаза не сразу перестроились на темноту, и Пашкин поначалу лишь отметил, что макушка стоящего у окна находится чуть ли не на уровне верхней рамы. Чтобы разглядеть получше, на чем стоит единственный обитатель комнаты, майор опустил взгляд к полу. И сразу же ощутил на спине липкий холодный пот — ноги человека висели в двух десятках сантиметров над полом...

— Хлебать-колотить! — рявкнул над ухом прапорщик Кудашов. — Он на простыне висит!!!

Теперь и Пашкин увидел, что шея висящего перетянута толстым жгутом, а из-за уха, вверх и наискось, идет темная полоса.

Колчин, Пашкин и Кудашов одновременно метнулись к окну.

— Стол давай!

— Какой нафуй, стол, табуретку тащи!

— Нафуй табуретку, я на окно!

"Воронам" явно было сподручнее производить покойников, чем вытаскивать с того света самоубийц, поэтому действовали они чуть хаотично и с ноткой вполне объяснимой растерянности. Но быстро.

Колчин, запрыгнув на подоконник и держась одной рукой за решетку, вытянул из ножен свою сверхпонттовую финку с черно-белой наборной рукоятью "под тельняшку".

— Погоди! — заорал прапор. — Ща мы его придержим! Ром Саныч, хватай за ноги, я под мышки...

— Готовы?

— Порядок! Режь, командир!

Колчин чиркнул лезвием по натянутому жгуту. Обычно веревки режутся подольше, чем показывают в приключенческих фильмах, но финка была наточена до состояния бритвы, так что получилось именно как в кино. Одно движение — и тело повешенного осело, безвольной куклой повиснув на руках у осназовцев.

— Мля!

— Бикицер!

— Мать твою...

— Есть!

— На кровать!

— Нет, на пол клади!

— Хер с ним, куда, сюда?

— Да хоть куда, лишь бы голова ровно лежала!

— Дышит?

— Да вот вам хер!!! Не пыхтит!

Указательный и средний пальцы Кудашова нырнули в ямочку между горлом и большой мышцей на шее. Пока прапор щупал сонную артерию на предмет наличия пульса, Пашкин наскоро оглядел лежащего.

В том, что перед ними "задержанный по подозрению" Короленко не было ни малейших сомнений. Мужик лет пятидесяти, волосы с проседью и растрепаны, но видно, что стрижка была хорошая, аккуратная. Суточная щетина. Одет хорошо, руки холеные. Часы на руке — пилотская модель IWC — смотрятся простенько, но стоят шпук десять баксов, не меньше. Пашкин знал точно — сам по таким вздыхал, разглядывая в каталоге, и прикидывая, как купит реплику за полторы сотки зелени.

Кудашов убрал руку, мотнул головой.

— Двухсотый, за ногу их и об стенку!

Лицо Короленко было темно-синим... Пашкину по долгу службы приходилось иметь дело с процедурой повешения. В смысле, не вешать самому, а вытаскивать из петли. И в Чечне, и в Энгельсе, где в позапрошлом году по причине несчастной семейной жизни удавился в обеденный перерыв начфин. Хороший был мужик, кстати... Пашкин запомнил бурчание начальника тамошней медицинской части майора Хаймана: "Рывка, похоже, не было, батенька — видите, голова по отношению к телу находится под нормальным углом. Когда позвоночник не переломан, пациента можно вернуть к жизни порой и через двадцать минут. Если суметь сердечно-легочной реанимацией вдумчиво воспользоваться..."

Сколько же провисел Короленко? Определяли его на тот свет явно те опера, которых они перехватили на выходе. Пленный старлей обмолвился, мол приехали генеральские

нукеры с особыми полномочиями. Они высказывали во двор еще не зная о штурме, стало быть, пытались быстро покинуть здание. Исходя из этого можно уверенно сделать вывод, что арестанта загнали в петлю недавно, минуты три-пять от силы. И мотив понятен. Похоже, что после того, как на брянского генерала начали давить из Москвы, он очканул и отдал распоряжение на зачистку...

— М-м-мать, — выдохнул Пашкин и, не тратя времени на пересказ коллегам воспоминаний и мыслей, глубоко вдохнул. Одновременно он вспоминал, как правильно делать искусственное дыхание (рот-в-рот, конечно, пока еще найдешь тот мешок, которым хитрые доктора пользуются в "Докторе Хаусе") и как не сломать ребра пациенту при непрямом массаже сердца. А то ведь сломанным ребром можно и легкое просквозить.

К концу первой минуты, когда Пашкин уже пыхтел, словно полчаса тренировался на силовом тренажере, Короленко закашлялся, судорожно вдохнул, засучил ногами. Лицо его начало медленно розоветь, теряя синий оттенок.

— Ох и греб твою в масть! — хором произнесли Колчин и Кудашов. А Валентин добавил: — Ну ты, Рома, в натуре, Айболит-реаниматор...

— Наверное, все же, первый, — хмуро протянул Пашкин, наблюдая за делами рук своих. — Пациент в морг не хочет вроде.

Судя по ухмылке прапора, вопрос с позывным для нового члена оперативно-розыскной группы "Алконост" был решен...

Короленко возвращался с того света долго и неэстетично. Хрипел, харкал, дергал конечностями и строил мерзкие рожи. Но оживал на глазах. Вскоре отплевался, задышал ровно, открыл мутные глаза с расфокусированными зрачками.

Минут на десять бы разминулись, и звиздец котенку, подумал Пашкин. Ох и повезло тебе, товарищ олигарх, бывший разведчик...

— Здрааасте вам! — с ухмылкой произнес Колчин. — Добро пожаловать! Позвольте представиться, Кифа, Петр Кифа. Оперативный псевдоним — Святой. Звание — апостол. Должность — начальник КПП белой зоны...

Валентин хотел еще что-то сказать, но Короленко оскалил зубы и неполиткорректно, с хрипом, его прервал:

— Пошел на хер, клоун! Ты кто вообще?

"Вороны" заржали, оценив.

— Ага! Стало быть, живой, в здравом уме и твердой памяти, — не обиделся ни на "клоуна", ни на посыл Колчин. — На вопрос кто такой с удовольствием отвечаю. Майор Колчин, командир группы, которую послали большие дяди, чтобы обеспечить государственную защиту некоего кандидата в Госдуму. Того самого, коего задержали по подозрению в шпионаже в особо извращенной форме в пользу Гондураса. А то, как видишь, местное ФСБ насчет твоей судьбы поимело особое мнение, вот и пришлось нам чуть-чуть поворошить это упырьское гнездо. Теперь их самих, похоже, скоро поимеют по полной...

Короленко собрал глаза в кучу, внимательно оглядел всех присутствующих, задержав взгляд на оружии с камуфляжем, после чего удовлетворенно кивнул.

— По кредитке Берковича информацию получили?

— По ней, родимой, — вздохнул Пашкин. — Только слишком поздно. Пока нашли, пока добрались, к тебе на прием в очередь записываться пришлось...

— Телефон! — требовательно просипел несостоявшийся покойник и вытянул руку. Олигарх он, блин, и в петле олигарх, хлебом не корми, дай покомандовать...

— Потерпи, — сказал Колчин, сейчас глушилки отключат...

Дождавшись, когда индикатор покажет наличие связи, Пашкин ткнул в потную ладонь олигарха свой коммуникатор.

Короленко пару секунд полежал, держа пальцы над тачпадом — вспоминал номер. Затем короткими движениями сделал набор. Прижал к уху элитный осназовский гаджет, почти сразу сунул его обратно новорожденному "Айболиту":

— Пинзет вашей очереди. Верещагин не отвечает.

Вспоминая, где он совсем недавно слышал эту фамилию, Пашкин прижал к уху динамик. Равнодушный женский голос доложил о том, что абонент в настоящее время недоступен и порекомендовал оставить голосовое сообщение.

— Мляя... — снова процедил Короленко и, в ответ на вопросительный кивок Колчина, невнятно пояснил, — У нас был уговор, если вдруг не я по телефону отвечу или трубку не буду брать, то он свой отключит к херам собачьим.

— Кто это он?

— Витька, сын Сереги Верещагина.

— Какого на хер Верещагина?

Короленко посмотрел на Колчина, как на ребенка, задающего идиотский вопрос. Или, скорее, как доктор на безнадежно больного, который наивно спрашивает "а я жить буду?". Снова просипел:

— Пить дайте, горло, блин, пересохло.

— Кудашов! — сказал Колчин.

Прапор метнулся барсом из комнаты.

Короленко попытался сесть.

— Ты тут сильно не дергайся, — буркнул Пашкин, вспоминая давнюю лекцию начальника медицинской части Хаймана. — Может быть ребро сломано, или там трещина в позвоночнике. Полежишь, пока тетя доктор не осмотрит. Тут через час — другой будет шумно и весело. Как в борделе на пожаре во время наводнения...

И в этот самый момент он вспомнил, кто такой Верещагин. Не погиб, значит, в Русе опальный капитан госохраны. Похоже, что и с Короленко они знакомы. Что же, тогда понятно, откуда в занюханном военном городке столько трупов образовалось за отчетный период, и каким образом гражданка Сербина. ua с гражданином Берковичем. us материализовались в городе Новозыбкове. ru...

Кудашов вернулся с литрухой газированной минералки.

Прочистив горло, Короленко начал говорить. Излагал он ясно и четко — видать, готовился еще до ареста. Или просто привык изъясняться с военной точностью. Сперва поведал про появление Виктора Верещагина, сына старого приятеля, с прицепом в виде Сербиной и Берковича. Затем, без выводов, рассказал обо всем, что узнал от неожиданного гостя. Потом про "осуществленные мероприятия" по поиску следов бомбы и отбытие Верещагина и Берковича к месту её вероятного нахождения. И совсем уж вкратце сообщил про последующие события, от засветки кредитной карты, до петли в элитной камере...

— Начальник облуправления давно на меня зуб точил, — подтверждая корпоративные слухи, завершил рассказ боевой новозыбковский олигарх. — Генералу, похоже, вся эта шпионская страсть была до большой лампы, он свои вопросы решал. Собирался отпрессовать по полной, чтобы я на его людей весь свой бизнес переписал. А как узнал, что дело в Москву пошло, так решил все концы в воду.

— Как нам найти Верещагина? — выделив из доклада актуальную суть, спросил Пашкин. — Или хотя бы связаться? Запасной канал предусмотрен?

— Нет запасного, — с горечью сказал Короленко. — Смысла никакого. Если, как и вышло, меня повязали, то любая ниточка от меня — Витина смерть. У нас уговор был, если я не выйду на связь, то и он хвосты отсекает, так что теперь его искать только на месте и по горячим следам...

Да уж, подумал Пашкин. Судя по сводкам из Русы, если этот парень сядет на хвост Джамалю, то в горячих следах недостатка у них не будет... В голове у майора, обрабатывая новую информацию, заработал во всю силу компьютер мощностью в один гигапашк.

Теперь все разрозненные кусочки этой невероятной мозаики окончательно улеглись в стройную логическую картину. Имя которой было "в преддверии Апокалипсиса". Или "где же, ёж твою масть, теперь нам искать Джамалю, и вообще какого хера этот курдский козолоб двинул в эту гребаную Коломну?"

Закончив щелкать, внутренний арифмометр выдал окончательный результат. Который Пашкину не понравился. Причем настолько, что у майора нехорошо забурчало в животе.

Пашкин дернул Колчина в сторону:

— Валентин, у нас есть аварийный канал связи на самый верх? Так, чтоб выше уже некуда?

— Ты чего? — не въехало сходу непосредственное начальство.

— Проведи линию: Руса — Канев — Прилуки — Щорс — Новозыбков — Брянск — Коломна. Куда примерно упрется?

Судя по богатой мимике, Колчин провел в уме линию и понял суть. Не удовлетворившись, полез в навигатор. Отследил маршрут на экране и теперь уже вполне ощутимо вздрогнул. Но тут же попытался взять себя в руки:

— Ну не факт...

— Похер, факт или херакт! — рявкнул Пашкин. — Когда снаряженное специзделие, приготовленное к подрыву, с высокой вероятностью находится в сотне км от МКАДА, тут думать о другом нужно...

Колчин переварил. Кивнул.

— Твои предложения? — словно передал Пашкину инициативу по всем их дальнейшим действиям.

Пашкин понял и оценил.

— Звони летунам, пусть готовят машину на взлет. В Коломне надо, чтобы нас ждал вертолет, лучше два. Ну и куда нужно сообщай, чтобы объявляли боевую по красной схеме, или как там у вас полный кердык обозначается по таблице сигналов?

Колчин, матерясь, начал набирать номер...

* * *

Указатель полз по экрану навигатора, отсчитывая километр за километром. Обратно, для скорости и чтобы не отбиваться от гаишников, выехали на захваченном РОСНовском минивэне. Трое штурмовиков и Кудашов остались на базе — стеречь пленных, ждать "скорую" и подмогу. Остальные упаковались в салон будто сельди в бочку.

Пока готовились-собирались, Колчин в телефонном режиме, таранно миновав все

секретарско-холуйские препоны, сумел организовать прямую видеосвязь в кабинет вице-премьера, где шло закрытое и, судя по напряженным лицам больших начальников, очень нервное совещание.

Короленко отработал на бис в эфире, его показания тут же были закреплены допросом старлея Коляна и двух выведенных из ступора оперов. Увидев на экране директора ФСБ, нукеры брянского оборотня тут же запели хором, как дрессированные соловьи, на глазах превращаясь из наемных убийц в ценных свидетелей обвинения. И завертелась машина...

Километрах в десяти до поворота к аэропорту навстречу минивэну вылетела колонна — пять тентованных грузовиков с табличками "Люди" и ВВ-шными номерами. Колонну, истерически моргая мигалкой, сопровождала машина ГИБДД. В хвосте шел солидный ментовский "Мерс" и два неприметных микроавтобуса без боковых окон — не иначе как серьезная экспертиза...

Колчин закончил разговоры с Москвой и хмыкнул:

— Совещание у вице-премьера завершилось десять минут назад. Начальник СК РФ уже получил материалы. Оперативно — следственная бригада в дороге. Главного оборотня примут на выезде из города. Директор ФСБ срочно вызвал генерала в Москву, вроде как на ковер, но с намеком на повышение, чтобы не потерялся в дороге. Впрочем, это уже не наша забота.

Пашкин кивнул. Брянские дела остались в прошлом, и теперь все его мысли бродили вокруг титанического маховика под названием "комплекс чрезвычайных мер по предотвращению угрозы ядерного терроризма", что раскручивался сейчас по всей европейской части России, от Полесья и до Урала.

Но маховик — вещь инертная, пока выйдет на режим, не один десяток часов пройдет. К тому же будет мешать секретность, вызванная не только риском элементарно спугнуть и спровоцировать на подрыв непредсказуемого и сто пудов нервного пациента, но и опасностью массовой паники.

Нет, конечно же, никто не будет прерывать телетрансляции и перекрывать ежами дороги. Это вам не блокбастер по мотивам известного технотриллера. Не будет ни "тридцать тысяч одних курьеров", ни сотен вертолетов, просеивающих воздух сквозь сито, ни войсковых операций с размахом фильмов Сергея Бондарчука и оцеплением участков размерами метр на метр...

А будет тихо, нервно и очень непонятно.

"Пожалуйста, товарищ водитель, груз предъявите к досмотру! Да ничего особенного, зеки из зоны дернули, вот и шерстим". "Всем оставаться на своих местах! Кто здесь Бидон Отходов!? Говори, вайнашская твоя жопа, где сейчас твои длинномеры находятся?". "Товарищи офицеры, с этого момента райотдел переходит на особый режим. По оперативным данным через нашу землю везут охеренную партию наркоты, так что медали при успехе будут горстями раздавать...". "Стой, кричу, сука! Куда намылился?! И по колесам, ему, по колесам. А потом из машины за шкуру, и мордой об асфальт. Ну и ботинком по почкам. А нефиг при виде полосатой палки скорость прибавлять!"

Но пока чрезвычайный розыск набирает полную силу, весь груз страшной, невероятной ответственности лежит на плечах у них, офицеров ОРГ "Алконост". И от него, от Пашкина от его мозгов, интуиции и чутья зависит, насколько правильно будет определено направление поисков. А стало быть — как скоро они сядут на хвост этому, замыслившему страшное, курду.

От Брянска на Москву ведет прямая трасса, почему же Джамаль пошел в объезд, на Коломну? В том, что снаряженная бомба предназначена не какому-то другому населенному пункту, не стратегическому объекту, а именно столице — причем самому ее центру — у Пашкина не оставалось ни малейших сомнений. По пути от Русы до Брянска сотни городов и десятки всяких привлекательных с точки зрения террориста мест, не стоило рисковать, углубляясь в Нечерноземье ради взрыва "где-то там".

Всеми фибрами души бывший заместитель начальника отдела КР авиабазы "Энгельс" чувствовал, что, ответив на вопрос, почему Джамаль выбрал Коломну, он поймет, каким образом противник собирается доставить бомбу в Москву...

Правда, был еще один человек, который сейчас ближе всех к правильному ответу. Выброшенный на обочину жизни парень, который в одиночку безо всякой поддержки, на Украине — где ЦРУ-шники жируют колорадскими жуками на картошке — смог прокачать ситуацию.

Виктор Верещагин, чьи полные данные, вместе с фотографиями из личного и уголовного дел, а также отснятым в Новозыбкове видео Пашкин получил уже находясь в пути, был человеком столь трудной и необычной судьбы, что впору про него романы писать. И он опережал всех, включая "Алконост", почти на сутки...

Двадцать четыре часа отставания. Этот промежуток они должны будут выбрать любой ценой, потому что если Пашкин верно определил конечную цель Джамали, то времени им отпущено совсем мало...

В аэропорту, не заморачиваясь ни на какие условности, вышибли с разгону ворота и помчались напрямик по летному полю к гудящему самолету, что замер на конце ВПП. Избегая по аппарели в черноту и прохладу отсека, Пашкин услышал, как его возмущенно-радостным тявом встречает щенок, привязанный к ящикам живодерами-летунами.

20. Точка схождения

Баржа осторожно втянулась в шлюз, ворота за кормой затворились, медленно, с ритмичным грохотом механизмов. Джамаль поднялся на верхнюю палубу и сел на выступ у открытого люка рулевой рубки. С полудня облака начали затягивать небо. Поначалу они робко прокрадывались из-за края земли, пугаясь солнечного света, но затем осмелели и двинулись в атаку пасмурной небесной конницей. Облачность быстро затянула небо от горизонта до горизонта, так, что сумрачная прямоугольная камера бьефа с мокрыми осклизлыми стенами стала похожа на огромный вытянутый колодец. Организм настойчиво просил хоть маленькую затяжку, но пока пришлось позабыть об удовольствии.

Шлюз не был стратегическим объектом и никакого потенциального интереса для террористов не представлял. Охраняли его обычные сторожа, не утруждавшие себя излишним бдением. К "лицам кавказской национальности" здесь привыкли и не норовили тут же вытребовать взятку. Все было отлично, однако... Однако сюда, как это было уже не раз, может заехать наряд полиции. Случись такая неприятность — и специфический запах гашиша резко увеличит размер "налога на национальность", а заодно и подхлестнет служебное рвение. Может дойти и до обыска транспортного средства, и проверки документов на груз.

Привлекать же внимание к грузу и собственной персоне совершенно не входило в планы Джамали. Тем более, когда позади остался столь долгий путь, а впереди лежала его малая часть. Не то, чтобы столкновение с русской полицией было неразрешимой проблемой — замысел выходил на финальную стадию, теперь даже открытая перестрелка не смогла бы помешать его завершению. Но Джамаль не раз убеждался в том, что если имеется возможность обойти препятствие — ею надо воспользоваться.

Уровень воды начал понемногу расти. Вскоре над кромкой "верхних" ворот поднялись верхушки домов-высоток, бликующие стеклами окон. Этот шлюз был последним перед Москвой. Собственно, он находился в пределах города, так что теперь Джамаль и его смертоносный груз отделяло от цели лишь несколько километров речной глади.

Он не ошибся в своих опасениях — на плотину заехал местный патруль. Один из полицейских, сержант, дождавшись, когда судно поравняется со стеной, сноровисто перепрыгнул на борт. Судя по выражению лица у стража порядка — поводов для тревоги не было. Рутинная проверка.

Джамаль зашел в рубку, сунул капитану баржи несколько тысячных купюр и отошел, чтобы не смущать договаривающиеся стороны. Можно было дать и больше, но это вызовет ненужные подозрения. Размер mzды должен быть соразмерен тяжести нарушения, а в глазах полицейских нарушением у "черных", сопровождающих баржу, мог быть разве что незаконно приобретенный камень...

Капитан о чем-то тихо переговорил с полицейским. Джамаль не заметил, как деньги перекочевали из рук в руки, но мздоимец явно остался доволен. Сержант махнул рукой в сторону будки, откуда производилось управление шлюзом, перепрыгнул на сушу и зашагал к машине. Ворота начали отворяться, открывая прямой путь к Москве.

Пока что все шло как задумано. Команда, чьи услуги были щедро оплачены, вела себя идеально. И даже на хмурых курдов, что словно тени появлялись за спиной в самые неожиданные моменты, особо не косились. Деньги вообще делают людей весьма

дружелюбными...

Джамаль позволил себе на четверть минуты прикрыть глаза и отрешиться от грядущего. Он подумал о том, что прямо под ногами лежит скованная до поры, послушная сила, которой в лучшие свои годы даже не мечтал обладать Саддам Хуссейн. Бывший хозяин Джамалья, осмелившийся бросить вызов Западу, ударив по Кувейту — нефтяному кошельку неверных. И поплатившийся за слабость.

Джамаль не совершит ошибки иракского вождя. Он не будет угрожать, пряча за спиной пустые руки. Будущий лидер курдов поступит совершенно иначе, и его удар станет дерзким, внезапным, всесокрушающим. Даже несмотря на потери.

О том, что американцы разгромили базу в Хааге, Джамаль узнал часа через два после отплытия. Утром пастухи из аула, убедившись, что враг ушел, осторожно проникли в крепость. Из сбивчивого рассказа старейшины, которому передал трубку доверенный человек, выяснилось, что внутри не осталось ни одного живого защитника, а все документы и диски исчезли. Не обнаружился среди убитых и русский инженер. Все это говорило о том, что нападавшие отлично знали, что и кого им следует искать. А это в свою очередь означало, что за нанесенным ударом стоял Морган.

Продажный американский политикан, слуга золотого дьявола, потеряв связь с Джамалем, вероятно решил таким образом напомнить о себе. Но враги опоздали. Ни Морган, ни судьба уничтоженной базы Джамалья не волновали. Ведь не пройдет и трех часов, как мир изменится настолько, что судьба чиновника из Белого Дома будет стоять не больше, чем песчинка, которую влечет по пустыне переменчивый ветер. Впрочем, равно как и жизни многих других неверных, которые считают себя самыми могущественными в мире людьми.

Джамаль открыл глаза и глубоко вдохнул, изгоняя из головы сторонние мысли. Да, так будет! Но пока над столицей русских не вознесся огненный столб гнева правоверных, мечтать впустую — бесполезно и даже вредно.

Осталось немного. Инша Алла^[71]...

* * *

На этот раз самолет заходил на посадку без предварительных резких поворотов, сваливаний на крыло и прочей воздушной эквилибристики. Просто облака, затянувшие небо, вдруг оказались не под крылом, а на уровне глаз, а вскоре и вовсе исчезли из поля зрения. Пашкин, погруженный в размышления по поводу пришедшей во время полета информации, мог и не заметить снижения, если бы не желудок, резко подскочивший к самому горлу.

Ан-140, попрыгав на неровностях грунтовки, остановился. "Спортивный аэродром Коробчеево," — прочитал Пашкин, тыцнув пальцем в экран. "Восемь кэмэ юго-восточнее города Коломна. Полоса грунтовая 1200x90." Что же, для военно-транспортной машины более чем достаточно, но как же, мать его, остохренели за последние сутки эти выворачивающие душу взлеты с посадками вместе!

Вместе с Колчиным они первыми оказались на земле. Не аэродром, конечно, а одно лишь название. Стриженое поле, окруженной лесом, полосатый сачок "колбасы", болтающийся под порывами легкого ветерка, да пара-тройка пестро раскрашенных представителей "малой авиации". Есть правда, еще две единицы, которым теперь предстояло послужить основным средством передвижения для оперативно-розыскной группы

"Алконост", усиленной отделением первой штурмовой группы батальона особого назначения "Ворон"...

МИ-35М, современная модернизированная версия легендарного "крокодила МИ-24". Что в нее насовали при модернизации, Пашкин не помнил, но по отзывам из хорошей машины получилась отменная — быстрая, надежная и практически неубиваемая.

Вертолет был выкрашен непривычно — без камуфляжных разводов. Темно-серая окраска разбавлялась бортовым и регистрационным номерами и красной звездой в белой окантовке.

— Откуда дровишки? — поинтересовался Пашкин у Валентина.

— Наши, прикрепленные, — ответил Колчин, щелкнув пару раз предохранителем автомата. — Числятся за Академией в Монино.

Личный состав, матерясь на всю Московскую область, занялся нелюбимым рутинным делом — перетаскиванием снаряжения из самолета в транспортные отсеки.

В вертушке с ее тесным спартанским салоном щенку не место, поэтому Пашкин быстро сбегал и по-новой договорился с экипажем самолета насчет временного устройства питомца. Название коньяка, который затребовал за полный собачий пансион командир (Три пузыря! Каждому!) у Пашкина прочно ассоциировалось с обилием звездочек и суровыми ценами. Но справедливо решив: "Выживем — как-нибудь рассчитаемся", он безропотно согласился на все условия воздушных сволочей-коммерсантов.

Попутно майор получил в коммуникатор и свежие ментовские сводки, из которых однозначно вытекала следующая точка маршрута группы.

"Сегодня утром на промышленной базе "Грузовой речпорт" г. Коломна (владелец — ПБОЮЛ О. Бероев), сторожем Е.П. Величко во время обхода территории обнаружен труп опознанный им как оператор погрузочного крана Е. Скрипка.

Оперативно-следственная бригада районного отдела СК, прибыв на место, констатировала смерть в результате огнестрельного ранения, нанесенного с расстояния 1–3 см. из автоматического пистолета калибра 9 мм, оснащенного устройством шумоподавления. После убийства тело было спрятано под слоем строительного песка. Согласно распоряжению СК РФ, в настоящее время бригада прекратила следственные действия и обеспечивает блокирование базы в ожидании прибытия группы с особыми полномочиями."

Ситуация, по их общему с Колчиным мнению, выражалась простой фразой из армейского анекдота: "Хрена ли тут думать, трясти нужно..." От аэродрома до базы всего-то несколько километров, но располагалась она на другой стороне реки, потому решили керосин не жалеть, и за выработку моторесурса на коротком подскоке не париться, время шло уже на минуты...

Наскоро распрощавшись с экипажем самолета (Пашкин на всякий случай показал кулак командиру, тот дернул за поводок, на котором болтался злющий пушистый комок, и кивнул — мол не бзди, майор), они трусцой побежали к гостеприимно распахнутому люку грузового отсека. Туда, ворчливо поминая какого-то нехорошего бурятского бога, уже влезал, стараясь не стукнуть хрупким прицелом о какой-нибудь вертолетный угол, лейтенант Бадма Иванов.

Вблизи боевые вертушки оказались еще лучше, чем издалека. Сразу видно — новенькие. И лопасти не простреленные, и борта даже не царапнутые. Так же на бегу поручкавшись с

вертолетчиками, Пашкин с Колчиным получили гарнитуры бортовой связи и устроились на неудобных ящиках с ребристыми металлическими краями. Не успели посчитаться и закрыть двери, как машина зарокотала и одним прыжком взмыла в воздух.

Вертолеты развернулись почти синхронно и, хищно наклонив носы, понеслись на юго-восток, пересекая русло Москвы-реки.

* * *

Вода в шлюзе поднималась в темпе похоронной процессии, так что я готов был выстроить в живую цепь, как при кораблекрушении, весь свой экипаж, включая Берковича и убеленного сединами капитана. И черпать, черпать воду ведрами, переливая ее в камеру, где плененным белым лебедем мается наш катер, если бы это могло хоть как-то ускорить дело.

Ночное плаванье, как и предупреждал Петрович, оказалось занятием дурным и неэффективным — с утра до обеда успели пройти вдвое больше, чем в темноте. По дороге миновали пять шлюзов, встретили три баржи — две с песком обогнали, третья порожняком шла навстречу. От ее экипажа и узнали, что "Волго-Дон", груженный под завязку "камнями", встретился им часа три-четыре назад.

Этот шлюз был шестым и последним. Стало быть, торжественная встреча с ядерным, ети его мать, террористом, теперь неизбежна, как крах мирового империализма. Главное, чтобы она не ознаменовалась красочным фейерверком...

Нанятые коломенские речники, что и говорить, поразили. Вчера, отпросившись домой на сборы, вернулись точно по хронометру через час. Оба в белой, по-военному, до острейших стрелок на брюках отутюженной форме, гладко выбриты и без малейших следов свежего выхлопа. То ли бдительные жены сразу отобрали щедрый аванс, то ли глубинные изменения русского характера зашли столь далеко, что я со своими представлениями о местных реалиях задержался в глубоком прошлом. Ночью мы все несли вахту посменно, до рези в глазах вглядываясь то на мелькающие ночные огни, то в экран бортового радара.

С рассвета стало повеселее. Катер действительно был построен для получения удовольствия от скорости, а потому сегодняшний день ощущается рывками. Будто допотопный фильм на сто раз порванной и склеенной пленке...

Рев двигателя, бьющие в лицо потоки воздуха, от которого не спасает даже широченное лобовое стекло, швартовка, общение с высохшими от старости, но суровыми и подозрительными ВОХРОВцами, помнящими еще пенсне Лаврентия Палыча, короткий разговор с работниками на воротах. И новый рывок до следующей остановки.

Речники, как и дальнобойщики, активно пользуют рации и имеют свою волну. В эфире постоянная болтовня. "Теплоход "Звезда востока" проходит мост снизу... Теплоход ОМ-562 будет делать оборот в районе двести тринадцать... Озерный-36 Волго-Дону-42: расходимся левым..." Шлюзы тоже отзываются, формируя очередь. Не слышно только нашего бомбовоза...

Понимаю умом, что вокруг красоты неопишуемые — луга, холмы, городки, деревеньки, бесчисленные церквушки. Но восхищаться живописными видами физически не могу. Устал, как собака, а что нас ждет впереди — вообще неясно. И это очень плохо... На дело, любое дело, нельзя идти уставшим и вымотанным. А догнать проклятую баржу — это не цель, и даже не присказка, только начало. И очень хочется верить, что завершать эпопею будем не

мы с Берковичем, а специально обученные люди, нагнанные к реке в потребном количестве. Но появятся они или нет — никому не ведомо. А потому — сцепив зубы догоняем врага.

На последнем перегоне Иван Петрович, видать, окончательно убедившись, что никакой я не новый русский пельмень, стал поглядывать на нас с большим уважением. Почувствовал, наверное, что-то. У старых мореманов задница чувствительнее, чем локатор самой современной системы ПРО... На предпоследнем шлюзовании Петрович демонстративно сменил парадно-представительский головной убор на старенькую, смятую фуражку с кокардой ВМФ СССР. И на душе у меня чуть светлее стало. Будто кто-то ободряюще ладонь на плечо положил.

Уровень воды поднимается, а с берега за катером наблюдает классическая старорежимная вохра — хмырь в советской еще афганке, подкашивающийся от тяжести ободранного СКСа^[72]. Смотрит хмуро, делает шаг навстречу. Гадом буду, сейчас начнет проводить инструктаж по поводу запрета на все виды съемки на стратегическом объекте.

Не дав старому рта раскрыть выпаливаю — громким ментовским тоном:

— МП-Р 242 давно проходил? Докладывайте!

Петрович застывает в положении "челюсть офф", зато вохра реагирует ностальгически бодро:

— Дык отшлюзовался часа полтора назад, товарищ?..

— ... майор. Майор Догоняев, ФСКН^[73]!

Ныряю рукой под ветровку, словно собираюсь извлечь удостоверение. Эта клоунская реприза продумана по дороге и мысленно отрепетирована в деталях, так что продолжаю уверенно и без малейшей задержки.

— Со мной Джек Беркович, Интерпол!

Осторожно, но крепко бью Жужика локтем в бок и шепчу:

— Паспорт покажи, басурманин!

Мальчишка, краснея до кончиков лопоухих ушей, извлекает из кармана свою синюю орласто-полосастую паспортину и предъявляет вохровцу как учили, в развернутом виде.

Старый хмырь тихо охреневает и пытается отдать честь, не выпуская оружие. Получается это у него предельно фигово — врет пословица, пропить можно и мастерство. Но это сейчас не важно. Важно то, что ошалевший дедок поверил, что я большой начальник и забыл потребовать мою ксиву.

— Фамилия? Звание?

— Филеев! — бодро рапортует дедушка с карабином. — Майор в отставке.

— Сколько там было народу?

— Помимо команды — человек не меньше шести. Все этой, как ее... кавказской национальности, вот! Но Нефедов, это наш сержант из водной, у них бумаги проверил. Вроде бы все нормально.

А ведь, похоже, и вправду дед из тех еще органов. Глаза слезятся, но все, что нужно — видят. Не удивлюсь, если он, поднатужившись и приняв полста наркомовских под огурчик, выдаст вполне рабочие словесные портреты боевиков... Но это сейчас неважно, нет времени... Осмыслив услышанное, тут же вещаю дальше:

— Совместная операция! — стараюсь говорить громко, но не орать, у таких старичков-боровичков слух не хуже зрения, фальшивый надрыв уловит — все пропало. — Командуй, дед, чтобы скорее нас выпускали, а сам быстро звони на пульта, пусть на дежурного по городу выходят! На "Волго-Доне" две тонны кокаина везут! Прямо мимо Кремля! Понимаешь

старый, чем это пахнет, и сколько погон слетит?!

Я все-таки прокололся, выпалил про две тонны на одном дыхании, и только потом сообразил — перебор. Но тут повезло, старая вохра услышала слово "кокаин", а остальное, похоже, пропустила мимо ушей — кивает так, будто перехватывание барж с двумя тоннами наркоты для него такое же привычное дело, как и утренние сто грамм.

Чуть не свалившись в воду, старик делает поворот кругом и бодро ковыляет в сторону своего "опорного пункта".

Ну что же, вот и славно, оповещение мы, как могли, запустили. Теперь нужно избавиться от балласта в лице мирного населения, и можно, как говорят киношники, переходить к финалу...

А ведь похоже, что Петрович и Гриша в "майора Догонаева из ФСКН" и "Джека Берковича из Интерпола" поверили окончательно и бесповоротно. Хорошо я роль отыграл, Станиславский нервно курит в сторонке. Оба стоят, будто проглотили по рельсе, и подают глазами меня и Жужика, наливаясь весомым осознанием дела государственной важности. Типа, ща мы их всех догоним-повяжем. Но увы, товарищи речники, жизнь — это не остросюжетный роман или фильм-боевик. Ну, разве что, самую чуточку... А потому сейчас наши дороги расходятся.

Сунув в натруженные ладони речных волков по заранее приготовленной пачке, говорю, указывая на пирс:

— Ну что, мужики. Дальше мы уж тут сами.

— Да понятно, что сами, — хмуро отвечает Петрович. — Не слепые поди, видели, что вы в каюту три сумки всяких шпалеров затащили.

Экипаж покидает катер. Перед тем, как спрыгнуть с борта, Иван Петрович, чуть помедлив, словно решившись на непростой шаг, вручает мне свою военно-морскую фуражку. Надеваю головной убор, привычным движением проверяю соосность краба. И, совершенно непроизвольно, на чистом спинномозговом рефлексе, отдаю честь старому моряку. Вот же мать твою, так и не успел поинтересоваться, на чем ходил и в каком звании уволился кэп...

Петрович вздрагивает и порывается ответить, но вспомнив о пустой голове просто принимает стойку "смирно". Запускаю движок и направляю нос в сторону раскрывающихся ворот. Речники не уходят, пока катер, повинувшись моим осторожным командам, не выскальзывает на оперативный простор...

— Зачем ты им сказал про кокэйн? — спрашивает Беркович. — Ведь информация про ядерный терроризм намного важнее!

— Ну да, — отвечаю. — Настолько важнее, что любой мент в районной дежурке ее и в журнале не зафиксирует.

Жужик явно ничего не понимает. Объясняю чуть подробнее:

— Им таких шизов-"террористов" за сутки человек по десять звонит. Кто с атомными бомбами, кто с инопланетянами. А вот наркота — дело привычное и всегда на контроле. Да еще Интерпол. Поверят — не поверят, а наверх обязательно доложат. И баржу непременно досмотрят, хотя бы для галочки в отчетности.

Чем закончится такой "формальный досмотр" для ничего не подозревающих речных патрулей, предпочитаю оставить за скобками. Дед сказал — там минимум пять нохчей, а у каждого, падлой буду, не меньше, чем по калашу... Но шум и стрельба — это именно то, что нам сейчас и нужно. Чем больше сбежится к реке народу, тем больше шансов, что тот, кто везет под гранитом двадцатикилотонную дуру, убедившись, что не сможет свалить по-

тихому, решит сдаться, чтобы сохранить свою драгоценную мусульманскую жизнь. Мораторий на смертную казнь — лучший подарок России международному терроризму...

Почему я так думаю? По ряду причин. Операцию задумал и провел человек очень умный, амбициозный, обладающий большими возможностями. А для такого сам взрыв — средство, никак не цель. Потому в смертника он играть явно не собирается. Почему я считаю, что он на барже? В ближайшие лет сто еще одну неучтенную бомбу бородатым светит заполучить, как от мертвого хера уши. Стало быть, прав на ошибку их главный не имеет физически. А любой серьезный руководитель отлично знает — если хочешь, чтобы все было сделано хорошо, делай сам. Потому уйдет он с баржи не раньше, чем убедится, что запущен механизм подрыва. Это, конечно, при том условии, что он в принципе собрался её взрывать...

Впрочем, еще часок, и истинность моих рассуждений будет проверена самым надежным, ленинским способом. То бишь, общественно-исторической практикой.

Двигаю рычаги. Дизель ревет, и катер, задирая нос, набирает скорость. Прячу лицо в капюшон штормовки от брызг и ветра. Низкие темные облака все небо заволокли, как бы дождя не было. Летом, под мелкой моросью, если быстро и в засаде не ждать — милое дело, грязно, зато не жарко. Но чувствуется, малым дождиком не обойдется...

* * *

Промбаза с горами разнообразных стройматериалов и беспорядочно разбросанными ангарами — настоящая офшорная зона. В том смысле, что на ее территории можно спрятать не только сотни две трупов и эшелон левых грузов, но в случае войны и танковый полк с тыловыми службами.

— Вот, — кивнул, поздоровавшись, районный полицейский начопер. — Как было сказано, мы ничего не трогали. Сторож тело с утра обнаружил. По первому впечатлению, терпилу сразу после того как кончили — прикопали, а чуть позже кто-то обратно вытащил...

— Не сторож?

— Не он, это точно. Деревенский мужик. Как разглядел башку, рыгал дальше, чем видел. И сейчас на труп посмотреть не может.

— Как же тогда опознал?

— По одежке. Сперва подумал, что пьяный, а присмотрелся, проблевался, пришел в себя и нам тут же позвонил.

Извлеченный из песка труп с развороченным лицом, которое уже, похоже, успели объесть то ли крысы, то ли собаки, интереса для Пашкина не представлял. Разве что пулю извлечь и по базе пробить. Но с этим справится и районная экспертиза — дело нехитрое. Им, розысникам, требовалось на ходу разобраться — имеет ли это убийство хоть какое-то отношение к спецделу.

Колчин, распределив бойцов "ворона" и местное усиление по квадратам, приступил к вдумчивому прочесыванию территории. Пашкин, связавшись с местным полицейским руководством, затребовал в темпе вальса на светлы очи руководство подозрительного объекта и допустил озверевших от ожидания оперов-экспертов к работе. Сам же прикинул место предполагаемого убийства.

Обнаружить точку, где свел счеты с жизнью крановщик с музыкальной фамилией,

оказалось несложно. Четкий след волочения вел по высушенной траве к одной из опорных лап, на которых вздымалось к небу рабочее место покойного.

— Убит примерно сутки назад, — подскочив к Пашкину, негромко доложил один из комитетских экспертов. — Точнее смогу сказать только после лаборатории.

— Спасибо, этого мне достаточно! — произнес майор и повернулся к обнаружившему труп сторожу. Тот был сине-зеленого цвета, но к беседе уже вполне пригоден.

— Когда заступил?

— Так ето. С утра, как говорится, и вышел. Я через три на четвертые. На заводе-то с зарплатой негусто, вот и подрабатываю. Сегодня выходные, народу нет. Пошел на обход, чтоб, значит, поглядеть чтоб бомжи не лезли, и пацаны не баловали. Иду, а тут...

Сторожу опять поплохело.

— Вчера кто дежурил? — уточнил Пашкин, дождавшись, когда доблестный "секьюр" перестанет давиться желчью.

— Так Михалыч и был. С нашей деревни.

— Адрес знаешь?

— Ага. Через два двора от меня...

— Подполковник! — обернувшись к начоперу, сказал Пашкин. — Садись в машину со своими бойцами, бери свидетеля и хоть из-под земли достаньте мне этого Михалыча. Как найдете, тут же волоките сюда. А по дороге, чтобы не терять времени, опросите, что он видел вчера. Особый упор на чужих кавказцев и этих вот фигурантов. — Майор показал с экрана портреты Верещагина и Берковича. — Дай свой номер, вышлю по ММС. Да, кстати, у вас аквалангисты здесь есть? Чтобы дно залива проверить?

— Вызвали уже, — понятиливо кивнул начальник угро. — Недавно создали новое подразделение ВМС ВВ по Москворецкому бассейну. Так что у нас теперь собственные "речные котики" появились. Вряд ли, конечно, злодеи стали бы метод укрытия трупов менять — нетипично даже для террористов. Но если уж тут собака с милицией, вертолетами и спецназом, стало быть, дело серьезное. Так что нужно все варианты проверить.

"Туарег" подполковника, взяв на борт сторожа и зондеркоманду, запыхавшись по направлению к выезду. Ему навстречу, подпрыгивая на ухабах и веселя мигалкой, выскочил ППСовский "УАЗ-Патриот".

Патрульная машина подъехала к крану, из салона два дюжих полицианта вывели под белы рученьки пожилого и насмерть перепуганного дагестанца.

— Вот, хозяин базы. Доставили как приказано! — безошибочно распознав в Пашкине старшего, доложил с хитрой цыганской мордой. — С чемоданами взяли. Видать, уже шепнули про труп, вот он на лыжи и встал.

— Предприниматель без образования юридического лица О. Бероев? — спросил, припомнив данные сводки, Пашкин.

Дагестанец молча кивнул

— И чего же, ты, уважаемый, так испугался?

— Нэ боялся. По дэлам собрался в Махачкала. Срочный дэло, брат позвоныл...

Сказки дедушки Бероева Пашкина не интересовали. Он несильно, но четко, профилактики ради всадил дагу кулаком под дых и, стараясь быть убедительным, произнес:

— Слушай, отец! Мне на твой бизнес начхать. И на твои разборки с леваками в общем-то тоже. Тебе здесь жить, отношения с местными органами сам устаканивай. Мне нужно знать лишь одно. Кто здесь был вчера вечером? Какой привезли груз и куда его могли

спрятать?

Предприниматель без образования юридического лица с минуту посопел, после чего начал колотиться, нехотя, но информативно.

Бероеву позвонили из Москвы. Один из уважаемых старейшин землячества попросил принять "нужных людей", чтобы они могли спокойно, без чужих глаз, погрузить и отправить какой-то очень секретный товар. Несколько дополнительных тычков в ребра оживили показания инсургента и вдобавок к сказанному Пашкин узнал, что просьба, по субъективному мнению самого Бероева, исходила от небезызвестного "эмира Кавказа", а груз, как "случайно услышал" хозяин базы — это огромная партия наркоты. Отсюда и такая секретность...

Остальное было понятно. Наутро, узнав про убийство крановщика, Бероев проклял земляческий долг и решил по-тихому свалить, чтобы отсидеться на исторической родине. Но жизнь в лице правоохранительных органов внесла в планы предпринимателя суровые коррективы.

Отправив дагестанца в сторожку под конвоем доставивших его ППС-ников, Пашкин задумался, что ему делать дальше, но тут ожил боевой смартфон.

— У нас этот Михалыч! — доложил, не скрывая радости, начугро. — Уже везем, будем минут через семь-восемь. Опознал он твою ММС-ку. Говорит, что тот браток, который постарше, заезжал вчера ближе к вечеру. Похоже, что из бандитов, но не бычара, потерял какой-то свой груз, бегал, спрашивал.

— Прости, у меня тут второй звонок! — с нотками извинения в голосе остановил подполковника Пашкин. Майор ликовал в душе — раз здесь побывал Верецагин, значит, не пустышку тянем, товарищи!

На проводе ждал Колчин. В его голосе также звучали нотки выскочившего из джакузи товарища Архимеда.

— Нашли иголку в стоге сена, Роман! В ангаре, третьем по счету. "Гелендваген" и фура-длинномер с признаками перевозки железобетонных конструкций. Они стропы прямо в кузове бросили!... Явно впопыхах работали. Стало быть, наш подарочек здесь перегружали, на базе. Осталось лишь, выяснить, тут спрятали или же увезли..

— Увезли, Валентин! — уверенно сказал Пашкин. — Иначе не стали бы труп бросать практически на виду. Да и само... изделие вряд ли оставили без охраны. Так что нужно искать либо другую фуру, либо жэ-дэ состав. Сюда на территорию рабочая ветка подходит...

— В диспетчерскую РЖД уже поехали люди, так что вычислим полюбэ. Не самолетом же они отсюда улетели, в самом-то деле.

"Самолетом, поездом, автомобилем" — подумал Пашкин, завершив разговор. "Пробегают паровозы — привет Мальчишу! Пролетают лётчики — привет Мальчишу! Плынут пароходы — привет Мальчишу!"

— О, мля... — тихо выдохнул майор, уцепив самый краешек мысли, терпеливо вываживая ее, чтобы не дай бог, не вильнула хвостиком, уйдя на дно.

Паровозы, летчики... пароходы...

Твою мать! Пароходы!!!

Пашкин ворвался в сторожку, где ценный свидетель Бероев, коротая время, хозяйственно изучал журнал приемки-сдачи дежурств, сплошь покрытый жирными пятнами.

— Вспоминай, акула капитализма, что у тебя на базе за последние сутки грузили и куда отправляли! В особенности — водой. И только не говори, что не знаешь! У тебя тут, куркуль

ты кавказский, на учете даже крысы с мышами! И зуб даю, каждый второй стучит!

Бероев выеживаться не стал. Понял, что попал под такой замес, что уже не бизнес, тут голову можно потерять в два счета. Потому репу морщил честно, отвечал подробно и обстоятельно. В меру знания русского языка.

— Камэнь взяли, граныт! Тэм утрам и отправлялы. Вот под камэнь эти... нэхорошие вакхабиты, что-то свое и пэрегружалы. Засыпалы потом.

— Точно перегружали?

— Точно, начальнык! Я тут одному ныщему на водка даю. Он в ангар спыт. Высьо, что выдит, мнэ всегда говорыт.

Пашкин махнул рукой прапору, — мигом сюда бомжа! Тот кивнул и, прихватив с собой одного патрульного, затоптал по дорожке. Но пока найдут, пока приведут. Время дорого...

— Что же видел твой человек?

— Сказал, погрузыли что-то балшое, сэрое. Из бэтона. Мэтров дэсят, навэрное...

Бетонное, метров десять. Тут даже мнительный по должности и состоянию души Колчин вряд ли что-то скажет про совпадения...

— Куда пошла баржа?

— Граныт прэфект в Москвэ покупает. Набэрэжную строит. Ну и забирают для своих домов разные люды... Пойдьот до Хымок, потом вэрнется...

Москва! Ну конечно, Москва. По реке, не встретив ни одного поста, можно пробраться к самому центру города...

Появился, сияя, Колчин. Хотел что-то сказать, но глянув на Пашкина, посерел.

— Все так плохо?

— Хуже, блин, не бывает! — Пашкин в двух словах рассказал, что ему удалось узнать.

— В Коломне Москва-река впадает в Оку, так что здесь у водного транспорта даже не два, а целых три направления... — для проформы усомнилось начальство. Работа у него такая, перебрать все возможные варианты, чтобы ничего не прощелкать.

— Проверить, конечно, надо. Но, сам понимаешь, что вряд ли они пойдут на Нижний Новгород или на тот же Серпухов. Так что, давай, звони, чтобы сгоняли все спутники наблюдения и брали на контроль каждый метр реки от меня и до следующего столба.

— Позвонить-то я позвоню, — безрадостно возведя очи горе, сказал Колчин. — Да только хера лысого они там увидят. Ты погляди, над нами ведь ни просвета...

Пашкин задрал подбородок и вслед за Валентином мрачно оглядел плотное серое одеяло, укрывшее небо от горизонта до горизонта.

— Ну хер с ним, пойдём вертушками по-над руслом. У них, Бероев сказал, "Волго-Дон" Если верить справочнику, он длиной метров полторы сотни. И под завязку камнем загружен. Такую посудину и слепой разглядит.

На полпути к вертолетам им встретилась группа из шести или семи сухопарых парней со здоровенными прорезиненными мешками и короткими баллонами черного цвета в сетчатой защите.

— Капитан Анишин! Командир группы боевых пловцов МВС ВВ! — обратился к Колчину старший, белокурая бестия, вылитый генерал Глаголев^[74] в молодости...

— Дно залива шерстить на предмет оружия, трупов и всяческого нетабельного дерьма, которое в воду попало не позже суток назад, — не снижая темпа, отдал распоряжение Колчин. — А вообще, — добавил, он чуть подумав. — Давай, капитан, бери еще двоих и грузитесь со всей снарягой в вертушку. Хрен его знает, как дело там повернется,

может, и поныряем...

Взятых на борт аквалангистов разместили в дальнем углу отсека, потеснив прихваченного с собой Журавлева. Продажный инженер, многократно выпотрошенный в режиме видеоконференции не меньше чем сотней разнообразных экспертов, среди которых оказались и его бывшие сослуживцы, сжался в калачик и замер меж ящиков с лицом Иуды Искариота, разоблаченного товарищами по партии.

Люк закрывать не стали, и сразу же после взлета в лицо Пашкину ударили порывы сырого речного воздуха.

* * *

Судно вышло из-под моста. Река здесь широко изгибалась, и теперь прямо перед Джамалем в каких-то полутора километрах была хорошо видна крепостная стена из красного кирпича с очень характерными, узнаваемыми зубцами — раздвоенными подобно ласточкиному хвосту. Стена прерывалась разновеликими башнями. Ближайшая — выше остальных, похожая на толстый карандаш с острым зеленоватым грифелем и звездой на узкой вершине. Следующие — пониже раза в два и с обилием прямых углов. За стеной просматривалось широкое бело-желтое здание с высоким шпилем на зеленой крыше и три золоченых купола.

Цель была близко, но для идеального выполнения плана должна быть еще ближе, намного ближе. Чтобы исполнить все, как задумано, подрывное устройство следует активировать в самый последний момент. Есть еще минут десять, а то и пятнадцать.

Джамаль, скорее по вьевшейся в кровь привычке, чем по необходимости, внимательно оглядел берега. Не обнаружив ничего подозрительного, достал массивный золотой портсигар. Вынул сигарету, взял, удерживая пятью пальцами, поднес к огоньку бутановой зажигалки. Теперь было можно.

Зелье достигло цели, принесло столь необходимое легкое и недолгое расслабление, прояснив мысли и чувства, изрядно притупленные за бесконечные часы монотонного движения по реке.

Последовательность всех дальнейших действий сто раз продумана и отлажена, как часы. Зачистить экипаж. Подготовить и спустить на воду два четырехместных надувных "Зодиака". Эти лодки с почти бесшумными двигателями фирмы "Джонсон", мощностью под двести лошадей, используемые во всем мире для водных спецопераций, за полчаса домчат их в район Южного порта. Там уже ожидают машины, где боевики, переодевшись в дорогие костюмы и заменив паспорта, доберутся до Домодедово и покинут Россию на самолете "Гольфстрим", принадлежащем иранской частной компании.

Оставался лишь один сложный момент. Два часа, на которые настроен замедлитель у детонатора — большой срок. Особенно, если речь идет об огромной барже, прямо напротив Кремля покинутой экипажем. Судно наверняка заметят и постараются отогнать. Поэтому в трюм уложены десять килограммов взрывчатки. После запуска системы они притопят судно в нужной точке, создав впечатление обычного крушения. Взрыв ничуть не повредит бомбе, спящей под гранитом, но смертельно урежет шансы русских на обезвреживание "подарка из прошлого". Решение не идеальное, но... Всегда остается доля риска. Единственная возможность избежать его — использовать смертника, который замкнет цепь в нужный

момент. Однако подрывник слишком ненадежен, особенно в столь важном деле. Поэтому придется положиться на волю Аллаха.

Музыку, льющуюся из рупора, закрепленного на мачте буксира, сменил блок последних новостей.

"... в ближайший час, — вещала разбитная ведущая, — на лужайке Белого дома ожидается выступление Президента США, в котором, как сообщила служба информации, глава государства сделает заявление исторического масштаба. После выступления Президент сразу же отправится на Капитолийский холм, где будет присутствовать при внесении пакета новых законопроектов, призванных поднять мировую систему взаимной безопасности на неведомую ранее высоту..."

Искренне сожалея о том, что не увидит взрыв, Джамаль выбросил за борт окурок и начал спускаться по лестнице. Сейчас он проведет последний обход. А затем отдаст последние команды.

И наберет заветную последовательность цифр.

* * *

Боевые машины мчались метрах в тридцати от поверхности. Самое то. Ни в мост не впилиться, ни в разнообразнейших рекламных баннерах не запутаться. Над головой ревел двигатель, рядом сидели бойцы в черном. За иллюминатором змеилось русло Москвы-реки. Зафиксированный страховочным леером Иванов, уперев винтовку о бортник раскрытого люка, рассматривал реку через оптический прицел Т-5000^[75]. В глубине отсека боевые пловцы, бесцеремонно задвинув в угол продажного инженера, рылись в сумках и крутили какие-то вентили.

Вот точно так же всего лишь несколько дней назад Пашкин в непонятной роли не то арестованного, не то задержанного летел над Волгой... Но это случилось в иной, прошлой жизни. Сегодня он был не вырванным из привычной среды обитания человеком, тихо мечтающем о гранате, а составной частью сложного воинского механизма. Общности, что приняла майора, проверила в бою и назвала своим.

Это чувство единения — когда ты делаешь нужное дело, плечом к плечу с товарищами, казалось, давным-давно забытое, несмотря на весь ужас-кошмар ситуации (а вероятно именно по этой причине), заставляло без нужды улыбаться и притопывать ботинком по ребристому полу. У тех, для кого риск для жизни — трудовые будни, есть такое понятие — рабочий мандраж.

Из самокопаний его вырвал Колчин, с самого взлета колдовавший над ноутбуком.

— Есть, кажись! — и махнул рукой, мол, скорей смотри.

Пашкин неудобно перегнулся через два ящика и заглянул в экран. Палец командира группы уткнулся в список, озаглавленный как "Перечень обращений в дежурные службы ГУ МВД города Москва, а также МЧС и ФСБ по региону". Короткое, буквально в два предложения сообщение, в любых других обстоятельствах показалось бы полным бредом. Но только не сейчас...

— Охранник шлюза Филеев сообщает, что на только что ушедшем в сторону Москвы сухогрузе типа "Волго-Дон" за номером МП-Р 242 с грузом облицовочного гранита перевозится крупная партия кокаина, — Пашкин продублировал текст сообщения в

гарнитуру. — Похоже, что оно, Валентин! Кто-то еще бьет тревогу. И как бы не Верещагин!

Колчин скрипнул зубами так, что в наушнике застонало.

— Если так, то им по руслу — семнадцать километров до центра. С учетом времени прохождения через шлюз — уже семь или восемь. Мать твою за ногу!

— А нам по прямой — пятьдесят кэмэ, — прикинув по своему навигатору, вымолвил Пашкин. — На полной скорости минут десять лету. Отдавай приказ, командир!

Вертолеты подпрыгнули, набирая высоту, и заметно ускорились. Воздух в открытом люке уже не свистел, а ревел. Бадма втянул винтовку в отсек и заворчал некормленным ведмедём, разбуженным посреди зимы. Остальные бойцы заелозили, проверяя оружие. Боевые пловцы дружно насупились и ускорили подготовку своего хитрого снаряжения. Журавлев побледнел еще больше и загнанной крысой вжался в ребристый угол.

Треугольник на экране навигатора резко развернулся и рывками начал перемещаться к центру паутины, образованной линиями дорог.

* * *

— Кажется, началось, сэр!

Голос директора ЦРУ ощутимо подрагивал.

Морган чуть приглушил звук телефона, оберегая слух, и хмыкнул, поощряя собеседника к продолжению.

— Служба внешнего мониторинга сообщает, что за последние полчаса территорию Кремля через разные ворота покидает уже третий правительственный кортеж. Кто внутри машин — непонятно, но все они движутся за пределы города, при этом разъезжаясь в противоположных направлениях.

— Это все?

— Нет. Из комплекса зданий администрации президента вышло четыре грузовика с закрытыми кузовами. По заключению аналитиков, вывозятся сверхважные документы. Кроме того, сразу от трех наших агентов в высших эшелонах власти получена информация, что в кругу "своих" со скоростью звука разносится слух про какую-то экологическую катастрофу. Похоже, что в столице у русских скоро начнется паника.

— Твое мнение?

— Они что-то узнали. Но узнали совсем недавно — час или два назад. Слишком уж поспешно все происходит.

— Наблюдайте! — сухо сказал советник. — О любых новостях докладывать мне немедленно.

Отключившись от Лэнгли, Морган набрал дежурного офицера ОЦНБ.

— Выведите в мой кабинет изображения видеокамер с места, где обнаруживается объект.

— Он движется, сэр, а мы получаем сигналы раз в двадцать-тридцать минут. Вы желаете получить экстраполяцию?

— Я желаю наблюдать за тем местом, где должен находиться объект, умник! — рявкнул Морган на офицера. — А свои университетские словечки прибереги для официальных отчетов.

— Слушаюсь, сэр! — Не скрывая обиды в голосе, произнес дежурный и отключился.

Буквально через несколько секунд телевизионную панель, закрывавшую полстены, начала заполнять мозаика изображений с камер наружного наблюдения.

Немного поколебавшись, советник склонился к тумбочке, в которой прятался офис-бар, выставил на стол початую бутылку виски, массивный стакан. Затем, обернувшись, извлек из сейфа заполненный лист президентского указа. Плеснул на палец бурую ароматную жидкость, сделал глоток и откинулся в кресле, наблюдая за мельканием десятка разнообразных картинок, на каждой из которых просматривалась либо водная гладь, либо башни крепости, в которой укрывалась резиденция русского президента.

В эту минуту немногие посвященные замерли в своих кабинетах и отслеживая красную точку на электронных картах. Прочие обитатели Белого дома затаились, притихли, звериным чутьем опытных аппаратчиков ощущая растекающееся по зданию напряжение. Оно повисло над зданием, необычно сильное даже для места, которое уже на протяжении полувека являлось средоточием самой большой в мире политической власти.

* * *

Времени, прошедшего с того момента, когда распахнувшиеся ворота шлюза выпустили наш катер, как раз хватило, чтобы я сумел более-менее освоить управление. Рыскавший поначалу вправо-влево, теперь он несся с яростью взявшего след гончака.

Городские районы, мимо которых мы несемся, живут обычной воскресной жизнью. По набережной шляются москвичи и понаехавшие гости столицы. На мосту, к которому мы подходим, потихоньку сбивается пробка. А где-то впереди по грязной реке ползет невидимое пока что корыто, доверху набитое колотым гранитом, медленно, но верно приближаясь к цели... Цель его ясна и понятна — вон она, там, где над приближающимся мостом виднеются зубчатые стены и остроконечные башни.

А вот погоня наша, похоже, что завершается. Выкатившись на мелкой волне из-за очередного поворота, наблюдаю бело-голубую корму, скрывающуюся под пролетом массивного каменного моста. Теперь проще — цель видна, идем за ней. Бинобль у меня мощный, с его помощью удастся в подробностях разглядеть приземистый длинный корпус, низкие борта, опустившиеся под тяжестью целой горы из камня, надстройка на корме в три этажа.

Оцениваю обстановку. Нет, конечно, в самых радужных своих планах я и не рассчитывал обнаружить речника, конвоируемого по бокам невесть откуда взявшимися на Москва-реке пограничными катерами класса "Гриф". Но в глубине души надеялся на совсем другую картину.

К примеру, зависший вертолет, с которого на палубу один за одним сыпятся крепкие хлопцы с очень современным оружием. Ну или, на худой конец, группу разнокалиберных, но серьезных до невозможности машин на набережной, над которыми переливается цветомузыка всевозможных мигалок и прочих "синих ведерок". Нормальную, блин, рабочую суету, наглядно свидетельствующую, что за спасение окружающей среды теперь отвечает кто-то другой.

Но похоже, мой "гениальный" план завершился полным провалом. То ли дежурный послал подальше вохровца с его маразматическим докладом, то ли суровые мужики из ФСКН не без оснований решили, что эффектные маневры на виду у высокого (куда уж выше)

начальства чаще всего завершаются не звездами на погонах и интервью в новостных программах, а переводами к новому месту службы в солнечный Мухосранск.

Нет ни спецмашин, ни спецназа. Даже конницы Буденного не наблюдается... Лишь серое небо, черная рябь воды да лощеная новокупеческая недвижимость, тянущаяся вдоль реки.

Призрачные воспоминания о будущем улетучиваются сигаретным дымом на сквозняке. Эх, не сидеть мне в теплой уютной камере, которая помнит суровых старцев ГКЧП, не давать с радостью показания серьезному и въедливому, подчеркнуто корректному дознавателю в чине не меньше полковника ФСБ...

Ну что же, теперь нужно принимать окончательное решение.

До Кремля осталось минут пять-десять. Поднимать тревогу просто нет времени. Так что работать мне предстоит в одно лицо. На свой страх, риск и панику... Прячущийся в капюшон штормовки засопливевший Бонд-Беркович не в счет. Толку от него, как от попа в солдатском борделе...

Привычно поминаю собаку в колесе. Дождавшись, пока катер окажется точно под мостом, притираюсь к опоре и тяну на себя ручку газа. Катер, сбросив скорость, тут же оседает, ткнувшись в черную маслянистую воду, изобильно несущую разный мусор. Ветер, бьющий до этого в лицо, стихает. В воздухе тут же появляется запах сырости, который раньше сносило ветром.

Толкаю Берковича:

— Давай вниз, за оружием. И броню нацепи.

Протормозив пару секунд, Жужик с грацией хромоногого калеки обрушивается по трапу.

Пока американский шпион неуклюже возится в роскошной, рассчитанной на ублажение холеных девок новорусской каюте, пользуюсь паузой, чтобы подумать о своей дурацкой судьбе. Какого хрена, спрашивается, я в это вообще полез? Даже сейчас, скорее всего, не поздно развернуться и дать по газам. Там на борту, поди, не водородная бомба, если отскочим на полста километров, да еще против ветра, то сто пудов уцелеем.

Вот только после этого моя жизнь не станет веселее и проще. А как-то даже наоборот. Нет, затихариться в том бардаке, который наступит в мире через пару часов, будет несложно. Только вот дальше придется жить с пониманием, что мог, имел шанс спасти жизни миллионов людей, но сбежал. А такое понимание — прямая дорога к язве с циррозом печени...

Ну и, опять же, дядю Лешу, если он жив еще, надо спасать. А вместе с ним и Ольгу, и русинскую роковую нимфетку — Милу. Вот надо ж было оказаться в полукилometре от верной смерти для того, чтобы признаться самому себе в том, что я люблю девчонку. Люблю как женщину, сильно, по-настоящему и несмотря ни на что. Как не любил ни разу в своей бестолковой жизни.

Вот такое признание получилось самому себе. Легко получилось, на удивление легко. А ведь мог и раньше решиться.

Сколько всего изменилось бы. Или нет?..

Додумать тягостную мысль не успеваю. В люке появляется голова Берковича, и я прилагаю титанические усилия, чтобы не отвесить лопухому напарнику полновесный ревнивый подзатыльник. В руке у наследника холодной войны автомат, который он держит, будто чемодан, ухватив за прицельную планку. Плечо перевешивает рюкзак, бугрящийся

магазинами. Чуть было не срываюсь на мат из-за черепашьей медлительности напарника, но посмотрев на часы, сам себя одергиваю. Время растянулось для меня, а на деле, Алан справился с задачей удивительно для него быстро.

Мутная серо-зеленая вода разбегается длинными узкими волнами — баржа взбаламутила, оставляя кильватерные струи. Вдоль бортов катера крошечными лодочками проплывает мелкий мусор — какие-то пробки, пустая бутылка. Мусора, впрочем, немного. А по сторонам идут сумрачные берега, забранные в рубашку из крупных плит гранита. Гранитные стены опускаются к воде с плавным изгибом, так что кажется, что мы плывем по огромной трубе, разрезанной вдоль. По правую руку близится высокий красный дом не то в три, не то в пять этажей еще с какими-то пристройками на крыше. Окна высокие и узкие, наверное, дореволюционный домик...

Эх, походить бы потом по Москве да посмотреть, что это за дома, потрогать гранит набережной... И поспрашивать у знающих людей, что за дурная надпись над самой водой большими синими буквами "из ресторанов в космос не летают"?

Мысли бегут себе, а я тем временем забиваю в подсумки бронежилета магазины, застегиваю ветровку. Со стороны, наверное, кажусь тем еще колобком... А теперь уже не время думать о всякой чепухе и я, не заморачиваясь торжественностью момента, вручаю Жужу трофейный ПБ с открученным глушителем. Плюс к нему оба имеющихся в наличии снаряженных магазина. Мне третий пистолет сейчас без надобности, а шума нам требуется как можно больше. Знал бы, "Зарю" светозумовую прихватил в дядилешиных закромах...

Привычная суета с амуницией отгоняет мрачно-дурные мысли. Убедившись, что броники не видны под ветровками, а стволы, что спрятаны в кокпите, не просматриваются снаружи, заламываю фуражку, запускаю движки и резким движением выбрасываю катер из-под моста. Корма баржи, которая уже поравнялась с державными стенами, растет и ширится на глазах.

* * *

Убедившись, что люди готовы к эвакуации, Джамаль спустился из рубки на грузовую палубу и двинулся вдоль борта к месту, где было спрятано управляющее устройство. Но тут внимание курда привлек новый объект.

Из-под моста, чьи перила в изобилии украшали навесные замки, защелкиваемые новобрачными на долгую и дружную жизнь, с оглушительным ревом, вспенивая перед собой буруны, вылетел красивый и по виду очень дорогой катер. Не прошло и минуты, как он догнал сухогруз и пошел вдоль борта. Джамаль поморщился. Еще по Эмиратам он знал, как обожают богатые русские носиться по водной глади, будучи при этом пьяны до такого состояния, что назвать его свинским — значит оскорбить животное, в сущности, невиновное в собственной нечестивости...

Джамаль помянул Шайтана и возвратился к рубке.

— Будь внимателен, эти собаки могут в нас врезаться, — предупредил он бойца, стоящего рядом с рулевым. Боец кивнул. Рулевой покосился на разговаривающих не по-русски нанимателей и промолчал, продолжая бдительно тарачиться прямо по курсу.

Джамаль вытащил рацию из кармана штормовки, что сменила привычный камуфляж: — Меван, Надар, Шариф, быстро наверх!

Трое бойцов появились мгновенно.

— На позиции, — коротко приказал будущий президент суверенного Курдистана. — Как только катер уйдет вперед — сразу же начинаем.

Чтобы сдержать нарастающее волнение, он присел, раскурил новую сигарету. Пока Джамаль раздавал команды, он отвлекся от катера, а когда снова нашарил его взглядом, то нехороший холодок пробежал по спине струйкой пота — катер шел совсем близко к борту, и на его носу маячил смутно знакомый человек в помятой черной фуражке...

* * *

Из последних артистических сил изображая подвыпившего братка, подвожу катер поближе к барже. Не посмотришь — не увидишь, не расспросишь — не найдешь. Или, как любил говорить отец, работая с документами, советская разведка работает хорошо и метко. В общем, провожу, как учили, рекогносцировку.

Первый и самый важный результат наблюдения — специзделие все еще на борту. Гранитная гора, что горбатясь заполняет грузовой трюм от носа до кормовой надстройки, явно никем не тронута.

Так, теперь, имитируя мутного и нетрезвого хама, определимся с личным составом. Рулевой — обычный матрос, но рядом с ним в рубке — чернявый горбоносый парень, щетинистый, будто дикобраз. Еще один, стройный-широкоплечий с военной выправкой, сидит с загадочным видом на верхней палубе возле рубки, курит.

Значит не ошиблась старая вохра, боевики на борту имеются. И надеяться на то, что среди них нет толковых профессионалов, в сложившейся ситуации, мягко говоря, наивно. Охрана груза поставлена как положено. Меж камней на продуманно выбранных и оборудованных позициях маскируется по меньшей мере два душмана. Это те, которые на виду. Еще один-два просто обязаны контролировать механика у движка. А если экипаж еще не перебит и не выброшен за борт, то минимум один гад сидит где-то в кубриках, заложников сторожит. Я специально уточнил по дороге у своих речников — у "Волго-Дона" по штатному расписанию, которое, впрочем, редко выдерживается, одиннадцать человек в команде.

Дед на шлюзе говорил, что черных минимум шестеро. В общем и целом, сходится. Так все же смертники они или нет? Если да, то слишком уж, подчеркнуто как-то, спокойны. Бомба рядом с Кремлем, тут бы самое время коврики расстелить и начинать бить поклоны в сторону Мекки — готовиться к попаданию в рай. А они смотрят на меня хмуро и безразлично, по палубе взад-вперед круги нарезают. Нет уж, зуб даю, смыться они хотят, и попасть под удар никоим образом не планируют.

Если, конечно, героическую гибель не спланировали за них те, кто устанавливал на взрывном устройстве время срабатывания. Хотя, вариантов, чтобы произвести дистанционный подрыв, масса — от банального детонатора, подключенного к мобильнику, до сложной электроники, срабатывающей в момент, когда датчик оказывается в заданном квадрате.

Но, с другой стороны, если поставить себя на их место, риск от несрабатывания или, наоборот, срабатывания не в нужное время и неправильном месте должен быть сведен к нулю. Это вам не двести кило гексогена, которые, если вдруг не взорвутся, то могут

подождать другого раза. А значит — устройство подрыва, если это, конечно, не часовой механизм, должно быть связано с бомбой исключительно проводами.

Хмыкаю, представив себе избитую голливудскую сцену — Виктор Верещагин, победивший всех врагов, нервно сжимая потными пальцами кусачки маде ин Чайна, перебирает жгут веселеньких разноцветных проводков, размышляя о том, какой из них нужно перекусить в первую очередь. И мне в очередной раз становится не по себе... Хотя бы от того, что я слишком хорошо знаю — проводки весело режут только в кино, в жизни таким манером только подрывают заряд раньше времени...

Подтверждают мою догадку про жизнелюбие ядерных террористов две надувные лодки, развернутые на самом носу. Здесь же и баллон, явно со сжатым воздухом, и два серьезных движка, с которыми возится очередной хмурый абрек.

Молясь, что на борту не припрятано никаких отморозенных девиц в паранджах, — расходного материала, способного во имя Аллаха нажать на кнопку, не думая ни о собственной жизни, ни о прочих последствиях, оцениваю последовательность действий.

Приняв за основу версию о проводном устройстве с таймером, прикидываю, что его-то и требуется изыскать в первую очередь. При этом производя как можно больше шума. Впрочем, особых стараний для этого, на мой взгляд, и не требуется — беготня людей с автоматами, и стрельба прямо напротив кремлевских стен вряд ли останется без внимания.

Где искать? Вскрытие и покажет. Какое место они охраняют, то, стало быть, нам и нужно. А воевать на барже, вся середина которой представляет собой стометровую гранитную насыпь — самое оно, есть где спрятаться и скрытно перемещаться. Стало быть, первая задача — не вызывая особенных подозрений сблизиться и попасть на борт. А там уж как карта ляжет.

Еще раз прокручиваю ситуацию, понимая, что отработать по моему сценарию вчистую вряд ли удастся. Слишком много в нем "если". Если сумеем подойти вплотную, если получится оказаться на борту "Волго-Дона", если меня не задавят подавляющей огневой мощью... Но об этом лучше уже не думать. Как пойдет, так пойдет.

Осталось лишь сделать крайний инструктаж боевому напарничку.

— Слушай меня сюда. В Суареса с Хэчкоком^[76] не играть! Твоя задача — прикрывать мне спину. Стрелять на звук, позицию менять. Понял? Ты же морпех, Беркович! — добавляю, увидев, как бледнеет Жужик.

Заслышав про Корпус Морской Пехоты, Алан пытается выпятить тощую грудь. На секунду мне становится очень жаль, что приходится тащить за собой этого лопухого мальчишку...

— Кончатся патроны — забивайся в угол. И начинай молиться Яхве своему, или кто там у вашей секты главный.

Джеймс Бонд сосредоточенно кивает и берет пистолет. Видно, как бледнеют пальцы, вцепившись в старый советский пластик. Не ссы, пиндосская твоя душа! Мне самому страшно.

— Все понятно?

Жужик снова кивает. Получив оружие, он на удивление быстро успокаивается. Вот и замечательно. Не хотелось бы получить шальную в спину. Матерясь про себя, что не успел заскочить в галюн, складываю приклад, повернувшись спиной к барже, прячу автомат под штормовку, накинув ремень, переставленный на заднюю антабку через плечо. Последнее что делаю — снимаю фуражку и кладу ее на панель управления. Резкий поворот небольшого

штурвала, и катер подходит вплотную к борту.

* * *

Катер обогнал баржу. Джамаль вздохнул с облегчением и встал, готовясь отдать команду. Но проклятый русский, действительно пьяный, судя по рысканью дорогой и чувствительной к малейшему движению штурвала игрушки, похоже, решил развлечься. Он пересек курс баржи, заложил, сильно накренившись, глубокий вираж и начал, сближаясь, заходить с левого борта.

На кремлевских стенах просто не может не быть наблюдателей. Любая подозрительная возня прямо напротив правительственной резиденции непременно привлечет их внимание. А внимание профессиональных охранников было далеко не тем, что нужно сейчас Джамалю...

— Шариф, прогони его, любой ценой прогони! — пробормотал Джамаль в переговорное устройство. — Если потребуется — убери. Только тихо и аккуратно, чтобы не было шума.

В рубке катера, как выяснилось, находился еще один человек. По приказу стоящего у штурвала, он неуклюже перелез к борту и вывалил наружу несколько ярко-красных резиновых цилиндров. Кранцы ставят, стало быть, все же хотят пристать к барже. Зачем?.. Нет разума в поведении пьяницы, сам Шайтан ведет его. Ну что же, эти собственноручно избрали себе судьбу...

— Стоп, машина! — распорядился Джамаль, заглянув в рубку. Сам же спустился вниз и перешел на другой борт.

Если люди на катере проявят благоразумие, то Шариф их отпустит. Не нужно, чтобы они видели лицо Джамалю. После того, как это незначительное препятствие будет устранено, останется лишь перебраться через гору камней и извлечь из ниши устройство. Но все же, где он мог видеть этого нелепого капитана? Или подсознание, подхлестнутое наркотиком и обостренное важностью происходящих событий, подкидывает топливо для вполне объяснимой в таких условиях паранойи? Впрочем, это уже несущественно. Ведь все решится в ближайшие пять минут. Достаточно набрать код, и все последующие действия станут необратимы.

* * *

Хорошо, что МП-Р 242 так основательно загружен. Корпус сидит в воде чуть ниже ватерлинии. И наши палубы примерно на одном уровне. На борту уже поджидает "черныш".

— Слышь, адмирал! — кричу я как можно наглее, одновременно сбрасывая обороты и притираясь вплотную к борту. Стараюсь стоять чуть боком, чтобы чуть выпирающий автомат не спутал всё раньше времени. Хорошо, что в последний момент погнался Жужика, чтобы тот кранцы вывесил. Иначе нас бы уж совсем за безбашенных приняли и, соответственно, напряглись... — Камушка не продашь? У меня тут дачка рядом...

Не дожидаясь ответа от явно зависшего боевика, перепрыгиваю на судно.

Нет, не чечены. Совсем другой типаж. И позиции у них подготовлены. Доплюсовываю

еще одного противника. Итого — шестеро...

Не вытяну, никак не вытяну в одиночку. Похоже, тут Верещагину и кранты пришли... Но пока голова активно перекручивает похоронные мысли, руки и язык делают свою работу.

Боевик молча машет рукой, мол, вали, и движется на меня, преграждая дорогу. Кошусь на "ксюху", которую "носорог" держит у ноги. Какой у него пламегаситель занятый, комбинированный с глушителем. И где только АКС-74УБ нашли, инсургенты?!

— Да ладно тебе, братан! — примирительно говорю я, напяливая заискивающе-испуганную улыбку (а кто в штаны адреналин не выделит, наткнувшись на древней калоше на вооруженную охрану?) и, дождавшись, когда басурманин сделает еще пару шагов, оказавшись почти вплотную, бью ножом в шею. В корпус надежнее, но мало ли, вдруг под камуфлом тонкий кевларовый бронежилет, против которого клинок не особо и действенный. Там колуном надо ребра крушить...

Время растягивается. Вот пальцы смыкаются на скрытой рукояти — чувствую каждый рубчик на кратоне. Клинок пошел из ножен, мягко, с чуть заметным усилием, щелкнул зубец, что входил в пазик, фиксируя нож. Мой враг успевает заметить движение, и наступает тот момент, когда разум уже осознает неизбежное, но не успевает отреагировать. Его глаза совсем близко, и я вижу, как зрачки противника резко сужаются, превращаясь в булавочные острия. Но поздно, слишком поздно.

В горло, прикрытое лишь воротником, клинок входит чуть ли не по рукоять. Тут же выдергиваю нож, отступив на полшага в сторону. Крови немного.

Боевик, роняя автомат, тарашит и без того выпуклые глаза, тянется к ране. Не дотягивается. Ухватив за куртку, помогаю свежеубиенному ухнуть за борт. Черт, хорошо пошло! На самом деле, убить человека ножом легко. Трудно сделать это быстро, даже имея сноровку. Минус один.

С берега все это выглядит невинно и незаметно, но вот те, кто наблюдают за мной с борта, реагируют мгновенно и адекватно — вскидывают стволы. Нужно уходить из простреливаемой зоны. Не дожидаясь радостного плеска, с которым грязная вода реки примет тушку кавказского гостя, рыбкой сигаю за камни. Отбивая бока и рассаживая руки, откатываюсь в сторону. Не ошибся. Знакомо и зловеще кашляют глушаки на стволах, а место, где я только что стоял, брызгает осколками. Оперативно-то как... Эх, где вы, наспех мобилизованные горные бандиты с русинского асфальтового завода? Я бы охотно променял бы на вас нынешних, гораздо более опытных бойцов. Правда, без доплаты...

Вдруг динамик, установленный на крыше рубки, перестает изрыгать радиопопсу и раздражается ритмичными ударами гитарных рифов:

Как засмотрится мне нынче, как задышится?

Воздух крут перед грозой, крут да вязок.

Что споется мне сегодня, что услышится?

Птицы вещие поют, да все из сказок...

Песня отлично знакома. Высоцкий. Называется, кажется, "Купола"^[77]. Вздогнув от неожиданности, вдруг ясно припоминаю детали, совершенно ненужные с учетом

окружающей обстановки. Сейчас над рекой и стенами древнего Кремля разносится самый сильный ее вариант — из "Канадского альбома". Не под гитарный перебор, а в сопровождении профессионального струнного оркестра, придающего тексту и мелодии особый смысл и глубину. Отец с Владимиром Семенычем был знаком, общался, когда тот в Киев приезжал на гастроли. На похороны даже втихаря в Москву уезжал. Ну и меня, само собой, приобщил.

Надо же, какие интересные мысли и воспоминания приходят в голову под цокот раскаляемого пулями гранита....

Вроде бы написал Высоцкий эту мощную балладу то ли вдохновившись картинами друга-художника, то ли для какого-то глупого фильма, в который, в конечном итоге и не вошла, а вот, поди ж ты, теперь под нее мне придется принимать бой.

И, кажется, что в самом прямом смысле — последний...

21. Уйти с баркаса...

В Москве Пашкин бывал всего-то пару раз, да и то, по сути, проездом. Ни родни, ни друзей у него здесь не имелось. Вокзал, метро, родная управа, ведомственная гостиница, марш-швырок по магазинам, скорый обед в фастфуде — вот и все впечатления о столице. "Все говорят: Кремль. Кремль..."

Последний проезд с "покупателями" от аэродрома до подмосковной базы вообще не в счет. Так что город, над которым неслись вертолеты, выжимая все возможное из движков, был для него "террой инкогнитой".

Несколько лет назад на курсах повышения квалификации им рассказывали, что в Лондоне и Вашингтоне каждая третья крыша приспособлена под посадочную площадку. И шнырять над городом на винтокрылом транспорте в тех краях может себе позволить любой состоятельный человек. Короче — бардак, разврат и поощрение воздушного терроризма!

Россия в этом вопросе традиционно строга. Столичные чиновники давно бы и с превеликим удовольствием сменили кортежи на вертолеты, но мирный сон москвичей и безопасность первых лиц государства — прежде всего! Полеты над Москвой контролируются даже не ПВО, а Федеральной службой охраны. Опять же, против лома под названием "Стрела 2М"^[78] для низколетящих воздушных целей пока что не придумано действенного приема. Вот и приходится олигархам, министрам и даже самому президенту добираться к рабочим местам под убаюкивающие завывания автомобильных сирен.

Казалось бы — лети и упивайся счастливым случаем и собственной крутостью. Только вот радости от этого вип-полета Пашкин, по вполне понятным причинам, испытывал не больше, чем боец, идущий в атаку на поле, засеянном противопехотками ПМН-4...^[79]

Одно только бросилось в глаза и крепко запало в память. Город не казался чем-то единым целым. Скорее конгломератом случайных архитектурных идей разных эпох, собранных с бору по сосенке. Будто в одной фантастической книге, а может быть и в фильме, где коварные инопланетяне для каких-то неведомых чуждых целей стянули на огромную площадь здания и районы со всех уголков Земли...

— Есть!!! — во весь голос проорал Колчин. Его услышали даже без гарнитуры и невзирая на рев движков, доносящийся из открытого люка. — Есть баржа!

— Где? — придерживав машинальным движением микрофон, спросил Пашкин, разглядывая беспорядочную россыпь домов, рассеченную улицами с разноцветными прямоугольниками машин.

— В звезде! Прошла Большой Москворецкий! Считаю, почти у Кремля.

— Эвакуацию объявили?

— Ты чего, офуел, контразведка?! Десять миллионов душ. Если паника начнется, то в давке погибнет больше, чем в Хиросиме с Нагасакой... О, наблюдатели со стены докладывают. Баржа снижает ход. К ней какой-то катер пристал. Так... Блин, стрельба вроде бы началась... Да, стреляют!

— Там есть хоть кто-то из наших?!

Пашкин не уточнил, кого имеет в виду под "нашими", но его поняли с полуслова. И ответили:

— Войска, какие могут, уже подтягивают. Гайцы уже в работе. Кремлевский полк портянки мотает, готовится стать в оцепление. Но если рванет, то фули от них толку...

"Пиндец, приплыли" — это было единственным, что успел подумать майор до того, как вертолеты, обойдя по дуге очередное скопление пафосных "несоветских" высоток выскочили к самому центру Москвы.

Перед глазами Пашкина лежало самое что ни на есть "сердце родины". Зубчатые стены, сверху кажущиеся приземистыми. Река, размашистой излучиной задевающая неровный треугольник Кремля. Неестественно длинный корпус судна, просевшего почти до бортов под тяжестью неподъемного и страшного груза.

* * *

Автоматная очередь прозвучала как гром среди ясного неба. Джамаль, по выработанной годами привычке, еще не успев ни о чем подумать, упал на камни. Быстро огляделся, крутя головой. Что произошло между Шарифом и пьяным русским курд видеть не мог, потому что находился на противоположной стороне насыпи. Но если Авдар, находящийся в рубке, открыл огонь — значит на это были серьезные основания.

— Он убил Шарифа ножом и укрылся в камнях! — доложил Авдар, не ожидая вопроса.

Джамаль бессильно скрипнул зубами. Теперь не оставалось ни малейших сомнений в том, что катер появился не случайно. И поняв это, курд отчетливо вспомнил, где видел проникшего на борт человека. Именно эти упрямые пронзительные глаза смотрели на него со страниц личного дела Виктора Верещагина. Человека, который с самой Русы упорно двигался по следу Джамалья. Стало быть, догнал, герой-одиночка.

— Внимание! — коротко произнес Джамаль сжимая рацию с такой силой, что костяшки побелели. — Убейте его, не мешкая! Как уберете русского, сразу же уходите на нос и спускайте на воду лодки. Мне нужно, чтобы правый борт был свободен!

Не успел он закончить, как из рубки и с позиций на насыпи послышались короткие, в два-три патрона, очереди. Курдские воины были профессионалами и, в отличие от голливудских творцов, знали, что длинными очередями из автоматического оружия стреляют только киногерои и дураки — магазин пустеет за три-четыре секунды, при этом в цель попадает в лучшем случае первая пара пуль.

* * *

Птица Сириин мне радостно скалится.
И ФилИн, зазывает из гнезд.
А напротив тоскует, печалится,
тр-р-р-р-авит душу чудной Алконост.

Бьют сразу с нескольких точек, видать, координируются по рациям. То место, где я стоял какую-то секунду назад, засыпает гранитной крошкой. Ворошиловские стрелки, блин!

Молясь всем богам, чтобы автомат не запутался в ветровке, выдергиваю его из-под одежды. Вскидываю и даю неприцельную очередь — прицельной с одной руки и не

получится. Высовываться опасно, а вот показать противнику, что у нас самих револьверы найдутся — очень даже реально. К тому же, надо попробовать засечь примерное местоположение стрелков...

Краем глаза ловлю шевеление между "ласточкиных хвостов" кремлевской стены. Вот откуда вся диспозиция как на ладони. Будь наверху парочка толковых снайперов даже с антикварными СВДшками, было бы легче, они бы не давали боевикам свободно перемещаться. Вот только похоже дрыхнут местные ФСОшники, будто медведи, а я тут...

После очередной неприцельной очереди из-за камней слышится крик, переходящий в стон. Ага. Прилетело кому-то по разнарядке лотерейное письмо счастья. И очень надеюсь, что не в мягкие ткани, а с хорошим и качественным огнестрельным переломом.

Вражий стон перекрывает частая пистолетная стрельба со стороны катера. Похоже мой цэрэушный ковбой очухался, и садит часто, словно из автомата. Как бы пальчик себе не натер...

Не дожидаясь, пока боевики сообразят, что нас всего двое, меняю позицию и кричу в сторону рубки с расчетом на речников: "В воду прыгайте, мужики!". Из-за спины, после недолгой паузы, снова грохочет. Похоже, мой Джеймс Бонд научился менять магазины.

Не давая себе засохнуть, а врагам пристреляться, присматриваю ложбину в камнях и рывком меняю позицию. Справа на меня вылетает горный орел. Видать тот самый, задетый. Держится за правое плечо, по которому расплзается кровавое пятно. Борзый и смелый, но от боли медлительный. Я успеваю раньше.

Первая пуля попадает почти рядом с раной, и потемневший от крови камуфляж разом делается почти черным. Вторая врезается аккурат в череп, и выглядит это не в пример эффектнее, хотя и до отвращения грязно.

Укрывшись за конвульсирующей тушкой, перезаряжаюсь. Не забывая орать на разрыв гортани древнюю мантру:

— Вы окружены, сопротивление бесполезно!!! Всем немедленно сложить оружие и выходить по одному, иначе открываем огонь на поражение!!!

Естественно, никто сдаваться не собирается. Не тот контингент. В ответ прилетает несколько очередей. Ага, щас. Я среди камней, и чтобы меня гарантировано положить, хлопцам треба мыномёт. На крайняк — удачно брошенная граната. А вот гранат, в отличие от ядерной бомбы, на мое счастье, у них похоже и нет. Или есть, но супостаты все еще опасаются шуметь, во избежание.

В паузах между очередями слышу сдвоенный всплеск с кормы. Кажется, матросы въехали в ситуацию и, забив на гешефты своих незаконопослушных пассажиров, покидают "Титаник".

Еще одна очередь высекает искры из гранитных глыб. Так, а ведь сейчас поймут, что меня не достать и, сухой буду, станут лупить по нашему десантному средству. А той дойче пластмассиш много не надо. Утопят с двух магазинов.

Но теперь интеллигентски рефлексировать поздно.

— Беркович, уходи с катера!!!

Чтобы прикрыть пиндоса, даю длинную, патронов на десять, очередь. Похоже Жужик услышал и внял. Слышу шлепок за спиной. Бросаю короткий взгляд назад. Есть, приземлился и живой. Ошалевший немного, и рожа подрана, наверное, в катере битым стеклом кабины посеколо, но это в сложившейся ситуации сугубые мелочи.

Мой шпыгун успевает вовремя — по катеру молотят уже из трех-четырех стволов. Тут

не всякий МТ-ЛБ выдержит, а уж борта сугубо мирной игрушки... Белоснежная рубка рассыпается на мелкие осколки, и борт дорогой покупки на глазах превращается в решето. Жаль денег Короленко. И красивое изящное суденышко тоже. Но почему-то больше всего жаль подаренную фуражку... Ну ничо, победим, на допросе скажу, что в подкладке коды доступа к центральному компьютеру ЦРУ, водолазы достанут.

Стрельба становится громче. Глушаки они, что ли, скрутили? Хотя, что удивительного. Обстреливая меня и катер, они высадили не по одному магазину. А потроха в ПБС-4 хорошие, но не вечные. Но шум нам на руку! Часть гадов выведена из строя, мы на судне, патроны есть...

Чтобы не расслаблять клиентов, поднимаю над головой автомат, и даю очереди в направлении звука. Сам же в это время верчу головой на триста шестьдесят градусов. Берег осматриваю, ожидая хоть какой-то подмоги. Надежда, она как говорится, помирает обычно крайней...

— Вот, вот... — Беркович бормочет что-то непонятное и дергает меня за ногу, вжимаясь в гранит при каждой близкой пуле — а их, пуль этих, скажем прямо, до хренища. Я отмахиваюсь той же ногой и рычу сквозь зубы — вот не нашел Жужик лучшего времени... Только недоделанный шпиен все настойчивее.

— Вот! — почти кричит он. — Ты забыл!

Только тут я скашиваю глаз и замечаю, что камрад протягивает мне... а протягивает он мне тот самый военно-морской раритет, который я уже заочно похоронил на дне.

— Ты забыл...

Я бы умилился, только слишком все быстро развивается. И слишком страшно. Поэтому ограничиваюсь тем, что забираю головной убор, кладу рядом и молча киваю, пытаюсь изобразить на лице выражение благодарности. Получается плохо. Позицию мы сменить не можем, а противник свободен в маневре. И обкладывает нас все плотнее. Еще чуть-чуть, и изничтожат, как Ленин буржуазию. В нос лезет специфический запах пороха и жженого камня.

Ну слава вечнотворящему, наконец-то, эти их в нос, нас заметили! Правда не оборотни в погонах, а мирные случайные штатские. Еще бы не заметить, когда прямо напротив Кремля шкварит полноценная перестрелка, тут и слепоглухонемой обратит внимание.

Народ, гуляющий на мостах, столпился у ограждения. На набережной начинают притормаживать автомобили. Вот прямо напротив баржи резко затормозил черный "Хаммер", обвешанный прожекторами, как осветительная установка со стадионного рок-концерта. Из дорогой коробки вываливаются четыре братка без галстуков, но в пиджаках. Словно школьники на линейке, они, выстроившись на парапете, начинают лихорадочно снимать происходящее на гаджеты. Ну эти его мать, как измельчало все в датском королевстве! Братва — и хоум-порно... то есть видео...

Такими темпами через час сюда подтянется Кантемировская дивизия, а через пять минут пожалуют CNN и LifeNews. Только вот жить в эту пору прекрасную и попасть в телевизор — для меня с Берковичем реально проблема.

* * *

Сделав нырок, вертолеты обогнули стену зданий, выстроившихся вдоль набережной и с

резким разворотом вышли к речному руслу. До баржи оставалось не больше чем сотня метров. Пашкин отлично видел все, что происходит внизу.

К борту притерся снежно-белый катер из недешевых. Похоже на нем террористы и планировали свалить по-тихому. Ан нет, все наоборот. Прямо на глазах надстройка с кучей непонятных антенн-радаров посыпалась, иссеченная автоматными очередями. Из рулевой рубки в воду сигануло трое или четверо в тельняшках. Похоже, команда под шумок отрабатывает вводную "спасайся, кто может".

— Там уже бой идет! — рявкнул Колчин. — Слышь, ядерщик хренов, что будет если мы по ним сверху начнем палить?

— Изд-делие н-не п-пострадает, — хныкнул из угла Журавлев, лязгая от страха зубами. — С-само устройство управления от м-механического повреждения н-не сработает — т-т-а-ам надо обязательно набирать код запуска. Но вот если кто-то пошлет этот код в блок управления д-д-детонатора, тогда его ничем и никак не отменить.

— Замедление два часа? — уточнил Пашкин.

— Сто д-двадцать минут, — плаксиво подтвердил Журавлев. — И блок управления залит б-бетоном.

— Нужно подходить вплотную, и со всех стволов зачищать там нахер всё, что шевелится! — решительно рявкнул Пашкин. — Если еще не нажали кнопку, то стало быть и не успеют. Ну а если уже нажали, так все равно нужно баржу захватывать и из центра города выводить!

Колчин прищурился и спросил:

— Думаешь, нажали?

Инженер Журавлев крючился в углу так, словно пытался завязаться в пресловутый тройной морской узел, прочие, не вслушиваясь в разговоры, готовились каждый к своей работе.

— После нашего появления — вряд ли, — сказал Пашкин. — Это не ваххабитки-смертницы, которым все похер. Захотят уйти, начнут торговаться.

До кормы уже оставалось не больше тридцати метров, когда Колчин принял окончательное решение.

— Слышь, авиация, а ну врежь-ка из всех стволов по камням! — четко и спокойно произнес он в в микрофон.

— Исполняю! — отозвался командир вертолета. Не успел Пашкин глазом моргнуть как машина заложила вираж и по отсеку прошла ритмичная дрожь, сопровождаемая рокочущим грохотом. Из-под ног в сторону баржи потянулись дымные полосы, обозначая направление стрельбы. Каменная насыпь будто взорвалась, причем взрыв никак не заканчивался.

Колчин коротко выругался. Из пушки ГШ-23 при ее темпе стрельбы и калибре вполне реально распилить пополам небольшое каменное строение, но гранит ей оказался не по зубам.

* * *

"Военные вертолеты?" — единственное что успел подумать Джамаль до того, как вершина каменного холма разлетелась мириадами осколков. Две машины, серые и зловещие, появившись непонятно откуда, зависли на отдалении, обстреляли судно из пушек и теперь

приближались, нависая над головой.

Как это произошло — то ли русские сами вышли на след, то ли их успели в последний момент предупредить американцы — теперь уже не имело значения. Вертолеты — это только начало, через десять-пятнадцать минут берега будут обложены так, что не то что мышь, даже водяная змея не проскочит. Уйти, как задумывалось изначально, не получится.

Джамаль не был ни увлеченным мечтами романтиком, ни оптимистом. Он был профессиональным террористом, а человек, избравший такое ремесло, должен знать, что любой план может провалиться. Курд предвидел возможность такого развития, поэтому при всем разочаровании от грядущего провала он оставался относительно спокоен. По крайней мере внешне, потому что в душе Джамали бушевал ад.

Здесь не Беслан, и даже не Норд-Ост, а в его распоряжении не жалкая сотня школьников. К человеку, который может одним движением пальца смести с лица земли Кремль, не смогут не прислушаться. Его условия скорее всего исполнят. В обмен на уход с баржи предоставят любых заложников, транспорт и воздушный коридор. Обязательный по всем канонам миллион курд просить не будет, он не нуждается в деньгах. Хотя с другой стороны, почему бы и нет?..

Джамаль приподнял голову и сразу же нырнул в камни — из-за насыпи в ответ на движение раздалась короткая неприцельная очередь. Верещагин жив!

Для того, чтобы начать торги, нужно держать палец на кнопке. А кнопка находится с противоположной стороны гранитной горы. И чтобы ее пересечь, нужно уничтожить засевшего меж камней Верещагина. Убить русского, который так не вовремя восстал из мертвых и упрямо отказывается вернуться обратно в свой христианский ад.

Вертолеты, разойдясь по сторонам, вновь начали схождение, зажимая баржу в смертельные клещи. Времени оставалось совсем немного.

Отдав по рации несколько коротких распоряжений, Джамаль поднял автомат и, стараясь не стать мишенью для воздушных машин, начал пробираться в обход по направлению к пульта.

* * *

К тому времени, когда маркер снова вышел на связь, указывая местоположение бомбы, в бутылке виски на столе у советника осталась едва ли треть. Впрочем, в хитром устройстве слежения уже не было особой нужды. Ни у кого не оставалось ни малейших сомнений в том, что бомба, похищенная Джамалем, находится на борту речной баржи. И эта посуда сейчас плывет уже напротив Кремля.

С каждым "дринком" на экранах появлялись новые ракурсы, все более информативные. Это сотрудники посольства, получив "рекомендацию" резидента, прибывали к берегу и под видом случайных прохожих начинали "любительские съемки", которые по прямым каналам в режиме реального времени передавались в процессинговый центр АНБ.

Кадры и короткие ролики сменяли друг друга в темпе пулеметной стрельбы.

Длинный корпус речного судна, над которым двумя злыми стрекозами зависли военные вертолеты. Белые машины дорожной полиции включают мигалки и одновременно перекрывают посторонним автомобилям проезд по набережным, отгораживают мосты. На близлежащих улицах с каждой минутой становится все больше полиции, а меж серых курток

начинает мелькать армейский городской камуфляж. Разгоняя прохожих длинными нервическими гудками, вылетают из дворов и стоянок на улицы "Мерседесы", "Бентли", "Рейндж Роверы"...

Неожиданно экран переключился на яркую качественную картинку. В подтверждение того факта, что американское правительство получает последнюю информацию из новостей в нижнем правом углу светился логотип CNN с ярко-красным маркером LIVE и подписью NO COMMENT.

Оператор прошелся вдоль кремлевской стены, показал крупным планом заграждение дорожной полиции. Полицейский и два солдата в бронежилетах, разворачивали транспорт назад, но упрямые русские водители не торопились покинуть опасную зону, так что у набережных на глазах формировалась длинная пробка.

Камера дернулась от громких далеких выстрелов. Полицейские и солдаты, пригнувшись стали разворачиваться на звук. То же самое сделал и оператор. Качество картинки резко упало — камера работала против солнца, и не успела выйти в нужный режим. Однако и в блеклых цветах и чуть размытых контурах отлично просматривалось тяжело груженое судно, на которое, поднимая волну, надвигались боевые машины.

Прямую трансляцию сменила анимированная заставка с надписью Breaking News. Голос ведущего был подчеркнуто-драматичен:

— Мы прерываем вещание для того, чтобы сообщить самую свежую информацию. Напоминаем, что в самом центре Москвы происходят ошеломляющие события. Четверть часа назад на грузовом судне, перевозящем строительный камень неожиданно началась стрельба. По словам многочисленных свидетелей, к судну пристала прогулочная яхта, после чего на палубе начался бой. Через несколько минут к месту событий прилетели два штурмовых вертолета, которые, судя по маркировке, принадлежат подмосковной академии ВВС России. Вертолеты обстреляли судно, и в настоящее время, похоже, собираются высадить на борт десант. Что именно происходит на реке, и кто все эти люди — неизвестно. Однако нашему корреспонденту удалось отчасти пролить свет на эти события. По сведениям, полученным от источника, близкого к правительственным кругам, в оперативный центр московской муниципальной полиции поступило сообщение о перевозке феноменально крупной партии тяжелых наркотиков. Почему российские спецслужбы начали операцию непосредственно у Кремля, остается только догадываться. Так или иначе, мы обо всем узнаем в самое ближайшее время. И снова даем прямое включение! Следите за последними новостями!

Диктор исчез и на экране снова появилась всколоченная вертолетными лопастями поверхность воды с тяжелой тушей судна среди мелких частых бурунов.

На столе у Моргана ожил телефон внутренней связи. Чтобы добраться к нему, советник отставил, едва не уронив, пустеющую бутылку.

На линии был вице-президент. Согласно существующим протоколам час назад он взошел на борт "Air force two"^[80], который поднялся в воздух, и теперь ждал развития событий на высоте тридцати тысяч футов.

— Виктор, какие, fucking, наркотики? Ты там со своим протеже из ЦРУ ничего часом не перепутал?

— А вы хотели, чтобы русские объявили во всеуслышание, что меньше, чем в километре от их "овального кабинета" находится готовый к подрыву атомный заряд? Причем ими же и потерянный!? — рывкнул в ответ советник. Долгое напряженное ожидание и пошло

проклятых скоттов лишило его защитного панциря вежливой офисной дипломатичности.

— Я хочу, чтобы хоть что-то наконец произошло! — рыкнул в ответ вице-президент. Он определенно намеревался сказать что-то еще, но советник положил трубку. В эти минуты он уже не мог слушать окончательно сорвавшегося патрона, который сеял панику и угрозы. Теперь политики уже ничего не могли сделать, судьба всего предприятия находилась в руках людей на барже. Оставалось лишь ждать исхода...

Прямая трансляция продолжалась. Вертолеты, заходя на новый разворот отделились. Чуткие микрофоны ловили над рекой каждый звук, так что Морган хорошо слышал хриплый взвинченный голос, поющий незнакомую тревожную песню.

* * *

Словно семь заветных струн.

Зазвенели в свой черед.

Это птица Гамаюн.

Наде-е-е-жду подает.

Как водится на Руси, да и не только на Руси, подмога пришла с опозданием, к тому же не с той стороны, где ждали. Откуда ни возьмись на реку спикировали две угрюмо-серых верушки непонятной новой модели и зависли в полусотне метров, поводя хищно носами. Не удивлюсь, если через минуту над бортом поднимется рубка подводной лодки. Фули принохиваться, братья, выкидывайте десантёров, тяжело нам тут вдвоем мир спасать!

Но как выяснилось, взгляды на то, как правильно спасать мир, у нас с вновь прибывшими были диаметрально противоположны. Пушки под брюхом у вертолетов заплевали огнем, и в нашу сторону потянулись дымные трассы. Вокруг брызнуло, застучало и засвистело. Ох и ни хрена себе струя...

Хватаю Берковича за затылок, вдавливаю что есть сил поглубже в щель меж камнями. Втискиваюсь и сам — вертолетная артиллерия долбит, что твой отбойный молоток. Каменные осколки стоят стеной, кто под битый гранит попадет, того можно будет смело подавать в ресторане как азу по-татарски. Если клочки одежды из фарша повыковыривать.

Дышать трудно — каменная пыль забивает нос и глотку, лица запорошены серым, но пока нам с Жужиком чудесным образом везет — снаряды прошли стороной. Террористам же, в этот раз, похоже, удача не улыбнулась. В навалившейся звенящей тишине, сквозь аккорды и хрип Высоцкого слышен в нескольких метрах обреченный предсмертный стон.

Ну вот, похоже спасители решились на высадку. Вертолеты расходятся, затем приближаются с двух сторон. Синхронно делают утиный нырок почти что к самой водной поверхности. Сквозь мелькание лопастей и рябь взметнувшихся волн замечаю, как из откинутых люков в воду соскальзывает несколько черных теней. Боевые пловцы — очень ко времени! "Аквалангисты — это хорошо!"

Подтверждая мои опасения, инсургенты с "Волгодона" бежать не спешат. Видать, действительно есть у них приказ об активации системы подрыва в строго определенном месте. Вот только ждать, пока они до этого места доберутся, решительно нельзя.

Выкашливаю из легких пыль, отдираю с оглушительным хрустом "репейник" кармана разгрузки и отдаю Алану зарубежный пистоль "Глок" со всем боезапасом. В бесшумке, от

силы, два-три патрона, а стрелять предстоит еще долго.

— Разберешься?

— У меня был такой... — светится улыбкой Беркович.

Ну и славно, ну и хорошо. Привычный ствол значит многое.

— Прикрывай. — командуя я Жужику, и прижимаясь к теплomu, нагревшемуся за день металлу, крадусь вдоль трюма в сторону кормы. Где-то там скорее всего и находятся основной контингент боевиков. И проклятущая "красная кнопка" тоже должна быть поблизости. До ее нужно добраться любой ценой...

Отчаянный крик:

— Уиктор!

Оборачиваюсь.

На носу судна, поднявшись во весь рост и широко, для устойчивости расставив ноги, стоит темная фигура со вскинутым к плечу "сучком". Как он туда пробрался?! Рывком ухожу в сторону, бросаюсь ничком одновременно разворачиваясь всем корпусом. Но...

Понимаю, что безнадежно опоздал. Враг в устойчивой позиции и уже выцеливает меня. А я в движении, и мой ствол только выходит на линию стрельбы. И места для маневра на узком куске палубы просто нет. Чтобы я не делал, пули, готовые вылететь из ствола, украшенного цилиндрическим набалдашником, успеют раньше. Наверное, что-то подобное чувствовал тот бандос, которого я упокоил ножом в самом начале. Время идет медленно-медленно. Не осознаешь, но при этом понимаешь. А делать что-то — поздно. Падаю, уклоняюсь, перемещаю оружие, но безнадежно опаздываю.

Вот и все...

Оказывается, не всё. Из-за камней, навстречу стрелку выскакивает фигурка, нелепо размахивающая руками. Время срывается с вязкого сонного шага в сумасшедший галоп. Теперь все происходит быстро, очень быстро. Враг хорош, по-настоящему хорош, от смерти меня отделяет пара миллиметров, которые оставалось выжать его пальцу на спуске. Но когда на тебя ни с того, ни с сего как из-под земли выскакивает кто-то вопящий, рефлексy все делают сами. Боевик машинально переносит внимание к ближайшей угрозе.

К Жужику.

Грохочут выстрелы, очередь экономная, но точная. Алана отбрасывает в сторону, он падает на каменное крошево, приняв предназначенные мне пули. Теперь мы с неизвестным врагом меняемся местами — я навел ствол, а противнику надо снова выцелить меня. Стреляю, чувствуя, как АКС отбивает три выстрела в очереди. Гильзы взмывают в дымном воздухе, неярко блестя латунию. Три попадания, больше не нужно. И я не промахиваюсь.

Пресловутые пули со смещенным центром тяжести — сказки диванных "экспертов". Единственное, в чем болтуны правы — пуля от 5,45X39 действительно рикошетная. И вполне может превратить внутренности в мелко рубленый фарш. Так что, если "носорог" не подохнет сразу, дорога в ад у него будет долгой. И мучительной.

Подскакиваю к Берковичу. Чудеса бывают. Многие выживают получив двадцать пуль в один присест. Но только не в незащищенное горло. Глаза Берковича начинают стекленеть. Все, сегодня время чудес закончилось. Осторожно опускаю потяжелевшее тело на посеченную свинцом палубу. На автопилоте выворачиваю из теплой еще руки "Глок" — мертвым оружием без надобности, а мне пригодится. Запихиваю пистолет в разгрузку, дважды промахиваясь мимо кармана.

До меня доходит, что Алан Беркович, нелепый америкашка, прыщавый горе-идеалист с

кучей комплексов, недоделанный псевдо-Джек Райан, убийца Сербина, обожатель кофе без кофеина, опозоривший меня на любовных фронтах — только что совершенно осознанно и намеренно спас меня ценой жизни. Которую после всех сегодняшних событий уже никак не назвать никчемной.

В синем небе, колокольнями проколотом
— медный колокол, медный колокол.
То ль возрадовался, то ли осерчал.
Купола в России кроют чистым золотом.
Чтобы чаще Господь замечал.

* * *

На втором заходе молотили из всех свободных стволов. Грохот внутри отсека стоял страшный. Хорошо хоть из-за открытого бортового люка проточная вентиляция самообразовалась, а то задохнулись бы, как в газенвагене.

Бадма Иванов одним глазом косился в прицел, вторым отслеживал происходящее внизу. И гвоздил с такой скоростью, словно у него в руках не магазинка, а пулемет. Пашкин даже засмотрелся.

Но каким бы не было завлекательным зрелище, работа превыше всего. Где-то под ними, скрытая в толще камня таилась смерть. И хоть ты стреляйся, на глаз было не определить, проснулась она или все еще дремлет.

Пашкин, стараясь не вывалиться из вертолета, заложившего очередной вираж, подшагнул к Журавлеву. Инженер смотрел на него ошалевшими глазами. Будто чувствовал, что тому очень хочется ухватить эту дрожащую сволочь за шкуру и добротным пинком выбросить из вертолета. Чтобы шмякнулся он прямо на разваленный гранит. Наклонился вплотную, обхватил затылок инженера правой рукой, страхуясь левой:

— Так, а теперь в двух словах и без соплей. Как выглядит устройство подрыва и где оно может быть?! Могут из трюма кнопку нажать!?

Журавлев, отворачиваясь от майора, что-то прошептал неразборчиво. Пашкин тут же его встряхнул:

— Ну?!

Инженер, все так же виляя взглядом, доложил срывающимся голосом.

— Кабель очень короткий, я сам отбирал... чтобы никто не смог...

Доклад вынужденно прервался — стрелки, будто намереваясь расплавить стволы автоматов, начали лупить длинными очередями, видать выцелили и прижимали какого-то из пассажиров.

— Взрывник должен обязательно появиться на палубе! — сорвался на фальцет Журавлев, когда Пашкин тряхнул его, как собака пойманную крысу, принуждая к продолжению. — У него при себе будет вытянутая прямоугольная коробка! Около тридцати пяти сантиметров в длину.

Пашкин отстранился от Журавлева, повернулся к Колчину. Майор азартно садил из

автомата по барже.

— Валентин, мне мегафон нужен!

Начальник отмахнулся в сторону:

— Под лавкой глянь, я вроде там видел!

Из-под бокового сиденья он вытащил на свет побитый раструб, через который, судя по облупившейся краске, еще студентов на Тяньаньмэне уговаривали разойтись. Куда штекер воткнуть — тоже нашлось. Майор прокашлялся несколько раз для пробы нажал клавишу "матюгальника" и высунулся наружу.

* * *

Я стою, как перед вечною загадкою.
Пред великою да сказочной страною.
Перед сОлоно да горько-кисло-сладкою,
Голубою, родниковую, ржаною...

Бросаю последний взгляд на тело Берковича. Коротко матерюсь. Есть подозрение, что настала пора идти в теперь уже по-настоящему последнюю атаку. Забиваю новый магазин. Осталось всего три снаряженных, но должно хватить для местного тейпа. Только бы не положили меня за компанию со всеми brave летуны. Им сверху все едино, что вражье племя, что герои-спасители...

Рокот над головой с каждой секундой становится громче. Откидываюсь на спину, облокотившись о леер. Сверху над "Волгодоном" завис один из вертолетов, рокоча лопастями.

Забавно, несколько минут назад я печалился, что помочь некому и вообще пропадать придется в одиночестве. А тут и подмога подоспела, прямо летающая кавалерия из-за холмов. И водолазы уже, наверное, за борта цепляются. Но я все равно не отступлюсь. И всей забавности той — ровно на пару секунд, дальше некогда думать.

— Прекратить огонь! — ревет вдруг с небес стократно усиленный голос. — Говорит майор Пашкин! Джамаль, мы готовы выслушать твои условия! Верещагин, ситуация под контролем! Прекратить огонь! — снова повторяет незримый, но осведомленный майор.

Надо же, у меня есть поклонники... Даже по фамилии знают. Кровь Берковича потихоньку подбирается к моему ботинку. Где вы, сволочи, раньше были...

Однако неведомый Джамаль и его нервные хлопцы, похоже, условия выдвигать не готовы. По выпуклому рыбьему брюху пробегает сноп искр — кто-то из "носорогов" решил проверить вертушку на крепость. Проверил. Не простой вертолет, зуб даю!

В ответ с неба слышится новая порция увещаний, направленная в обе стороны. Но мне эта небесная проповедь глубоко безразлична. Никаких переговоров не будет — это дело теперь мое и только мое.

— В звезду ваш контроль! — в ответ ору я, понимая что в реве лопастей хрен кто меня услышит. — Халупу тебе, майор на воротник! — добавляю, меняя магазин. — Не уйду я с баркаса, и не проси!

Дождавшись, пока от бронированного вертолетного брюха полетят новые бесполезные искры, вскакиваю и, рассыпая по сторонам короткие, на два-три выстрела очереди, ломлюсь на корму.

Майор Папашкин или как там его, наконец, затыкается.

Уронив на палубу еще одного боевика, переваливаю через невысокую гранитную баррикаду. Есть! Прямо передо мной, скорчившись, сидит самый главный ваххабит. Точно самый главный — потому что со злорадной и какой-то странно-умиротворенной ухмылкой тянет из чехла пульт, от которого в сторону трюма змеится черный кабель. Вскидываю АКС к плечу.

Щелчок кажется неестественно громким...

Грязью чавкая жирной да ржавую,
вязнут лошади по стремяна.
Но влекут меня сонной державою,
что раскисла, опухла от сна.

* * *

До заветной кнопки оставались считанные метры, но Джамалю показалось, что они умножились тысячекратно. Вертолеты обстреливали баржу непрерывно, выпуская сотни пуль, каждая из которых могла в один момент закончить и жизнь, и его великое дело. Дождавшись, когда один из его верных бойцов снова начнет палить по летающей машине, привлекая к себе внимание русских, Джамаль одним броском преодолел простреливаемую зону. Коротко выдохнул, оказавшись в относительной безопасности. Достал коробку пульта. На вид — целый. Осталось только подключиться к нужным разъемам...

Сверху от вертолетов донесся хриплый, многократно усиленный голос. Джамаль не ошибся, русские дрогнули и предлагают переговоры. Переговоры — это хорошо. На Востоке ремесло воина неотделимо от ремесла купца. Он потребует такого заложника, который гарантирует полную безопасность ему и людям. Президента они, конечно же, не дадут, а вот премьер-министра, пожалуй, что могут. Возвратившись домой с высокопоставленным пленником, он, Джамаль, диктовавший русским условия под самым Кремлем, станет героем для пятидесятимиллионного народа Курдистана. Героем, которого нация признает своим единственным лидером...

Осталось только набрать код и сесть, навалившись на кнопку, так чтобы никому и в голову не пришло не то что выстрелить — камень в его сторону бросить. И наслаждаться минутами торжества, пить их, словно нектар из рук гурий, что ждут в раю праведных мусульман. Истинно сказано, что дал Аллах преимущество усердствующим своим имуществом и душой пред теми, кто...

Джамаль замечтался на краткую долю мига. Но этого оказалось достаточно, чтобы пропустить появление нового противника. Русский вынырнул из-за большого камня и стоял, сжимая автомат. Джамаль узнал Верещагина. Губы у русского были плотно сжаты, в глазах плясало безумие. Мысли Джамалья стали холодны и неподвижны, словно ледники Джило-Сата в середине зимы. Смерть пришла. От нее не было ни спасения, ни защиты, ни

секундной отсрочки.

Русский чуть шевельнулся, выдавая короткое движение пальца, давящего на спусковой крючок. Джамаль, ожидая выстрела, затаил дыхание, но обостренный слух уловил чуть заметный щелчок. Похоже, что Аллах пока что на его стороне. Побеждает тот, у кого есть оружие.

Тихо-тихо скрипит по коже пистолет Джамали, выбираясь из тесной кобуры. Он не спешит, понимая каким-то шестым чувством, что сейчас им никто не помешает. Никто не вмешается в этот поединок двоих, который заканчивается, еще не успев начаться.

Мысли ползли на удивление медленно и умиротворенно. Джамалю на долгий, все никак не кончающийся миг показалось, будто его коснулось дыхание Аллаха.

А потом русский улыбнулся. И в лицо террориста дохнуло ветром из Джаханнема. Почему-то тоже холодным...

* * *

1.

Пашкин чуть не вывалился из вертолета, когда понял, что видит. Между изрешеченной надстройкой и разворошенным гранитом стоят двое. Крепкий парень в грязной и подраной ветровке с автоматом, и поджарый "кавказец" в камуфляже, прижимающий правой рукой к животу продолговатый предмет, похожий на увеличенную рацию... Кто они точно сказать нельзя — лица одинаково грязны и запорошены каменной пылью. Но это уже неважно, главное — пульт... Стрелять, надо стрелять! Но можно ли? Слишком близко эти двое друг к другу. И к заветному ящичку.

Майор, держась за край люка обернулся к Журавлеву, который уже было понадеялся, что его оставят в покое:

— Если пульт расхерачить, что будет?!

— Пока сигнал на отсчет не подан, то подрыв не произойдет, — проблеял инженер.

— Бадма? — спросил Пашкин, тронув за плечо бурятского снайпера.

Иванов чуть нахмурился, переложил винтовку, осторожно повел стволом.

* * *

Словно семь покатых лун
На пути моем встает.
То мне птица Гамаюн
Надежду подает.

Боевик стоит и скалится. Змей подколотный. И глаза, точно, змеиные. Только что зрачок не поперек. Скалится и пистоль тащит. Понял, сученыш, что патроны у меня кончились. Вот и радуется.

Но делает это он зря. Потому что в момент доставания ствола и изготовки к стрельбе

человек с пистолетом уязвим, как ребенок. И у его противника, особенно, если тот хоть с какой-нибудь подготовкой, есть минимум десятков способов этому помешать. Пока "носорог" тянет пушку из-за спины, я не стою, замерев, как лягушка перед удавом. Нас отделяют какие-то два шага, которые я, пока его рука поднимается на линию выстрела, преодолеваю, сделав короткий нырок.

Люди, которые много стреляют, обычно забывают, что автомат может не только выпускать сколько-то там пуль за секунду, но и делать другие, не менее интересные вещи...

Удар прикладом снизу — прием из комплекса РБ-2, которым в академии задрачивали до автоматизма. Вообще, он должен приходиться в голову, но и по руке пришлось неплохо. Учитывая долгое отсутствие практики — даже очень неплохо, пистолет я вышиб. Коробка детонатора так же валится на палубу. Козел кривит рожу от острой боли, но хорошего бойца видно сразу — не стопорится.

Снова ударяю, теперь в рожу, но промахиваюсь. Тот успевает чуть отклониться — приклад шоркает по уху, мимоходом рассекает шкуру на черепе. Кровища брызгает сразу и обильно, но ясно, что это даже не раны — так, царапки. Сразу же получаю серию ударов по корпусу. Вражина бьет из неудобного положения, без размаха, да еще по бронику, но все равно жестко. Дыхание из меня вышибает, благо тут много не надо. Чувствую, как наваливается мертвящая усталость. В самый неподходящий момент наваливается — вяжет ноги, тянет руки вниз, будто кандалы навесили.

Перехватываю автомат поудобнее, с приклада срывается пара мутно-красных капель. Враг бросает быстрый взгляд в сторону пистолета — не схватить, причем ни ему, ни мне. Скалится и выдергивает из ножен кинжал.

* * *

— Огонь! — скомандовал Пашкин пустым, звенящим голосом. И добавил. — Пока коробка форму не поменяет.

Это старая формула противотанкистов, еще, кажется, с Великой Отечественной — цель долбиться всеми подручными средствами до изменения видимых очертаний. Чтобы с гарантией. Откуда всплыло? Пашкин не помнил. А Бадма не уточнял, наверное, тоже что-то такое слышал или читал. Или просто все понял правильно — и сказанное, и не сказанное. Например, то, что стрелять надо, невзирая — окажется ли на линии огня кто-то из двоих поединщиков, что сошлись внизу.

* * *

В фильмах противники молотят друг друга до опупения, легко поднимаясь после удара в челюсть с ноги. А в жизни все проще — одного пропущенного удара, ежели бьет умелец, обычно хватает, чтобы "поплыть" и проиграть. А особенно если бойцы вооружены. Поэтому будь кругом чуть поспокойнее, мы бы сейчас начали крутить круги друг против друга, делать ложные выпады и заниматься разной хитрой стратегией. Но времени нет — то ли вражине на помощь прибежит подручный, то ли вертолетчики с аквалангистами подсуеются. Поэтому мы бросаемся друг на друга сразу, лоб в лоб. Тут у кого яйца стальные, а у кого

серебрянкой присыпаны...

Бьем друг друга почти одновременно. Он попадает первым. В бок словно ледяной водой плеснули. Или жидким азотом — чем там замораживают все на свете?.. По торсу сразу разбегаются холод и онемение, как чернильная капля в стакане воды. Но и я попадаю, сверху вниз, без всяких изысков. Нос у террориста вместе с нижней губой сносит напрочь, брызги веером и хруст, кажется, по всей барже пошел.

Пытаюсь поднять автомат для нового удара, но правая рука почти не действует. Не могу... Сейчас меня бы и зарезать, как барашка, но и супостату хреново. Ноги у него ощутимо подгибаются, кровь хлещет по роже. Мы вцепляемся друг в друга, и падаем на колени. Кровь горячая, она обжигает, щедро выплескиваясь из моей раны в бок и из разбитой хари противника. Мы бьем друг друга, толкаем, рвем, но силы в руках уже нет, получаются какие-то толчки, как у детей в песочнице. Он тянется к коробке одной рукой, отбиваясь от меня другой.

Падаем. Все вокруг, словно в тумане, мир плывет, а это значит, что кровопотеря мчит к обмороку без остановок. Делаю единственное, что могу — хватаю его за руку, ту, что уже почти коснулась коробки, оставив на ней ярко-красный мазок. А свободной рукой вцепляюсь ему в горло и до боли сжимаю пальцы.

Секунда проходит, вторая... одна за другой, уже без счета.

Это страшное противоборство — изо всех оставшихся сил, на последних каплях крови. Тела не чувствую. Только руки, в которые переливаются все силы, что остались, вся моя жизнь. Враг уже почти коснулся детонатора, но никак не может его схватить, скользя окровавленными пальцами по гладкому боку. И нет больше в мире ничего — только наше смертное рукопожатие, проклятая коробка и взгляд противника — беспросветно-черный, полный лютой ненависти, которая обжигает, будто кислота.

И тут в глубине этого мрака что-то меняется, словно какая-то незримая струна лопнула или льдинка треснула. Тьма в его взгляде блекнет, сереет, подергиваясь могильной бесстрастностью.

И я понимаю, что враг мертв.

Выстрела я не слышу. В том грохоте, что разносится кругом, можно из гаубицы палить — и то никто не заметит. Просто вижу, как пуля попадает в носорожий кадык, вырывая кусок. Эх, вот на четверть минуты бы пораньше... А сейчас то что... Хотя все равно спасибо тебе, стрелок небесный. Теперь надо перевернуться, взять детонатор. Вот он, заветный предмет, только чуть подтянуться да руку вытянуть подальше.

Туман... откуда туман? Стены набережной вздыбливаются с двух сторон, и смыкаются над головой, образуя черный глухой свод. В голове возникает острая пульсирующая боль, которая разом взмывает в неведомые выси, словно в череп ввинтили раскаленный коловорот. И чуть утихает. Теперь просто болит, словно хороший синяк поставили. Похоже, теперь и я свою пулю получил...

Лечу в колодец, обдирая бока об шершавые стены. Колоколом звучит еще несколько выстрелов. В конце тоннеля нестерпимо ярко вспыхивает белое сияние, приближается, и вдруг исчезает. А я проваливаюсь в густую и липкую черноту...

— Детонатор не тронул, — коротко отрапортовал Бадма. — Мало ли.

Пашкин и сам видел результат выстрелов. Бурятский человек Иванов положил пулю точно в основание шеи того, кто упорно пытался сграбастать заветную коробчонку. А затем, все так же бесстрастно подстрелил и второго, который тоже вроде бы дернул рукой туда же, к пульту. И хотя номер два вроде как старался остановить первого, это все равно был правильный выстрел. Сверху все могло казаться совсем не тем, чем являлось на самом деле. Никто не должен тронуть детонатор. А кто хороший, кто злодей — пусть, как говорится, Господь узнает своих^[81].

Оправданные потери, так это называется.

Душу сбитую да стертую ут-р-р-р-р-р-атами.

Душу сбитую перекатами.

Если до крови лоскут истончал.

Залатаю золотыми я заплатами.

Чтобы чаще Господь замечал

22. Сила чисел

Баржа, окруженная плотным кольцом мелких суденышек, увлекаемая сразу двумя буксирами, под конвоем боевых вертолетов зашла под мост и исчезла из поля зрения. После завершения боя прошло не более четверти часа, но на борту уже кипела бурная деятельность. Часть каменной насыпи, заполняющей трюм, была огорожена плотной брезентовой ширмой, вокруг которой суетилось не меньше двух десятков людей в герметичных комбинезонах.

После того как судно со смертельно опасным грузом покинуло центр Москвы, боевые машины прекратили сопровождение. Оператору CNN отлично удался эффектный кадр, где серые винтокрылые хищники уходят широкой дугой в сторону заходящего солнца, с резким набором высоты, скрываясь за футуристической группой небоскребов комплекса "Москва-Сити".

На протяжении недели, прошедшей с того злополучного дня, Морган, пока еще советник президента по вопросам национальной безопасности, пересматривал эту запись ежевечерне. Звук он как правило выключал — трескотня комментатора относительно "успешной операции российских спецслужб, предотвративших транспортировку огромной партии наркотиков" мешала заниматься главным нынешним делом — вдумчивым уничтожением виски самых лучших и дорогих сортов.

Вечернее солнце последний раз мигнуло краешком темно-красного ободка и окончательно скрылось за горизонтом. Короткий вечер жалобно съжился, свернулся и уполз, пропуская перед собой ночь.

Дом Моргана был темен и тих. Он разогнал прислугу, и лишь ветер из незакрытого окна тихонько скользил по пустым коридорам. Будто сама стихия опасалась здесь шуметь. Жизнь теплилась в одной единственной комнате, за крепко запертой дверью и плотно задернутыми шторами. Морган выключил телевизор и сидел в полной темноте, крепко вцепившись руками в подлокотники и плотно прикрыв глаза. Он больше не чувствовал азарта, готовности драться. Вообще ничего не чувствовал, даже страха.

События в Москве, всколыхнув ненадолго прессу, понемногу становились историей. Бой на барже был представлен мировой общественности как "антинаркотическая операция", но российские спецслужбы неофициально проинформировали всех заинтересованных лиц о неудавшемся акте ядерного терроризма.

Получив информацию из Кремля, американский президент, опасаясь негативной реакции русских, в тот же день отменил досрочный созыв Конгресса и отозвал все подготовленные указы, после чего немедленно вызвал к себе советника. С одной стороны, акции Виктора в глазах Ковбоя упали не очень сильно, поскольку именно он предупредил шефа о грядущих неприятностях. С другой же...

Без обычных велеречивости и библейских аллюзий президент четко и недвусмысленно потребовал от Моргана похоронить любые упоминания о бомбе. Ведь если до русских дойдут какие-либо сведения, даже самые обрывочные слухи о том, что заокеанские "союзники в борьбе с мировым терроризмом" были осведомлены насчет готовившегося взрыва... Это обещало международный скандал чудовищных масштабов и, что страшнее всего — падение Предвыборного Рейтинга.

Но главную опасность для Моргана представлял не Плакса, а вице-президент. Эмиссар

"оружейников" знал, что у Виктора на руках остался заполненный бланк президентского указа с распоряжением о нанесении ядерного удара по турецкому Курдистану. Вечером несостоявшегося судного дня он, сойдя с борта самолета, пригласил советника на авиабазу Эндрюс^[82] "прогуляться по летному полю". И с той же безапелляционностью, с какой президент приказал похоронить тайну, вице-президент потребовал пустить в дело зловещую бумагу. Поджечь юг Евразии, нейтрализовать хотя бы на время Россию и, пользуясь коротким периодом всеобщего хаоса и растерянности, все-таки провести задуманный и подготовленный дворцовый переворот...

— Шоу должно продолжаться, Виктор, — сказал вице-президент, и голос его был едок, словно наждак, щедро политый кислотой.

Советник молчал, потому что говорить здесь было не о чем. Его не спрашивали и, тем более, не просили. Моргана ставили перед фактом, отдавая предельно четкий и недвусмысленный приказ.

— Слишком многое вложено в этот план, — очень тихо, почти шепотом продолжил вице-президент. — Поздно сдавать назад. Может не быть взрыва и разрешения президента. Может не быть даже бомбы. Но удар возмездия должен состояться...

И невысказанное, полное мрачной предопределенности "с тобой или без тебя" повисло в воздухе настолько осязаемо, словно было написано огромными буквами на взлетной полосе.

Положение казалось безвыходным. Бланк был номерной, со многими степенями защиты. Его официальная денонсация представляла собой сложную бюрократическую процедуру, а незаконное уничтожение всплыло бы при первой же инвентаризации бланков и обещало в лучшем случае позорную отставку. Впрочем, Моргану так легко не удалось бы отделаться — из-за содержания указа.

При таком обороте событий советник из не очень удачливого, но еще полноценного игрока превращался в разменную пешку. В надежде, что все понемногу войдет в колею, а также, чтобы не мозолить глаза, он испросил короткий отпуск, чтобы "все решить и подготовить". Срок истекал сегодня...

* * *

Тишину разрезал громкий звонок. Этот мобильный номер имелся только в сверхсекретной адресной книге правительства и предназначался для связи с президентской администрацией.

— Хелло, Виктор! — бодрый, несмотря на позднее время, голос, принадлежал одному из доверенных помощников Плаксы, который обычно исполнял самые скользкие и неприятные поручения.

— Привет, хм... Митч! — советник не сразу вспомнил имя звонившего.

— Шеф обеспокоен твоим здоровьем. Мы здесь волнуемся за тебя. Груз ответственности в те дни был слишком велик, не каждый может выдержать такой стресс...

Морган скрипнул зубами. Звонок не самого президента, а мелкой сошки, да еще в столь позднее время, мог обозначать лишь одно. Завтра, по прибытию в Белый Дом, советника ожидает высказанное в очень мягкой форме предложение навестить госсекретаря и написать прошение об отставке. Но игру нужно доиграть до конца...

— Передай шефу, что я в полном порядке, — сказал Виктор. — Пусть он не переживает. Завтра утром я уже буду в своем кабинете. Дел за это время накопилось по горло.

— Нет-нет! — чуть испуганно пискнул холуй. — Шеф считает, что ты должен восстановиться полностью и пройти психологическую реабилитацию. Тебе дана еще неделя полноценного отдыха. А за текучку можешь не беспокоиться, с ней пока неплохо справляется твой заместитель...

Морган отключил телефон, не прощаясь и не слушая финальных слов Митча. Он не был зеленым новичком в коридорах власти и отлично понимал, что означает этот "щедрый подарок". Значит дело не обойдется простым увольнением по собственному желанию. Недельная задержка дана для того, чтобы люди президента могли собрать и оформить все нужные документы, а затем с позором вышвырнуть советника из правительства. Если же при этом обнаружится пропажа злополучного бланка, то не исключено, что будет открыто и уголовное преследование. В любом случае сделают козлом отпущения, сольют, как отработанный и бесполезный материал. И уже не важно, чья рука наносит удар — президента, который решил избавиться от опасного спутника или вице-президента, пылающего жаждой мести.

Оставалась лишь одна призрачная возможность...

Виктор взял телефон и набрал номер, который боялся хранить не то, что в записной книжке или памяти сотового — даже в самой укромной и защищенной банковской ячейке. Только в собственной памяти. Последовательность цифр, не значившаяся ни в одном справочнике, включая закрытые базы данных сильнейших и мощнейших спецслужб. Номер, который Морган знать не мог и не должен был, но все же узнал, в оплату одного очень большого и очень тяжелого долга. Причем долг оказался полностью покрыт знанием этих чисел.

После короткого телефонного разговора советник остался недвижим, один в темном пустом доме, лицом к лицу с мертвым бельмом выключенного телевизора. Виктор ждал решения своей судьбы, которая отныне полностью и бесповоротно находилась в чужих руках.

* * *

Звонок в дверь раздался меньше чем через час.

— Советник Морган! Откройте! — раздался из-за окна смутно знакомый голос.

Виктор торопливо спустился на первый этаж. Суетливо одернул костюм, запоздало поняв, что в горестях и заботах забыл сменить сорочку. Прошел по дорожке, отворил калитку. У входа стоял... глава президентской администрации. Благообразный, седовласый, до невозможности официальный и стильный.

— Вас ждут, — сдержанно, без тени эмоций в голосе сообщил приехавший чиновник. Не попросил, не спросил. Именно проинформировал. Морган нервно плотнул, чувствуя, как сухой ком прокатился по горлу. И шагнул к распахнутой двери черного "Сабербена".

В неформальных структурах, построенных на сложнейших комбинациях происхождения, классового родства и личной выгоды официальные посты и чины решают и определяют многое, но далеко не все. Те, кто пребывают на самом верху, не стремятся к известности и публичности, более того — избегают их всеми силами. Имена подлинных

владык мира неведомы не только обычным гражданам, но зачастую даже главам государств.

Когда Морган понял, что ему больше не на кого рассчитывать, а запас личной удачи исчерпан, он пошел на крайний шаг — вышел напрямую на главу "оружейников" и попросил аудиенции для личного объяснения.

Похоже, что он получил согласие...

* * *

Огонь тихо потрескивал в камине, облизывая алые угли маленькими желтоватыми язычками. Кроме очага, сложенного из нарочито грубых, едва обработанных камней, иных источников света в комнате не было, и фигура человека, который сидел напротив Моргана в простом плетеном кресле терялась среди весело пляшущих теней.

Иногда пламя оживлялось и бросало отсвет на лицо собеседника. Тогда советник видел седую бороду, очень аккуратно, но без изысков подстриженную, столь же седую шевелюру и темные, не по возрасту живые глаза. Человек, сидящий напротив низкого дубового столика походил одновременно и на подбровшего Зигмунда Фрейда со знаменитого фото, и на Санта-Клауса — никакой злобы или недовольства, только спокойная, доброжелательная мудрость. Он был стар, очень стар, но в то же время не казался ветхим. Бренность тела, но не духа.

— Что ж, мальчик мой, расскажи мне все, без утайки, — мягко, без тени недовольства в голосе попросил старик.

Моргана пробрала морозная дрожь, главным образом от того, что советник наконец-то отчетливо понял — насколько силен и умен сидящий перед ним человек. Виктор знал, что будет говорить с патриархом, которому чуждо само понятие "слабость". Всю недолгую дорогу к неприметной вилле, увитой плющом, посаженным задолго до введения Сухого закона, советник Морган собирался с силами, чтобы выдержать самый главный в жизни экзамен. Но прошло буквально пару минут — и Виктор ощутил, как попал под влияние старого безжалостного мудреца.

Человек с аккуратной седой бородой налил себе немного виски в простой бочкообразный стакан из характерной бутылки. "Dalmore 64 Trinitas" — узнал советник, за последнее время поднаторевший в сортах крепкого алкоголя. Этот был если и не самый дорогой в мире, то очень близко к тому. Виктору выпить не предложили, и он счел это ненавязчивой рекомендацией побыстрее перейти к делу.

Словно на исповеди, которые он не посещал со времени поступления в колледж, Виктор поведал все, начиная с самого начала. Это оказалось очень тяжело — рассказывать без прикрас об ошибках, преступлениях, лжи. Однако советник понимал, что лгать и даже просто приукрашивать историю можно где угодно, перед любым слушателем. Но только не здесь и не перед мирным старичком. Поэтому Морган рассказывал очень добросовестно, вспоминая даже самые малые подробности. Как если бы аудитория из одного-единственного человека понятия не имела обо всем случившемся.

Патриарх не мешал ни единым словом и не задавал вопросов, однако всем видом демонстрировал неподдельный интерес. Это выглядело так естественно и живо, что Морган сам не заметил, как повесть о неудавшемся заговоре действительно превратилась в исповедь. Поучительную и назидательную историю о том, как блестящий замысел рухнул,

погребенный лавиной совпадений, случайностей, людских намерений. Развалился, споткнувшись на одном маленьком человеке — этом проклятом "Вересчагене", который оказался, как говорят в боевиках, не в то время и не в том месте...

А затем, совершенно внезапно советник осознал, что — все. Больше рассказывать не о чем.

— Ты же знаешь, гордыня — грех, — с мягким укором вымолвил патриарх. — А за любым грехом неизменно следует воздаяние. Ты был слишком самоуверен, это дорого обошлось всем нам. И, возможно, обойдется еще дороже... Кстати, позволь взглянуть на тот документ?..

Советник, у которого напряженность момента пробудила невероятную прозорливость, сразу понял, о чем речь. Номерной бланк с "приказом" президента США нельзя было доверить даже самому надежному сейфу, и он лежал во внутреннем кармане, закрывая сердце подобно иллюзорной бронеплите. Морган расстегнул верхнюю пуговицу пиджака чуть дрогнувшей рукой, достал заветный лист, сложенный вчетверо и, привстав с кресла, протянул его патриарху. Тот принял бумагу двумя пальцами, едва заметно сморщив нос. Только теперь советник запоздало понял, что от напряжения взмок, как скунс после случки. И без того несвежая сорочка пропиталась потом, скорее всего им же пропах и документ

Запах страха, запах неуверенности. Очень плохо. Но как-то исправлять это было уже поздно.

Все так же, двумя пальцами, старик встряхнул бланк, расправляя его, как сложенный носовой платок и прочитал. Точнее скользнул взглядом, на первый взгляд небрежно и легко. Однако Морган не обманулся — собеседник привык работать с документами, ему было достаточно нескольких мгновений, чтобы ухватить самую суть написанного.

— Грубо, Виктор. Слишком прямолинейно, — сморщился патриарх, впрочем, его слова звучали скорее с укоризной. Так строгий, но не злой отец порицает недостойное деяние почтительного, однако непутевого сына. — Хотя отдадим должное, энергично и решительно...

Он положил бланк на стол, так, что стакан с Dalmore 64 Trinitas оказался на одном краю, а бумага — на другом.

— Чего же ты хочешь? — спросил седой человек. — Прощения?..

Он закончил вопрос на легкой ноте недосказанности, словно предлагая Моргану продолжить или уточнить.

— Помощи, — выдохнул советник. — Вице-президент давит на меня, требуя нанести ядерный удар. Но это гибельный шаг, потому что Кремль уцелел и нужной степени хаоса теперь уже не добиться. Я готов понести наказание за свою... оплошность. Но сейчас нужно избегать бессмысленных, опасных шагов, а спасать положение.

Огонь в камине почти угас, тени скользнули из углов, наливаясь угольной чернотой. Ни единого звука не проникало сквозь окна с прочными толстыми стеклами. Словно весь мир снаружи замер и прекратил вечное движение, терпеливо ожидая слова седого человека.

— Ты знаешь, у меня есть небольшая коллекция, — неожиданно вымолвил патриарх, и Морган вздрогнул от такого резкого перехода. — В ней нет особой системы, просто... скажем так, памятные вещи. В числе прочего там имеется винтовка, из которой был убит Джон.

— Джон?.. — не понял советник, и только после добродушного кивка собеседника понял, о ком тот так по-свойски отозвался. — Та, из которой Освальд...

— О, нет, не та. Настоящая, — старик задумчиво отпил глоток виски и продолжил:

— Иногда я смотрю на нее и думаю о том времени. Эта винтовка напоминает мне о том, что каждому... инструменту... можно и должно найти достойное применение. Будь то оружие или человек, в чьих руках оно оказывается. Главное — понять, когда инструмент становится бесполезен и от него пора избавиться.

Патриарх вздохнул, словно видел скрытое от глаз советника. События давно минувшего прошлого. Людей, которые давно ушли из жизни. Тайны, что никогда не станут достоянием истории.

— Ты виноват, Виктор, — сказал лидер "оружейников", и его спокойный голос ударил, как плеть.

Словно соглашаясь, в камине глухо треснул уголь.

— Гордыня, самоуверенность, опрометчивость... — задумчиво перечислил старик после почти минутной паузы. — Виктор, ты подвел нас. И определенно заслужил воздаяние за свои грехи.

Морган стиснул зубы и остался недвижим, как изваяние. Было очевидно, что сейчас от него ждут не оправданий, но абсолютного внимания.

— Впрочем, — вымолвил патриарх, медленно, словно нехотя. — Твою вину следует разделить пополам... По меньшей мере пополам.

Морган судорожно вдохнул, ожидая продолжения, как погибающий от жажды алчет хоть каплю воды.

— Если подчиненный строптив и необязателен... — старик поднял стакан с виски и глянул на советника сквозь слой благородно-золотистой жидкости, словно оценивая Моргана через волшебную линзу. — В этом виноват его руководитель. Коллега Джон расслабился и забыл, что в отличие от болтунов из Сената в нашем скорбном и многотрудном деле карьерный подъем лишь умножает обязанности и ответственность.

Моргану потребовалась почти секунда, чтобы вспомнить о каком именно Джоне идет речь на этот раз. Ведь советник не называл вице-президента по имени с той достопамятной встречи на поле для гольфа. А старик меж тем продолжал мысль:

— Он должен был самолично контролировать весь процесс, однако переложил свои обязанности на тебя. А затем, словно сделанных ошибок было недостаточно, не сумел добиться от тебя прямых и своевременных ответов. Это плохо, очень плохо. И непрофессионально. Поэтому мы поступим следующим образом...

И вновь пауза растянулась на целую вечность.

— Вице-президент и его пожелания — отныне не твоя забота. Эту партию мы проиграли, теперь нужно выйти из нее с минимальными потерями. Исполняй приказ президента, убери все следы, которые могли бы указать на наше участие. Невзирая на персоны.

Старик посмотрел прямо в глаза Виктора, и Моргану показалось, что он заглянул в две бездонные могилы. Советник уже устал бояться, а сорочка и так вымокла от нервного пота. Поэтому Виктор просто отметил — как данность, как само собой разумеющееся — четкий и предельно ясный акцент собеседника на последней фразе.

— Если справишься... Если сможешь извлечь уроки из всего происшедшего... То за свои грехи ты ответишь не перед царями земными, а перед Всевышним. Когда-нибудь. Если же не справишься... Что ж, я всегда считал, что оступившемуся можно дать один шанс. Но только один.

С этими словами патриарх поставил стакан виски на стол. Случайно ли, намеренно ли, но хрустальный сосуд встал прямо на бланк указа, придавив его словно старинной большой печатью.

— Ступай. У тебя много дел, — прошелестел в подступающей тьме голос седого демона.

— А... как же документ? — Морган отдавал себе отчет, что в этой комнате не бывает ничего случайного, но все же решился задать вопрос. Голос у него был сухой и осипший.

Ответом стал тихий, добродушный смешок.

— Каждое число имеет некую силу, которую цифра или символ для обозначения цифры выражают не только количественно, — произнес патриарх, цитируя кого-то из древних. [\[83\]](#)
— Эти силы заключаются в оккультных связях между отношениями вещей и принципов в природе, выражениями которых они являются. — Старик сделал паузу и добавил. — Ступай, мой мальчик, и ни о чем не беспокойся...

В этот далеко не торжественный миг советник Морган не испытывал ничего, кроме огромного облегчения. Пожалуй, никогда в жизни он не был настолько счастлив. Сравниться с этим божественным ощущением, когда будто сама Смерть прошла мимо, ограничившись дружеским хлопком по плечу, смогло только чувство, которое Виктор испытал неделей позже. В тот день, когда Белый Дом вздрогнул в скрытом от посторонних взглядов, но от этого не менее ужасающем скандале — произошла плановая инвентаризация правительственных бланков, и выяснилось, что номер документа с поддельным и страшным распоряжением числится за вице-президентом...

23. В конце тоннеля

Однажды в годы курсантской юности я, младший сержант Верещагин, будучи дежурным по корпусу, заснул за столом, уронив голову на руки. Проспал больше часа. От неудобной позы резко сократился приток крови к мозгу, и я улетел в какое-то странное состояние, из которого вывел, показавшийся несмолкающим, телефонный звонок. Тогда, начав приходить в себя, я долго не мог понять, кто я и где. Нечто подобное, только в несколько раз сильнее, происходит сейчас.

Сперва появляется какое-то неописуемое словами ощущение, с которым, вероятно, приходят на свет младенцы. "Я — есть". "Я — существую"... Затем пробуждающееся сознание начинает получать сигналы от тела. И сигналы эти очень нехороши. Голова болит тупой застарелой болью, которая протяжно пульсирует по всему черепу. Горло пересохло, руки тяжелы как гири-пудовки, а ноги ломит словно застарелым ревматизмом...

Это ж сколько я вчера выжрал? Перед глазами ползут чередой обрывочные картины с погонями, перестрелками, полетами и рекой, кровью и женщинами. Будто кто диафильмы крутит на потолке. Это кто же из корешей в "Ласточке" подсунул вчера наркоту?

Чтобы разогнать кровь, несколько раз сжимаю и разжимаю пальцы. Голову чуть отпускает. Понемногу шевелятся мысли. Вспоминаю имя. Виктор. Имя моё... Вслед за именем возвращается и способность рассуждать. Мозги хоть с натугой, но все же работают, чем я и пытаюсь воспользоваться, чтобы сообразить: или я сейчас в Русе прихожу в себя после пьянки (не исключено, если с Петрухой вчера технического спирта вмазали), или все, что произошло после Русы, правда, и я действительно умер...

Приоткрываю глаза. Передо мной сплошной стеной стоит густой белый туман. Херовенькая замена обещанному свету в конце тоннеля. Однако, мрачности в мыслях нет. Скорее обреченность и фатализм — ну помер Максим и хрен с ним...

Натужное скрипение мыслей по несмазанным извилинам рассеивает туман. Белая пелена медленно опадает и перед моим взглядом открывается... потолок. Но это не моя русинская конура. Два казенных, кажется даже пыльных плафона, в одном чернеет мушиная мумия. Вряд ли в загробном ведомстве дошли до полного копирования больнично-казарменных интерьеров, а значит слухи о моей смерти преувеличены.

Пытаюсь мыслить логически. Получается через раз. Но, как ни крути выходит, что я, во-первых, жив. А во-вторых, нахожусь где-то в казенном учреждении — больнице или в тюрьме. Ну или в тюремной больнице, что тоже весьма вероятно.

Пробую перевести взгляд с потолка на стену. Легкое движение головы немедленно отзывается стреляющей болью в затылке и шейных позвонках. Чуть-чуть переждав, пробую еще раз.

В общем, если это тюрьма, то какая-то очень западноевропейская. Типа как у гражданина Брейвика^[84]. На стене, выкрашенной в неяркий белый цвет, без привычных наших малярских ляпов и затёков, чернеет внушительный прямоугольник телевизионной панели. Справа от телика — дверь. Не тюремная, без ручки и с глазком, а самая обыкновенная. Над дверью, у самого потолка — жалюзи кондиционера. У противоположной стены установлен высокий стеклянный шкаф и рядом с ним стеклянный же столик на колесах. Оба предмета мебели забиты всяческой медицинской пестротой — банки, коробки, пузырьки... Интересно, вся эта фармакологическая прелесть сугубо для меня, или нас тут

человек десять ждет прихода доброго доктора Менгеле^[85] с никелированным ведерным шприцем?

Отдохнув и собравшись с силами предпринимаю попытку повернуться на правый бок. Боль по телу такая, что я чуть было снова не вырубаюсь. Осмотреться удастся чуть позже.

Палата все-таки одноместная. Кровать установлена посередине. Прямо у кровати какой-то навороченный агрегат с хромированными боками, украшенный россыпью кнопок и индикаторов. Очень похожие шайтан-машины я видел в закрытой правительственной клинике, когда служил в госохране.

Детальный осмотр все же позволяет сделать географическую привязку. Рядом в заграничным медицинским великолепием стоит древний потертый стул с черными полосками от обуви на грязных ножках, кривой надписью "инв. 1256" и поцарапанным сиденьем из шкуры старого дермантина. Выбор невелик — Россия или же Украина, в крайнем случае Беларусь. Открытие придает сил, и я снова пробую повернуться. Удастся!

Так, оказывается от агрегата под мое одеяло тянется внушительный жгут полупрозрачных трубок и разнокалиберных проводов. Мои ворочанья не оставили аппарат безучастным. Все его мониторы, числом три, оживают, выплевывая цифры и бегающие графики. Одна из трубок чуть дергается, и по руке пробегают мурашки. Резко начинает проясняться голова. Видать, умный "робот Вертер", обнаружив, что пациент помирать не собирается, а вовсе даже наоборот, ввел в кровь порцию какой-то полезной гадости. Нанотехнологии, мать их!

Зелье немного просветляет мозги. Теперь я могу разглядеть не замеченные раньше детали. Главной из которых является маленькая камера наблюдения на потолке в углу. На ней загорается крохотный красный огонек, и почти сразу же мои уши улавливают быстро приближающееся цоканье каблучков.

Каблучки стучат все громче, на секунду затихают. Тут же распахивается дверь и на пороге появляется ангел. В смысле не кудрявый толерастический вьюнош с крыльями, а невысокая блондинка в облегающем халатике, с короткой стрижкой и невинно-развратными карими глазами. Подбежав к агрегату, блондинка начинает колотить двумя пальцами по клавиатуре, одновременно обращая ко мне:

— Ну наконец-то очнулись, Виктор Сергеевич! Доктору я уже сообщила, он закончит обход закончит и будет минуток через пять. Как самочувствие? Может, уточку?

Чувствую, что краснею. Значит, точно живой... Насчет "уточка" это она зараза, своевременно мне напомнила. Блин, не могли бабульку какую приставить!? Чтобы увести разговор от неприятной темы, поднимаю основной вопрос философии:

— Где я?

— Ой! Вам же пока говорить нельзя!

Вот уж хрен тебе в алый ротик! Мне говорить не только можно, но и нужно. Но не с тобой пока что, красавица. Пообщаемся позже, когда у меня подвижность органов восстановится. Ведь если я хоть что-то понимаю в колбасных обрезках и порядках, царящих в литературных заведениях, девочке этой мне и температуру мерить нельзя без письменного приказа. Который должен отдать майор или, судя по классу аппаратуры, полковник какой-то медицинской спецслужбы...

Ну что же. В общем и целом, положение прояснилось. Теперь мое будущее можно уверенно предсказывать с прозорливостью товарища Нострадамуса. Сперва немного подлечат, затем будут долго, месяца два, допрашивать. Вытянув все, что знаю, закроют в

психушке. Или же, что более вероятно, спровадят на тот свет. Старые раны, знаете ли. Алкогольное прошлое. Тромб оторвался, и усё. Есть случаи, товарищ генерал армии, когда медицина бессильна...

Мрачные размышления о том, какой же финал все-таки предпочтительнее — галоперидол с аминазином или асфиксия рвотными массами, прерывает мощный топот стада слонopotамов. Ну что же вот и звиздец тебе, Винни Пух. Сейчас будут из тебя Пятачка делать...

Дверь распаивается мощным рывком и в палату врывается классический профессор. Всё у него при себе — недлинная седая борода, круглые очки с устрашающими диоптриями, на шее антикварный стетоскоп. За спиной толпится белошапочная свита численностью до мотострелкового взвода общевойсковой дивизии...

Не проходит и трех минут, как палата превращается в ЦУП во время полета Гагарина. Двое, оттеснив кареглазую медсестру, колдуют у мониторов. "Ассистенты", окружив кровать, словно волки раненого оленя, вполголоса обсуждают длинные распечатки. Несколько убийц в белых халатах, откинув одеяло, с разных сторон бесцеремонно шарят холодными руками по моему телу.

Профессор, захватив единственный в помещении стул инв.1256, сидит посреди палаты с видом Наполеона, принимающего доклады в разгаре Аустерлица. В общем, армия вторжения ведет себя так, будто я не вернулся с того света, а там и остался!

Ну уж нет, пилюлькины хреновы, сейчас я вам Женевскую конвенцию пропишу... Втягиваю воздух в легкие, собираясь в один рык предложить в парламентско-армейских выражениях всей этой коdle или дружно заткнуть хавальники или свалить отсюда в закат над Хиросимой. Но в этот самый момент профессор, оторвавшись от чтения каких-то бумаг, очень дирижерским жестом взмахивает рукой, и вся его свора застывает кто где стоял. Дисциплинка, однако!

В наступившей тишине, разбавленной сдавленным дыханием разгоряченных издевательств над беспомощным пациентом извергов, профессор извлекает из-под белоснежного халата смартфон, и подносит к уху, нажав предварительно кнопку вызова. Дождавшись ответа, неожиданно дребезжащим голосом произносит:

— Товарищ... хм... Первый? Ради бога простите за беспокойство. Но вы же тогда лично распорядились доложить немедленно. Я могу говорить? Есть. Докладываю. Верещагин пришел в сознание. Пять минут назад. Угрозы для жизни нет. Рефлексы в норме. Психоморальное состояние? В течение часа уточним, пока предполагаю, что патологий нет.

Профессор, который, возможно даже и не полковник, а генерал медицинской службы, оборачивается ко мне и вдруг усмехается в бороду:

— Впрочем могу и сейчас сказать. Психоморальное у него покрепше, товарищ... гхм... чем у какого-нибудь Шварценеггера. Эвона как, голубчик, глазами посвёркивает! Обстановку оценивает, и, вероятно только и думает, как бы, придушив по дороге человек десять, поскорее сбежать от нашего гостеприимства.

В своем диагнозе старый хрен прав настолько, что я скребу рукой по матрасу, в безнадежных поисках чего-нибудь увесистого и непривязанного...

— Слушаюсь! — невольно подбирается профессор, завершает разговор и прячет телефон обратно в карман.

Раскрываю рот, чтобы сказать этому Пилюлькину пару ласковых, но не успеваю.

— Говорю сразу, молодой человек, — пресекая все мои поползновения, решительно

заявляет профессор, — можете ни о чем меня не спрашивать. Обсуждать с вами что бы то ни было, и мне, и моим подчи... персоналу, — строжайше запрещено! Так что, придется вам немного потерпеть. Что касается здоровья, то обещаю, жить будете. И, надеюсь, активно и разнообразно!

При этих словах, две симпатичные ассистентки краснеют. Профессор же на смущение личного состава внимания не обращает, и продолжает себе:

— С пулечкой калибрика семь целых шестьдесят две сотых пришлось повозиться. Ударила, пакость такая, прямо в черепно-мозговую коробку. К счастью, мозг не задела. Однако, незадолго до этого у вас, Виктор Сергеевич, похоже было сотрясение. Что в итоге и по совокупности, как понимаете, не могло не вызвать кому...

— Так я в коме был!?!...

— Совершенно верно, Виктор Сергеевич, в ней самой. Status comatosus! И, если бы не моя экспериментальная методика, не имеющая аналогов...

— Сколько дней? — обрываю токующего профессора, придерживающегося правила "сам себя не похвалишь, хрен кто заметит".

— Три с половиной, — и не подумав оскорбляться моей бесцеремонностью, отвечает тот, — только не дней, милостивый государь, а месяцев. Декабрь на дворе...

* * *

К исходу третьего дня с момента пробуждения охреневаю от неподвижности и безделья настолько, что готов на стенку лезть.

Первые сутки, правда было не так уж плохо. Минут через десять после того, как как из палаты убралась "белая стая", вернулась та самая медсестра Ирочка, принесла пульт и, аппетитно приподнявшись на цыпочках, врубила питание телевизора. А затем аккуратно подложила мне под ладонь увесистый пульт. Следующие несколько часов, пока гребаный медицинский агрегат по каким-то ведомым лишь ему соображениям не влил в меня дозу снотворного, я пялился в экран, пролистывая канал за каналом и пытаюсь побольше узнать о том, что произошло после моей отключки.

Для нынешних средств массовой информации события трехмесячной свежести — такая же древняя хрень, как динозавры в Африке или Смутное время в Московии. Иногда, конечно, упоминают, но вскользь и без столь необходимых подробностей. Ныне все внимание широких народных масс, познающих мир через объективы видеокамер, приковано к событиям в одной из бывших советских республик, правительство которой категорически не пожелало осчастливить свой многострадальный народ вступлением не то в НАТО, не то в Таможенный союз, не то в гражданскую ассоциацию "Проститутки против абортот". На фоне столичных волнений и взаимных упреков мало кто вспоминал о короткой перестрелке на реке в центре Москвы.

Однако режимный профессор службу знал круто. К концу второго дня после прихода в себя моя голова прояснилась настолько, что я смог достаточно анализировать информацию. По крупицам собирая короткие упоминания и обрывочные кадры, худо-бедно восстановил картину.

Взрыва не было. Кремль, чтоб ему и его обитателям здоровья и счастья, стоит, как... стоит, в общем. Про бомбу мировая общественность все-таки не узнала. Комментаторы и

ведущие, вещая всякую рождественскую чепуху, лишь изредка вспоминают о "проведенной российскими спецслужбами операции по пресечению наркотрафика". В зависимости от страны и политической ориентации канала, операцию называют или "топорной непрофессиональной деятельностью военных, которые подвергли опасности мирных жителей" или "блестящей оперативной работой, исполненной с изяществом показательного выступления". В случайно отловленных кадрах мелькают вертолеты, баржа, полузатопленный катер с разбитой рубкой и неясные тени, шмыгающие меж камней. Мою фамилию никто не упоминает...

Был бы, конечно, у меня интернет... Но как выяснилось, на этом военно-медицинском объекте отношение ко всемирной сети было примерно такое же, как к блохам и тараканам в родильном доме. Профессор, на осторожную просьбу притаранить хоть самый убогий планшет с мобильным инетом или вайфаем, посмотрел на меня так, будто я в категорической форме потребовал немедленно доставить для извращенно-сексуальных утех его любимую внучку.

Начмед был столь же непреклонен, но хотя бы удостоил ответом.

— Не положено! — сказал он, вздохнув. — Режимное, знаете ли, заведение. У нас здесь только локальная сеть, а выход в эту самую всемирную паутину только через центральный сервер, и чуть ли не по личному распоряжению самого начальника Главного управления.

Ага, рассказывай, старый хрен, про "центральный сервер". Сам, поди, вернувшись к себе в кабинет, тут же кинешься висеть в "Одноклассниках". Просто мурьжить меня приказано в неизвестности...

В третьей и последней попытке я попробовал надавить обаянием на медсестру Ирочку, но с тем же результатом. Нет, результат, однозначно был — в ответ на комплименты, заигрывания и "случайные" поглаживания, попкой она вертела, глазками стреляла, локоны поправляла и одергивала тесный сексуальный халатик. Но помимо разнообразных авансов на перспективу выздоровления (которые по всей вероятности входили здесь в социальный пакет медицинских услуг), никаких иных предпочтений от нее я не получил.

Перелом произошел после обеда четвертого дня, когда я, озверев от телевизионных "ноукомментов" с гей-парадами, скандально-оптимистических российских ток-шоу и бесконечного спорта, тупо смотрел по спутнику первую попавшуюся программу. Америкосы на русскоязычном канале транслировали с Арлингтонского кладбища помпезные похороны. Недавно назначенный вице-президент, какой-то Виктор Морган, человек с фигурой пингвина и замашками итальянского сутенера, нес стандартную пургу про тяжкий недуг, безвременно вырвавший из рядов лучшего сына американского народа, чья безупречная служба на посту директора ЦРУ являлась образцом исполнения долга....

Не успел я подумать о том, насколько политически своевременной, исходя из всего произошедшего, оказалась эта "безвременная" кончина главы пиндосской разведки, как дверь в палату отворилась и на пороге возник человек, которого я, ну никак не предполагал увидеть в качестве первого посетителя. В наброшенном на плечи белом халате и помятой черной морской фуражке. Той самой, моей фуражке, с катера!

За эти три месяца дядя Леша ощутимо посуровел и добрал седины. Его ленинский прищур потяжелел и не вызывал, как раньше, бессознательного доверия. Похоже и моему благодетелю-олигарху пришлось в те дни пережить немало интересных событий, где разбитый пулями катер и расхераченный мотодельтаплан вряд ли возглавляют список самых больших неприятностей...

Короленко подходит к кровати, по дороге прихватив кошачьим движением инвентарный профессорский стул. Осторожно, но крепко пожимает протянутую руку. С подозрением крикнув, садится на антикварную мебель. Снимает фуражку и кладет ее мне на живот:

— Это тебе вместо сока и апельсинов. Вертухаи здесь на входе лютее, чем на Владимирской пересылке. Дачки^[86] даже за "капусту" не пропускают. А раритет — пожалуйста, напялил и проходи...

— Уцелела все-таки, — говорю, ощупывая подарок старого моремана. — Думал, утонула...

— Нашлись добрые люди, — усмехается дядя Леша. — Подобрали, обсушили, тебе велели вернуть. В качестве персонального талисмана.

Да уж, самый что ни на есть талисман. Козырек сломан, в тулье две свежепростреленные дырки...

— Ну, как, понравилось тебе в покойниках? — спрашивает Петрович нарочито-хмуро. На самом же деле он из последних сил скрывает радость.

— Не понравилось! — принимая игру, отвечаю чуть грубовато. — Да тебе-то про эти дела что знать?

— Мне-то как раз известно! — хмыкает Короленко. — Лоханулись мы с этой кредитной картой. Я в банке её засветил, засаду поставил, отловил какого-то частного детектива, которого ЦРУ вслепую наняло через пятые руки. А этого Шерлок Холмса брянские чекисты пасли. Ну в общем, дом взяли штурмом, меня закрыли на своей базе и едва в петлю не спровадили.

— Потому связь и пропала?

— Нет, Витя! — ехидно ухмыляется олигарх. — Это я забухал и на тебя хрен забил...

Дядя Леша, устроившись поудобнее, с черным юмором излагает все свои злоключения тех дней — от засветки кредитной карты Берковича в новозыбковском банке, и до своего чудесного во всех отношениях избавления. Правда, назвать рассказ откровенным никак нельзя. Мой вопрос о том, кто же вычислил оборотней и совершил налет на базу областного управления ФСБ, рассказчик старательно заминает. Упоминания про Ольгу с Милой осторожно обходит.

Информационный голод — не тетка, а мы не дипломаты на официальных переговорах. Решительно отметаю всяческий политес и спрашиваю в лоб:

— Что с нашими? Рассказывай!

— Да все нормально! — дядя Леша останавливает меня открытой ладонью. — Девушек наших из усадьбы в Брянск увезли как свидетелей. Продержали сутки взаперти, но комфортно. Я их оттуда сразу и забрал, как вырвался. Едва добрались до дому, по телевизору начали вашу операцию крутить. Чем дело кончилось, никто не хотел рассказывать. Пришлось самому в Москву ехать, новых знакомых за горло брать.

Да уж, за горло брать дядя Леша всегда умел...

— Ну и что же дальше произошло? — спрашиваю, мертвым хватом вцепившись в фуражку.

— Нам дали допуск к телу Алана. Морг четвертого управления. Парнишка-то, бойцом оказался, ты ведь ему жизнью обязан поболее, чем группе захвата и здешнему профессору...

— Понятное дело, — отвечаю, нахмурившись.

Медицинский агрегат за спиной посетителя тихо пищит. Часть индикаторов, до того

светившихся ровным зеленым цветом, начинают помаргивать желтизной.

— Где парня похоронили? — спрашиваю. — Вырвусь из этого братского каземата, первым делом сходить надо. На могилу, в смысле. Ну и если там какая родня, то все, что смогу...

— Да сделано все, что надо! — машет рукой Короленко. — Американское консульство тело официально опознало, но забирать отказалось. Мол, он нелегально прибыл в Россию, потому страховка не действует. Родственников тоже нет, чтобы оплатить все издержки. Наши по протоколу уже хотели кремировать, но я оплатил все, что нужно — гроб, самолет, похоронные услуги в Америке. Так что похоронили его хоть и без флага на гробе и без салюта, но как положено по их мормонским делам...

Я открываю было рот, чтобы задать следующий по важности вопрос, но Короленко опережает.

— Мила тогда была сама не своя. Понять, конечно же, можно — сперва отец, потом вся эта катавасия. Потом вы с Берковичем улетаете. Мальчишка возвращается в холодильнике, а к тебе не пускают и где держат не говорят. Тут у любого крышу свернет. А Мила почему-то решила, что именно она и виновата в гибели парня.

Индикаторы в агрегате приходят в норму, но на душе остается вязкий и непроглядный мрак. Значит девочка, которую я люблю, решила, что к гибели Алана привели наши дурацкие запутанные отношения...

— Как она сейчас? — спрашиваю на этот раз осторожно, издалека. Потому что больше всего на свете боюсь получить ответ.

— Напросилась тело в Штаты сопровождать. Ей как раз шестнадцать стукнуло. Я в Киеве за сутки выправил визы и паспорта. Улетела.

— Вернулась?

— Нет. Попросилась немного пожить подальше от всех событий... Я ей там домик арендовал, проплатил языковые и компьютерные курсы. Через пару месяцев прошла тестирование. Выявили какие-то особые способности, хотя, думаю, просто все дело в упорстве. Хочет забыться, изнуряет себя тем, что посильно... так что она на осень в этот, как его, Стендфорд^[87] готовится поступать.

Делаю небольшую паузу и задаю, наконец, тот вопрос, который меня больше всего волнует.

— Мне просила что-нибудь передать?

— Нет! — после короткой паузы говорит дядя Леша. — Мы с ней часто по скайпу общаемся. Больше, конечно, не я — Ольга. Про тебя ни слова. Но это все психика. Думаю, со временем все наладится.

Стало быть, не нужен я ей сейчас... Был бы у меня под рукой пузырек со спиртом — жахнул бы не поморщившись. Почуввав мое состояние, агрегат пищит и впрыскивает в вену какую-то дурь. Не спирт, конечно, но действует. Злость и пустота отступают.

— Ты-то как меня нашел, дядя Леша?

— Сперва, конечно, никак, — улыбается Короленко. — Ну а как в должность вступил, то стало, конечно, проще. Только ты вышел из комы, сразу же сообщили.

В ответ на мои удивленно вскинутые брови, он поясняет:

— Я уже полтора месяца как первый заместитель брянского губернатора. Сперва не хотел, но сделали предложение, которое... не отклоняют. К тому же, дали добро на распространение моего холдинга по всему Нечерноземью. Газеты уже обзывают "главным

мясником России"...

Дверь осторожно приоткрывается. В щели просматривается аккуратный носик медсестры Ирочки.

— Извините, но у вас еще две минуты. Больному нужен покой. Профессор, как узнает, что у пациента была повышенная возбужденность, а я не прекратила свидание, мне и так взбучку устроит...

— Видишь тут какие порядки, — разводит Короленко руками, поднимаясь со стула. — Вместе со мной к кому-то на посещение целый генерал армии пробивался. Хочешь верь, хошь не верь — не пустили! Да, кстати, пока время есть, о будущем подумай. Для Украины ты, я так понимаю, официальный покойник. Если вернешься в Русу и начнешь восстанавливаться, будет очень много вопросов касаясь горы трупов, которые ты там оставил. В России тебе готовы дать гражданство. Но на службу в правоохранительные, уж тем более в ФСО, попасть никак не получится. Незаконное пересечение границы, использование чужих документов, пребывание под следствием, служба в структурах иностранного государства... Алексей Иваныч, новый начальник брянского УКГБ, отличный, кстати, мужик, сказал, что тебя с такой биографией, даже чтобы принять на должность вольнонаемного писаря в воркутинский УФСИН, нужно совершить по совокупности должностных нарушений примерно на семь пожизненных. А вот ко мне — хоть сегодня. Можешь для начала помощником, чтобы приглядеться и систему прохавать. А потом по желанию — новые предприятия входят в холдинг, служба безопасности растет на дрожжах. В общем, подумай, Витя! Да, забыл совсем. От Ольки привет...

— Подумаю! — киваю я дяде Леше, и молча лежу, глядя на удаляющуюся спину.

После того как дверь закрывается, осторожно ворочаюсь на бок и мертвым хватом зубов прикусываю подушку.

Думать тут нечего. Не пойду я к нему на службу. Ведь он меня, тут не ходи к ворожке, уже определил к себе в зятя-преемники. Ольга, конечно, жена такая, что обмечтаешься — умная, красивая и в постели ужас как хороша. Но именно это меня и пугает — ведь могу не сдержаться и пойти на поводу у таких сказочных обстоятельств. Но это будет предательством по отношению к Миле и Алану. Не могу я строить свою жизнь на тех бедах, которые причинил, вольно или невольно, многострадальной девчонке. Так что до тех пор, пока мы с ней не встретимся и не поговорим прямо и откровенно, всемогущий заместитель брянского губернатора может на меня не рассчитывать...

* * *

Желтая половинка луны, зацепившись за верхушку разлапистой ели, фонарем светит в окно. Палата на втором этаже, за стеклом густой ельник, который тянется на добрую сотню метров до самого забора. Лунный свет, повторяя очертания оконного проема, падает на пол и там, ответом на мои подспудные желания, в самом центре бледного прямоугольника, в своем анимешном прикиде, с торчащими в стороны косичками стоит Мила. Я протягиваю руку, но она мотает головой, мол, нет, нельзя и молча делает шаг назад. Я настолько извелся, что уже не хочу от нее ничего. Нет, хочу конечно, и всего, но только не сейчас. Неправда, хочу, очень хочу, прямо здесь и сейчас, но понимаю, что это теперь невозможно...

Передо мной не смертельно обиженная молодая женщина, с которой я расстался в доме

Короленко, а девчонка, которая для меня навсегда осталась в Русе. То есть в другом мире и в другой жизни, куда я никогда уже не вернусь.

Но дело не в моих желаниях, перепутавшихся стропами хреново уложенного парашюта. Мне, чтобы хоть как-то строить свою дальнейшую жизнь до боли, до кома в горле, нужно узнать, что же произошло (или не произошло) с нами в тот нелепый вечер. И до тех пор, пока между мной и Милой стоит тень нелепо-геройски погибшего Жужика-Берковича, которому я, как ни крути, обязан жизнью, а девчонка, не исключено, своим превращением в женщину — остается разве что выть на проклятую луну...

Картинка неуловимо, как в крутом заграничном клипе, меняется. Луна вспыхивает нестерпимым белым сиянием обратившись в жаркое летнее солнце.

Мила, в почти незаметном — две веревочки, три клочка алой ткани — купальнике, стоит на берегу какого-то очень южного, очень синего и, судя по ухоженной чистоте песчаного пляжа, явно не нашего моря. Повернувшись ко мне спиной, она смотрит в бинокль на приближающуюся яхту с ослепительно белыми парусами.

Пока я рассматриваю стройную фигурку, паруса у яхты багровеют и принимают цвет купальника. Не удивлюсь, если на борту суденышка обнаружится надпись "Ассоль"...

Девчонка опускает бинокль, словно узнав кого-то, машет яхте рукой. Хищное узконосое судно бросается ей навстречу, на глазах серея, потом чернея. Нос яхты изгибается, паруса разлетаются по бортам, опадают к воде. Над водой, тяжело ворочая крыльями, несется огромный ворон.

Пляжница швыряет на песок свой бинокль и во весь дух несется к зеленеющей невдалеке пальмовой рощице. Рот ее раскрыт, в глазах плещется ужас. Она кричит в непритворном испуге. Ворон догоняет Милу в пару взмахов крыла и, схватив, словно мышь, резко взмывает вверх...

* * *

Через несколько дней страны СНГ, то есть бывшего СССР, открыли ежегодный алкогольно-праздничный марафон: католическое Рождество, Новый год, православное Рождество, Старый Новый год и, наконец, Крещение. Завершение праздников ознаменовалось для меня изменением меры пресечения. Главврач созвал солидный консилиум, по результатам которого признал я был переведен из "больных" в "выздоровливающие". Меня отключили от ненавистного агрегата и перевели из застенков интенсивной терапии в зону общего режима содержания. Профессор лично вручил пластиковую карточку, открывающую доступ в мой "сектор".

Как выяснилось, главное здание комплекса представляло собой огромный квадрат, каждая сторона которого была разделена на две части, образуя восемь автономных секторов. В каждый сектор можно попасть только из внушительного внутреннего двора, укрытого целиком под стеклянный купол и превращенного в зимний сад. Двор, в свою очередь, соединяла с внешней охраняемой территорией сквозная арка, оборудованная, точь-в-точь как въезд в "исправительно-трудовое учреждение", шлюзом из двух глухих массивных ворот, которые не посрамили бы, наверное, и знаменитый Форт-Нокс. Часть персонала жила тут же, на территории в многоквартирных жилых коттеджах, часть прибывала каждое утро на машинах или в автобусе с тонированными стеклами, который возил их на электричку.

На первом этаже сектора располагались диагностические лечебные кабинеты, а также полный общегражданский номенклатурный набор — тренажерный зал, спортивный бассейн и сауна, на втором находились жилые боксы-палаты (единственным обитателем которых был я) и процедурные, а на третьем, последнем, располагались врачи и администрация.

Выдали мне и нормальную человеческую одежду. Здешняя больничная пижама представляла собой камуфляжный комбинезон без знаков различия, тельник, две пары носков — тонкие, на кулмаксе для помещений, толстые, на прималофте для прогулок по территории, и берцы из отлично выделанной, толстой и мягкой воловьей кожи. Головной убор — деталь обмундирования, которая больше всего говорит о статусе и роде занятий хозяина, выдан не был.

Заглянув в ванную, где было большое ростовое зеркало, я остался вполне доволен. Все вещи, вплоть до обуви, оказались точно по мерке.

Однако расконвоирование и переодевание никак не повлияло на разговорчивость моих белохалатных вертухаев. От вопросов по поводу того, в чем я распоряжении нахожусь — все, от санитарки и до профессора — морозились, словно абстинентные наркоманы. Отчаявшись прояснить свою судьбу, я плюнул на рефлексии с самокопаниями и пришел к выводу, что в деле освобождения надеяться на неведомые мне заоблачные силы смысла нет, а единственная возможность отсюда выбраться — это в кратчайшие сроки добиться полного и окончательного выздоровления. Ну, в самом деле, не будут же они держать в этих продвинутых медицинских хорах совершенно здорового человека? Отпустить, конечно, не отпустят, так хоть переведут в другое место, с нормальными следаками и конвоирами, а это уже прогресс.

К счастью, для исполнения моего плана здесь было все, что только могла пожелать душа. Уже недели через две я, преодолевая боль, заметно оправился, набрал пять килограмм мышечной массы и вернул вкус к жизни. Правда не мог без содрогания смотреть на блины от штанги, страусиный бульон и прочую черную икру...

За каких-то полтора месяца, пройдя через ад бесконечных изнурительных процедур и тренировок, я в целом восстановил физическую форму, которую имел, когда служил в Управлении Госохраны. Странные и тревожные сны больше не доставали.

* * *

Я как раз начинал утренний комплекс "жим штанги лежа — велотренажер — плавание вольным стилем" как в зале объявился комендант объекта, полковник Геращенко. Выискав меня среди леса бесчисленных хитроумных снарядов, позволяющих разрабатывать по отдельности чуть не любую из имеющихся у человека шестисот пятидесяти мышц, он оправил китель, зачем-то прокашлялся и, цепляясь за выступающие детали спортивных железок, направился в мою сторону:

— Товарищ... ну, в смысле, Виктор Сергеевич! Прекращайте тренировку, приводите себя в порядок!

— Слушаюсь, пане полковнику! — я по-польски поднес два пальца к виску. В обращении с комендантом, в пику его подчеркнутой официальности, я принял сразу же приняв стиль "хохобандеровца", каким его обычно представляют русские, никогда в жизни не бывавшие на Украине. Ему все равно, а мне приятно...

Герашенко шутку юмора проигнорировал. Нахмурил брежневские брови, сказал:

— Времени вам — тридцать четыре минуты. К одиннадцати ровно спускайтесь в вестибюль и ждите у центрального входа.

— С вещами?

— Без вещей.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять — наконец-то в моей жизни наступают серьезные изменения. Я принял душ и чуть не бегом ринулся наверх в жилой бокс. В назначенное время уже стоял внизу, то и дело поглядывая на стенные часы и, волнуясь, как первоклашка перед первым звонком, переминался с ноги на ногу.

Пару минут спустя в вестибюле появилось два человека — рядом с Герашенко шел невысокий щуплый мужчина неопределенного возраста в идеально начищенных туфлях, сером, неброском, но исключительно хорошо пошитом костюме с озабоченным и несколько подозрительным выражением на лице.

— Здравствуйте, Виктор Сергеевич, — он протянул мне руку, не дожидаясь представления. — Я Сергей Никифорович, референт... лица, которое назначило вам встречу. Сделанная им пауза была вроде бы и не нарочитой, но прозвучала очень красноречиво.

Стараясь не выказать волнения, я протянул руку в ответ.

— Добрый день!

Пожатие у референта поставлено, как голос у оперного певца — в выверенном до миллиметра жесте не ощущалось ни излишнего официоза, ни фамильярности, что выдавало многолетнюю дипломатическую школу.

— Мой... руководитель будет беседовать с вами в саду.

Хмыкнув в ответ нечто неопределенно-согласительное, я обернулся к выходу, где комендант уже заталкивал свою карточку-"вездеход" в приемную щель электронного замка. Раздвижные двери поехали в стороны. Герашенко отодвинулся, освобождая проход.

— Прошу! Виктор, когда освободитесь, возвращайтесь к этим же дверям. Там снаружи есть звонок — нажмете, подождете минут пять, я спущусь и открою...

Заинтригованный всеми этими шманцами по самое небалуйся я, вслед за Сергеем Никифоровичем, принявшим меня у коменданта, словно эстафетную палочку, ступил на выложенную цветной фигурной плиткой дорожку и оказался в тропическом лесу.

По всему периметру здания, там, где стены переходили в прозрачный купол, горели мощные галогенные лампы. Все пространство выше верхушек пальм, а также других, укрытых лианами и незнакомых, но очень южных деревьев, из которых я, сконцентрировав все свои познания в ботанике, опознал, да и то неуверенно, одни лишь магнолии, было залито ярким веселым светом. Щуря глаза, я задрал подбородок и завертел головой, в надежде разглядеть на ветках попугаев и обезьян. Но их там не было — из живности внутри купола обнаружились только откормленные горластые воробьи. Хотя, если бы в тылах розового куста, мимо которого мы как раз проходили, обнаружился концертный рояль цвета слоновой кости, я бы ни капли не удивился.

Помнится, читал когда-то про Данте, которого провожал в ад Вергилий. Интересно, а кто же в таком случае этот референт, ведущий меня в самый настоящий, пусть и искусственный рай? Спина деловито шагающего "антивергилия" уже скрывалась за поворотом, и я поспешил за ним вслед.

Преграждая путь, из-за волосатого пальмового ствола, вальяжно вышел рыжий холеный кот. Увидев нас, он выгнул спину и по-хозяйски сверкнул сытыми зелеными глазами, мол,

ходят тут всякие, а потом орхидеи пропадают. Кот остановился посреди дорожки, сел, задрал заднюю лапу и, помножив нас с Сергеем Никифоровичем на ноль, стал вылизывать гениталии. Мой провожатый осторожно переступил через наглеца. Удержавшись от соблазна слегка пнуть оборзевшего котяру, я повторил его маневр.

После очередного — третьего по счету заворота, дорожка вывела к центру "райского сада" где обнаружился круглый бассейн с листьями кувшинок, мокрой каменной горкой и деловито журчащим ручейком-фонтаном.

От площадки вокруг бассейна куда, похоже, сходились все дорожки удивительного сада, в сторону противоположную от нас шла прямая и широкая аллея. Не говоря ни слова, Сергей Никифорович ловко нырнул в боковой проход и скрылся в лианах.

Собранной, чуть пружинящей походкой, неловко, по-борцовски двигая руками, ко мне подходил невысокий худощавый человек. Невзирая на дорогой гражданский костюм с первого же взгляда у меня не осталось ни малейших сомнений, что перед мной боевой генерал. Лет пятьдесят-шестьдесят пять — фигура спортивная, лицо волевое. У человека, который имеет желание и возможности следить за своим здоровьем, точнее возраст не определить. Ну а боевой — потому что это особой породы люди. Деляга или чиновник с лампасами отличается от настоящего генерала как курица от орла. Тот, кто хоть раз принимал решение, которое обрекает на смерть людей, знает, о чем я...

Протянутую руку я взял осторожно, словно хрупкую вещь. Ладонь у генерала оказалась под стать фигуре, спортивно-твердой и мозолистой.

— Воронов. Андрей Николаевич, — суховато представился генерал. — Можно по имени-отчеству. Простите, что встречу приходится проводить в таком экзотическом месте. Хотел пригласить вас к себе, но врачи вас пока не выпускают, а времени на разъезды у меня просто в обрез, а в этом здании слишком много глаз и ушей...

У меня уже вертелось на языке не меньше сотни вопросов. Но я в ответ лишь кивнул. Этот Андрей Николаевич что сочтет нужным и так расскажет...

Мы медленно двинулись по дорожке, огибая фонтан.

— Я, Виктор Сергеевич, руковожу теми самыми подразделениями, которые вы чуть было не оставили без работы. Да собственно и оставили. Мои люди только и успевали идти по вашему следу, а затем ликвидировали последствия.

Мой собеседник хотел что-то еще сказать, но, видимо ощутив виброзвонок, достал из кармана телефон — простой аппарат далеко не последней модели, но с шифровальным скремблером — и приложил его к уху. Он молча слушал несколько секунд, затем слегка нахмурился.

— Прошу простить, но мой график сдвинулся на десять минут, поэтому о деталях переговорить не удастся. Так что я сразу перехожу к главному. Когда устанавливали вашу персону, подняли архивные документы. В том числе и по ближайшим родственникам. Обнаружили вот это. Думаю, что вам, Виктор Сергеевич, следует ознакомиться.

Воронов извлек из внутреннего кармана прозрачный файл с несколькими исписанными листами и протянул его мне.

Я вытянул из файла два стандартных листа, исписанных убористым круглым почерком. Типичные оперативные рапорта, которые передают своим кураторам секретные сотрудники, завербованные агенты и прочие разнорабочие плаща и кинжала. Вчитался и показалось, что все мои раны с побоями заныли, будто я их получил лишь вчера.

Настоящим докладываю, что 15 февраля 1990 года я провел конспиративную встречу с генералом Верещагиным С. А. по инициативе последнего. Верещагин С.А. проинформировал меня о том, что вчера к нему в кабинет, находящийся в штабе Киевского военного округа, прибыл человек, представившийся как "референт народного депутата, представитель Руха"^[88] Мыкола Ворзун".

Ворзун, подчеркнуто разговаривая на украинском языке, сообщил, что ему известно о том, что Верещагин С.А. курирует перемещение на склады, расположенные в РСФСР специзделий, находящихся на территории УССР и потребовал "проинформировать общественность" путем негласной передачи ему, Ворзуну, копий всех складских ведомостей и товарно-транспортных накладных. Особенно интересовали Ворзуна данные по спецскладу, расположенному в 12 км от стратегического аэродрома Руса.

По мнению Верещагина С.А. Ворзун является завербованным и внедренным через диаспору в круги украинских националистов агентом американских либо британских спецслужб. Особые приметы прилагаются.

Встретив со стороны Верещагина С.А. решительный отказ, в ответ на требование немедленно покинуть кабинет, Ворзун рассмеялся и заявил Верещагину, что в случае, "если он не передумает", то в ближайшее время будет арестован, и "на допросах расскажет все". Кроме того, Ворзун высказывал угрозы в отношении сына Верещагина С. А., Верещагина В.С. В связи с тем, что в штабе округа начали преобладать националистические настроения, а также в связи с особой секретностью своей деятельности, Верещагин С.А. не предал огласке визит Ворзуна и поделился информацией лишь со мной, как с негласным связным ГРУ ГШ.

Я порекомендовал Верещагину С.А. изъять из рабочих сейфов и секретной библиотеки штаба все учетные документы, касающиеся специзделий, выписать командировочное удостоверение для инспекторской поездки в войска, и ближайшую неделю провести в военном городке Новые Белокоровичи^[89], по возможности вместе с сыном.

Верещагин С.А. ответил, что важные документы он давно уже держит не на службе, а в секретном спецхране центрального подчинения, в которое не имеют доступ офицеры штаба округа и УКГБ, а угрозы Ворзуна не считает реальными.

Нестеренко

Настоящим докладываю, что 16 февраля 1990 г. в 22.34 мне прямо на рабочее место позвонил (по всей вероятности из дома) Верещагин С.А. Он проинформировал меня о смерти бывшего первого секретаря ЦК КПУ Щербицкого В.В, и сказал, что за несколько часов до того, как попал в больницу, Щербицкий В.В. ему звонил и сообщил очень важные сведения. Не желая передавать эти сведения по телефону, Верещагин С.А. назначил мне встречу во дворе собственного дома на следующий день в 10.00.

В указанное время я прибыл к месту жительства Верещагина С.А. и прождал его до 10.48. Зная г. Верещагина С.А. как крайне пунктуального человека, я начал проявлять беспокойство и принял решение проверить квартиру. Используя свое официальное прикрытие страхового агента, я начал подниматься по лестнице, время от времени звоня в двери и предлагая страховые услуги.

В 11.17, поднявшись на площадку этажа, где располагается нужная квартира, я встретил двух мужчин, которые выходили из квартиры Верещагина С.А. и запирали дверь своим ключом. Первый был мной однозначно опознан как сотрудник 4 отдела^[90] первого

(разведывательного) управления КГБ УССР, завербованный ЦРУ и проходящий по учету по псевдонимом "Верный". Второй мне не известен, но по ряду признаков (одежда, обувь, прическа, характерные движения, можно предположить, что он является гражданином США или Канады). "Канадец" лет тридцати — тридцати пяти, рост метр восемьдесят пять, телосложение плотное, волосы темно-русые, глаза карие, подбородок массивный, на левой щеке родимое пятно размером 6–7 мм. В руках "Канадец" держал книгу "Библейские чтения для дома" и еще несколько брошюр религиозной литературы, опознанных мной как украиноязычные пособия Адвентистов седьмого дня.^[91]

После ухода "Верного" и "Канадца" я провел маскирующие действия, оформив страховку в соседней квартире, а затем начал звонить в дверь Верецагина С.А. Не дождавшись ответа, я покинул дом и из телефона-автомата у выхода из метро на ул. Октябрьской революции вызвал милицию, представившись соседом, который видел незнакомцев, похожих на квартирных воров.

Вечером того же дня через осведомителя в городском управлении МВД мне стало известно о том, что генерал-майор Верецагин С.А. покончил с собой, застрелившись.

Согласно имеющимся инструкциям, более никаких оперативных мероприятий по Верецагину С.А. я не проводил.

Нестеренко

— Больше ничего нет! — быстро и твердо, предваряя вопросы, сказал Воронов. — Времена были суматошные, структуры центрального подчинения при развале Союза в республиках по-живому кромсали. Следствие никто не проводил, некому просто было. То, что эти рапорта сохранились, уже считайте, что чудо. Одно лишь могу сказать точно, так как специально проверил. Со стороны вашего отца никакой утечки тогда не произошло.

— С-спасибо, товарищ... Андрей Николаевич, — отвечаю я посетителю. В то время как мой мозг, охваченный слепой яростью, словно компьютерный процессор, разогнанных хакерами до запредельной скорости, просчитывает варианты.

Поезд моей жизни грохочет, двигаясь по тоннелю, в конце которого, похоже, забрезжил свет.

Февраль девяностого, четвертый отдел первого управления. Сотрудников там было от силы десятка два, вычислить кто такой этот "Верный" будет сложно, но реально. Со вторым, "канадским пастором" — посложнее. Вряд ли у адвентистов велись какие-то личные дела, а до Ленгли не доберешься... Но зато имеется особая примета — родинка на щеке. С другой стороны, если первого разыщу, то он мне все, что знает — расскажет. И не только про пастора Шлага, а также и про загадочного Ворзуна, и про того, кто их всех направил к отцу.

Ворзуну, судя по описанию, в девяностом был сороковник плюс-минус немного, "Верный" с "Канадцем" еще моложе. Теоретически хоть один из троих должен быть жив и здоров. И если так, то пусть, сука, жалеет о том, что не сдох до встречи со мной...

Очнувшись от мыслей, поднимаю глаза на Воронова. Он смотрит на меня, как преподаватель, наблюдающий на экзамене за студентом, который вытянул очень сложный билет и, перечитывая вопросы размышляет, просить ли ему второй.

— Могу я это оставить? — киваю на копии рапортов.

— К сожалению, нет. Запоминайте.

— Да вроде как уже...

Воронов забирает у меня файл, возвращает его во внутренний карман пиджака.

Обратным движением вновь извлекает смартфон, хмурится, поглядев на экран.

— Простите, но мне действительно нужно ехать.

Генерал делает паузу, словно на ходу принимая очень непростое решение.

— Да. А теперь, собственно, о главном.

Ей-богу, Воронов кажется слегка смущенным. Такое впечатление, что ему очень не хочется о чем-то говорить, но при этом — категорически надо. Странно. Изображаю всяческое внимание, даже шею слегка вытягиваю. И вот высокий чин решается.

— Рано или поздно, Виктор Сергеевич, вы узнаете о том, что на барже вас расстрелял наш...

Пауза.

— Мой снайпер.

Вот это номер! Я и не задумывался, чью пулю поймал — как-то по умолчанию было очевидно, что пустил ее коварный враг, кому же еще? А оно звона как...

— Я не буду извиняться ни за того, кто стрелял, ни за того, кто отдавал приказ, — продолжает Воронов. — Это вопрос не морали, а профессионализма. Главное, капитан, что ты жив. И я этому искренне рад. Честь имею!

Машинально пожимаю протянутую руку. Переваривая произошедшее, наблюдаю за прямой спиной и острыми лопатками, двигающимися под пиджаком в такт быстрым шагам.

— Виктор Сергеевич, Виктор Сергеевич! — сзади меня осторожно дергают за рукав. Оказалось, что вслед за котом ко мне неслышно подкрался Сергей Никифорович. Он держит в руке раскрытую кожаную папку.

— Простите, но есть небольшие формальности. Вот здесь распишитесь, пожалуйста, о неразглашении полученных сведений.

Беру лежащую меж страниц ручку и, тупо следуя за указующим пальцем, почти не вглядываясь в написанное, как делают все люди, далекие от бумаг, ставлю в квадратике свои корявые автографы. Название в шапке бланка "ГУ ЧОН Российской Федерации" мне ничегоровным счетом не говорит.

На входе в родной сектор меня встречает Геращенко. Он сопровождает меня обратно. По дороге я улыбаюсь встречным докторам и медсестрам. Я буду выздоравливать. Старательно и не жалея себя. Чтобы как можно скорее покинуть стены этого заведения и заняться тем, что я умею делать лучше других. Разыскивать, допрашивать и убивать врагов. Только теперь речь идет не об абстрактных "врагах государства"... Как там римляне говорили — "кесарю кесарево". Долги державе я отдал, а если подумать, то и двум державам сразу. Теперь — время заняться личным.

И только скинув "парадно-выходное" камуфлю и переодевшись в повседневный спортивный костюм, понимаю, что визит загадочного Воронова из не менее загадочного ГУ ЧОН никак не прояснил мое ближайшее будущее...

Последним штрихом этого безумно-несудьбоносного дня стала новостная программа "Евро Ньюс". Точнее раздел "культура", где поведали о том, что на последнем аукционе "Сотбис" были выставлены уникальные русские фотопленки конца семидесятых годов прошлого века. А на пленках тех оказались запечатлены шокирующие кадры, сделанные советскими летчиками во время боевых полетов...

В борьбу за обладание раритетом вступили ведущие эротические журналы США и Европы. В конце концов купил их, как я и предсказывал, "Хастлер". За восемьсот, мать твою, тысяч долларов.

Обидно было не за себя. В тогдашнем моем положении спасибо, что хоть сколько-то дали. Откровенно жаль было Сербина. Эх Витя, папаратци ты хренов, пробухал ведь, сидючи на богатстве, не только жизнь свою и жены, но и Милкино счастье. Хватило бы тебе ума свои слайды толкнуть, да свалить из Русы — и никогда бы ты не встретил Берковича. И ничего бы со всеми нами не приключилось...

Но что сделано, того не вернуть. Прошое не имеет сослагательного, бля, наклонения.

24. Золотые заплаты

Четвертый тост был, как водится, за погибших. Пили молча, и не чокаясь. Оглядывая два десятка сидящих за столом офицеров — командный состав батальона "Ворон" — Пашкин размышлял о гримасах судьбы. За без малого четыре месяца в новой должности, он из заштатного аэродромного особиста превратился полноправного и далеко не последнего человека в самом, пожалуй, элитном военном формировании России.

Свалившиеся после сумасшедшей погони за бомбой, словно из рога изобилия, награды и привилегии ошеломили майора. Единовременная "компенсация" за участие в боевых действиях "в условиях повышенного риска" позволила не только осуществить бесхлопотный переезд из Энгельса, но и поменять машину, а также меблировать свой новый апартамент. В качестве ценного подарка майор, как, если верить наградной сопроводилровке, "лицо, чьи действия и решения привели к победному результату", получил ключи от двушки на том самом Кутузовском, конфискованной у проворовавшегося чиновника мэрии. Но главным было не это.

Пашкину вполне хватило бы нехилого денежного довольствия и служебной половины коттеджа в распоряжении. Все равно, в Москве он за все это время побывал от силы раз пять — батальон без работы не оставался и на неделю. А вот звание "Герой Российской Федерации" ошеломило по-настоящему.

Правда, Климов после возвращения из Кремля честно предупредил, что, по телевизору их не покажут, о подвигах не пропишут в газетах, а любое упоминание в интернете будет стерто, скорее всего вместе с автором. В общем, все как обычно: "Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен".

Ну да на всенародную славу Пашкин и не рассчитывал. Вроде бы дважды героям положен и бюст на родине. Две звезды-бюст, пять старушек — рупь. Он хмыкнул, представив, как бы смотрелся помпезный памятник в его псковской деревне с десятью разоренными дворами, семью стариками и пятью алкоголиками. Поди в первую же ночь после митинга всей общиной в скупку лома отволокли, а потом полгода бухали...

В целом же, спасение Кремля и Москвы высокие люди оценили с размахом. Высшую награду страны помимо Пашкина получили Колчин, командир штурмовой группы Васин, командир штурмового отделения Ивашко, снайпер Бадма Иванов и старший боевых пловцов капитан Анишин, который первым ступил на баржу и сумел организовать ее быстрый вывод из центра города. Прочих тоже не обделили — все участники операции получили "Георгия", а те, кто летал в Курдистан, включая и моздокских зенитчиков, стали кавалерами ордена Мужества.

На батальонные мероприятия положено было ходить в парадной форме и со всеми наградами, так что с офицеров, собравшихся за столом, какой-нибудь Илья Глазунов запросто нахалтурил бы эпическое полотно "Генеральный штаб после Парада Победы". А дорогой и незабвенный Леонид Ильич, увидев некоторые иконостасы, мог схлопотать от зависти преждевременный тяжелый инфаркт.

Праздновали "в узком кругу ограниченных людей" по совместительству: 23 февраля, вливание в коллектив боевого пловца Анишина и день рождения батальона. Еще в первые дни, после того как улеглись все хлопоты, Пашкин поймал и ухватил за пуговицу штабного Знайку, то бишь строевика Муравьева, который даже внешне напоминал ученого коротышку

с классических иллюстраций Генриха Валька к "Незнайке на Луне". Майор хотел поподробнее разузнать о местных традициях и легендах:

— Слушай, а почему все-таки "Ворон"?

— Хороший вопрос! — хмыкнул тот, поддернув пальцем очки. — По имеющейся информации название предложил и утвердил первый командир батальона. У товарища, тогда еще подполковника было мало увлечений вне службы. Точнее, всего лишь два — песни Высоцкого, — его коллекция записей и черновики считается самой полной из всех имеющихся, — и Сасаниды.

Перехватив непонимающий взгляд майора, Муравьев, вздохнув, пояснил:

— Сасаниды — это династия шахов, которые три века правили в древней Персии. Зороастрийцы-огнепоклонники.

— А ворон-то здесь при чем? — все еще не понимал Пашкин.

— Священная птица с особыми полномочиями. В зороастрийском календаре у нее даже есть свой год. Ну вот, командир и совместил приятное с полезным. Батальон назвал "Вороном", а гимном сделал песню Высоцкого о вещих птицах. Потому группы и получили такие названия — Сирин, Алконост, Гамаюн...

Слова этой песни после схватки у Кремля намертво въелись Пашкину в мозг. Он перебрал упомянутых пернатых и заметил:

— Ворона в песне нет.

— Нет, — согласился Знайка. — Но фамилия командира — Воронов. В общем, товарищ генерал-лейтенант, ныне начальник Главного управления частей особого назначения, цинично пользуясь служебным положением, воздвиг себе нерукотворный памятник почище штафирки Пушкина...

— Вот, стало быть, откуда год ворона... — протянул майор. А старлей как-то по-детски усмехнулся и, заканчивая ликбез, зачастил. Видать, не первого неопита вводил в курс дела:

— В зороастрийском календаре Год Ворона — год несправедливости, отверженности, гонимости, эпидемий. Человек с проявившимся тотемом Ворона — серьезен, суров, обособлен. Он не любит ни командовать, ни подчиняться и способен стряхнуть с себя любую опеку и любой гнет. Он способен предугадывать события. Высшая харизма Ворона — это харизма пророка. Люди этого года рождения в брак вступают, как правило, очень поздно, или вообще не обзаводятся семьей. И даже в браке они все-таки остаются одиночками внутри. Ворон очень брезглив и чистоплотен. Ворон никогда не живет за чужой счет... Вот так то!

Опрокинув ледяную водку в желудок, Пашкин, загугливший на досуге, что прошлый год как раз и был годом Ворона по календарю этих самых "розоастрийцев", сел и задумался, молча переваривая рассказ и примеривая гороскопную характеристику "Ворона" на себя хорошего. Получалось не очень...

Следующий тост произнес начальник штаба. На сей раз выпили за "золотые заплаты" — как в строгом соответствии с текстом песни, в батальоне называли награды. В смысле, чтобы утрат и перекатов поменьше, заплат побольше, а Господь замечал почаще. Офицеры чокнулись и дружно выпили. Водка была хорошая, закуска достойная, а народ крепкий. За столом царила атмосфера сдержанного веселья.

Климов примкнул к застолью часа через полтора после старта. Вместе с комбатом в банкетный зал зашел тот самый генерал, которого Пашкин в первый день появления в батальоне видел на фотографии в кабинете. Он уже знал, что это и есть легендарный

Воронов.

Помимо знайкиной версии о создании батальона, меж офицерами глухо ходила еще одна, более приземленная легенда. Поговаривали, что подполковник Воронов, бывший сослуживец нынешнего главы государства, во время съемок знаменитого поздравления Ельцина с новым двухтысячным годом, стоял за кадром, наставив на отрекающегося президента всея Руси табельное оружие...

Как оно было на самом деле, никто, конечно же, достоверно не знал, но ни для кого не было секретом, что начальник Главного управления частей особого назначения имел право заходить в президентский кабинет в любое время и без доклада. Однако звездной болезнью Воронов не грешил и был, строго по формулировке в советских характеристиках "скромен в быту". Вот и сейчас он прибыл к застолью в древней, хорошо заношенной афганке, даже без наградных планок.

Климов попытался усадить высокого гостя во главе банкетного стола, изогнутого буквой "П", но Воронов решительно отказался, расположившись по правую руку от командира. Высокие начальники выдали по короткому поздравлению, после чего празднество вернулось в прежнюю колею.

Потом были еще тосты и гитарные аккорды, под которые ревели хриплые офицерские голоса. Впрочем, торжество в пьяный загул не перешло, и к полуночи стало понемногу затихать. Попрощавшись до завтра, Пашкин неспешно шел в свой коттедж, размышляя о том, что если бы батальона Ворон не существовало в природе, то он бы непременно подсказал эту мысль какому-нибудь известному писателю, книги которого читают первые люди страны...

Батальон особого назначения "Ворон" являлся войсковым подразделением, в котором мечтает служить каждый нормальный офицер. Дисциплина здесь поддерживалась крайне жесткая, а жизнь усложнялась повсеместной секретностью. Но это была не унижительная давящая исправительно-трудовых лагерей или дисбата, а твердая, целенаправленная спаянность олимпийской сборной, рассчитывающей только на золотые медали. И непременно их завоевывающей.

"Ворон" был детищем начальника ГУ ЧОН, но уже давно (а в особенности после недавних событий) стал любимой игрушкой Верховного и его ближайшего окружения. Отношение к батальону, исходящее из заоблачных верхов, можно было сформулировать так: "Насколько вы ограничиваетесь в правах, настолько и получаете всяческих льгот. Приносите результат, об остальном можете не беспокоиться".

И за такое отношение все, от комбата Климова и до сержантов службы тылового обеспечения (проще — дворников и уборщиков) платили честным, профессиональным подходом к делу, преданностью и непафосной готовностью исполнить любой приказ.

Пашкин, человек практический и циничный, поймал себя на том, что ощущение принадлежности к этому братству исподволь наполнило его жизнь совершенно иным, глубоким и сильным смыслом.

Из-за забора донесся басовитый лай, перемежаемый обидчивым повизгиванием. Кавказский трофей Ариф за четыре месяца вырос, заматерел и даже пару раз попытался выяснить кто главный в их — его и Пашкина стае. Но майор, предусмотрительно обзаведшийся книгой "Кавказские-азиатские овчарки и другие волкодавы" [\[92\]](#) в ответ на угрожающее рычание и попытку укусить, устроил домашнему любимцу образцово-показательную, методически грамотную трепку, после которой тот окончательно признал его хозяином и безмерно зауважал.

Вот и сейчас Ариф скакнул на грудь, пытаясь дотянуться до лица языком. Горячее тело пса излучало любовь и силу. Пашкин потрепал его меж ушей, прошелся рукой по спине. Кавказец заворчал от удовольствия, стал на лапы и пару раз красноречиво ткнул лбом хозяина в направлении неприкрытой калитки.

Что тут поделаешь, пришлось нацепить поводок и пройтись туда-сюда по недлинной улице. Негоже боевому товарищу весь день томиться в тесном дворе, пока хозяин водку пьянствует и безобразия нарушает...

Они уже, сделав пару кругов, возвращались к коттеджу, когда казенный смартфон Пашкина, вызвав недовольное рычание пса, залился привычной "Ламбадой". На трубе оказался Колчин.

— Знаю, что не разбудил, — ухмыльнулся командир группы. — Но и разбудил бы без зазрения совести. Самому только что сообщили. Завтра выпускают того человека, про которого мы с тобой говорили. Климов и Воронов дали добро.

— Ну и славно. А я тут при чем?

— При всем. Тебе поручено его перехватить и доставить. Так что с утра заказывай разъездную машину, бери с собой Знайку и еще кого сочтешь нужным, и вперед, на мины.

— С-суки вы, товарищи командиры! — обреченно сказал Пашкин. — И методы у вас сучьи!

— Что есть, то есть, — хмыкнул Колчин. — Но тут уж сам знаешь, кто на что учился. Так что к вечеру ждем доклад. С отрицательным результатом можешь даже не возвращаться...

— Я же на завтра на Москву собирался. Только-только с девушкой познакомился, — майор уже ни на что не надеялся, просто по привычке использовал последний шанс. — Студентка филфака, не хвост собачий. В аквапарк собрались. Не приеду — обидится вусмерть...

— Значит не судьба, — злорадно сообщил Колчин. — Знаю я твои аквапарки, если не в сауну, так сразу на хату потащишь. Снимай ПТУ-шниц или буфетчиц, как все приличные люди. Они покладистее.

— Да пошел ты! — сказал Пашкин и отключился. Впрочем, в голосе его не было злобы, приказы не обсуждаются.

Майор закрыл калитку и отстегнул поводок. Ариф солидно затрусил в сторону вип-будки, занимающей чуть ли не четверть маленького двора.

Пашкин потянулся, вдохнул хвойный воздух и затопал вверх по ступенькам. Завтра будет утром. А проблемы принято решать по мере их поступления...

Эпилог. Обходной лист

Наступило воскресенье. Клиника, точнее, доступная для меня ее часть, и без того немногочисленная, опустела настолько, что если бы не дежурная медсестра, что-то писавшая у себя за столиком, и автобус, пропыхтевший за окном сразу же после завтрака, то я бы, наверное, решил, что остался здесь один. Впрочем, после разговора с Вороновым это было даже к лучшему.

О сроках выписки никто даже не заикался, интернет мне так и не включили, оставалось лишь гонять в мыслях по кругу скудную информацию из рапортов "Нестеренко", да фильтровать тонны шлака, переключая телеканалы. Был бы доступ к спиртному, я, скорее всего, снова бы запил. Чтобы хоть как-нибудь отключиться, пришлось действовать от противного — изнурять себя до седьмого пота в спортзале. Именно там меня, незадолго до обеда, и отловил профессор.

— Я раз-другой в месяц остаюсь ответственным. Можно спокойно посидеть с бумагами, просто поговорить. Не желаете ли составить компанию?

Кабинет главврача располагался вне моей "зоны", в конце тихого уютного коридора с ковровой дорожкой и спокойными акварелями на стенах, за тяжелой дверью без надписей и табличек.

Пропустив меня вперед, профессор купеческим жестом распахнул створки белого медицинского шкафа. Перед глазами предстала пестрая батарея бутылок с очень заманчивыми надписями. Я поймал себя на том, что щемящее чувство, прежде возникавшее при виде доступной выпивки, так и не проявилось.

— Что будете пить, молодой человек?

Я молча указал на массивную прямоугольную емкость.

— Текила? Что же, по медицинским показателям вполне приемлемо, — одобрил выбор труженик шприца и скальпеля. — Минимум сивушных масел, антидепрессивный эффект...

Профессор извлек из недр шкафа приземистые пузатые рюмки, ловко нашинковал скальпелем лимон и разлил белесо-мутноватую жидкость. Мы чокнулись и выпили.

Текила ухнула в желудок горячим комком, и мигом там растворилась, словно кружка воды, выплеснутая на раскаленный бархан в каких-нибудь Кара-Кумах. Но вместо привычного посасывания в районе солнечного сплетения, я ощутил лишь желание забить лимонной долькой неприятное послевкусие. Сказались, мать их, несколько месяцев воздержания и здорового образа жизни...

Правда с третьей рюмки меня слегка пробрало. Но не как раньше, до желания продолжать до полной потери даже намека на сознание и здравый рассудок. Хороший алкоголь вызвал потребность немедленно хоть с кем-нибудь поделиться тем, что накопилось внутри.

Я сам не заметил, что уже минут пять как плачусь в жилетку профессору.

— Страны, в которой я родился уже нет и никогда не будет. Та, что есть, меня в бомжи списала! Та, которую я от атомного взрыва спасал, вылечила после расстрела собственным снайпером, на том и забыла! Мне про отца такие подробности выдают, что ни жить спокойно не смогу, ни спать, ни чего другого делать! В конце концов, блин, девушка, которую я люблю, тоже моей никогда не будет! Потому что мальчишка, с которым она мне изменила, принял вместо меня пулю... Мою пулю!

Дав выговориться, профессор вздохнул и по-новой наполнил рюмки

— Я так понимаю, батенька, вы сейчас полностью дезориентированы и не знаете, на что опереться в жизни?

— Типа того, — буркнул я в ответ. Душевный порыв иссяк, и теперь я жалел, что выплеснул на доктора свои мысли и страхи. Улыбается он сочувственно, но ведь получает деньги не только за должность, но и за звание. Так что еще неизвестно на какой стол ляжет отчет о нашем с ним разговоре...

— Ладно вам, Виктор Сергеевич! Это не медицинский допрос, — профессор, махнул рукой, словно прочитав мои мысли. — Ланцетом клянусь, наша сегодняшняя беседа не выйдет за стены этого кабинета. Защиту от прослушки здесь ставили те же специалисты, что оборудовали кабинеты на Старой площади. Я вам вот что хочу сказать... Вы пробовали, как бы поточнее выразиться... Посмотреть на свои проблемы снаружи?

— Это как?

— Ну не: "Меня окружает такой враждебный мир", а: "Мир живет по своим законам, и я его часть".

— И в чем же отличие?

— Всего лишь в том, что в первом случае, батенька, вы будете пытаться обвинять в любых неприятностях кого угодно, кроме себя любимого и замечательного. А во втором, будете искать свое место в мире, преодолевая не выдуманные, а реальные трудности.

— И что вы можете посоветовать?

— Ничего нового, ровным счетом. Вы, судя по всему, придерживаетесь христианских взглядов на жизнь. Христианская догма считает, что человек изначально грешен, и только праведной жизнью он может искупить этот грех. Но существует еще одна занимательная теория, трактующая происходящее с человеком, как результат некоего суммарного балла, кармы. Карма меняется в зависимости от того, какие решения человек принимает и какие он совершает поступки. С этой точки зрения никогда не поздно начать с начала. А ведь у вас для этого сейчас исключительные возможности.

— Подумаю, — хмуро ответил я.

Хорошо профессору теоретизировать. А мне то что он прикажет делать после выписки? Нуль, он знаете ли, разный бывает... Подобно комсомольцам — добровольцам ехать на освоение бескрайних просторов Сибири? Возвращаться в Русу, выбивать местечковых олигархов и, воюя за справедливость, подминать под себя городок? Черной тенью мстителя из бульварных романов годами идти по следу убийц отца? Согласиться на предложение Короленко, и встроиться в "цивилизованное общество нефтяного социализма"? Не мое это все, или сбегу или запью. А что мое? Да вот хрен его знает...

На том душеспасительную беседу мы и закончили. Кофе, сваренный профессором на лабораторной спиртовке, был просто великолепен.

* * *

На следующий день, наспех позавтракав, я отправился в тренажерный зал и таскал железо до тех пор, пока дежурная сестра, опасаясь за мое здоровье, не пригрозила что выгонит, позвав санитаров, если я её не послушаюсь. Я был в душе, когда в дверь жилого бокса постучали. На пороге стоял Геращенко.

— Ну что, Виктор Сергеевич, поздравляю! Главврач вам диагностировал полное выздоровление. Так что подписывайте обходной лист и готовьтесь к выписке. — Он протянул разграфленный бумажный прямоугольник. — Как только все закончите, зайдете ко мне.

Не веря своим ушам, я пробежал глазами по перечню служб, согласие которых требовалось для того, чтобы покинуть эти гостеприимные стены. Старшая медсестра. Начмед. Завхоз. Завскладом личных вещей пациентов...

Справился меньше чем за час. Процедура оказалось совершенно будничной, словно не спаситель мира выходит на волю после почти чудесного воскресения, а терпила в районной больницы бюллетень закрывает. Ну да это ладно, нам фанфары не трэба, лишь бы выпускать не раздумали, только вот что одевать. Меня сюда летом привезли, а сейчас зима на дворе...

Но вопрос экипировки решился на удивление не казенно. Выяснилось, что мне оставлена вся выданная одежда, а помимо нее еще и шапка, зимний бушлат с новыми берцами и носками. Завсклада вернул все, что было на мне во время боя, кроме, конечно, оружия.

Помимо телефонов и левых документов, купленных на границе, там обнаружилась изрядная пачка денег из дядьлешинового транша. Кроме этого от щедрот добрый Пал Осипыч предложил мне еще и "ничейный" тактический рюкзак...

Упаковав немногочисленные пожитки, я втиснул поверху, осторожно свернув, военноморскую фуражку. Присел на дорожку. И с подписанным обходным листом потопал к начальнику по режиму, который должен был выписать пропуск на выход с территории спецобъекта.

Ошарашенный неожиданным избавлением, я даже не думал о том, куда первым делом двинусь, вырвавшись за ворота.

День был будний, но огромное здание будто вымерло. Я шел по коридору, придавливая рифлеными подошвами ковровин. Дойдя до холла, перед тем как шагнуть на лестницу, ведущую на первый этаж, оглядел себя в большое, на пол стены зеркало.

На меня смотрел подтянутый, гладко выбритый парень, у которого на лбу было написано "спецназ", а мускулатура просматривалась даже под верхней одеждой. Ни тени синяков под глазами, да и взгляд, как это в книгах пишут — боевой. В общем, вылитая Рэмба в молодости, только рожа рязанская.

Сволочь, конечно, профессор, вылечил так, что теперь от здоровья не знаешь, куда себя деть — я выглядел так же, как себя и чувствовал.

За время пребывания в особом лечебно-оздоровительном центре с помощью самой современной техники мне провели комплексную диагностику, вычистили и восстановили изрядно побитую печень, промыли почки, удалив малейший намек на камни и поубирали с внутренних стенок сосудов чреватые инфарктом холестеринные бляшки, которых у меня, оказывается, накопилось немало. Здоровье, конечно, купить нельзя, но зато можно получить в награду по распоряжению первых лиц серьезного государства...

Я вдруг вспомнил день, когда хоронил Сербина и познакомился с Милкой. В голове сменяющимися слайдами защелкали картинки, которые я прятал глубоко внутри.

Щелк — связанная Милка в ванной, а я голяком дерусь с налетчиком.

Щелк — в Киеве ко мне подходит прикинутая хардкорщица.

Щелк — они с Берковичем встречаются меня в квартире и одинаково прячут глаза.

Последним кадром был взгляд девчонки, которым она провожала меня в Новозыбкове

после ночи, проведенной с Ольгой...

Пока я унижаю себя ностальгией, два последних пролета лестницы остаются за спиной. Теперь пересечь почему-то неосвещенный вестибюль, сдать на КПП пропуск и обходной лист, и шагнуть в автоматические двери, навстречу новой и пока непонятной жизни...

Но дойти до конца вестибюля я не успел. От стеклянной дежурки отклеился незнакомый офицер примерно моих лет, роста и телосложения. Я мгновенно напрягся и чуть заметно тряхнул головой. Наваждение рассеялось. Парень на самом деле моложе, чем кажется, куртка на нем форменная армейская, с полевыми капитанскими погонами. На непривычной, в виде каплевидного щита нарукавной нашивке, российский двуглавый орел, сжимающий в лапах меч вместо скипетра и державы. В левой руке капитан неизвестного рода войск держит берет неразличимого в полумраке цвета.

Приблизившись, военный изобразил нечто вроде кивка.

— Товарищ капитан?

Ага. Капитан, мля. Дальнего плавания...

Я неопределенно кивнул.

— Вы не могли бы уделить нам пять минут?

"Не могли бы"... "нам"... вежливые, мать твою. Но не крутят ласты и не тянут в машину — это уже хорошо. А вообще-то интересно. Похоже, что покинув госпиталь, я попал под чью-то еще юрисдикцию. Так что хождения по мукам, кабинетам, присутствиям и комнатам, у которых замки снаружи, только начинаются...

Во дворе, рядом с дорогим черным микроавтобусом, меня ждали двое. Первый — штабной старлей в очках и с умно-серьезной мордой. Второй — невысокий простоватый майор с круглым лицом и выражением глаз прожженного блюда. Ишь ты, целая свита.

Майор сделал шаг навстречу, протянул руку:

— Здравия желаю, Виктор Сергеевич. Есть у меня до вас один важный и не терпящий отлагательства разговор. Пашкин — моя фамилия.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

На Ту-95 нет прямого доступа из кабины пилотов в бомбоотсек.

Пятидесятипроцентный раствор воды и спирта, что используется в авиационных системах охлаждения

Согласно авторскому допущению по "Московскому договору" 1963 г. между США, СССР и Великобританией была оговорена квота на три воздушных ядерных взрыва в год при ограничении мощности, места и высоты подрыва.

Министерство среднего машиностроения. В числе прочего, обеспечивало разработку и производство ядерных боезарядов.

Джонни Доу — на американском правоохранительном сленге так называют неопознанный труп мужчины

Цитата из сериала "Дикие пальмы", где знаменитая актриса, заскочив в бутик, попросила разрешения воспользоваться туалетом

"Міцне" от пивоваренной компании "Славутич". Отличается выдержанной в черном цвете этикеткой, высокой крепостью и относительной дешевизной. Дабы не быть обвиненным в рекламе автор предупреждает — на его взгляд, гадость редкая...

Фамилиями американских президентов в первой половине 20 века было модно называть детей у чернокожих. Квартерон — человек имеющий на четверть африканскую кровь. Использование термина характерно для "расистского юга".

Юридический факультет Гарвардского университета является наиболее престижной и элитной школой юриспруденции в США.

Hole-in-one — в гольфе попадание в лунку с первого удара. Вероятность у "среднего" игрока оценивается как 1 к 46 000. Часто на соревнованиях за хоул-ин-уан устанавливают специальные (и немаленькие) призы

Согласно ветхозаветной Книге пророка Даниила — слова, начертанные на стене таинственной рукой во время пира вавилонского царя Валтасара незадолго до падения Вавилона от рук Кира. Поскольку в Книге пророка Даниила фигурируют две версии таинственных писем (первая — та, которую Даниил читает, вторая — та, которую он же толкует), то в мировой литературе они встречаются и цитируются на равных. Призыв осмотреться и задуматься. Используется как характеристика человека с неоправданно высоким самомнением, которая обычно выражается в словах (распространенная версия русского перевода библейских слов): *«исчислен, взвешен и найден очень легким»*.

Bullet(англ.) — пуля

Вдова Клико — всемирно известная французская компания — производитель шампанских вин

Часть поля для гольфа между ти и грином, где трава имеет среднюю длину

Паттер — клюшка, предназначенная для завершающего удара

Гринкипер — служитель, ухаживающий за газоном, раф — участок с высокой травой

В гольфе — проплешина на дёрне, выбитая клюшкой при ударе

Наименование по классификации НАТО стратегического бомбардировщика ТУ-160

Герб Китайской Народной Республики.

Промедление опасно (лат.), из "Истории" Тита Ливия.

ДСП — уровень доступа к документам "для служебного пользования"

Мойка — сленговое название опасной бритвы

Один из старейших церковных хоров мира. Пользуется огромной популярностью и часто "озвучивает" официальные мероприятия в США. Название получил по имени мормонского молитвенного дома Табернакль в штате Юта, где он базируется.

А где банда убийц, что хвастливо клялась,
Будто пламя войны, духом павших смятенье,
Разобщенной толпой снова сделают нас? -
Дали кровью ответ за свои преступления.
(Перевод Максима Наймиллера, 2010 г.)

Популярная компьютерная игра по произведениям Тома Кленси

ДВКР — Департамент военной контрразведки

В поселке "Десна" расположен учебный центр Сухопутных войск Вооруженных сил Украины (В/Ч А 0665), его выпускники не отличаются особой подготовкой

Здесь необходимо пояснить, что речь идет не о трубе из чугуна в прямом смысле. На сленге военных и спецов прикладного боя все металлические предметы для махания в драке делятся на две категории: "люминиевые" и "чугунные". Никаких стальных, железных, титановых и "из нержавейки" не существует. Этот сленг исходит к старому, еще советскому армейскому анекдоту "Все будут грузить люминий, а ты, тиллигент, будешь грузить чугуний (за формулировку спасибо писателю Виктору Гвору)

246 статья УК Украины "Незаконная порубка леса".

Авиация дальнего действия

Описанное не является авторским вымыслом, и такое случилось, "информация из первых рук". Не нужно видеть здесь клевету на доблестную советскую авиацию. Люди есть люди, а военные всегда развлекались от души, летчики не были исключением

"Шипучка" — на сленге специалистов по ядерному оружию — ядерный заряд, по каким-то причинам взорвавшийся с невысокой мощностью, на порядки ниже расчетной. Характеризуется невысокой степенью поражения, но повышенной радиационной "загрязненностью" места взрыва.

В Киеве на улице Банковой расположено здание Администрации Президента Украины, на Пенсильвания-авеню в Вашингтоне находится Белый дом

Технико-эксплуатационная часть — занимается обслуживанием и текущим ремонтом самолетов

Экспедиция — в крупных государственных учреждениях отдельная служба, занимающаяся обработкой корреспонденции. Выносятся за пропускной пункт, так что "зная систему" можно подать официальный документ с гарантией, что он будет зарегистрирован и получит законный ход. На улице Богомольца в Киеве находится резиденция Министра Внутренних дел. На Владимирской — центральное здание СБУ

Эдгар По "Эльдорадо"(1849), перевод В.Васильева

Situation Normal All Fucked Up — Ситуация нормальная, всё накрылось. Жаргонное обозначение провала операции, аналогично нашему: "Все в порядке, падаю!"

"Кузькина мать" — прозвище самой мощной в мире водородной бомбы (56 мегатонн), которую взорвали на Новой Земле в 1961 г. Такому названию обязана фразе Н.С. Хрущева, которую он произнес в разговоре с Ричардом Никсоном в 1959 г. В нашем распоряжении имеются средства, которые будут иметь для вас тяжёлые последствия. Мы вам покажем кузькину мать!

МОН-100 — Советская противопехотная осколочная управляемая мина направленного поражения

Думаю, все поняли, какого производителя предпочитает В.С. Верещагин. Но, денег за рекламу не платили, так что, пусть буржуины остаются безмянными. Хоть и ножи у них хорошие.

КиУР — Киевский укрепрайон, комплекс оборонительных сооружений в Киевской области, сооруженный в период с 1929 по 1941 год.

Зеленая Брама — лесной массив в Кировоградской области Украины. Место ожесточённых боёв в августе 1941 года

СРС — Службно-розыскная собака

Что ты делаешь, Айвен? (англ.)

"Фиалка" — армейское шутовое прозвище ассенизационных машин

Афганский традиционный головной убор, который носят пуштуны, нуристанцы и таджики. Двухуровневый шерстяной берет, с краями, закатанными в обруч.

Оригинальный текст из настоящей брошюры

После гибели президента Джона Кеннеди в 1963 году еще пять членов семейства в разное время ушли из жизни до срока — убийство, катастрофа, передозировка кокаина, несчастный случай, самоубийство.

Коран 31-18

Бронежилет класса защиты 6А (по ГОСТ Р 51136-98, ГОСТ Р 51112-97, ГОСТ Р 50941-96)

ММГ — мотоманевренная группа ПВ ФСБ РФ. Предназначена для качественного усиления на вероятных участках прорыва государственной границы. В штатное расписание входит, в том числе, и колесная бронетехника.

Виктор Ильич Толмачёв — советский и российский авиаконструктор. Являлся главным конструктором — руководителем проекта Ан-124 "Руслан" и Ан-225 "Мрія"

Это не детская порнография, а образ русалок из "Кобзаря" Тараса Шевченко:

Аж гульк — з Дніпра повиринали

Малії діти, сміючись.

"Ходімо гріться! — закричали. -

Зійшло вже сонце!" (Голі скрізь

З осоки коси, бо дівчата)

ДРЛО — самолёт дальнего радиолокационного обнаружения и управления А-50 (ещё известен как "русский АВАКС")

Жаргонное название Ордена Мужества.

Реактивный пехотный огнемет РПО-А

Харам — грех, запрет в исламе, в том числе на свинину. Халяль — то, что разрешает ислам.

Впервые выражение прозвучало в советском фильме "Талант" 1977 года, где упоминается полуграмотный "изобретатель", который обозвал своё детище "свинтопрульным аппаратом", мотивируя тем, что "дык он же с винтом прёт!"

Д. Сэлинджер "Над пропастью во ржи"

Региональный отряд специального назначения

Defense Threat Reduction Agency — агентство по сокращению военной угрозы в составе МО США, осуществляет контроль за сокращением стратегических вооружений

Офицер действующего резерва

Британская секретная разведывательная служба

National Security Operations Center — оперативный центр национальной безопасности — засекреченное структурное подразделение Агентства национальной безопасности. Обеспечивает обработку всей разведывательной информации, получаемой при помощи технических средств. Национальный институт криптографии готовит специалистов для АНБ.

Роман Тома Клэнси, в котором рассказывается о ядерном теракте в Балтиморе, в результате которого едва не началась Третья мировая война. Экранизирован. В русском переводе больше известен под названием "Сумма страхов"

Ветвь протестантизма, отличающаяся крайним консерватизмом и очень строгими устоями.

Качалов, знаменитый русский актер, прославившийся умением очень долго удерживать напряженным молчанием зал, откуда и появилась крылатая фраза "качаловская пауза"

"Красная зона" — колонии, в которых отбывают срок бывшие сотрудники госструктур и правоохранительных органов. ПЖ — пожизненное заключение

Статья 276 Уголовного кодекса РФ — шпионаж. Статья 205 — терроризм

Тринитротолуол, ВВ, более известен как тротил

Если на то воля Аллаха — обычное дополнение к фразе у правоверных мусульман, когда речь идет о каких-то будущих делах.

СКС — Самозарядный карабин Симонова

Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков

Один из сквозных героев цикла романов А.Бушкова про "Пиранью", морского спецназовца Мазура

Высокоточная снайперская винтовка производства российской фирмы "ОРСИС"

Габриэль Суарес — практик и теоретик стрелкового дела, автор нескольких книг.
Карлос Норман Хэчкок II — один из самых известных снайперов в истории ВС США

На самом деле у песни несколько названий. Сам автор объявлял ее на концертах и как "Купола" и как "Купола российские". В первый сборник поэзии Высоцкого "Нерв", который в 1981 составил Роберт Рождественский, баллада должна была войти под названием "Песня о России" но, по словам составителя, цензура потребовала изменить на "Песню о петровской Руси". Еще встречалась под названием "Птицы вещи". Должна была прозвучать в кинокартине "Как царь Пётр арапа женил", но была "зарублена" художественным советом

"Стрела-2М" — по классификации НАТО SA-7 Grail. Переносной зенитно-ракетный комплекс, принят на вооружение ВС СССР в 1970 году

ПМН-4 — мина противопехотная фугасная нажимного действия. Принята на вооружение ВС СССР в 1990 году

Air Force Two — позывной любого самолета, на котором находится вице-президент США. Чаще всего так называют военный VIP-самолет Boeing C-32

Фраза "Убивайте всех, Господь узнает своих" приписывается папскому легату Альбигойского крестового похода 1209 г. Согласно преданию, так он ответил на вопрос: "Как отличить еретиков от добрых христиан?"

Объединённая база Эндрюс Морской Авиации США в 24 км на юго-восток от центра Вашингтона. На авиабазе базируется самолет президента США, ее часто используют для встречи иностранных делегаций. Также отсюда вылетают множество правительственных самолетов

Патриарх цитирует отрывок из "Оккультной философии", трактата Генриха Корнелия Агриппы Неттесгеймского, крупнейшего теоретика оккультизма (1533 г.)

Андерс Беринг Брейвик — норвежский террорист, организатор и исполнитель терактов, в результате которых погибли 77 человек и 151 получили ранения. Приговорён к 21 году тюремного заключения с возможностью продления срока на 5 лет неограниченное число раз

Йозеф Менгеле — немецкий врач, проводивший медицинские опыты на узниках концлагеря Освенцим во время Второй мировой войны

Дачка — на тюремном жаргоне передача

Leland Stanford Junior University, Университет им. Леланда Стэнфорда (младшего) — университет в Калифорнии, расположенный в сердце Кремниевой долины — мирового центра компьютерных технологий. Среди выпускников — ведущие IT-специалисты, такие как Сергей Брин, основатель и руководитель Google

Народный Рух Украины — националистическое общественное движение, затем политическая партия, сыгравшая значительную роль в политической жизни Украины конца 80-х, начала 90-х гг.

В военном городке "Новые Белокоровичи" дислоцировался полк 50 ракетной дивизии РВСН и находились пусковые установки баллистических ракет SS-20

Информационно-аналитический, активные мероприятия

По ряду данных церковь Адвентистов седьмого дня в начале 90х гг. была главным прикрытием агентурной сети ЦРУ на территории СССР.

Автор Валерий Борисович Высоцкий, киевский эксперт-кинолог. Книга, вышедшая в 2003 г. является лучшим на сегодня пособием по дрессировке волкодавов